

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ 2017

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. А.Н. КОСЫГИНА

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

ЭТНИЧЕСКИЕ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ,
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МОСКВА
2017

Федеральное агентство научных организаций России
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
Институт славянской культуры
Российского государственного университета
им. А.Н. Косыгина

Славянский мир в третьем тысячелетии

ЭТНИЧЕСКИЕ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ,
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Москва 2017

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В., президент Славянского фонда РФ

Данченко С.И., доктор исторических наук, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

Дель Гаудио С., Associated professor, Dr., член итальянской ассоциации славистов (AIS), Италия; PhD, доцент Института филологии Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко

Затека О.А., кандидат философских наук, зав. кафедрой славяноведения и истории культуры Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина

Китанова М., PhD, профессор, зав. секции этнолингвистики Института болгарского языка БАН, председатель комитета славистов Болгарии

Конёнкова А.К., кандидат культурологии, профессор, зав. кафедрой общего и славянского искусствознания Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина

Корина Н., PhD, профессор Университета Константина Философа в Нитре, Словакия, преподаватель Венского университета (Австрия)

Никифоров К.В., доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН, профессор МГУ

Пазио-Влазловска Д., PhD, зам. директора Института славистики ПАН, Польша

Узенёва Е.С., кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора – научный секретарь Института славяноведения РАН, профессор, зав. кафедрой общей и славянской филологии Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина (отв. редактор)

Хаванова О.В., доктор исторических наук, зам. директора Института славяноведения РАН, рук. Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время, профессор РАН

Челелевская Т.И., кандидат филологических наук, доцент, ст.н.с. Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН, профессор кафедры общей и славянской филологии Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина

Ответственный секретарь издания:

Леонтьева А.А., м.н.с. Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Е.С. Узенёва. — М.: ИСл РАН, 2017. — 518 с.

Двенадцатый выпуск ежегодника «Славянский мир в третьем тысячелетии» посвящен изучению этнических, конфессиональных, социокультурных компонентов идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней. В сборнике также рассматривается широкий спектр проблем славянского языкознания, этнолингвистики и фольклора.

ISSN 2412-6446

Key title: Slavânskij mir v tret'em tysâčeletii

© Институт славяноведения РАН, 2017

© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

- ЛАБЫНЦЕВ Ю.А., ЩАВИНСКАЯ Л.Л.* Е.И. Фесенко – один из крупнейших издателей народной православной печатной продукции XIX–XX вв. 11
- КОЛИН А.И., СТЫКАЛИН А.С.* Из истории русско-румынских научных связей. Письма Ш. Чёбану А.И. Яцимирскому (1910–1911) 20
- ДАНЧЕНКО С.И.* К 50-летию юбилею научного издания – публикации документов и материалов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. I–III. М., 1961–1967) 31
- БУДАГОВА Л.Н.* Незабываемое. Несколько штрихов к жизни и творчеству Георгия Дмитриевича Гачева 50

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН

- МЕЛЬНИКОВ Г.П.* Первые князья из рода Пршемысловцев в «Чешской хронике» Вацлава Гаека: создание исторической фикции и ее цели 59
- ПОЖИДАЕВА Г.А.* Духовная связь с Афоном в церковно-певческом искусстве Киевской и Московской Руси (XI–XVI вв.) 77

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ

- СТЕПАНОВ Д.Ю.* Особенности формирования идентичности в восточнославянских обществах в конце Средних веков – Раннего Нового времени (по материалам московской книжности конца XVI – первой трети XVII вв. и Баркулабовской летописи) 89
- ШЕВЧЕНКО К.В.* «Хитер наш полешук!» Русская пресса белорусского Полесья в составе межвоенной Польши как индикатор этнической идентичности 101
- ЦЫБЕНКО О.В.* Крах социокультурной идентичности польского крестьянина под влиянием общественных перемен в послевоенной Польше (по роману Ю. Кавальца «Танцующий ястреб») 114
- СТЫКАЛИН А.С.* Некоторые вопросы национальной идентичности советских молдаван в 1960-е годы 123
- РУДНЕВА И.В.* Использование кириллического письма в Вуковаре как форма сохранения национальной идентичности 137

ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

<i>Луховицкий Л.В.</i> Народы Балкан глазами греческого священника из Серр в первой половине XVII в.	147
Блудилина Н.Д. К истории взаимоотношений властей и народов России и Черногории. По переписке Петра I Петровича Негоша 1784–1798 гг.	158
<i>Мельчакова К.В.</i> Славяне-мусульмане Боснии и Герцеговины в трудах А.Ф. Гильфердинга	175
<i>Пахомова Л.Ю.</i> П.А. Ровинский о мусульманском обществе на начальном этапе австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины	184
<i>Майорова О.Н.</i> Дискуссии в польском обществе в 90-е годы XX в. о месте Польши в Европе	193
<i>Калашникова Н.Ю.</i> Взгляд на Россию и Румынию из Бухареста и Москвы	203
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Евроскептицизм «богатых» и «бедных» славянских стран	214

ВОЙНА В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

<i>Калиганов И.И.</i> Освобождение Болгарии от турок в 1877–1878 гг. глазами очевидца (священника 3-й гренадерской дивизии Вакха Гурьева)	231
<i>Искендеров П.А.</i> Великий Восточный кризис 1875–1878 гг.: взгляд из современности	242
<i>Баринов И.И.</i> Украина в стратегических планах Италии в межвоенный период, 1919–1939 гг.	255
<i>Гуськова Е.Ю.</i> Национальные меньшинства в Хорватии в первое десятилетие после Второй мировой войны (по архивным материалам)	264

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

<i>Хаванова О.В.</i> Венгрия в «большом пестром саду» Франца Иосифа: политическая реальность и исторический миф	274
<i>Новосельцев Б.С.</i> Два визита Й. Броза Тито в Румынию в 1966 г.	282
<i>Коненкова А.К.</i> Русская культура в XIX веке: Константин Матвеевич Бороздин – штрихи к портрету	294
<i>Запека О.А.</i> Свобода как судьба человека в этических построениях Ф.М. Достоевского	302

<i>ШИРОКОВА Л.Ф.</i> О литературных биографиях Александра Дубчека (к 95-летию «политика с человеческим лицом»)	310
--	-----

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ

<i>ФАЛЬКОВИЧ С.М.</i> Первые отклики польской политической эмиграции на манифестационное движение начала 1860-х годов в Королевстве Польском	318
<i>ШЕВЧЕНКО В.А.</i> К.И. Иванов и реорганизация русского учебного дела в Болгарии в 1920–1930-е годы	326

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

<i>ХАДЖИХАЛИЛОВИЧ С., МОДРИЧ Ж.</i> Молодежный сленг русского и хорватского языков – сравнительно-сопоставительный анализ	338
<i>ЧИВАРЗИНА А.И.</i> Синий цвет и его оттенки в македонском и албанском языках	367
<i>ПЛОТНИКОВА А.А.</i> О лексике старообрядцев Румынии в историко-сопоставительной ретроспективе	377
<i>УЗЕНЁВА Е.С.</i> О фольклорной традиции староверов Болгарии	393
<i>АГАПКИНА Т.А.</i> Человек и его социальное окружение в русских заговорах	405
<i>ВАЛЕНЦОВА М.М., УЗЕНЁВА Е.С.</i> К вопросу о специфике мифологических представлений Средней Словакии	414
<i>ГЕРЧИКОВА И.А.</i> Русская литература в чешских переводах (Либор Дворжак)	434

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАРИСОВКИ

<i>КОСИК В.И.</i> Русский Белград	443
---	-----

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ИСТОРИКА

<i>АШАЕВА А.В., ГУСЕВ Н.С., ДОБЫЧИНА А.С., ЛЕОНТЬЕВА А.А.</i> Отношение к истории в современной Болгарии (опыт полевого исследования в селе Момчиловцы)	456
---	-----

ДИСКУССИОННАЯ ПЛАТФОРМА

<i>ГУСЕВ Н.С.</i> Новое исследование о македонском вопросе в период Первой мировой войны	466
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Дронов А.М.</i> Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения)	471
<i>Егорова К.Б.</i> «Земля без имени»: жизнь Подкарпатской Руси в фотографиях Рудольфа Гулки	476
<i>Лабынцев Ю.А, Щавинская Л.Л.</i> Книжная сокровищница Ивана Франко	479

ХРОНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ И ЭКСПЕДИЦИЙ

<i>Фролова М.М.</i> Памяти академика Ю.А. Писарева посвящается: VI Никитинские чтения. Славяне и Россия. Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.	482
<i>Ясинская М.В.</i> Этнолингвистическая экспедиция в архаический славянский ареал Подлясье	498

IN MEMORIAM

<i>Чепелевская Т.И.</i> Памяти Майи Ильиничны Рыжовой	506
---	-----

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередной выпуск ежегодника «Славянский мир в третьем тысячелетии» подготовлен в рамках проекта «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

Традиционно издание открывает рубрика «Из истории славяноведения». Исследование Ю.А. Лабынцева и Л.Л. Щавинской посвящено крупнейшему одесскому издателю Ефиму Ивановичу Фесенко (1850–1926), создателю известной типографии и популяризатору духовных песнопений Хрисанфа Саковича, горячо любимых в народе по сей день. Статья А.И. Колин и А.С. Стыкалина привлекает внимание к роли межличностных контактов в академической среде и представляет вниманию читателя три письма из переписки киевского студента Степана Чебана, впоследствии ставшего министром просвещения Румынии и вице-президентом Румынской академии наук, и признанного филолога-слависта и румыниста А.И. Яцимирского. Статья С.И. Данченко посвящена 50-летию выхода в свет фундаментального академического издания — трехтомной публикации документов и материалов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. I–III. М., 1961–1967). Автор рассматривает основное содержание этого труда и показывает вклад создавших его специалистов в изучение истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Статья Л.Н. Будаговой «Незабываемое. Несколько штрихов к жизни и творчеству Георгия Дмитриевича Гачева» дополняет новыми подробностями биографию выдающегося ученого, опирается на личные впечатления и воспоминания о работе и общении с ним.

Особый раздел сборника посвящен ранней истории славян. Г.П. Мельников рассматривает создание исторической фикции и ее цели, анализируя изображение первых князей из рода Пршемысловцев в «Чешской хронике» Вацлава Гаека. В статье Г.А. Пожидаевой показана духовная связь с Афоном в русском церковно-певческом искусстве XI–XVI вв.

Раздел «Индивидуальные и коллективные идентичности в славянском мире» охватывает период XVI–XXI вв. Открывает его статья Д.Ю. Степанова, посвященная особенностям формирования идентичнос-

ти в восточнославянских обществах на рубеже Средних веков и раннего Нового времени, по материалам московской книжности конца XVI — первой трети XVII вв. и Баркулабовской летописи. Статья белорусского исследователя К.В. Шевченко “Хитер наш полешук!”. Русская пресса белорусского Полесья в составе межвоенной Польши как индикатор этнической идентичности» представляет вниманию читателя анализ содержания русских газет Полесья, издававшихся в 1931–1932 гг. в г. Пинске Полесского воеводства межвоенной Польши, которые пропагандировали общерусскую идентичность и русскую культуру, рассматривая белорусов, украинцев и русских как единую цивилизационную общность с точки зрения триединого русского народа. Иной, литературоведческий взгляд на проблему идентичности в славянском мире представлен в статье О.В. Цыбенко «Крах социокультурной идентичности польского крестьянина под влиянием общественных перемен в послевоенной Польше (по роману Ю. Кавальца “Танцующий ястреб”»)). Вопросам национальной идентичности советских молдован в 1960-е годы посвящено исследование А.С. Стыкалина. И.В. Руднева в своей статье обращает внимание на ситуацию с использованием кириллического письма в хорватском Вуковаре 1990–2000-х годов и рассматривает это явление как форму сохранения национальной идентичности.

В следующем разделе сборника речь идет о взаимных представлениях, взглядах со стороны и самоидентификации в славянском мире. Открывает его статья Л.В. Луховицкого «Народы Балкан глазами греческого священника из Серр в начале XVII в.». В статье Н.Д. Блудиной на основе анализа переписки черногорского правителя, митрополита Петра I Петровича Негоша 1784–1779 гг. рассматриваются взаимоотношения властей и народов России и Черногории. Две статьи — К.В. Мельчаковой и Л.Ю. Пахомовой — освещают положение мусульман в Боснии и Герцеговине второй половины XIX в. Современное общественное мнение Румынии и России и взаимные представления двух народов анализируются в статье Н.Ю. Калашниковой «Взгляд на Россию и Румынию из Бухареста и Москвы». Э.Г. Задорожник характеризует проявления евроскептицизма в 10 государствах Центральной и Юго-Восточной Европы, которые являются славянскими по своему этническому наполнению, а также сравнивает выделенные в итоге два субрегиональных варианта евроскептицизма.

Ряд статей объединяет традиционная рубрика «Война в истории славянских народов». И.И. Калиганов рассматривает русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии от турок через призму воспоминаний очевидца — священника 3-й гренадерской дивизии Вакха Гурьева. П.А. Искендеров в статье «Великий Восточный кризис 1875–1878 гг.:

взгляд из современности» прослеживает эволюцию основных моделей (в том числе Балканской федерации) за последние 100 лет и оценивает перспективу реализации некоторых из них в современных условиях. Межвоенному периоду истории Украины посвящена статья И.И. Баринава. Е.Ю. Гуськова вводит в научный оборот новые архивные документы в статье «Национальные меньшинства Хорватии в первое десятилетие после Второй мировой войны».

Особое внимание в сборнике уделено роли человека в истории. Открывает этот раздел статья О.В. Хавановой «Венгрия в “большом пестром саду” Франца Иосифа: политическая реальность и исторический миф», которую автор посвятила 90-летию со дня рождения Тофика Муслим-оглы Исламова. Статья Б.С. Новосельцева посвящена развитию югославно-румынских отношений в 1966 г. Исследование О.А. Запеки рассматривает проблему свободы с точки зрения этического максимализма Ф.М. Достоевского. Литературные биографии Александра Дубчека анализирует Л.Ф. Широкова, приурочившая статью к 95-летию со дня рождения «политика с человеческим лицом».

В разделе «За пределами родины» представлено две статьи: С.М. Фалькович — о реакции польской эмиграции на манифестационное движение в Королевстве Польском в начале 1860-х годов и В.А. Шевченко — о роли члена Учебного комитета (при уполномоченном Всероссийского союза городов в Болгарии) К.И. Иванова в реорганизации русских школ на рубеже 1920–1930-х годов.

В единый блок были объединены статьи, рассматривающие язык, литературу и фольклор славян и их соседей. Открывает этот раздел статья исследователей из Хорватии С. Хаджихалилович и Ж. Модрич, предлагающая сравнительно-сопоставительный анализ молодежного сленга в русском и хорватском языках. А.И. Чиварзина продолжает компаративные исследования: она изучает названия оттенков синего цвета в македонском и албанском языках, находя факты взаимовлияния. В работе А.А. Плотниковой рассматривается лексика традиционной народной духовной культуры старообрядцев Румынии, показаны семантические сдвиги и смысловые коннотации, развившиеся в новых условиях существования так называемого липованского языка староверов Придунавья. Е.С. Узенёва представляет вниманию читателей анализ семантики масленичных песен и игр, сохранившихся в традиции староверов Болгарии. Т.А. Агапкина проанализировала место человека и его социальное окружение в русских заговорах. Совместное исследование М.М. Валенцовой и Е.С. Узенёвой выявляет специфику народных мифологических представлений в регионе Средней Словакии. Статья И. А. Герчиковой посвящена чешским переводам русской литературы.

В новой рубрике сборника «Художественно-литературные зарисовки» читатель познакомится со статьей В.И. Косика «Русский Белград», представляющей картинку быта, повествующей об отношениях русских эмигрантов с сербским населением, о сохранении ими своей идентичности, а также о культурной жизни русского Белграда.

Статья коллектива авторов из Института славяноведения РАН и Казанского федерального университета, выделенная в особый раздел «Личный опыт историка», представляет результаты полевого изучения летом 2016 г. исторической памяти и отношения к истории в современной Болгарии на примере одного из болгарских сел.

В рубрике «Дискуссионная платформа» представлена развернутая рецензия Н.С. Гусева на монографию, в которой впервые в русскоязычной исторической науке внимание сфокусировано на македонской проблеме в период Первой мировой войны, — работу харьковской исследовательницы О.Н. Гуриновой «Македонский вопрос в международных отношениях 1913–1920 гг.».

Завершают сборник ряд рецензий, хроники конференции и экспедиции, а также статья Т.И. Чепелевской, посвященная памяти Санкт-петербургского слависта М.И. Рыжовой.

В заключение необходимо отметить, что на протяжении многих лет удается поддерживать баланс между авторами, которые традиционно публикуют у нас свои новые статьи, и авторами, обратившими внимание на наш ежегодник впервые. В этом году в сборнике представлены работы исследователей не только из Института славяноведения РАН и Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина, но и Центрального государственного архива г. Москвы, ИМЭМО РАН, ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург), ВТУ (института) им. М.С. Щепкина (Москва), филиала РГСУ в г. Минске (Белоруссия), Института истории Академии наук Молдовы (Кишинев), Зидарского университета (Хорватия).

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Ю.А. ЛАБЫНЦЕВ, Л.Л. ЩАВИНСКАЯ
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Е.И. ФЕСЕНКО — ОДИН ИЗ КРУПНЕЙШИХ ИЗДАТЕЛЕЙ НАРОДНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИИ XIX–XX ВВ.*

Abstract:

Labyntsev Y.A., Shavinskaya L.L. *Efim Fesenko — one of the most prominent publishers of folk Orthodox printed materials of the nineteenth–twentieth centuries*

The article is devoted to the activities of Efim Ivanovich Fesenko — the most outstanding publisher in Odessa. In the last quarter of the XIX century, he founded a printing house, which produced a huge number of various folk Orthodox books and brochures. Efim Fesenko successfully promoted spiritual chants written by Chrysanf Sakovich.

Ключевые слова: Ефим Иванович Фесенко, православные народные издания, Хрисанф Сакович.

Вплоть до начала текущего столетия имя Ефима Ивановича Фесенко (1850–1926) было практически в полном забвении, в том числе и в городе, который он в значительной степени прославлял своими деяниями, — в Одессе. Профессиональный интерес к его фирме и ее основателю начинает здесь наблюдаться лишь в последние годы¹. При этом несомненной удачей одесских исследователей и наследников Е.И. Фесенко стала публикация его рукописных воспоминаний, доведенных им до 1893 г.². Воспоминания Е.И. Фесенко, написанные им в двух толстых тетрадях карандашом, — интереснейший исторический источник по истории крайней юго-западной части Российской империи от Черниговщины до Одесщины, а не только семьи самого составителя³. Подробный рассказ Ефима Ивановича, родившегося в семье черниговского казака в 1850 г.,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00238 «Всему православному миру: поэтическое наследие Хрисанфа Саковича (исследование и публикации)»).

не оставляет сомнения в том, что его род по линии матери имел белорусские корни; сама она, кстати, после переезда из города в деревенский дом мужа долго не могла научиться «говорить по малороссийски». Зимой 1869 г. будущий издатель покидает отчее пристанище и пешком идет в Одессу, расположенную почти в 600 верстах. В этом, как ему говорили, «русском Париже» молодой грамотный черниговский казак Е.И. Фесенко, перепробовав ряд профессий, попадает в известную одесскую типографию Ф.П. Францова, где постепенно становится его помощником, а затем по прошествии более 10 лет организует собственное дело.

15 декабря 1883 г. в Одессе появилась новая типография, принадлежавшая Е.И. Фесенко. Большой любитель церковного пения, составитель путеводителя по афонским монастырям, Ефим Иванович уже в 1887 г. лишь к пятидесятилетию гибели А.С. Пушкина издает «около ста тысяч книжек и брошюр... девятнадцать выпусков... сочинений» поэта. С каждым годом его типография наращивает свою мощность и увеличивает ассортимент выпускаемой печатной продукции. И уже через 10 лет, как отмечалось в приветственном адресе служащих типографии по этому поводу, ее издания «не в одной сотне тысяч экземпляров разошлись... по обширной Руси-Матушки... Сколько художественных иконописных ликов украшают ныне собою стены православных храмов Божиих и скромные жилища православного люда не только в нашем отечестве — России, но и в единоверных ей Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Палестине, Египте и в других, еще более отдаленных окраинах Православного Востока»⁴.

Становилось очевидным, что по параметрам издательской деятельности фирма Е.И. Фесенко в определенной степени была сравнима даже с крупнейшим в истории Российской империи книжным предприятием «Товарищество И.Д. Сытина». В то же время, Е.И. Фесенко рассчитывал на распространение своих изданий преимущественно в православной среде, прежде всего простонародной. Вот как он сам и его супруга В.Ф. Фесенко рассматривали свою деятельность в период ее наивысшего развития в 1914 г.: «Считаем своим нравственным долгом засвидетельствовать глубокую нашу признательность печати и обществу за постоянно оказываемое ими внимание и сочувствие нашим изданиям, а многочисленным покупателям и заказчикам нашим, рассеянными по всей России, с ее кавказскими и сибирскими окраинами, среди балканских стран — в Болгарии, Сербии, Черногории и Греции, в св. Палестинской земле, на Афоне, наконец, в отдаленной Америке, — искреннюю и глубокую нашу благодарность за постоянное деловое и духовное общение, дающее нам возможность следить за запросами и нуждами религиозно-просветительного дела и, соответственно с ними, расширять и направлять

нашу издательскую деятельность. Испытывая полное нравственное удовлетворение по поводу сделанного, на основании всего прошлого нашего опыта, позволяем себе выразить также твердую уверенность нашу в том что все, искренно сочувствующие принятому нами на себя религиозно-просветительному служению православно-русскому народу, не оставят нас и впредь своими полезными советами и указаниями. Мы же, со своей стороны, по-прежнему будем стремиться к всевозможным усовершенствованиям наших изданий, как с внешней, художественно-технической, так и с еще более важной, внутренней духовно-просветительной стороны, не оставляя в то же время постоянной нашей заботы о всемерном удешевлении их, чтобы возможно глубже и шире осуществлялось таким образом общее дело наше на пользу святой церкви и дорогого отечества»⁵.

В 1893 г. типография приступила к изданию «собственного каталога священных изображений картин листков и брошюр духовно-нравственного содержания»⁶. В дальнейшем выпуск таких каталогов становится регулярным. Огромный доход начинает приносить выпуск ученических тетрадей, миллионные тиражи которых расходились по всей империи, а также печатание различного рода многочисленных, насчитывающих тысячи, священных изображений. Только об одном их виде, выпускаемом Е.И. Фесенко, журнал «Церковные ведомости» сообщал так: «Несколько лет назад Одесское Свято-Андреевское братство пришло к счастливой мысли о самом широком распространении именных иконных изображений св. угодников, наиболее чтимых в православном народе, с изложением на оборотной стороне иконки краткого жития святого и с надписанием там же имени, звания новокрещенного, где и когда крещение совершено (церковь, село, уезд и губерния). Высокая цель и огромная духовная польза такого иконоиздательства ясны и бесспорны: новокрещенный получает от пастыря, возродившего его благодатию св. крещения, благословение на всю жизнь; родители, а затем и по возрастании, и сам новокрещенный, будут знать историю жизни и христианские добродетели небесного покровителя, имя которого носит каждый новый член Церкви. Сделанная на иконе надпись о времени рождения облегчит приходскому клиру наведение метрических справок для военной повинности, для венчания и проч. Превосходно осуществила эту достойную всякого внимания идею Одесского братства известная одесская же фирма печатного хромолитографного дела Е.И. Фесенко. Издательство это давно стяжало себе почетную известность, а ныне стоит вне конкуренции. Хромолитографированные на религиозные темы издания г. Фесенко исполнены не только образцово-технически, но и с богобоязненною добросовестностью и горячею любовью к своему делу, как и осуществлению одной из самых серьезнейших религиозно-просветительских задач Церкви. За недорогую цену

фирма Фесенко дает священное изображение, изящное, художественное, а вместе с тем исполненное в строго-иконном типе, согласно преданиям церковным, по лучшим живописным образцам таких древних и современных славных храмов, как Киево-Печерская лавра, Владимирский собор, храм Христа Спасителя или же по лицевым святцам издания Святейшего Синода. Лики святых сколько правильны, столько же изящны. Помещенные на оборотной стороне изображений жития святых составлены весьма умело, при краткости соблюдена в них полнота характеристики самых великих и существенных черт жизни и подвигов святого. На некоторых изображениях помещены тропари святому...»⁷.

При весьма малой цене вся издательская продукция, выпускавшаяся Е.И. Фесенко, всегда имела точный читательский адрес и при колоссальных тиражах строго структурированный характер, полностью исключавшие финансовые потери при реализации. Постепенно его деятельность удостоивается множества наград, отечественных и международных, в 1908 г. император Николай II присваивает Е.И. Фесенко звание потомственного почетного гражданина. Он осуществляет многочисленные деловые поездки не только в различные уголки империи, но и в иностранные европейские государства, о чем свидетельствует целый ряд сохранившихся документов⁸.

Каталог изданий типографии Фесенко 1914 г. в разделе хромофотографированных изданий насчитывает более 1000 «изображений св. икон и картин религиозного содержания» разных размеров, около 100 видов «монастырей, храмов и святынь, изображения крестов на бумаге и картины разного содержания», изображения мужских и женских «именных образков». Есть в этом каталоге «"Альбом изображений св. Икон", состоящий из 200 изображений разных названий, в коленкоровом переплете с золотым тиснением». «Почтенный одесский издатель, справедливо приобретший своими изданиями широкую известность в России, представил в этом альбоме, ... результат своей... деятельности. Перелистывая этот альбом невольно поражаешься изяществом и красотой заключающихся в нем изображений... Благодаря этим изданиям, теперь всякая сельская церковь и школа могут обзавестись целым рядом прекрасных икон»⁹. В каталоге также было перечислено более сотни наименований выпускаемых книг и брошюр разного содержания, 10 выпусков «Живописного описания русских святых мест», свыше 100 наименований листов, «содержащих молитвы, духовно-нравственные наставления о предметах веры и жизни христианской».

Начавшаяся Первая мировая война добавляет в типографский репертуар фирмы Е.И. Фесенко довольно многочисленные соответствующие издания¹⁰, часть которых перечислена в специальных каталогах,

открывающихся словами: «Наше издательство тридцать три года стоит на страже культивирования в простом православном русском народе любви и преданности вековым заветам Великой России. Религия, любовь к Родине, беззаветная преданность Престолу, всё это картинно отражается в предлагаемых общедоступных изданиях священных изображений, картин, книг и брошюр. Мировая война превратила крестьянина в воина и деятельность издательства, вслед за ним, перенеслась туда, где проливает кровь и являет беззаветное мужество и отвагу, бывший хлебопашец — ныне русский витязь»¹¹. «Каталог военных изданий» типографии Е.И. Фесенко (книги, брошюры, плакаты и др.) имеет также «Духовной отдел», который содержит информацию о наличии «около 2000 изданий» духовно-нравственного содержания, специальный каталог которых предлагается выслать бесплатно.

25 сентября 1914 г. в петроградской газете «Биржевые ведомости» появилась небольшая заметка «Чудо» — о явлении Богоматери русским воинам под Августовом*, а уже в следующем году почитание этого чуда приобрело всенародный масштаб; огромными тиражами выпускались различного рода листовки, открытки и плакаты, ему посвященные. Как сообщалось в донесении Митрополита Киевского и Галицкого Флавиана Правительствующему Синоду, в начале 1915 г. в «хромолитографии Е.И. Фесенко в Одессе, с дозволения Одесской военной цензуры, отпечатаны изображения Богоматери, явившейся русскому отряду пред поражением германцев в Августовских лесах. Многие покупают такие изображения и обращаются к приходским священникам с просьбой об освящении их, как икон»¹². В том же 1915 г. в типографии Фесенко издается стихотворение, посвященное этому событию¹³. В наши дни выпущенные тогда подобные фесенковские издания нередко встречаются нам в ходе экспедиционных разысканий в домашних архивах в разных странах¹⁴. Став своеобразным образцом для написания икон, они получили широкое распространение в настоящее время также и в электронном пространстве под названиями «Знамя Августовской победы», «Августовская свеча», «Августовская икона». Они же послужили появлению в киберпространстве, наряду с новыми, сугубо религиозными текстами гимнографического и евхографического плана, различного рода произведений об Августовском чуде¹⁵.

В 1917 г., незадолго до начала полной утраты владения своей фирмой, Е.И. Фесенко и В.Ф. Фесенко написали послание к читателям, став-

* 1 (14) сентября 1914 г. было чудесное явление Пресвятой Богородицы русским войскам на Северо-Западном фронте незадолго до победы в Августовском сражении в районе города Августова.

шее по сути их своего рода идейно-духовным завещанием: «Продолжая, с Божиею помощью, излюбленное свое дело издания икон, книг, листков и картин духовно-нравственного содержания и не щадя ни трудов, ни материальных средств, ни хлопот и забот на постепенное усовершенствование и улучшение его, издатели считают долгом поделиться со своими заказчиками теми чувствами и душевными переживаниями, кои побуждали и побуждают их вести это святое дело с подобающим тщанием и усердием. Сознавая и собственным опытом убеждаясь в том, что живая сердечная вера в Бога и мирная, скромно-трудовая семейная жизнь составляют основу счастья православно-русских людей, мы всегда стремились по мере своих сил и умения прийти на помощь православно-русским людям в этом отношении. Давая обширный материал для семейного чтения в многочисленных своих литературных изданиях, стремясь занять досуги семьи и отвлечь ее от грубой праздности и преступного разгула, изданием святых икон и картин мы стремились занять мысль и воображение Православно-Русского человека, напоминая ему, что молитвенное обращение к Богу, святым ангелам и угодниками Божиим есть наилучшее средство нашего личного развития, наивернейший путь к нашему счастью. Наши предки в житиях святых, в чтении книг духовно-нравственных находили для себя излюбленное чтение, на них воспитывали и свою семью и потому только древняя Русь получила именование “Святой”, Православной Руси. Хочется думать, что и современная Русь, получая более широкое просвещение, обогащаясь научными познаниями в самых разнообразных отношениях, не перестанет быть верующей, Православною Русью. Если наши издания в этом отношении принесут хоть малейшую долю пользы, то это будет величайшею для нас наградою. Трудиться во славу Божию и на пользу дорогой Родины было всегдашним нашим стремлением. Насколько мы его осуществляем, насколько успешны наши труды, да и успешны ли они вообще, судить, конечно, не нам...»¹⁶.

В 1925 г. Е.И. Фесенко пишет свои «Воспоминания», а в следующем, 1926 г., уходит из жизни. Вместе с супругой, Верой Феодосьевной, умершей в 1931 г., их похоронят на II христианском кладбище Одессы и поставят на могилах литые чугунные кресты — точно такие ставили на могилах православных воинов, погибших в битвах Первой мировой войны.

С течением времени накопленный нами значительный экспедиционный материал, связанный с необычайно масштабным распространением печатной продукции фирмы Е.И. Фесенко, предопределил необходимость специального изучения деятельности этого забытого почти на столетие издателя¹⁷. Анализ издательской продукции типографии Е.И. Фесенко, ее широчайшее распространение в православном мире позволяют говорить о

редкостном, преимущественно религиозно-просветительском подходе во всех начинаниях организаторов фирмы. Подобный взгляд на задачи своей деятельности был у Е.И. Фесенко уже и в 1880-е годы, но особенно он укрепился и стал сугубо обоснованным с 1891 г. Более того, тогда Ефим Иванович берет на себя обязательство служить «простому деревенскому народу», превратить свою фирму в «народное издательство». Фактически за благословением он едет к святому старцу Амвросию Оптинскому, который говорит ему: «Вы не нуждаетесь в моем совете, но я Вам скажу, что дело Ваше очень полезно для Вас и для всего Православного народа. Я могу пожелать успеха и Божией помощи»¹⁸.

Одним из авторов, которые наиболее подходили для новой издательской программы Е.И. Фесенко, был духовный стихотворец иеромонах Христофор, в недавнем прошлом (до 1886 г.) волынский сельский священник Хрисанф Сакович, песнопения которого сразу же полюбили в народе. Фирма Е.И. Фесенко стала весьма успешным популяризатором его произведений. При этом, в течение многих лет, почти до момента ее ликвидации, иконные изображения, выпущенные ею, украшали различные книжные православные издания, содержащие сочинения Хрисанфа Саковича¹⁹.

Самым массовым изданием духовных песнопений Хрисанфа Саковича фирмой Е.И. Фесенко стала их публикация на отдельных листках, в том числе предназначенных «для вывешивания, чтения и раздачи в церквах, школах, библиотеках, войсках, местах общественных, собраниях и прочих». На одном из таких листков, ценой всего в одну копейку, в наборной рамке на белой бумаге достаточно большого формата (за № 56 по каталогу фирмы) напечатана «Песнь Заступнице мира, Пречистой Богоматери». Автор этой «Песни», Хрисанф Сакович, указан внизу листка после ее текста:

*«Заступнице усердная,
Марие милосердная!
О, Мати Бога Вышнего,
Христа — Царя Всевышнего!
Ты молишь Сына Твоего,
Владыку — Спаса нашего!
О всех к Тебе взывающих,
Под кров Твой прибегающих.
Усердно молишь Ты Творца,
Благого Бога и Отца,
Чтоб за Твое моление
Всем даровал спасение.*

...
*Всех нас, Царице, просвещай,
 Всех, Богородице, спасай:
 Ты всем Божественный покров
 Твоим детям от злых врагов!»*

За всю историю наших многочисленных экспедиционных исследований, начиная с 1970-х гг., в значительном количестве приходилось видеть у населения те или иные произведения печати, выпущенные в конце XIX — начале XX вв. одесской типографией Е.И. Фесенко. Преимущественно это были всевозможные, в основном цветные, иконные изображения разных размеров, а также книги, брошюры, листки. До сих пор в целом ряде стран, где мы побывали, православные люди очень дорожат всеми этими изданиями, прежде всего печатными иконами и иконками, являющимися их родовым достоянием. Кроме России и Украины очень много этих изданий сберегается в православных семьях Белоруссии, Молдавии, Польши, Литвы и некоторых других государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Закітна Г.В.* Перший український друкар Одеси // Дом князя Гагарина. Вып. 3. Ч. 1. Одесса, 2004. С. 131–147
- ² Воспоминания Ефима Ивановича Фесенко // Семейный альбом одесского издателя Е.И. Фесенко. Одесса, 2007. С. 15–124.
- ³ Одесский литературный музей. КП-2558/1–2.
- ⁴ Празднование десятилетия типографии и хромолитографии Евфима Ивановича Фесенко, в Одессе. 15 декабря 1883–15 декабря 1893. [Одесса], 1894. С. 18–19.
- ⁵ *Фесенко Е.И., Фесенко В.Ф.* От издателей // Каталог изображений св. икон, картин, книг и листков Евфима Ивановича Фесенко. Одесса, [1914]. С. 3.
- ⁶ Одесский литературный музей. КП-2558/2. С. 289.
- ⁷ Именные иконы для крещаемых. Издание Одесской хромолитографии Е.И. Фесенко // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1909. № 10. С. 493–494.
- ⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Ед.хр. 92; 102.
- ⁹ Каталог изображений св. икон, картин, книг и листков Евфима Ивановича Фесенко: 1883–1914 гг. Одесса, [1915]. С. 21.
- ¹⁰ См., напр.: С кем и почему воюет Россия. Одесса, [1915]; Русский воин в борьбе с германцами. Одесса, 1915; Утешительное размышление по случаю настоящей войны (Письмо с Афона). Одесса, 1915 и др.
- ¹¹ Издательство Е.И. Фесенко. Одесса. 1916 г. Каталог военных изданий. Одесса, 1916. С. 2.
- ¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 199. 3-й стол VI Отделения Синодальной канцелярии. Д. № 277а. Л. 30.
- ¹³ [*Послушник Стефан С.*]. Пред ликом Царицы Небесной явившейся в воздухе православным воинам под Августовым 1-го сентября 1914 года. Одесса: Нар. религиоз.-просвет. изд-во Е.И. Фесенко, 1915. 8 с.: ил.

¹⁴ См., напр.: *Troc A. Jeszcze o ikonie Augustowskie objawienie // Przegląd Prawosławny. 2005. № 2 (236). S.19.*

¹⁵ *Щавинская Л.Л.* Современные богородичные тексты и Интернет: на примере отображения чуда явления Богоматери в Августовских лесах осенью 1914 г. // *Традиции и современность. 2016. № 19. С. 171–174.*

¹⁶ *Фесенко Е.И., Фесенко В.Ф.* От издателей // *Каталог изображений св. икон, картин, книг и листков Евфима Ивановича Фесенко: 1916–1917 гг. Одесса, [1917]. С. 3.*

¹⁷ *Лабынцев Ю.А.* Вслед за давней киевской традицией: листовые издания типографии Е.И. Фесенко // *Глобалізація / європеїзація і розвиток національних слов'янських культур / Матеріали Міжнародної наукової конференції до Дня слов'янської писемності та культури: Київ, 24 травня 2016 р. Київ, 2016. С. 384–386.*

¹⁸ *Одесский литературный музей. КП-2558/2. С. 266.*

¹⁹ *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Гродненские печатные «Молитвословы» 1906–1907 гг. — забытые свидетельства глубинных народных белорусско-русско-украинских культурных контактов // *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы: материалы V Междунар. науч. семинара: Минск, 19–20 апреля 2016 г. Минск; М., 2016. С. 129–133; они же.* «Гродненские богогласники» и процесс рецепции произведений Хрисанфа Саковича в XX–XXI вв. // *Матэрыялы XII Міжнародных кнігазнаўчых чытаньняў «Кніжная культура Беларусі: погляд праз стагоддзі»: Мінск, 7–8 красавіка 2016 г. Мінск, 2016. С. 191–199; они же.* Гродненские сборники народной паралитургии — религиозные маркеры массовых представлений православного населения в последнее десятилетие Российской империи // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов / Отв. ред. Е.С. Узенева. М., 2016. С. 393–402.*

А.И. КОЛИН

(Институт истории АН Молдовы, Кишинев)

А.С. СТЫКАЛИН

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-РУМЫНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ.
ПИСЬМА Ш. ЧЁБАНУ А.И. ЯЦИМИРСКОМУ
(1910–1911)**

Abstract:

Kolin A.I., Stykalin A.S. *From the history of the Russian-Romanian scientific relations. Letters of Ștefan Ciobanu to Alexander Yacimirskiy (1910–1911)*

Professor Alexander Yacimirskiy (1873–1925), a Bessarabian native, was not only an internationally recognised expert in medieval Slavic manuscripts, but also an outstanding figure in the Romanian studies in Russia. He published a lot of works on the subjects of Romanian literature, folklore, ethnography, history of church and especially on the cultural ties of the Romanians with their Slavic neighbours. A young student from the University of Kiev Ștefan Ciobanu, who planned his academic carrier as an expert in the Romanian-Slavic cultural ties addressed three letters to Yacimirskiy in 1910–1911, seeking the consultations of the best Russian expert in this field. Later Ciobanu became the minister of education in the Romanian Government and vice-president of the Romanian Academy of Sciences.

Ключевые слова: славистика, румынские исследования, А.И. Яцимирский, румынская литература и фольклор, румынско-славянские литературные связи, румынско-русские научные связи, Штефан Чёбану.

Публикуемые ниже письма, хранящиеся в фонде 584 (А.И. Яцимирский) Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), раскрывают одну из ранее не известных исследователям страниц из истории российско-румынских связей в области гуманитарной науки. В них находят отражение контакты двух земляков, уроженцев Бессарабии, каждый из которых внес значительный вклад в филологическую науку. 27-летний студент Киевского университета, ученик академика В.Н. Перетца Степан Чёбан, лишь начинавший свой путь в науке (впоследствии — вице-президент Румынской академии Штефан Чёбану, 1883–1950), обратился в 1910 г. за консультацией к довольно опытному мэтру, который, несмотря на свою относительную молодость, уже имел немалый авторитет в науке. Речь идет о 37-летнем Александре Ивановиче Яцимирском (в то время приват-доценте Петербургского, а впоследствии профессоре Варшавского университета). Между ними завязалась переписка. В течение ряда лет Чёбан продолжал периодически консультироваться у Яцимирского по широкому кругу проблем, связанных со своими профессиональными интересами.

Имя А.И. Яцимирского (1873–1925), выдающегося филолога-слависта, археографа, исследователя средневековых рукописей, не нуждается в представлении специалистам¹. Именно Яцимирский еще в 1890-е годы составил описание манускриптов из собрания П.И. Шукина². Его перу принадлежит монография о выдающемся деятеле культуры начала XV в. Григории Цамблаке³. В течение долгого времени Яцимирский возглавлял отдел славянской филологии в редакции энциклопедии Брокгауза — Ефрона и опубликовал на страницах этого авторитетного многотомного издания немало статей. Следует, однако, иметь в виду, что круг научных интересов Яцимирского, не ограничиваясь славистикой, включал в себя также проблемы румынской филологии, этнографии, средневековой культуры⁴. Сын обедневшего украинского дворянина, служившего школьным учителем в населенном главным образом молдаванами местечке Хынчешты Бессарабской губернии, А. Яцимирский с детства прекрасно владел румынским языком и начал свой путь в науке публикацией статей по румынской этнографии и рецензий на труды румынских ученых⁵. Еще в юные годы он активно занимался собиранием и описанием рукописного наследия бессарабских монастырей, а с середины 1890-х годов проводил аналогичные исследования в монастырях Запрутской Молдовы (входившей в состав Румынии). Славяно-восточнороманские литературные и культурные связи на протяжении многих лет оставались одним из магистральных направлений его многогранного творчества⁶. Вполне естественно поэтому, что выдающийся специалист по средневековой русской литературе и театру В.Н. Перетц (в то время профессор Киевского университета) рекомендовал своему молодому способному ученику-молдаванину, проявлявшему профессиональный интерес к румынской духовной культуре и румыно-славянским культурным связям, обратиться за консультацией именно к Яцимирскому, с которым Перетц, впоследствии ставший академиком, на протяжении многих лет поддерживал тесные дружеские связи⁷.

Степан Чебан, хорошо к тому времени знакомый с трудами Яцимирского, адресовал свое первое письмо ему как «единственному авторитету у нас в России» по интересовавшим его проблемам румынской филологии, этнографии и духовной культуры. Испытывая, по его собственному признанию, потребность в «руководящих нитях», в одном своих последующих писем он также просил дать ему «указания если не методологического, то по крайней мере библиографического характера». Профессиональные советы опытного филолога-румыниста были для начинающего исследователя тем более важны, поскольку интерес к румынской словесности и культуре в российской университетской и академической среде был очень невелик, соответственно, почти не поступа-

ли и печатные издания из этой соседней страны. Из письма, в частности, узнаем, что в библиотеке Киевского университета были книги даже на японском языке (что, впрочем, не очень удивительно в свете недавно закончившейся русско-японской войны), но не было книг на румынском. Лишь немногим лучше обстояло дело с библиотекой Киевской духовной академии, хотя это учебное заведение не только вело свои истоки от Киево-Могилянской академии, основанной великим уроженцем Молдавского княжества Петром Могилой (Петру Мовилэ), но и внесло огромный вклад в подготовку кадров для Румынской православной церкви — среди его выпускников были многие видные иерархи и теологи, включая одну из центральных фигур в истории румынской церкви XIX в., епископа Мелькиседека (Штефанеску). Впрочем, среди сверстников Чебана, общавшихся с ним в Киеве в начале 1910-х годов, серьезный интерес к румынской словесности проявлял из студентов Духовной академии лишь Алексей Матеевич — рано скончавшийся талантливый румыноязычный поэт, одно из лучших стихотворений которого, положенное на музыку, стало впоследствии гимном Республики Молдова.

Письма Чебана свидетельствуют о том, что поначалу он видел себя в будущем не только и не столько литературоведом (магистральная тема его более поздних исследований), сколько фольклористом, отчасти этнографом — показателен его интерес к бессарабской свадьбе. В этой сфере знаний Яцимирский тоже был для него немалым авторитетом как человек, проводивший непосредственные полевые исследования в Бессарабии и Румынии. Тот факт, что не только богатый румынский фольклор, но и словесность (и шире — духовная культура) были в целом мало знакомы российскому академическому сообществу, послужил для Чебана серьезным стимулом к углублению в эту тематику. Письма Яцимирскому свидетельствуют о том, что молодому молдаванину (будущему министру просвещения Румынии!) вовсе не были чужды амбиции делать академическую карьеру именно в Российской империи, подданным которой он в то время являлся. Другое свидетельство этому — его ранние публикации в серьезных российских научных изданиях, о чем тоже упоминается в публикуемых ниже письмах.

Судьба, однако, распорядилась по-иному. По окончании Киевского университета Степан Чебан служил преподавателем русской словесности в гимназии украинского города Житомир, а в 1917 г. вернулся в родную Бессарабию, где активно включился в политическую жизнь в качестве участника молдавского национального движения. Российская империя трещала по швам. Поддержав, как и многие молдавские интеллектуалы его поколения, приход в Бессарабию в 1918 г. румынских войск в целях противодействия большевизму и последующее вхождение этого края в

состав Румынии, Степан Чебан, в соответствии с законами румынского языка превратившийся в Штефана Чёбану, отвечал за вопросы школьной политики в первой румынской администрации своего родного края. Его деятельность в этом качестве получила позитивную оценку даже такого жесткого критика бессарабской политики королевской Румынии, как видный предприниматель и общественный деятель России начала XX в., а на склоне лет уважаемый депутат румынского парламента Василий Строеско (Василе Строеску). В своем наиболее ярком и шумевшем парламентском выступлении 1920 г. он заявил: «Единственная отрасль управления [в Бессарабии] идет хорошо и руководится человеком понимающим, умным, терпеливым, сумевшим устранить и примирить все со всех сторон возникавшие недоразумения и трудности, — это директорат народного просвещения, руководимый г. Степаном Чёбану»⁸. Позже Чёбану был профессором филологических кафедр в высших учебных заведениях Кишинева, Ясс и Бухареста. Приход Советской Армии в его родную Бессарабию в июне 1940 г. в целях присоединения этого края к СССР застал его министром просвещения и культов Румынии в правительстве Г. Татареску, которое, впрочем, не удержалось у власти, рухнув буквально через неделю. Новый резкий сдвиг вправо и установление диктатуры Антонеску прервали общественную и государственную деятельность Штефана Чёбану. Впрочем, и занимая государственные посты, он никогда не переставал быть филологом и историком духовной культуры, опубликовав десятки работ (в том числе монографий) по истории румынской литературы, русско-румынских литературных и культурных связей, бессарабскому краеведению. После падения режима Антонеску, в 1944–1948 гг., он был вице-президентом Румынской академии, оставшись не у дел и покинув университетскую кафедру лишь с установлением в Румынии теперь уже другой диктатуры — коммунистической. Знание основных вех последующего творческого пути Штефана Чёбану позволяет однозначно констатировать влияние Яцимирского на молодого филолога, который, при всех трудностях и отсутствии в киевских библиотеках необходимой литературы, не оставил всё же профессиональных занятий избранным делом, твердо помня совет более опытного коллеги. Что же касается Яцимирского, то его обширные плодотворные связи как с интеллектуалами, вышедшими из родной ему Бессарабии, так и с румынскими учеными должны стать предметом более систематического изучения⁹.

Киев, 20 февраля 1910 г.

Уважаемый профессор!

Знакомый с Вашим именем только по Вашим научным трудам, осмеливаюсь обратиться к Вам с незначительной просьбой. Состоя студентом словесного отделения историко-филологического факультета Киевского университета¹⁰ и владея, как уроженец Бессарабии¹¹, до известной степени румынским языком, я хотел бы использовать знание этого языка, точнее, мне хотелось бы поработать над некоторыми вопросами, касающимися румынской истории литературы и народной словесности, румынского языкознания и, в частности, бессарабской народной словесности, глубоко интересной, но совершенно неведомой русскому обществу и науке. Мне необходимы некоторые руководящие нити, некоторые указания если не методологического, то по крайней мере библиографического характера. Профессора нашего университета оказываются не в силах давать какие бы то ни было сведения по этому вопросу, благодаря абсолютному незнакомству с румынским языком и румынской наукой. В наших университетских библиотеках имеется литература даже на японском языке, но нет ни единой книги на румынском языке или о румынской литературе, если не считать разыскания в области духовного стиха академика А.Н. Веселовского¹². Эти прискорбные обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам как к единственному авторитету у нас в России по этим вопросам. Мною собран сырой материал по вопросу о бессарабской свадьбе, но этот материал не может быть разработан при отсутствии румынской [выделено в письме. — А.К., А.С.] литературы по данному вопросу. Необходимо сличить, сравнить, насколько бессарабская свадьба в своих ритуалах изменилась при новых условиях жизни народа в течение последнего столетия¹³, насколько подверглась она влиянию русской народности. По вопросу о русской свадьбе я могу найти огромное количество литературы; что касается румынской — я не знаю ни одного более или менее выдающегося авторитета. Поэтому я просил бы Вас, если это для Вас не составит трудности, указать лишь наиболее [выделено в письме. — А.К., А.С.] выдающиеся труды румынских филологов по этому вопросу или по крайней мере указать источник, куда бы я мог обратиться за этими сведениями. Понятно, мне необхо-

димы были бы последние данные румынской науки. Если укажете лишь и направление, в каком целесообразнее было бы разработать этот вопрос — буду Вам вдвойне благодарен. Этой просьбой пока ограничусь.

Соблаговолите направить ответ по следующему адресу: Киев, Большая Васильковская, 108, кв. 1, студенту университета Степану Николаевичу Чебану.

Искренний Ваш почитатель С. Чебан.

Киев, 25 ноября [1910]

Глубокоуважаемый Александр Иванович,

В прошлом академическом году я обращался к Вам письменно с просьбой сделать мне кое-какие указания относительно интересующего меня вопроса о румынской свадьбе. Принося Вам искреннюю благодарность за Ваше столь любезное письмо¹⁴, осмеливаюсь вновь побеспокоить Вас несколькими вопросами. Бессарабскую свадьбу я пока оставил, благодаря тому, что материалы, собранные мною на месте¹⁵, оказываются слишком скудными: не хватает главным образом свадебных песен, которые являются весьма характерными для более важных моментов свадебного ритуала молдаван. Я надеялся найти хоть кое-какие материалы в русской литературе, но в ней ровно ничего нет, равно как мало дают (о Бессарабии) и труд Marianu¹⁶ и сборник Z. Arbore (Basarabia 1899)¹⁷. Словом, приходится откладывать до более благоприятного момента¹⁸. В настоящее время я работаю в филологическом семинарии Владимира Николаевича Перетца¹⁹, хотелось бы работать главным образом в области румыно-славянских отношений, что доставило бы много приятного и Владимиру Николаевичу, т.к. для моих занятий открывается область взаимоотношений между южнорусской литературой XVI-XVIII вв. и румынской письменностью. Владимир Николаевич даже обещал обратиться к Вам с просьбой наметить пути, где можно было бы работать с наибольшей продуктивностью. Я же решил использовать находящийся у меня сборник Marianu «Legendele Maicii Domnului»²⁰ и написал реферат «Румынские легенды о Богородице в их отношении к старорусской письменности», который на днях будет читаться у Владимира Николаевича. Просмотрел все южнорусские сборники легенд и вообще апокрифические сказания Др[евней] Руси. Румынских пособий у меня никаких не было, если не считать

“Literatura românească veche” J. Bianu²¹ и его же описания рукой²², которые могут дать разве статистический материал. Я просил бы Вас, если для Вас не составят затруднения, указать какие-нибудь пособия по этому вопросу на румынском языке; может быть, еще имеются в каких-нибудь румынских источниках легенды о Богородице. На досуге думаю заняться еще этим вопросом. А затем, может быть, Вы наметили бы для меня некоторые вопросы для разработки, по возможности, в плоскости взаимоотношений между южнорусской письменностью и румынской, так как мне доступны киевские источники южной литературы. Я был бы Вам бесконечно благодарен, не говоря о том, что это доставило бы большую радость Владимиру Николаевичу. Большие затруднения для занятий румынской филологией представляет здесь в Киеве почти полное отсутствие румынских книг. В университете ничего нет, кое-какие издания Румынской академии имеются в библиотеке Духовной Академии и в «Науковом Украинском товариществе»²³. Academia Română²⁴ выслала мне несколько книг по фольклору и каталог своих изданий, но многого, что разработано румынской наукой, у меня нет. Поэтому я просил бы Вас указать мне и необходимые пособия для моих работ. Может быть, имеется какой-нибудь библиографический указатель научной литературы по румынской филологии (конечно, на румынском языке). Затем еще последняя к Вам просьба: я предполагаю с Нового года выписать какой-нибудь румынский литературный журнал, более серьезный, и не знаю, на каком из знакомых мне (по названиям) остановиться. В Духовной Академии занимается румынской филологией еще студент г. Матвеевич²⁵ (печатает в «Кишиневских епархиальных ведомостях» небольшую работу о молдавском языке в Бессарабии), но и он в таком же беспомощном положении, как и я.

С искренним к Вам уважением. С. Чебан.

Мне можно адресовать: Киев, почта, Степану Николаевичу Чебану, до востребования.

Киев, 29 сентября 1911 г.

Глубокоуважаемый Александр Иванович,

Мне как-то говорил Владимир Николаевич, что Вам необходимы копии с каких-то рукописей киевских библиотек. Мне приходится довольно часто бывать в местных

библиотеках, почему я в благодарность за те указания, которые Вы мне сделали и которые надеюсь и в будущем от Вас получить, готов Вам в данном случае помочь чем смогу.

Поэтому соблаговолите написать, какие именно номера Вам необходимы (по описанию Петрова²⁶), что из них выписать и как скоро это нужно сделать.

Занятия румыноведением я не оставил, твёрдо помня Ваш совет, но не знаю, к чему они в конце концов сведутся. Владимир Николаевич усиленно рекомендовал мне оставить славяно-русское отделение и перейти на романское, где я бы свободно мог заняться этой областью. Но во-первых, для меня поздно начинать сначала, т.к. в этом году я кончаю, во-вторых, романское отделение в Киеве мне ничего не может дать, ибо совершенно нет профессоров-специалистов (Шаровольский²⁷ сосредоточивает в себе и романское и германское отделения). По отделению русской филологии я не смогу остаться, ибо у В.Н. перепроизводство по этой специальности. Всё же я думаю работать в этой области по окончании. Меня соблазняет фольклор Румынии и в частности Бессарабии. Сейчас занимаюсь Берындой²⁸, но встречаю большие затруднения в отсутствии необходимых источников, в Киеве нет всех изданий Берынды (1614-1632 гг.), откуда можно извлечь данные о его жизни и типографской деятельности. Очень интересен вопрос о его происхождении, хотя, кажется, до сих пор не решен в окончательном смысле, несмотря на работу Крецу²⁹. Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение по этому вопросу, тем более что в намеченной Вами программе румыно-славянских очерков Вы о нем говорите как о румыне³⁰. Моя работа о румынских легендах о Богородице будет напечатана в «Этнографическом обозрении» в декабрьской или январской книжке³¹. Другая, весьма небольших размеров, печатается в очередной книге из трудов «Неофилологического общества» в Петербурге³². Больше всего боюсь Вас как специалиста в этой области. Сознаю, что при иных условиях многое можно было бы иначе сделать. Выйдут оттиски – постараюсь послать Вам.

Адрес мой: Жилианская, 58, кв. 27, С.Н. Чёбан.

С совершенным к Вам уважением.
С.Чёбан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из работ биографического плана, ему посвященных, см.: *Матковски А.* Документальные данные о жизни и деятельности А.И. Яцимирского // Советское славяноведение. 1979. № 1. С. 89–99.

² См.: *Опись старинных славянских и русских рукописей из собрания П.И. Щукина.* Вып. I. М., 1896. 367 стр.; *Опись старинных славянских и русских рукописей из собрания П.И. Щукина.* Вып. II. М., 1897. 276 стр.

³ «Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности» (Спб., 1904). За эту работу и ряд других исследований А.И. Яцимирский была удостоен в 1905 г. Ломоносовской премии.

⁴ Вклад А.И. Яцимирского в изучение румынского языка, словесности, духовной культуры подробно проанализирован в работе: *Домосилецкая М.В.* Изучение румынского языка и культуры румын в России (XIX — начало XX вв.) // *Acta Linguistica Petropolitana.* Труды Института лингвистических исследований РАН. Том V. Часть 1 / Отв. редактор академик Н.Н. Казанский. Спб., 2009. С. 51–151.

⁵ См.: *Яцимирский А.И.* Биобиблиографический справочник / Сост. А. Матковски. Кишинев, 1979. В дополненном и обновленном виде этот материал содержится в справочнике, изданном в Болгарии: *Матковски А.* Полехроний Сырку и Александр Яцимирский. Биобиблиографии. Велико Търново, 2013.

⁶ обстоятельный обзор его работ по этой тематике см.: *Домосилецкая М.В.* Указ. соч. Как и подобало наиболее выдающемуся знатоку славянских рукописей, бытовавших в румынском пространстве, Яцимирский зачастую смотрел на румынистику сквозь призму славистики, она была для него неотделима от славистики. О значении румынской филологии для славистики он писал в своей статье «Значение румынской филологии для славистики и румынских изучений». См.: *Журнал Министерства народного просвещения.* Новая серия. 1908. Ч. XVIII. № 9. С. 121–142.

⁷ В личном фонде В.Н. Перетца в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранятся 76 рукописных листов с письмами Яцимирского Перетцу (РГАЛИ. Ф. 1277. Оп.1. Д. 97). Этот ценный источник активно использовал М.А. Робинсон. См.: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7788. Оп.1. Д. 20. Л. 153.

⁹ На протяжении долгих лет Яцимирский поддерживал тесные связи с выдающимся деятелем Русской православной церкви начала XX в., уроженцем Бессарабии, епископом, а позже митрополитом Арсением (А.Г. Стадницким). Его многочисленные письма Арсению с 1900 по 1917 г. общим объемом более 120 рукописных листов хранятся в личном фонде Арсения в ГАРФ: Ф. 550 (митрополит Арсений). Оп. 1. Д. 488. В своей переписке владыка Арсений (крупный специалист по истории православной церкви в румынских землях, особенно в Молдове) и А.И. Яцимирский постоянно обменивались мнениями по конкретным проблемам румынской, молдавской истории, они постоянно следили за новыми работами друг друга. Яцимирский предоставил в распоряжение Стадницкого ряд ценных средневековых источников, помогал ему достать литературу на румынском языке. Более того, он оказывал Арсению помощь (в том числе техническую) при подготовке к печати его важнейшего труда «Исследования и

монографии по истории Молдавской церкви» (Спб., 1904), что было отмечено и в предисловии к этому труду. Имя Яцимирского многократно упоминается и в дневнике Стадницкого [*Митрополит Арсений (Стадницкий)*]. Дневник. 1880–1901. М., изд-во ПСТГУ, 2006; 1902–1903. М., 2013; 1903–1905. М., 2015]. Среди многочисленных корреспондентов Яцимирского были уроженец Кишинева, видный российский литературовед, живший в Петербурге, Василий Келгуяла (РГАЛИ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 107), румынский дипломат, учившийся в Петербурге, автор работ по церковной истории Георге Самурян (Там же. Д. 214), крупный впоследствии историк и государственный деятель межвоенной Румынии, будущий академик Румынской академии Сильвиу Драгомир (Там же. Д. 70), которому Яцимирский оказал помощь в ходе его командировки в Россию в целях изучения русско-румынских церковных связей XVII в.

¹⁰ С. Чебан учился в Киевском университете св. Владимира с 1907 г.

¹¹ С. Чебан родился в ноябре 1883 г. в селе Талмаза Бендерского уезда Бессарабской губернии в семье землевладельца. Среднее образование получил в кишиневской гимназии № 1, весьма продвинутом в то время среднем учебном заведении.

¹² Ш. Чёбану имеет в виду работу А.Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха» (Ч. 6–10. Спб., 1883), в которой обращалось внимание на некоторые явления румынской литературы.

¹³ Т.е. после присоединения Бессарабии (междуречья Днестра и Прута) к Российской империи согласно Бухарестскому мирному договору 1812 г., завершившему русско-турецкую войну 1806–1812 гг.

¹⁴ Ответные письма Яцимирского Чебану, по всей видимости, не сохранились.

¹⁵ Т.е. в ходе полевых этнографических исследований в Бессарабии.

¹⁶ Чебан имеет в виду опубликованный в 1890 г. Румынской академией сборник исследований ведущего румынского этнографа Симиона Флоря Мариана, посвященных румынской свадьбе: *Marian Simion Florea. Nunta la români. Studiu istorico-etnografic comparativ*. București, 1890.

¹⁷ Имеется в виду книга «Бессарабия в XIX в.», принадлежащая перу видного румынского публициста и общественного деятеля Замфирия Арборе-Ралли (1848–1933), учившегося в России и тесно связанного в молодости с российским революционным (народническим) движением (*Arbore Z. Basarabia în secolul al XIX-lea*. București, 1899). Книга эта получила весьма критический отклик А.И. Яцимирского в его рецензии, опубликованной на страницах журнала «Живая старина» (1901. Т. 11. С. 92–93). Как на один из ее существенных недостатков он указывал на слабость «этнографической части».

¹⁸ Тематика, о которой идет речь, не заняла сколько-нибудь значительного места в творческом наследии Ш. Чёбану.

¹⁹ В.Н. Перетц был профессором Киевского университета в 1903–1914 гг. Из руководимого им семинария русской филологии вышло немало видных филологов-русоведов (В.П. Адрианова-Перетц, Н.К. Гудзий и др).

²⁰ Сборник «Легенды о Богородице». См.: *Marian Simion Florea. Legendele Maicii Domnului*. București, 1904.

²¹ Речь идет о неоднократно издававшемся пособии «Старая румынская литература» известного румынского литературоведа и библиографа Иоана Биану (1856–1935).

²² В данном случае неясно, о чем идет речь. Скорее всего о некоей библиографии.

- ²³ Научно-просветительское общество «Українське наукове товариство», основанное по инициативе М.С. Грушевского, функционировало в Киеве с 1907 г.
- ²⁴ Румынская Академия (основана в 1866 г.).
- ²⁵ Речь идет об Алексее Матеевиче (1888–1917), известном молдавском поэте.
- ²⁶ Имеется в виду «Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве» Н.И. Петрова (Вып. I–III, 1891–1904).
- ²⁷ Шаровольский Иван Васильевич (1876–1954) — литературовед, профессор Киевского университета.
- ²⁸ Памва Берында — монах Киево-Печерской Лавры XVII в., печатник. Выходец из Галиции, предположительно из переселившейся в Галицию валашской семьи.
- ²⁹ Версия о румынском происхождении П. Берынды была впервые выдвинута румынским филологом Гр. Крецу в работе: Mardarie Cozianul. *Lexicon slavo-românesc și tâlcuirea numelor din 1649* // *Publicate cu studiu, note și indicele cuvintelor românești de Grigorie Crețu*. București, 1900.
- ³⁰ Можно предполагать, что в своих письмах Чебану Яцимирский делился с ним планами новых работ по проблемам румыно-славянских литературных связей.
- ³¹ См.: *Чебан С.Н.* Румынские легенды о Богородице // *Этнографическое обозрение*. 1911. № 3–4. С. 1–57.
- ³² См.: *Чебан С.* Миф об Арахне в богородичной литературе // *Записки Неофилологического общества*. Вып. 6. Спб., 1912.

С.И. ДАНЧЕНКО
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**К 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ —
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ
«ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА»
(Т. I–III. М., 1961–1967)**

Abstract:

Danchenko S.I. *The fiftieth anniversary of the publication of «The liberation of Bulgaria from Turkish rule»*

The article is devoted to the fiftieth anniversary of the publication of the fundamental three-volume collection of documents and materials «The liberation of Bulgaria from Turkish rule» (Vol. I–III. Moscow, 1961–1967) prepared by researchers of the Institute of Slavic Studies and by the staff of the Soviet archives. This work was conducted in collaboration with Bulgarian historians and archivists as a part of international scientific cooperation. The article examines the main contents of the publication and shows the contribution made by Soviet and Bulgarian experts to the study of the history of the Russo-Turkish war (1877–1878) and the issue «The Liberation of Bulgaria».

Ключевые слова: публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», русско-турецкая война 1877–1878 гг., Болгария, болгаристика, сотрудничество советских и болгарских ученых, Институт славяноведения АН СССР (РАН).

Эта статья посвящается не историческому событию и не юбилею выдающегося ученого, а научному изданию и тем, кто полвека тому назад завершили грандиозный проект — трехтомную публикацию документов и материалов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. I–III. М., 1961–1967). Труд этот во многих отношениях стал уникальным в истории отечественного славяноведения: по своему замыслу, автором которого был известный ученый, профессор Сергей Александрович Никитин (1901–1979); по числу привлеченных для осуществления проекта специалистов из СССР и Болгарии; по масштабам проведенных изыскательских работ в целом ряде центральных и региональных архивов и библиотек двух стран; по числу проблем, освещенных в данной публикации — языком документов и в комментариях; по значимости этого труда для последующего развития болгаристики. Но вначале немного предыстории.

С 1 января 1947 г. в Москве, в структуре Академии наук СССР, начало работу новое научно-исследовательское учреждение — Институт славяноведения. С.А. Никитин (в то время — профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, с 1947 г. — зав. кафедрой истории

южных и западных славян) стал одним из его основателей, возглавив сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма.

В качестве главной, ключевой темы исследований для этого многочисленного вначале научного подразделения профессор Никитин определил проблему русско-балканских связей, включающую вопросы балканской политики России и отношения русского общества к событиям на Балканах, в период от Крымской войны 1853–1856 гг. до Берлинского конгресса 1878 г.

Следует подчеркнуть, что уже с начала 1940-х годов сам С.А. Никитин целенаправленно работал по данной тематике и в 1947 г. защитил докторскую диссертацию «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.»¹. При ее подготовке, во время интенсивных архивных поисков и изучения русской периодической печати, ученый вскрыл громадные пласты в большинстве своем не известных ранее документов и материалов, относящихся к истории Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Познакомившись с их содержанием, профессор Никитин пришел к выводу, что выявление, издание и обстоятельный их анализ — важнейшая задача славистической науки. Новые документы были необходимы, в первую очередь, для углубленных исследований в области недостаточно изученной и односторонне трактуемой в тот период балканской политики России. Важно отметить, что с самого начала Сергей Александрович придавал этому виду работы очень большое значение, считая его особой формой научно-исследовательского труда, когда исторические проблемы, в отличие от статей и монографий, освещаются языком снабженных комментариями и справочным аппаратом документов.

В советскую эпоху для выполнения какого-либо научного замысла прежде всего была необходима поддержка соответствующих вышестоящих структур, и не только академических. После окончания Великой Отечественной войны советским руководством был взят курс на укрепление формирующегося социалистического лагеря. Применительно к славяноведению это означало, что в первую очередь «разрешались» и поддерживались те труды, в которых исследовались проблемы возникновения и развития дружественных связей России/СССР и зарубежных славянских народов, их боевого содружества в борьбе с общими врагами на разных исторических этапах. С.А. Никитин прекрасно ориентировался в послевоенных реалиях и поэтому из всего многообразия тем будущего документального труда «из истории феодализма и капитализма» (тематика его сектора) выбрал проблему «Роль России в освобождении Болгарии от турецкого ига». Это направление научного исследования

было важно еще и потому, что позволяло, помимо русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и создания Болгарского государства, осветить целый ряд других значимых вопросов, а именно: этапы Восточного кризиса 70-х годов XIX в., международные отношения и балканская политика России и других великих держав, отношение русского общества к национально-освободительной борьбе балканских славян, роль русских дипломатов, военных, общественных деятелей и организаций в происходивших на Балканах событиях — то есть давало возможность изучить главную тему комплексно.

В 1947 г., когда был создан Институт славяноведения и возглавляемый С.А. Никитиным сектор, исполнилось 70 лет с начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а к 90-летию юбилею этого выдающегося события издательство «Наука» АН СССР выпустило три тома фундаментального труда. Эти 20 лет были наполнены кропотливой, целенаправленной, интенсивной (порою буквально «на износ») работой, изыскательской и исследовательской одновременно, — в архивах, библиотеках, хранилищах музеев, в которой участвовали десятки преданных своему делу ученых-славистов, архивистов, переводчиков. К тому же это был один из первых опытов международного научного сотрудничества в Институте славяноведения, в данном случае с болгарскими коллегами. Бесспорные достижения этого периода — навыки и наработки по выявлению, обработке, изучению, комментированию и подготовке к изданию документов — станут ценнейшим «капиталом» создателей «Освобождения Болгарии...» и в последующие десятилетия будут использоваться ими при осуществлении других институтских международных проектов, в том числе и по проблеме «Россия и зарубежные славяне в XIX веке».

Период подготовки публикации был очень важен еще и потому, что в эти годы был сделан решающий шаг по пути формирования научной школы славистов профессора С.А. Никитина. Молодые в ту пору ученые, которых он привлек к выявлению и комментированию документов, к составлению именного и географического указателей к этому изданию — А.А. Улуян, Н.В. Зуева, Е.М. Шагохина, К.Л. Струкова, И.В. Чуркина, Д.Ф. Поплыко, В.Г. Карасев, И.В. Козьменко, Н.И. Хитрова, В.Д. Конобе-ев, В.М. Хевролина и др. — являлись не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под руководством С.А. Никитина, перенимая мастерство Учителя, приобретая опыт и знания, они постепенно превращались в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей. Всё это впоследствии, став известными учеными — болгаристами и югославистами, они использовали в своей работе и щедро передавали своим ученикам, обеспечивая, таким образом, преемственность научных исследований.

С конца 1950-х годов под руководством профессора Никитина в Советском Союзе впервые были проведены масштабные работы по выявлению архивных документов по вышеуказанной тематике, которые проводились не только в хранилищах столичных городов, но и в регионах — на Кавказе, в европейской части России, в бывших советских республиках (Украина, Молдавия), а также за границей — в Болгарии.

В подготовке труда активное участие приняли болгарские историки — академик Д. Косев, А. Бурмов, Н. и Г. Тодоровы, Н. Жечев, Х. Гандев, К. Каратеодорова, Р. Стоянова и др. Они также выявляли документы, писали комментарии, отстаивали позиции болгарской исторической науки на заседаниях совместной советско-болгарской редколлегии, регулярно проходивших в Москве и Софии.

Работа над публикацией «Освобождение Болгарии...» стала не только вехой в становлении советской болгаристики, но и важным этапом в истории Института славяноведения, его международных контактов. Огромную роль этот труд сыграл и в жизни его создателей — отечественных ученых-болгаристов. Благодаря ему были установлены тесные, очень нужные для работы, просто дружеские связи со многими болгарскими коллегами, продолжавшиеся потом долгие годы.

Я начала свою трудовую деятельность в секторе новой истории балканских народов (так с 1968 г. стал называться бывший сектор С.А. Никитина) в июне 1971 г., т.е. с момента выхода в свет последнего, третьего тома «Освобождения Болгарии...» прошло уже четыре года. Однако участники этого проекта, сотрудники сектора (про себя я их называла «группой победителей»), и прежде всего болгаристы — Василий Дмитриевич Конобеев, Акоп Арутюнович Улунян, Нина Владимировна Зуева и Екатерина Мелентьевна Шатохина, словно продолжали жить в том времени. «Невооруженным глазом» было видно: они были просто счастливы, что им удалось ЭТО сделать. В разговорах они постоянно возвращались в те незабываемые годы, вспоминали какие-то яркие эпизоды, уникальные архивные находки, поездки за границу и встречи с болгарскими коллегами, превратившимися за столько лет в верных друзей. Радость научной победы не покидала их, давая силы для осуществления новых замыслов и проектов.

К началу 1970-х годов уже появились положительные рецензии на этот труд в советской и зарубежной научной печати, а его участники были награждены высокими болгарскими наградами. Но на том этапе развития славяноведения уникальность этой публикации, как мне кажется, в полной мере еще не осознавалась. Должно было пройти немало времени, чтобы оценить ее научное значение, всё то, что дает современным исследователям основание считать «Освобождение Болгарии...» непревзойденным,

классическим образцом советского академического документального издания.

А теперь обратимся к содержанию этого труда.

Первый том, с подзаголовком «Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877» (М., 1961) — это документальная предистория русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он включает 460 документов (78 — за 1875 г., 322 — за 1876 г., 60 — за 1877 г.), из которых 26 уже были ранее опубликованы в других изданиях.

Хронологические рамки первого тома — от начала восстания в Герцеговине летом 1875 г. до 12 (24) апреля 1877 г., дня объявления войны.

Для подготовки первого тома публикации участники проекта обследовали материалы 72 архивных фондов в хранилищах СССР и свыше 60 фондов в Болгарии.

В первом томе отчетливо проявилась одна из главных особенностей данного труда — широта тематического охвата. В него были включены документы, позволившие по-новому осветить ряд важнейших вопросов по истории освободительного движения болгарского и других балканских народов, балканской политики России в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX в., о позиции других великих держав. Несомненной заслугой создателей труда является публикация документов об общественных связях между Россией и южными славянами, что не нашло еще на том этапе развития отечественного славяноведения отражения в других изданиях. Это главная тема первого тома, хотя и дипломатическая история представлена целым рядом уникальных документов, ранее не известных исследователям. Донесения консулов: А.С. Ионина из Дубровника, А.Н. Карцова из Белграда, Я.П. Славолобова из Мостара и др. — позволяют сделать вывод о значительной роли русских дипломатических представителей, одновременно являвшихся агентами славянских комитетов на Балканах, в деле оказания разноплановой помощи герцеговинским и боснийским беженцам, болгарам, сербам, черногорцам (раздача денежных пожертвований, покупка продовольствия и вещей, организация санитарной службы и т.д.).

Впервые в историографии в первом томе «Освобождения Болгарии...» были опубликованы документы из фондов III отделения е.и.в. канцелярии, хранящих материалы политического сыска. В труд были включены донесения губернских жандармских управлений, копии перлюстрированных писем, характеризующие отношение различных социальных групп населения Российской империи к событиям на Балканах. Бесценный материал по теме «Русское общество и освободительная борьба южных славян» содержится в опубликованных в первом томе документах Московского славянского комитета и его С.-Петербургского отделения, принимавших непосредственное и самое активное участие в организации денежных

и вещевых сборов по всей России уже с осени 1875 г., в компании по посылке добровольцев в Сербию после начала сербо-турецкой войны летом 1876 г., в связях с болгарскими комитетами, а также с благотворительными организациями в Сербии, Черногории, Боснии и с Международным комитетом помощи семействам и раненым Герцеговины и Боснии, созданным в Париже 16(28) августа 1875 г. под председательством сербского митрополита Михаила.

Большую научную ценность представляют материалы первого тома, касающиеся событий в Болгарии, в первую очередь, деятельности болгарских революционных комитетов и подготовки Апрельского восстания 1876 г. Из архивов Болгарии были извлечены личные письма, документы Болгарского центрального революционного комитета, Болгарского центрального благотворительного общества, местных комитетов, т.е. организаций нелегальных или полулегальных. Часть этих материалов написана симпатическими чернилами и была расшифрована, многие источники оказались поврежденными. Данная группа документов потребовала большой предварительной работы. В том были также включены выявленные в Архиве внешней политики России (ныне — Архив внешней политики Российской империи) уникальные дипломатические документы по болгарской тематике: донесение российского посла в Константинополе Н.П. Игнатъева от 27 апреля (9 мая) 1876 г. в МИД о начале Апрельского восстания в Болгарии и его же донесение лично Александру II от 7 (19) мая о его подавлении и др.

На страницах первого тома впервые в историографии нашло отражение добровольческое движение в Сербию в 1876 г. Эту тему освещает весьма значительный блок документов. Они характеризуют социальную среду, дававшую добровольцев, мотивы, ведшие их в Сербию, показывают совместные действия русских и болгарских добровольцев, а также ту огромную помощь славянских комитетов, во главе с И.С. Аксаковым, которую они оказывали добровольцам, начиная с их обмундирования и отправки на Балканы. В этой связи примечательно опубликованное в томе письмо И.С. Аксакова к главнокомандующему сербской армией в сербо-турецкой войне русскому генералу М.Г. Черняеву от 7 сентября 1876 г.: «Вы и представить себе не можете, сколько работы у меня... что значит стоять лицом к лицу с всенародным движением! Приходится объясняться ежедневно с сотнею лиц и получать ежедневно больше сотни писем, на которые нельзя не отвечать, чтобы не оскорбить сердечного чувства пишущих... Я начал вербовку без всякого дозволения, и, наконец, общество просто завоевало себе это право...»². Свою деятельность глава Московского славянского комитета считал делом «историческим», которому «приходится служить теперь до усталости»³.

В первом томе также представлены документы об отношении событий на Балканах русских революционеров. Ранее оно характеризовалось почти исключительно на основе материалов периодической печати. Несколько статей по теме из революционного издания — газеты «Вперед!» в «Освобождении Болгарии...» также опубликовано. Но наряду с ними здесь помещены исключительно интересные письма С. Степняка-Кравчинского, раскрывающие мотивы поездки революционеров в Боснию и Герцеговину, их отношение к происходящим событиям и т.д.

Документы первого тома затрагивают многие вопросы, которые и по сей день являются ключевыми, а некоторые и дискуссионными, неизменно привлекающими внимание исследователей Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Среди них — позиция русского правительства, отношение различных слоев русского общества к событиям на Балканах, деятельность славянских комитетов. В советскую эпоху было принято всячески подчеркивать сочувствие к борющимся против турецкого ига славянам широких масс населения Российской империи — крестьян, рабочих, служащих и интеллигенции, в меньшей степени дворян и купечества, что выражалось в значительных материальных пожертвованиях. При этом в исторических трудах иные мнения, имевшие место в русском обществе по поводу необходимости и целесообразности этой помощи, практически не рассматривались. Поэтому самой высокой оценки заслуживает объективная позиция создателей «Освобождения Болгарии...», которые, несмотря на существовавшие в историографии «стандарты», поместили в первом томе этого труда документы, свидетельствующие о том, что далеко не все в России приветствовали «славянский порыв». Из включенных в том копий перлюстрированных писем, а также донесений начальников губернских жандармских управлений следует, что некоторые представители интеллигенции, в целом сочувствуя «страждущим славянам», тем не менее, выступали против помощи им в таких масштабах. Они считали, что собранные по всей империи сотни тысяч рублей необходимо было потратить на нужды не балканцев, а самих русских. Среди документов этого плана — весьма примечательное перлюстрированное письмо от 5 августа 1876 г. за подписью «Г-ов» издателю газеты «Голос» А.А. Краевскому, на котором есть помета императора Александра II: «Много справедливого». Его автор пишет: «Нечего говорить, что народ понимает будущность и величие славянской семьи! Кто истинно любит Россию, тот поймет, что она теперь нуждается только в мире и мире. Посмотрите: ведь у нас повсюду бедность и неряшливость! Откройте лучше подписку на народное образование, — это будет целесообразнее помощи славянам, которые, поверьте, нас не любят, потому что слабый никогда не любит и не будет любить сильного»⁴. Впервые была опубликована

и примечательная записка III отделения от 7 ноября 1875 г., в которой отмечается следующее: «Несмотря на сильное содействие прессы к подогреванию чувств благотворительности к страдающим герцеговинцам, в обществе уже открыто поговаривают о чересчур сильных симпатиях России в сравнении с остальными европейскими государствами, даже заставляющих забывать собственные внутренние свои нужды...»⁵.

Целый блок опубликованных в первом томе документов посвящен отношению населения Российской империи к ожидаемой уже в конце 1876 г. войне с Турцией. Среди них преобладают политические обзоры губернских жандармских управлений, составившиеся по указанию правительства. Примером может служить исключительно интересный документ — донесение начальству полковника А.В. Комарова из Псковского губернского жандармского управления от 26 октября 1876 г. По его мнению, если бы война сейчас была объявлена, «то в настоящий момент была бы весьма популярна... тем не менее все, от простого крестьянина до лиц, занимающих высшие ступени губернской иерархии, сознают, что война есть одно из величайших народных бедствий и что ежели мудрость человеческая найдет средство обойти это зло, то все останутся очень благодарны»⁶.

Но несмотря на эти благие пожелания, 12 (24) апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Длилась она около года, была тяжелой, кровопролитной, с огромными человеческими жертвами и финансовыми затратами. Военные издержки составили 1.113 млн руб.⁷.

События русско-турецкой войны — с ее начала до 19 февраля (3 марта) 1878 г., дня подписания Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, — отражены в документах **второго тома** «Освобождения Болгарии...», который был выпущен издательством «Наука» в 1964 г. с подзаголовком «Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877–1878».

Всего во втором томе — 499 документов (362 — за 1877 г., 137 — за 1878 г.); 26 из них ранее уже были опубликованы. Для подготовки этого труда учеными, архивистами и музейными работниками двух стран были обследованы материалы 295 фондов в хранилищах СССР и 118 фондов в хранилищах Болгарии.

Особенностью этого тома является то, что составители не включили в него материалы о военных действиях, так как, по их мнению, этот вопрос уже детально был освещен в различных изданиях, начиная с XIX в.

В течение всего периода войны, наряду с военными действиями против турецких армий, Россия вела тяжелую дипломатическую «битву» с Англией и Австро-Венгрией, которые «поставили себе целью превратить военные победы России в ее политическое поражение»⁸. Создатели этого

труда, не ставя своей задачей полное освещение этих вопросов, включили в том значительное число секретных инструкций министра иностранных дел Российской империи князя А.М. Горчакова, писем и заметок Александра II, телеграмм и докладов посла в Лондоне в 1874–1879 гг. П.А. Шувалова, посла в Константинополе графа Н.П. Игнатьева, а также ряд других документов, которые раскрывают многие важные моменты дипломатической истории русско-турецкой войны.

Среди материалов этого блока следует выделить впервые опубликованные инструкции А.М. Горчакова П.А. Шувалову от 18 мая 1877 г., — об англо-русских переговорах относительно соблюдения интересов обеих стран и о позиции России в вопросах о Суэцком канале и Черноморских проливах. Документ опровергает утверждения британского кабинета о стремлении России захватить Суэцкий канал и таким образом угрожать интересам Англии в Средиземном и Красном морях. Примечательна часть инструкций относительно намерений русского правительства урегулировать вопрос о Константинополе и Проливах «с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных началах»⁹. В документе подчеркивается, что захват Константинополя «не входит в планы его величества императора». Русское правительство надеется, продолжал далее Горчаков, что Лондон «примет во внимание особые интересы России, удовлетворение которых зависит от этой войны и из-за которых Россия идет на такие большие жертвы. Эти интересы состоят в абсолютной необходимости положить конец несчастному положению христиан, находящихся под властью турок, и постоянным кризисам, которые из этого вытекают... При каждом из этих кризисов России ставят в вину ее политику, смотрят на нее косо: кризисы влияют на международные отношения, торговлю, финансы, кредиты». Однако Россия, по словам министра, не может постоянно находиться «во власти... разрушительных случайностей, которые мешают ее мирному развитию и наносят ей неисчислимый вред». Вот почему российский император «решился возложить все расходы по войне на плечи своей страны». В заключение Горчаков подчеркнул, что «этот жизненно важный для России вопрос не противоречит ни одному из интересов Европы, которая со своей стороны страдает от шаткого положения на Востоке»¹⁰.

В этом же «дипломатическом» блоке документов опубликована секретная телеграмма Горчакова Шувалову в Лондон от 30 мая 1877 г., свидетельствующая об изменении позиции русского правительства по болгарскому вопросу. Если раньше допускалось разделение Болгарии на северную и южную, то теперь, как отмечал Горчаков, «после зрелого исследования вопроса мы не можем согласиться на разделение Болгарии на две части: она должна быть единой и автономной»¹¹.

Документы по дипломатической истории войны раскрывают также колебания, непоследовательность и нерешительность в известные моменты русской дипломатии, которые успешно использовали западные противники России для нажима на русское правительство с целью уменьшить, насколько возможно, результаты победоносной войны. В представленных материалах содержится немало уникальных свидетельств о том, какую важную роль играли в ходе дипломатической борьбы личные качества и способности отдельных дипломатов, например, Н.П. Игнатьева — с его широкой осведомленностью и твердостью как дипломата, глубоким пониманием болгарского вопроса. Особый интерес представляют документы, которые отражают переговоры с представителями Турции и характеризуют международную обстановку при заключении Сан-Стефанского договора.

Авторы включили в том много документов о помощи болгар русской армии, рассматривая ее как продолжение национально-освободительной борьбы болгарского народа. Тем самым опровергались утверждения ряда западных историков о том, что болгары во время войны были пассивны. Из документов следует (док. № 169, № 171 и др.), что и созданное русскими болгарское ополчение, и другие вооруженные отряды принимали непосредственное участие в военных действиях; болгары действовали также в качестве разведчиков, переводчиков, проводников и санитаров, оказывали помощь в снабжении русской армии продовольствием, в строительстве и укреплении оборонительных сооружений, дорог, мостов и т.д. За это они получали благодарности и заслуженные награды командования русской армией.

Целый блок документов второго тома посвящен созданию и деятельности болгарского ополчения во главе с генералом Н.Г. Столетовым. Сформированное и обеспеченное обмундированием в основном на частные пожертвования, собранные славянскими комитетами, оно до конца войны находилось на финансовом содержании России. Благодаря документам публикации «Освобождение Болгарии...» известно, что общие расходы на болгарское ополчение на 1 января 1878 г. составили 834 174 руб.¹². В этой связи следует привести примечательный документ — письмо военного министра России Д.А. Милютина И.С. Аксакову от 28 апреля 1877 г.: «Для сформировавшихся в конце прошлого и начале нынешнего года болгарских дружин всё обмундирование и снаряжение было заготовлено в Москве попечением вашим (И.С. Аксакова. — С.Д.) совместно с Помпеем Николаевичем Батюшковым, Тимофеем Савичем Морозовым, Сергием Михайловичем Третьяковым, Николаем Александровичем Найденовым и Василием Дмитриевичем Аксеновым. Заготовленные это, выполненное с полной исправностью и своевременно, с умерен-

ным для казны расходом... уже поступило на снабжение сформированных и формируемых болгарских дружин»¹³.

Большая радость болгарского населения при встрече русских освободителей и ее проявления были уже известны в советскую эпоху и из опубликованных ранее документов, и из мемуарной, весьма обширной литературы — воспоминаний очевидцев событий, в основном русских офицеров, находившихся в Действующей армии на Балканах. Помещенные во втором томе документы дополняют уже имевшиеся сведения по данной теме. Так, здесь опубликовано письмо агента славянских обществ в Болгарии К.Н. Станишева И.С. Аксакову от 18 июня 1877 г., в котором есть такие слова: «Очевидцы... рассказывают, что болгаре от радости плачут и смеются, при встрече с русскими солдатами крестьяне обнимаются и целуются, угощают наших солдат тем скудным достатком, который остался у них от хищничества турок. Да, великое совершилось и совершается. Бог действительно возлюбил русский народ, что ему дал в удел великое дело — освобождение братьев!»¹⁴

Важную и значительную по объему часть второго тома составляют документы о деятельности русских по гражданскому устройству освобожденных болгарских земель уже с лета 1877 г. В прежних публикациях по данной теме начала XX в. (Н.Р. Овсянный и др.) были помещены главным образом общие положения, инструкции и другие материалы, которыми должны были руководствоваться русские деятели по гражданскому управлению; отчеты и переписка императорского комиссара в Болгарии генерала А.М. Дондукова-Корсакова и пр. Конкретная же работа русских и болгар по гражданскому устройству болгарских земель была отражена слабо, особенно в период, когда шли военные действия. Именно поэтому авторы «Освобождения Болгарии...» решили опубликовать во втором томе значительное число документов, которые проливают свет на многоплановую и неустанную деятельность русских по организации хозяйственной жизни, охране городов и сел, сбору налогов и в других областях гражданского управления. Немалую роль в успехе этой деятельности сыграл видный общественный деятель, близкий к славянофилам, в 1868–1870 гг. — московский градоначальник, а с ноября 1876 г. — заведующий гражданскими делами при главнокомандующем Дунайской армией князь Владимир Александрович Черкасский (умер в Сан-Стефано, в день подписания мирного договора). Из документов, опубликованных во втором томе, становится совершенно ясно, какой вклад внес этот деятель в создание новой Болгарии. Русское гражданское управление под его руководством, исходя из главной своей задачи — заложить основы свободного Болгарского государства, стремилось постепенно комплектовать весь государственный аппарат из лиц болгарской национальнос-

ти. Русские занимали только высшие должности, которые впоследствии должны были быть также замещены болгарам. Многочисленные документы второго тома свидетельствуют о том, сколько внимания уделяли князь Черкасский и его подчиненные подбору кадров для гражданского управления в Болгарии — он начался уже накануне войны, но по-настоящему развернулся после ее объявления. При этом упор делался на болгар, учившихся в России.

Следует отметить, что помимо рассмотренных выше вопросов, в документах второго тома затрагивается масса других, на которых мы не имеем возможности подробно остановиться в нашей статье: о Самарском знамени (впервые упомянуто в историографии), врученном от жителей г. Самары болгарским дружинам; о реакции жителей Российской империи на объявление русско-турецкой войны; о сборе пожертвований среди ее населения (с апреля по ноябрь 1877 г. было собрано около 10 млн руб.); об образовании и деятельности местных болгарских органов самоуправления, городских и сельских общинных советов, которые, помимо помощи русской армии и болгарским вооруженным отрядам, с самого начала действовали как органы, выполнявшие различные функции государственной власти на местах; о создании и действиях болгарской народной милиции и др.

Третий том публикации, с подзаголовком «Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878–1879», вышел в издательстве «Наука» в 1967 г. Он включает 390 документов: 244 — за 1878 г. и 146 — за 1879 г.

Главная тема третьего тома — действия российских дипломатов, военных и общественных деятелей, направленные на формирование государственности Болгарии и привлечение самих болгар к этому процессу.

Для подготовки труда участниками проекта были обследованы материалы 160 фондов в архивах СССР и 100 фондов в хранилищах Болгарии.

По территориальному охвату документы третьего тома относятся к Болгарскому княжеству и Восточной Румелии — областям, где было введено русское гражданское управление. Наряду с этим здесь опубликованы также материалы о Македонии, в которых речь идет о национально-освободительной борьбе населения этой области против решений Берлинского конгресса, и о Южной Фракии.

Одна из главных тем третьего тома — международные отношения и дипломатическая борьба великих держав в период от Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора до Берлинского конгресса. Многочисленные документы, приведенные в издании, свидетельствуют о той тяжелой ситуации, внутри- и внешнеполитической, в которой оказалась

Россия после победоносного окончания войны. Страна пребывала в политической изоляции, и реальная опасность создания враждебной коалиции во главе с Великобританией вызвала серьезную тревогу у правящей элиты. Этим объяснялись как попытки быстрее договориться с Турцией о превращении прелиминарного мирного договора в постоянный, так и стремление руководителей внешней политики России лавированием и уступками смягчить в какой-то степени ситуацию. Все эти вопросы детально освещаются в публикуемых документах, в том числе о переговорах Е.П. Новикова и Н.П. Игнатъева в Вене и П.А. Шувалова в Лондоне.

«Немалая часть достижений Сан-Стефанского мирного договора была утрачена в процессе всех этих переговоров еще до Берлинского конгресса, закрепившего разделение Сан-Стефанской Болгарии на три части (Болгарское княжество — самоуправляющееся, но признающее сюзеренитет султана и платящее Турции дань; автономную область Восточная Румелия в составе Турции, во главе с генерал-губернатором христианином; и оставленную за Турцией Македония), а также изменение ряда других статей прелиминарного мирного договора»¹⁵.

В третьем томе впервые были полностью опубликованы инструкции русским уполномоченным на Берлинском конгрессе, раскрывающие отношение русских правящих кругов к различным вариантам решения вопроса о создании Болгарского государства. Документы тома убедительно свидетельствуют о том, что западные державы вели борьбу против действий России и против интересов воссоздавшейся Болгарии. Она велась в Европейской комиссии по организации Восточной Румелии, наглядно проявилась в румелийском финансовом вопросе, в вопросах о возвращении мусульманских беженцев на прежние места жительства, о турецких преступниках и многих других. Это, безусловно, замедляло и усложняло деятельность русского гражданского управления в Болгарии, отвлекало его силы от решения основных, созидательных задач.

Содействие государственному формированию двух болгарских политических объединений, образованных по настоянию западных держав вместо Сан-Стефанской Болгарии, основанных на разных статутах, создание, вопреки желаниям противников России, предпосылок для последующего их объединения и упрочения их независимости — такова была главная политическая линия правящей российской элиты. Авторы рассматриваемого труда включили в третий том примечательный документ — инструкцию МИД России русскому генеральному консулу в Филиппополе А.Н. Церетелеву, в которой подчеркивалось: «Отделение Берлинским конгрессом Южной Болгарии от Северной и образование из нее особой области под названием Восточной Румелии представляет... ненормальное положение вещей...». В связи с этим консулу предписывалось

«употреблять все старания к поддержанию ...связей между обеими половинами Болгарии и к противодействию всем влияниям, направленным к разъединению их»¹⁶. Такое же «здание» получил и дипломатический агент и генеральный консул в Болгарии А.П. Давыдов в инструкции МИД от 7 сентября 1878 г.¹⁷.

Всё болгарское — и шире — всё славянское население Балканского полуострова было глубоко взволновано пересмотром Сан-Стефанского мира, произведенным в Берлине. Борьба против решений Берлинского конгресса — такой была общая линия действий, объединявшая болгарское население разъединенных теперь территорий. На страницах третьего тома подробно освещены все формы этой борьбы, с которыми приходилось иметь дело русской администрации, и ее отношение к ним.

Значительная часть опубликованных здесь документов посвящена организации государственного аппарата и деятельности русского гражданского управления, особенно частным ее вопросам. В томе имеются материалы о приглашении врачей, улучшении санитарного состояния населенных пунктов, об организации народного образования, создании библиотек, о введении болгарской административной терминологии. Впервые в этом издании показана забота русских властей о создании в Болгарии статистики как правильной системы учета, о проведении единовременной переписи населения городов и сел, земельных угодий и скота, о военной подготовке болгар и создании Болгарского земского войска.

В документах третьего тома прекрасно, на наш взгляд, представлена созидательная атмосфера, сложившаяся после освобождения страны, которая была результатом усилий многих русских людей, действовавших в это время в Болгарии. Имея в своем распоряжении военных и штатских сотрудников, озабоченных судьбой нового государства, русский комиссар в Болгарии Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (с мая 1878 г. по июнь 1879 г.), боевой генерал, в период войны — командующий XIII армейским корпусом, а затем — Восточным отрядом русской армии на Балканах, сумел в труднейших условиях оперативно и четко организовать работу своих подчиненных. На страницах третьего тома приведено немало сведений об этих людях, на разных участках приложивших свой труд к делу государственного строительства Болгарии. Среди них: представители русских военных кругов — генерал-майор Михаил Алексеевич Домонтович, майор Геннадий Иванович Шигорин; русские гражданские чиновники — заведующий судебным отделом Управления российского комиссара в Болгарии, один из составителей проекта Органического устава (конституции) княжества Болгария Сергей Иванович Лукьянов, сотрудник русского гражданского управления Константин Андреевич Бух, главный агент славянских комитетов в Болгарии, губернатор Софийского

санджака (1878) Петр Владимирович Алабин и др.; и болгары, русские подданные — Марин Стоянов (Степанович) Дринов, профессор Харьковского университета, в 1878–1879 гг. — софийский вице-губернатор, первый министр просвещения Болгарского княжества; Иван Степанович Иванов, губернатор г. Сливена и др.

Среди многочисленных, очень важных и содержательных документов третьего тома мне хотелось бы специально остановиться на двух. Они не относятся к числу ключевых, не касаются сложнейших вопросов дипломатической борьбы и строительства новой Болгарии. В них затрагиваются, казалось бы, частные, отнюдь не глобальные моменты послевоенной жизни. Однако мне кажется, что без них и им подобных материалов публикация «Освобождение Болгарии...» не была бы такой глубокой, тематически широкой и замечательной.

Первый документ — письмо военного министра России Д.А. Милютина графине Антонине Дмитриевне Блудовой, приближенной к императорскому двору аристократке, фрейлине, весьма интересовавшейся «славянским вопросом», — от 4 ноября 1878 г. Из него следует, что Блудова направила Александру II подготовленную ею записку «относительно находящихся недалеко от Шумлы, около нынешнего Эски-Стамбула, развалин древней столицы Болгарского царства Преславы». Город Преслава (или Преслав) был второй столицей Болгарского государства со времени царствования Симеона (893–927 гг.) до византийского владычества (972 г.). Во время турецкого господства он был разрушен. Судя по всему, вездесущая и очень активная графиня Блудова сообщала в своей записке императору какие-то сведения об этом, подчеркивая значение этого города, некогда центра болгарской культуры, и просила Александра II поспособствовать в поисках его следов. Как видно, император «проникся» этой идеей, и русский комиссар в Болгарии князь Дондуков-Корсаков к множеству «заданий» от разных начальников и ведомств, получил еще одно, на этот раз «высочайшее». И вскоре он уже смог доложить Д.А. Милютину, что «по его поручению командированный на место шумлинский окружной начальник представил подробную записку о том, что осталось от древней столицы и что можно было собрать между местными жителями». Кроме того князь Дондуков-Корсаков предписал местному начальству «принять меры к сохранению найденных весьма немногих остатков древности». А почти через 20 лет, в 1897 г., начались археологические раскопки разрушенного Преслава, которые с перерывами велись и в социалистической Болгарии. В результате были обнаружены ценнейшие памятники болгарской архитектуры той эпохи¹⁸. И кто бы мог представить, что всё началось с инициативы русской придворной дамы, которая в 1878 г. думала не о нарядах, драгоценностях и балах, а об историческом наследии освобожденной Болгарии.

Второй из упомянутых выше документов — циркуляр отдела внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии губернаторам от 9 ноября 1878 г. об увековечении памяти русских воинов, павших во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В нем говорится: «Его императорскому величеству государю императору благоугодно было повелеть, чтобы на могилах воинов, убитых и умерших в минувшую... войну, оставшимися в живых их товарищами поставлены были бы памятники. В исполнение высочайшей воли были выработаны составленною для этого под председательством генерал-адъютанта графа Шувалова комиссиею особые правила, а по предложению главнокомандующего Действующей армиею — указаны места для постановки памятников. Это места бывших сражений: Систово, Никополь, Джуранли, Ловча, Плевно, Церковна, Мечка, Араб-Конак, Шибка, Филиппополь и Хаджи-Оглу-Базарджик. Кроме этого, предположено также устроить и привести в приличный вид кладбища в местах бывшего расположения больших военно-временных госпиталей илазаретов: в Систове, Горном Студне, Болгарени, Боготе, Торнове, Габрове, Беле, Софии, Филиппополе, Адрианополе»¹⁹.

На протяжении десятков лет в Болгарии, как болгарами, так и русскими однополчанами, было воздвигнуто около 450 памятников погибшим за свободу Болгарии — в знак памяти и признательности героям-освободителям.

Летом 1969 г., т.е. через 91 год после окончания русско-турецкой войны, мне посчастливилось в составе студенческой группы кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова побывать в Болгарии. Мы проехали почти через всю страну, посетили многие города и села и везде встречали памятники русским воинам, и не только величественные мемориалы, как на Шипке, но и очень простые, однако ухоженные, окруженные цветочными клумбами, посещаемые (даже в будний день!) туристами и местными жителями. И это нам, молодым, уже познакомившимся с историей Болгарии, было очень радостно.

Сохраняются эти памятники, несмотря на «веяния» нового времени, и сейчас, когда отмечается 140-летие начала той далекой войны, принесшей болгарам столь долго ожидаемое Освобождение.

* * *

Завершая обзор основного содержания публикации «Освобождение Болгарии...», хотелось бы остановиться на нескольких моментах. Прежде всего, необходимо отметить тщательный, профессионально выполненный отбор документов, при вдумчивом прочтении которых перед нами предстает масштабная картина сложнейшей международной ситуации

периода Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в., национально-освободительной борьбы южных славян, общественного движения в России в их поддержку, различных аспектов освобождения болгарских земель и строительства новой Болгарии.

Всего в издание вошло 1349 документов. И это только небольшая часть того обширного материала, который был выявлен участниками проекта. Так называемый «отсев» «Освобождения Болгарии...» (т.е. выявленные, но не вошедшие в публикацию документы) огромен. Разумеется, он не пропал — его в полной мере использовали ученые нашей страны и Болгарии в своих статьях, монографиях и диссертациях. Важно подчеркнуть, что труд «Освобождение Болгарии...» положил начало многим исследованиям в СССР по истории Болгарии и российско-болгарских связей, о значении русско-турецкой войны 1877–1878 гг. для балканских народов (работы С.А. Никитина, В.Д. Конобеева, А.А. Улуяна, И.В. Козьменко, Н.В. Зуевой, Е.М. Шатохиной, В.М. Хевролиной и др.) — ранее эта тематика была почти не разработана.

Особого упоминания заслуживает высокий уровень комментирования документов. Руководитель проекта С.А. Никитин придавал этому виду работы очень большое значение. Большинство комментариев — настоящие мини-исследования, со ссылками на обширную литературу на разных языках, опубликованные источники, в том числе из редких изданий, и даже на архивные документы. Именно поэтому они весьма информативны, прекрасно написаны и, собранные вместе, вполне могут составить энциклопедический словарь по теме: «Восточный кризис 70-х годов XIX в. и освобождение Болгарии». После выхода в свет этой публикации основательное, профессиональное комментирование станет отличительной чертой многих отечественных изданий документов в последующие десятилетия, а «Освобождение Болгарии...» и поныне остается образцом для этого вида работы.

Такой же высокий уровень отличает и развернутый указатель имен данного труда, которым долгие годы пользовались и пользуются до сих пор историки-балканисты, специалисты по XIX веку, совершенно уверенные в точности указанных в нем сведений.

Именно благодаря аналитическим комментариям и первоклассному справочному аппарату «Освобождение Болгарии...» не может, на наш взгляд, считаться лишь публикацией документов. Это новаторская документально-исследовательская работа высочайшего научного уровня, которая уже 50 лет тому назад признавалась капитальной, фундаментальной и образцовой. И сейчас на нее по-прежнему «равняются» и применяют бесценный опыт участников этого проекта в своих трудах многие слависты и балканисты.

Используя формулировки отчетов нынешнего времени, у публикации «Освобождение Болгарии...» весьма высокий «индекс цитируемости»: на нее часто ссылались и ссылаются в различных научных изданиях, начиная с 1970-х годов. Так, согласно проведенным мною подсчетам, в академическом сборнике документов «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878» (М., 1978), который не дублирует, а дополняет «Освобождение Болгарии...» новыми данными, авторы вступительной статьи 16 раз ссылаются на нее, а в комментариях — 38 раз. Имеются ссылки на «Освобождение Болгарии...» и в коллективных обобщающих трудах и монографиях: «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.» (М., 1978) — 14 раз; «Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.» (М., 1986) — 15 раз; «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.)» (М., 2012) — 33 раза; монография В.Н. Виноградова «Балканская эпопея князя А.М. Горчакова» (М., 2005) — 4 раза и др.

Ссылаются на «Освобождение Болгарии...» в комментариях к документам и создатели ряда фундаментальных публикаций, выполненных уже в XXI веке: «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы» (М., 2008), «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.» (Самара, 2009), «Москва–Сербия, Белград–Россия. Сборник документов и материалов. Том 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 г.». (Белград–Москва, 2011).

* * *

Когда-то Сергей Александрович Никитин сказал, что со временем многие нынешние исторические труды устареют и останутся лишь «фактомисториографии», достойным, в лучшем случае, упоминания в соответствующем разделе чьей-то диссертации. Но НИКОГДА не устареют профессионально выполненные публикации документов — они всегда будут востребованы, к ним будут неизменно обращаться следующие поколения. В народе в таком случае говорят: «Как в воду глядел!»

И поныне трехтомная публикация «Освобождение Болгарии от турецкого ига», в свое время удостоенная многих положительных рецензий и восторженных похвал научного сообщества, при взгляде на нее «из XXI века», заслуживает самой высокой оценки, а труд, вложенный в нее десятилетиями специалистов, — нашей благодарной памяти. Тем же, кто в угоду политической конъюнктуры, стремится «пересмотреть» исторические факты и создать «свою» историю Восточного кризиса 70-х годов XIX в., русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии, хочется пожелать хотя бы раз вдумчиво, «от корки до корки» прочитать этот документальный труд 50-летней давности, который был представлен в нашей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Защита докторской диссертации С.А. Никитина прошла успешно. Вскоре ее автор подготовил данный труд к публикации в издательстве АН СССР. Однако цензура сочла невозможным, по идеологическим соображениям, его напечатать, и набор был рассыпан (Об этом см.: *Чуркина И.В.* Неизданная книга С.А. Никитина // Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. Балканские исследования. Вып.14. М., 1992). Неизданные в 1940-е годы главы из книги С.А. Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.» (кое-что ему удалось опубликовать в некоторых своих работах) смогли увидеть свет лишь спустя 65 лет, в 2013 г., в труде «Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. Сборник статей» (С. 161–372). Это стало возможно благодаря тому, что в архиве профессора Никитина чудом сохранилась верстка книги с его авторскими пометками (ныне она находится у бывшего сотрудника Института славяноведения РАН А.Н. Горяинова, который любезно предоставил ее для публикации).

² Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том первый. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877. М., 1961. С. 386.

³ Там же. С. 260. Письмо И.С. Аксакова Ф.В. Чижову от 27 июня 1876 г.

⁴ Там же. С. 328. Письмо «Г-ова» А.А. Краевскому от 5 августа 1876 г.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 469–470.

⁷ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том второй. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877–1878. М., 1964. С. 23.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 107.

¹² Там же. С. 161.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 127.

¹⁵ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том третий. Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878–1879. М., 1967. С. 8.

¹⁶ Там же. С. 207.

¹⁷ Там же. С. 221–222.

¹⁸ Там же. С. 301.

¹⁹ Там же. С. 308.

Л.Н. БУДАГОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**НЕЗАБЫВАЕМОЕ.
НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ
ГЕОРГИЯ ДМИТРИЕВИЧА ГАЧЕВА**

Abstract:

Budagova L.N. *Unforgettable. A few strokes to the life and work of Georgi Dmitrievich Gachev*

The seventieth anniversary of the Institute of Slavic Studies, celebrated on the January, 31, 2017, like any such events, is a cause to look back and to speak about people impossible to forget. This article is devoted to the extraordinary scholar, philosopher and writer Georgi Dmitrievich Gachev (1929–2008) who worked at the Institute since the mid-1980s and who did a lot for the development and the «emanicipation» of Slavic Philology and other humanitarian studies.

Ключевые слова: Георгий Гачев, Дмитрий Гачев, болгарская литература, ускоренное развитие, стяженность литературного процесса, национальные образы мира, Георгий Димитров.

Сейчас уже трудно сказать, как я познакомилась с Г.Д. Гачевым, но хорошо помню, как в 1960-е годы, когда он уже стал известным ученым и мы уже знали друг друга, я повстречала его то ли на Ленинском проспекте, где мы жили в соседних домах, то ли на улице Воровского (сейчас это Поварская), недалеко от Института мировой литературы, где работал Гачев, и моего родного Института славяноведения. При встрече разговорились, и на вопрос, как ему живется, он сказал, что собирается в кругосветное плавание матросом. Сообразив, что собеседник не шутит, я удивилась, восхитилась и поинтересовалась, не нужна ли на его корабль буфетчица? Как человек галантный, он сказал, что такая буфетчица им нужна. В плавание я не пошла, но встречу с Геной (так я его называла) запомнила. Она поразила меня неожиданностью поступка, а потом, со временем, поняла, что жизнь его полна неожиданностей, которые готовила ему не только судьба, но и он сам.

Я не в курсе их всех, но знаю, что, возвратившись после кругосветного плавания к научной деятельности, Гачев менял места службы, кого-то усыновлял, опекал, женился, разводился, опять женился, растил двух замечательных дочерей. Даже когда в его жизни появилась стабильность — прекрасная семья и работа в нашем Институте, в Секторе славянских литератур, куда он пришел в 1985 г., радуя коллег не только умными мыслями, но и (во время своего «дежурства по чаю») увесистыми рюкзаками с провизией из Дома литераторов, неожиданности не

прекращались. Но теперь они как бы сконцентрировались в проблематике и стилистике его творчества. Источник этих удивительных неожиданностей — та внутренняя свобода, которая была присуща Гачеву, и та отвага, бесстрашие и подвижничество, с которыми он ею пользовался, ее реализовывал. Заинтересовался Гачев «национальными образами мира», и — пожалуйста, вышла целая серия его «интеллектуальных путешествий» в разные страны и на разные континенты — от Америки, до республик Средней Азии (Казахстан, Киргизия) и Кавказа (Грузия, Армения). Он двигался не только вширь, но и вглубь, зондируя «Космо-Психо-Логос» и населения Польши, Литвы, Эстонии (2003), и «кочевника, земледельца, горца Евразии» (1999). Стало ему тесно в сфере гуманитарных наук — он смело выходит за их пределы и создает «Гуманитарный комментарий к физике и химии», начиная «диалог между науками о природе и человеке» (2003), рассматривает «Математику глазами гуманитария», создавая «дневник удивлений математика» (2006). Захотелось ему исследовать не «национальные образы мира», а национальную специфику взаимоотношений полов, одного из «основных инстинктов», управляющих людьми, Гачев вместе с сотрудниками нашего Института организует конференцию «Национальный Эрос и культура» с преимущественным вниманием к культуре славян, а в 2002 г. выпускает совместно с Людмилой Николаевной Титовой (1934–2004) одноименную книгу, где научные статьи были по просьбе издательства «Ладомир» разбавлены пикантными произведениями на эротические темы.

Поднимая глобальные, но отнюдь не избитые проблемы, мобилизуя обширнейшие знания и свою интуицию, таланты ученого и писателя, создавая подчас своеобразные жанрово-стилистические коктейли текстов, в которых было много всего, но не было наукообразия и скуки, Георгий Дмитриевич способствовал «раскрепощению» научного творчества, стимулируя не только профессиональный, но и широкий читательский интерес к его плодам.

Весьма показательна в этом плане его книга «Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством» (М., 1997). Сам автор назвал свое «открытие Америки» «интеллектуальным детективом или романом-хепенингом» (от английского «happy ending»). Текст данного «поединка жанров» (выражение Гачева) — это сплав воспоминаний, страничек из дневника, зарисовок, очерков, философских размышлений, пронизанных исповедальной интонацией, любовью к России и к жизни, к ее большим и малым радостям, которые дарят — солнечный день, сбор ягод в лесу, общение с маленькой дочуркой, Ларисой. И все это подчинено спорам с самим собой, не уехать ли за границу, в Америку, как это сделал его друг, или остаться на родине. И вот вывод: «И когда после при-

кидки себя там выбрал: оставаться! — особо милой предстала и Россия, и «советчина», даже «застой», и пьянь, и лень — все-то любезно сердцу и уму: хвалю свое болото, кулик!.. В такой вот экзистенциальной ситуации пограничной и в такой эмоциональной гамме написана моя фреска об Америке, детектив-дознание до сути ее»¹.

Главный аргумент в пользу России читатель найдет в сцене общения автора со своей дочуркой. «Ну что может быть дней моих сладчайше этих! Когда я вот уже три дня один с женушкой-хозяюшкой мне махонькой! Любименький! Славненький! Все-то вокруг папки увивается, в огороде — так в огороде, огурчики полоть — пожалуйста: сразу схватывает, бормочет, песенки свои поет-слагает! И вся в радости под папкой, как под Богом, ходит. Все щиплет, кушает: клубничку, морковку, смородинку [...] И я ей счастье обеспечиваю — и сам тем вполне счастлив. Какие мне там еще путешествия в Америки надо? Я лучше здесь буду при зайюшке, а воображением можно и в отлет — не запрещается и не мешается счастьем домашку иметь абсолютное ограничение в чем-то, чтоб успокоиться на счет недоступного себе — и устремиться в ту сторону, где ты можешь и в смысле тау (позволено), и сап (в силах, талант-охоту имеешь). А то ведь в разнос пойдешь и в дрызг, и в дребезги»³. Прямо не литературоведение, а какая-то школа жизни! Не ученый перед нами с талантом мыслителя, философа, лирика, а настоящий Мудрец!

Оригинальность Гачева получила признание, не осталась незамеченной.

«Блестящие мысли» и свой способ образного мышления отмечал у него Д. С. Лихачев. Чингиз Айтматов писал: «Меня всякий раз удивляет стихия его воображения, способность видеть уникальное в привычном» (обе цитаты — с обложки книги «Национальные образы мира»). Деавтоматизация восприятия, способность свежо и по-новому взглянуть на вещи — особенность искусства, наиболее ярко проявляющаяся в поэзии. Гачев раскрывал уникальное не только в явлениях мировой культуры, в национальном менталитете, но и в повседневности. Поэтому в аттестации Гачева как ученого не хватает таких определений, как художник и поэт, как человек, тесно связавший науку с искусством, с поэзией и лиризмом, раскрывающих не только предмет исследований, но и душу автора. И еще, что выдает в нем поэта, — это способность чувствовать слово и играть словами. «О! Пора уже землянику собирать! — это я, совершая обход по местам-угодыям своим (заодно с промышлением: собирая созревающие мысленьки — ах! слово какое славное, ласковое сказалось: “мысленьки” — как гусельки. А “мысленки” — как масленки-опенки; “мыслята” — опята, ребята), — заглянул проверить, как дела на вырубке?»⁴.

Путь к известности Гачев проложил уже первой своей монографией, посвященной такому распространенному явлению, как «ускоренное развитие литературы», однако до Гачева как бы не распознанному, не получившему ни объяснения, ни определения своего места и последствий в истории мировой культуры⁵. Д.С. Лихачев в группе работ «стимулирующих» («Это работы..., с которыми я готов спорить, но которые будят мысль, тревожат и волнуют исследователя») назвал «две книги М. Бахтина — о Достоевском и о Рабле», «книгу Конрада "Запад и Восток"» и работу Г. Гачева об ускоренном развитии литературы⁶.

В коротком «Слове от автора» к «Неминуемому» Гачев предлагает воспринимать свой труд об «ускоренном развитии литературы» «и как роман: жизнеописание народа, возрастание культуры из детства в мужество — и даже как детектив: дознание до истины и сути литературного процесса, до его тайных причин, соучастников и опасных связей»⁷.

Этот роман (и одновременно детектив) поражает уже своим кругозором, когда типы развития народов, их культур и литератур прослежены в эволюции, вписаны в контекст истории человечества и его современного состояния.

По мысли автора, нормальное развитие — с последовательным прохождением всех эволюционных ступеней — и развитие ускоренное, когда народы и их культуры, по каким-либо причинам отстававшие от других, ускоряют — в стремлении наверстать упущенное — темп поступательного движения, существовали всегда, но не изолированно, а в связях друг с другом. При этом, как доказывает Гачев, ускоренное развитие плодотворно «в обе стороны: и для воспринимающих народов, поскольку они впитывают в себя высочайшие достижения мировой цивилизации, и для этой последней»⁸, иными словами, и для народов, чьи культуры выступают в роли доноров. Сложившиеся представления о плодотворности (и неизбежности) взаимодействия разных национальных литератур Гачев обогащает и уточняет наблюдениями о плодотворности взаимодействия культур (литератур), находящихся на разных стадиях развития, как бы включая тем самым в систему литературных взаимосвязей новые звенья. Особенно перспективно в концепции Гачева, на наш взгляд, признание ценностей опыта не только более, но и менее развитых народов. «...И то, что мы ценим народы независимо [...] от уровня их развития, — не есть просто знак формального к ним уважения. Это уважение есть научно-закономерный вывод из признания равной ценности для будущих судеб человечества усилий разных народов»⁹.

К сожалению, «равноценность усилий разных народов» и их культур для настоящего и будущего человечества недостаточно учитывается в отечественной и зарубежной науке о литературах, где в центре внимания —

романские и германские литературы, из славянских — русская. Более же молодые литературы других славянских этносов, чье развитие было осложнено веками иноземного владычества, практически оттесняются на периферию научных интересов. Противостоять этим тенденциям в культурологии и литературоведении невозможно, да и не нужно, поскольку они базируются на объективной значимости своей материальной базы. Однако ею нельзя и ограничиваться, обедняя представления о сокровищах мировой культуры из-за недостаточной изученности творческих достижений других народов. Концепция Гачева, активно противодействуя любым проявлениям научного снобизма, способствует повышению престижа даже отстававших в своем развитии литератур.

Это тем более актуально, что в изучении взаимосвязей литератур, находившихся на разных эволюционных ступенях (например, русской с зарубежными славянскими), до сих пор проглядывает определенная односторонность. Мы располагаем огромным количеством примеров о русском влиянии на литературы инославянские, испытывая дефицит фактов обратных. Отчасти это отражает объективную реальность, отчасти является научным пробелом. Сотрудники-литературоведы Института славяноведения стремятся его если не ликвидировать (это дело будущего), то хотя бы уменьшить. Так, после издания сборника «Россия в глазах славянского мира» (2007), где, наряду с представлениями хорватов и поляков о русских землях и русской культуре, анализировалось русское влияние на болгарское национальное возрождение и сербскую литературу рубежа XIX–XX вв., началась работа над проектом «Славянский мир в глазах России». Она завершилась выпуском одноименного коллективного труда (2011). В нем, помимо трех разделов «Мифы и реалии польско-русских отношений», «Восприятие болгар и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» и «Образ жизни славян в свидетельствах очевидцев» — есть раздел четвертый, самый объемный — «Освоение Россией художественных ценностей славян». В его статьях, помимо всего, речь идет об обратных влияниях славянских литератур на русскую (например, К. Чапека на Алексея Толстого — драмы «Р.У.Р.» чешского писателя на толстовский «Бунт машин»; Ярослава Врхлицкого на Константина Бальмонта; чешской культуры на Марину Цветаеву и т.д.).

Влияние инославянских литератур на русскую прослеживается не только в XX веке, когда отстававшие в развитии народы уже преодолели свое отставание, став равноправными партнерами в системе межкультурных связей. Встречный интерес России к культуре других славянских народов, (а стало быть предпосылки их влияний) имел место еще в период национального возрождения славян (с конца XVIII до конца XIX в.), т.е., на самой активной фазе их ускоренного развития. Уже тогда появились

переводы на русский язык произведений зарубежных славянских писателей, русские антологии славянской поэзии, труды по истории славянских литератур (Н. Гербель. Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей. СПб., 1871; А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович. История славянских литератур, том II. СПб., 1881 и др.). Давняя заинтересованность России в популяризации культурных достижений своих этнических братьев, вызванная в первую очередь славянофильскими настроениями, в то же время подтверждает тезис Г.Д. Гачева, что ускоренно развивавшиеся народы не только многое берут от мировой цивилизации, но и обогащают ее своим опытом и духовными ценностями.

Поступив, как уже упоминалось, в 1985 г. на работу в Институт славяноведения, Г.Д. Гачев сначала вполне комфортно чувствовал себя в Отделе (в то время секторе) славянских литератур. Однако когда там было решено создавать трехтомную «Историю литератур западных и южных славян», Георгий Дмитриевич, уже увлеченный «национальными образами мира» и другими высокими материями, тихо ретировался в сектор культуры, под крылышко Людмилы Александровны Софроновой (1941–2013), прекрасного человека и ученого, пока об «историях» не помышлявшей. Тем не менее, даже не войдя в авторский коллектив трехтомника, Георгий Дмитриевич все же стал его незримым участником благодаря своей концепции «ускоренного развития литературы», которая была даже не столько концепцией, сколько открытием. Открытием не мелочей, а особенностей литературного процесса у народов, чье нормальное развитие было осложнено и замедлено в силу каких-либо обстоятельств. Южные и западные славяне с эпохи Средневековья страдали, как известно, от гнета Османской и Австрийской империй со всеми вытекающими из этого печальными последствиями для литератур подневольных народов. Ослабление иноземного гнета под воздействием просветительских идей ведет к пробуждению и ускоренному развитию этих литератур. Из славянских его переживают не только сербская и болгарская словесность, о которых упоминает Георгий Дмитриевич, особенно подробно анализировавший ускоренность развития болгарской литературы, дающей для этого благоприятный материал. Этот процесс охватывает все литературы южных и западных славян, за исключением польской. Польша попала в кабалу Пруссии, Австрии и России после третьего своего раздела в XVIII в., что, впрочем, не отразилось на состоянии ее культуры и литературы, базировавшихся на прочных национальных традициях, сложившихся до разделов польских земель.

Ускоренность литературного развития вела к его стяженности, к совмещению разностадийных явлений, например, течений классицизма и

сентиментализма, или двух типов романтической поэзии — фольклорного и байронического типов. Один базировался на народном творчестве, другой — на опыте западноевропейских романтиков, прежде всего Байрона. Сторонники этого варианта акцентировали не национальные, а экзистенциальные проблемы, сосредотачивались на переживаниях личности, вступающей в конфликт с обществом и осужденной на гибель. Освоение западноевропейской куртуазной лирики, которую в Чехии, к примеру, сочиняли далекие от светской жизни сельские учителя или священники, сочеталось с собирательством и изданием устного народного творчества, с подражанием русским былинам и чешским народным песням¹⁰.

Ускоренность проявлялась и в специфике многоликого славянского модернизма рубежа XIX–XX вв. (вошедшего в историю национальных литератур как «модерн», или «модерна»). В его русле не только возникали новые течения (символизм, декаданс, импрессионизм, натурализм), как это происходило в Западной Европе, но и «дозревали» до более высокой стадии возникшие ранее направления: происходила лиризация и субъективизация романтизма, склонного у славян к героической эпике, реализм избавлялся от идеализации национального коллектива, становился реализмом критическим, обращался к психологическому анализу, к исследованию внутреннего мира человека, к элементам поэтики натурализма и экспрессионизма¹¹.

Как оказалось, авторы вышеупомянутого трехтомника подтвердили на материале славянских литератур открытие Г.Д. Гачева, увидевшего существенный признак «ускоренности» в «стяжении» литературного процесса, в присутствии на одном и том же этапе разностадийных тенденций.

* * *

Уроженец и патриот России, считавший период правления Л.И. Брежнева лучшим в истории СССР, Георгий Дмитриевич Гачев относится к тем людям и образам, которые на всю жизнь определили мое позитивное отношение к болгарам и Болгарии¹², невзирая на то, что эта страна в двух мировых войнах выступала на стороне противника.

Первым среди них был герой моего любимого тургеневского романа «Накануне» Дмитрий Никанорович Инсаров, прообразом которого послужил, как известно, болгарский поэт и просветитель Николай Дмитриев Катранов. Он родился в 1829 г., в 1848 приехал на учебу в Москву, влюбился в русскую девушку. Закончив Московский университет, в мае 1853 г. отправился с женой в Болгарию, а по дороге туда, в Венеции, умер от туберкулеза, Тургеневский Инсаров, как известно, скончался в той же Венеции в апреле 1854 г. Если бы этого не случилось и он бы вернулся на родину, то вряд ли дожил бы до старости, скорее всего разделил бы

судьбу знаменитых болгарских революционеров — Василя Левского и Христо Ботева, погибнув где-нибудь в сражении с турками. Школьницей я увлеклась Инсаровым, наверное, не меньше, чем Елена Стахова, и даже пыталась разыскать в Москве, в районе арбатских переулков, дом, куда автор поселил своего героя. Именно образ Инсарова определил с юных лет мое отношение к Болгарии — теплое и заинтересованное.

Вторым стал Георгий Димитров (1882–1949), не боюсь в этом признаться, хотя он свергнут с пьедестала в своей стране, но, слава Богу, еще стоит на пьедестале памятника в Замоскворечье, недалеко от Каменного моста и Дома на набережной, где он жил во время Великой Отечественной войны. Димитров был для меня не героем Лейпцигского процесса и не руководителем Коминтерна (обо всем этом в детстве я мало что знала), а отцом моей одноклассницы Фани Димитровой, дочери погибших китайских революционеров, которую он совсем крохой удочерил и о которой нежно заботился вместе со своей женой Розой, хотя в их семье уже рос усыновленный ребенок. Необыкновенно скромный и талантливый человек, Фаня была совестью и гордостью нашего класса, писала блестящие сочинения и остроумные стихи, из нее мог бы получиться прекрасный гуманист. Но, окончив школу с медалью, она поступила в Московский энергетический институт, стала инженером. Всю свою, к сожалению, недолгую жизнь Фаня прожила в Москве, храня верность светлой памяти своих приемных родителей.

В том же ряду близких моему сердцу болгар — Дмитрий и Георгий Гачевы.

О судьбе болгарского политэмигранта Дмитрия Гачева (1902–1945) я узнала из интернета и публикаций его сына. Эмигрировав после разгрома Сентябрьского восстания 1923 г. на Запад, чернорабочий на заводах Бельгии и Франции, всесторонне одаренный сын учителя, успевший получить на родине хорошее образование, он заручается поддержкой Г. Димитрова для поездки в 1926 г. в СССР на учебу в Московской консерватории. Закончив ее в 1930 г. — на следующий год после рождения сына, Д. Гачев поступает в аспирантуру Института красной профессуры, защищает диссертацию «Эстетические взгляды Дидро». С 1935 г. он заведует редакцией западноевропейских классиков в Гослитиздате. 25 февраля 1938 г. его принимают в Союз советских писателей, а на следующий день арестовывают «по подозрению в измене». После допросов с пристрастием Д. Гачева отправляют на Дальний Восток, на каторгу. Попытки Г. Димитрова и В. Коларова добиться его освобождения, не увенчались успехом. Родные так и не дождались его возвращения.

Поражает мужество этого человека. Даже на каторге он не падал духом, оставался главой и опорой семьи, внушал в своих письмах надежду,

утешал жену, давал советы подрастающему сыну, посылая ему списки литературы, что читать, как жить, как воспитать в себе личность.

Близко к сердцу принимая трагический поворот судьбы Георгия Дмитриевича в детские годы, я всегда восхищалась и восхищаюсь его родителями, сумевшими — вопреки всему — воспитать человека, который стал гордостью русской культуры, вписав свое имя в ее историю и современность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гачев Г.* Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянство. М., 1997. С. 4.

² Там же. С. 31.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964; *он же.* Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М., 1989.

⁶ См. обложку книги Г.Д. Гачева. Неминуемое.

⁷ *Гачев Г.Д.* Неминуемое. С. 3.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. С. 6.

¹⁰ История литератур западных и южных славян. Том второй. Формирование и развитие литератур Нового времени / Отв. ред. С.В. Никольский. М., 1997. См.: Часть I. Литература второй половины XVIII века — второй половины XIX века. С. 9–333.

¹¹ История литератур западных и южных славян. Том третий. Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год) / Отв. ред. Л.Н. Будагова. М., 2001. См.: Часть I. Литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918). С. 12–348.

¹² См.: *Будагова Л.Н.* Друг юности моей Дмитрий Никанорович Инсаров, или — Московские адреса болгарских эмигрантов // Дружба. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. М., 1990. № 5 (сентябрь–октябрь). С. 116–120.

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН

Г.П. МЕЛЬНИКОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ ИЗ РОДА ПРШЕМЫСЛОВЦЕВ В «ЧЕШСКОЙ ХРОНИКЕ» ВАЦЛАВА ГАЕКА: СОЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФИКЦИИ И ЕЕ ЦЕЛИ

Abstract:

Melnikov G.P. *First dukes of the Přemyslid dynasty in the «Annales Bohemorum» by Wenceslaus Hajek: creation of a historical fiction and its purposes*

The *Annales Bohemorum* (Czech chronicle) by *Wenceslaus Hajek* (published in 1541) contains a mythical story about the first Czech princes of the Přemyslid dynasty; the story was mainly composed by the author of the chronicle. The purpose of this historiographic fiction is to raise the prestige of the Czech Duchy at the early, pagan, stage of its existence using a description of the «good deeds» of the princes. One of its main purposes was to integrate the pagan period into the historical retrospective of the Czech statehood as a phase in which the basic institutions of the government and the laws of the country were formed. Thus, thanks to historical fiction the chronicler established a concept of state continuity of the Czech Principality and the value of the pagan age as well. This concept was supposed to contribute to the strengthening of the Czech identity and patriotism at the beginning of the reign of the Habsburgs.

Ключевые слова: Чехия, хронистика, Вацлав Гаек, Пршемысловцы, язычество, государственность, княжеская власть, благо страны, фиктивные сведения.

«Чешская хроника» Вацлава Гаека из Либочан, написанная на чешском языке и изданная в Праге в 1541 г., является очень своеобразным памятником чешской хронистики. Автор, католический священник, исходя из патриотической концепции чешской истории, добавил к сведениям, взятым им из предшествующих сочинений чешских хронистов, много собственных выдумок. Это делает его произведение предшественником жанра исторического романа. Хроника Гаека стала в раннее Новое время самым популярным чешским историческим сочинением, формировавшим чешское историческое сознание в эпоху утраты Чехией государственной самостоятельности. Лишь критический анализ хроники, предпринятый

в эпоху Просвещения Гелазиусом Добнером (1760-е годы), выявил ее недостоверность как исторического источника. Однако влияние «Чешской хроники» Гаека, включая вымышленные им сюжеты и события, на последующую чешскую культуру было очень значительным¹. В 2013 г. вышло первое полное научно-критическое издание очень большой по объему Хроники Гаека, осуществленное чешским филологом Яном Линкой, однако без исторического анализа достоверности ее информации². К числу главных вымыслов хрониста относится подробное повествование о правлении первых чешских князей из рода Пршемысловцев, занимающих место между легендарным основателем династии Пршемысл-пахарем и первым исторически известным князем Борживоем. Этот текст Гаека и будет предметом нашего анализа.

Необходимо отметить, что у Гаека здесь были предшественники. У первого чешского хрониста Козьмы Пражского в его «Чешской хронике» (начало XII в.) содержится краткий перечень князей от Пршемысла до Борживоя. При этом хронист отмечает, что «о жизни и смерти этих князей ничего не известно, кроме того, что были они преданы обжорству и сну, были необразованны, ничему не учились, были подобны животным, так что, и это противоестественно, тело было им для удовольствий, душа же их отягощала; подробно мы о них не знаем, потому что в то время не было того, кто бы пером сохранил память об их делах»³. Тем самым Козьма четко выразил свою позицию: источников не существует, но моральный облик князей подлежит осуждению, так как речь идет о правителях эпохи язычества, когда заботе о душе не придавалось значения. Следующую главу X он начинает с сообщения о том, что князь Гостивит родил Борживоя — первого чешского князя, принявшего христианство. Однако тут же Козьма хронологически возвращается назад, чтобы привести обширный рассказ о битве на Турском поле — междоусобном сражении, состоявшемся при князе Неклане, против которого выступил князь лучан Властислав. Этот рассказ занимает главы X–XII. Согласно оригинальной гипотезе чешского ученого Вацлава Карбусицкого, этот текст Козьмы является переработкой более старой эпической песни⁴. Сам Козьма отмечает, что знает о битве из «предания»⁵. Очевидно, отсюда же он взял характеристику князя Неклана как трусливого человека⁶, вошедшую в последующие чешские хроники. В главе XIII Козьма приводит рассказ о некоем Дуринке, которому Неклан дал на воспитание сына погибшего князя лучан Властислава, но тот убил ребенка, чтобы выслужиться перед Некланом, но просчитался и был казнен. Этот рассказ с некоторыми модификациями также фигурирует в последующих чешских хрониках.

В плане отношения Козьмы к достоверности своих источников по языческой эпохе чешской истории характерно его заявление в конце гла-

вы XIII: «Поскольку все эти дела произошли в стародавние времена, оставим читателю судить, действительно ли они были, или же их выдумали». Теперь же он начинает рассказ о достопамятных делах, подтвержденных надежными историческими источниками⁷. Поэтому следующую главу, начинающуюся с крещения Борживоя, он снабжает точной датой — 894 г. Это первая датировка событий в его хронике⁸.

Несколько больше сведений о данном периоде содержится в Хронике так называемого Далимила (окончена в 1314 г.), написанной на чешском языке в стихотворной форме⁹. Как полагают комментаторы, эта информация является плодом творчества самого автора или же в значительной мере взята из устной традиции, т.е. из исторического предания, за исключением рассказа о битве на Турском поле, который автор заимствовал у Козьмы Пражского, несколько изменив в соответствии со своей патриотической концепцией¹⁰. Сведения по истории князей, правивших между Пршемыслом и Борживоем, содержатся в главах 16–22.

Вначале Далимил просто перечисляет князей, как и Козьма Пражский. При этом он констатирует, также в согласии с Козьмой, что от Незамысла до Кршезомысла никто «не оставил по себе доброго имени», осуждает нравы князей и говорит об отсутствии письменных сведений о них: «Так как были плохи их нравы, о них в книгах ничего не содержится»¹¹. Он выделяет лишь одного Неклана, явно в связи с тем, что дает рассказ о битве на Турском поле и ее последствиях. Неклана хронист характеризует как мудрого, но трусливого человека¹². Рассказ о битве он дополняет эпизодами, связанными с вещими предсказаниями чародеек, и другими деталями, большинство из которых впоследствии заимствовал Гаек. Также Далимил говорит о правлении сына Неклана Гостивита. Против него восстал потомок луцкого князя Властислава Лева, которому удалось нанести поражение пражанам. Как именно, об этом Далимил рассказывает байку, окрашенную черным юмором¹³, которую, однако, Гаек не приводит. У Далимила многие эпизоды, имеющие характер байки, должны объяснять топонимию, связывающую названия крепостей и других локусов с «историческими» событиями. В этом плане Гаек стал продолжателем этой тенденции.

Гаек берет у Козьмы и Далимила генеалогию князей Пршемысловцев языческих времен и рассказ о правлении Неклана и Гостивита, главным содержанием которого была война с князьями Луцка. Остальное историческое содержание этого периода правления мифических князей он явно сочинил сам. Поэтому нам важно выяснить характер, направленность и цели этой беллетризации истории. Одной из них, что отмечалось всеми исследователями, было объяснение топонимов, связанных с освоением территории, так как это доказывало древность данного процесса и его

континуитет. В отличие от своих предшественников Гаек дает точные датировки всех мифических событий, что имеет целью подчеркнуть их историческую достоверность и хронологически систематизировать историю Чехии, на полных правах включив языческий период в историческое развитие страны. Наполнение этого периода значимыми событиями должно было подчеркнуть активность чехов начиная с древности, повысить статус языческих времен в исторической ретроспективе. Гаек, собственно говоря, заполняет лакуну между основателем династии и первым князем-христианином, которая «черным пятном» обозначала языческий период в старых чешских хрониках. При этом он насыщает этот период событиями и феноменами, имеющими принципиально важное значение для последующей чешской истории, тем самым углубляя в прошлое многие специфические черты чешского общества, сформировавшиеся позднее, что способствует их легитимации и акцентирует древность традиций.

Рассмотрим последовательно повествование Гаека. Пршемыслупахарю, основателю династии, наследовал его сын Незамысл, начало правления которого Гаек помещает под 745 годом¹⁴. Гипотеза известного чешского историка Душана Тршештика о том, что Незамысл был братом-близнецом Пршемысла¹⁵, не имеет никаких оснований в источниках. Конечно, Д.Тршештик прав, считая, что имя Незамысл (недалекий разумом) является противоположностью имени Пршемысл (премудрый)¹⁶. Однако Гаек не обращает внимания на семантику имени. У него Незамысл представлен как разумный правитель, склонный к миру, но отстаивающий свои интересы военным путем, когда это необходимо. В 748 г. возник территориальный спор между Незамыслом и коуржимским князем Розгоном, закончившийся поражением последнего, которому Незамысл отрезал нос и собственноручно принес его в Коуржим (81). Таким образом, уже с самого начала повествования о мифических князьях Гаек утверждает идею о пагубности межплеменных и межкняжеских войн, о детерминированности поражения в войне с Пршемысловцами и о позорном наказании сопротивляющегося.

Незамысл представлен как мудрый правитель, заботящийся о благе государства: «Князь Незамысл начал княжеством своим очень мудро править и со всех сторон его расширять» (84). В этой фразе обращает на себя внимание акцент на расширении границ государства. Она явно исходит из принятой в средневековой Чехии формулировки в титулатуре монарха и в обращении к нему: «расширитель государства». Князь правит при участии и при поддержке народа («все»). По вопросам экономического и правового развития страны Незамысл собирает вече («всех») на Вышеграде. Оно решило, что он как князь всей страны разделяет ее на части и дает «каждому из владык, особенно сильнейшим, у которых больше

всего челяди», определенную часть земли, чтобы они корчевали лес и образовавшиеся поля засеивали зерновыми культурами, а затем платили налог князю с каждой части земли, границы которой измерены шагами, и исполняли другие службы. Князь приказал записать это решение на «дубовые доски» (84).

В этом сообщении есть несколько важных моментов. Во-первых, уже сформировался слой «владык», причем имущественно дифференцированный. Во-вторых, начинается процесс внутренней сельской колонизации на чешском праве — процесс, хорошо известный в более позднее время. В-третьих, землевладельцы связываются с князем налоговыми и служебными обязательствами. При этом князь выступает как законодатель, продолжающий дело основателя династии Пршемысла. Отметим также анахронизм с «досками». Гаек явно имеет в виду современную ему реалию — так называемые земские доски. Это собрание государственных и иного рода документов, имеющих юридический характер, в частности, туда входят записи, фиксирующие земельные владения. Книги таких документов переплетались для прочности в деревянные доски. Таким образом, хронист значительно удлинняет существование этого важнейшего рода документов, возводя его возникновение к VIII в. До этого сообщалось, что первым законодателем был сам Пршемысл (56). Хронист, собственно, обходит молчанием вопрос о существовании письменности у чехов в это время. Позднее он будет говорить о первой письменности у них, принесенной кирилло-мефодиевской миссией, причем о письменности латинской (170), что явно противоречило исторической действительности, но было необходимо католическому автору, чтобы связать начало чешского христианства с латинством. Какой письменностью были зафиксированы первые чешские законы, остается непонятным.

Значительная роль знати проявляется в выборе жены князя. В Хронике Гаека многократно повторяется ситуация, когда именно знатные люди находят ему невесту (84, 93, 113, 124–125, 138, 153). Гаек всегда указывает имя девушки и ее отца, а также деревню («весь»), откуда они родом. Скорее всего, отец невесты является владельцем этой деревни, поэтому невеста происходит из слоя средних владык. Иногда это может быть не очень знатный, но богатый человек. Так, отец невесты будущего князя Мнаты, владевший всего лишь «двором», дал в приданое «много золота и серебра, 100 коров и 100 волов и стадо овец» (98). Женитьбу знатные люди обосновывают необходимостью легитимной передачи власти наследнику («чтобы не пресекался род», 98). Также «с разрешения старейшин» Незамысл женит своего сына Мнату (98). Следует отметить, что все жёны князей характеризуются как красавицы, что, очевидно, должно было способствовать положительному имиджу княжеской семьи.

Незамысл заботится об экономическом благе страны и своего рода. Когда племя лучан помешало добыче соли, он стал защищать солеварни (83). Чтобы обогатить своего сына Мнату, Незамысл приказал искать залежи золота и серебра и чеканить новую монету с именем или изображением Мнаты (84). Эта инициатива повторяла то, что уже существовало при Пршемысле (59). Следовательно, начало серебряных разработок и чеканки монеты, чем Чехия прославилась в XIII–XIV вв., Гаек относит к древнейшим временам.

Пожалуй, самым перспективным деянием Незамысла стало основание Праги, предпринятое им с согласия «всего народа» (87). Из последующего контекста становится ясно, что имеется в виду Пражский Град, тем самым основание столицы Чешского государства относится к 759 г., что на столетие удлиняет ее историю. Ее и крепость Вышеград князь укрепил каменными стенами (87, 91).

Гаек акцентирует легитимность наследственной власти Пршемысловцев сообщением о Княжеской могиле под Вышеградом, где Незамысл «был погребен... недалеко от своего отца» (100). Таким образом формируется родовая усыпальница Пршемысловцев. Говоря о том, как народ оплакивал Незамысла, хронист особо подчеркивает, что при нем был покой в стране, которую он значительно укрепил, велел выкорчевывать леса и основывать деревни (101), т.е. на первое место выдвигаются мир и внутренняя колонизация.

Далее следует сообщение о переходе власти к Мнате. С одной стороны, он легитимный наследник, с другой, эту легитимность должны подтвердить выборы князя. Поэтому по приказу «владык, вельмож, земанов (мелких землевладельцев. — Г. М.) и старейшин» собралось «всё множество народа», которое единогласно избрало Мнату (101). Таким образом, мы видим сочетание двух различных принципов — примогенитур и выборности князя вечем. Эта особенность передачи верховной власти станет характерной чертой чешского раннего Средневековья, которая акцентируется у хронистов XII–XIV вв.¹⁷ Гаек опять же переносит в глубь веков начало этой традиции.

Князь Мната характеризуется как последователь дел своего отца, как «господин справедливый, любящий спокойствие». На одиннадцатый день после выборов жена родила ему «красивого сына», которого назвали Воен (101). Последнее обстоятельство в глазах средневекового человека было далеко не маловажным.

Знать поддерживает князя при подавлении мятежа управителя Вышеграда Кршесомила, попытавшегося свергнуть Мнату (103). Мната также пользуется поддержкой в ведении войн с мораванами и немцами, нападавшими на чехов (103, 113).

При этом князе активно идет строительство Праги. Под Пражским Градом заложен малый город — будущая Мала Страна (105). Интерес представляет мотивация основания Старого Города Пражского. Мната собрал «всех жителей своего княжества», т.е. вече для принятия этого решения, обосновывая его тем, что народ должен быть сконцентрирован в одном месте, а не разбросан по полям и лесам. Решили построить город и укрепить его стенами (107). Здесь Гаек обрисовывает структуру пражской агломерации, как она сложилась к середине XIV в.: Пражский Град с Градчанами, Мала Страна и Старый Город Пражский на другом берегу Влтавы. Важный аспект создания столицы — согласие «всего народа». Поэтому она становится не только резиденцией верховной власти, но и средоточием населения, центром Чешской земли и, в переносном значении, общества. Также важно, что население Праги составляют этнически чешские жители, вчерашние крестьяне, собранные в город. Это положение Гаека скрыто противостоит распространенному мнению об основании Старого Города немецкими колонистами, подчеркивая общую патриотическую концепцию хрониста. Также важно отметить, что Мната устанавливает на Малой Стране должность рихтаржа — представителя княжеской, затем королевской власти в городе (105). Гаек и в этом случае хронологически отодвигает вглубь позднейшую институцию власти.

Мната также провел судебную реформу. На Свинском холме (будущий Петржин), где еще основательница династии княгиня Либуше, пророчествовавшая о будущем основании Праги и ее величии, построила высокий деревянный дом, он приказал воздвигнуть большой каменный дом, где учредил две судебные палаты: женскую во главе с княгиней Стржезиславой и мужскую, которую возглавил сам. Вельможи восприняли это неоднозначно, многие были против, говоря, что их предки тяжело сносили суды Либуше и буйство «девичьей войны», сами же они опасаются возврата к женскому правлению. Другая часть знати поддержала реформу, считая положенный в ее основу гендерный принцип справедливым. Хронист констатирует, что так и осталось (103). Смысл этого рассказа представляется весьма темным. Во-первых, далее нигде не говорится о функционировании этого двухпалатного суда. Существует лишь суд князя, намного позднее возникают сословные суды. Нет никаких следов специального женского суда. Во-вторых, непонятно, зачем Гаеку понадобились исторические реминисценции, отсылка к правлению Либуше до брака с Пршемыслом и к восстанию ее женской свиты после ее смерти против мужской части чехов, поддерживавших Пршемысла (так называемая девичья война, чешские амазонки, сказание о которых фигурирует у Козьмы Пражского и придает особую пикантность ранней чешской мифической истории). Во всяком случае, утверждение гендер-

ного юридическо-процессуального равноправия выглядит неуместным и лишенным конкретного смысла.

Говоря о смерти Мнаты, последовавшей «от мора» в 804 г., Гаек выделяет его достоинства, ставшие уже традиционными при итоговой оценке деятельности правителя. Он был «муж очень справедливый и стремящийся к спокойствию»; похоронили его в родовой Княжеской могиле (113).

При передаче власти сыну Мнаты Воену произошел конфликт. Так как в то время Воен лежал при смерти, будучи поражен мором, вельможи избрали временного правителя. Здесь характерно сохранение легитимности: пока наследник жив, нельзя избирать другого князя. Править стал Роговиц из рода Вршовцев, соперничавших с Пршемысловцами. Почему вельможи выбрали именно его, не объясняется. Остается лишь предполагать, что это место занял самый знатный и богатый вельможа, который мог бы стать основателем новой династии в случае смерти молодого Воена, не имевшего сыновей. Роговиц начал править тиранически. Главная его ошибка состояла в том, что он стал отбирать владения знати. Поэтому вельможи, взяв выздоровевшего Воена, пошли на Вышеград, но Роговиц потребовал, чтобы на выборах князя он шел первым номером перед наследником Мнаты. Однако вельможи захватили Вышеград, Роговиц бежал, а чешская знать признала законным князем Воена без процедуры выборов и дала ему в жены красавицу Баньку, дочь Красоня из деревни Зволице (113). Таким образом, династия Пршемысловцев укрепилась благодаря поддержке большинства знати.

В 806 г. у княжеской четы родился сын. Гаек особо останавливается на его именах. Ребенка официально назвали Кршезомир, что означало «острая мысль» или «острый ум». Родственники матери стали звать его Внислав, что означало «в нас слава» или «наша слава» (114). Из этого следует, что он был призван прославить прежде всего род своей матери, но почему, остается непонятным. Гаек также придает значение семантике имени второго сына княжеской пары — Вратислава, объясняя, что оно означает «чтобы к нам вернулась слава» (114). Очевидно, утеря славы связывалась с трудностями вступления на престол Воена, обусловленными соперничеством рода Вршовцев.

Это соперничество имело продолжение, закончившееся победой Пршемысловца. В 812 г. Воен созвал «сейм» (именно этот гораздо более поздний термин здесь употребляет Гаек), очевидно, чтобы еще раз получить поддержку знати. Роговиц на него не явился, более того, казнил посла, направленного к нему. Поэтому войско пражского князя отправилось воевать с ним. В результате Роговиц был взят в плен (116–117). Зная дальнейшее сопротивление Вршовцев власти Пршемысловцев, от-

носящееся уже к реальной, а не мифологической истории, мы можем с уверенностью предположить, что Гаек специально отодвинул конфликт между двумя родами в глубокую древность, чтобы обосновать его длительность и выставить Вршовцев в самом отрицательном виде с самого начала этого противостояния.

С ним хронист связывает особый пророческий дар Баньки. Ей был вещий сон: Роговица надо повесить, чтобы его род не претендовал на Пражское княжество. Действительно, по решению совета знати Роговиц сам повесился, публично, на дубе, так что злые духи в лесу смеялись, поэтому то место называется Смихов (117). Кроме традиционного для Гаека объяснения топонима, обращает на себя внимание сам вердикт. Виновный сам должен себя казнить, снимая тем самым с суда и князя возможное обвинение в насилии. Этим актом он признавал свою вину, поэтому его смерть не требовала отмщения со стороны родственников. Представляется, что именно так можно объяснить этот нетрадиционный способ казни, хотя его смысл Гаек не раскрывает.

Воен продолжает расширять, застраивать и укреплять Прагу. С этим связано пророчество «идола Кигаль», переданное через ту же княгиню Баньку и адресованное Воену. Текст достоин того, чтобы процитировать его полностью: «Народ твой и люди этого языка не будут уничтожены, однако же чужие народы часто будут покушаться, желая погубить князя и народ». Поэтому надо расширить тот город, о котором говорила «моя родственница (předkině) Либуше» и который основан «в центре родины», ибо в будущем люди со всех краёв будут иметь в нем прибежище (120). Здесь важны несколько моментов. Чехи сохраняют своё существование, хотя на них будут нападать другие народы. Поэтому трудности военных испытаний в принципе не меняют оптимистическую историческую перспективу. Укрепленная Прага станет центром всей страны. Очень важно употребление термина «родина» (vlast), до XVI в. очень редко встречающегося в чешских текстах. Также интересно то, что княгиня Банька, не будучи по крови членом рода Пршемысловцев и тем более потомков праотца Чеха по женской линии, называет пророчицу Либуше «má předkině». Получается, что жёны князей, переходя в род мужа, считают своими предками его предков. Также пророческий дар некоторые из них (Банька, позднее Либушка, жена Кршезомысла) как бы наследуют от Либуше. В итоге одними из центральных доминант исторического сознания чехов становятся Либуше и Прага.

Явно прослеживается укрепление значения княгини Баньки: сына зовут домашним именем Внислав, она сама предстает как вторая Либуше, ее брат командует войском пражан, победивших немецкое войско в битве у Жатца (122–123). Если мы вспомним о создании князем Мнатой двух

судебных палат — мужской и женской, то «гендерная тенденция» Гаека станет более очевидной, хотя смысл ее остается непонятным.

Далее Гаек говорит о рождении у старшего сына Воена Кршезомысла сына Неклана, а у второго сына Воена Вратислава сына Властислава, семантике имени которого он придает большое значение. Хронист так объясняет его: «он будет славой всей этой страны или родины», «он прославит свою родину» (125). Здесь вновь термин «родина» употребляется для обозначения территории и государства.

Сообщая о смерти Воена, Гаек подчеркивает его достоинства. На первое место он ставит заботу князя о городе Праге («он очень возлюбил город Прагу»). Затем указывает, что Воен «был муж добродетельный, хотя и язычник, был очень справедлив» (125). Тем самым Гаек вновь противопоставляет свою характеристику мнению предшествующих хронистов, согласно которому среди чешских языческих князей не было достойных людей. Также в заслугу Воену ставится то, что он оставил после себя двух сыновей и двух внуков, что было важно для продолжения правящего рода. Ранее в хронике этот мотив фигурировал в сообщениях о выборах невесты князя, когда делавшая этот выбор знать подчеркивала необходимость женитьбы для того, чтобы род не пресекался и сохранился на многие века (83, 124). Гаек в очередной раз подчеркивает легитимность династии и традицию почитания предшествующих князей как предков, говоря, что Воена похоронили в Княжеской могиле под Вышеградом «подле отца его» (126–127).

Поскольку у Воена был не один наследник, а двое сыновей, впервые возникает проблема разделения власти между Пршемысловцами. Этот вопрос решается на сейме в условиях угрозы немецкого вторжения. Возникают споры о том, кто из сыновей Воена способен лучше защитить страну. Аргументы следующие: Кршезомысл хотя малого роста, но острым умом и перворожденный, Вратислав же очень хорош собой (127). Таким образом, важность имеют факторы различного рода: внешний облик, способности и принцип примогенитуры. Сейм решил, что Кршезомысл будет владеть Прагой и землями на восток от нее, а Вратислав — Жатецким краем, называемым также Луцко, и западными землями, где чехи живут вместе с немцами, а также Сербской Лужицей. Князья удовлетворились этим решением сейма, оглашенным на собрании всего народа, который характеризуется как «люди простой и пашущий» (127). Тем самым решение об определенном разделении властных правомочий получает высшую легитимацию «демократического» общества — поддержку простого народа. Говоря о совместном проживании чехов и немцев на западе Чехии, Гаек явно переносит позднейшие реалии в древность, чтобы, как всегда у него, показать традиционность («старобылость») феноменов.

Важное значение в Хронике имеет эпизод коронации князя Кршезомысла. Избранные представители народа пришли к «пречистому источнику» под названием Езерка недалеко от Вышеграда. Они принесли с собой обитый золотом трон (*stolice*) Либуше и поставили у источника. По приказу владык Кршезомысл сел на этот трон. Владыки вынули из шкатулки шапку Пршемысла, и два знатнейших мужа возложили ее на голову князя. Весь присутствовавший народ кричал от радости «Кршезомысл — наш господин! И он будет нас благословлять!». Все поклонились князю, который в шапке пошел на Вышеград (127). В этом рассказе сосредоточены идеологемы, концентрирующие в себе понимание характера верховной власти у чехов в раннесредневековый период, как это представляли себе историки раннего Нового времени. В основе лежит описание старинного обряда «сажания на престол», известного у многих славянских этносов¹⁸. Вымышленная коронация у Гаека, явно знавшего об этом обряде из письменных источников, имеет несколько интересных аспектов. Обряд проходит недалеко от главной крепости Пршемысловцев Вышеграда. Оказывается, что потомки сохранили две важнейшие реликвии, символизирующие верховную власть, — трон Либуше и шапку Пршемысла, т.е. княжеское место и корону, что легитимирует трансляцию власти. Возникает вопрос, почему Гаек дает описание этого обряда только под 833 годом, говоря о Кршезомысле, а не ранее, когда он описывал вокняжение его предшественников. Скорее всего потому, что именно теперь произошло разделение власти между братьями, поэтому очень важно подчеркнуть приоритет старшего брата, ставшего пражским князем и тем самым преемником основателей династии. Символикой вокняжения маркируется основная линия генеалогического древа правящего рода. Для определения взаимоотношений князя и общества очень характерно утверждение об избрании князя знатью при одобрении всего народа, но с последующим подчинением всего общества власти князя.

Князем лучан становится Вратислав, вокняжение которого тоже сопровождается обрядом: лучане сажают его на трон (*stolice*) (128). Когда он умер, его похоронили не в родовой гробнице под Вышеградом, а в другом месте — «над Либочанами на Гробке» (136), что означало реальное отчленение боковой ветви династии и отсутствие претензий у ее представителей на центральную власть.

Кршезомысл обрисован Гаеком как правитель мудрый, осторожный, «любящий свой чешский народ». Он устанавливает судебный орган в Праге (четыре судьи), продолжает застройку города, организует лодочную переправу через Влтаву, чтобы облегчить горожанам доступ на Пражский Град и Малую Страну (130). Важнейшая юридическая новация князя заключается в установлении наследственного владения жителей Праги

домами и угодьями. Гаек прямо называет это «первой свободой пражан». Этот закон как очень важный также был записан на дубовые доски и хранился на Вышеграде, чтобы последующие князья не претендовали на домовладения пражан (135). Так начинается чешское городское право — в дальнейшем важный элемент государственного устройства. Здесь важно отметить, что Гаек сознательно относит его появление к древним временам, периоду до начала немецкой городской колонизации и связанного с ней предоставления прав пришедшим немецким колонистам. Так автор утверждает изначальность и приоритет чешского городского права. Также подчеркивается богатство князя, имевшего много серебра и золота (131).

Под 844 годом хронист приводит сюжет, вновь связанный с проблемой сохранения рода и его власти и с пророческим даром княгини. Кршезомysl построил для своих сыновей крепость Радостин, поручив их воспитание и командование крепостью своему министериалу («служебнику») по имени Светло. Однако мать княжичей Либушка просила мужа оставить детей при ней на Вышеграде, но он не удовлетворил ее просьбу. Тогда она рассказала ему свой удивительный сон, предупреждавший о том, что если они останутся в Радостине еще на год, то род Пршемысловцев позорно исчезнет. Князь внял предупреждению и вернул сыновей. Действительно, вскоре богатый и сильный человек по имени Блобой от зависти сжег Радостин. По этому случаю Гаек считает его первым поджигателем в Чехии (132). Поджигательство в последующей истории страны встречается не так редко, очевидно поэтому Гаек удлинняет существование и этого негативного явления. Однако более серьезную угрозу представлял заговор представителя рода Вршовцев Жанды, хотевшего убить князя и наследника, чтобы самому сесть на пражский стол, однако это ему не удалось (135–136).

После смерти Вратислава происходит укрепление боковой ветви Пршемысловцев, правящей лучанами, что находит выражение в обряде интронизации сына Вратислава Властислава. Лучане сажают его на отчий стол, одев ему на голову шапку, которую имел обычай носить его отец (137). Это уже, конечно, не шапка Пршемысла, как в случае коронации Кршезомысла, но сам обряд коронации шапкой отца закладывает основы легитимной передачи власти в младшей генеалогической линии лучанских Пршемысловцев.

После этого происходит первый конфликт внутри династии Пршемысловцев, который хронист датирует 851 годом. Он сообщает о том, что «король Моравский» пошел на Чехию, Кршезомysl попросил помощи у своего племянника Властислава, только что ставшего князем лучан, но тот отказал, сказав, что нападет с запада, так как сам хочет править

Пражским и Коуржимским княжествами. Тем самым, как может судить читатель, он нарушил смысл обряда своей недавней интронизации. Но поход мораван не состоялся, так как на них напали венгры, поэтому пражское войско разошлось. Кршезомысл же разболелся из-за предательства племянника и умер (137–138).

Князем избрали его сына Неклана, причем при его интронизации повторили обряд коронации его отца, посадив «на столице Либушиной» и одев шапку Пршемысла (138), очевидно, чтобы подчеркнуть легитимность центральной власти Неклана в условиях существования побочной ветви рода. Однако Властислав продолжал мечтать о власти над всей Чехией. С этого места Гаек пересказывает информацию Далимила о луцкой войне, о битве на Турском поле и событиях, с этим связанных, добавляя сочиненные им самим детали. Князя Неклана Гаек характеризует весьма уклончиво. Прямо о трусости князя не говорится, но нет и той положительной характеристики, которую дал ему Далимил.

Одно из основных и самых интересных дополнений, сделанных Гаеком, относится к постройке особой башни на Вышеграде. Он приказал построить высокую и широкую башню и изобразить на ней «свой род, начиная от Пршемысла», то есть украсить фреской историко-генеалогического содержания. Башня простояла долгое время и называлась Некланка (144). Ясно, что этот артефакт был создан для своеобразной наглядной агитации — прямо показать всем генеалогическую легитимность своей верховной власти, доказывая свою правоту в войне с Властиславом. Говоря об изображении в технике стенной росписи фигур князей Пршемысловцев («*malování svého rodu*», как пишет Гаек), хронист, как представляется, имел в виду конкретный образец — так называемое Родословие Люксембургов, изображенное на стене одного из залов замка Карлштейн, возведенного Карлом IV в середине XIV в. как императорская и королевская резиденция¹⁹. Сам Гаек, будучи каноником, одно время служил на Карлштейне²⁰, поэтому не мог не видеть эти росписи, утраченные к концу XVI в., и явно осознавал их значение в легитимации и пропаганде верховной власти. Также он мог видеть росписи ротонды Девы Марии и св. Екатерины в Зноймо (начало XII в.), где изображения в рост 18 чешских князей, начиная с Борживоя как первого исторического чешского князя-христианина, занимают целый ярус; также в другом ярусе изображена сцена призвания Пршемысла-пахаря²¹. Гаек решил отнести начало традиции такого рода пропаганды власти средствами искусства к древним временам, связав ее с одним из ранних (легендарных) представителей рода Пршемысловцев.

После поражения Властислава в битве на Турском поле, его гибели и убийстве его сына, луцкая ветвь Пршемысловцев вымирает, что дает

возможность Неклану сосредоточить власть в своих руках, что подтвердил сейм на горе Видовле (151).

После смерти Неклана ему наследует старший сын Гостивит, интронизируемый по вышеописанному обряду (153). Затем возникает конфликт между братьями Гостивитом и Мстибоем, который в Хронике Далимила имеет немецкое имя Депольт (глава XXII). У Далимила далее следует рассказ о войне Гостивита с потомком Властислава по имени Лева. Гаек заменяет этот рассказ на другой — о вражде сыновей Неклана. На свадьбу Гостивита пригласили Мстибоя, не получившего никакого удела. Он не приехал, так как был обижен и претендовал на Пражское (совершенно непонятно, почему) и Луцкое княжества (очевидно, помня прецедент передачи Луцка младшему сыну пражского князя). Его стремления не осуществились, поэтому он возненавидел старшего брата и возмечтал захватить его княжество (153–154). Небольшое сражение между отрядами братьев принесло ничейный результат. Чтобы разрядить ситуацию, Гостивит после смерти коуржимского князя, не оставившего наследников, отдал его княжество Злицко Мстибою. Это произошло благодаря совету вельмож, что подчеркивает их значение в управлении государством. Был заключен договор, в соответствии с которым после смерти Гостивита ему наследуют не его сыновья, а Мстибой; если же раньше умрет Мстибой, то его дети будут править Злицком, а сын Гостивита Борживой — Прагой. Договор был записан в памятные книги (155). Здесь мы вновь видим сознательный анахронизм автора, относящийся к возникновению государственной документации. Сам договор примечателен тем, что устанавливает новый порядок передачи власти в роде: не примогенитуру, как раньше, а верховную власть старшего в роде, что в последующие века действительно имело место.

Однако данный договор не прекратил соперничества. Мстибой встал на сторону восставшего против Гостивита князя Сукослава Билинского, который был разбит и казнен. Мстибой вынужден был покориться брату, и получил прощение. Был заключен новый договор о разделе княжеств, для действенного соблюдения которого между владениями князей вырыли ров, перекинув через него мосты. После этого братья друг с другом не воевали (160–161).

Склонить Мстибоя на новую войну с братом не смогли даже Вршовцы, вновь попытавшиеся свергнуть пражского князя «и свой род на место него в княжестве поставить». Тогда они склонили Мстибоя расширить свое княжество за счет Моравии. Началась война со Святоплуком Моравским, не поддержанная Гостивитом, в которой одержал победу Мстибой, но он скоропостижно скончался, что не позволило закрепить результаты войны. Вскоре умирает и Гостивит, о торжественном погребении которого

в родовой гробнице сообщает Гаек. Князем избрали его сына Борживоя, исполнив традиционный обряд (163–164). Так завершается повествование Гаека о чешских князьях-язычниках.

Подведем итоги. Еще раз подчеркнем, что приводимый Гаеком фактический материал является вымышленным, причем лишь несколько вымышленных эпизодов взято из предшествующей хронистики. В основном мы имеем дело с беллетристическим творчеством самого Гаека. Оно показывает высокий уровень его таланта как литератора, предшественника жанра исторического романа. Мы специально анализировали текст Гаека по методике, прилагаемой к исследованию исторических текстов Средневековья и раннего Нового времени, повествующих о реальных событиях. Для читателей его Хроники это были действительные события. Такой подход исследователя позволяет выявить те идеологемы, которыми автор насыщал чешское прошлое, выстраивая свою концепцию истории родной страны.

В отличие от негативных суждений своих предшественников, Гаек оценивает период правления мифических чешских князей эпохи язычества (от Пршемысла до Борживоя), их деятельность в целом весьма высоко. Он приводит целый ряд их славных деяний, способствовавших укреплению центральной власти пражского князя и процветанию страны. Это — защита государства от внешних врагов, вооруженная борьба с другими чешскими князьями и вельможами, стремившимися свергнуть династию Пршемысловцев и претендовавших на верховную власть в Чехии. Это — основание Праги как столицы всего государства, ее строительство, укрепление и благоустройство. Это — издание новых законов, в том числе закреплявших за жителями Праги их права собственности на дома и земли. Это — законы, означавшие начало внутренней сельской колонизации на чешском праве. Это — меры, способствовавшие развитию добычи серебра, золота и железа, что стало основой экономического благосостояния страны и чеканки полноценной монеты.

Важны принципы государственной организации, возникшие, по Гаеку, в это время и хорошо известные по реальной истории чешского раннего Средневековья. Это значительная роль знати, вельмож, выступающих от имени «всех людей» (веча) и реально влияющих на политику князя. Возникает особый тип государственности: «демократическая» основа (вече), властные полномочия знати, верховная власть пражского князя при сохранении отдельных княжеств, признающих его верховенство. Это не «удельные княжества», так как пражский князь ими не наделяет, это скорее всего трансформированные племенные княжества (Луцко, Коуржимско, Лужица). Выборы князя после смерти предыдущего правителя проводятся «всеми» (вечем) при сохранении принципа примогенитуры. Избирается только представитель рода Пршемысловцев, что обеспечи-

вает преэминентность власти. Отсюда следует повышенное внимание к генеалогии как легитимации права наследования престола. Роль знати подчеркивается тем обстоятельством, что она выбирает невесту князю из богатых семейств владельцев деревень и дворов. Эти девушки — этнические чешки, красавицы, причем не принадлежащие к знатным родам, что нейтрализует влияние их родственников на политику князя и знати. Сами они, во всяком случае некоторые, могут обладать пророческим даром, как Либуше, и в определенной мере влиять на князя.

Генеалогическая легитимация происходит через историческую память. Все помнят о происхождении Пршемысловцев от почитаемых обществом Пршемысла-пахаря и Либуше. Это акцентирует обряд интронизации, когда избранного «всеми» князя вельможи сажают на трон (стол) Либуше, надевают ему шапку Пршемысла как корону, затем все обещают князю верность и подчинение и криком радости как бы утверждают его избрание. Выражением генеалогической легитимности, своеобразной пропагандой власти через изобразительное искусство становится башня Некланка с «родовой портретной галереей» всех чешских князей начиная с Пршемысла. Этой же цели содействует создание родовой гробницы Пршемысловцев на Вышеграде, центре их власти, в которой погребают только пражских князей из этого рода.

Складываются, затем трансформируются определенные внутрдинастические отношения. Устанавливается примогенитура, подтверждаемая избранием народным собранием. Младшие братья пражского князя наделяются другими княжествами. Начинается внутрдинастическая междоусобная борьба (война) за власть в Пражском княжестве. Намечается переход от примогенитуры к власти старейшего в роде, что усложняет генеалогическое древо. Именно этот принцип передачи власти станет характерным для Чехии через определенный исторический период. Гаек лишь отмечает начало этой тенденции.

В Хронике есть несколько антинемецких высказываний, соответствующих патриотической парадигме чешской хронистики.

Хронист четко фиксирует даты рождения и смерти князей и их сыновей, а также важных событий, что придает реальное историческое звучание мифическому (fiction) повествованию.

Несколько раз возникает проблема продолжения и сохранения рода/династии для блага страны, а также ненавязчиво проводится мысль о божественном покровительстве (хотя речь идет о языческих временах) династии Пршемысловцев посредством пророчеств и вещей снов. Претензии представителей других родов и младших Пршемысловцев на пражское княжение считаются нелегитимными, так как они нарушают закон, установленный при избрании князем Пршемысла-пахаря. Поэтому

при наличии у покойного князя двух сыновей, старшего из них, наследника пражского престола, коронуют шапкой Пршемысла.

Гаек переносит многие важные феномены позднейшего времени (строительство Праги, внутренняя сельская колонизация, добыча серебра и др.) в эпоху мифических князей, чтобы повысить статус этих явлений и процессов, самого чешского государства и значение власти Пршемысловцев, показать их укорененность в традиции. Также его целью является объяснение происхождения топонимов через историю, что должно свидетельствовать о древности освоения чехами своей территории. В итоге ландшафт предстает историзированным.

«Чешская хроника» Гаека показывает важность деятельности князей и развития социума языческой эпохи для последующей истории Чехии. В этом и состояла задача автора, с которой он блестяще справился посредством вымысла, местами очень похожего на правду, так как он умело стилизовал манеру повествования своих предшественников, дополняя ее беллетристической красочностью, присущей уже Новому времени. Поэтому «историческая беллетристика» Гаека вошла в традицию чешской культуры, о чем говорят портреты мифических князей, написанные в эпоху Барокко, и некоторое влияние, оказанное Хроникой Гаека на «Старые повести чешские» А. Ирасека (1894), ставшие излюбленным чтением патриотически настроенных чехов первой половины XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kolár J. Hájková kronika a česká kultura // Václav Hájek z Libočan. Kronika česká: Výbor historického čtení. Praha, 1981. S. 7–24; Beneš Z. Historický text a historická skutečnost. Studie o principech českého humanistického dějepisectví. Praha, 1993. S. 66–76; Лангева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985. С. 75–79; Мельников Г.П. Сотворение чешского исторического мифа: хроника Вацлава Гаека из Либочан // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 280–291.*

² *Václav Hájek z Libočan. Kroniká česká. Praha, 2013.*

³ *Kosmova kronika česká. Praha, 1972. S. 25.*

⁴ *Karbusický V. Báje, mýty, dějiny. Nejstarší české pověsti v kontextu evropské kultury. Praha, 1995. S. 106–156.*

⁵ *Kosmova kronika... S. 26.*

⁶ *Ibid. S. 29.*

⁷ *Ibid. S. 33.*

⁸ *Ibid. S. 34.*

⁹ *Bláhová M. Česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila // Kronika tak řečeného Dalimila. Praha, 1977. S. 190–199; Лангева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. С. 59–62; Мельников Г.П. Чешская общественная мысль XIV в. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М., 2014. С. 291–305.*

-
- ¹⁰ Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila. Praha, 1957. S. 242, 246–247; *Bláhová M.* Op. cit. S. 195.
- ¹¹ Nejstarší česká... S. 41.
- ¹² Ibid. S. 41–42.
- ¹³ Ibid. S. 48–49.
- ¹⁴ *Václav Hájek z Libočan.* Kronika česká. S. 80. Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в круглых скобках в основном тексте статьи.
- ¹⁵ *Třeštík D.* Mýty kmene Čechů. Praha, 2008. S. 16, 154.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ *Мельников Г.П.* Монарх и общество в Чешском государстве XII в. глазами хронистов // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012. С. 277–327.
- ¹⁸ *Třeštík D.* Mýty... S. 156–158.
- ¹⁹ См. новейшее издание: *Kuthan J., Royt J.* Karel IV. Císař a český král — vizionář a zakladatel. Praha, 2016. S. 99–136. Там же библиография по теме.
- ²⁰ *Kolár J.* Op. cit. S. 9.
- ²¹ *Konečný L.J.* Románská rotunda ve Znojmě. Brno, 2005; *Merhautová A.* Znojemská rotunda a její nástěnné malby // *Moravští Přemyslovci ve znojemské rotundě.* Praha, 2000. S. 51–66.

Г.А. ПОЖИДАЕВА
(ВТУ (институт) им. М.С. Щепкина, Москва)

**ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ С АФОНОМ
В ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ
КИЕВСКОЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ
(XI–XVI ВВ.)**

Abstract:

Pozhidaeva G. *Spiritual ties between Mount Athos and the choral art of Kiev and Moscow Rus' (eleventh–sixteenth centuries)*

The author explores how traditions of church singing of Athos monasteries (the Russian Panteleimon, Serbian Hilendar and Bulgarian Zograf) were reflected in the culture of Russia and the Russian hymnal tradition. The article reveals a continuity of Mount Athos traditions in the veneration of the feast of the Dormition of the Theotokos, the veneration of monks and South Slavic saints. The role of Bulgarian and Serbian artists, who leaved Mount Athos for Russia, in the choral art is examined. In connection with a change of the Charter of the Church, brought from Mount Athos, the reform of the Church music of the fifteenth century and a new edition of the Znamenny chant are considered. The new Znamenny chant combined Byzantine canons and Russian national origins. The influence of the Athonite singing on the formation of the performance standards of professional choral singing in Russia is observed in the article.

Ключевые слова: церковно-певческое искусство, Афон, Русь, южнославянские святые, церковный устав, реформа знаменного пения, певческие исполнительские традиции.

Глубокие духовные связи Руси с Афоном насчитывают более 1000 лет. 1000-летие русского монашества на Афоне, отмеченное в 2016 г. в России, — дата, подкрепленная документальным свидетельством присутствия русских монахов на Святой Горе. В действительности, несомненно, эта дата может быть отодвинута вглубь.

Духовные связи с Афоном сохранялись на Руси на протяжении всей средневековой истории, они не прекращаются и поныне. Благодаря этой, возникшей на основе идей православия, религиозно-мистической философии и практики исихазма, культуры православного богослужения в целом, — стало возможным формирование всей культуры церковного пения на Руси — от годового певческого круга, его календаря и жанровой системы гимнографии до исполнительских традиций.

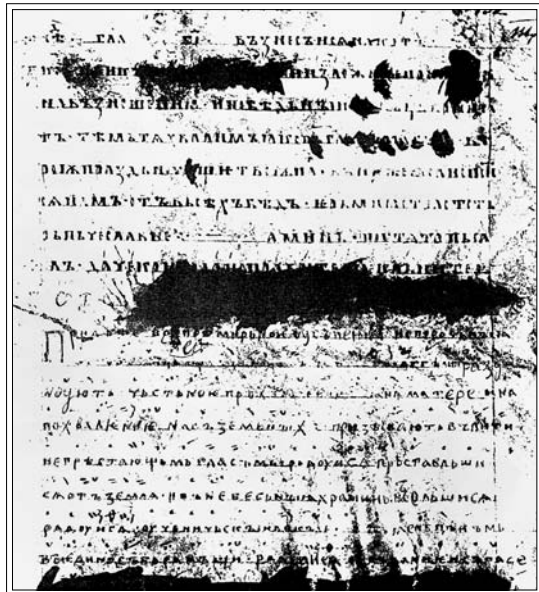
В Киевской Руси, непосредственно после ее крещения, благодаря непосредственным контактам с Афоном возникло монашеское общежитие, сыгравшее тогда и впоследствии большую роль в распространении

нии христианских идей, христианских ценностей. Это имело самое непосредственное отношение к формированию традиций церковного пения.

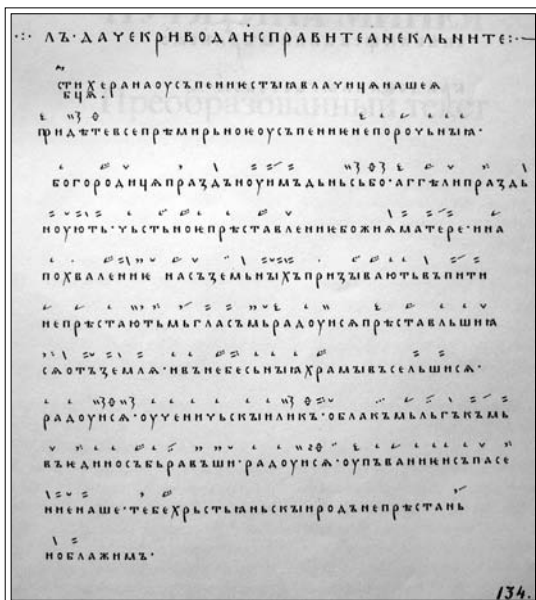
Основатель монашества на Руси преп. Антоний Печерский (983–1073) принял постриг на Афоне в одном из греческих монастырей (лавра св. Афанасия?) и много лет прожил на Афоне, который признан уделом Пресв. Богородицы. По возвращении на Русь он основал Киево-Печерский монастырь, тем самым как бы перенес в него благодать от самой Божией Матери. Именно поэтому Русь также стала считаться уделом Пресв. Богородицы и все главные храмы на Руси стали посвящать ее Успению. Так, первая церковь, возведенная кн. Владимиром в Киеве, в первые годы после крещения Руси, — Десятинная — была посвящена Успению Богородицы. По благословению преп. Антония была построена Успенская церковь в Киево-Печерском монастыре, позднее главной московской святыней стал также Успенский собор Московского Кремля. Эти примеры могут быть умножены.

С праздником Успения связаны ранние песнопения, сочиненные русскими распевщиками. В самых ранних певческих рукописях Руси XI в. — Путятиной минее и Ильиной книге — есть песнопения, посвященные этому празднику. В Путятиной минее это стихира Успению Пресв. Богородицы «Придете во премирное оупение», приписанная в конце рукописи и представляющая собой единственное во всей книге нотированное песнопение. В столповой нотации ее напева есть даже фитные начертания (на слова «Придете» и «радуйс»).

В Ильиной книге песнопения успенской службы не нотированы, но, опять-таки, они являются своеобразным дополнением к основному содержанию книги, что тоже указывает на их значимость в годовом круге богослужения.

*Путятина минея,
стихира Успению*

*Реконструкция
из Путятниной минеи*

нее, в эпоху Московской Руси, он продолжает свою жизнь в церковно-певческой практике, своим осмогласным изложением подчеркивая значимость праздника.

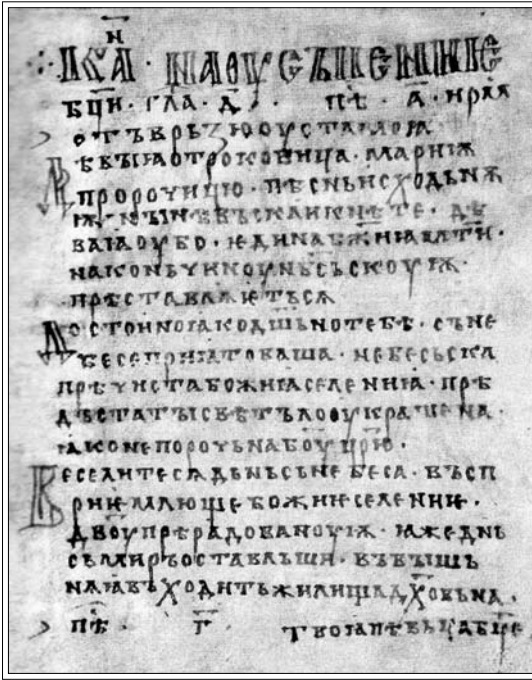
В ранний период успенские песнопения были изложены не только знаменным, но и кондакарным распевом. В кондакарях — Типографском и Успенском — содержатся кондак и икос этому празднику, причем кондак «В молитвах неусыпающую» нотирован. Все это, несомненно, показывает исключительную значимость праздника Успения для той эпохи.

Московская Русь подхватывает традиции, возникшие в Киевской Руси, это коснулось и церковного пения. И в Московской Руси сохраняется особое отношение к празднику Успения. Мы можем судить об этом, в частности, по ранним песнопениям демественного распева. В Московской Руси этот распев сменил кондакарное пение, предназначенное для кафедрального богослужения. Ранние песнопения демеством, открытые сегодня в рукописных певческих источниках, посвящены празднику Успения Пресв. Богородицы.

Так, первое нотированное песнопение демеством — богородичен «Церковь и ручку» и стихира «Егда преставление» с указанием на испол-

Редкими песнопениями годового круга были так называемые осмогласники, т.е. песнопения, положенные не на один, а на восемь гласов. Это требовало большого мастерства и от распевщиков, и от певчих. Один из ранних осмогласников Древней Руси посвящен Успению Божией Матери.

С XII в. в редакции знаменного распева был также распространен в певческих рукописях успенский осмогласник «Богоначальным мановением». О его региональном происхождении пока говорить трудно. Позднее,

*Ильина книга,
канон Успению*

нение демеством представляют собой уникальные образцы, созданные, вероятно, для успенской службы на освящение Успенского кремлевского собора в 1479 г. Сохранился единственный список рубежа XV–XVI вв. ИРЛИ, Причудское собр., 97.

Позднее, когда создавался круг демественного многоголосия и его формирование еще не было завершено, в него уже включались песнопения успенской службы. В частности, сохранилась рукопись начала XVII в., 1610 г., — Демественник, который, судя по ремаркам писцов, принадлежал пев-

чим Успенского кремлевского собора. В этой книге уже есть песнопения, посвященные празднику Успения¹.

Певческая гимнография Успению продолжена и в раннем партесном многоголосии, в частности в ранних гармонизациях знаменных стихир. Сошлемся на рукопись последней четверти XVII в., Раз. 82.

В Киевской Руси начинают складываться традиции церковного пения, которые станут его основой в дальнейшем. Так, преемник Антония в игуменстве Пещерного монастыря преп. Феодосий Печерский большое внимание уделял церковному пению, следил за тем, чтобы оно было «доброгласным», «добровичным», как свидетельствует первая русская летопись — «Повесть временных лет». Феодосий воспитал domestика Стефана, ставшего его преемником. Еще при Феодосии пение иноков было столь совершенным, что его принимали за ангельское пение, о чем повествуется в его Житии. При св. Феодосии были заложены основы церковного пения: оно должно быть «немятежным» и обращенным Богу.

Начальное исследование источников по службам Антонию и Феодосию Печерским проведено Н.С. Сергиной. Почитание св. Феодосия уже в XI в. выразилось в создании служб ему — на основе службы Феодосию Великому, однако в ней были и оригинальные песнопения. Н.С. Сергина высказала предположение, что, возможно, в составлении службы Феодосию кроме Григория, инок Печерского монастыря, или Иакова Черноризца (XI в.) принимал участие его ученик, domestик Стефан².

Два песнопения из службы Феодосию Печерскому связаны с кондакарным пением и кондакарной нотацией и отражают ранний период в развитии музыкальной письменности на Руси. В частности, в первом песнопении — знаменной самогласной стихире «Придете сътьземься» — в основной знаменной нотации использованы кондакарные «вкрапления» в местах наибольшей мелизматики. Второе песнопение — кондак «Звезду дньсь русьскую почтем»; кондак нотирован в двух кондакарях — Благовещенском и Успенском (конец XII — начало XIII в.).

К Антонию и Феодосию Печерским восходит и почитание монашествующих на Руси, позднее, уже в период Московской Руси, оно выплется в создание не только общих служб преподобным, но и персональных служб многим преподобным и святым земли Русской. Здесь мы можем назвать многих: Сергия Радонежского, Никона Радонежского, Сергия и Германа Соловецких, Кирилла Белозерского, Савву Сторожевского, оптинских старцев и др.

В период ордынского ига связи Руси с Афоном слабеют, русский монастырь на Афоне пустеет, но его поддерживают братья-сербы, ко-

Кондак Успения

торые становятся насельниками русского Пантелеймонова монастыря. Возможно, поэтому в библиотеке сербского Хиландарского монастыря на Афоне хранятся ранние певческие рукописи восточных славян — русские певческие книги, причем, они нотированы, — это Стихирарь XII в. и Ирмологий начала XIII в. (Хиландар, № 307 и 308). Это свидетельствует о русско-сербских связях на Афоне, и следовательно, о связях Афона и Руси через православное монашество. Возможно, эти древние русские книги были привезены русскими монахами вскоре после ордынского нашествия в XIII в.

Отрывки Ирмология были опубликованы Эрвином Кошмидером в 1952–1958 гг.; тем самым в научный оборот была введена русская нотированная рукопись начала XIII в. из библиотеки сербского Хиландарского монастыря.

Русский Пантелеймонов монастырь на Афоне после освобождения от татарского ига вновь населяется русскими монахами.

XV в. стал для Руси временем укрепления Москвы и Московского княжества. После падения Византии в середине XV в. именно Афон остается для Руси оплотом православия. Связи со славянскими странами — Болгарией и Сербией, попавшими под османское владычество, осуществляются во многом через афонские монастыри — Хиландарский сербский и Зографский болгарский.

В дальнейшем развитие богослужебного пения на Руси во многом определяли важнейшие события истории церкви, в частности, переход на Иерусалимский устав, который был переписан для Руси именно на Афоне.

В Византии и на Афоне Иерусалимский устав был принят еще во второй половине XIII в., после освобождения Константинополя от латинян. Смена церковного устава на Руси стала поворотным событием церковной истории. Переход на Иерусалимский устав на Руси начал осуществляться лишь в конце XIV–XV в. Распространение нового устава шло из Москвы. «Из Москвы устав распространялся по всей Русской Церкви, достигнув в XV столетии северных окраин Московского царства. Так, в 1428 году устав был введен в Саввино-Сторожевском монастыре, в 1429 г. — в Троице-Сергиевой Лавре, в 1438 г. — в Твери, в 1441-м, при архиепископе Евфимии — в Новгороде и в 1494 г. — в Соловецком монастыре»³.

Принятие нового устава повлекло за собой богослужебную и гимнаграфическую реформу, а также реформу церковного пения. К концу XV столетия это выливается в создание новой редакции знаменного распева, которая уже фиксируется в письменной традиции. Это было эпохальным событием в истории церковно-певческого искусства.

В богослужение было введено свыше 60 000 новых песнопений. Все они были изложены в новой редакции знаменного распева, причем это был уже новый, национальный стиль, в котором византийская традиция была переосмыслена и адаптирована на русской почве. Принятие нового устава стало своеобразным стимулом для развития певческой гимнографии, для формирования и своеобразной «шлифовки» младшей редакции знаменного распева, который, как известно, являлся ведущим распевом годового певческого круга.

Итак, мы видим, что в Московской Руси связи с Афоном укреплялись и становились все более прочными. Проявлением этой тенденции стала деятельность южных славян — митрополита Киприана, Григория Цамблака, Пахомия Серба (Логофета), — они прибыли на Русь с Афона. Именно там, на Афоне, они сформировались духовно, впоследствии это отразилось в их творческой деятельности, в том числе гимнографической, столь значимой для певческого искусства Руси.

Введение Иерусалимского устава принято связывать с именем митрополита Киприана. **Киприан**, митрополит Киевский и всяя Руси, (ок. 1330–1406), происходил из тырновской семьи Цамблаков. Судьба привела его в ближайшее окружение патриарха Евфимия Тырновского, а затем в Константинополе он оказался близок патриарху Филофею Коккину, видному приверженцу исихазма.

Киприан являлся разносторонней личностью: крупный церковный деятель, писатель, редактор, переводчик, наконец, переписчик. В истории русской культуры ему довелось сыграть большую роль. Именно при нем Москва обрела значение церковной столицы Руси. По инициативе Киприана для защиты Москвы от нашествия Тамерлана совершили перенесение из Владимира в Москву иконы Владимирской Божьей Матери — главной иконы Русского государства. Тогда же в память об этом событии был установлен праздник Сретения иконы Владимирской Богоматери и основан Сретенский монастырь.

Перу Киприана-агиографа и гимнографа принадлежат очень важные и значимые для Московской Руси произведения: житие и служба первому русскому митрополиту — Петру, митрополиту московскому, который считается небесным покровителем Москвы. Киприаном написаны стихиры, два канона и кондак этой службы, которая получила особую значимость в период возвышения Москвы в XV веке. Затем уже в XVI в. Иван Грозный, как бы в продолжение Киприановой службы тоже обратится к ней, дополнив ее своими стихирами.

Пахомий Серб (Логофет) стал одним их самых плодовитых агиографов и гимнографов Руси, создав свыше 10 житий, 21 канон и 14 служб, посвященных русским святым. Уже по количеству сочинений видно, что

Пахомий Серб был очень плодовитым писателем и гимнографом. Его службы и каноны вошли в служебную Минею. По устоявшемуся мнению в его произведениях нашел отражение стиль «плетения словес», сложившийся в Тырновской школе. В новейших исследованиях его литературного творчества доказывается вторичность некоторых его сочинений и использование сочинений русских литераторов⁴.

Григорий Цамблак (Семивлах)⁵ (ок. 1365 — ок. 1420) — писатель, представитель Тырновской школы, культурный и общественный, церковный деятель Болгарии, Молдавии, Сербии и России.

Родился Григорий в столице Болгарии Тырнове, получил прекрасное образование. Он входил в круг патриарха Евфимия Тырновского и принадлежал к высшей придворной аристократии, являлся племянником Киприана, митрополита всея Руси. Какое-то время Григорий Цамблак жил в Константинополе и на Афоне. Его личность как церковного деятеля неоднозначна.

Цамблак

Григорий Цамблак создал службы сербскому святому Стефану Дечанскому и первому молдавскому святому Иоанну Новому Белгородскому. Позднее, уже во второй половине XVI в., они вошли в русский обиход. Сочинения Григория Цамблака в XVI в. внесены в Великие Четьи-Минеи митрополита Макария.

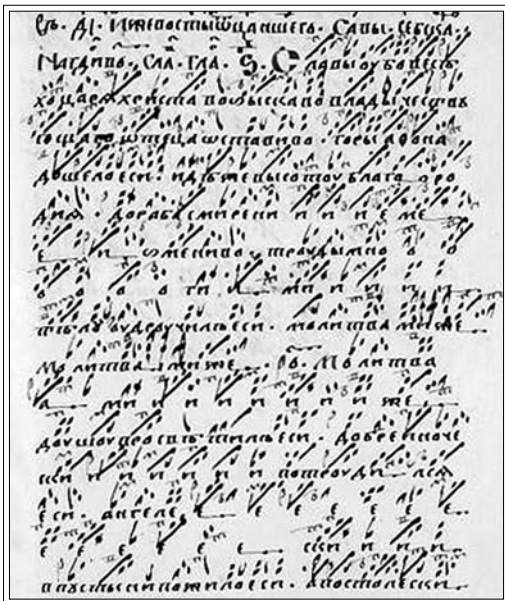
На основе Слова на Успение Пресв. Богородицы Григория Цамблака русскими книжниками была составлена стихира на Успение Божией Матери «Днесь Владычица и Богородица». Она относится к стихирам на целование и представляет собой осмогласник, редкий вследствие пространный изложения и протяжен-

ности. Стихира сохранилась в русских списках не ранее начала XVII в. (1610 г.) и старообрядческих XVIII в., где представлена в новой редакции знаменного распева. Это уникальное по своим масштабам гимнографическое произведение отражает, как отмечалось, стиль «плетения словес», связанный с Тырновской школой.

Создание успенской стихиры на основе Слова Григория Цамблака было не случайным в историческом контексте. Во второй половине XVI в. на Руси получает развитие идея «Москва — Третий Рим». Уже в середине XVI в. проводятся церковные соборы 1547 и 1549 гг., на которых был канонизирован целый сонм «новых российских чудотворцев». Кроме того, в 1551 г. состоялся Стоглавый собор, который в своих 100 главах-указах регламентировал службы годового круга. По указаниям этого собора было составлено множество служб на каждый день года. Среди этих служб были и службы болгарским и сербским святым.

Во второй половине XVI в. в русский месяцеслов вошли памяти южнославянских святых — Иоанна Рьльского, Параскевы Тырновской,

Георгия Нового, Саввы и Арсения Сербских, Стефана Дечанского и молдавского святого Иоанна Нового Белгородского (Сочавского). С 1580 г. эти службы южнославянским святым включены в эталонные списки стихираря «Дьячье око» — БРАН, собр. Строганова, 44, РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 586/843 и др. Отмечу, что в отечественных источниках большее распространение получают службы святых, связанных с Афоном, — Савве Сербскому, основателю Хиландарского сербского монастыря, а также Георгию Новому, о котором на Руси стало известно от афонских монахов. Память о них сохранилась на Руси в старообрядческий период и эти службы известны по спискам конца XVIII — начала XX вв.

Савве Сербскому

Большое значение имели и общие идеологические и духовно-эстетические установки, которые задавали вектор в развитии русского храмового пения. К таким важным явлениям духовной жизни следует отнести **исихазм**. Как течение религиозно-мистической философии исихазм получил особенно широкое распространение в Византии в XIV в. Между ведущими исихастами Григорием Синаитом (1256–1346) и Григорием Паламой (1296–1359) и их сторонниками шли жаркие споры на богословские темы, в частности о природе фаворского света.

Исихазм нашел свое отражение в иконописи и фресковой живописи Болгарии и Сербии, Древней Руси (в творчестве Феофана Грека и Андрея Рублева). Но особенно важное значение он имел для духовной литературы и книжности XIV в. Учение исихастов «ставило своей задачей совершенствование человеческой личности, поднятие нравственной и духовной жизни на качественно новую ступень посредством достижения концентрированного состояния духа. Только в таком состоянии, согласно учению исихастов, можно приблизиться к глубинному смыслу вещей и явлений. Приверженность исихастов к безмолвию не сопровождалась отказом от слова. Слово для исихастов — “святая святых”, но произнести его или тем более запечатлеть письменно следовало только после духовного очищения и обретения внутреннего совершенства. Назвать вещь словом для исихастов означало придать ей сущность, отгадать которую нельзя без постижения “невещественного” смысла вещественного»⁶.

Следствием обращения к глубинным смыслам каждого слова становится стиль «плетения словес», который получает особенно широкое распространение в агиографии, а также в гимнографии, т.е. жанрах духовной литературы и поэзии.

Исихазм стал основой религиозно-мистической практики в монастырской жизни. Эта практика не могла не повлиять на богослужебное пение, которое стало более одухотворенным, возвышенным.

Хотелось бы особо отметить влияние монашеской аскезы на русскую певческую традицию XVI–XVII вв. Историческая литургия свидетельствует об особенностях богослужения на Руси, которые сложились в связи с долгим господством Студийского устава. Литургисты пишут о взаимопроникновении элементов монастырского и кафедрального богослужения на Руси. Полагаю, что именно духовная культура Афона оказывала свое воздействие на русскую духовную культуру. Это заметно при сопоставлении пространных форм пения на Руси и в Византии.

Пространные распевы имели свои разновидности — путевой, местный и большой распевы. К византийской мелизматике относится калофоническое пение.

Если сравнить русское пространное пение с византийской калофонией, то мы увидим, что оно, на русской почве при сохранении определен-

ных византийских канонов тем не менее обрело самобытность, обусловленные, на наш взгляд, не только своеобразием музыкального мышления, но также и особенностями русской исторической литургики.

В Византии каллофония с ее сладкозвучными напевами достигла своего расцвета в константинопольских храмах, и особенно в храме Св. Софии. Пение было настолько мелодичным и протяженным по своему звучанию, что, на наш взгляд, в нем начинало проявляться некоторое декоративное начало.

На Руси процесс мелодизации напевов выражался в том, что развивались пространные распевы — путевой, демественный и большой. Однако до торжественной пышности византийской службы на Руси не дошло. Крупный литургист XX в. Н.Д. Успенский отмечал своеобразие русского богослужения именно в слиянии элементов кафедрального и монастырского уставов⁷. Думается, что из-за большей строгости чина, приверженности древлеправославным традициям в русской церкви развитие распевов и многоголосия привело к стилю более строгому и благочинному, нежели мелодическая роскошь византийской каллофонии времен ее расцвета.

В данном случае формирование музыкального стиля церковных распевов определялось не только собственно музыкальным мышлением, но и многими принесенными элементами. Поскольку пение прилагалось к богослужению, его необходимо было «вписать» в общий ансамбль, по возможности учитывая все его составляющие: храмовое зодчество, внешнее и внутреннее строение храма, внутреннее его убранство, фресковую живопись и иконопись и пр.

Для пространного пения большое значение имел темп богослужения, зависящий от действий священнослужителей (каждения, молитвы), а также литургической речи. Это пение было рассчитано на неспешное, торжественное и величественное исполнение, которое более всего соответствовало благоговейному характеру литургического действия.

Русское пространное пение всегда звучало строго и сурово, что присуще монастырской традиции. Отталкиваясь от византийской мелизматике, используя ее структурные принципы и сохраняя ее литургическую роль в соответствии с общим уставом, русское пространное пение представляет собой очень своеобразный, но более строгий и аскетичный мир, полный мелодических красот, исполненный красоты духовной. Его гармоничность сопоставима с тишиной и гармонией московской школы иконописи, ее светоносной радостью. Широта души, характерная для русского менталитета, удивительная мелодическая щедрость и строгий, возвышенный склад нашли свое выражение в музыкальном языке и композиции пространных песнопений.

Таким образом, уставные нормы русской исторической литургики сложились не без влияния монастырской, прежде всего афонской традиции как изначальной традиции русского монашества. Духовно-эстетические идеалы русского церковного пения как пения доброгласного и добротинного, но вместе с тем строгого и благоговейного, восходят к монашеской афонской традиции и формируют в целом более строгий, чем в Византии (Константинополе, Солуни), стиль пространныго пения.

Подводя итог, можно сказать, что духовные связи Руси с Афоном, заложенные еще в период Киевской Руси, были продолжены в Руси Московской. Принятие нового Иерусалимского устава и как следствие введение огромного массива новой гимнографии исходило от Афона. Эта гимнография была распета в новой редакции знаменного распева и вошла в церковную письменную традицию.

Подтверждением контактов с Афоном является и то, что в русской певческой книжности второй половины XVI–XVII вв. особенно часто встречаются службы южнославянским святым, связанным с Хиландарским монастырем, и прежде всего это службы Савве Сербскому.

Наконец, исихазм, имевший такое важное значение для монашеской практики, безусловно оказал заметное влияние на сам стиль церковного пения, которое становилось одухотворенным и возвышенным. Сложились исполнительские традиции хорового пения как молитвы строгой и благоговейной — они восходят к афонским традициям монастырского пения. Принесенные на Русь Антонием Печерским, сохраненные Феодосием Печерским, они были продолжены преп. Сергием Радонежским и позднее — хорами государевых и патриарших певчих дьяков, а затем и Синодальным хором. Древние традиции афонского пения, преобразованные в поздних многоголосных обработках, по сей день слышны в современном церковном пении православных храмов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГММК им. М.И. Глинки. Ф. 283. № 15.

² *Сергина Н. С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 110–112.

³ *Успенский Н.Д.* Чин всеобщего бдения (η αὐριβλία) на Православном Востоке и в Русской Церкви. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2004. С. 269.

⁴ *Кириллин В.М.* Панегирическое наследие Пахомия Логофета. 2010 г.: электронный ресурс Научный богословский портал *Богослов.ru* / Дата обращения 17 декабря 2016 г.

⁵ Это имя приводит И. Гарднер: *Гарднер И.* Богослужбное пение русской православной церкви. Сущность, система и история. 2-е изд.: М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. Т. 1. С. 343.

⁶ *Калиганов И.И.* Культура средневековой Болгарии... С. 116.

⁷ *Успенский Н.Д.* Чин всеобщего бдения... С. 271.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ

Д.Ю. СТЕПАНОВ
(Москва)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ОБЩЕСТВАХ В КОНЦЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ – РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ КНИЖНОСТИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВВ. И БАРКУЛАБОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)

Abstract:

Stepanov D.Yu. *Specific features of the identity making in East Slavic societies in the late Middle Ages — Early Modern Period (on the basis of the Chronicle of Barkulabovo and the works published in Muscovy in the late sixteenth — early seventeenth century)*

This article considers the making of the intellectual elite's ethnic identity in Muscovy in the late sixteenth — early seventeenth century. This process is compared with the formation of the ethnic self-consciousness of the Polish-Lithuanian Commonwealth's Orthodox population.

Ключевые слова: Московское государство, книжники, Смутное время, самосознание, идентичность.

Образование единого Русского государства в XV–XVI вв. отразилось в исторической и религиозной литературе того времени в виде рефлексии о месте страны в мире и историческом процессе. Речь идет о различных традициях, таких как «Москва — Третий Рим» или «Сказание о князьях владимирских», целью которых были поиск и объяснение статуса и исторической роли Русского государства и московской правящей династии. Эти книжные традиции подробно рассмотрены в историографии и продолжают активно изучаться¹. В идеях, выраженных в нескольких циклах текстов исторического и религиозного содержания, было отражено осознание некоторой исключительности, основанной на том, что Россия оставалась единственным независимым православным государством в

мире. Оживление отношений со Священной Римской империей, итальянскими городами и другими европейскими государствами демонстрировало, насколько поднялся международный статус Русского государства эпохи Ивана III и Василия III по сравнению с Московским княжеством середины XV в.²

Всё это, разумеется, выражалось в религиозных символах и воспринималось как проявление Божественной милости к людям, сохранившим после Флорентийской унии 1439 г. верность своим православным традициям. В перспективе это привело к некоторому изоляционизму: московские книжники стали с настороженностью относиться даже к греческим произведениям, которые до этого считались вполне традиционными источниками. С другой стороны, московские писатели были также лишены возможности использовать западноевропейские исторические сочинения³. Таким образом, московская книжная культура развивалась сравнительно изолированно от основных тенденций европейской мысли XVI в.

В связи с этим важным становится вопрос о том, насколько специфически шло формирование идентичностей, отражение которых мы находим в московских источниках. Мы привлекли к исследованию известные произведения конца XVI — начала XVII вв., изучение которых в определенной степени можно считать уже классикой источниковедения: «Повесть о царе Федоре Иоановиче» патриарха Иова, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, «Сказание об осаде Троицкого монастыря» Авраамия Палицына и «Новый летописец» 1634 г. Данный выбор связан, во-первых, с тем, что период Смуты был богат разного рода политическими лозунгами, в которых враждующие стороны волей-неволей объясняли конфликт между «своими» и «не-своими», используя понятную им терминологию (конфессиональную, этническую, социальную и пр.) Во-вторых, политический кризис, интервенция и деятельность первого и второго ополчений должны были актуализировать поиск главного субъекта текущих событий. Для европейской книжности такими субъектами на то время, безусловно, уже являлись «народ», «natio», «gens», «populus», термины, за которыми, в той или иной степени, стояло уже этническое содержание⁴.

Как и в прочих работах, предметом которых является этноконфессиональная терминология, основная методологическая проблема этой статьи заключается в следующем: «исследователь не всегда отдает себе отчет в том, что сами эти конструкты — порождения новейшего времени — далеко не всегда имели гомологичные (сходные по происхождению и структуре) или аналогичные (совпадающие по функциям) соответствия в изучаемой культуре»⁵. В связи с этим встает вопрос о поиске этнического, социального, территориального или же религиозного контекста употребления изучаемого термина, что дает нам возможность судить о

том, какой тип идентификации был свойственен для употреблявшего этот термин автора.

Идентичность, в нашем понимании, — свойство человеческого сознания выражать свою принадлежность к крупным категориальным (этническим, конфессиональным, социальным, профессиональным) группам людей или, пользуясь терминологией Бенедикта Андерсона, «воображаемым сообществам»⁶. Однако в связи с этим встает закономерный вопрос, какое именно «воображаемое сообщество» можно назвать этническим, то есть, по каким критериям человек *сам себя относит* к этнической группе?

В приведенной статье используются критерии этничности, разработанные представителями конструктивизма и сформулированные для отечественной этнологии академиком В.А. Тишковым. Согласно логике его подхода, этнической идентичностью является особенность самосознания человека, относящая его к большой группе по следующим признакам: общее самоназвание, способность к групповой солидарности, рецепция элементов культуры (например, религии), этногенетический миф о происхождении, общее представление об исторической памяти⁷.

О чем свидетельствуют нам наши источники? Фактически, мы не можем встретить в московской исторической литературе того времени этнических представлений в чистом виде. В частности, в летописной традиции XII–XIII вв. население русских земель — это «хрестьяны», которым противопоставляются «сынове Измаилеви», то есть волжские булгары и различные кочевники-степняки⁸. Противопоставление с мусульманами и язычниками на этнической основе в русских летописях отсутствует. В русском памятнике середины XIII в., «Слове о погибели Русския земли», католические народы «угры», «чахи» и «немцы» вместе с народами языческими и мусульманскими противопоставлены «крестьянскому языку» и «крестианом» — населению Руси⁹. В. Водов отметил, что игумен Даниил, автор знаменитого «Хождения» XII в. в Святую Землю, находясь среди представителей других народов и «наций», молится за «русских» не как за «народ», а как за «христиан»¹⁰.

Историография, посвященная изучению более позднего материала, только подтверждает, что подобные девиации в культуре Московской Руси продолжали существовать в XIV–XV вв.¹¹.

В знаменитом «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева, мы наблюдаем следующие, характерные для московской книжности, обороты. Так, рассказывая об Опричнине, Иван Тимофеев писал: «От умышления же зельныя ярости на своя рабы подвигся толик, яко возненавиде грады земли своя вся и во гневе своем разделением раздвоения едины люди раздели и яко *двоеверны* сотвори...»¹². Иван IV разделил единый народ (очень характерно, что слово народ здесь не используется, вместо

него — «люди»), сделав их «двоeverными». Таким образом, речь идет о конфессиональном принципе идентичности. Характерно, что упоминая о Симеоне Бекбулатовиче, Иван Тимофеев говорит о нем не как о татарине, а как об «от Исмаилт инаго некоего верна царя»¹³. Рассказывая о крымских татарах, напавших на Москву в 1571 г., Тимофеев называл их «Исмаиле семя, Агары же порожение»¹⁴. Для автора «Временника...» главным отличительным критерием татар является не их этническая обособленность (о которой он вообще не упоминает), а принадлежность к исламу. Так же в сочинении Ивана Тимофеева мы не найдем термина «русский народ» в его современном значении. Например, для него царица Анастасия Романова — «Российска жребия мирови...»¹⁵, то есть, выбранная царем из «российского мира». Важно и то, что, говоря об иностранцах, Иван Тимофеев называет их «иноверцами». Таким образом, в его представлении, главным и единственным критерием, который разделяет людей на крупные группы, является религия. На этом особенности «Временника...» не заканчиваются. Помимо того, что литовцы фигурируют в произведении Тимофеева как «безбожная Литва» с явным намеком на католицизм, датский принц Магнус назван «эллином». Так, по мнению Ивана Тимофеева, следовало называть протестантов, которые слишком много «философствовали» над Священным Писанием, уподобляясь древнегреческим авторам.

Понятие «не-свои» для московских авторов включало в себя конкретную дефиницию — «нечестивые» «латины», «еллины» и «басурмане». Источники изобилуют большим количеством названий различных групп людей — «литва (литовские люди)», «грузинские люди», казаки, «черкасы» и т.д. К ним наши источники относятся вполне нейтрально, однако как только речь заходит о конфликте, религиозный его подтекст для наших авторов не вызывает никаких сомнений.

Этническая карта Русского государства и ближайших стран, которая проступает также в произведении патриарха Иова, мягко говоря, сильно отличается от современных представлений. Патриарх, будучи образованным человеком, как нам может показаться, совершенно неверно называет и размещает народы по странам. В частности, казанские татары для Иова — это «нечестивые болгары», причем именно с таким эпитетом, без него патриарх этот термин не употреблял. «Нечестивыми» названы также сибирские татары¹⁶. В представлении Иова, с Русью граничили «Болгарская область» и «Сибирская страна», которые населяли болгарские и сибирские «люди», их главным отличием была «нечестивая», т.е. неправильная вера. Интересна характеристика, данная Борису Годунову: «И не точию во всем царстве Русския державы изыде слух, но и по всем странам *неверных язык* проиде слава...»¹⁷.

Далее патриарх Иов и вовсе демонстрирует синкретизм в применении терминологии в названиях различных народов. В связи с этим интересен его рассказ о русско-шведской войне 1594–1595 гг. По его мнению, царя побудили выступить в военный поход исключительно религиозные мотивы: «не точию хотя еже бранию себе многое кровопролитие сотворити, но неверных на благочестие пременити...»¹⁸. Еще более примечательным становится наименование врага: «...тогда быша некия грады царского его достояния Корелския области наветуемы и озлобляемы от нечестивых Латынь, иже нарицаются Германе...»¹⁹. «Латыняне» — типичный для московской книжности термин, обозначающий католиков; шведы, с которыми воевала русская армия в это войне, были лютеранами; соответственно и термин «германе» к ним отнести никак нельзя.

С другой стороны, возможно, мы сталкиваемся с данью определенной книжной традиции, которая совмещала Эстляндию, принадлежавшую шведам, с территорией, на которой проходили столкновения между войсками Александра Невского и немецкими рыцарями. Так, царь Федор Иванович, по словам Иова, молился перед походом, прося «помози ми, Господи, якоже и прадеду моему великому князю Александру, на окояныя сия нечестивыя немцы...»²⁰ В этом случае можно предположить, что «немцы» в данном произведении — такой же анахронизм, как термин «болгары» по отношению к казанским татарам.

Как и Иван Тимофеев, Иов неоднократно называет лютеран-шведов «эллинами». Так, когда Федор Иванович выиграл войну, он повелел «Иваньград от нечестивых истребити и всяких *Еллинских* богомерзких гнусов повеле очистити...». Даже более того, по мнению Иова, там, где «быша *Еллинские* капища, тамо ныне божественные церкви, идеже быша скверныя службы, тамо ныне безкровныя жертвы; быша бесовския козни, тамо ныне богодухновенныя песни...»²¹.

Таким образом, этническая карта в произведении первого московского патриарха, строго говоря, не является этнической. В Русское государство входили и окружали его разные «области» и «страны», населенные «нечестивыми» и «злочестивыми» «языками» и «людьми». Иов не применяет к ним никакой терминологии, которая могла отразить его представления об общем происхождении тех народов, их родстве, культуре и прочих компонентах, традиционно понимаемых как маркеры этничности.

В определенной степени такую картину подтверждает «Новый летописец», произведение, написанное в начале 30-х годов XVII в. при дворе царя Михаила Федоровича. Авторы этого исторического нарратива так же, «путая» шведов с немцами и католиков с протестантами, обозначали шведские войска²². Так же авторы Нового летописца противопоставляли немцев «крестьянам», т.е. христианам²³.

Основным отличием населения разных стран для авторов Нового Летописца рубежа XVI–XVII вв., безусловно, была религия. Обычаи, народные традиции, языки, материальная культура — казалось, ничто из этого их не интересовало. «От царствующего града Москвы, — начинается Новый Летописец, — на восточную страну есть царство, рекомое Сибирское, в немже живяше царь Кучум, вера же их бусарманская Мааметову закону, а иные языцы кумиром служаху и идолом поклоняхуся...»²⁴.

Еще раз подчеркнем, что для изучаемого периода в московских источниках нет термина, обозначающего большое воображаемое сообщество, объединенное этническими критериями. Например, для западнославянской традиции такими терминами были «род», «племя» и «народ». В наших источниках эти слова встречаются довольно часто, однако их значение слишком отличается. Например, «род» и «племя» для московских авторов — это семья, ни о каком «русском» или «российском племени» речи не идет²⁵. Более того, в отличие от источников, созданных в православной среде Речи Посполитой, в московской книжности изучаемого периода нельзя встретить словосочетания «русский народ». Вообще, термин «народ» в наших источниках практически всегда имеет значение «большое скопление людей»²⁶.

Для обозначения общности людей, объединенных территорией и названием, московские авторы использовали термин «люди» или «языки». Если первый термин всегда идет с прилагательным, относящим его к какой-либо территории (например, «немецкие», «болгарские», «сибирские люди» и т.д.), второй имеет более разнообразный контекст использования.

В произведениях, в которых так или иначе отражены события Смутного времени, существует одна характерная особенность. Ни в повествовании о причинах победы Лжедмитрия и его свержении, ни в призывах к борьбе с польскими и шведскими интервентами, ни даже в оценках деятельности Второго ополчения о чаяниях русского народа как этнического субъекта нет ни слова. Население русского государства — это православные христиане, их враги — «латыняне», «эллины» и русские «воры», которых иногда авторы называют «вероотступниками» (хотя, надо отметить, что среди сторонников Лжедмитриев, А. Лисовского и П. Сапеги, выходцев из русских земель, сменивших религию, практически не было).

Характерен такой пассаж, взятый нами из Пескаревского летописца. Говоря о причинах свержения Лжедмитрия I автор писал: «А совершив, тотчас велю костелы *римские* ставити, а во церквах *русских* не велю пети»²⁷. Здесь характерно, что противопоставляются друг другу католический («римский») храм и «русский», выступающий синонимом слову «православный».

В Новом летописце так передаются мотивы, побудившие Козьму Минуна начать организацию Второго ополчения: «Ото всех же градов во едином граде, рекомом в Нижнем Новгороде, те же нижегородцы, поревновав православной христианской вере, и не хотяху введети *православной веры в латынстве...*»²⁸.

Такая же система употребления различных маркеров идентичности присутствует и в известном «Сказании» Авраамия Палицына, ставшего участником обороны Троице-Сергиева монастыря войсками П. Сапеги и А. Лисовского.

Говоря о планах Лжедмитрия совершить поход на Османскую империю, Авраамий Палицын «раскрывает» страшный замысел самозванца: «...готови турцы бышя к пролитуию крови *христианския...*». Лжедмитрий хотел натравить крымского хана, чтобы он «...да изгубит *христиан* на велицех полях и не радуяся о победе на *агарян*, но ища, како бы предати тем всех православных христиан, Москву же наполнил поляки...»²⁹. В этом маленьком отрывке мы видим, что население Русского государства — это просто «христиане», турки — «агаряне», что, безусловно, снова обращает нас к религиозной традиции. Мы здесь видим противопоставления турок, агарян и поляков «православным христианам».

Как и Иван Тимофеев, Палицын с конфессиональных позиций рассматривает раскол страны, наступивший, правда, уже после избрания царя Василия Шуйского: «И устроися Росиа вся в *двомысле...* Севера же конечно отчаашаяся *братства христианского* и приложишася к Польскому кралевству...»³⁰; и снова они противопоставляются христианам: «и недомыслимаа в разуме тому лже-Христу и польским и литовским людем и всюду водящее и везде сохраняющее врагов христианских, литву и поляков...»³¹. Здесь впервые Палицын употребляет такой оборот, согласно которому, русские люди, перешедшие на сторону самозванца, стали «клятвопреступниками», посягнули на веру — «отчаялись».

Характерно также то, что в произведении Палицына «русские» люди и «православные христиане» — это синонимы: «Коль же жестоко сердце изменником беяше на свою братию *православных христиан!* Поляков убо и литвы сотни две или три. *Руских же изменников* десяторицею пред ними сугубо...»³². Авраамий Палицын называет армию Сапеги и Лисовского «литовским и русским воинством». Но «русские», находящиеся для автора на стороне осаждающих — это еретики, «богомерзкие», «прельщенные».

Разницу между «своими» и «не-своими» келарь проводил опять-таки по религиозной границе. Так, Сапега и Лисовский предлагали сдаться на милость «царя Дмитрия Ивановича» и «царицы Марины», в ответ воеводы Григорий Долгоруков и Алексей Голохвостов написали письмо,

в котором говорилось: «Како же вечную оставити нам святую истинную свою православную христианскую веру греческаго закона и покоритися новым еретическим законам отпадшим христианския веры иже проклятии быша...»³³. Таким образом, в произведении Авраамия Палицына, как и в прочих, представленных здесь, авторы и деятели, которым эти сочинения были посвящены, вообще *не используют* этническую аргументацию.

Итак, подведем итоги нашему краткому обзору приведенных источников и сделаем некоторые выводы. Во-первых, во всех сочинениях мы находим единственное воображаемое сообщество, к которому, безусловно, причисляют себя их авторы, — это «православные христиане». Относили ли они к этому сообществу других православных (например, население Речи Посполитой, греков и пр.), мы не знаем, так как тематика представленных источников касается исключительно событий, произошедших в России. Во-вторых, все трагические явления, военные конфликты и раскол страны в правление Василия Шуйского патриархом Иовом, Иваном Тимофеевым, Авраамием Палицыным, авторами Нового летописца трактуются *исключительно* с религиозных позиций, как борьба против козней «нечестивых», «латынов», «эллинов» и «агарян». То, что эти термины в представлении московских книжников рубежа XVI–XVII вв. обозначали религиозные сообщества, не вызывает сомнений.

В-третьих, трудности вызывает определение самого термина, обозначающего этническую общность. По крайней мере, традиционные для польской, чешской и даже киевской книжных традиций термины «народ», «племя», «род» в изученных источниках используется совершенно в другом значении. Наиболее часто употребляемый термин «люди» по отношению к населению отдельных стран или областей содержит в себе, на наш взгляд, исключительно территориальную смысловую привязку.

Наконец, сложности в поисках четких маркеров для обозначения собственного сообщества, а также для других народов, «нагромождение» соответствующей терминологии и определенный синкретизм в ее использовании, отражает, на наш взгляд процесс поиска четкого критерия для коллективной идентичности. Поддержка власти Василия Шуйского, борьба с польской армией, Второе Ополчение — основным субъектом в этих событиях выступало русское общество, а стало быть, термин «православные христиане» был слишком общим. В определенной степени носителями субъектности в наших источниках являются термины «земля» или «мир», однако изучение использования этого термина в русской книжности еще только предстоит.

А как шло формирование этноконфессиональной идентичности в образованной части православного населения Речи Посполитой в этот же период? Исследования Б.Н. Флори³⁴ и О.Б. Неменского³⁵ убедительно

показывают, что подобный процесс сильно отличался от того, что происходило в культуре Московской Руси. В качестве примера приведем текст «Палинодии», сочинения 1621 г. авторства архимандрита Киево-Печерской лавры Захарии Копыстенского. В центре произведения — повествование о «народе Российском»³⁶. Слово «народ» в данном случае используется уже во вполне современном значении — как этнической общности, происходившей от еще более древнего «племени» — народа «Роксолянского». Таким образом, Захария Копыстенский ввел важную составляющую этнического конструкта — этногенетический миф. Следуя за польской традицией, предписывавшей происхождение поляков от сармат, легендарного воинственного народа, Копыстенский написал целую главу «О зацности и мужестве народу Российского», который был известен своей воинственностью и храбростью «еще за часу войны Троянской»³⁷. В ней архимандрит приводит несколько исторических легенд, в частности, о победоносных войнах «народа Росского» с «цесарством Римским» (в данном контексте — Римской империей)³⁸.

Важно отметить, что «Росский народ», в понимании Захарии Копыстенского, — это именно воображаемое сообщество³⁹, правда, включавшее в себя две части — «Россов Великой России» (которая именуется в равной степени «Москвой») и другую, — «ветвь», исходящую из «Малой Руси».

Подводя общий вывод исследованиям, проведенным над текстом «Палинодии», можно смело утверждать, что ее автор, Захария Копыстенский уже обладал комплексом взглядов, приближающихся к этническим.

С другой стороны, у нас есть текст, который, на наш взгляд, по уровню развития отраженных в нем этнических представлений его автора стоит ближе к московским источникам. Речь идет о белорусской Баркулабовской летописи, составленной после 1608 г. православным священнослужителем, противником Брестской церковной унии.

Обращает на себя внимание тот факт, что автор этой летописи, как и московские книжники не использует какого-то определенного термина для обозначения этнической общности. «Народ» в летописи — это конкретное скопление людей, например: «стоячи пред церковью пред всеми зацными паны и пред *народом* хрестиянским»⁴⁰. Однако в Баркулабовской летописи, в отличие от московских источников, присутствует термин «люд», например, «Люд чужеземный немецкий», «люд русский»⁴¹. Так же термин «язык» намекает на некоторую не-конфессиональную общность: «Тамже на тот рокош зьеждчались панове русские, прусские, жомоитские, мазовецкие, подляские, волынцы, литва, поляки, згола от всих земель и поветов панове велможные, панове зацные, всяких вер, всяких языков...»⁴².

В летописи мы так же можем встретить свойственную всей восточнославянской исторической литературе двойственность в понимании термина «Русь, русский». Не всегда ясно, что перед нами — этноним или конфессионим. Приведем два примера. Рассказывая о Брестском соборе, автор Беркулабовской летописи упоминает легенду: «Там же у олгара *русского*, где служил *римлянин*, а келиху вино у кров барзо шпетную смордливую обернулося, же тот езуита не поживал, а у олгара римского у Потея вино обернулося у простую горькую воду»⁴³. В данном контексте «римлянин», то есть представитель католической церкви, служил у «русского» алтаря. Мы имеем дело с тем, что «русский» здесь является синонимом слову «православный». Рассказывая о причинах убийства Лжедмитрия I, автор Беркулабовской летописи писал: «А то за великие прикрости литовские и насмевань полское сталося им, иж был збудовал царь Дмитр ку воли жоне своей на Москве костел полский и мниши служили службе Божую, а из *руских* церквей великое насмевань чинили, попов московских уруговали, з них насмевали, — мели то собе за великую кривду..., не хотячи у царству своему, абы вера была *ляховитинская*...»⁴⁴. В данном контексте термины «русский» и «ляховитинский» являются примерами не этнической, а конфессиональной дефиниции.

Не оставляет сомнений тот факт, что Беркулабовская летопись по отраженным в ней маркерам идентичностей стоит ближе к московской, чем к сочинению Копыстенского. Почему? По всей видимости, ответ здесь лежит на поверхности — автор «Палинодии» и других произведений по уровню своего образования и кругу чтения был, вероятно, гораздо ближе к польской традиции, чем автор провинциальной летописи. С другой стороны, перед автором последней стояли совсем иные, более локальные задачи, именно поэтому мы не найдем там ни этногенетической легенды, ни, собственно этнической истории «русского народа». Однако подобные различия отражают неравномерность процесса формирования этнических представлений в православной книжной культуре Речи Посполитой и всех восточнославянских обществ в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дьяконов М.А. Власть московских государей: очерк из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889; *Малинин В.Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания Киев, 1901; *Кириллов И.* Третий Рим: очерк исторического развития русского мессианства. М., 1914; *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII вв. Сергиев Посад, 1914; *Лурье Я.С.* О возникновении теории «Москва — Третий Рим» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 16. М.; Л.; 1960; *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998; *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита

- Макария. М.; СПб., 2009; *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: 2010; *Чеснокова Н.П.* Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII в. М., 2011.
- ² *Синицына Н.В.* Третий Рим... С. 303.
- ³ Изоляционистская сущность концепции «Москва — Третий» Рим и ее эволюция были рассмотрены в фундаментальной работе Н.В. Синицыной. См.: *Синицына Н.В.* Третий Рим... С. 306–323.
- ⁴ *Дмитриев М.В.* Киево-Могилянская академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київська Академія. Вип. 2–3. Київ, 2006. С. 14–31.
- ⁵ *Данилевский И.Н.* Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // *Ab Imperio*, Казань, 2001. №. 3. С. 151–152.
- ⁶ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: 2001. С. 30–32
- ⁷ *Тишков В.А.* Реквием по этносу. М., 2003. С. 60.
- ⁸ *Лаушкин А.В.* К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности (хрестяяни) и «хрестьянскыи» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2006. С. 36–37; *Верещагин Е.М.* Образ волжских булгар («вѣры бохмичѣ» в древнерусской книжности // Славяне и их соседи: этно-психологический стереотип в Средние века (Сборник тезисов). М., 1990. С. 25.
- ⁹ *Лаушкин А.В.* К вопросу о развитии этнического самосознания... С. 57.
- ¹⁰ *Vodoff V.* Aspects et limites de la notion d'universalite dans l'ecclesiologie de la Russie ancienne // Il battesimo delle terre russe. Bilancio di un millenio. A cura di S. Graciotti. Firenze: Leo S. Olschki Editore, 1996. P. 164.
- ¹¹ Историография предмета была подробно рассмотрена во вводной части статьи М.В. Дмитриева «Киево-Могилянская академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович)» // Київська Академія. Вип. 2–3. Київ, 2006.
- ¹² *Временник Ивана Тимофеева.* М.-Л., 1951. С. 12.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹⁵ Там же. С. 18.
- ¹⁶ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 14. М., 2000. С. 8.
- ¹⁷ Там же. С. 12.
- ¹⁸ Там же. С. 13.
- ¹⁹ Там же. С. 12.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 14.
- ²² Там же. С. 39.
- ²³ Там же. С. 44.
- ²⁴ Там же. С. 33.
- ²⁵ Например, автор Пескаревского летописца, произведения, составленного около 1615 г., «племенем» называл. ПСРЛ. Т. 34. М., 1974. С. 202.
- ²⁶ *Ерусалимский К. Ю.* Понятия «народ», «Россия», «Русская земля» и социальные дискурсы московской Руси конца XV–XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формированиях идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. М., 2008. С. 137–169. В Пескаревском летописце мы находим такой оборот:

«И красносельцы всякие люди тех дворян взяли и привели на Молебное место, и велели грамоту честь п[р]ед всем *народом*». ПСРЛ. Т. 34. С. 206. Точно так же использует термин «народ» Авраамий Палицын. Для обозначения семейств он использовал термин «род», «племя» и «семя».

²⁷ ПСРЛ Т. 34. С. 211.

²⁸ Там же. Т. 14. С. 283.

²⁹ Сказание Авраамия Палицына. М.-Л., 1955, С. 114

³⁰ Там же. С. 116.

³¹ Там же. С. 117.

³² Там же. С. 118.

³³ Там же. С. 137

³⁴ *Флоря Б.Н.* Древнерусские традиции и борьба восточных славян за объединение // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В.Т. Пашуто, Б.Н. Флоря, А.Л. Хорошкевич. М., 1982.

³⁵ *Неменский О.Б.* Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008. Вып. 3. С. 180–191; *Он же.* Особенности этнического самосознания Мелетия Смотрицкого // Леў Сапега и яго час. Сб. ст. Гродна, 2007. С. 304–309; *Он же.* «Русское» и «русскость» в культуре Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII вв. (по материалам полемических сочинений) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. Под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 137–162; *Он же.* Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом. Сб. ст. под ред. О.Б. Неменского. М., 2008. С. 105–113.

³⁶ Замена терминов «Русь» на «Россию» или «русский» на «российский» характерна для текстов, исходящих из образованной части православного населения Речи Посполитой. По всей видимости, это была дань более «высокому стилю» на греческий манер.

³⁷ «Русская историческая библиотека» Т. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. СПб., 1878. Стб. 1103.

³⁸ Там же.

³⁹ Термин «воображаемое сообщество» в изучении конструкций, появляющимися в книжности Раннего Нового времени впервые ввел О.Б. Неменский // См. *Неменский О.Б.* Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы. С. 185.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 32. 1975. С. 184.

⁴¹ В польской книжности того времени термин «люди» употреблялся в основном в конкретном значении — как «простой народ» (*lud polspolity*), или рыцарство (*lud guserski*) так и в качестве термина для более широкого сообщества, например, польский народ (*lud polski*), что очень хорошо прослеживается по такому известному тогда произведению, как «Хроника польская литовская, жмудская и всей Руси» Матвея Стрыйковского // *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka I wszystkiej Rusi.* Т. 1–2. Warszawa, 1846.

⁴² ПСРЛ. Т. 32. С. 191.

⁴³ Там же. С. 181.

⁴⁴ Там же. С. 191.

К.В. ШЕВЧЕНКО

(Филиал Российского государственного
социального университета в г. Минске, Беларусь)

**«ХИТЕР НАШ ПОЛЕШУК!».
РУССКАЯ ПРЕССА БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ
В СОСТАВЕ МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШИ
КАК ИНДИКАТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Abstract:

Shevchenko K.V. *«Our Poleshuk is cunning!» Russian press of the Belarusian Polesse region in interwar Poland as an indicator of ethnic identity*

The article explores the publications of the Russian-language press of Polesse region, including the newspaper «Pod nebom Polesja» («Under the sky of Polesse»), which was published in Russian in 1931–1932 in Pinsk, part of the Polesse province of interwar Poland. Publications of the Russian press advocated a Common Russian identity and promoted Russian culture, while considering Russians, Belorussians and Ukrainians to be parts of a single nation in accordance with the triune Russian people theory. Those publications were unacceptable for the Polish authorities, which were following the policy of total polonisation of the Belorussian population of the Eastern provinces. Using administrative resources, the local Polish authorities managed to eliminate the newspaper in early 1932.

Ключевые слова: общерусская идентичность, колонизация, Полесье, Пинск, этнокультурная инженерия.

Широкое распространение общерусской идентичности в этнически непольских восточных воеводствах межвоенной Польши, населенных в основном восточнославянскими народами, были вынуждены неоднократно признавать польские власти, вопреки официальной трактовке данных областей как исконно польских. В подготовленной в 1930 г. чиновниками управления Полесского воеводства в Бресте аналитической записке о деятельности Русского национального объединения констатировалось, что «русский этнический элемент в Полесье составляет не более 1% населения, не превышая 12.000 человек, в основном из числа интеллигенции. Однако, несмотря на незначительную численность этнических русских, русское влияние на территории Полесья выглядит довольно сильным, — признавалось в документе. — Это является результатом действия ряда причин, в основном длительной и системной русификации населения Полесья царскими властями, а также русификаторской деятельности православного духовенства»¹. Авторы данной записки отмечали, что политическая деятельность Русского национального объединения в Полесье активизировалась перед выборами в Сейм в 1928 г., при этом русская агитация

тация, «поддержанная православным духовенством, добилась серьезного успеха, выразившись в завоевании мандата в пинском избирательном округе»².

Ярким проявлением общерусской идентичности в межвоенной Польше была русскоязычная пресса, издававшаяся в крупных городах этнически непольских восточных воеводств Второй Речи Посполитой, прежде всего в Вильно, а также во Львове, где, несмотря на массовые репрессии австро-венгерских властей против галицко-русского движения, сохранялись очаги русской культурной и общественной жизни. На характер публикаций русской прессы в межвоенной Польше накладывали отпечаток внутривойсковые и внешнеполитические реалии, диктовавшие определенную степень самоцензуры и конформизма.

Однако, делая неизбежные реверансы с учетом международного положения, внутривойсковой ситуации и господствующей в Польше идеологической доктрины, русская пресса в целом стояла на позициях общерусского единства и пропаганды русского культурного наследия, что было неприемлемо для польской администрации, стремившейся к тотальной полонизации непольского населения восточных воеводств Второй Речи Посполитой.

Важным инструментом борьбы официальной Варшавы с общерусской идентичностью населения западнобелорусских земель были преследования и дискриминация русской прессы, включая административные препоны и прямые запреты на распространение некоторых изданий в Польше. Так, 23 августа 1937 г. управление Полесского воеводства информировало старост всех поватов данного воеводства о решении министерства внутренних дел Польши запретить подписку на издававшуюся в г. Ужгород (Чехословакия) «Русскую народную газету», а также на «Евразийскую хронику», издававшуюся на русском языке в Берлине. В документе туманно объяснялось, что запрет на распространение данных изданий связан с тем, что «их содержание обнаруживает признаки преступлений, предусмотренных в Уголовном кодексе»³. Ранее был введен запрет на ряд газет, журналов и книг, изданных в СССР.

Крайне подозрительный и дискриминационный подход польские власти демонстрировали в отношении периодических изданий на русском языке в восточных воеводствах Польши, опасаясь их нежелательного для Варшавы влияния на местное белорусское население. Издание прессы на русском языке на территории этнически непольских восточных воеводств постоянно привлекало пристальное внимание польской администрации вплоть до высших государственных чиновников, бдительно следивших за содержанием русскоязычных изданий на предмет их соответствия государственным интересам Польши.

Ярким примером подобного отношения польской администрации к русской прессе являлась попытка активиста русского движения в г. Пинск Полесского воеводства П. Хинича начать издание русскоязычной газеты «Под небом Полесья». Официальная декларация Хинича о намерении издавать подобную газету была направлена старосте Пинского повета Полесского воеводства 12 октября 1931 г. В документе указывалось, что газета будет содержать информацию экономического, общественного и культурного характера, что издание будет стоять на почве польской государственности и что местом издания будет г. Пинск, улица Пилсудского, 17⁴.

Сразу после получения данной декларации староста Пинского повета В. Болдок направил 14 октября 1931 г. полесскому воеводе В. Костек-Бернацкому конфиденциальное донесение, в котором характеризовал редактора будущей газеты П. Хинича как активиста русских организаций, принимавшего участие в выборах в сейм в 1928 и 1930 гг. и как корреспондента русской виленской газеты «Наше время». Особое внимание староста обращал на стремление Хинича расширить свое влияние на местное сельское население. По словам старосты, свою агитацию среди населения Хинич проводит «в национально русском духе»⁵.

В следующем донесении полесскому воеводе от 28 октября 1931 г. пинский староста сообщал о том, что первоначально он не препятствовал Хиничу в организации его издания, поскольку это, по словам старосты, могло бы создать впечатление у местного русского общества об административном преследовании русской национальной жизни со стороны польского правительства, тем более, что Хинич декларировал намерение стоять на почве польской государственности. «По этим соображениям я принял решение, не препятствуя появлению газеты со стороны властей, уничтожить её путем деструктивных мер... и тем самым навсегда парализовать её существование в будущем»⁶, — откровенно делился своими планами пинский староста.

Содержание первых номеров газеты «Под небом Полесья» не могло не вызвать сильнеешего раздражения польской администрации. Так, в статье о населении г. Пинска указывалось, что из 30470 жителей города 19597 составляют евреи, 7249 — поляки, остальные — русские, к числу которых газета отнесла «белоруссов, украинцев и великоруссов»⁷.

Таким образом, белорусы и украинцы в духе западнорусизма трактовались газетой как составная часть единого русского народа, что было неприемлемо для польских властей. Озабоченность местной польской администрации, судя по всему, вызвало и опубликованное на страницах газеты сообщение её редакции о том, что успех издания «превзошел все наши ожидания... В первый же день мы приобрели весьма значительное число подписчиков. В редакцию нашу ежедневно поступают приветственные и сочувственные письма...»⁸.

Второй номер газеты в рубрике «Из польской печати» знакомил читателей с содержанием публикаций польской прессы о положении в восточных воеводствах Польши. По словам газеты, краковское издание «Иллюстрированы Курьер Цодженны» в одной из своих публикаций «горько жалуется, что русские переполняют учительские должности в польских школах на Восточных Кресах, и поэтому призывает живые силы польского общества и молодых учителей идти работать на Восток — туда, — иронично отмечал автор этого материала в газете «Под небом Полесья», — где, по его словам (краковского издания. — *К. Ш.*), дикое московское хозяйничанье, насилия Муравьева и большевизм уничтожили приобретения целых польских поколений»⁹. Редакция «Под небом Полесья» предпочла благоразумно воздержаться от прямой полемики с польскими изданиями, однако содержание польских публикаций излагалось на страницах газеты с нескрываемой иронией.

Крайне раздражающей для польских властей стала статья о предстоящей в Польше переписи населения, опубликованная в третьем номере газеты. Констатируя, что «для нас, русских, предстоящая 9 декабря сего года всеобщая перепись населения ... будет иметь огромное значение», газета самокритично замечала, что «русские теперь, при польской власти, являются гораздо менее устойчивыми национально, чем были поляки даже в самую тяжелую для них пору национальных и религиозных преследований»¹⁰. В связи с этим газета призывала своих читателей указывать в ходе переписи в качестве родного только русский язык: «Пусть же каждый русский знает и помнит, что указания агентам по переписи языка русского (*rosyjskiego*) как родного не является чем-то маловажным, а исполнением долга перед лицом национальных и культурных интересов русского меньшинства в Польской республике»¹¹.

Борьба за сохранение русской культуры и общерусской идентичности была центральной темой газеты. В статье «О самом больном» редакция газеты обращалась к актуальной и болезненной теме растущей колонизации русского населения в Польше. «Как это ни печально, но даже там, где не исключена возможность воспитания по своему усмотрению, в среде состоятельных, имущих русских, нередко польский язык и польская книга доминирует в ущерб русской, — отмечала газета и, обращаясь к родителям, призывала, — изучение и знание польского языка не должно вести к забвению своего родного языка — русского... Не забывайте, что, теряя русскую речь, ваши дети одновременно с этим теряют свою национальность»¹².

Редакция газеты «Под небом Полесья» стремилась всячески популяризировать русские культурно-просветительские проекты в Польше. Так, в четвертом номере подробно сообщалось об открытии при отделе

Русского благотворительного общества (РБО) в г. Барановичи русской начальной школы, а также курсов русского языка при ковельском отделе Русского благотворительного общества. При этом редакция выражала надежду, что и «пинский отдел РБО, являясь представителем местной русской общественности, не останется в долгу и употребит все усилия для создания какого-либо русского очага, откуда бы подрастающее поколение наше могло бы черпать силы...»¹³.

Судя по публикациям газеты «Под небом Полесья», русские культурные мероприятия пользовались большой популярностью среди жителей Пинска. «Кружком русской молодежи города Пинска устроен был 6. XI в театре бр. Гольцман благотворительный концерт-вечер. В программу вечера вошли: оперетка «Иванов Павел»..., затем хор балалаечников и публичное выступление пинских поэтов. Кроме того — танцы до утра, — сообщала газета 15 ноября 1931 г. — С художественной и материальной стороны вечер вполне удался и привлек много публики, среди которой были представители польского общества, а также немало еврейской молодежи»¹⁴.

Большое место на страницах «Под небом Полесья» уделялось критике русской интеллигенции в межвоенной Польше. Среди многочисленных грехов русской интеллигенции газета отмечала «отсутствие русского патриотизма, самооплевание, неумение ценить великие достижения русской культуры, равнодушие к своей святой Вере... Но самым тяжелым грехом ее надлежит признать неумение в тяжелых условиях жизни на чужбине, в рассеянии, сохранить свое национальное русское лицо»¹⁵.

Анализируя положение русского населения в межвоенной Польше, газета проводила любопытные параллели с германизацией чехов в Габсбургской монархии и с полонизацией западнорусской шляхты в Речи Посполитой после Брестской церковной унии 1596 г. «Чешское возрождение начала 19 века было затруднено тем, что чехи фактически не имели интеллигенции: она вся после Белой Горы онемечилась. То же относится к литовской и русской шляхте, после Брестской унии совершенно опоячавшейся... Теперь мы являемся свидетелями аналогичного явления, — констатировала газета, — наши русские богачи, как у нас на Полесьи, так и везде в Польше — стесняются своей родной речи, зачастую отвечают по-польски своим же русским..., не говоря уже о том, что не только пальцем о палец не ударят, чтобы помочь немногочисленным самоотверженным русским общественным деятелям в тяжелой, жертвенной национально-русской работе, но живут вдали от живого биения пульса русской жизни и предпочитают польскую среду и польское общество — обществу русскому. Такая позиция нашей имущей интеллигенции является подлинным предательством по отношению к русскому делу...»¹⁶.

Подготовка к проведению очередной переписи населения в Польше в декабре 1931 г. актуализировала интерес редакции к механизму проведения переписей и к этнонациональной политике польских властей на территории Полесья в целом. Особое внимание уделялось феномену новых национальностей «полешуков» и «тутэйших», обнаруженных предыдущими польскими переписями в Полесском воеводстве. По ироничному замечанию газеты, о существовании подобных народностей ранее «не догадывались историки и этнографы ни польские, ни русские»¹⁷.

Так, по данным переписи населения, проведенной польской администрацией в 1919 г. в подконтрольных ей белорусско-литовских областях, на территории Полесья было зафиксировано 116 965 тех, кто заявил о себе как о «тутэйших»; при этом на территории Виленского воеводства их число составило 37089, а на территории Минщины — 37 927¹⁸.

Примечательно, что явление «тутэйших» и «полешуков» было характерно в основном для сельской местности; в крупных городах перепись таких не зафиксировала. Последующие переписи населения в Польше указывали на постоянный рост «полешуков» и «тутэйших» на территории Полесья. По данным переписи 1931 г., число «полешуков» на территории Полесского воеводства составило уже 710 870 человек или 63,1% от общей численности населения Полесского воеводства¹⁹.

В отличие от польских чиновников, объяснявших появление «полешуков» и «тутэйших» низкой степенью национального самосознания местного славянского населения Полесья, не способного отнести себя к какой-либо из общепризнанных национальностей, редакция газеты «Под небом Полесья» усматривала главную причину данного явления в текущих политических факторах и в этнокультурной политике властей. По словам издания, в ходе переписи население часто не могло или по каким-либо причинам не желало причислить себя к известным национальностям. В ответ на вопрос о национальной принадлежности местные жители часто отвечали, что в составе России «они были русские; перешли под Польшу, стало быть, стали польские»; при этом счетные комиссары в данном случае охотно указывали польскую национальность²⁰.

Газета обоснованно подчеркивала, что «большую роль в этом “самоопределении” сыграли переписчики своими наводящими вопросами, своей субъективной пристрастностью к известной народности». Тем самым издание давало понять, что официальная численность поляков на территории Полесья искусственно завышена за счет местного непольского населения. Комментируя широко распространенное нежелание местного населения отнести себя к общепринятым национальностям и самоопределение его значительной части как «тутэйших» или «полешуков», газета не без иронии замечала: «Хитер наш полешук! Исторические условия

заставили его таким быть. Скажи, что русский, подумают: а, мы большевики! Время-то было — 1921 год, память о товарищах была очень свежа и еще недавно действовали на Полесьи “карные” военные отряды... Население Полесья во время первой переписи не открыло полностью своего настоящего национального обличья, выявило очень слабое национальное самосознание и показало, что оно так или иначе хитрит по тем или иным причинам. ...Об интеллигенции можно сказать то же самое. Иные записывали себя не так, как говорило их внутреннее национальное чувство, отчасти и страха ради, отчасти и оттого, как иные говорили: “стыдно быть русским после всего, что произошло, Русь осрамилась”²¹. Намекая на далекую от идеальной национальную политику Варшавы, газета заключала: «Перепись даст только тогда верные сведения о национальностях, если все народности будут уверены, что они равноправны и им нечего бояться...»²².

Примечательно, что критика переписей населения в полесском регионе межвоенной Польши, озвученная на страницах «Под небом Полесья», разделяется и авторитетными польскими историками. Так, Е. Томашевский отмечал, что перепись 1921 г. была отмечена рядом недостатков и фальсификаций; «национальную принадлежность той многочисленной части населения Полесья, которая не могла сама определить свою национальность, определяли в основном сами счетные комиссары. Частым явлением были факты, когда национальная принадлежность людей определялась не ими самими, а другими лицами. Кроме того, известны факты, когда сами счетчики были малограмотными...»²³.

Судя по всему, польские власти по тактическим соображениям были заинтересованы в поддержке «полесской» идентичности, так как это могло быть использовано как инструмент для противодействия распространению у населения Полесья русской, белорусской или украинской идентичности. Примечательно, что в подготовленной одним из чиновников управления Полесского воеводства аналитической записке о национальных группах на территории Полесья в 1931 г. говорилось, что «население Полесья, ведущее свое происхождение от древлян, не имеет ничего общего с племенами, положившими начало русскому или украинскому народу... Археологические и антропологические исследования показали, что физический тип древних обитателей Полесья и современных полешуков серьезно отличается от типов русского и украинца. Наконец, язык современных полешуков содержит многочисленные особенности, чуждые русскому, украинскому и белорусскому языкам, и не может считаться диалектом этих языков. По отношению к украинскому и белорусскому языкам он может быть признан равноправным с этими языками»²⁴.

Таким образом, некоторые польские чиновники, по сути, выступали сторонниками и даже идеологами существования отдельного полесского народа, отличного от русских, белорусов и украинцев.

Подобные мысли не ограничивались лишь сферой абстрактного теоретизирования, имея вполне конкретное практическое воплощение. Так, 26 ноября 1926 г. орган Русской народной организации в межвоенной Польше львовский еженедельник «Русский голос» в статье «По случаю полесизации» сообщал об издании в Пинске газеты «на чистейшем полесском языке». По словам газеты, «уездный сеймик в Пинске... открыл «древнюю нацию — народ полесский». И не только открыл, но стал даже издавать специальную газету для этого до сих пор пребывающего в неизвестности «народа», — с иронией сообщал «Русский голос». — Факт, говорящий сам за себя! По-видимому, примеры Австро-Венгрии слишком еще стоят перед глазами польского правительства»²⁵. Поддерживаемый местной польской администрацией «полесский проект» в виде издания газеты на полесском диалекте «Русский голос» расценил как очередную попытку подорвать общерусский «национальный организм» и «вытравить в русском народе его национальное сознание, сознание его великой культуры — его русскость»²⁶.

Попытки польских властей издавать прессу на местном полесском диалекте, призванную содействовать становлению особой местной идентичности и одновременно распространять идеи лояльности к Польше, имели место и позднее. В 1928 г. в Пинске при поддержке местной администрации издавался еженедельник «Наша земля», который ставил своей задачей в условиях предвыборной кампании в сейм «освещать жизнь малоземельных крестьян» и разъяснять тем крестьянам, которые не могли читать по-польски, «что делается в стране»²⁷.

Примечательно, что статьи в этой газете печатались как на полесском диалекте с использованием польской лексики, так и на литературном русском языке; при этом наиболее важные в пропагандистском отношении материалы редакция предпочитала публиковать именно на русском литературном языке. Тем самым редакторы проправительственного издания фактически признавали широкую распространенность русской культуры и языка для местного населения.

В содержательном отношении «Наша земля» являлась агитационным инструментом пилсудчиков, призванным повлиять на итоги выборов в сейм в данной части Полесья. «Будущее среднего и мелкого крестьянина — в сильном, демократическом государстве, установленном Маршалком Пилсудским»²⁸, — подчеркивала «Наша земля» 19 января 1928 г. Объясняя жителям Полесья коварные козни окружавших Польшу враждебных государств, газета констатировала: «С момента заключения мира

в Риге большевики приступили к пробуждению национализма белорусов и украинцев, направляя его острие против Польши. Россия и немцы стараются осуществить свои враждебные планы во время выборов. Для воздействия на селян украинских и белорусских плывут широким корытом гроши из Москвы и Берлина... Крестьяне и интеллигенция польская, белорусская и украинская должны объединиться с Беспартийным Блоком сотрудничества с правительством, чтобы изменить жизнь к лучшему... Все как один пойдем за Ним, за Маршалком Иосифом Пилсудским!»²⁹. Следующий номер газеты также являлся предвыборной агиткой. «Приближается момент выборов в Сейм... Должны ли мы слышать голоса коммунистов, сельроба или белорусской громады, которые за советские доллары принесли нам беду в тихую и спокойную полесскую деревню?»³⁰, — писала «Наша земля» 29 января 1928 г., одновременно призывая всех полешуков «голосовать за список № 1 Беспартийного Блока сотрудничества с правительством Маршала Пилсудского... Долой фальшь и обман! Да здравствует Маршалек Пилсудский!»³¹.

Однако, несмотря на столь напористую пропаганду, «фальшь и обман» прагматичный местный житель скорее усматривал именно в проправительственных публикациях «Нашей земли», что являлось следствием печальных социально-экономических реалий межвоенного Полесья. Как отмечал Е. Томашевский, «на протяжении 18 лет польского правления в полесском регионе положение населения ухудшилось... Неудивительно, что на Полесье возникла поговорка "як прыйшли поляки, не стало хлеба и табаки"... В рамках польского государства Полесье имело характер колониальной территории»³².

Проявления этнокультурной инженерии со стороны польских властей были многообразны, не ограничиваясь только Полесьем. Так, в 1930-е годы на территории русинской Лемковщины в Западной Галиции польская администрация поддерживала этнокультурный проект, направленный на формирование особой лемковской идентичности у местного русинского населения, тем самым препятствуя распространению на Лемковщине русской или украинской идентичности³³. Конечной целью подобной политики была этнокультурная фрагментация восточнославянского населения восточных провинций межвоенной Польши, призванная создать условия для его последующей полонизации.

Публикации газеты «Под небом Полесья» явно противоречили политике Варшавы в данном регионе, вызывая нарастающее раздражение местной администрации. Пинский староста приложил все усилия для того, чтобы сдержать свое обещание полесскому воеводе уничтожить газету «Под небом Полесья» путем деструктивных административных мер. Уже в четвертом номере издания редакция сообщала читателям о том, что «наша

газета печатается уже не в Пинске... Все местные владельцы типографий как по щучьему велению отказались печатать ее у себя...»³⁴.

В результате синхронного отказа пинских типографий печатать газету несколько ее номеров вышли в белорусской типографии имени Скорины в Вильно, что было сразу замечено местными структурами безопасности. В своем донесении полесскому воеводе 18 ноября 1931 г. отдел безопасности управления Виленского воеводства отмечал «пророссийскую направленность» издателей газеты «Под небом Полесья», которая выразилась в том, что белорусы, украинцы и великорусы тракуются как части единого русского народа. «Подобную позицию, — отмечалось в донесении, — занимает и виленская газета «Наше время», которая утверждает, что языки белорусский и украинский находятся в таком отношении к русскому языку, как мазурский язык к языку польскому»³⁵.

В начале 1932 год польской администрации удалось блокировать издание неудобной для них газеты. Уже в первом номере «Под небом Полесья» за 1932 год редакция, намекая на резко усложнившиеся условия, сообщала своим читателям о переносе печатания газеты в другую типографию и связанной с этим задержке издания. Со второго номера «по независящим от редакции причинам» газета стала выходить непериодически³⁶, и, наконец, ее издание было прекращено.

В одном из последних номеров «Под небом Полесья» было опубликовано обращение редакции к читателям, ставшее «лебединой песней» данного издания. «К тебе, народ наш русский, православный, многострадального Полесья крестьянин и рабочий, мы обращаемся! ...Помни, что ты — русский! ...Ты — носитель славного русского имени! Ты — говорящий на русском языке, одном из величайших языков славянских. Ты — православный, последователь древнейшей Восточной Церкви...»³⁷.

В конце обращения редакция газеты, демонстрируя свою лояльность к государству, напоминала читателям о необходимости быть верным Польской Республике и честно исполнять все ее законы. Однако демонстрация лояльности не могла ничего изменить, поскольку судьба данного издания была решена заранее.

В конце 1932 г. в Пинске представителем местной русской общины Н. Березницким была предпринята попытка издания русской церковно-общественной газеты «Пинский голос». Первоначально планировалось издание «Пинского голоса» ежедневно, однако полесский воевода запретил выпуск газеты как ежедневника, ссылаясь на нежелательность подобного печатного органа в силу местных обстоятельств³⁸.

Примечательно, что, как и в случае с газетой «Под небом Полесья», владельцы пинских типографий как по команде отказались печатать «Пинский голос», объясняя это «независящими от них обстоятельствами»³⁹.

В итоге выпуск данной газеты, стремившейся «объединить всех русских людей на Полесьи и стать для них доступным печатным органом»⁴⁰, был прекращен из-за противодействия местной польской администрации. При этом «Пинский голос» успел получить архиепископское благословение архиепископа Полесского и Пинского Александра, который охарактеризовал издание данной газеты как «доброе культурное дело» и рекомендовал духовенству «поддержать газету подпиской»⁴¹.

Этот скромный издательский проект в провинциальном городке Полесского воеводства стал предметом обсуждения в политических верхах Второй Речи Посполитой. В своем конфиденциальном донесении министру внутренних дел в Варшаву 4 ноября 1932 г. полесский воевода В. Костек-Бернацки указывал, что издатель «Пинского голоса» Березницкий является убежденным русским монархистом и видным представителем русской колонии в Пинске, «проводящей на данной территории вредную русификаторскую деятельность. Данная колония, — предостерегал полесский воевода, — считает Полесье исконно русским, а местное население — частью великорусского народа. В этом духе работа ведется уже ряд лет, давая со временем плоды, как, например, в случае с завоеванием в 1928 г. единственного в Польше русского мандата в Сейм в избирательном округе Пинск»⁴². Учитывая «опасность русификаторской акции среди несознательного в национальном отношении местного населения, — указывал полесский воевода, — я запретил Березницкому издание русской газеты в Пинске...»⁴³.

Издание газет на русском языке в восточных воеводствах Польши и их популярность среди местного населения вызывали обеспокоенность польской общественности и прессы. Издававшаяся в Полесском воеводстве польская газета «Экспресс полесски» с неудовольствием констатировала, что «хотя на Полесьи нет русских, тут выходят издания на русском языке»⁴⁴.

В ответ на попытки издания газет на русском языке польская администрация Полесского воеводства во второй половине 1930-х годов выступила с идеей издания популярной «Полесской газеты» на польском языке для местного крестьянства, объясняя это как необходимостью распространения информации экономического характера, так и политическими соображениями. Представитель Полесского воеводства С. Беневски в своем обращении в министерство сельского хозяйства указывал, что при наличии «подходящей газеты» местного полешука «можно относительно легко полонизировать»⁴⁵, добавляя, что подобная газета должна иметь популярный характер и отражать специфические проблемы Полесья, так как «варшавские издания не отвечают запросам полесского крестьянина»⁴⁶.

Таким образом, общерусское самосознание значительной части населения восточных воеводств межвоенной Польши находило свое выражение в местной русскоязычной прессе, идейная направленность которой, несмотря на декларируемую лояльность Варшаве, являлась неприемлемой для польских властей, поскольку отстаивала идею общерусского единства. Ареал распространения русской прессы, пропагандировавшей русскую культуру и поддерживавшей общерусскую идентичность, охватывал не только такие традиционные крупные центры русской культурной жизни как Вильно и Львов, но и небольшие провинциальные города восточных воеводств, ярким примером чему являлся Пинск. Обоснованно опасаясь растущего влияния русской прессы на восточнославянское население восточных провинций Второй Речи Посполитой, местные польские власти активно использовали административные рычаги для удушения и ликвидации неугодных им русских изданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Брестской области (далее — ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 136. Л. 49.

² Там же.

³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 879. Л. 37.

⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесье. Пинск, 8 ноября 1931 г. № 2.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Под небом Полесья. 15 ноября 1931 г. № 3.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Под небом Полесья. 22 ноября 1931 г. № 4.

¹⁴ Под небом Полесья. 15 ноября 1931 г. № 3.

¹⁵ Под небом Полесья. 6 декабря 1931 г. № 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Под небом Полесья. 13 декабря 1931 г. № 7.

¹⁸ Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grudzień 1919). Lwów–Warszawa, 1920. S. 31.

¹⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1658. Л. 40.

²⁰ Под небом Полесья. 13 декабря 1931 г. № 7.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Tomaszewski J. Z dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych.* Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963. S. 20–21.

- ²⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1661. Л. 60.
- ²⁵ Русский голос. Орган Русской народной организации. Львов, 26 ноября 1925 г. № 136.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Наша земля. Безпартийна газета нидельня. 19 стычня 1928 г. № 10.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Наша земля. 29 стычня 1928 г. № 11.
- ³¹ Там же.
- ³² *Tomaszewski J.* Z dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych. S. 178, 196.
- ³³ *Shevchenko K.* Reinterpretation of History as the Identity-Building Tool. Case of Poleshuks in Belarus // *Český lid. Etnologický časopis.* 2010. № 4. P. 391.
- ³⁴ Под небом Полесья. 22 ноября 1931 г. № 4.
- ³⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939. Л. 30.
- ³⁶ Под небом Полесья. 7 февраля 1932 г. № 2.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Пинский голос. Еженедельный церковно-общественный орган. 11 декабря 1932 г. № 1.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 940. Л. 35.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Expres Poleski.* 13.10.1932. № 294.
- ⁴⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 968. Л. 161.
- ⁴⁶ Там же.

О.В. ЦЫБЕНКО

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**КРАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ПОЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНИНА ПОД ВЛИЯНИЕМ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ
(ПО РОМАНУ Ю. КАВАЛЬЦА «ТАНЦУЮЩИЙ ЯСТРЕБ»)**

Abstract:

Cybieńko O.V. *The collapse of the sociocultural identity of a Polish peasant under the influence of the social changes in post-war Poland (based on the novel «The Dancing Hawk» by J. Kawalec)*

«The Dancing Hawk» by J. Kawalec, a classic of the Polish country prose, shows the drama of a Polish peasant, who failed to adapt to the new reality after 1945. By becoming a citizen, by completely rejecting the village life the main character loses his sociocultural identity. The article considers the moral, philosophical, psychological aspects of the novel and the peculiarities of its poetics.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, польский крестьянин, деревенская проза, общественные перемены в послевоенной Польше.

Признанный классик польской деревенской прозы Юлиан Кавалец (1916–2014) широко известен в нашей стране, переводы его произведений выходили большими тиражами, чем на родине. Он получил и мировое признание: романы, повести, рассказы писателя переведены на 27 языков. В центре его произведений — разные варианты судеб польских крестьян до и после земельной реформы 1945 г. Для большинства персонажей Кавальца вхождение в новую социокультурную реальность было крайне болезненным. В романе «Танцующий ястреб» (1964) внешний успех главного героя в городе стал одновременно его трагедией. Михал Топорны молод, полон энергии, перед ним открываются заманчивые перспективы. Но он не сумел использовать свой шанс. Его головокружительная карьера в городе стала и его крахом, привела его к поражению.

Фабульная основа «Танцующего ястреба» зеркально-симметрична. Первая часть посвящена деревенской жизни главного героя, третья, последняя, — городской, во второй части герой мечется между деревней и городом в буквальном и переносном смысле. Он стал студентом, а в свободное от учебы время продолжает хозяйствовать на своей земле.

Первая часть отмечена относительно спокойным ритмом жизни, герой находится в привычных для него условиях смены труда и отдыха, времен года. Как неизбежное и естественное воспринимается крестьянским сознанием и смерть родителей, и вынужденная женитьба Михала, поскольку он остался один на хозяйстве. Изгнание помещика и обретение

его земли составляют напряженный момент, но Михал переживает всё вместе с односельчанами. Главное, что он не отделился еще от семьи, от своего окружения, от земли, от традиций.

Третья часть контрастирует с первой, резко возрастает напряженность повествования. Герой полностью оторвался от земли, от традиций, возненавидел своих земляков, совершил непоправимые ошибки, облаченный в «новую кожу», он достигает все больших карьерных высот, а внутренний его разлад усиливается. Отношения с окружающими строятся на основе конкурентной борьбы, герой одинок, только в двух сыновьях видит свою отраду и надежду.

Вторая часть представляет из себя последовательное чередование «деревенских» и «городских» эпизодов. В центре ее — своеобразная кульминация превращений Топорного — «смена кожи», разглядывание себя в зеркале в холле большого ресторана, принятие себя в качестве шикарно одетого, с белыми руками горожанина.

Повествование, ведущееся от третьего лица в первой части, сменяется на второе лицо единственного числа во второй и третьей. Постоянное обращение к герою на «ты» делает повествование субъективным — лирическая струя очень ощутима в «Танцующем ястребе».

Канва внешних событий в жизни главного героя, объединяющая все части произведения, выглядит следующим образом. Он родился в сентябре 1914 г., позднее умерли три его маленькие сестры. Сельский учитель готовил Михала к поступлению в гимназию, куда его отдали в одиннадцать лет. Из города, проучившись лишь два года, тринадцатилетний подросток вновь вернулся в деревню, чтобы вместе с отцом пахать и сеять. Умирают отец, затем мать, Михал вынужден жениться на Марии, чтобы в доме и в хозяйстве был порядок. После рождения их сына Сташека создается «четвероединство» отца, матери, сына и земли, разрушение которого будет очень болезненным. В годы оккупации герой посещает тайные занятия, и сельский учитель, взявший на себя роль наставника, готовит Михала к тому, что после войны многое изменится.

Один эпизод из послевоенной жизни Михал запомнил навсегда: бедняк из приходской богадельни сошел с ума, когда его, никогда не имевшего своего надела, привели на господскую пашню и объяснили, что эта земля теперь его. Помешательство бедняги выразилось в кружении и странном танце, смехе и бормотании, наконец он стал «жрать землю, как боров»¹. Топорный отвез бедняка в город, где тот и умер. На другой день Михал сдал экзамен на аттестат зрелости.

Во второй части Михал становится студентом политехнического института, ощущает, что настало время таких «приблудных», как он. Профессора снисходительны на приемных экзаменах. Рвение героя в учебе

замечено, и уже студентом он получает стипендию от горно-обогажительного комбината, где ему готово место инженера. Изменения происходят и в личной жизни: Михал знакомится с Веславой, сближается с ней, после «утра радости» в городе, наступает «ночь ненависти» в деревне, когда Михалу хочется убить свою первую жену. Он порывает со своей семьей, а сельский учитель наносит ему первый визит в городе, умоляя не делать этого, говоря о совести и честном счастье.

В третьей части Михал разводится с Марией, получает диплом, рождается его второй сын Юрек. Топорный становится руководителем отдела, тщательно подготовив отстранение своего предшественника. Старшего сына Сташека устраивает в лицей и в интернат, чтобы его могла посещать мать. На новом месте происходит знаменательная встреча — в рабочий кабинет Топорного приходит делегация его односельчан с просьбой, чтобы дорога, необходимая для расширения каменоломни, пролегла не в том месте, где на склоне горы растут сосны. Каждого из этих четырех мужиков Михал знает с детства, кто-то его приятель, кто-то дальний родственник. Но он возненавидел их, увидев в мужиках самого себя, того, от которого отрекся. Он даже не пожелал с ними разговаривать. Во время своего второго визита деревенский учитель убеждает Топорного побережь сосны, выполнить просьбу односельчан, он предчувствует возможность несчастья, но опять остается неуслышанным. Рослый мужик, которому принадлежали эти сосны, убивает топором по голове бульдозериста в тот момент, когда тот готовился корчевать деревья. А на другой день, спасаясь от преследователей, убийца «обманывает» их и сам прыгает с вершины скалы, куда его загнали. Он, «можно сказать, охотно принял смерть» (256). И многие в деревне радовались тому, что защитник сосен «ушел от погони» (257).

Сташек подружился с Юреком, смастерил ему деревянную тележку, какую когда-то подарил ему отец. Это единственный предмет, который напоминает о деревне в городской квартире Топорного. Иногда Михал в ярости пинает ее ногой. Гостям тещи и тещи, «папеньки» и «маменьки» он вынужден врать, что был зажиточным хозяином, имел батраков и лошадей на выезд. Намечается трещина в отношениях Михала и Веславы, она приказывает прислуге втайне выбросить тележку, этот своеобразный символ прошлой жизни мужа, в мусорный бак. В день получения поста главного директора Топорный не находит дома Веславы — она ушла к молодому инженеру.

Третий визит деревенского наставника был вызван его желанием поддержать Топорного, пробудить в нем надежду, ведь он сделал равными своих сыновей. Но после этого визита герой находит рубиновую бусинку из ожерелья бросившей его жены, и это свело на нет все утешения учителя.

Остается возвращение в родную деревню, к отчужденному дому, стыд, раскаяние... и смерть.

В судьбе главного героя Кавалец в сгущенном, концентрированном виде представил один из вариантов завоевания крестьянскими сыновьями городов: поступления их в институты, на фабрики и заводы, на государственную службу, массовой миграции, которая была явлением огромной важности не только для села и выходцев из него, но и для общества в целом. Изменения затронули все сферы жизни — экономическую, социальную, демографическую, политическую, культурную и психологическую, а также сферу общественного сознания и подсознания, в которой возникают, бытуют, сталкиваются между собой различного рода мифы, комплексы и т.д.

В «Танцующем ястребе» детально рассматривается вся 50-летняя жизнь Михала Топорного, наполовину деревенская, наполовину городская, с отступлениями в прошлое (родители и родственники Михала, бабка Вероника) и «заглядываниями» в будущее (сыновья главного героя). Через единичные судьбы просматривается эволюция всего польского крестьянства в переломную для него эпоху (и общества в целом) — предвоенные годы, Вторая мировая война, земельная реформа, социальные и цивилизационные изменения 1950-х — начала 1960-х годов. Кавалец обладает прекрасными аналитическими способностями, памятью, знанием среды, о которой пишет, не только внешним, но и внутренним — он сам пережил эту эволюцию. Историко-социальный анализ — сильная сторона «Танцующего ястреба». Этот роман может дополнить или в какой-то степени заменить социологическое исследование.

Однако в центре «Танцующего ястреба», безусловно, психологическая проблематика, так как главный дар Кавальца — «психологическое воображение», умение «выразить невыразимое» (Х. Береза), то есть способность передать мысли, переживания, напряженные внутренние столкновения, драмы, происходящие в сознании, душах крестьян и сельских выходцев, которые сами не могут облечь их в слова. Раскрытию трагических переживаний «опоздавшего к новой жизни», «приблудного», как его называет автор, Михала Топорного подчинены все художественные средства в романе.

Своеобразие психологического анализа (а также композиции и стиля) в «Танцующем ястребе» можно рассмотреть даже на примере небольшого фрагмента, настолько они продуманны и характерны. Возьмем самое начало второй части, около двух страниц, рассказывающих о том, как Топорный приступил к занятиям на первом курсе. Подстегнутый ехидными словами молоденького студента о том, что ему поздно учиться, главный герой просидел всю ночь над книгами, а утром слушал и записывал лекцию

профессора. Ночью строчки и цифры временами превращались в деревья, книги и стол — в долину с почерневшими хатами. Смещение сна и яви продолжается. Всплывает врезавшаяся в память Топорного пляска безумного старика из богадельни, получившего надел в 1945 г., жравшего землю от радости. Он плясал и смеялся, «этот смех оборачивался трамвайными звонками; и уже было не до смеха, только звенел трамвай...» (193).

Далее в 12 небольших абзацах-предложениях передается состояние Топорного на лекции после бессонной ночи. Прослеживается четкое чередование шести утвердительных и шести вопросительных предложений, соответствующих разным планам — внешнему и внутреннему. Внешний план статичен — во всех шести предложениях профессор пишет на доске цифры и рисует схемы. Вопросительные предложения рисуют неотвязные воспоминания Топорного о деревне, его беспокойство о хозяйстве, моментальные поэтические зарисовки природы, приковывающие его внутренний взор («Как сейчас на том малом выгоне <...> Какая теперь трава на берегу канавы...» — с. 194). Это контрастное чередование прекрасно передает напряжение «приблудного» Михала, вынужденного на-верстывать упущенное. При этом на наших глазах его мировосприятие буквально разламывается надвое, на две половинки, как и вся его жизнь, поскольку, как убеждает читателя автор, разный тип восприятия, памяти, воображения требуется для ориентации в мире машин и в мире природы и сельского быта. Фразы о профессоре и цифрах скучны, монотонны, антипоэтичны. Наоборот, выплывающие из памяти картины природы — краткие, но предельно одушевленные, эмоциональные зарисовки конкретных, единичных, неповторимых явлений. О кривой иве создается почти стихотворение в прозе: «А что сделали с той кривой, растущей у проселка ивой, ветки которой срывали клоки сена и снопы с возов; ее вечно кто-нибудь обламывал, но она всегда снова обрастала, и даже молнии ее не жгли, а лишь соскальзывали по ней в землю?» (194).

Это, так сказать, моментальный снимок душевного состояния Топорного, раскрытие динамики его переживаний на коротком отрезке времени, на строго определенном этапе жизни. Вместе с тем рассмотренный фрагмент углубляет характеристику двойственного, противоречивого героя в целом: показывает нам его как человека упрямого, упорного, выносливого, одаренного, причем не только в технических науках: одаренного незаурядным воображением, чуткого к «жизни со всеми ее чудесами» (194), при всем его эгоизме и жестокости.

Фрагмент поддерживает определенную идейным заданием структуру книги, ее композицию, основанную на антитезе: деревенский — городской период «живота» Топорного (деревенская и городская жена, брак по необходимости и брак по страстной любви, деревенский старший сын и

городской младший, «старая» и «новая» кожа, глиняный пол и ковры на паркете). В историческом и социальном разрезе — противопоставление жизни до земельной реформы 1945 г. и после нее.

В какой мере психологическая проблематика неотделима от социальной, в такой же она тесно связана с нравственной. «Танцующий ястреб» — это своеобразный суд над героем, совершаемый повествователем и от имени крестьянства, односельчан и предков героя, которые дали ему жизнь, наделили необычайной энергией и упорством, трудолюбием, сформировали его представления о жизненных ценностях, дали запас опыта и определенный тип воображения, а вместе с тем наложили на него груз обязательств, традиций, отрекаясь от которых Михал Топорный оказывается неблагодарным, совершает предательство.

«Добрая земляца милее жены и сына, и хочется на ней поработать всласть...» (187). Михал Топорный погрел в себе укорененную в крестьянах любовь к земле, а должен был сохранить ее, даже покинув землю. Сохранить в душе, в памяти. Тем самым он предал и людей, с этой землей связанных: отца, мать, поколения предков, традицию и основу нравственных ценностей. Он предал самого себя, до тридцати с лишним лет яростно трудившегося на этой земле. Но ему не удалось погреть все это до конца: «от земли не избавишься, даже если покинешь ее. Она останется в тебе, хоть у тебя уже не будет поля <...> и если попытаешься возненавидеть это ощущение, то еще сильнее почувствуешь в себе это поле, вопреки самому себе» (197–198).

Поступая жестоко, эгоистично, Михал Топорный расплачивается за это, расплачивается раньше, чем осознает свою катастрофу, и падает с горы, совершив, скорее всего, самоубийство. Расплачивается постоянной тревогой, беспокойством и страхом. Он неслучайно падает с той самой скалы на каменоломне, откуда до этого упал его односельчанин, защищавший сосны. Автор называет Топорного «одержимым фанатиком», который «тешил себя иллюзиями», терзания его «все нарастали — от тревоги к тоске, от тоски к отчаянию, от отчаяния к надежде, от надежды к смерти» (283). Натянута героем в момент наибольшего торжества «новая кожа», начинает «расползаться, выцветать и блекнуть» (284). «А по мере того как спадала новая кожа, он, глядясь в темное, сумрачное зеркало <...> облачался в выцветшую кожу безропотного страдальца и, пожалуй, уже не защищался от натиска памяти» (288–289).

Поскольку герой ответить на вопросы повествователя не может, читатель вынужден как бы сам встать на его место, привлечь свой жизненный опыт, определить свою позицию. Надо учесть, что многие польские читатели «Танцующего ястреба» имели в 1960-е годы, да и позже, хотя бы в чем-то близкий герою и повествователю жизненный багаж,

запас наблюдений и переживаний. Актуальность этого романа для своего времени, неслучайный его успех отмечались многими критиками и читателями.

Характерно признание финской переводчицы «Танцующего ястреба» Киристи Сирасте: «Такого глубокого впечатления, как «Танцующий ястреб», не произвела на меня никакая другая польская книга <...> Чтобы не разделить судьбу Михала Топорного, вскоре после выхода «Танцующего ястреба» на финском языке в 1979 г. я вернулась из столицы в родную деревню, деревню своей молодости...»².

Сложна проблема окончательной авторской оценки судьбы Топорного — был ли какой-то смысл в его жизни? «В деревне сказали, что ты высоко взобрался, да плохо кончил» (301). Мнению деревни противопоставлены слова ораторов на кладбище: «Завершилась отданная труду жизнь Михала Топорного». Эти высказывания составляют очень выразительный стилистический контраст. Казенно звучащие утверждения ораторов не учитывают того, что, как напоминает повествователь герою, «ты бывал также несправедлив, порывист, безжалостен <...> был бы, вероятно, доволен, если бы умерла твоя первая жена Мария, и что, по всей вероятности, хотел убить ее <...> жизнь твоя не была полноценной, потому что ей недоставало исполненного спокойствия и мудрости финала, ибо ты хотел слишком далеко оторваться от всех обитателей твоей родной унылой долины...» (301).

Но автор продолжает свою мысль. Незавершенную жизнь Топорного завершат его сыновья: «они, быть может, станут достойными и верными учениками твоего деревенского наставника; и потому все же нельзя сказать, что ты плохо кончил и жизнь твоя была лишена смысла..., твоя жизнь будет продолжаться в твоих сыновьях» (301). С таким существенным дополнением согласится, наверное, и деревня. Когда Сташек и Юрек навестили ее, «люди выходили навстречу твоим сыновьям из хат и из-за изгородей, присматривались к ним, улыбались и доброжелательно с ними разговаривали» (301–307).

Итак, потеря социокультурной идентичности стала трагедией для Топорного, который в представлении Кавальца и виновный, и жертва. Его герой запоздал к новой жизни, учиться и осваиваться в городе ему пришлось после тридцати с лишним лет. И город встретил Михала «холодно» (189). Городские родственники Топорного — «папочка», и «мамочка», и их знакомые, сама Веслава — не скрывают презрения ко всему деревенскому. Как писал в 1982 г. польский исследователь Зенон Ожуг: «Ещё существует у интеллигенции давняя неприязнь к пришельцам извне, серьезно затрудняющая процессы ассимиляции и рождающая у них разнообразные комплексы»³. Действительно, чуждость городского образа жизни внушала

выходцам из села страх и неуверенность, и, чтобы их победить, они порой становились жестокими, черствыми, слишком напористыми. Примечательно, что первому поколению получивших образование в городе крестьян было свойственно идеализировать городской стиль жизни, одновременно усваивая отрицательные черты этого стиля, мещанский образ мыслей, культ карьеры, вещей, которые не подвергались критическому осмыслению. Так, общественная атмосфера в институте и на комбинате, как показывает Кавалец, способствовали именно такому пониманию успеха: «Ты запоздал, и многое прошло мимо тебя, и потому тебе многое дозволено, чтобы ты мог наверстать упущенное. Тебя выдвигают — это видно, — и надеются на тебя, и многое тебе позволяют, ибо ты сидел по уши в навозе» (208–209). Такая общественная атмосфера, как видно, политизирована и нацелена только на материальный прогресс, технические достижения. То есть по существу бездуховна. Подчиняясь почти всеобщему стремлению двигаться по «линии, идущей неуклонно ввысь», Топорный заглушает в себе «угрызения совести» (208), теряет самого себя.

Таким образом, существенное смещение приоритетов, забвение нравственных основ — это черта конкретного периода польской истории, на которую Кавалец в «Танцующем ястребе» не только указывает, но раскрывает механизм ее воздействия на отдельную личность. Кроме того, это и направление развития всей современной цивилизации, по отношению к которой писатель выражает разочарование, возрастающее от произведения к произведению.

В «Танцующем ястребе» можно видеть и роман-предостережение. Писатель достиг высокого уровня обобщения в показе механизма карьеры деревенского выходца в городе. Директор комбината — это не последняя должность, которую мог занять Топорный.

Некоторые польские критики видят и злободневность «Танцующего ястреба» для Польши эпохи правления «Солидарности». Я. Кайтох в 2001 г. вспоминает сцену, когда Топорный не хочет или даже уже не может разговаривать с пришедшими к нему односельчанами, поскольку порвал свои внутренние связи с крестьянством: «Ну и прошу задуматься: когда разыгрывается эта сцена, в каком году? В Польше под правлением ПОРП или под правлением “Солидарности”? Я не удивляюсь тому, что никто не переиздает эту книгу с 1989 г. Слишком болезненное и актуальное чтение!»⁴.

Потеря социокультурной идентичности, резкий отрыв от породившей тебя почвы, попрание вековых традиций, бездумное увлечение цивилизацией и идеологией успеха ведет к потере «человеческой» идентичности, то есть попросту человечности. Делая такой вывод из романа, можно действительно говорить о его актуальности, даже возросшей со времени его написания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кавалец Ю.* Танцующий ястреб. М. 1971. С. 183. Далее указание на страницы из этого издания даются в тексте в скобках.

² *Siraste Kiristi.* Chwile pełne podziwu // Pokłosie. Sesja międzynarodowa poświęcona jubileuszowi 85-lecia urodzin i 53-lecia debiutu literackiego Juliana Kawalca / Red. K. Strzelewicz. Związek literatów polskich. Kraków, 2001. S. 68.

³ *Ożyg Z.* Wieś w prozie Juliana Kawalca // W kręgu twórczości Juliana Kawalca. Zbiór szkiców i artykułów pod redakcją Zbigniewa Andresa i Gustawa Ostasza. Rzeszów, 1982.

⁴ *Kajtoch J.* Julian Kawalec — dyspozycje do portretu // Pokłosie. Sesja międzynarodowa... S. 47.

А.С. СТЫКАЛИН
(Институт славяноведения РАН, Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКИХ МОЛДАВАН В 1960-Е ГОДЫ

Abstract:

Stykalin A.S. *Some aspects of the national identity of the Soviet Moldovan people in the 1960s*

In the middle of the 1960s, the national regeneration movement became more active among the intellectuals in the Soviet Moldavia. They appealed to the authorities and the public opinion, aiming at expanding the usage of the national majority's language. Part of this movement also desired to establish closer contacts with contemporary Romanian culture and — in broader context — with the whole Latin world. The Communist Party leadership of the Moldavian Soviet Republic took measures to weaken the cultural influence of the neighbouring country and to stop the formation of the Romanian national identity among the population of the Soviet Moldavia. At the same time, the Moldavian Communist Party leaders used the broadening Romanian cultural influence as an argument in order to convince Moscow to give additional funds for building an advanced cultural infrastructure that would be capable of resisting the Romanian influence. In Moscow, the problem of the Romanian influence on Soviet Moldavia was considered in the context of the complicated Soviet-Romanian relations (The sharpest conflict in the Soviet-Romanian relations took place in August 1968, when Romania radically opposed the invasion to Czechoslovakia).

Ключевые слова: Советская Молдавия, Румыния эпохи Чаушеску, молдавская национальная идентичность, советско-румынские отношения, Пражская весна 1968 г.

В аппарате ЦК КПСС в Москве тщательно следили за состоянием межнациональных отношений в Советском Союзе. Стекавшаяся сюда из разных союзных республик информация внимательно изучалась, по наиболее существенным вопросам составлялись докладные записки для Политбюро (до 1966 г. — Президиум) и Секретариата ЦК КПСС. Как показывают документы, особое внимание было приковано к ситуации в Прибалтике и западных областях Украины. Как хорошо видно из опубликованных стенограмм заседаний Президиума ЦК КПСС, некоторые из них были целиком посвящены национальным отношениям в СССР. Так, в 1959 г. на Президиуме ЦК подробно обсуждалось положение дел в компартиях Латвии и Азербайджана, причем по итогам заседаний были приняты постановления о националистических тенденциях, националистических перегибах в тех или иных республиках, сделаны оргвыводы. Я.Э. Калнберзин и И.Д. Мустафаев были освобождены от обязанностей

первых секретарей компартий своих республик¹. Руководство компартии Молдавии и, в частности, И.И. Бодюл, избранный первым секретарем ЦК в 1961 г., прекрасно знали о том, какое внимание уделяется партийным руководством страны состоянию межнациональных отношений, и не желали оказаться в положении раскритикованных за просчеты в национальной политике. А потому, не дожидаясь команды из Москвы, Бодюл старался систематически информировать центр о ситуации в своей республике. Одно из таких донесений датируется 29 ноября 1965 г., т.е. относится к периоду, когда во главе КПСС уже стоял новый генеральный секретарь — Л.И. Брежнев, которого Бодюл знал по совместной работе в Молдавии в начале 1950-х годов².

К этому времени в среде румыноязычной интеллигенции Молдавии активизируется движение, направленное на расширение сферы применения языка этнического большинства. Знаковым событием явился съезд писателей Советской Молдавии, состоявшийся 14–15 октября 1965 г. На съезде был поднят целый ряд острых, наболевших вопросов — о целесообразности замены кириллицы на латиницу в языковой практике; о восстановлении монастырей, других памятников национальной культуры и более активном культивировании исторических и духовных традиций Молдавского княжества; о том, что партийные функционеры должны выступать перед народом на его родном языке, а вывески на улицах должны быть не только на русском языке, но и на языке этнического большинства. Немалый общественный резонанс вызвало выступление на съезде Иона Друцэ, в котором делался акцент на расширении разносторонних связей с Румынией и румынской культурой: «не надо торопиться воздвигать китайскую стену между Молдавией и Румынией». Выступления писателей свидетельствовали об усиленных поисках румыноязычной интеллигенцией Советской Молдавии своей национальной идентичности, о ее стремлении к выявлению исторической общности молдаван не только с Румынией, но и с латинским миром. При этом гости из союзных республик с пониманием отнеслись к национальным чаяниям хозяев. Особенно это касалось назревшего в довольно широкой интеллигентской среде требования о возвращении к латинице. Так, латышский писатель Ю. Ванаг под аплодисменты многих собравшихся выразил недоумение в связи с тем, что молдавский народ пользуется кириллицей, в то время как классики молдавской литературы использовали латинский алфавит. Этот аргумент был тем более весомым, если учесть, что в интеллигентной румыноязычной молдавской среде в середине 1960-х годов имели достаточно широкое распространение изданные в межвоенный период латинской графикой произведения великих писателей прошлого, считавшихся в Советской Молдавии общими классиками молдавского и румынского народов, —

об этом хорошо знало партийное руководство Молдавской ССР³. Другой гость съезда, украинский писатель В.И. Левицкий из г. Черновцы, считал обучение молдаван на латинице делом более эффективным. Он заметил, что отсутствие в Молдавской ССР, а также в заселенных румыноязычным (в его трактовке, молдавским) населением районах Украины, учебников на латинице стимулирует ввоз учебных пособий из Румынии, по которым будет обучаться подрастающее поколение. Справедливость этого суждения подтверждается документами из фондов ЦК компартии Молдавской ССР за 1960-е годы. Так, по некоторым свидетельствам, в Кишиневском медицинском институте многие преподаватели, работая со студентами-молдаванами, широко использовали в учебном процессе румынские учебники, поскольку считали это более эффективным делом; имеются аналогичные свидетельства и по другим вузам⁴.

На съезде писателей республики были и представители центра, члены руководства Союза писателей СССР, в обязанности которых входило информирование высших партийно-идеологических структур о происходившем в середине октября в Кишиневе. Учитывая весьма непростые советско-румынские отношения в этот период⁵, настроения молдавской (румыноязычной) интеллигенции в пользу более активных культурных связей с «проблемным» соседом и диссидентом в социалистическом содружестве — Румынией не могли не вызвать озабоченности на Старой площади, в аппарате ЦК КПСС. Это прекрасно понимали в руководстве Советской Молдавии. Предвидя возможную критику из центра за попустительство в отношении разного рода националистических проявлений и стремясь опередить ее, Бодюл направил в конце ноября в Москву записку о происходившем на съезде писателей республики и принятых в этой связи мерах⁶.

В записке республиканского партийного лидера содержался, как это было принято, дежурный элемент самокритики. В своем отчете он заметил, что «нездоровые» проявления на съезде стали возможными в связи с недостаточной политической работой среди писателей. Бодюл вынужден был признать, что «возникшие на съезде вопросы создали определенное общественное мнение в республике» и активно обсуждаются⁷.

Усилению «националистических тенденций» способствовали, по его мнению, высказывания Мао Цзэдуна об оккупации Советским Союзом ряда чужих территорий⁸, издание в Румынии ряда книг, трактующих в тенденциозном духе историческое прошлое Молдавии⁹, а также увеличение притока иностранной, в частности, румынской литературы в республику. Лидер республиканской парторганизации не подвергал сомнению правомерность постановки вопросов о необходимости развития молдавского языка, совершенствования учебников, сохранения памятников

национальной культуры, он возражал лишь против их трактовки «в националистическом духе» и извлечения необоснованных выводов — об игнорировании руководством Молдавской ССР национальных особенностей, беззаботном отношении к развитию и распространению молдавской литературы, пренебрежении памятниками прошлого и т.д. Требование о замене кириллицы латиницей Бодюл сходу отвергал как игнорирующее, по его мнению, исторические факты и условия формирования молдавской нации и молдавского языка¹⁰. Партийному секретарю явно не нравились не только «прорумынские» настроения, проявившиеся, например, в выступлении И.Друцэ, но и то, что самой постановкой вопроса о латинице «подчеркивалась принадлежность молдаван к нациям романского происхождения». В своей записке Бодюл обратил внимание и на другие проявления «неправильных», по его мнению, настроений в творческой среде — в частности, некоторые деятели культуры стали совершенно невосприимчивы к партийной критике¹¹.

В записке Бодюл затронул также довольно острую и, судя по многим документам, действительно назревшую снизу проблему о том, на каком языке должны выступать в низовых парторганизациях партийные работники. Как явствует из документов, командированным из Москвы инструкторам, лекторам часто задавали вопрос: почему руководящие работники компартии Молдавии всегда выступают перед народом на русском языке¹². При этом ситуации в Молдавии противопоставлялось положение на Украине, где первый секретарь ЦК компартии республики П.Е. Шелест, а по его примеру и другие руководители республики, имели обыкновение выступать перед украиноязычной аудиторией на ее родном языке и делали это даже в преимущественно русскоязычной Одессе¹³. И.И. Бодюл не обошел стороной этой проблемы, подойдя к ней довольно аккуратно. Он признал, что в молдавском обществе активизировалось движение за расширение сферы применения родного языка, часть интеллигенции открыто проявляет недовольство тем, что на собраниях недостаточно выступают на молдавском языке¹⁴. С другой стороны, иногда бывают случаи, когда требуют говорить по-русски от тех, кто может это делать не очень уверенно. Как явствует из записки, Бодюл считал необходимым поправлять тех функционеров, которые требуют от выступающих говорить на том языке, которым они хуже владеют.

Первый секретарь ЦК компартии Молдавии коснулся также проблемы о преобладании на улицах вывесок, написанных только на русском языке, как и о том, что мало молдавских названий улиц. Многие кишиневские улицы, заметил он, имели русские названия еще до Октябрьской революции. Вместе с тем в своей записке он признал, что этой проблеме надо придавать надлежащее значение, регулируя правильное сочетание

двух языков как на вывесках, так и в названиях улиц, тем более, что имеющиеся в этом отношении диспропорции привлекают внимание иностранной прессы, черпающей информацию в том числе от туристов, все чаще посещающих республику.

Усиление «нежелательных», националистических настроений в среде молдавской интеллигенции Бодюл связывал с влиянием соседнего государства, особенно через румынские газеты и журналы, распространяемые в Молдавской ССР. Он достаточно хорошо осознавал, насколько велик интерес к происходящему в Румынии в силу культурно-языковой близости населения, живущего по обе стороны Прута. Решение проблемы ограничения румынского влияния Бодюл видел на путях создания в самой республике более развитой инфраструктуры культурных институтов, способных ослабить воздействие извне. Первый секретарь республиканской парторганизации расценил как серьезный недостаток в идеологической работе закрытие ряда периодических изданий, выходявших в республике как на русском, так и на молдавском языке, а также плохое распространение книг, изданных на молдавском языке. Все это, как он писал в Москву, используется в качестве аргумента теми, кто обвиняет руководство республиканской парторганизации в недооценке развития молдавской культуры, и этот аргумент, «встречает довольно сильное сочувствие со стороны интеллигенции»¹⁵. В целях более полного удовлетворения запросов читателей Бодюл настоятельно поставил перед Москвой вопрос о восстановлении издания ряда ранее закрытых газет и журналов, в том числе специального издания для крестьянства, литературного журнала на русском языке «Днестр», газеты «Вечерний Кишинев», а также о разрешении организовать ряд новых изданий, в том числе иллюстрированного журнала типа «Огонька» и литературной газеты. В ЦК компартии Молдавии считали также целесообразным разукрупнить издательство «Картя молдовеняскэ», а также выделить дополнительные средства и бумагу для увеличения выпуска литературы на молдавском языке. Только создание ряда новых газет и журналов, как отмечал Бодюл, ослабит тягу к получению такой литературы из Румынии.

Первый секретарь не мог, конечно, обойти стороной вопроса о резком увеличении, начиная с 1964 г., подписки в Молдавии на румынскую периодику. Косвенно признавая, что образованные слои населения, молодежь испытывали довольно сильную тягу к румынской литературе, культуре, партийный лидер, разумеется, не был склонен объяснять это явление активизацией румынского самосознания определенной части населения, акцентировав внимание на нехватке местной литературы, которая удовлетворяла бы запросы читателя. В самой Румынии с большим энтузиазмом воспринималась перспектива расширения читательской

аудитории румынских изданий за счет Советской Молдавии. Румынские периодические издания реализовывались в Молдавии по весьма доступной цене, и это, в свою очередь, способствовало тому, что подписка на молдавские издания значительно сократилась за два года. Ставя перед Москвой вопрос об ограничении притока румынских изданий, Бодюл напрямую увязывал его с созданием новых молдавских газет и журналов. Надо сказать, что широкое распространение румынских изданий в Молдавии и большой к ним интерес сохранялись и в последующие годы. В октябре 1968 г. в ЦК компартии республики состоялась серьезная разборка, когда выяснилось, что в Молдавской ССР по недосмотру чиновников имеют широкое хождение румынские газеты за конец августа, в которых публиковались выступления Чаушеску и другие материалы, отражавшие острое неприятие румынским руководством советской силовой политики в условиях чехословацкого кризиса, так что значительная часть населения в республике воспринимала происходящее сквозь призму официальной румынской точки зрения¹⁶. На военных сборах, происходивших в период чехословацкого кризиса, фиксировались антисоветские высказывания, причем иногда под влиянием именно румынской интерпретации событий. Некоторые районные функционеры, ранее не заподозренные в различного рода националистических настроениях, противились мобилизации сельской молодежи на военные сборы, а также предоставлению колхозного автотранспорта и дорожно-строительной техники в распоряжение войсковых частей Одесского военного округа¹⁷.

Глава республиканской парторганизации в целом осознавал, что в силу исторических причин и культурно-языковой общности существует определенная почва для прорумынских настроений в Советской Молдавии. Как докладывал Бодюл в Москву 23 августа 1968 г., через два дня после вступления войск Организации Варшавского договора (ОВД) в Чехословакию, партийные органы не только продолжали разъяснительную работу среди трудящихся, но был «организован постоянный контроль за настроениями трудящихся Молдавии, проживающих вдоль границы»¹⁸. Еще в июле, во время больших маневров, проходивших на территории Молдавии (в том числе в непосредственной близости от г. Бельцы), и крупномасштабных военных сборов среди населения кое-где имели место панические слухи в связи с грядущей якобы войной, в магазинах было раскуплено продовольствие¹⁹.

Интерес к румынской прессе в конкретных условиях чехословацкого кризиса был объясним уже не столько осознанием этнической близости и культурной общности населения по обе стороны Прута, сколько тем, что в румынских изданиях давалась иная, чем в СССР, трактовка многих ключевых проблем международной жизни. В условиях дефицита инфор-

мации, получаемой от республиканских партийных и советских органов, жители Советской Молдавии все активнее обращались к румынскому радио и телевидению, что только усиливало психоз — румынские СМИ в период резкого обострения советско-румынских отношений нагнетали обстановку на границе, безосновательно писали о возможном вторжении войск стран ОВД не только в Чехословакию, но и в не подчинившуюся своим союзническим обязательствам Румынию. Принятые меры²⁰ лишь в ограниченной степени сняли напряжение. Согласно отчетам политпропагандистов, трудящиеся во время лекций о международном положении проявляли жгучий интерес к политике Румынии, задавали вопросы о ее претензиях в отношении Бессарабии²¹. Даже партийные пропагандисты испытывали в СССР дефицит информации по многим конкретным вопросам, связанным с чехословацким кризисом, и в целях восполнения этого дефицита нередко использовали версии румынских газет, не менее тенденциозные, но дополнявшие картину событий некоторыми новыми деталями²². В советской партийно-пропагандистской работе в процессе критики руководства СРР использовались некоторые двусмысленные внешнеполитические жесты румынского правительства, такие как, например, возложение венка на могилу Маннергейма премьер-министром И.Г. Маурером при посещении Финляндии в апреле 1968 г.²³

Вообще из документов можно сделать вывод, что в 1968 г. в молдавском обществе (в частности, в кругах интеллигенции и студенчества) имела место активизация настроений в пользу единения с Румынией. В октябре 1968 г. командированный из Москвы доктор философских наук из Института философии АН СССР М.С. Джунусов выступал перед кишиневскими студентами с лекциями о национальных отношениях в СССР. Его просили привести убедительные доказательства того, что молдаване являются самостоятельной нацией, отличной от румын, спрашивали, почему романский по языку народ не пользуется латинским алфавитом. Ставились также вопросы о переводе делопроизводства на молдавский язык, о гораздо более активном использовании титульного языка в высшей школе, о том, что и евреи должны иметь свои собственные национальные школы²⁴.

В 1960-е годы не была решена проблема создания в Кишиневе мощного радио- и телевизионного центра. Она ставилась руководством Молдавии перед Москвой многократно. Ее считали весьма актуальной, поскольку, как замечал Бодюл в своей записке от 29 ноября 1965 г., ввиду недосягаемости передач из Кишинева «большая часть жителей республики пользуется телевизионным вещанием Румынии, которая построила вдоль общей с нами границы несколько мощных телевизионных установок»²⁵. Как явствует из другой записки, даже в таком крупном по

республиканским меркам и преимущественно русскоязычном городе, как Бельцы, румынское телевидение летом 1968 г. принималось более четко, нежели передачи из Кишинева²⁶. 6 мая 1968 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах помощи Молдавской ССР в улучшении идеологической работы». Этому предшествовало письмо И.И. Бодюля председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину от 29 марта 1968 г. о том, что «в последнее время население Молдавии подвергается особенно усиленному идеологическому воздействию извне»; «географическое расположение республики, находящейся в радиусе действия мощных радиотрансляционных центров западных держав, позволяет беспрепятственно принимать их передачи, многие из которых специально предназначены для обработки населения Молдавской ССР»²⁷. Однако выделенные в соответствии с постановлением от 6 мая из союзного бюджета средства на улучшение радио- и телевизионной трансляции, создание ряда новых мощных ретрансляторов были сочтены в республике явно недостаточными. В своем письме в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г. о ситуации на советско-румынской границе И.И. Бодюль увязывал необходимость выделения дополнительных средств с задачами контрпропагандистского характера: «По нашему мнению, республиканские средства информации следовало бы значительно шире использовать для политического влияния на Румынию»²⁸. Пока же они использовались в скромных пределах возможного. Бодюль докладывал о том, что в последние дни радио и телевидение республики заняты в основном передачей «на молдавском языке, доступном для румын» (не лишенный остроумия пропагандистский эвфемизм), сообщений ТАСС, редакционных статей «Правды» и других материалов, излагающих официальную советскую точку зрения. Эта работа не была напрасной. По свидетельству румынских туристов, которых обострение чехословацкого кризиса застало в Кишиневе, население Румынии действительно проявляло большой интерес к передачам кишиневского радио и телевидения, поскольку хотело знать истинные намерения советского руководства²⁹, — в румынском обществе в конце августа 1968 г. существовали определенные опасения военного конфликта между СССР и Румынией³⁰, и ознакомление с официальной советской позицией в некоторой мере способствовало прояснению ситуации и снижению панических настроений.

Румынский фактор играл свою роль при запрашивании средств не только на создание новых ретрансляторов, но и на благоустройство населенных пунктов, особенно в приграничной полосе. Как читаем в одной из записок, адресованных в Совет Министров СССР в 1968 г., «в связи с тем, что за последнее время румынской стороной проведены крупные работы по благоустройству пограничных сел, создается обстановка для

нежелательных сравнений»³¹. Очевидно, в силу определенных исторических обстоятельств и традиций и в Бессарабии, и в Румынии привыкли сравнивать положение дел по обе стороны Прута, что понимали и в Кишиневе, в руководстве республиканской парторганизации Молдавии. В определенных случаях, вероятно, есть основания говорить о своего рода соревновании в показухе.

Официальные связи жителей Советской Молдавии с гражданами Румынии были в 1960-е годы не слишком интенсивны и в целом не благоприятствовали формированию прорумынских настроений населения республики. Прежде всего патриотам Советской Молдавии (независимо от их национальности) не могло понравиться демонстративное проявление неуважения к самому факту существования этого политического образования в составе СССР. Как читаем в информационном письме для ЦК КПСС о связях пограничных районов Советской Молдавии и Румынии (1967 г.), «большинство встреч с румынскими товарищами проходит сугубо официально. Со стороны отдельных представителей партийных и государственных органов делается попытка игнорировать сам факт существования Молдавской ССР, ее государственности и суверенитета»³². Правда, в окончательном, посланном в Москву варианте эта фраза была смягчена: очевидно, в Кишиневе не хотели давать лишний повод для обострения советско-румынских отношений.

Выезжая в Румынию, жители Советской Молдавии нередко сталкивались с довольно пренебрежительным к себе отношением. Были случаи, когда во время выступлений молдавских спортсменов в них бросали гнилые яблоки, а то и бутылки³³. Но даже тогда, когда в донесениях говорилось о сердечном приеме, отмечались также частые высказывания румынской стороны о том, что гостей она принимает от СССР, а не от Советской Молдавии. Наряду с официальными связями существовали и неформальные, по всей видимости, ничуть не менее интенсивные. Как читаем в записке И.И. Бодюла в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г., «каждое политическое мероприятие, которое проводится в Молдавии, сразу становится известным широкому кругу актива Румынии. По всему видно, что румыны имеют определенные контакты с Молдавией, организованную связь и внимательно следят за происходящими у нас событиями»³⁴. Есть, пожалуй, основания говорить о достаточно тесных связях обществ по обе стороны Прута в 1960-е годы.

Таким образом, документ свидетельствует о том, что в 1960-е годы в среде молдавской интеллигенции (особенно творческой) активизировались поиски национальной идентичности, в некоторых случаях связанные с прорумынскими устремлениями, однако в большей мере со стремлением выявить общность молдаван с латинским миром. Партий-

ное руководство, пытаясь поставить преграду прорумынским тенденциям, вместе с тем выступало за расширение возможностей для развития культуры в республике, в том числе на языке мажоритарного населения (при сохранении кириллицы), что проявилось в неоднократных обращениях к Москве с просьбой разрешить создание в Молдавской ССР более развитой инфраструктуры культуры (в том числе системы массовой информации). Ссылки на сильное румынское влияние и необходимость его нейтрализации были для республиканского партийного руководства наиболее действенным аргументом, когда от Москвы хотели добиться разрешения на создание новых культурных институтов в Молдавской ССР и выделение дополнительных средств.

Документы, относящиеся к последующему периоду, вносят некоторые новые штрихи в картину, но кардинально не меняют ее. В 1970-е годы активизировались связи пограничных районов Молдавской ССР с пограничными румынскими уездами, особенно обмен делегациями партийных работников и представителей трудовых коллективов. Хотя в отчетах представителей соответствующих районных властей Молдавской ССР в Кишинев республиканскому партийному руководству нередко можно читать упреки в адрес румынских партнеров в безынициативности, затягивании с составлением планов обмена и т.д., несомненно, что к рубежу 1970–1980-х годов связи были на подъеме. Встречи, как правило, проходили в дружеской атмосфере, установка на конфликт отсутствовала. Вместе с тем принципиальные различия в историческом воспитании, сформированных школой и СМИ представлениях об истории Румынии, роли Румынии во Второй мировой войне, о сути бессарабского вопроса, о культурно-языковых различиях румын и молдаван, о праве молдавской нации на существование, порождали взаимонепонимание. Гостям из СССР, судя по отчетам, хранящимся в Кишиневе в фондах ЦК компартии Молдавской ССР, несколько резало ухо слово «Бессарабия» применительно к Советской Молдавии, в музеях г. Яссы и Ботошани бросались в глаза, вызывая соответствующую реакцию, карты Великой Румынии 1920–1930-х годов, включавшие междуречье Днестра и Прута. Подчас не нравилось, когда румынские собеседники ставили под вопрос существование самостоятельного молдавского языка, подвергали сомнению право на формирование молдавской социалистической нации. В музее М. Эминеску в Ботошани советские гости выражали недоумение, почему обходится стороной принадлежность великого поэта к молдавскому народу (этому их учили в школе). Случались и конфликты, когда музейные экскурсоводы в присутствии людей, участвовавших во Второй мировой войне в качестве красноармейцев (а таких было много в 1960–1970-е годы и среди этнических молдаван), оправдывали нападение Румынии

на СССР в июне 1941 г. необходимостью вернуть утраченные в 1940 г. территории. Но как бы то ни было, участвовавшие контакты в некоторой мере способствовали разрушению стереотипов, улучшению взаимопонимания³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. стенограмму заседания Президиума ЦК КПСС от 1 июля 1959 г., на котором обсуждалась ситуация в Латвии и Азербайджане: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / Главный редактор академик А.А. Фурсенко. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 356–387. См. также краткую запись заседания от 2 июля: Там же. С. 387–388. Соответствующие постановления Президиума ЦК КПСС см.: Там же. Т. 3. Постановления. 1959–1964. М., 2008. С. 37–39.

² Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 189–195.

³ О чем свидетельствует выше упомянутое письмо И.И. Бодюла в ЦК КПСС. См.: Там же.

⁴ Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău) (далее — AOSPRM). F. 51. In. 29 (1968). D. 28. F. 65–66.

⁵ См.: *Тыкалин А.С.* Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964) // *Славянство, растворенное в крови...* В честь 80-летия со дня рождения В.К. Волкова (1930–2005) / Отв. редактор К.В. Никифоров. М., 2010. С. 371–392; *он же.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е–60-е гг. XX в. / Отв. редактор Н.М. Куренная. М., 2011. С. 367–398.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 189–195.

⁷ Там же. Л. 194. На самом съезде же «нездоровые» настроения, как читаем в записке, «встречались аплодисментами определенной части съезда и, наоборот, эта же часть проявляла нетерпимость к выступлениям, в которых ораторы доказывали несостоятельность выдвигаемых предложений», в частности, о переходе на латиницу. Не желая драматизировать ситуацию, первый секретарь республиканской парторганизации в целом охарактеризовал морально-политическую обстановку в Молдавской ССР как нормальную, доложил о конкретных мерах, принятых в целях преодоления «националистических тенденций». Вопросы, требовавшие прояснения с партийных позиций, предполагалось обсудить на ряде республиканских партактивов и съезде работников культуры республики, намеченном на февраль 1966 г. (Там же. Л. 190, 194).

⁸ В июле 1964 г., принимая делегацию японской социалистической партии, Мао Цзэдун заверил своих собеседников, что Китай поддерживает претензии Японии в отношении Курильских островов. Он заметил при этом, что и в Восточной Европе Советский Союз удерживает за собой ряд территорий, на которые имеет меньше прав, чем некоторые соседние государства (Польша, Финляндия, Румыния). О содержании беседы китайского лидера с японскими социалистами было известно в Москве из публикаций китайской и японской прессы, высказывания Мао стали предметом обсуждения на заседании Президиума ЦК КПСС 19 августа 1964 г., где Хрущев выступил с пространном монологом, посвященным

проблеме национально-территориальных противоречий между социалистическими странами. См. запись: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С. 848–852. Через месяц, 25 сентября 1964 г., Президиум ЦК обсуждал новую информацию, поступившую из Пекина — о том, что румынская делегация во главе с премьер-министром И.Г. Маурером, прибывшая в Китай на торжества по случаю 15-летия КНР, в беседе с министром иностранных дел КНР Чен И затронула вопрос о несправедливости присоединения к СССР некоторых румынских территорий. Президиум ЦК принял решение проверить достоверность полученных сведений (Там же. С. 859).

⁹ Обзоры работ румынских историков, подготовленные для аппарата ЦК КПСС, см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 110.

¹⁰ У сторонников кириллицы была своя аргументация, изложенная и Бодюлом в его записке в Москву. Позицию о предпочтительности кириллицы он аргументировал тем, что молдавский народ пользуется ею на протяжении шести веков, и только в течение 22 лет румынской оккупации (1918–1940) кириллица была заменена латинской графикой. Около 80% населения Молдавии получило образование при Советской власти, используя русский алфавит (хотя, вероятно, применительно к середине 1960-х годов эта цифра несколько завышена). Кроме того, 35% населения республики составляют не молдаване, а люди других национальностей (преимущественно русскоязычные), и русский язык, доступный подавляющему большинству молдаван, является языком межнационального общения.

¹¹ Так, создатели фильмов «Человек идет за солнцем» (режиссер М. Калик) и «Последний месяц осени» (режиссер В. Дербенев), критиковавшихся в первом случае за абстракционизм, а во втором — за «извращение в отдельных эпизодах классовой политики», отказывались реагировать на критические замечания, звучащие в республике, ссылаясь при этом на высокие оценки своего творчества всесоюзной кинематографической общественностью.

¹² AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 28. F. 58.

¹³ Надо сказать, что П.Е. Шелест, будучи ортодоксальным коммунистом, занявшим, в частности, предельно жесткую позицию в связи с чехословацким кризисом 1968 г., вместе с тем до сих пор не без оснований считается многими украинскими историками наиболее национально ориентированным первым секретарем республиканской парторганизации за весь советский период. За «чувствительность» к украинским национальным ценностям он, как известно, и поплатился. В 1972 г. именно за националистические «перегибы» он был подвергнут критике на Политбюро ЦК КПСС, отозван из Киева, а через год выведен из Политбюро ЦК КПСС. См.: *Шелест П.Е.* «... Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.

¹⁴ По его личному мнению, «в республике сложилась нормальная обстановка для разговора на любом языке — русском или молдавском — по усмотрению выступающего» (РГАНИ. Ф.5. Оп. 36. Д. 148. Л. 191).

¹⁵ Там же. Л. 192.

¹⁶ См.: *Moldova, Romania, and the Soviet Invasion of Czechoslovakia. Introduction, translation and annotation by M. Kramer // Cold War International History Project Bulletin. Issue 12/13. Washington, 2001. P. 326–333.*

¹⁷ См.: AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 170; D. 102. F. 94. Временное изъятие у колхозов для нужд армии немалой части автопарка, произошедшее в июле во время больших маневров, проходивших на территории Молдавской ССР, не только нервировало население, но и вело к дезорганизации хозяйства. См.: *Ibid.* D. 29. F. 239–241.

¹⁸ Ibid. D. 97. F. 103–106.

¹⁹ См.: Ibid. D. 29. F. 239–241. По итогам июльских маневров был сделан вывод, что подобного рода мероприятия необходимо сопровождать не только идеологическими, но и адекватными организационными мерами в целях обеспечения нормальной внутренней обстановки; в 20-х числах августа 1968 г. партийные и советские органы на местах были лучше проинструктированы центром о происходящих событиях, и панических проявлений удалось избежать. Панические слухи были характерны, впрочем, отнюдь не только для Молдавии. Жители северо-кавказского региона в августе 1968 г. также запасались провизией и предметами первой необходимости «на черный день». См.: *Крючков И.В., Крючкова Н.Д.* Отклики «Пражской весны» в Ставропольском крае (по материалам Краевого архива) // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей. Отв. редактор Г.П. Мурашко. М., 2010. С. 441. В Польше население уже в мае начало активно запасаться продовольствием, поддавшись слухам о скорой войне. См.: *Волубев В.В.* Об отношении польского общества к реформам в Чехословакии // Там же.

²⁰ Так, уже к середине июля 250 пропагандистов провели по всей республике 5000 выступлений с разъяснением линии КПСС. См.: AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 88–92.

²¹ См.: Ibid. F. 88–94.

²² Ibid. D.28. F. 32.

²³ Возложение венка было мотивировано тем, что будущий маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм в годы Первой мировой войны в качестве военачальника русской армии одно время сражался с германскими и австро-венгерскими войсками именно на румынском фронте. Как бы там ни было, в Москве восприняли этот независимый внешнеполитический жест крайне негативно. Посол Румынии был вызван в МИД СССР, где первый заместитель министра В.В. Кузнецов официально выразил недоумение в связи с возложением венка на могилу Маннергейма, назвав это актом явно недружественным СССР. См.: *Cătănuș A.–M.* Tensiune în relațiile româno-sovietice în anul “Primăverii de la Praga” // *Arhivele Totalitarismului*. București, 2006. № 1–2. P. 228–229. См. также: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 19. В отчете о разъяснении трудящимся Молдавской ССР текущего момента (середина лета 1968 г.) содержалась следующая дежурная фраза: «Трудящиеся республики очень остро реагируют на непоследовательность политики руководителей румынской компартии по некоторым вопросам международной политики, взаимоотношений с нашей страной и странами социалистического лагеря. Особый гнев и возмущение вызвал у молдавского народа факт возложения венка на могилу Маннергейма правительственной делегацией Румынии во главе с Маурером» (AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 89). В соответствии с политическим заказом в 1968 г. от имени трудящихся республики особенно часто выступали на собраниях ветераны Великой Отечественной войны и прежде всего участники освобождения Чехословакии. При этом надо иметь в виду, что в 1960-е годы в Молдавии, особенно в Кишиневе, проживало несколько тысяч отставных или отпущенных в запас военнослужащих в звании от майора до генерал-майора. Предоставление демобилизованным старшим офицерам квартир в больших городах на западных национальных окраинах СССР (в том числе в Кишиневе, Львовe, столицах прибалтийских республик) было в 1950–1970-е годы неотъемлемой составной частью политики не столько русификации, сколько своего рода «интернационализации» проблемных национальных регионов, создания механизмов противодействия развитому национализму.

²⁴ Ibid. D. 98. F. 55–58.

²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 193.

²⁶ AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 94.

²⁷ Ibid. F. 19–20. Меры по глушению радиопередач извне, как правило, не были эффективны, что неоднократно отмечалось во внутрипартийной документации 1960-х годов («Как показала жизнь, глушение передач из-за рубежа полностью не достигает цели и носит скорее символический характер»). Из записки секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева в Президиум ЦК КПСС «О заглушении зарубежных радиопередач» от 30 марта 1963 г.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 263. Л. 18–22). Из документов аппарата ЦК компартии Молдавской ССР известно, что жители республики в 1968 г. зачастую узнавали о событиях в Чехословакии и Польше сначала из зарубежных (в первую очередь румынских) источников — радиопередач, телевидения и прессы, а затем уже из советских СМИ (AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 29. F. 239).

²⁸ Ibid. D. 97. F. 106.

²⁹ Ibid. D. 102. F. 43–50.

³⁰ См.: *Марьина В.В.* Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала «Soudobé dějiny») // *Славяноведение*. 2008. № 3. С. 22–40. О ситуации на советско-румынской границе, принятых в Румынии мерах по мобилизации дает представление записка И.И. Бодюла в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г. См.: AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 103–106. См. также письмо ветерана румынской компартии Л.И. Брежневу, направленное через ЦК компартии Молдавской ССР. Критикуя руководство румынской компартии за «национализм», автор пишет о проходящей в Румынии мобилизации, создании рабочих дружин, вооружении партийно-государственного актива (Ibid. F. 173–176). Письмо свидетельствует о существовании на периферии румынского общества просоветских настроений.

³¹ Ibid. F. 96.

³² Ibid. D. 240. F. 3.

³³ Ibid. F. 4.

³⁴ Ibid. D. 97. F. 104.

³⁵ Из исследований и документальных публикаций последних лет см.: *Cojocaru Gh.* Confruntarea sovieto-română pe frontul ideologic din RSS Moldovenească (1968–1979). Studii și documente. Iași, 2011; *Negru E., Negru Gh.* “Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studii și documente. Vol. 1 (1965–1975). Chișinău, 2013.

И.В. РУДНЕВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КИРИЛЛИЧЕСКОГО ПИСЬМА В ВУКОВАРЕ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Abstract:

Rudneva I.V. *The use of the Cyrillic script in Vukovar as a way of preserving the national identity*

The article is devoted to the issue of preservation of the Serbian national identity in the Croatian town of Vukovar by the use of the Cyrillic script in street names, road signs, names of institutions.

Ключевые слова: межнациональные отношения, права национальных меньшинств, Республика Хорватия, город Вуковар, сербский народ, национальная идентичность.

Любой нации свойственно развивать, оберегать и всеми возможными способами защищать свою национальную идентичность. Одной из важнейших её составляющих является использование национального языка. Но для этого не всегда существуют возможности и условия. Трудно предсказать, что в XXI веке в составе единой Европы, с её многочисленными законами, призванными защищать права национальных меньшинств, с гарантиями уважения и сохранения интересов граждан, представители одной нации вынуждены поднимать вопрос о возможности писать и читать на родном языке, обозначать названия улиц, учреждений и дорожных указателей. Возможно, этот факт и возмутил бы европейскую общественность, если бы речь шла не о сербском народе, проживающем на территории Республики Хорватии в городе Вуковаре. Дело в том, что в процессе распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) в 1990-е годы международное сообщество не поддержало сербов, которые проживали на территории Хорватии, в борьбе за сохранение их прав и свобод в рамках нового государства.

В Конституции Народной Республики Хорватии 1947 г. отдельным пунктом был закреплён общий для сербского и хорватского народов государствообразующий статус: «Сербы в Народной Республике Хорватии равноправны с хорватами»¹. В 1963 г. была принята новая Конституция Социалистической Республики Хорватии (СРХ), в преамбуле которой упоминался только хорватский народ, обладавший «правом на самоопределение, включая и право на отделение»². В статьях Основного закона далее говорилось о «народах» без конкретизации или «рабочем народе» Республики Хорватии. Упоминание сербского народа отсутствовало. Со-

гласно Конституции 1974 г. СРХ провозглашалась «национальным государством хорватского народа, государством сербского народа в Хорватии и государством народностей, которые в ней живут»³. При этом в документе неоднократно подчёркивалось равноправие народов и народностей во всех сферах общественной, культурной, политической и экономической жизни, гарантировалось в том числе и свободное использование национальных языков. Анализ конституционных законов бывшей Югославии показывает, что положение сербского народа в рамках Хорватии постепенно ограничивалось. Если после Второй мировой войны два народа находились в равных условиях, то позднее право на самоопределение и отделение было дано только хорватскому народу, так же термин «национального государства» относился исключительно к хорватам.

В апреле–мае 1990 г. в Хорватии прошли первые многопартийные выборы в Сабор (хорватский парламент), на которых победу одержала партия Хорватское демократическое содружество (ХДС) во главе с Франьо Туджманом. Своей главной целью ХДС поставило создание независимого национального хорватского государства. Ещё в ходе предвыборной кампании обозначился её антисербский характер.

22 декабря 1990 г. была принята Конституция Республики Хорватии, которая провозгласила «национальное государство хорватского народа и представителей народов и национальных меньшинств, которые являются её гражданами: сербов, мусульман, словенцев, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев и других»⁴. При этом, суверенитет Хорватии объявлялся неотъемлемым, неделимым и не отчуждаемым. В официальное использование вводился хорватский язык и латинский алфавит. В отдельных районах наряду с хорватским языком и латиницей допускалось введение другого языка и кириллицы или какого-то другого письма, согласно действующему законодательству. То есть, права сербского населения серьёзно ущемлялись. Государствообразующий статус сербов был низведено до положения национального меньшинства, что лишало их возможности в условиях распада СФРЮ участвовать в решении собственной судьбы. Например, создать культурную автономию в рамках Хорватии или, как вариант, при неблагоприятных условиях присоединиться к тем республикам, которые выступили за сохранение Югославии.

В городе Вуковаре проживало смешанное по национальному составу население. По официальным хорватским данным в 1981 г. в городе проживало 33 690 человек, из них — 12 760 хорватов и 8177 сербов⁵. По независимым сербским источникам, в 1981 г. хорваты составляли 37,14% от всего населения общины, сербы — 31%, «югославы» — 22%. Сербы и югославы представляли собой абсолютное большинство в общине Вуковар⁶. По хорватским данным, в 1991 г. в городе насчитывалось 44 639 жителей, из них 21 065 хорватов и 14 425 сербов⁷.

На выборах в Сабор в 1990 г. Вуковаре ХДС проиграло. За него проголосовало 18 848 человек. 32 182 избирателей отдали свои голоса за Союз коммунистов Хорватии — Партию демократических перемен. В результате, из 117 мест в Скупшине общины правящая партия получила только 26⁸. Расхождения во взглядах на будущее развитие страны центральных властей и региона дали о себе знать уже в июле 1990 г., когда Скупщина общины Вуковар отказалась поддерживать поправки к Конституции, ущемлявшие, по её мнению, права сербского народа. Требование властей сместить председателя Скупщины были проигнорированы. Тогда Загреб начал активно завозить в регион оружие и вооружать лояльных ХДС сотрудников правопорядка. Одновременно в Вуковаре начались увольнения сербских граждан с постов в общине, запугивания с целью принуждения к отъезду, а потом и физическая ликвидация⁹. Сербы начали возводить баррикады, охранять подъезды к селам.

Летом 1991 г. волна преступлений прокатилась по городу и окрестностям. Многочисленные погромы, издевательства и убийства сербских граждан оставались безнаказанными. За пять месяцев было убито 4 тыс. человек. Всё это вынудило 13 734 серба бежать из Вуковара. Покинули город и 6 тыс. хорватских женщин, детей и стариков¹⁰.

Хорватские гвардейцы и отряды Министерства внутренних дел организовали оборону Вуковара. ХДС взяло под контроль средства массовой информации, распустило Скупщину общины, Исполнительного веча. Фактически, был совершен переворот и насильственный захват власти.

В Вуковарском гарнизоне располагались части Югославской народной армии (ЮНА). Они долго занимали нейтральную позицию к тому, что происходило в регионе. Ситуация изменилась, когда хорваты начали блокаду казарм, а позднее совершили на них нападение. Армия привлекла огромные силы для освобождения города, была использована тяжелая артиллерия. 16 ноября 1991 г. ЮНА вошла в Вуковар. По хорватским источникам город обороняли от 1300 до 2000 человек, а численность наступающей армии составляла 35–40 тыс. Сербы полагают, что город обороняли 6–8 тыс. хорватских бойцов¹¹.

Военные действия в Вуковаре как для хорватов, так и для сербов приобрели принципиальное значение. Загреб, с одной стороны, пока город сопротивлялся Югославской армии, выигрывал время для того, чтобы успеть вооружиться и подготовиться к защите от возможного наступления вглубь страны, с другой стороны, Ф. Туджман обещать оказать помощь хорватским военным в Вуковаре, но не сделал этого. Президент Хорватии пожертвовал городом ради того, чтобы заручиться сочувствием и поддержкой со стороны Германии и других стран. В результате, ЮНА выглядела в глаза всего мира как агрессор, а хорваты предстали в качест-

ве её жертв. Руководство Югославии воспринимало Вуковар в качестве символа хорватского национализма, победив который, можно было бы справиться и со всей Хорватией. Однако, захватив город, ЮНА получила руины и осуждение мирового сообщества.

С 1991 по 1995 гг. Вуковар входил в состав самопровозглашённого сербского государства Республики Сербская Краина. Численность его населения составляла 33 000 человек. В 1998 г. город с прилегающими к нему территориями был реинтегрирован в состав Республики Хорватии. Сербь считают, что этот город отстоял свою независимость, а хорваты видят в нём символом «сопротивления агрессии», «город-герой». Неудивительно, что и в наши дни любое сообщение из Вуковара сразу приобретает символическое звучание, рождает определенные ассоциации с прошлым, которые проецируются будущее.

В современной Республике Хорватии сербы являются крупнейшим национальным меньшинством. Их права защищены международными договорами, прежде всего Всеобщей декларацией прав человека¹² и Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств¹³. Международные организации оказывают на Хорватию давление по вопросам возвращения сербских беженцев и гарантий их безопасности.

Европейский совет по делам беженцев указал в одном из своих докладов за 2009 г., что по-прежнему наиболее серьёзные проблемы для возвращения сербов в Хорватию — это «препятствие хорватских властей реализации прав на владение недвижимостью сербскими беженцами или получение компенсации за потерю этого права»¹⁴. Наблюдаются случаи, когда хорватские сербы испытывают трудности с возвращением занятых домов, даже при наличии решения суда в их пользу. Они продолжают испытывать дискриминацию при устройстве на работу и сталкиваются с проблемой поиска места жительства, потеряв свои права на муниципальное жилье. В некоторых случаях те, кто раньше жили в частных домах и официально получили их обратно во владение, не могут туда вернуться, так как они разрушены или разграблены.

Вопрос возвращения сербских беженцев тесно связан с возможностями использования сербского языка на территории Хорватии. Власти страны не заинтересованы в массовом переезде сербов, еще больше — в компактном их проживании, поскольку численность представителей национального меньшинства на той или иной территории Хорватии тесно связана с формами использования национального языка. В законе «Об употреблении языка и алфавита национальных меньшинств в Республике Хорватии»¹⁵ в 2000 г. были прописаны условия получения официального статуса языков национальных меньшинств и сфера их применения. Одним из них являлось преобладание представителей национальных меньшинств среди населения

общины или города. В 2002 г. в закон было внесено уточнение, что такое право предоставляется там, где национальное меньшинство составляет не менее трети от всего населения общины или города¹⁶. В настоящее время в уставах 13 общин Хорватии зафиксированы права на употребление сербского языка. Четыре из них расположены в Вуковарско-Сремской жупании (город Вуковар и общины Борово, Маркушица и Трпня).

Планируя вступление республики в состав Европейского Союза, руководство Хорватии, начиная с 2009 г., значительно смягчило законодательство в области использования языка. Так, во многих общинах, где проживало сербское меньшинство, было разрешено использовать сербский язык в дошкольном и школьном образовании, в работе Веча общины, вводить двуязычную топонимику, вывешивать национальные флаги в дни траура в том государстве, с которым они себя соотносят, использовать свой язык в средствах массовой информации.

По данным переписи населения 2011 г., сербы составили 33,3% населения Вуковара, что, согласно Закону о национальных меньшинствах, позволило поставить вопрос о введении двуязычных наименований улиц, а также государственных учреждений и правоохранительных органов¹⁷. Для хорватского населения кириллическая азбука является символом сербского доминирования, а для сербов, которые используют свободно и кириллицу, и латиницу, — символом национального самосознания.

Возвращение представителей сербской национальности, расширение их прав в использовании национального языка и алфавита вызвали недовольство не только хорватской элиты, чинящей всевозможные административные и экономические препятствия этому процессу, но и простых граждан, особенно бывших военнослужащих. На бытовом уровне то и дело вспыхивали стихийные проявления национализма.

Уже само намерение ввести кириллические названия улиц в Вуковаре вызвало акции протеста, инициированные хорватскими националистически настроенными кругами. Так, 7 апреля 2013 г. в городе прошли митинги под лозунгом «Нет кириллице в Хорватии!». По разным оценкам в них приняли участие от 20 до 40 тыс. человек. Выступления были организованы ветеранами войны 1991–1995 гг., являющимися членами так называемого «Содружества бойцов хорватской обороны», и «Комитета в защиту хорватского Вуковара». Один из лидеров движения ветеранов Томислав Йосич предупредил представителей власти, что если до 18 ноября 2013 г. (день, когда войска Югославской армии заняли Вуковар) не будет принят закон, объявляющий его «городом вечной памяти, в котором никогда не будет вводиться кириллица», то им не стоит там появляться. На митинге с подобными заявлениями выступили также представители католической церкви¹⁸.

Как и в предыдущие годы, европейские средства массовой информации поддерживали хорватов, в красках описывая возмущение простых хорватских граждан и «страдания» ветеранов, смакуя цифры погибших военных и гражданских хорватской национальности. О правах сербского населения, регламентированных законом, почти не упоминалось. Европейская комиссия по правам национальных меньшинств вообще не прокомментировала события в Вуковаре.

В апреле 2013 г. демонстрации против кириллицы прошли и в Загребе. Но, даже хорватские средства массовой информации констатировали, что вопрос кириллицы в этих акциях второстепенен. Газета «Нови лист» отметила, что речь идет о борьбе политических элит за «святость Отечественной войны» и за монополию на «хорватскую идентичность и патриотизм»¹⁹. За права сербского населения использовать национальный язык выступил председатель хорватского Сабора Йосип Лeko, напомнив, что необходимо соблюдать законы своего государства, в которых прописаны права национальных меньшинств²⁰. Хорватский президент Иво Йосипович также призвал демонстрантов уважать законы страны, которые предусматривают введение второго языка национального меньшинства. При этом он пообещал в будущем изменить Основной закон, но мирными методами²¹.

Первые надписи на сербском языке появились в Вуковаре в сентябре 2013 г. Причиной их появления стали требования ЕС, членом которого Хорватия стала 1 июля. В частности, соблюдать права этнических меньшинств требует соответствующая европейская хартия. В связи с планами ввести двуязычные вывески в феврале 2013 г. в Вуковаре состоялась серия акций против использования кириллицы. Вывески на кириллице быстро сорвали хорватские ветераны войны. «Мы — против сербского языка и надписей кириллицей, так как его носители совершили агрессию против Вуковара в 1991 г.»²², — заявил Даниел Рехак, один из ветеранов и активный участник протестных акций. Всего демонстранты испортили три таблички, размещенные на зданиях налогового управления, полиции и городской администрации. Прежде чем сорвать вывески, погромщики разбивали их молотком. Полиции, которая пыталась остановить толпу, не удалось помешать акту вандализма. В ходе противостояния пострадали четверо сотрудников правоохранительных органов; легкие травмы получили и несколько погромщиков. При этом никто из участников акции арестован не был.

В ответ на действия националистического характера сербская молодежь 17 сентября 2013 г. в Вуковаре во время баскетбольного матча между Грецией и Сербией вывесила сербские знамена с надписями: «Это Сербия», «Косово — сердце Сербии», «Вуковар — сердце Сербии». Общественное недовольство действиями сербов в Хорватии было настолько

мошным, что прозвучали даже призывы отправить министра внутренних дел Ранко Остоича в отставку за то, что он допустил «унижение хорватского народа»²³.

В октябре 2013 г. хорватское правительство во главе с Зораном Милановичем направило в Сабор предложение о приостановлении использования кириллических надписей в Вуковаре до следующей переписи населения и внесении изменений в Закон о правах национальных меньшинств, учитывающая складывающуюся напряженную обстановку в городе²⁴.

В августе 2014 г. под давлением хорватской общественности и ряда радикально настроенных политиков Конституционный суд вынес предписание вече Вуковара внести изменения и дополнения в Устав города в течение следующего года, которые позволяли местному руководству принимать окончательное решение о формах использования языка национального меньшинства. В срок, оговоренный в предписании суда, были проведены внеочередные выборы в местные органы власти, на которых большинство мест получило ХДС. В результате всех этих правовых манипуляций, в 2015 г. на заседании вече Вуковара большинство проголосовало за отмену кириллических надписей в Вуковаре²⁵.

В хорватских средствах массовой информации заговорили о возможности провести референдум, на котором население проголосовало бы за то, чтобы двуязычные надписи вводились только в городах и общинах, где национальное меньшинство преобладает по численности. Наступление на права национальных меньшинств встревожило, наконец, ЕС. Депутаты Европейского парламента направили открытое письмо руководству Хорватии, отметив, что идея с референдумом представляет собой «несправедливую и опасную инициативу», а также нарушает конституционные права народов, проживающих на территории Хорватии²⁶.

До войны Восточная Славония была одним из самых процветающих регионов Югославии. Сегодня это одна из беднейших частей Хорватии. Здесь проживает 28 тыс. жителей. Нынешней весной почти 3300 человек встали на учет в местном бюро по трудоустройству. Экономическое отставание также способствует социальной и межэтнической нестабильности. Вместо того чтобы думать о будущем этого края, о его экономическом и культурном потенциале, хорватские политики наполняют символизмом предвыборную риторику, во внешней политике используют трагическое прошлое в качестве элемента эмоционального давления в переговорах с соседними странами. Город Вуковар существует как бы в двух параллельных мирах, в двух непересекающихся реальностях – хорватской и сербской²⁷.

Особенно это заметно на примере детских садов и школ, когда сербские и хорватские дети приходят вместе, но потом направляются в группы или классы, сформированные по этническому признаку, часто в разные

смены. Сербские ученики изучают и латинский алфавит, и кириллицу, а также сербскую историю. Одним из условий мирного соглашения было позволить сербам сохранить свою национальную идентичность. Хорватские дети изучают только латинский алфавит и хорватскую историю.

Некоторые хорваты считают, что кириллица сама по себе не является проблемой, она стала лишь «символом молчаливого разделения города». Сташа Хилла, отец которой погиб в 1991 г., так описывает современную ситуацию в Вуковаре: «У меня есть сербские коллеги, но я с ними на эту тему не говорю. Ее мы не обсуждаем. Нет необходимости спрашивать их мнение, потому что я знаю, что они думают по этому вопросу. Здесь мы разделены. У нас совершенно противоположенные точки зрения. На их взгляд, Вуковар сербский город, я же считаю, что он хорватский»²⁸.

В интервью «Euronews» директор школы в Вуковаре, этнический серб, пользующийся уважением как сербов, так и хорватов, заметил по поводу перспектив своего города: «Правила игры определяют политики, а люди придерживаются этих правил. Здесь нет работы, люди вынуждены хвататься за соломинку, они мыслям самостоятельно. Меня несколько раздражает, когда образованные люди, интеллектуалы не используют свои собственные головы. Но они должны начать мыслить самостоятельно. Если они это сделают, то город вернется к жизни с новыми идеями, лучшими школами и, наконец, вместе с детьми»²⁹.

Чем громче звучат призывы хорватских радикалов к пересмотру прав и свобод сербского народа на территории Хорватии, тем больше желание сербов отстаивать свои права. Они обращаются в европейские инстанции за помощью, используют средства массовой информации с целью привлечь внимание широкой мировой общественности к своей судьбе. Генеральный секретарь Ассоциации сербов в Хорватии Милойко Будимир в своих многочисленных интервью обращает внимание на рост в хорватском обществе сербофобии и призывает ЕС внимательнее отнестись к положению сербского меньшинства³⁰.

Хорватские власти опасались дальнейшего обострения межнациональной напряженности, но ещё больше они боялись возможных санкции со стороны ЕС. В 2013 г. против участников акций вандализма в Вуковаре были выдвинуты обвинения. Томислав Йосич, возглавлявший толпу, разбившую двуязычные городские таблички в Вуковаре, в марте 2016 г. был арестован и осужден на шесть месяцев тюремного заключения и на год условно³¹. Хорватские общественные деятели сразу заговорили о своем желании поднимать культурный и образовательный уровень жителей Вуковара, и с этой целью взялись за разработку и поиски источников финансирования разнообразных проектов в этих сферах. Однако подобные действия не решают проблемы прав сербов на территории Республики

Хорватии и в городе Вуковаре. В дальнейшем следует ожидать новых попыток ущемить права сербского меньшинства со стороны хорватских властных структур.

Сербская идентичность на территории Республики Хорватии оказалась заложницей внутривластных процессов, внешнеполитических приоритетов и исторической памяти. Хорватское руководство на самом высоком уровне и на местах препятствовало возвращению сербских беженцев, ограничивало их права, в том числе и на использование национального языка. Когда же Хорватия собралась вступить в ЕС, руководство страны, игнорируя общественное недовольство, пошло на уступки по отношению к сербскому населению, смягчив запреты и озвучив многочисленные обещания на будущее. Как только цель была достигнута, и наступило время выборов, национально ориентированные партии, прежде всего ХДС, призвали граждан вспомнить о национальных традициях и тех задачах, которые решались в годы гражданской войны. В рамках этих «исконных» хорватских ценностей для сербов снова места не оказалось. В результате, сербскому народу из Вуковара приходится надеяться только на себя, вновь и вновь стараясь сохранить элементы своей идентичности в составе Республики Хорватии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Odluka ustavotvornog Sabora Narodne Republike Hrvatske o proglašenju Ustava Narodne Republike Hrvatske (18 siječnja 1947 g.) // Narodne novine. Zagreb, četvrtak, 23 siječnja 1947, broj 7, strana 19.

² Ustav Socijalističke Republike Hrvatske 1963 g. // Narodne novine. Zagreb, srijeda, 10 travnja 1963, broj 15, strana 115.

³ Ustav Socijalističke Republike Hrvatske 1974 g. // Narodne novine. Zagreb, petak, 22 veljača 1974, broj 8, strana 116.

⁴ Ustav Socijalističke Republike Hrvatske 1990 g. // Narodne novine. Zagreb, 22.12.1990, broj 1092.

⁵ Izveštaj Vlade Republike Hrvatske, 20 oktobar 1992, str. 149, 179, 163 // Цит. по *Mitrović M.* Etničko čišćenje kao strategija država na prostoru bivše SFRJ // *Tokovi istorije.* 2005, Broj 1–2, S.196.

⁶ Цит. по: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 192.

⁷ Izveštaj Vlade Republike Hrvatske, 20 oktobar 1992... S. 196.

⁸ Rezultati izbora 1990 g. Vijeće općina. Izborna jedinica općina Vukovar. Dopunski izvjestaj // URL: http://www.izbori.hr/arhiva/pdf/1990/1990_1_4_Sabor_Rezultati_Vijeće_općina_dopunski_izvjestaj.pdf.

⁹ Цит. по: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса... С. 193.

¹⁰ Там же. С.193–194.

¹¹ Там же. С.195.

¹² Всеобщая декларация прав человека // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.

- ¹³ Европeјска хартија регионалних језиков или језиков мањинства // URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/148>.
- ¹⁴ Human Rights Watch Concerns and Recommendations on Croatia // URL: <http://www.hrw.org/en/news/2009/10/05/human-rights-watch-concerns-and-recommendations-croatia>.
- ¹⁵ Закон о употреби језика и писма националних мањина у Републици Хрватској. Донесен на седници Заступничког дома Хрватског државног савора, 11. свибња 2000. (NN, бр. 51, од 19. свибња 2000) // URL: <http://www.minoritycentre.org/sites/default/files/Zakon%20o%20uporabi%20jezika%20i%20pisma%20nacionalnih%20manjina%20u%20RH.pdf>.
- ¹⁶ Уставни закон о правима националних мањина (Загреб, 19. просинца 2002.) // Народне новине. број 155/02.
- ¹⁷ Централно статистичко агенство Републике Хорватије // URL: <http://www.dzs.hr>.
- ¹⁸ *Лjуљко Л.* Геноцид сербов у Хорватији продужава се. 12.04.2013 // URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/balkans/12-04-2013/1152161-croatia-0/>.
- ¹⁹ *Мијић В.* Дogaђање народа (8 травањ 2013 г.) // URL: http://www.novolist.hr/Komentari/Kolumne/Komentar-Branka-Mijica/Dogadanje-naroda?meta_refresh=true.
- ²⁰ Лeko: Вуковар је хрватски град и у њему треба проводити хрватске законе. Председник Савора о „Цирлици у Вуковару. (8 травањ 2013 г.) // URL: http://www.novolist.hr/Vijesti/Hrvatska/Leko-Vukovar-je-hrvatski-grad-i-u-njemu-treba-provoditi-hrvatske-zakone?meta_refresh=true.
- ²¹ Ibidem.
- ²² Вуковар: кирилица изазива таласање у Хорватији // URL: <http://ru.euronews.com/2013/11/08/vukovar-divided-by-an-alphabet>.
- ²³ Акција за бољу Хрватску: Зашто полиција толерира мрзњу на утакмици у Вуковару? (17 коловоз 2013 г.) // URL: http://www.novolist.hr/Vijesti/Crna-kronika/Akcija-zabolju-Hrvatsku-Zasto-policija-tolerira-mrznju-na-utakmici-u-Vukovaru?meta_refresh=true.
- ²⁴ Приједлог закључка о проблематици постављања двојезичних натписа у Граду Вуковару и примјени Уставног закона о правима националних мањина // URL: <https://vlada.gov.hr/UserDocsImages/Sjednice/Arhiva/119.%20-%204.a.pdf>.
- ²⁵ Нема више ћирилице у Вуковару (17.08.2015) // URL: <http://www.politika.rs/scc/clanak/335961>.
- ²⁶ Забринутост због референдума о ћирилици (20.12.2013) // URL: <http://www.politika.rs/scc/clanak/279166>
- ²⁷ *Николић Д.* Вуковар: живот после бојне // URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/3264431>.
- ²⁸ Вуковар: кирилица изазива таласање у Хорватији // URL: <http://ru.euronews.com/2013/11/08/vukovar-divided-by-an-alphabet>
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ *Будимир М.* Срби у Хрватској без елементарних права (23.07.2016) // URL: <http://www.politika.rs/scc/clanak/359671>.
- ³¹ Осуђен због разбијања двојезичних табли (24.05.2016) // URL: <http://www.politika.rs/scc/clanak/355727>.

ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Л.В. ЛУХОВИЦКИЙ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

НАРОДЫ БАЛКАН ГЛАЗАМИ ГРЕЧЕСКОГО СВЯЩЕННИКА ИЗ СЕРР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Abstract:

Lukhovitskiy L.V. *Balkan peoples in the chronicle of a Greek priest from Serres in the beginning of the XVII century.*

The local Chronicle of Serres for the years 1597/1598–1641/1642 by the Greek priest Synadinos sheds light on the way the Greek-speaking middling-stratum educated provincial community perceived the multi-ethnic and multi-confessional picture of the pre-modern Ottoman Balkans.

Ключевые слова: хронистика, Серры, Балканы, греки, Османская империя, самоидентификация.

Сочинение священника Синадина (1600–1662) из г. Серры (ныне Серре) в Центральной Македонии, Греция), известное как «Хроника Папасинадина» или «Серрская хроника», представляет собой уникальный источник для реконструкции самосознания грекоязычного христианского населения Балкан в первой половине XVII в.

Это произведение, завершённое в 1642 г.¹, в жанровом отношении совмещает черты городской хроники, охватывающей события с 1597/1598 г., личного дневника и обращённого к пастве назидания. С точки зрения внутренней структуры в сочинении выделяются: 1. Стихотворное вступление (почти дословно заимствованное из поэтической хроники Матфея Мирского 1618 г.); 2. Собственно анналистическая часть; 3. Завершающая назидательная часть².

Будучи известна с конца XIX в. (уникальный список Athos. Koutloum. 153, — предположительно, автограф Синадина — введен в научный оборот С. Ламбросом в 1885 г.), «Хроника» была полностью опубликована

только в 1996 г. Ей посвящено сравнительно немного исследований. Историк-османист И. Штраус исследовал восприятие власти султана и османских чиновников на местах (султан, именуемый «василевсом», предстает защитником христианского населения от произвола провинциальных судей и чиновников-«тиранов»; кончина мудрого султана, такого как Осман II или Мурад IV, становится поводом к трауру как для «христиан», так и для «турок»), неоднозначное отношение к практике девширме и внешнеполитическим успехам Османской империи³.

Болгарская исследовательница О. Тодорова в поисках истоков политической философии Синадина провела параллели с современной Синадину османской теорией общественной справедливости, продемонстрировав, что автор «Хроники» был укоренен как в византийской историографической (эта преемственность очевидна благодаря открывающему произведению «Плачу по Константинополю» и использованию византийской системы летоисчисления), так и в османской политической традиции⁴.

Действительно, с точки зрения политической теории, «Хроника» резко противопоставлена основным тенденциям современной ей грекоязычной исторической литературы Балкан. Последняя представлена поэтической хроникой Ставриноса, охватывающей события в Валахии между 1594 и 1601 г.⁵, и ее продолжением, посвященным событиям 1602–1618 гг. и принадлежащим митрополиту Мирскому Матфею (ок. 1550–1624)⁶. К этим поэмам примыкает поэтическое сочинение Георгия Паламидиса о Михе Храбром, которое было создано в г. Острог в 1607 г.⁷.

Синадин был прекрасно знаком с этой традицией. Начальная часть «Хроники» представляет собой заимствование из Матфея Мирского (вероятно, он использовал 1-е совместное издание произведений Ставриноса и Матфея 1638 г.): 27 15-сложников «Вступления» воспроизводят (с лакунами) ст. 58–88 поэмы Матфея, а 160 15-сложников «Плача по Константинополю» — ст. 2359–2586 (с лакунами) и ст. 2719–2720.

Тем не менее, характер заимствований позволяет говорить об оригинальной интерпретации традиции. При анализе расхождений между версиями Синадина и Матфея обнаруживается, что замены и пропуски были вовсе не случайны, а соответствовали политическим взглядам автора⁸. Так, например, Синадин не копирует фрагменты, оскорбляющие ислам⁹: воспроизведя ст. 2417–2418 («Где же славный храм Софии, тот, что пресветел и преисполнен благословения?»)¹⁰, он пропускает следующие за ними в оригинальном тексте Матфея ст. 2419–2420 («Увы, он стал храмом Магомета, грязного, неверного и нечестивого лжеца»)¹¹. Сходным образом, опускаются ст. 2443–2453, где говорится о желанном возвращении на престол христианского императора; ст. 2507–2538, где Матфей вновь

оскорбляет Магомета; ст. 2563–2566, где говорится о том, что христиан «тиранит гнуснейший род».

Не менее опущений интересны и замены: Синадин всячески избегает употребления каких-либо пейоративных эпитетов по отношению к османам, как это было у Матфея, а последовательно заменяет их (подчас нарушая стихотворный размер) на нейтральные местоимения:

Синадин / Матфей
«Ныне вы попали в это (εις ταύτην) / в турецкое (σ' τοῦ Τοῦρκου) рабство» (l. 14 / l. 2372)
«Ныне тобой [Константинополем. — Л. Л.] со всем твоим великолепием распоряжаются другие (ἕτεροι) / варвары (βάρβαροι)» (l. 20 / l. 2378)
«Царский венец забрали чуждые (ἕτεροι) тебе / твои враги (ἐχθροί)» (l. 22 / l. 2380)
«...но мы поработены ими (εις ταύτους) / турком (σ' τὸν Τοῦρκου)» (l. 80 / l. 2456)

Синадин сглаживает конфликт и, формально оставаясь в рамках традиции, изменяет акценты так, чтобы современные Синадину «турки» (не раз на протяжении «Хроники» предстающие в благоприятном свете) не отождествлялись с неназванными «другими», ответственными за утрату христианскими народами Балкан государственности.

Также важно отметить разницу в употреблении терминов этно-конфессиональной самоидентификации у Матфея и Синадина. В той части, где Синадин копирует Матфея, используются все три возможных способа обозначить греческое население: устанавливающее преемственность с античностью наименование «эллины»¹², византийское «ромей»¹³ и ориентированное на западную традицию «греки»¹⁴. В остальной части «Хроники» основным термином самоидентификации автора становится «христианин» (характерным образом это слово вынесено издателями именно в «Index des noms des peuples»), в то время как «эллины» и «греки» не упоминаются вовсе, а прилагательное, производное от «ромей», встречается лишь в трех эпизодах¹⁵.

Первый¹⁶ содержит рассказ о скевофилаксе (сосудохранителе) Амарианосе Темерутоглисе. Покупая у турка каракатиц, он отказался платить полную стоимость, говоря, что турок все равно не сумеет выручить за них столько, сколько хочет, так как это «христианская пища». Турки «поняли это превратно», как будто бы он назвал продавца-турка христианином, притащили его в мечеть и заставили под угрозой смерти принять мусульманство. Сожалея о поступке Амарианоса, автор замечает: «И великая

горечь охватила всех христиан из-за того, что он не держался мужественно своей веры <...> и не был благоразумен, чтобы бежать в ромейские [земли] (εἰς τὰ Ῥωμαῖκα) или куда-то еще». По мнению издателей¹⁷, Синадин ожидал от героя, что тот укроется в неких районах, населенных только (или преимущественно) греками, и там, не подвергаясь какой-либо опасности, вернется в свою веру.

Во втором случае¹⁸ речь также идет об обращении в мусульманство. Некий Папаскарлатос из деревни Просиники, отличавшийся похотью и бросивший свою жену ради блудницы, будучи уже 48 лет от роду, принял мусульманство. Перед смертью он помрачился рассудком, призвал двух ходжей и сказал им: «...я турок и умру настоящим турком (καθολικός Τοῦρκος). Не хороните меня ни в турецкой могиле, ни в ромейской (εἰς μνήματα τοῦρκικα οὐδὲ εἰς Ῥωμαῖκα), но [похороните] вдаль на перекрестке трех дорог». Его просьбу выполнили, и он «унаследовал вечные муки».

Последний контекст¹⁹ наиболее интересен. Завершая рассказ, Синадин извиняется перед читателем за язык, которым он написан: «Знай также, брат, что я написал тебе эту книгу очень просто, то есть на ромейском наречии (τὴν Ῥωμαϊκὴν γλῶτταν)²⁰, чтобы ты сразу понял и не имел надобности обращаться к кому-то для разъяснений. Ведь многие пишут книги, обращаясь на сложном эллинском наречии (Ἑλληνικά καὶ δεῖνά)²¹, так что учитель или ученый понимает, что они говорят, а вот те, кто научен простой грамоте и умеет читать, все же не понимают, что говорится и имеется в виду. Также и некоторые неучи, подобные мне, пишут книги и используют в них вместе и эллинское наречие, и ромейское (καὶ Ἑλληνικά, καὶ Ῥωμαϊκά), что неуместно и нелепо, ведь если это читает какой-нибудь ученый человек, он смеется и говорит: “Варвар заговорил по-эллиньски” (Ἑλλήνισεν)²². Поскольку, если уж пишешь, нужно, чтобы всё было либо только на эллинском наречии в соответствии с его правилами, либо только на ромейском». Характерно, что «ромейское наречие» допускает известную долю турецких заимствований, поскольку автор извиняется за то, что в его рассказе «иногда попадают и турецкие» выражения, но «как имеют обыкновение общаться в этом месте все люди (и дети, и взрослые), таким образом я тебе и пишу в соответствии с их языком, их обыкновением и их манерой общаться»²³.

Мы видим, что термин «ромейский» резервируется для достаточно редких контекстов: так описывается разговорный греческий в противопоставлении литературному, греческие обряды, а также (предположительно) земли, населенные преимущественно грекоязычным населением. В то же время, для обозначения какой-либо из групп населения Серр существительное «ромей» ни разу не используется. Описывая этно-конфессиональный состав населения Серр, Синадин, как правило, упоминает

4 группы: турки (Τούρκοι), христиане (Χριστιανοί), евреи (Εβραίοι) и цыгане (Ούγροί)²⁴. Так, рассказывая о чуме, обрушившейся на империю в 1641 г., он говорит, что болезнь обычно развивалась стремительно, больной сгорал за 1–2 дня, а на сотню заболевших выздоравливал лишь один. Называя потери, он пишет: «И умерло в Серрах турок, христиан, евреев и цыган до 12 тысяч»²⁵.

Этот стандартный список (почти всегда с одной и той же последовательностью) воспроизводится и в других случаях. Согласно Синадину, 1622 год был неурожайным и город постиг страшный голод, поэтому все богатые жители, имевшие запасы зерна, снабжали им городские пекарни. Однако некий богач Мехмет Язаци отказался это делать, тогда на него «набросились все турки, разрушили его дома в Серрах, разграбили всё его имущество без остатка, побили всю черепицу, повалили колонны и обрушили дома. Тогда набегали турки, христиане, евреи, цыгане, мужчины и женщины вплоть до малых детей и стали грабить. Кто был умен и силен, уносил большие вещи, хорошие и полезные, а кто был недалек умом, уносил уток, кур, консервированный виноград, вареное сусло, соленья <...> и все прочее подобное или даже хуже, так что только посмеяться можно. Таким образом, они не оставили ему ничего, поскольку не было никого, кто бы не отправился в дом и не взял там чего-то, может быть, и по два, и по три, и по пять раз»²⁶.

Приведенный список из четырех групп претендует в сознании Синадина на универсальность: для него это не только наиболее удобный способ описать структуру населения своего города, но и идеальная модель общества. Именно такое деление появляется в заключительной назидательной части «Хроники», где излагается притча о богаче, которого сам Христос не сумел убедить раздать имущество беднякам. Богач заявляет: «Нет, этого я не сделаю: лучше мне попасть в ад и потерять душу, чем потерять то, что имею при жизни. Ведь это моя жизнь, моя честь, мой успех, мой бог, моя радость, моя слава, моя надежда, мой свет, мой отец и моя мать, мой брат, мой друг и моя любовь. Обладая этим, я царь над всеми и все меня почитают: и турки, и христиане, и евреи, и цыгане...»²⁷.

Издатели «Хроники» полагают, что клишированность списка объясняется тем, что общины перечисляются в порядке убывания количества представителей и экономической роли в жизни города. Согласно их подсчетам, в Серрах в 1520 г. на 3420 (ок. 48,6%) мусульман и принявших мусульманство христиан, приходилось 3149 (44,8%) — христиан, 270 (3,8%) — евреев, 195 (2,8%) — цыган. К 1569 г. мусульман уже было 69,4%, христиан — 25,9%, евреев — 4,7%²⁸.

Тем не менее, в ряде случаев меняется как состав списка, так и последовательность перечисления. Так, иногда в список добавляются «ко-

инары» (Κοϊνάροι), которых обычно отождествляют с юрюками, также проживавшими в Серрах, согласно описанию Эвлия Челеби, посетившего город в 1667–1668 гг.²⁹ Так, в рассказе о своем отце-священнике Синадин подчеркивает, что тот «был так гостеприимен, что его друзья приходили к нему всякий день: христиане, турки, коинары, цыгане. И он накрывал им стол дважды или трижды за день <...> Не было такого христианина или турка, кто бы не знал его дом и не ел бы с ним хлеб <...> и кто бы ни попросил у него денег или чего-то еще — христианин ли, или ино-родец (ἄλλόφυλος), или коинар, — он давал всем, кому в долг, а кому и безвозмездно»³⁰. Отметим, что в этом эпизоде, во-первых, появляется противопоставление внутри османского населения («турки» и «коинары»), во-вторых, изменяется последовательность («христиане» идут на первом месте, как наиболее важная для автора группа), в-третьих, исчезают «евреи» (отношение автора к иудейской общине даже более негативное, чем к турецкой: они христуобийцы³¹ и ненавидят выкрестов³²).

Вместе с тем, очевидно, что «христиане» Синадина далеко не однородны с точки зрения этнического состава. В рассказе нередко участвуют герои с именами, явно указывающими на их негреческое происхождение. Перечисляя умерших от чумы в 1641 г., Синадин делит список погибших на 2 части: сначала названы христиане (они умирали только с мая по июль, поэтому турки, также умиравшие и зимой, даже обвиняли христиан в колдовстве³³), а только потом турки. Внутри «христиан» никакого более дробного деления нет, при этом двое из списка имеют явно негреческое происхождение: это торговец Петкос (Πέτκος) и ткач Асанис (Ἀσάνης)³⁴. Равным образом и другие персонажи со славянскими именами упоминаются без каких-либо специальных комментариев или пояснений: в числе прочих это умерший в 1625/1626 г. ювелир Асанис (Ἀσάνης) — человек незлой, выказывавший любовь и уважение к монахам и монастырям, но по слухам повинный в грехе прелюбодеяния³⁵; один из участников путешествия на Афон, предпринятого Синадином и его отцом в 1630 г., — Петкос Ападзис (Πέτκος ὁ Ἀπατζής)³⁶. Автор никак не выделяет их из основной массы греческого населения.

С другой стороны, Синадин прекрасно осведомлен о существовании сербов, болгар, вlahов, албанцев и других народов. Наиболее полный перечень народов, известных Синадину, помещен в рассказе о чуме 1641 г. Он пишет: «В тот же год с месяца сентября всю зиму и все лето бушевал страшный мор по всему миру, он охватил Мисир [Египет. — Л.Л.], Анатолию, Прусу, Константинополь, острова, Румелию, Фессалию, Салоники, Сербию, Болгарию, Филиппополь [Пловдив. — Л.Л.], Мелник, Сидирокастро, Драму, Зинокорья, Серры»³⁷. Тогда по всему миру плакали «турки и христиане, евреи и цыгане, коинары и крестьяне, армя-

не и караманлийцы (Καραμανλήδες), арабы и отеакали (Ότεακαλήδες)³⁸, франки и прибрежные жители, сербы и болгары, влахи и албанцы»³⁹. Это перечисление интересно не только обилием и разнородностью сообщаемых сведений, но и тем, что начинается он стандартным списком из 4 групп, который мы видели выше. Складывается ощущение, что какие-то специальные обозначения, вводящие дробное деление таких групп, как «турки» и «христиане», оказываются нужны автору только в том случае, когда он говорит о «всем мире». В то же время при рассмотрении жизни Серр подобное деление не используется, вероятно, как не вполне актуальное для реальной жизни города.

На более высоком уровне, чем город, в картине мира Синадина находится область. Он не использует для этого понятия какой-либо специальный термин, однако из текста «Хроники» очевидно, что для него чрезвычайно важно отнесение себя к некоей географической единице, большей чем город. Такой единицей для него оказывается Македония: рассказывая об осквернении церкви архангела Михаила в Серрах, он говорит, что «великую благодать потеряла вся Македония» (ὄλη ἡ Μακεδονία), так что это стало утратой и для христиан, и для мусульман, так как и они тоже чудесным образом исцелялись там⁴⁰. В другом случае Македония противопоставлена «всему миру». Доказывая, что Богородица особо покровительствует Македонии, Синадин говорит следующее: «Также, брат, знай, что Христос весь в Иерусалиме <...> но равным образом и во всем мире. Так и Пресвятая всецело в Македонии, то есть в Косинице на своей нерукотворной иконе»⁴¹. Чуть ниже автор развивает эту мысль: «Видишь, брат мой, сколь велика благодать в Македонии от Богородицы, такой нет и во всем мире <...> Знай наверняка, что эта Македонская земля (ὁ τόπος τῆς Μακεδονίας) — это сад Пресвятой моей Девы <...> и она оберегает и сохраняет от всяческого зла христианский род, что обитает под ее покровительством в области Македония (εἰς τὸ κλίμα τῆς Μακεδονίας)»⁴². Затем цитируются слова апостола Павла из послания к Филиппийцам и говорится «...и это тебе показывает, что Пресвятая пребывает у Филиппийцев, то есть во всей Македонии (ἦϋουν εἰς ὅλην τὴν Μακεδονίαν)»⁴².

Интересно, что эта «македонская» самоидентификация имеет мало общего с той, что мы встречаем у Ставриноса, когда он рассказывает о 300 греках, сражавшихся на стороне Михая Храброго с многотысячным татарским войском. Греки-«ромеи» (Ρωμαῖοι) чувствовали, что их валашские наниматели поставили их в безвыходное положение, обрекая либо на гибель (если они выйдут против татар без подкрепления), либо на позор (если они вернуться за подмогой). Ставринос приводит монолог героев: «Разве вы не видите, что влахи хотят сожрать нас? <...> До каких пор влахи будут ненавидеть нас? До каких пор нас будут презирать

все от мала до велика? Царь Александр подчинил всю ойкумену благодаря ромеям, ведь они были мужественны <...> Если мы македонцы (Μακεδόνες), то давайте проявим себя, давайте сегодня прославим наш род и родину».⁴³ Очевидно, что произносящие эти слова греки осознают себя полноправными преемниками античных греков времен Александра Македонского, обозначая их именно словом «ромейи», то есть усваивая им свое собственное самоназвание⁴⁴.

Тот же статус, что и Македония, имеют Болгария и Фессалия: «...и подобно ему не было во всей Македонии, Фессалии и Болгарии»⁴⁵. В представлении Синадина в отношениях между людьми общее происхождение из какой-либо местности не менее важно, чем религиозный или языковой фактор: Кеманкеш Кара Мустафа Паша, великий визирь с 1638 по 1644 г., «проявил большую сердечность» к церковной комиссии, договаривавшейся в 1641 г. о снижении долга Вселенского патриархата, «поскольку они с патриархом [Парфением] были земляки (συντολίτες) из Албании»⁴⁶.

Весьма интересным представляется одно упоминание «сербов». Синадин подробно рассказывает о перенесении мощей св. Параскевы Новой в 1641 г. в Яссы⁴⁷. Василий Лупу, господарь Молдавии в 1634–1653 гг. (в терминологии Синадина, «бей»), отправил в Константинополь посольство с просьбой отдать ему мощи св. «Параскевы Сербской из Белграда» (Παρασκευῆς τῆς Σέρβας τῆς Μπλελογραδενῆς)⁴⁸, предлагая в обмен выплатить весь долг Вселенского патриархата. За торжественным перенесением мощей последовали чудесные исцеления. Объясняя их природу, Синадин замечает: «Добавим следующее: почему святая стала чудотворить в Молдавии? Ответим на это: она стала чудотворить по всей справедливости <...> А почему же в Константинополе она совсем не чудотворила, хотя пребывала у них столько лет? Скажем на это: она не чудотворила по всей справедливости, ведь ее забросили в угол и не выказывали никакого почтения и благочестия, а только говорили: “Какая-то сербка, и что она сделала, что стала святой?” (Μία Σέρβα καὶ τί ἔκακε καὶ ἁγίασεν.) Вот по их неверию она нисколько и не чудотворила. Видишь, брат мой, как из-за того, что жители Константинополя (Πολίτας) не оказывали святой никакого почтения, с каким умыслом и целью всеблагой Бог вселил в сердце молдавского бея [желание] забрать ее оттуда, чтобы жители Константинополя потеряли столь великое сокровище?»⁴⁹.

Впрочем, весьма вероятно, что этот эпизод следует интерпретировать не как свидетельство о пренебрежительном отношении в Константинополе к сербам в целом или Сербской церкви в частности, а скорее как отзвук недовольства Синадина политикой Вселенского патриархата и желания показать столицу развращенной богатствами и, как следствие, полностью лишенной духовности.

К сожалению, как это часто бывает, указания на самые важные для судьбы рассказчика линии этно-конфессионального (социального? регионального?) напряжения между различными группами населения наиболее энigmatичны. В ряде случаев определить, кто скрывается в «Хронике» под тем или иным обозначением, не представляется возможным. Рассказывая о конфликте с митрополитом Серр Даниилом, Синадин описывает, как его отлучили и предали анафеме, подготовили для отправки в столицу документ с перечислением его проступков и публично зачитали в Великую субботу 13 апреля 1639 г. Особенно унижительным было то, что это слышали «и жители Мелника, и деревенские, и священники, и чужие (ξένοι)»⁵⁰. Те же «чужие» упоминались в этой главе и раньше, когда Синадин рассказывал о попытках очернить его. Очевидно, что эти «чужие» никоим образом не отождествляются с «турками», поскольку Синадин пишет: «...а все то, что они говорили сами собой, и все то, на что они жаловались туркам и чужим (εις Τούρκους και εις ξένους) <...> невозможно даже перечислить»⁵¹. Вероятно, подобная расплывчатость характеристик связана с желанием автора обойти стороной неприятные лично для него эпизоды, в которых он мог бы предстать в неблагоприятном свете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самая поздняя дата, упомянутая в тексте, — 10 августа 1642 г.: *Conseils et mémoires de Synadinos, prêtre de Serrès en Macédoine (XVII s.)* / Ed. P. Odorico, avec la collab. de S. Asdrachas, T. Karanastassis, K. Kostis, S. Petmézas. Paris, 1996. P. 34.

² Значительная часть наставлений представляет собой переложение перевода «Дистихов» Катона византийским автором XIII в. Максимом Планудом: *Καραναστάσης Τ. Ο Κάτων στη μεταβυζαντινή γραμματεία και η περίπτωσή του Παπα-Συναδινού* // Αφιέρωμα στον Ε. Κριαρά. Πρακτικά επιστημονικού συμποσίου 3 Απριλίου 1987. Θεσσαλονίκη, 1988. Σ. 162–179, здесь: σ. 172–177.

³ *Strauss J. Ottoman rule experienced and remembered: Remarks on some local Greek chronicles of the Tourkokratia* // *The Ottomans and the Balkans: A discussion of historiography* / Ed. F. Adanir, S. Faroqhi. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 193–221.

⁴ *Todorova O. The Ottoman state and its Orthodox Christian subjects: The legitimistic discourse in the 17th-century «Chronicle of Serres» in a new perspective* // *Turkish Historical Review*. 2010. Vol. 1. P. 86–110.

⁵ *Legrand É. Recueil des poemes historiques en grec vulgaire, relatifs a la Turquie et aux Principautés Danubiennes*. Paris, 1877. P. 28–126.

⁶ *Legrand É. Bibliothèque grecque vulgaire*. Vol. 2. Paris, 1881. P. 231–333.

⁷ *Ibid.* P. 183–230.

⁸ Впрочем, политическая философия самого Матфея также была не лишена противоречий: *Луховицкий Л. В. «Умер нечестивый эмир... он очень любил и самих христиан, и церковь Христову»: Греческое самосознание в хронистике начала XVII в.* // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Вып. 2. М., 2016. С. 30–43.

- ⁹ О полемических выпадах Матфея против ислама см.: *Vincent A. Byzantium regained? The history, advice and lament by Matthew of Myra // Thesaurismata. 1998. Vol. 28. P. 275–347*, здесь: p. 325–327.
- ¹⁰ *Conseils... P. 60. l. 57–58.*
- ¹¹ *Legrand É. Bibliothèque grecque vulgaire... P. 317.*
- ¹² «Свершения эллинов» (*Ibid. I 1.17. P. 54*), «эллинский род» (*Ibid. I 3.3. P. 56*).
- ¹³ «Ромейский род» (*Ibid. I 3.1. P. 56*).
- ¹⁴ «Всех нас греков» (*Ibid. I 3.78. P. 60*).
- ¹⁵ *Detrez R. Pre-national identities in the Balkans // Entangled histories of the Balkans. Vol. 1: National ideologies and language policies / Ed. R. Daskalov, T. Marinov. Leiden; Boston, 2013. P. 13–65*, здесь: p. 36.
- ¹⁶ *Ibid. I 9.24ff. P. 78.*
- ¹⁷ *Ibid. P. 341–342.*
- ¹⁸ *Ibid. I, 14.60ff. P. 88.*
- ¹⁹ *Ibid. IV 13.1–11. P. 302–304.* Об этом фрагменте в контексте языковой ситуации в Османской империи см.: *Strauss J. Diglossie dans le domaine Ottoman: Évolution et péripéties d'une situation linguistique // Revue du monde musulman et de la Méditerranée. 1995. Vol. 75–76. P. 221–255*, здесь: p. 234–236.
- ²⁰ Издатели переводят «en langue grec moderne».
- ²¹ В интерпретации издателей — «en grec classique».
- ²² Таким образом, глагол ἐλλήνιζω значит «говорить/писать на литературном греческом», а τουρκεύω используется либо как переходный глагол со значением «обращать в ислам» (*Conseils... I 9.1. P. 76; I 9.14–16; P. 78*), либо как непереходный глагол «принимать ислам» (*I 14.52. P. 88; I 15.22. P. 90*).
- ²³ *Ibid. IV 13.16–19. P. 304.*
- ²⁴ Наиболее частая оппозиция «христиане» — «турки» иногда реализуется в виде: «наш род» (τὸ ἡμέτερον γένος) — «агаряне» («Ἀγαρηνοί»): *Ibid. I 24.13–14. P. 112.*
- ²⁵ *Ibid. I 36.34–35. P. 170.* Ср. об эпидемии 1623 г.: «...и вот в июне и июле умерло множество людей, и турки, и христиане, и евреи, и цыгане. Всего умерло до 8 тысяч» (*Ibid. I 15.7–8. P. 90*).
- ²⁶ *Ibid. I 14.18ff. P. 84–86.* Разграбление произошло вопреки решению кади, а Мехмет потом безуспешно пытался найти справедливость в Константинополе. Тодорова усматривает в этом эпизоде характерную для Синадина уверенность в справедливости высшего суда султана и недоверие к местным судебным властям: *Todorova O. The Ottoman state... P. 97–98.*
- ²⁷ *Ibid. II 9.71–76. P. 204–205.*
- ²⁸ *Ibid. P. 351–352.* С. Петмезас приводит несколько другие цифры: в 1567/1573 г. население города составляло около 6000 человек, из них: 67,4% — мусульман, 27,74% — христиан, 4,86% — евреев: *Πετμεζάς Σ. Έρευνες σχετικά με τη δημογραφία και το οικιστικό πλέγμα της περιοχής των Σερρών κατά το 15ο και 16ο αιώνα // Οι Σέρρες και η περιοχή τους από την Αρχαία στη Μεταβυζαντινή κοινωνία. Σέρρες, 1998. Τ.1. Σ. 295–310*, здесь: σ. 288, 307–308.
- ²⁹ Отождествление см. в: *Conseils... P. 387–388*; этимологию см. в: *Strauss J. Ottoman rule... 197–198.*
- ³⁰ *Conseils... I 29.81ff. P. 126.* Ср. об этом фрагменте с точки зрения экономических реалий периода: *Ἀσδραχάς Σ. Η οἰκονομία καὶ οἱ νοοτροπίες: Ἡ μαρτυρία τοῦ*

Χρονικοῦ τῶν Σερρῶν, τοῦ Νεκταρίου Τέρπου καὶ τοῦ Ἀργύρη Φιλππίδη // Τετράδια ἐργασίας: Σεμιναριακὰ μαθήματα. Ἀθήνα, 1984. Τ. 7. Σ. 91–125, здесь: σ. 97–98.

³¹ Conseils... III 17.18. P. 248.

³² Некий Христодул «был евреем, но в юности возлюбил веру, стал христианином и претерпел множество бед от завистливых иудеев» (Ibid. I 13.12–13. P. 82–84).

³³ Ibid. I 36.95–98. P. 174.

³⁴ Ibid. I 36.119. P. 176.

³⁵ Ibid. I 18.4–8. P. 96.

³⁶ Ibid. I 21.25. P. 102.

³⁷ Ibid. I 36.24–28. P. 168.

³⁸ Издатели объясняют этот термин как «seux qui font partie des autres minorités de l'État» Ibid. P. 396. Штраус предлагает перевод «жители Анатолии», возводя это слово к *ðteyakali* — «those from the opposite shore» *Strauss J. Ottoman rule...* P. 199, n. 26.

³⁹ Conseils... I 36. 37–42. P. 170.

⁴⁰ Ibid. I 24.11–12. P. 112.

⁴¹ Ibid. IV 15.1–4. Имеется в виду монастырь Богородицы Икосифиниссы в Восточной Македонии.

⁴² Ibid. IV 18.1–11. P. 312.

⁴³ *Legrand É. Recueil des poemes...* P. 38, l. 153–161.

⁴⁴ *Vincent A. From life to legend: The Chronicle of Stavrinou and Palamidis on Michael the Brave // Thesaurismata. 1995. Vol. 25. P. 165–238, здесь: p. 204–205.*

⁴⁵ Conseils... I 36.127–128. P. 176.

⁴⁶ Ibid. I 35.111–112. Отмечено в: *Kolodziejczyk D. The «Turkish yoke» revisited: The Ottoman Empire in the eyes of its non-Muslim subjects // Zones of fracture in Modern Europe: The Baltic countries, the Balkans, and Northern Italy / Ed. A. Bues. Wiesbaden, 2002. P. 157–164, здесь: p. 162.*

⁴⁷ Conseils... I 35.47ff. P. 162–164.

⁴⁸ Мощи св. Параскевы после обретения были погребены в ее родном селении Епиваты (или Калликратии) во Фракии, но затем на протяжении столетий несколько раз переносились: *Луховицкий Л. В. Рассказы о перенесении мощей и паломничествах к мощам св. Параскевы Епиватской как источник по истории этноконфессиональных отношений на Балканах в XVII в. // XXVII конференция памяти В. Д. Королюка. Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. С. 44–48.*

⁴⁹ Conseils... I 35.64–79. P. 166.

⁵⁰ Ibid. I 31.49–50. P. 142.

⁵¹ Ibid. I 31.44–46. P. 142.

Н.Д. БЛУДИЛИНА

(Институт мировой литературы РАН /
Институт славянской культуры
Российского государственного университета
им. А.Н. Косыгина, Москва)

**К ИСТОРИИ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ
ВЛАСТЕЙ И НАРОДОВ РОССИИ И ЧЕРНОГОРИИ.
ПО ПЕРЕПИСКЕ ПЕТРА I ПЕТРОВИЧА НЕГОША
1784–1798 гг.***

Abstract:

Bludilina N.D. *To the history of relations between the authorities and the peoples of Russia and Montenegro. Based on the correspondence of Peter Petrovich Negosh, 1784–1798*

The article discusses different aspects of the history of relations between the authorities and the peoples of Russia and Montenegro based on the correspondence between the Metropolitan Peter Petrovich Negosh — sovereigns of Montenegro — and the Russian Catherine II and Paul I in 1784–1798. Fragments of the letters (from the collections of the Russian State Archive of Ancient Documents, the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the National Archives and the Library of Montenegro, archival and library collections of the Cetinje monastery) are presented here for the first time.

Ключевые слова: Россия, Черногория, русско-черногорские связи, Екатерина II, Павел I, владыка Петр I Петрович Негош, рукописные, печатные источники.

История архива Петра I Петровича Негоша подробно описана известным черногорским ученым-текстологом доктором Евто М. Миловичем¹. Цетинский архив, в котором находились копии писем Петра I и многие другие драгоценные исторические документы его времени, был закопан в землю во время Первой мировой войны. Вследствие высокой влажности документы были повреждены или совсем уничтожены. Многие рукописи Петра I находились под кровом Цетинского монастыря и на чердаке здания бывшего русского посольства в Цетинье: «их мыши погрызли и зуб времени уничтожил». Многочисленное собрание писем и другие рукописи Петра I хранились в полицейском архиве в Которе, а после Второй мировой войны погибли. Так пропали многие исторические документы великой ценности. В Историческом архиве в Которе было большое собрание Петра I в фонде Административно-политических

* Работа выполнена в рамках проекта «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ» № 15-34-11073 при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ).

(«Управно-политически») рукописей, и их влажность совсем уничтожила. Многие собрания писем Петра I и другие рукописи взяли из Черногорских архивов и монастырей черногорские и иностранные литераторы и ученые: Симо Милутинович, Марко Драгович, Александр фон Ройц, Александр Иванович Александров и др.

С 1951 г. доктор Евто М. Милович объявил и организовал копирование всех сохранившихся рукописей Петра I, которые были найдены в Черногории и других государствах. Это начинание помогло спасти от гибели многие документы для будущих поколений. Сохранившаяся часть рукописей разрозненного архива Петра I была опубликована Евто М. Миловичем в двух книгах: «Петр I Петрович Негош. Письма и другие документы»².

В 2014 г. Институтом славяноведения РАН был издан сборник статей «Императорский Дом Романовых и Балканы», там представлены близкие к нашей теме статьи³.

В результате проведенного нами обследования рукописных собраний отечественных архивохранилищ: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ); и печатных источников Национальной библиотеки Черногории, архивного и библиотечного собрания Цетинского монастыря (Черногория) — был составлен свод документов (эпистолярных и одной грамоты) 1784–1798 гг. по разделам:

1. Переписка Петра I Петровича Негоша с Екатериной II, Павлом I, наследником престола, великим князем Александром (будущим императором Александром I). Грамота Екатерины II черногорскому владыке и народу.

2. Отдельно можно выделить совместные письма Петра I Петровича Негоша и Черногорского Общенародного Совета, послания черногорских «главарей» Екатерине II и Павлу I.

3. Переписка Петра I Негоша со Святейшим Синодом и российскими духовными лицами; в частности с митрополитом Санкт-Петербургским; с государственными деятелями, особо приближенными к престолу, — А. Мордвиновым, П.А. Зубовым, И.А. Паниным и др.

Часть этих документов во фрагментах впервые публикуется в данной статье по рукописным и печатным источникам, с сохранением орфографии оригинала (кроме устаревших букв: *ер*, *ижцица*, *фита*, *ять* и др.)

* * *

Осветим основные факты биографии Петра I Петровича Негоша — митрополита Цетинского и владыки Черногории (1782–1830), на основе двух главных трудов: митрополита Митрофана Бана (1844–1920) «У кратко животопис Светога Петра Митрополита Црногорскога»⁴ (был открыт

Предрагом Вукичем в архиве монастыря Острог и впервые опубликован в 2005 г.) и архимандрита Юстина Поповича «Житие Светог Оца нашего Петра Првог Митрополита Цетињског и Чудотворц»⁵.

Он родился в апреле 1747 г. или в сентябре 1748 г. в Негушах, от набожных родителей Марка Дамианова Петровича и Ангилины-Анфисы, урождённой Мартинович. Его мирское имя точно не известно, но в народе существует предание, что при крещении ему было дано имя Лука. Брат его деда Дамиана — знаменитый владыка Даниил (Петрович) — первым из семьи Петровичей-Негошей стал черногорским митрополитом. После смерти владыки Даниила в 1735 г. его преемником стал дядя Петра — Савва, и с тех пор митрополичий, а затем и княжеский престол стал в семье Петровичей наследственным, переходя от дяди к племяннику.

В 1758 г. владыка Савва выбрал из четырех сыновей своего племянника Марка себе в преемники 10-летнего мальчика, прозрев в нем будущего святителя и народного вождя. Живя в Цетинском монастыре, будущий святитель учился книжной премудрости под руководством митрополита Саввы и своего наставника — инока Даниила. В 12 лет он был пострижен в монахи с именем Петр, а в 17 — рукоположен в иеродиакона.

В 1765 г. соправитель и двоюродный брат владыки Саввы митрополит Василий отправился в третий раз в Россию за помощью для Черногории и взял с собой иеродиакона Петра для продолжения образования в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Но учение продолжалось недолго. 10 марта 1766 г. митрополит Василий скончался в Санкт-Петербурге, и его племянник был вынужден вернуться домой.

Здесь он стал ближайшим помощником митрополита Саввы, который рукоположил его в иеромонаха, а вскоре сделал архимандритом. В 1768 г. в Черногории появился самозванец Степан Малый, выдававший себя за чудом спасшегося русского царя Петра III. Князь Ю.В. Долгоруков, посланный из Петербурга его разоблачить, посчитал полезным для интересов России утвердить Степана Малого правителем Черногории. В сентябре 1773 г. Лже-Петр был убит своим слугой-греком, подкупленным скадарским пашой.

После его смерти в Черногории настали смутные времена, и владыка Савва, отодвинутый в тень во время правления Степана Малого, отправил архимандрита Петра в Россию за помощью. Эта поездка не имела успеха, так как императрица Екатерина II не захотела его принять.

В 1781 г. скончался 100-летний митрополит Савва. Его преемником стал другой его племянник и прежний помощник, нелюбимый в народе Арсений (Пламенац), замещавший владыку во время правления Степана Малого. Через три года он также скончался, и на черногорский престол всем народом был выбран архимандрит Петр.

13 октября 1784 г. в соборной церкви в Сремских Карловцах Петр был рукоположен сербским митрополитом Моисеем (Путником) в митрополита Черногорского, Скендерийского и Приморского.

Получив грамоту о рукоположении, святитель выехал через Вену в Россию, по приглашению своего знакомого сербского происхождения генерал-майора С.Г. Зорича. Еще из Вены митрополит писал князю Г.А. Потемкину, прося устроить ему аудиенцию у императрицы. Но Потемкин обвинил Петра по лживым наветам в самозванстве: «Как можно быть архиереем без допуска русского Синода?»⁶ (это была подлая клевета врагов владыки и его народа, что Святейший Синод призывал митрополита для переговоров в Санкт-Петербург, что было опровергнуто черногорским правительством, о чем оно известило двор и русский Синод⁷) и велел выслать Петра из России спустя три дня после его приезда в Санкт-Петербург. Несмотря на протест, святитель был насильно посажен полиции в экипаж, который гнали без отдыха, через Полоцк и Полочин, пока не достигли государственной границы и не выдворили митрополита за пределы страны. Узнав позднее об этом, Екатерина II просила его вернуться, но Петр, страшно огорченный клеветой, решил никогда больше не приезжать в Россию, хотя и сказал посланным, что просит ее величество «знать», что он «всегда будет предан русскому царскому престолу»⁸, и свое слово сдержал. В ризнице Цетинского монастыря хранятся: напрестольное Евангелие в серебряном окладе с позолотой и напрестольный крест из литого серебра с позолотой; плащаница (на ткани — темнокрасном плюше, вышитом золотом, олеографией изображено тело Христа, очень рельефно, с вышитыми частями одежды и ткани, на которой оно лежит, вокруг всей плащаницы течет молитва), — священные дары, которые Екатерина II в знак искреннего покаяния прислала вместе с другими подарками Петру, после «обнаружения» необоснованных интриг, в которых обвинялся этот искренний и великий друг России⁹.

Пока Петр был за границей, скадарский паша Махмуд Бушати в 1785 г. напал на Черногорию и сжег Цетинский монастырь, на обратном пути опустошив Приморье. Вновь избранного митрополита после возвращения встречали разорение и голод. Благодаря тому, что он привез картофель, который приобрел в Триесте, эта культура была распространена в Черногории, и многие тогда спаслись от голодной смерти.

С первых шагов на родной земле в новом сане святитель стал бороться с обычаем кровной мести, который был бичом в стране. Целые семейства погибали из-за взаимной вражды, многие из страха за свою жизнь даже бежали в Турцию и принимали ислам. Петр, где уговорами, где угрозой проклятия мирил поссорившиеся семьи. Также он стремился искоренить в народе воровство и народные обычаи, противоречащие

православному учению. Владыка много потрудился на ниве просвещения народа и борьбы с бедностью. С этими проблемами и заботами он обращался за помощью в своих письмах к властям в Россию, которую он естественно по-христиански любовно воспринимает как братскую державу единого православного закона.

«Я сие Вашему високопреос[вя]щенству отважился донести, ... да бы обстоятельства моего отечества и духовнаго стада и усердие их к России знали, а мене нижайшаго слугу и богомольца своего в покровительство и милость свою содержать соизволили», — так написано в заключение письма Петра I Петровича Негоша от 26 ноября 1784 г. (г. Нови Сад) Святейшему Синоду¹⁰, когда уже тот уверился в невинности митрополита. Владыка там же извещает митрополита Петербургского, что священство и народ Черногории и «Примории» избрали своего архипастыря. Он пишет, что черногорскому народу необходимы школа, типография и другие учреждения, которые он намерен основать от приходов церковных и милостыни, надеясь на помощь России: «Но будучи духовно мое стадо и любимо отечество почти безпрестанно с оружием в руках истинное благочестие и дражайшую вольность свою от злочествых махометан и тиранскаго от ига защищать и к тому паче силы иждивения употреблять должны, по причине чего не имея капиталу на заведение типографии и училищ и так лишаются обоего и многих обще полезных учреждены и всего что наука дать может, об чем больше всего сожалею и нестерпимое желание в себе чувствую, да бы возможи на сие, елико силы моей будет от собственных моих и монастырских приходах и где возможно будет собирати совокупляя и оную государем императором Петром Великим цетинскому Рождественскому монастырю в три годи по пяти сот рублей жалованной милостини и в оном м[о]н[асти]ре, аще ми десниса Божия поспешит, хотя маленькую для обучения детей намеряю завести школу»¹¹. При этом митрополит просит Синод, чтобы милостыню для Цетинского монастыря без его письменного одобрения никому не передавали.

Также он уверяет Синод в своей и народа черногорского верности покровительнице России: «...мы верны и всегда к повелениям величества ея готови слуги хотя и в дальняя крайи отстоим, но в разсужденый нашей верности и горящаго к российской империи усердия всегда могут нас оная империи самодержица считать в число своих подданих, ибо ми иних разве российских государей над собою не признаем, по чему еще с 1711го года оних яко державних царей наших во всех церквах велегасно всюди поминаем»¹².

Это послание было опубликовано Евто М. Миловичем в книге первой «Петар I Петровић Његош. Писма и други документи (1780–1820)...» в двух редакциях: под № 8 и 9. Мы публикуем фрагменты письма под

№ 8 по редакции, указанной в сноске труда М. Дмитриевича «Грађа за српску историју из руских архива и библиотека»¹³, в котором он отмечает, что оригинал хранится в Архиве Св. Синода в Санкт-Петербурге в деле 338 за 1785 г. Мы предполагаем, что это письмо, присланное в Россию, переписанное секретарем владыки, с оригинальной подписью митрополита Черногорского, ныне его нужно искать в собрании РГАДА в фонде «Сношения России с Черногорией». Во второй редакции под № 9 письмо публикуется по книге Душана Д. Вуксана «Политичка и друга интересантнија писма из времена митрополита Петра I»¹⁴, и, судя по вкраплениям слов сербского правописания, возможно, оно было там напечатано с рукописного оригинала Петра I Петровича, который был впоследствии утрачен. Не сохранился и возможный ответ из Санкт-Петербурга на это послание.

Прошли три года, началась русско-турецкая война 1787–1791 гг. (это была безуспешная попытка Османской империи вернуть себе земли, отошедшие к России в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в том числе и Крым, русские одержали ряд важнейших побед, как сухопутных, так и морских) — Россия нуждалась в военных союзниках.

И русская правящая элита — уже напрочь забыв о нанесенных ранее по клевете его врагов обидах черногорскому митрополиту и теперь высоко оценив достоинства его правления, как бы вспоминая слова владыки из предыдущего послания о своем народе, что они «верны и всегда к повелениям величества ея готови слуги...», — в лице своего посланника в Венеции А.С. Мордвинова обращается за помощью к Петру I Петровичу Негошу в письме от 4 февраля 1788 г.: «Ревность предместников ваших к высочайшему двору моему, так же и всего православного народа, коим вы теперь по духовенству управляете, известна всем, а особливо всеавгустейшей моей монархине, по чему надеемся и должно, что ваше высокопросвященство по известной в вас способности, отменных дарованиях и примерной жизни не затруднитесь пристать к нам по притчине закона, который нас с вами соединяет, вот время в которое вы сие доказать можете и учинить сим угодное дело Богу, всемилостивейшей моей Государыне и народу, коим вы столь похвально управляете»¹⁵.

Обстоятельства, вынудившие русское правительство обратиться к черногорскому властителю и народу, весьма драматичны: «Война которую Порта оттоманская Империи нашей объявила возбудила сердца всех верных подданных Ея императорскаго величества привесть Ее в должное раскаяние, дабы подобная отвратность памятна была ей в предь, народы все Единого с нами Закону не откажутя конечно к нам присоединитя, а тем более храбростию известные черногорцы, кои во всякое время выказывали истинное счастье в приобретении Славы России. Возпользуй-

тесь ваше высокопросвященство сим счастливым расположением к нам; народа вашего изделайте имя ваше безсмертным»¹⁶.

Мордвинов кратко разъясняет, что требуется от «храбростию известных» черногорцев: «Флот Ея императорскаго величества по прибытии в Средиземное море будущего месяца способствовать будет в предприятиях ваших, иже будучи полномочным Ея при республике венецианской министром, не премину донести о усердии к моей монархине вашему и будьте уверены, что зделанные вами услуги без признательности конечно не останутся»¹⁷.

Вослед этому письму послана Грамота императрицы Екатерины II от 14 марта 1788 г. Петру I Негошу и всему черногорскому обществу, о чем свидетельствует обращение к адресатам грамоты: «Преосвященным митрополитам и прочим архиереем и всему духовенству, Благородным, Почтенным, и нам любезно верным Правителям, Начальникам, воеводам, князьям, дворянам и всем Гражданам, славных и храбрых Черногорских и иных им Единоплеменных народов, наши императорские благоволение и милость»¹⁸.

Разъясняются вновь обстоятельства, почему Россия обратилась к черногорскому единоверному народу: «Известно уже вам каким вероломным и наглым образом не примиримой враг Креста Господня паки вызвал нас на брань, и что мы паки принуждены нашлись в оборону церкви Православной, и в отмщение оскорбленного достоинства царскаго венца нашего обратить на него сухопутныя и морския наши силы»¹⁹. Упоминаются в Грамоте и причины высшего порядка: «Храбрых Черногорских и прочих им Единоплеменных народов горячисть к вере Православной, и приверженность ко Всероссийским Самодержцам, исповедующым Оную со всем царством их, ведомы всему свету наипаче же со времен безсмертнославнаго императора Петра Великаго, удостоверенны будучи в таковых же распоряжениях сих народов...»²⁰

В Грамоте сказано, что «в ожидании покуда флот наш и войска на нем отряженныя под Главным Начальством нашего адмирала Грейга достигнут Средиземнаго моря и мест оному прилежащих для поражения неприятеля нашего, для исторжения народ христианских из под ига агарянскаго, и для обезпечения свободы и без опасности тех, кои до селе еще храбрость от предков наследуемою противоборствуют врагам»²¹, отправлен «сухим путем» в Италию генерал-поручик Заборский.

Его снабдили «доверенностию и наставлением нетокмо приуготовить все для нашего ополчения нужное; но внять прошениям и желаниям народов христианских к тому краю прилеглых, удовлетворить по возможности и всякое подать утешение» и поручили открыть с черногорцами сношение и преподать им «обнадежения о наших императоских милости

и Благоволении ко всем вам, и есть ли Благочестие неверными погружаемое, Свобода от них угрожаемая и угнетаемая, без опасностей и покоя ими нарушаемая вдохнут в вас ревность разделить с нами подвиг противу врага Имени Христианского, в таком случае о мерах подъятия оружия и о пособиях вам в том, с вами согласится, в чем имейте к нему веру, и будте благонадежны, что мы всегда на сердце иметь будем стараться обезпечить вас по всей возможности; тех же кои отменное к общему благу усердие и храбрость окажут, нашу монаршею милостию и воздаянием отличить не преминем»²².

Сохранились три копии Грамоты в АВПРИ в фонде «Сношения России с Черногорией», все они подписаны (завизированы) канцлером графом Иваном Остерманом. В деле № 2 (л. 58) — копия подготовлена точно с оригинала: расположение текста «альбомное», в конце указано: «На подлинной под писано собственною ЕЯ Императорскаго величества рукою тако ЕКАТЕРИНА».

В деле № 30 (л. 40–42) — копия, возможно, написанная собственноручно Остерманом (идентичен почерк текста и подписи) — совпадает в основном тексте с копией в деле № 2, но есть и отличия: четко выделены абзацы, расположение текста на 3 листах не «альбомное»; в конце есть приписка после собственноручной подписи «Граф Иван Остерман»: «Адрес на конверте с грамоты. Преосвященным митрополитам и прочим архиереям и всему духовенству, Благородным, Почтенным, и нам любезно верным Правителям, Начальникам, воеводам, князьям, дворянам и всем Гражданам, славных и храбрых Черногорских и иных им Единоплеменных народов».

В деле № 23 (л. 1) хранится писарская копия — в конце текста помечено: «Контросигнировал Граф Иван Остерман». Ее текст значительно отличается от копий дела № 2 и дела № 30: возможно это первоначальная черновая редакция текста грамоты, составленная под диктовку Остермана.

1 августа 1788 г. от Петра I Петровича Негоша последовало ответное благодарственное письмо Екатерине II: «Милость ко мне и грамота к нашему народу от ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА присланные, преисполнили меня и народ сей благодарною радостию и надеждою о благопризрении ВАШЕМ над нами. Ревность к России, наследная мне от предшественников моих сохраненная непоисле — была против буры напастей, тем вяшше воспламенеется, чем более помышляю о едино верию и едино народию россиян с нами»²³. Черногорский владыка, «помышляя о гремящей славе величайшей, благодетельнице нашей, не нахожу довольно слов могущих изъяснить тое, чего душа моя в сия часи с наслаждением чувствует того ради язык мой против воли моей молчанием вяжется», особо отметил оценку в Грамоте стараний его правления: «Труди мои

в народе и воинстве нашем, и теплия пред всемилосерднаго престола прошения...»²⁴ В заключение собственноручного послания Петр I Петрович в знак своего «благодарения и все покорнейшей подданности себе и народ сей в ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительстве, и жельно ожидаемой помощи уповающий яко пастырь стада черстова повергая к священным стопам высоко матернаго милосердия...»²⁵

Весьма примечательно, как колоритное добавление к письму Петра I Петровича, послание черногорских «главарей» от 22 декабря 1788 г. Екатерине II, которое избилует сербским наречием и правописанием (их перевод дан в подстрочных примечаниях): «На толике грамате и манифесте, коису* прислати к нама у Церну гору, чрез посланих ВАШИХ офицеров. Мысмо** были верло*** довольни и ради, ма**** когасмо преће***** мы просили, сада***** и опеть просимо, кога свимы***** единомушно желимо***** имати мећ***** нама; нашега князя Софронию Јоговића, коисе сада находит тамо при ВАШЕМ Дворе. Кои може учинить свамо у наше стране велика дела ради ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Потом мы знамо що ест он верло разумен и пощен*****; а нама много любим поради негове высокофамилие Јоговића. А косуга***** нов***** низи люди подли тамо обносили, бесчестили и хулили несправедливо и бездушно, коее нама извесно было многими приходящими овамо***** , за коее нама много жао, на такво хуловне злобнихи людей. А що он князь Софрон може учинить овамо с нама: то никто другой неможе с нама како он; признае наше нарави и све обичае и зело нас любит, и наше отечество»²⁶.

Письмо содержит не только прошение о своем соплеменнике князе Софронии Йоговиче, но также и важные сведения об обороне черногорцев от турок и других невзгодах: «...на нас нападет сыла отоманова, ради покорения нас под них несправедливым игом. Но мы не пуццились*****!»

* которые.

** мы.

*** очень, весьма.

**** но, однако.

***** прежде.

***** теперь, сейчас.

***** все мы.

***** хотим.

***** между.

***** честный, порядочный.

***** перекос.

***** новый.

***** здесь, сюда.

***** отступились.

Оборонялись с великим нестатком проху и олову и свега другого, без помоћи никакой, нако* сваке** найти ние одмоћи, от наших соседах, республике венецианске. / Горы неприятель него*** ли безверии Мухамед; границе свое напунит**** арматом****, градове затворит, све оно устегнете***** що нама потребно купити»²⁷.

Черногорские «главари» выражают свое согласие при поддержке России выступить «единым с сербами оружием» против турок, при условии возвращения на родину любезного им князя Софрония, который может возглавить их войско: «Али мы едно с Божом помоћи друго рад надежде кого имамо вазда на ВАШ ВИСОКОПРЕСЛАВНОИ ДВОР, кои сохронят у слободу многе народи Европейске. Но сада сви мы серби черногорци припадаемо ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМЕ ВЕЛИЧАСТУ, и просимо вашу милостивейшу царску особу пошлите с ВАШОМ МИЛОСТИ, к нам князя Софронию Јоговића. Потоме будете видити каква мы дела будемо учинити, овамо с ниме, протива лютого врага, и тирана христианского, коие разарио наша блаженства, и наше любезное отечество. Небудемо пошећети пролити нашу кровь рад ВАШЕГО ВИСОКОСЛАВНАГО ДВОРА РОССИЙСКАГО, и едине православне вере, с нашими союзными доброжелательными сербами, кои зисе находит под турские игом в горах сви оружани с своим собственим оружием»²⁸. В заключение послания следуют подписи следующих черногорских «главарей»: «Губернатор Јован Радонич / Сердар Станислав Радонић / Сердар Јован Петровић / Сердар Богдан Вуковић / Сердар Николае Ђурашковић / Сердар Моисей Пламенац / Войвода Стефан Мартиновић / Войвода Сава Ђурашковић / Войвода Јован Вукотић / Войвода Петер Калуђровић / Кнез Марко Богдановић / Кнез Марко Мартиновић / Кнез Стефан Пламенац / И сви другие кнезови и главари»²⁹.

1 июня 1789 г. было отправлено еще одно письмо от черногорских «главарей» императрице Екатерине II с той же повторной просьбой о возвращении князя Софрония и заверениями в «усердии» российскому престолу³⁰. Неизвестно, последовал ли ответ черногорцам со стороны российских властей: документы по этому вопросу не найдены.

В продолжение темы яростного сопротивления и стойкой обороны черногорского народа против турок Петр I Петрович Негош от 17 апреля 1794 г. сообщает в письме Екатерине II о последних военных и других драматических событиях на своей земле: «Обязан будучи моею и исти-

* затем.

** всякий, каждый.

*** чем.

**** заполнит.

***** армией.

***** зажато.

ностию равным образом со ответственность последовать восславного и исповедания христиан, обретающихся посел в турецком владении, в пределах провинций Герцеговацких, но повсечастному их ополчению противу, противу оттоманской порти, воз буждаеми височайшим всенародным манифести и грамматами от ИМЕННО ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, во время про исходящих ратных действий с портою оттоманскою, состоящих от начала 1769 и 788 Годов, приодоленни будучи противним оружием, за истощанием своих сил, и пленением как церквей Божиих, равно и обителей Святых, такожде и всех своих движимости, лишившись не имеют к тому от селе убежища, прасили от меня и сходатайствования у соседствених потенций, для населения со своими семействи земле, Империи Австрийской, или от республики венецианской, либо от королевства неаполетанскаго владения, со обязательством кондиций приличных закону, и собственной их выгод изданию»³¹.

Эта драматическая весть владыки русским властям о возможном исходе «по их молению» части бедствующего черногорского населения в другие страны, приводит его к единственно верному в сложившихся обстоятельствах решению: «...ведая совершенно приверженность их ко империи российской, и усер[д]ную ревность, и неусипное желание сих народов, стремительно предпринял все ко услугам вашему священнейшему величеству, и любезнейшему отечеству меры, почитая за всеобщую о преселении сих же народов под протекцию и державу, всероссийскую, ползу, преповождая присем прозбу, на раз смотрение ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, данную мне от них коя ясно изображает все обстоятельства и озлобление притеснения, равно и самих их»³². Известно, что черногорцы, присягнувшие на службу российскому престолу, были переселены вместе с семьями в Новороссию; были ранее подобные случаи во времена правления Петра I и Елизаветы Петровны³³.

В 1796 г. Махмуд-паша Бушати вновь напал на Черногорию. 1 июля на скупщине в Цетинье главы всех племен подписали договор, названный «Стега» («Сплочение»), в котором поклялись помогать друг другу и «пролить кровь свою за христианскую правую веру»³⁴. 11 июля у селения Маргиничи черногорцы под предводительством своего владыки разбили турок. Сам Махмуд-паша был тяжело ранен. Петр оценил эту победу как «чудо от самого Господа Бога совершившееся, которому славу и хвалу приносим»³⁵. Но поражение не «научило» Махмуда-пашу, который в сентябре того же года снова вторгся в Черногорию. 22 сентября 1796 г. у села Крусы черногорцы в упорном бою, длившемся весь день, вновь разгромили турок, Махмуд был убит, и его голову отнесли в Цетинье. Череп скадарского паши и сейчас хранится в особом ларце в Цетинском монастыре как напоминание будущим захватчикам об ожидающей их участи.

Эта победа открыла митрополита, придала ему уверенность в силах своего народа и смелость разумения его истинной судьбы, что наиболее ярко было выражено в письме Петра I Петровича Негоша и Черногорско-Общенародного Совета от 30 октября 1796 г. Екатерине II, состоящего из пяти пунктов, каждый из которых (кроме четвертого) собственноручно был заверен владыкой: «1. К сему прошению 2. Православно восточного исповедания 3. Смирений Митрополит 5. Петр Петрович Негош»³⁶.

В послании последовательно рассматриваются государственное устройство Черногории и последние военные события: «3. Все Черногорское Общество которое представляет на себе выд Самовластного правительства, заключающее в себе Черную Гору, и Часть Скандарии коя присовокуплена от времени когда существовала между Россиею и портою оттоманскою вторичная война в 1788 и 789, и прочая годах, в коих по исчислению действительно находится воинства вибо[r]наго на собственном оружии более нежели 12000 Человек...»; «4. По неже Черная гора и присоединенная Часть Скандарии и поныне состоит в самовластном между собой управлении, и не зависящую себе предвидит от порты оттоманской, ниже республики венецианского владения, следовательно имеет свои права и вольности, коими свидетельствуется пре[д] лицом высокославного престола российскийского и прочих Европейских Держав, не точию, чтобы под властною и поработенною себе находила, но све[r]х того имеет свободное военное действие, кое защищает невинность и оправдает не устрешенную в полной мере, при обретенную от древле непрерывно храбрость, что неоспоримым есть и ясным тому доказательство[м] сего года дво кратная война с таким вожделенным успехом, получила вер[x] своего преславного воспешествования, которой ни скудость провианта ни недостаток принадлежащих к войне припасов и снарядов, ни страх многочисленного не приятельского войска, от онаго предприятаго действия воспятить и от торгнуть сыл не имела»³⁷.

Далее следует судьбоносное решение Черногорского Общенародного Совета: «...все сыи Единогласно утвердили и заключили свои намерения с ревностнейшим желанием усердно, единожды определить себя под высочайшую ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПРОТЕКЦИЮ. Со от критиём одной провинции, которая в не продолжительном времени имеет[с]я быть великое количество народа со огнедишущим оружием, с тем чтоб как они так равно и потомство их по них, пребывать в верности и исполнении высочайших повелений, во всяких военных и других касающихся в предь к ползе ВСЕРОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, самаважнейших кои имеют быть возложенны от САМОДЕРЖАВНОЙ ТОЙ ВЛАСТИ, дел и действий, со всяким усердием, рачением и ревностию, без всякаго роптания, и прекословия, и соединит сердца свои и оружие с сердцами и оружием верних сынов российских.

<...> Дабы, высочайшим ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволением, и милостию, повелено было сие наше прошение принять. И причислением нас Черныя Горы и Скандарии по высочайшую протекцию помощь и защиту, присовокупить в Едино Державие владычества вашего. Так же и ГОСУДАРСТВЕННЫМИ утвердить правами, и правилами, военными, духовными, и гражданскими, с преподаванием открытия наук полезных и училищ, со штатами, и соучреждением пошлинных зборов которые могут с помоществовать полным избытием, когда будут существовать строгость и права, и с равномерным же происком рудокопных металлов, коих по видимому предмету избытность не оскудевает. О присилки же о сем от имени ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, коео за благо разсудит ВАША ВЫСОКОМОНАРШИЯ ВЕРХОВНЕЙШАЯ власть, для вящшаго обозрения и совершенной верности, с полномочным ВАШЕГО СВЯЩЕННЕЙШАГО ВЕЛИЧЕСТВА НАСТАВЛЕНИЕМ. И о том учинит милостивейшее разсмотрение и определение за себе и за все Черногорское Общество»³⁸. Это письмо продолжало задуманный ранее проект митрополита Василия Петровича, сопроводителя владыки Саввы, с которым он отправился в 1765 г. в Россию для переговоров с вновь избранной императрицей Екатериной II, взяв с собой Петра, тогда иеродиакона, который, конечно, знал о его замыслах.

Победы при Мартиничах и Крусах (1796) утвердили независимость Черногории и укрепили положительное отношение российских правителей к единоверному ее народу. Получив известие о победе черногорцев над турками, Екатерина II одарила владыку Петра Цетинского незадолго до своей кончины (16 ноября 1796 г.) драгоценной панагией³⁹.

О чем свидетельствует благодарственное и последнее письмо Петра I Петровича Негоша от 30 октября 1796 г. Екатерине II: «Вожделенно обылной дар, присланной от матерняго вашего императорского величества благоволения, драгоценными камнями преиспещренный, при шуме восклицания все общяя радости щастие имел со всяким благоволением торжественно получить, сего 796 Года, сентября 8 Числ, при всем во оруженном к вторичной браны собрании нашего воинства, противу Магмута везира Албанскаго, который не правильно и вероломно вторично сего года противу нас воз двигнул свое оружие, где и зобрал он везир Смертную себе жертву»⁴⁰.

Заключительный фрагмент послания — мольба, пронзительно эмоционально звучит как завещание всем русским властителям и поныне в защите угнетенных народов: «Простры всепресветлейшая монархиня ИМПЕРАТОРСКУЮ скипетро державную и всесилную десницу, приимы купнородно от лица всего народа глубочайшее наше благодарение, и прошение, услыш вопль и стенание озлобленных младенцев, извлеци испод ига агарянского славено-сербский род, заключенный во узах вероломных

магометан, он благоговееет к овященному лицу твоему, напитай алчущия люды благочестия злагом, воз двигни долу па[д]ших скиптром державы твоея, привлечи чрез то на себе безсмертную славу, собери порфирию сыл твоих, расточенных во едино, распротры парус милосердия твоего, и соедини сердца наша з сынами российскими, пролей гнев твой на язык агарянский, и возвраты пленение людей своих, воз гласи трубою повеления твоего и се потрясутся пленицы константино полския»⁴¹.

В 1797 г. пала Венецианская республика, а ее владения в черногорском Приморье — Бока Которска и Будва — отошли к Австрии. Это вызвало смятение среди жителей приморских городов, которые обратились к святителю Петру за помощью. Владыка посетил Будву и ее окрестности — Браичи, Побори, Майну — и установил там гражданское правление. Появившийся вскоре австрийский генерал Бради поставил над православными Боки другого владыку. Австрийцы хотели захватить монастырь Майна, давнюю резиденцию черногорских митрополитов, чтобы превратить ее в свою крепость. Но народное вече, созданное Петром, не позволило им это сделать. Позднее австрийцы просили владыку продать монастыри Майна и Станевичи и получили такой ответ: «Засыпьте эти голые камни золотом, и тогда не удастся вам купить меня вашими деньгами... Что мы саблей добыли, то без сабли не отдадим, хоть бы до колен пролилась геройская кровь»⁴².

В России наступило новое царствование — императора Павла I, сына Екатерины Великой, легитимного государя по крови русской династии Романовых. Владыке Черногорскому предстояло выстраивать дипломатические отношения с новыми властями. Петр I Петрович Негош 3 сентября 1797 г. пишет Павлу I: «Торжественно празднуя всерадостнейшее во[з]шествие на всероссийский прародительский императорский престол, вашего императорскаго священнейшаго величества; мы во обще первым почитаем долгом принесть жертву благодарения верховнейшему правителю Богу, владеющему Царствами Человеческими, и что промисл всевышняго предопределил воздвигнуть благословенный плод Семене Христу Своему Петру Великому, первому императору всероссийскому, и посадить его на престол великолепия, препрославленныя Монархии; Сего бо Ради Помазатя Бог твой; мы с достодолжным Благоволением приступаем к Овященным Стопам ВАШЕГО величества, все общество Черногорскаго народа Единодушно Сим приносит всеусерднейшее ВАШЕМУ императорскому величеству поздравление»⁴³. Не обходит владыка в послании и важные политические события последнего времени, извещая русского императора: «Ныне же будучи сила Аустрийскаго оружия распротершис покрыла места владения бывшей венецианской Республики, даже и до самых пределов Черныя Горы, что я наблюдая все общую обоюдную пользу в том

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ВСЕВЫСОЧАЙШЕЕ БЛАГОРАЗСМОТРЕНИЕ Сим представляю»⁴⁴.

В 1798 г. Павел I наградил владыку Петра Цетинского орденом святого Александра Невского, который присуждался за мужество на поле сражения (он был получен в Цетинье в 1799 г. вместе с другими ценными дарами). Об этом сообщается в письме Павла I от 1 мая 1798 г. Петру I Петровичу Негошу: «Преовященный господин Митрополит черногорский! Ведая усердие ваше к империи всероссийской по единоверию от праотцев ваших наследованное и во всяком случае не поколебанное, восхотели мы подать вам довод особливаго нашего к вам благоволения, пожаловать вас кавалером ордена нашего святого великаго князя Александра Невского: богоугодными делами и храброй защитой отечества прославленнаго предка нашего, в следствие того ваше преосвященство возложите на себя, знаки онаго кавалерскаго ордена здесь прилагаемые и будьте уверены, что мы вам и всему народу вашему пребуде[м] навсегда благосклонны»⁴⁵.

Орден Александра Невского, как и все остальные ценные дары русского императора черногорскому владыке, ныне хранятся в ризнице Цетинского монастыря: дарохранильница и дискос из серебра с позолотой; потир, серебряный с позолотой, украшенный эмалью и бриллиантами; белый панакамилавк с драгоценным бриллиантовым крестом; книга Стефана Яворского «Камень веры», с собственноручной надписью «От его величества Императора Павла I Черногорскому митрополиту и кавалеру Петру Петровичу Негошу, 1799 года, месяца февраля, 10 день, в царствующем великом граде Москве»⁴⁶. В 1799 г. российский император, ценивший черногорцев за рыцарство, назначил ежегодную субсидию для Черногории. Это были заслуженные награды и дары России черногорскому владыке и его верному братскому нам народу, которым он столь успешно правил.

В 1798 г. Петр I Петрович учредил первое черногорское правительство «Кулук». 18 октября 1798 г. на скупщине в монастыре Станевичи был принят первый законник, названный впоследствии «Законник Святого Петра I». Начинаясь словами «Во имя Господа Спаса нашего Иисуса Христа», он состоял из 33 пунктов — по числу земных лет Спасителя — и был принят соборно и единогласно с клятвенным целованием креста, Евангелия и мощей великомученика «Пантлеймона»⁴⁷. Вторая часть законника была принята на скупщине в Цетинье 17 августа 1803 г. У черногорского владыки был свой план по формированию «Славяно-Сербского царства»⁴⁸, который мог стать началом государственного объединения земель всех сербов в одну державу. Эта программа была предложена в 1807 г. императору Александру I.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Миловић Евто М. Петар I Петровић Његош. Писма и други документи / Историјски институт СР Црне Горе. НИО «Универзитетска ријеч». Архив Црне Горе. НИО «Побједа». Титоград, 1987. Књига 1 (1780–1820). С. 559.*

² *Петар I Петровић Његош. Писма и други документи / Историјски институт СР Црне Горе. НИО «Универзитетска ријеч». Архив Црне Горе. НИО «Побједа». Титоград, 1987. Књига 1 (1780–1820); *Петар I Петровић Његош. Писма и други документи / Историјски институт СР Црне Горе. НИО «Универзитетска ријеч». Архив Црне Горе. Титоград, 1988. Књига 2 (1821–1830).**

³ *Виноградов В.Н. Дом Романовых и судьбы Балкан; Ари Г.Л. Петр I и Екатерина II — царственные филэллены; Анишаков Ю.П. Черногория в политике Екатерины II и Павла I // Императорский Дом Романовых и Балканы: Сб. статей / Отв. редактор В.Б. Каширин. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 9–69; 70–81; 82–102.*

⁴ *Бан Митрофан, митрополит. У кратко животопис Светога Петра Митрополита Црногорскога / Свети Петар Цетињски, Чудотворац и државотворац, Цетиње: Светигора, 2006 (Београд: Политика). С. 35–45.*

⁵ *См.: Поповић Јустин, архимандрит. Житие Светог Оца нашего Петра Првог Митрополита Цетињског и Чудотворца / Свети Петар Цетињски, Чудотворац и државотворац, Цетиње: Светигора, 2006 (Београд: Политика). С. 9–32.*

⁶ Там же. С. 13.

⁷ *Бан Митрофан, митрополит. У кратко животопис Светога Петра Митрополита Црногорскога. С. 39.*

⁸ *Поповић Јустин, архимандрит. Житие Светог Оца нашего Петра Првог Митрополита Цетињског и Чудотворца. С. 13–14.*

⁹ Ризница Цетињског манастиря. По поводу двухсотлетия со дня рождения св. митрополита Петра II Петровича Негоша. По благословению архиепископа Цетињског и митрополита Черногорско-приморског г. Амфилохия, экзарха Священного Печского Престола / Составитель: Иован Маркуш. Перевод на русский: проф. Марина Тодич. Цетињский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, 2013. С. 49, 152–153.

¹⁰ *Петар I Петровић Његош. Писма и други документи... Књига 1 (1780–1820). Писмо 8. С. 15.*

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же. Писмо 8. С. 13–15; *Петар Петровић први, митрополит црногорски. Писмо његово, којим се после хиротонија свог, 26 новембра 1784 г., јавио из Новог Сада руском Св. Прав. Синоду // Димитријевић Ст. М. прот. Грађа за српску историју из руских архива и библиотека / Споменик. Српска краљевска академија. У Сарајеву: Државна штампарија, 1922. ЛIII. Разред 45. С. 86–87.*

¹⁴ *Петар I Петровић Његош. Писма и други документи... Књига 1 (1780–1820). Писмо 9. С. 16–17; Вуксан Душан Д. Политичка и друга интересантнија писма из времена митрополита Петра I // Записи. Цетиње, год XIII (1913?). Књ. XXIV. С. 171–172.*

¹⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 33. Л. 5. Копия.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

- ¹⁸ АВП РИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 2. Л. 58. Копия.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 29. Л. 2.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 22. Л. 6.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 7.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 25. Л. 4.
- ³² Там же.
- ³³ См.: *Блудилина Н.Д.* Духовные и светские, культурные взаимосвязи России и Сербии в документальной литературе конца XVII — первой четверти XVIII века // Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ. М., 2015. С. 19–103; *Блудилина Н.Д.* Духовные, культурные и светские взаимосвязи России и Сербии в документальной литературе 1726–1762 гг. // Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX веков: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ. Вып. 2. М., 2016. С. 137–176.
- ³⁴ *Поповић Јустин, архимандрит.* Житие Светог Оца нашего Петра Првог Митрополита Цетињског и Чудотворца / Свети Петар Цетињски, Чудотворац и државотворац, Цетиње: Светигора, 2006 (Београд: Политика). С. 19.
- ³⁵ Там же. С. 19–20.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 28. Л. 8–9.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Бан Митрофан*, митрополит. У кратко животопис Светога Петра Митрополита Црногорскога. С. 38.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 28. Л. 7.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Бан Митрофан*, митрополит. У кратко животопис Светога Петра Митрополита Црногорскога. С. 39.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 30. Л. 10.
- ⁴⁴ Там же. Л. 11.
- ⁴⁵ АВП РИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 26. Л. 30. Копия.
- ⁴⁶ Ризница Цетињског манастира. С. 122, 113, 110, 107, 42–43.
- ⁴⁷ См.: *Државност / Свети Петар Цетињски, Чудотворац и државотворац, Цетиње: Светигора, 2006 (Београд: Политика).* С. 111–119.
- ⁴⁸ Там же. С. 121.

К.В. МЕЛЬЧАКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

СЛАВЯНЕ-МУСУЛЬМАНЕ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В ТРУДАХ А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА

Abstract:

Melchakova K.V. *Slavic Muslims of Bosnia and Herzegovina in A.F. Hilferding's works*

The article focuses on the history of Muslim Slavic population of the Ottoman provinces of Bosnia and Herzegovina in the 1850s. The author attempts to reconstruct an image of the Slavic Muslims who were living in Bosnian pashaluk and Herzegovinian Sandzak. The research is based on the works of A.F. Hilferding — the Russian Consul in Sarajevo, a Slavophil and historian. The main emphasis of the article is on the history of the Slavic aristocracy.

Ключевые слова: Османская империя, Босния, Герцеговина, славяне-мусульмане, беговат, А. Ф. Гильфердинг.

Во второй половине XIX в. в Европе значительно вырос интерес к славяно-турецким областям — Боснии и Герцеговине¹. В основу сочинений западноевропейских авторов легли впечатления от путешествий по этим землям. Однако одним из первых свои путевые заметки о Боснии составил славянофил, ученый-славист, российский консул в Сараеве Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872).

Его пребывание в Боснии относится к 1857–1858 гг. За время своей службы Гильфердинг совершил три поездки по территориям славянской Турции. Данные, собранные в ходе этих путешествий, легли в основу его сочинений — «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» и «Босния в начале 1858 года»². Оба труда несколько раз переиздавались еще при жизни Гильфердинга³ и пользовались популярностью. В 1859 г. появились первые переводы их на сербский язык⁴.

На страницах своих сочинений Гильфердинг концентрирует внимание на проблемах православного населения провинций. Перед читателем предстает коллективный портрет несчастного угнетенного народа. Образ мусульман присутствует в меньшей степени. В трудах российского консула встречаются мусульмане-османли (чиновники из Константинополя), мусульмане-албанцы, мусульмане-славяне и даже мусульмане-цыгане. В данной статье речь пойдет о мусульманском населении славянского происхождения.

К сожалению, точные статистические данные об этноконфессиональном составе населения Боснии и Герцеговины рассматриваемого периода отсутствуют. Если ориентироваться на цифры переписи 1850–1851 гг.,

можно говорить, что исламизированное население составляло примерно 40 % от общего числа жителей провинций⁵.

Боснийские мусульмане — явление уникальное. Гильфердинг указывает на то, что они отличались и от своих братьев, славян-христиан, и от турок, и от албанцев- мусульман.

Прежде чем приступить к описанию созданного Гильфердингом портрета типичного боснийского славянина-мусульманина, стоит остановиться на вопросе о том, а кем сам русский путешественник и дипломат был в глазах местного населения. Из текста его сочинений мы узнаем, что представителей далёкой России местные жители звали «московами». Кто же такие, эти загадочные «московы»?

«Москов представляется босняку-мусульманину каким-то страшным, мистическим существом. “Все гяуры⁶ злы, говорят они, но самый злой гяур — москов”. Когда мусульманин захочет выразить самым страшным образом ненависть свою к “влаху” (христианину), то он назовёт его *московом*», — пишет Гильфердинг⁷. Примечательно также, что ненавистное новогурецкое платье османских чиновников, скроенное на европейский манер, боснийские мусульмане почему-то именовали «московским»⁸.

Российский дипломат православного вероисповедания вряд ли мог должным образом изучить особенности воззрений и жизненного уклада боснийских мусульман. Он не скрывает, что многие вопросы для него так и остались непонятными и неразгаданными. Тем не менее, во время путешествия его неоднократно принимали в домах местной мусульманской знати со всем славянским радушием и восточным почтением.

Дома же эти не отличались красотой. Путешествуя по Боснии и Герцеговине, Гильфердинг повсеместно сталкивался с разрухой. Особенно печальный вид имели городские кварталы и сельские угодья, принадлежащие мусульманам. Исламизированное население по большей части проживало в городской местности. Все города, как один, были похожи друг на друга: «Те же домики из нежжёного кирпича, большей частью необелённые и окружённые бесконечными заборами, те же узкие гладкомощённые улицы, та же гаршия (гостиный двор)»⁹. Большинство городских жителей Боснии составляло мусульманское население — аги, беги¹⁰, прежние дворовые и сельские люди (кметы), занимающиеся торговлей и ремеслом¹¹. Мусульманский город и деревня мало отличались друг от друга. Российский консул дает такое описание: «Удивительно, как в Боснии и Герцеговине пустеет и разрушается всё то, что принадлежит мусульманам. Вы встречаете село и видите в нем развалившуюся, брошенную избу: спросите, чья была эта изба, и вам непременно скажут, что в ней жил мусульманин»¹². Удручающие картины мусульманских жилищ Гильфердинг встречал во всех уголках Боснии и Герцеговины¹³.

Большое внимание в своих работах он уделяет вопросу религии. Принятие ислама славянскими народами — явление действительно уникальное. Боснийские славяне когда-то переменяли вероисповедание, опасаясь расправ со стороны османов, но постепенно прониклись этой религией настолько, что «сделались турками»¹⁴. «Фанатизм и отсутствие духовной силы»¹⁵ — вот чем, по мнению Гильфердинга, ислам ознаменовал себя на славянской почве. Он пишет, что боснийские мусульмане — самые ярые фанатики, с которыми не сравнятся ни турки, ни арабы, ни албанцы¹⁶. Достаточно вспомнить события 1850–1851 гг., когда в Боснии разразилось восстание представителей беговата против власти Османской империи. Султан направил туда Омер-пашу, который жестоко «разобрался» с возмутителями спокойствия и восстановил порядок в регионе. Тогда местная аристократия сражалась против султана, но за мусульманскую веру.

До середины XIX в. в Боснии представители местной аристократии всеми средствами пытались обратить в ислам как можно больше людей: была распространена практика похищения девушек и детей из христианских семей¹⁷.

Реформы Танзимата, принятие европейских ценностей для боснийских мусульман являлись признаками приближающегося конца света, который окончательно наступит, как только гяуры возьмут власть над Боснией, отмечает Гильфердинг¹⁸.

По наблюдениям дипломата, боснийские мусульмане были более образованны, нежели христиане. В каждом городке имелись училища. Однако эта образованность, по его словам, носила «восточный» характер — всё сводилось к заучиванию Корана наизусть и урокам турецкого языка. Наиболее даровитые ученики знакомились с арабской и персидской литературой¹⁹.

Родной славянский язык применялся только в устной речи. Гильфердингу удалось обнаружить лишь два письменных произведения, записанных боснийскими мусульманами на своем языке, но турецкими буквами, — они были созданы на рубеже 1840-х–1850-х годов²⁰. Что касается устного народного творчества, то, в отличие от христиан, слагавших героические песни, в творчестве славян-мусульман больше звучали лирические мотивы²¹.

Боснийские спахи²², по словам Гильфердинга, прекрасно владели сербским языком, они сохранили его древние формы, но их речь сильно пестрила турецкими словами²³.

Для славян-мусульман Боснии и Герцеговины большое значение имели родственные связи и история предков: «дух братства и взаимной поддержки гораздо сильнее в боснийских мусульманах, нежели в христианах», — писал Гильфердинг²⁴. Отличительной чертой боснийских

мусульман, по его утверждению, являлась «безжизненная, ленивая гордость», которая наполнялась либо добродушием и благородством, либо отвратительной злостью²⁵. Горделивого боснийца Гильфердинг представляет так: «Вы с первого взгляда можете узнать мусульманина-босняка по манерам и походке: он смотрит на всё с таким презрением, он двигает свои толстые, заспанные члены с неописанною вялостью»²⁶. «Гордецам» тем не менее была присуща трусость, особый трепет у них вызывали черногорские юнаки²⁷.

«Как же живут босняки-мусульмане, что они делают? Обратитесь с этим вопросом к самому босняку, и он нам ответит следующими тремя словами: так вот сидим», — пишет Гильфердинг²⁸. На страницах его трудов славяне-мусульмане сидят на корточках и с чубуком дома, сидят в лавках и кофейнях. «Босняк придёт утром к источнику, напьётся воды, сколько может за один раз, сядет где-нибудь поблизости, закурит трубку и сидит с полчаса или с час; потом подойдёт к ключу, опять напьётся и опять сядет и т. д. до пределов возможности», — сообщает Гильфердинг²⁹.

Городские жители держали лавки, но они не приносили никакого дохода, а их владельцы жили в основном за счет своей земли³⁰. «Если мусульманин — купец, то он тоже сидит в своей лавочке, которая в длинном ряду других, совершенно одинаковых лавочек, удивительно похожа на те клетки для львов и медведей, какие строятся рядами в заграничных зоологических садах; не достает только решетки», — продолжает повествование Гильфердинг³¹. Пока купец наслаждается созерцанием мира, нанятые им христиане занимаются закупкой товаров и работают в лавке, а «вечером, за ужином, играющим роль нашего обеда, почти всякий благочестивый поклонник Пророка в Боснии считает долгом до последней возможности напиться знаменитейшим произведением своей родины, сливовицей (водкой, выгоняемой из слив), и удаляется в гарем»³².

По словам Гильфердинга, гарем боснийского мусульманина совсем не такой, как у османли из Константинополя. Многоженство в Боснии не прижилось. Такие случаи в семьях боснийских мусульман встречались редко и вызывали всеобщее порицание³³. Девушкам из славяно-мусульманских семей дозволялось по пятницам ходить с открытым лицом и свободно общаться с молодыми людьми. Затворничество начиналось только после брака: «Когда несчастная выйдет замуж, то ей закутывают голову непроницаемой белой простыней, запрут ее и отлучат ее от всякого мужского общества. Она будет видаться лишь с другими женщинами-затворницами, и с ними будет она иногда водить, под замком, уединенное “коло” и петь грустные песни; но главным занятием и прелестью всей ее жизни сделаются сплетни и тайные сердечные интриги, от чего, как

уверяют, нигде в Боснии нет такого разврата, как между мусульманками», — сообщает Гильфердинг³⁴.

Боснийские мусульмане также не признавали запрет на употребление алкоголя. Впрочем, это касалось и чиновников из Константинополя. «Разница между босняком и чиновником-османлием та, что первый пьет страшно, но часто, после нескольких лет пьянства, бросит вдруг хмельное и до смерти его уж в рот не возьмет, а второй никогда уже не бросит», — отмечает автор³⁵.

Что касается общественной жизни, то российский консул пишет о ее полном отсутствии³⁶. Следует заметить, что характеристика ленивого, неповоротливого боснийца, который смиренно созерцает окружающее его «разрушение», относится не только к мусульманам, эти черты Гильфердинг видит и у местных христиан.

Самый важный элемент боснийского общества составляла мусульманская знать — беговат. Благодаря добровольному принятию ислама, Босния и Герцеговина стали одной из немногих территорий на Балканах, где сохранилась своя славянская аристократия.

«Мусульманская знать, конечно, уже совсем не то, что она была прежде в Боснии, когда она безответно располагала всей страной, выгоняла стамбульских пашей, сражалась беспрестанно с султанским войском. Теперь она не имеет никакой официальной власти; все преимущества ее отняты, главные ее предводители погибли в войне 1851 года и умерли в ссылке», — пишет Гильфердинг³⁷.

Большинство бегов стояли в оппозиции к султанскому правительству. Однако в среде беговата не было единства. Одна его часть старалась разными средствами избавиться от подчинения закону и общественному порядку и, пользуясь корыстолюбием и фанатизмом османских властей, продолжала буйствовать и грабить своих кметов, христиан³⁸. При этом, по наблюдениям российского консула, к своим кметам беги относились одинаково, будь они христиане или мусульмане³⁹. Кметы же мусульмане и кметы-христиане находились в мирных отношениях, а порой и дружили⁴⁰.

Другая часть беговата после событий 1851 г. изменила свое отношение к христианам, превратившись из их гонителей в защитников. Таким образом, беги рассчитывали на своих братьев по крови, как на главную опору в борьбе с правительством. Гильфердинг именует их «либеральной оппозицией»⁴¹.

После 1851 г. основная масса чиновников назначалась Портой из Константинополя; представители местного беговата оставались у власти в редких случаях. Как отмечалось выше, большинство из них находились в оппозиции к правительству, однако были и исключения.

Гильфердинг разделяет представителей местной аристократии, пожелавших служить султану, на две категории: «благородные» и «фанатики»⁴². Отличительными чертами «благородной» части беговата являлись, по его словам, добродушие и откровенность. Эти качества не отменяли, впрочем, свирепости и строгости по отношению к христианам. Тем не менее, эти чиновники пользовались всеобщим уважением и являлись главными арбитрами в разрешении споров. Самый яркий представитель «благородной» части знати в Герцеговине на страницах труда Гильфердинга — мудир⁴³ Столаца Ханзи-бег Ризванбегович. Несмотря на свою строгость, он считался одним из самых лучших и справедливых управленцев в Боснии и Герцеговине, который усмирил не одно волнение герцеговинских христиан путем мирных переговоров⁴⁴. Абсолютной противоположностью Ханзи-бега являлся мудир Требинья Хаджи-бег Ресулбегович. Он слыл главным мудрецом во всей Герцеговине, знал наизусть Коран, совершил хадж в Мекку. При этом местные христиане называли его не иначе как «кровопийца»: Хаджи-бег был жесток и беспощаден по отношению ко всем, кто не исповедовал ислам. Его действия не раз провоцировали народные восстания в Герцеговине⁴⁵.

По мнению Гильфердинга, сохранить Боснию для Османской империи помогла именно феодальная аристократия. В противном случае, эти земли давно бы поглотили Австрия или Сербия⁴⁶.

Многие представители беговата хранили у себя старинные грамоты сербских и боснийских королей, которые передавались из поколения в поколение. Гильфердинг пишет: «Возможность такого переворота, в котором пришлось бы опять предъявлять права, дарованные христианскими государями, не теряется из виду боснийскими бегами, и они даже не скрывают, что когда “крест” восторжествует, они готовы будут снова ходить в церковь, как их праотцы»⁴⁷.

В своих стремлениях к обретению независимости от Османской империи боснийцы, по свидетельству Гильфердинга, искали поддержки у соседних народов: «Как прикажете растолковать босняку начала политического консерватизма, незаконность революционных предприятий и вмешательство консервативного начала для подавления революционного, когда вся политика босняка, будь он мусульманин, католик или православный, всё равно заключается в одном убеждении: что братья по вере составляют один народ и должны помогать друг другу? Это убеждение в босняках неискоренимо: даже мусульмане боснийские, сколько им ни твердили в последнее время о невмешательстве иностранцев во внутренние дела Турции, о том, что “султан есть полный хозяин в своём доме”, всё-таки никак не могут понять, чтобы какое-нибудь государство могло не заступаться за своих единоверцев»⁴⁸.

В своих трудах Гильфердинг затронул вопрос о жизнеспособности оппозиции беговата. Несомненно, иностранец-христианин вряд ли мог рассчитывать на то, что его посветят в планы местной аристократии. Тем не менее, на основании собственных наблюдений и размышлений, он пришел к следующему выводу: «Едва ли в этой аристократии есть какая-нибудь живая политическая сила. Положение ее слишком шатко и двусмысленно, слишком велико противоречие между политической задачей — быть защитницей народа, и природными инстинктами, которые влекут ее к фанатизму и угнетению. Боснийские беги могут еще не раз сделаться предводителями диких шаек, которые будут грабить и жечь христианские села, как бывало в старину и как случилось недавно в Посавинье и Крайне; но стать во главе народа, во главе христиан, чтобы вести их к приобретению человеческих прав и к просвещению, на это едва ли достанет у боснийской аристократии нравственных сил»⁴⁹.

В результате прогноз Гильфердинга неутешителен: «Боснийская аристократия будет, вероятно, отстранена или задавлена ходом истории»⁵⁰.

Таков коллективный портрет представителей славян-мусульман Боснии и Герцеговины в середине XIX в. в трудах А. Ф. Гильфердинга, которые являются одним из немногих источников того периода, описывающих жизненный уклад этой категории населения. Из текста его работ следует, что представители феодальной аристократии в этих провинциях Османской империи не составляли единой политической силы. После подавления восстания 1850–1851 гг. беговат был ослаблен, но большинство бегов сохранили сепаратистские устремления. Однако не вызывает сомнений, что уже к 1858 г. мусульмане Боснии и Герцеговины действительно ощущали себя отдельной группой населения, — у них были свое понятие веры, характерные особенности языка, собственные лирические песни. При всем этом они не теряли славянских корней, удивительным образом сочетая заветы Пророка с устоями и традициями своих предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Ekmečić M. Slika o Bosni i Hercegovini u evropskoj putopisnoj literaturi od 1850 do 1858. godine.* // *Balkanica VIII.* Beograd, 1977; *Breccwell W. C. Opinion-maker: the Balkans in british popular literature, 1856–1876* // *Jugoslovensko-britanski odnosi.* Beograd, 1988; *Lukić-Tesarović I. Sećanja britanskih putnica koje su putovale po našim krajevima u 18. i 19. veku* // *Jugoslovensko-britanski odnosi.* Beograd, 1988; *Растовић А.* Британски путописци у Босни и Херцеговини у другој половини XIX и почетком XX века // *Зборник за историју Босне и Херцеговине.* Т. 4. Београд, 2004.

² *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия // *Собрание сочинений А. Гильфердинга.* Т. 3. СПб., 1873; *он же.* Босния в начале 1858 года // *Там же.* (далее ссылки даются по этому изданию. — *К. М.*)

- ³ *Гильфердинг А.Ф.* Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. Т. 1. Смесь. С. 54–76; Русская беседа. 1858. Т. 2. Смесь. С. 65–92; Русская беседа. 1858. Т. 3. Смесь. С. 64–97; Русская беседа. 1858. Т. 4. Смесь. С. 51–80; Русская беседа. 1859. Т. 1. Смесь. С. 125–132; Русская беседа. 1859. Т. 2. Смесь. С. 57–104; *он же.* Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии // Записки Русского географического общества. Т. 13. СПб., 1859/60.; *он же.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859; *он же.* Босния в начале 1858 года // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Т. XXIII. Отд. II. С. 69–126; *он же.* Босния в начале 1858 года // Русская беседа. 1858. Т. IV. Приложения. С. 1–58.
- ⁴ Србский летопись 1859. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1859; Србский летопись 1860. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1860; Часови одмора. Т. 3. Београд, 1859.
- ⁵ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 283–284; *Pasko Vasa-efendija.* Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdet-efendije. Banja-Luka, 2011. S. 28–29.
- ⁶ Гяур — презрительное прозвище немусульман.
- ⁷ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 5.
- ⁸ Там же. С. 56.
- ⁹ Там же. С. 166.
- ¹⁰ Аги и беги — представители боснийской аристократии, принявшие ислам, землевладельцы.
- ¹¹ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 292.
- ¹² *Он же.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 22.
- ¹³ Там же. С. 19, 22, 23, 251.
- ¹⁴ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 292–293.
- ¹⁵ Там же. С. 293.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 294.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 297.
- ²⁰ Там же. С. 298–300.
- ²¹ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 28.
- ²² Спахии — представители боснийской аристократии, получившие от султана право взимать десятину в округах (спахилуках) при условии несения службы со своими людьми в султанском войске. Это право было упразднено Омер-пашой в 1851 г.
- ²³ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 301–302.
- ²⁴ Там же. С. 296.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 297.
- ²⁷ Юнак — герой.
- ²⁸ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 55.
- ²⁹ Там же. С. 249.
- ³⁰ Там же. С. 72.
- ³¹ Там же. С. 55.

- 32 Там же.
- 33 *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 55; *он же.* Босния в начале 1858 года. С. 294.
- 34 *Он же.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 56.
- 35 Там же. С. 57.
- 36 Там же. С. 55.
- 37 Там же. С. 261–262.
- 38 Там же. С. 262.
- 39 Там же. С. 89.
- 40 *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 315.
- 41 *Он же.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 262.
- 42 Там же. С. 17.
- 43 Мудир — управитель нахии (уезда).
- 44 *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 29.
- 45 Там же. С. 17.
- 46 *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года. С. 295.
- 47 Там же. С. 302.
- 48 *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 269.
- 49 Там же. С. 263.
- 50 Там же.

Л.Ю. ПАХОМОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**П.А. РОВИНСКИЙ О МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ОККУПАЦИИ
БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ**

Abstract:

Pakhomova L.Yu. *P.A. Rovinsky on the Muslim society in the early stage of the Austro-Hungarian occupation of Bosnia and Herzegovina*

The article examines the opinion of the famous Russian ethnographer, traveler and publicist Pavel Apollonovich Rovinsky (1831–1916) on the Muslim society of Bosnia and Herzegovina in the early stage of the Austro-Hungarian occupation. Rovinsky as a reporter for the St. Petersburg newspaper «Novoe vremya» («New time») traveled to the occupied territories in the autumn of 1878 and spring of 1879. In 1881, he published an article «Observations while traveling in Bosnia in 1879». Rovinsky's works are important because they present the first public reaction to the alien presence.

Ключевые слова: П.А. Ровинский, австро-венгерская оккупация Боснии и Герцеговины, мусульманское общество Боснии и Герцеговины.

Одним из ценных источников о состоянии мусульманского общества в период оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины после Берлинского конгресса 1878 г. являются путевые заметки и корреспонденция известного ученого-этнографа, путешественника, публициста Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916)¹, который был командирован на Балканы в качестве корреспондента петербургской газеты «Новое время».

Ровинский отправился в путешествие по Боснии поздней осенью 1878 г. Его корреспонденция оттуда начинается в ноябре 1878 г. и заканчивается в апреле 1879 г., пока австро-венгерская полиция насильственно не выдворила журналиста из оккупированной провинции².

Статья «Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г.» была напечатана в третьем, мартовском, номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1880 г.³ Эта работа Ровинского, посвященная северо-восточной части Боснии — Зворницкому санджаку и его главному городу Нижней Тузле, в отличие от обычной корреспонденции, хорошо структурирована: в ней выделены параграфы, а также приводятся различные данные и историографические сведения.

Следует подчеркнуть, что, с одной стороны, сочинения Ровинского о Боснии являются путевыми заметками, то есть источниками личного происхождения, с другой — представляют собой этнографические исследования на уровне развития науки последней четверти XIX в.; кор-

респонденция же в одной из самых распространенных российских газет носит характер публицистики.

Сочинения Ровинского по Боснии и Герцеговине особенно интересны тем, что они выполнены в начале большого трансформационного периода боснийского общества. Они важны тем, что отражают первую реакцию населения на чужеземное присутствие.

Анализом путевых заметок как жанра (трэвелога) активно занимались и занимаются в настоящее время литературоведы и культурологи⁴. Многочисленные воспоминания западноевропейских авторов о путешествиях по Балканам стали основой для исследования современного словенского культуролога Б. Езерника⁵.

Работа русского ученого и дипломата А.Ф. Гильфердинга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия», написанная в жанре путевых заметок и изданная в 1873 г., является ценным источником по истории Боснии до 1878 г.⁶. Сочинения Гильфердинга по истории Боснии проанализировала российская исследовательница К.В. Мельчакова⁷.

К корреспонденции П.А. Ровинского из Боснии как к источнику по истории сопротивления австро-венгерской оккупации обращался в своих работах советский и российский славист В.И. Фрейдзон⁸. Российские архивные материалы для изучения начального периода австро-венгерского управления в Боснии и Герцеговине использовали отечественные ученые В.Н. Кондратьева⁹, В.И. Косик¹⁰, Е.К. Вяземская¹¹, О.Н. Новикова¹². Материалы из австрийских и боснийских архивов по оккупации привлекли в своих исследованиях американский балканист Р. Дониа¹³ и венгерский историк Л. Бенче¹⁴.

В предлагаемой статье дается взгляд П.А. Ровинского на мусульманское общество Боснии и Герцеговины в начальный период австро-венгерской оккупации. Журналист знакомил российскую общественность с положением провинций, на оккупацию которых было вынуждено согласиться правительство России по результатам русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Прежде всего необходимо отметить, что путевые заметки Ровинского полны негативной оценки мусульманской элиты и австро-венгерских властей, при этом очевидно позитивное отношение автора к православным жителям Боснии. Такие суждения, на наш взгляд, объясняются тем, что автор был представителем православной России. Кроме того, в сочинениях отражаются народнические взгляды Ровинского, который в 1862–1863 гг. был одним из самых деятельных участников общества «Земля и воля»¹⁵. Автор заметно сочувствует простому народу и критикует аристократию и крупных землевладельцев за то, что те угнетают крестьян, а османское и австро-венгерское правительства — за невозможность решить аграрный вопрос.

Как уже отмечалось выше, основное внимание Ровинский в статье «Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г.» уделил главному городу санджака — Нижней Тузле. Он подробно описал рельеф местности Нижней Тузлы. Одной из причин наибольших потерь австро-венгерских войск при взятии этого города путешественник называет его географическое положение: поселение было окружено горами и холмами, где были скрыты небольшие укрепления местных жителей, сопротивлявшихся оккупации и нанесших крупное поражение наступающим солдатам. Помимо того, как пишет Ровинский, дух свободы, присущий торговому городу, который «менее носит на себе печать турецкого господства», также явился одной из причин организованного сопротивления оккупации¹⁶. По свидетельству Ровинского, отступив, австрийцы вернулись в Нижнюю Тузлу с 40-тысячным корпусом только после того, как вся Босния была подчинена, и взяли город без единого выстрела. В наказание за сопротивление оккупационные войска относились к жителям Тузлы «более сурово, чем где-нибудь»¹⁷.

После анализа демографических данных по санджакам Боснии и Герцеговины Ровинский делает вывод о том, что, во-первых, распределение населения различных вероисповеданий было обусловлено политическим влиянием соседней Австро-Венгрии. Во-вторых, выбор места жительства зависел от характера представителей разных религиозных групп. По мнению автора, «турки стремятся к уединению и равнинам, предпочитают горы и узкие долины, не столько служащие пользе, сколько удовлетворяющие эстетическому чувству, праздной потребности любоваться природой», тогда как «христианское население, как рабочее и торговое, ищет для своего поселения открытые места, равнины, стоящие в более тесной связи с остальной Европой»¹⁸. В подтверждение своей гипотезы П.А. Ровинский приводит структуру населения Нижней Тузлы. Большинство горожан составляли мусульмане: их было почти в три раза больше, чем христианского населения. Ровинский пользуется данными, которые привел в конце 1850-х годов А.Ф. Гильфердинг: христиан насчитывалось 3555 человек, мусульман — 10 089 (статистика учитывала только мужское население)¹⁹.

И в корреспонденции, и в статье Ровинский называет жителей Боснии босняками или боснийцами, без различия веры. Если речь идет о мусульманине (по вероисповеданию), Ровинский обозначает его магометанином, турком или турчином (причем этнических турок определяет отдельно как османлия); православных — сербинами, православными либо сербами (при этом автор путевых заметок отличает жителей княжества Сербии: когда рядом оказываются босниец и серб княжества, сербом он называет второго, босняком — первого); католиков Боснии Ровинский не идентифицирует как хорватов.

«Наблюдения во время путешествия...» насыщены детальным описанием антропологических особенностей местных жителей и классическим этнографическим материалом — описанием костюмов. Однако в настоящей статье мы не будем останавливаться подробно на этом аспекте.

Далее Ровинский дает читателю полное представление о структуре города Нижней Тузлы: в центре его находились конак (дворец) паши, град (крепость), чаршия (торговый квартал), предместье — варош (христианские кварталы) и циганлук (цыганский квартал); часть города, где жили мусульмане, называлась касаба и состояла из 12 махал (кварталов)²⁰.

Достаточно детально Ровинский описывает чаршию и ее обитателей. Торговые лавки он сравнивает с теми, что есть на базарах в российских уездных городах, и приходит к выводу, что и в России, и в Боснии они выглядят одинаково: передняя стена состоит из двух частей — верхняя половина открывается наверх и образует навес, нижняя откидывается и превращается в площадку лавки. На полу постелены половики местного производства, на которых сидит перед своим товаром хозяин. В холодное время года в каждой лавке ставят мангалы. Целый день торговец находится в своей лавке; если он мусульманин, курит чубук, если христианин — папиросы, пьет кофе, христиане держат вино²¹.

Русский корреспондент был поражен разнообразием товаров, которые предлагались на небольшой чаршии. Основная торговля ведется по пятницам, когда в город приезжают закупаться селяне. По сведениям Ровинского, в Нижней Тузле раньше торговали мехами, но с приходом австрийцев охотничий промысел прекратился (к сожалению, автор не указал причину этого).

Австро-венгерских солдат и офицеров корреспондент называет «слабыми потребителями»: в основном они покупали продукты питания, напитки и разную мелочь — табак, перья, бумагу, белый коленкор для воротничков. Иногда перед тем, как уехать из Боснии, офицеры покупали восточные сувениры²².

Далее Ровинский описывают одно из самых важных мест чаршии — кофейни, где собираются, закрыв лавки после захода солнца, торговцы. Там они курят чубуки и кальян и ведут неторопливые разговоры — вплоть до вечерней молитвы. «Обычная их сдержанность, какое-то равнодушие и важное спокойствие есть что-то обрядовое, исполняемое по предписаниям закона, как молитвы и омовения», — отмечает наблюдательный путешественник. Беседы в кофейнях в это время были в основном посвящены актуальной теме — присутствию оккупационных войск. Как пишет Ровинский, когда разговор касался вопросов несправедливого, с точки зрения мусульман, отношения со стороны новых властей, люди оживлялись²³.

Для мусульманина, по свидетельству Ровинского, торговля представляет главным образом дополнительное к землевладению, необременительное занятие, своего рода досуг и развлечение²⁴. К тому же даже после работы на чаршии мусульманин-торговец продолжает наслаждаться жизнью²⁵. Автор упрекает мусульманскую элиту в безделье: аги могут только барствовать, философствовать, фантазировать, созерцать природу. В то же время Ровинский отмечает, что безделье позволяет мусульманину создать образ добродетельного человека — чистого, честного, великодушного, щедрого, бескорыстного, храброго, в то время как христианин, который занимается тяжелым трудом, выглядит в глазах других ленивым, неряшливым, лукавым, тупым, своекорыстным, неверным, приниженным. Ровинский, как ему кажется самому, нашел правильное объяснение таким представлениям: «христианин тежак (простой рабочий), лишенный общечеловеческих прав и собственности, прокармливающий своим трудом своего господина и пробивающий себе путь к гражданским правам, и, вылезая в купцы, стоит в смысле цивилизации несравненно выше, имеет гораздо больше ума и характера, чем турчин, его господин, живущий на чужой счет, ничего не делающий, ничего не создающий и не приобретающий и в конце концов проживающийся, идущий к упадку и разорению». Автор сравнивает мусульманскую аристократию с европейскими рыцарями, а христиан — со средним, городским сословием²⁶.

Несмотря на то, что большую часть населения составляли мусульмане, Ровинский отмечает, что именно в Нижней Тузле был «слабее дух магометанства», чем в других боснийских городах, и в качестве доказательства приводит число и богатство мечетей в городе. На 1100 домов (5500 жителей) здесь приходилось девять мечетей, в то время как в небольшом городке Кладан девятью мечетями пользовались 180 домов (менее 1000 человек). В Нижней Тузле было всего две мечети с минаретами, в которых служили муллы и имамы, остальные больше напоминали молельные дома с башенками²⁷. При описании одной из мечетей и пятничной молитвы Ровинский сравнивает намаз с классной гимнастикой в детском приюте, где «придают большое значение дрессировке тела и души вместе; стараются добиться, чтобы дети слушались команды и приучились известные действия производить по команде дружно, как один человек». По его мнению, именно так достигаются организованность и повиновение мусульман муллам²⁸.

Ровинский свидетельствует, что зажиточный мусульманин в Нижней Тузле имел двухэтажный дом с твшком — балконом, закрытым со всех сторон решеткой, и с диванханом — внутренней галереей. При доме, как правило, был сад. Богатые мусульмане владели двором с двумя домами, отмечает автор²⁹.

На первый взгляд общественная и деловая жизнь мусульман не претерпела изменений в связи с вводом в провинции австро-венгерских войск, однако Ровинский неоднократно упоминает о том, что одним из элементов, который подвергся здесь наибольшим изменениям, были дом и семья мусульманина. Ровинский подчеркивает, что расквартирование в доме мусульман чужих людей, даже одной с ними веры, противно их закону. Поэтому многие мусульмане покинули свои городские дома и переехали в села³⁰ либо арендовали дома поменьше, оставив свои большие дворы солдатам и офицерам австро-венгерской армии³¹.

Что касается отношений мусульман и австро-венгерских властей, по сведениям Ровинского, в самом начале оккупации наиболее жестоким репрессиям за сопротивление габсбургским войскам подверглись мусульмане: «турок больше всего расстреляно и изгнано; их дома и мечети больше подверглись разрушению»³². Однако затем австрийцы поспешили «замирить» мусульман: из них стали набирать чиновников и корпус жандармов. Помимо этого, когда были восстановлены турецкие суды, свидетельства мусульман в спорных вопросах стали весомее, чем слова христиан, особенно православных³³. Ровинский объясняет доверие и позитивное отношение новой власти к мусульманам тем, что австрийцы могут легко убедить их перейти на сторону Габсбургов, так как мусульмане верят и надеются на помощь султана, который находится в призрачном Стамбуле и власть которого уже почти уничтожена, тогда как православные ищут поддержки у новых независимых государств³⁴.

Ровинский особо отмечает: мусульман не беспокоит, что австро-венгерское правительство будет на них нападать, так как они знают, что ислам новые власти не тронут³⁵. Однако он убежден, что мусульманин в Боснии не предан своей вере: она «важна была только своими последствиями, так как посредством ее он был господином; о национальности он также не думает»³⁶. По мнению Ровинского, религиозный вопрос сводится к социально-экономическим темам — праву на землю и высокому положению в обществе по сравнению с христианами, которые в основном являлись кметами — крестьянами-арендаторами на землях мусульман³⁷.

Автор считает мусульман, которые и являются боснийской аристократией, лицемерными, готовыми из-за выгоды менять свое мнение и не имеющими «характера противостоять первому внешнему натиску»³⁸. Однако именно такое поведение, как подчеркивает Ровинский, помогло тому, что мусульмане Боснии «не только сохранили свою славянскую народность, но и являются лучшими ее представителями: их язык отличается наибольшей чистотой, правильностью и некоторым изяществом; в нем сохранились грамматические формы и обороты»³⁹. Этой боснийской

аристократии Ровинский противопоставляет новое поколение мусульман, учившихся в школах, которые открылись после реформ Омера-паши Латааса в начале 1850-х годов⁴⁰ и в которых преподавание велось на турецком или арабском языках. Из выпускников новых учебных заведений, как свидетельствует Ровинский, вышла местная бюрократия, сторонница сильной центральной власти Стамбула и противница автономной Боснии. Автор пишет, что заметил в новых чиновниках стремление выделить себя из общей массы и смотреть свысока на своих соотечественников, не получивших образование в новых школах. И теперь, как свидетельствует Ровинский, эти же чиновники стали работать на австро-венгерское правительство, которое помешало самостоятельному развитию Боснии и Герцеговины⁴¹.

П.А. Ровинский приходит к выводу, что после «магометанско-аристократического» движения первой половины XIX в. не без помощи Габсбургской монархии наступил период «христианско-демократических» выступлений против властей, кульминацией которых стало восстание 1875–1878 гг. Вена, поддерживая христианские восстания, преследовала цель отторгнуть Боснию и Герцеговину от Османской империи и подчинить своей власти. Корреспондент с некоторой долей горечи признавал, что венское правительство при этом использовало Сербию и Россию⁴².

Однако Ровинский не считал австро-венгерскую оккупацию окончательным ответом на вопрос о перспективах боснийской государственности. Автор отводил определяющую роль мусульманам: по его мнению, они оказались перед выбором, на чью сторону встать — католиков или православных. «Вот вопрос, от решения которого зависит будущее духовное развитие Боснии, а в связи с ним ее культурные и политические стремления», — писал Ровинский⁴³. Сам корреспондент желал бы, чтобы будущее боснийцев и герцеговинцев было связано с Сербией. Однако, как догадывался Ровинский, это зависело не только от южнославянского княжества, но и великих держав. Корреспондент газеты «Новое время» предполагал, что соперничество России и Австро-Венгрии на Балканском полуострове должно было только усилиться: между ними «неизбежна борьба не только за политическое, но и за торгово-экономическое и культурное влияние»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О самом П.А. Ровинском см., например: *Хлебникова В.Б.* П.А. Ровинский как исследователь Черногории. Автореф... канд. ист. наук. М., 1986; *она же.* «Русский черногорец» Павел Ровинский // *Родина.* 2006. № 4; *она же.* Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016; П.А. Ровинский (1831–1916) и его время. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1988.

- ² *Хлебникова В.Б.* «Русский черногорец» Павел Ровинский. С. 75.
- ³ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Март.
- ⁴ См., например: *Wilson R.K.* The Literary Travelogue: A Comparative Study with Special Relevance to Russian Literature from Fonvizin to Pushkin. The Hague, 1973; *Маслова Н.М.* Путевой очерк: проблемы жанра. М., 1980; *Wolfzettel F.* Le discours du voyageur. Pour une histoire littéraire du récit de voyage en France, du Moyen Age au XVIII siècle. Paris, 1996; *Youngs T.* The Cambridge Introduction to Travel Writing. NY., 2013; *Печерская Т.И., Меднис Н.Е., Мароши В.В., Константинова Н.В.* Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016.
- ⁵ *Езерник Б.* Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / Пер. со словен. Л.А. Кирилиной. М., 2017.
- ⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т.3. СПб., 1873; *он же.* Босния в начале 1858 года // Там же.
- ⁷ *Мельчакова К.В.* Дипломатия и путешествия в неизведанных славянских землях. А.Ф. Гильфердинг и А.С. Ионин на службе в первом русском консульстве в Сараево // Славянский альманах. М., 2014. № 1–2. С. 61–73. URL: http://inslav.ru/sites/default/files/editions/2014_almanakh2014.pdf; *она же.* Проблемы турецкого управления в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии глазами русского дипломата, историка и путешественника А.Ф. Гильфердинга // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 50. С. 207–223. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/50_2015melchakova.htm.
- ⁸ *Фрейдзон В.И.* Корреспонденция Павла Ровинского о сопротивлении в Боснии австрийской оккупации // Отрог austrougarskoj okupaciji 1878. godine u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1979; *он же.* Отклики в России на борьбу в Боснии и Герцеговине против оккупации в 1878 г. // Ibidem.
- ⁹ *Кондратьева В.Н.* К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878–1889) // Балканские исследования. Вып. 8. М., 1982.
- ¹⁰ *Косик В.И.* Австрийская политика в Боснии и Герцеговине. (По материалам советско-югославских публикаций документов) // Балканские исследования. Вып. 13. М., 1991.
- ¹¹ *Вяземская Е.К.* Пороховой погреб на Балканах — Босния и Герцеговина 1878–1918 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997; *она же.* Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании югославянских наций. М., 1999; *она же.* Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003.
- ¹² *Новикова О.Н.* Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX — начала XX в. и ее роль в развитии международных отношений на Балканах. Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006.
- ¹³ *Donia R.J.* Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Hercegovina, 1878–1914. NY., 1981; *Donia R.J.* The Habsburg Imperial Army in the Occupation of Bosnia and Hercegovina // Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870s. NY, 1985.
- ¹⁴ *Bencze L.* The Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878. NY., 2006.

- ¹⁵ *Хлебникова В.Б.* «Русский черногорец» Павел Ровинский. С. 75.
- ¹⁶ Там же. С. 8.
- ¹⁷ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 5–6.
- ¹⁸ Там же. С. 59.
- ¹⁹ Там же. С. 58.
- ²⁰ Там же. 2–4.
- ²¹ Там же. С. 17–19.
- ²² Там же. С. 17–21.
- ²³ Там же. С. 22.
- ²⁴ Там же. С. 27–28.
- ²⁵ Там же. С. 27.
- ²⁶ Там же. С. 33.
- ²⁷ Там же. С. 9.
- ²⁸ Там же. С. 41–43.
- ²⁹ Там же. С. 30.
- ³⁰ *Ровинский П.А.* Из Боснии. Брчко, 5 ноября // Новое время. 1878. № 994. С. 2.
- ³¹ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 31.
- ³² *Ровинский П.А.* Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 19 (31) декабря // Новое время. 1878. № 1028. С. 1.
- ³³ *Ровинский П.А.* Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 19 (31) декабря // Новое время. 1878. № 1028. С. 2; *он же.* Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 12 (24) января // Новое время. 1879. № 1058. С. 2.
- ³⁴ *Ровинский П.А.* Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 19 (31) декабря // Новое время. 1878. № 1028. С. 2.
- ³⁵ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 32.
- ³⁶ Там же. С. 32.
- ³⁷ Там же. С. 32.
- ³⁸ Там же. С. 33.
- ³⁹ Там же. С. 23–24.
- ⁴⁰ Омер-паша Латас (1806–1871) — османский военачальник и политический деятель; в 1850–1851 гг. подавил восстание мусульманской аристократии в Боснии и Герцеговине, после чего стал проводить здесь реформы по укреплению центральной власти.
- ⁴¹ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 24.
- ⁴² Там же. 69–70.
- ⁴³ Там же. С. 35.
- ⁴⁴ *Ровинский П.А.* Из Боснии. Брчко, 5 ноября // Новое время. 1878. № 987. С. 3.

О.Н. МАЙОРОВА
(Институт славяноведения РАН, Москва)

ДИСКУССИИ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 90-Е ГОДЫ XX В. О МЕСТЕ ПОЛЬШИ В ЕВРОПЕ

Abstract:

Mayorova O.N. *Discussions on Poland's place in Europe in the Polish society of the 1990s*

The author analyses the discussions of the country's place within Europe in the Polish society of the 1990s, when the Central Europe entered a period of structural transformation; the article examines the priorities of the Polish foreign policy in the programs of the main political parties — the potential entrance into NATO and the EU being the principal issue.

Ключевые слова: Польша в 90-е годы XX в., программы политических партий, внешняя политика, НАТО, ЕС.

После краха коммунизма в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. Центральная Европа вступила в эпоху важных структурных преобразований. В новой исторической обстановке перед польским обществом, его политическими силами встал ряд актуальных вопросов, касающихся отношения к соседним государствам, выбора возможных союзников, определения своей позиции в развитии регионального сотрудничества и сближении с евроатлантическими структурами. На общественное мнение поляков воздействовали как международная ситуация, так и внутреннее положение, позитивы и негативы процесса политической и экономической трансформации.

Польша неизменно, начиная с первого правительства «Солидарности» в 1989 г., декларировала желание вступить в западные институты: ЕС и НАТО. Этот курс проводился энергично, подчиняя себе все другие внешнеполитические цели. В программной речи премьера левого коалиционного правительства В. Павляка в ноябре 1993 г. отмечалась необходимость достижения целей, определенных в документе «Принципы политики безопасности» президентом Л. Валенсой. Министр иностранных дел упомянутого правительства А. Олеховский также подчеркивал неизменность главного направления польской внешней политики, отмечая, однако, что страна «будет идти по левой стороне этой дороги».

Стремление Польши добиваться вступления в НАТО, а также продолжать курс на сближение и полное членство в ЕС декларировал в качестве первоочередных внешнеполитических задач и А. Квасьневский, будучи еще кандидатом на пост президента. Так, осенью 1995 г. в своей предвыборной программе он утверждал: во-первых, это историчес-

кие обстоятельства, поскольку после вступления в западные структуры Польша вернется в свое естественное окружение; во-вторых, в рамках интегрированного европейского организма будет легче пройти период экономической трансформации и приблизиться к ведущим странам мира; в-третьих, польское государство стремится к участию в Североатлантическом союзе с целью укрепления внешней безопасности; в-четвертых, это будет способствовать поддержке демократических преобразований, так как, добываясь места в ЕС и НАТО, страна должна будет соответствовать их высоким демократическим стандартам¹. Д. Росати, министр иностранных дел (март 1995 г. — сентябрь 1997 г.) также отмечал, что впервые за многие годы появился реальный шанс коренным образом изменить стратегическую ориентацию Польши в пользу последовательной европейской концепции, которая обеспечивает лучшие «условия государственной безопасности и более выгодные перспективы экономического развития»².

В польском обществе осмыслению места и роли своей страны в современном мире с учетом происходивших в Центральной Европе глубинных изменений и последствий объединения Германии уделялось большое внимание. Различные мнения находили отражение и в позициях политических партий, и в публикациях периодических изданий. В начале 90-х годов появилась интересная работа историка Т. Киселевского, в которой утверждалось, что «Центральная Европа существует и представляет собой переходное пространство между латинской и византийской цивилизациями, будучи, однако, интегральной частью первой»³.

Известный философ Б. Лаговский обращал внимание на источники беспокойства в польском обществе. «Наш путь к объединенной Европе, — отмечал он, — невозможен до тех пор, пока мы не поднимемся до западного цивилизационного уровня. Для этого необходимы не только время, но и усилия, чтобы приспособиться к нему. Иначе мы дождемся сначала антипольских настроений на Западе, а потом в Польше возникнет партия, рассчитывающая на Россию и втягивающая ее в польские дела»⁴.

Познанский историк Е. Красуский, занимая взвешенную, на наш взгляд, реалистическую позицию, считал, что Польша является «транзитной» страной с преобладанием направления Восток — Запад. «Если политический вакуум на Востоке сохранится слишком долго, — заявлял Красуский, — то Польша как крепостная стена и граница Европейского сообщества попадет в такую зависимость от Германии, что ее существование станет де-факто фикцией». Противовес Германии виделся именно на востоке. Для Польши Красуский усматривал шанс «сохранить свою самобытность только в том случае, если ось Париж-Берлин-Варшава протянется до Москвы»⁵.

С точки зрения последнего «коммунистического» премьера М. Раковского, самое главное, чтобы Польша на пороге третьего тысячелетия стала полноправным членом ЕС. Он считал, что вхождение в НАТО не имеет такого качественного веса, как присутствие страны в ЕС. На его взгляд, политики и журналисты уклонялись от своей важнейшей обязанности — просветительской деятельности, а ведь она необходима, если вхождение в Европу понимать как приспособление к нормам «сожителства» народов западной части континента. Оно предполагает перестройку национального сознания, а это — задача значительно более сложная, чем создание правовой базы, приспособленной к законам входящих в состав ЕС государств⁶.

Е. Урбан, бывший пресс-секретарь правительства М. Раковского, призывал с большой долей скептицизма относиться к данным социологических исследований, по которым 90% поляков высказывались за вступление в НАТО, 88% — за экономическую и политическую интеграцию с ЕС. Среди поляков, спешивших в НАТО, значительная часть отрицательно относилась к возможному размещению в Польше ядерного оружия и иностранных войск, то есть поляки не против «западного зонтика», но без связанного с этим риска. Правые группировки, которые поддерживали вступление страны в НАТО, неодобрительно относились к условиям экономического, социального и юридического интегрирования с Западом. Наконец, сторонники Движения за возрождение Польши (ДВП)* и значительная часть Акции выборчей «Солидарность» (АВС)** рассматривали суверенность Польши как высшее благо, но ведь вступление в евроатлантические структуры вело, по мнению Е. Урбана, к ее определенному ограничению. Он подчеркивал, что почти всеобщая поддержка поляками идеи членства их страны в НАТО питалась прежде всего антироссийскими фобиями. Он также делал акцент на одном из аспектов этой проблемы: членство Республики Польша (РП) в НАТО составит некоторый противовес возможному участию во власти крайне правых, которые в определенной ситуации могли бы выдвинуть требования в отношении Львова и Вильно⁷.

По мнению польского писателя и политика А. Щипёрского, западную ориентацию польской внешней политики наверняка определяло стремление к материальному авансу, а с другой стороны, подтверждало нежелание огромного большинства нации вернуться к прежней политической, экономической и социальной ситуации. Щипёрский полагал,

* Правая партия, действовавшая в 1995–2012 гг.

** Блок из трех с половиной десятков правоцентристских партий и организаций, ведущей силой которого являлся профсоюз «Солидарность», находился у власти в Польше в 1997–2001 гг.

что нет страны, которая бы проиграла от участия в континентальном содружестве. Даже при разделах Польши сохранялась национальная самобытность. И смешно бояться, заключал он, что 40-миллионный народ в собственном суверенном государстве потеряет эту самобытность в рамках интегрированной Европы⁸.

В ряде публикаций отмечалось, что в то время как абсолютное большинство польского общества выступало за вхождение в ЕС и НАТО, «антиевропейское» меньшинство имело тем не менее довольно влиятельных сторонников. И не только в так называемых посткоммунистических кругах, представители которых — из-за политических биографий и почти полувекового понимания польских государственных интересов на базе «восточной ориентации» — естественно входят в это меньшинство. Но удивительно, что антиевропейские настроения находили приверженцев также в польском костеле, Польской крестьянской партии (ПКП)* и правых народных (национальных) кругах. Если кардинал Ю. Глемп видел на Западе истоки морального распада и указывал на его опасность для традиционного польского католицизма, то ПКП заявляла об угрозе сельскохозяйственной политики ЕС для польского села, а правые вместе с некоторыми идеологами Христианско-национального объединения (ХНО)** толковали о негативных последствиях общеевропейской унификации национальной самобытности поляков⁹.

Некоторые материалы польской периодики содержали резкую критику восточного направления внешней политики страны. Известный в Польше ведущий специалист по «русским делам» проф. А. Дравич оценивал в декабре 1993 г. политику отчуждения по отношению к РФ как «огромную политическую глупость». Объясняя «разбухающий на глазах», подобно атомному грибу, чудовищный синдром отчуждения от России в польском обществе обидами за прошлое, страхом перед будущим и польской гордыней, он подчеркивал, что «дозволенное общественному мнению не пристало тем, кто властвует в Речи Посполитой. Ибо их дело — не поддаваться эмоциям толпы... Создается впечатление, что они задались целью изменить географическое положение Польши — отчалить от берегов Буга и пришвартоваться где-нибудь между Норвегией и Исландией». И далее А. Дравич писал: «Определенные надежды во мне пробудила смена власти (в сентябре 1993 г. — О. М.). Однако я быстро понял, что это — иллюзии, ибо левые силы в Польше превыше всего жаждут психологической легитимности и панически боятся обвинений даже в самом малом русофильстве»¹⁰.

* Возникла в 1990 г.

** Правая национально-христианская партия (1989–2010).

Не согласен с русофобским журналистским большинством и публицист Ст. Киселевский, утверждавший, что «Ялта* была для Польши не только вступлением в политическую неволю, но также и обретением разумного географического положения», что следует сохранять союз с Россией, но не на базе единства мировоззрения и строя, а на основе добровольной, свободно определенной общности жизненных интересов¹¹. Эти идеи, кстати, разделялись некоторыми известными деятелями «Солидарности». Так, А. Михник утверждал, что «постоянный диалог с Россией должен быть каноном польской геополитики»¹².

О том, что польские власти и средства массовой информации «односторонне и поверхностно» информировали общественность страны о подлинных проблемах европейской безопасности, особенно об условиях, а также политических, военно-стратегических и финансовых последствиях вступления РП в Североатлантический альянс, заявляли участники состоявшейся в Варшаве в марте 1996 г. конференции «НАТО и безопасность Польши и Европы». Ее провели Общество «Польша-Восток» и «Клуб польских государственных интересов» - организация, объединявшая независимых политологов и общественных деятелей. Попытки на этой конференции польских политиков и военных строить систему европейской безопасности без России или в ущерб ее интересам ученый М. Добросельский расценил как удивительные, «представляющие собой опасные и очень дорогостоящие иллюзии»¹³.

Взвешенную позицию высказывал также Е. Урбан, обращая внимание на то, что никакая НАТО не обезопасит Польшу от Востока, если она не будет поддерживать с Россией добрососедские отношения. Так же как никакой ЕС не заменит Россию в качестве источника сырья и энергии для Польши и рынка сбыта для большинства польских товаров¹⁴. О желании осуществить стратегическую цель — вступить в НАТО, не ухудшая отношений с Россией, заявлял министр иностранных дел Д. Росати. Он был убежден, что это удастся сделать, даже если в переходный период возникнет определенное напряжение в польско-российских отношениях¹⁵.

И все же, несмотря на существование в Польше реалистических, продуманных, подобных приведенным выше настроений, явно преобладали антироссийские. Вопрос «Что важнее — быстрое вступление в НАТО или выгоды от возможных экономических уступок России?» ввел в оборот министр иностранных дел левого коалиционного правительства А. Олеховский. Он объяснял свою отставку в феврале 1995 г.

* Имеется в виду Ялтинская конференция лидеров трех стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.), посвященная установлению послевоенного мирового порядка.

«принципиальными разногласиями» со всем кабинетом по проблемам сотрудничества с Россией, которое, по его утверждению, мешало стране на ее пути к Западу. Некоторые ведущие политики коалиции указывали на необходимость усилий по развитию региональной интеграции, функционировавшей независимо от европейского сообщества¹⁶. После визита министра иностранных дел РФ Е.М. Примакова в Варшаву в марте 1996 г. в стране развернулась политическая кампания, направленная на «нейтрализацию» возможного улучшения двусторонних отношений. Так, представители ДВП, в котором после поражения на парламентских выборах 1993 г. объединился ряд правых группировок (сторонников Л. Валенсы и Я. Ольшевского), заявляли, что до вступления Польши в НАТО подписание договоров с Россией вообще должно быть приостановлено.

Теперь попробуем проследить позиции основных политических партий в отношении приоритетов внешней политики страны. Социал-демократия Республики Польша (СДРП) неизменно была сторонницей включения в европейские процессы и структуры, и со временем эта позиция укрепилась. Однако уже в первых программных декларациях социал-демократии этому сопутствовало предостережение, что процесс «вхождения в Европу» будет не только трудным, но и рискованным с учетом огромных экономических диспропорций¹⁷.

В несколько меньшей степени, чем социал-демократы, связывала будущее Польши с Западной Европой Польская крестьянская партия, составлявшая с социал-демократами правительственную коалицию в 1993–1997 гг. В ее заявлениях можно было встретить сомнения, имевшие главным образом экономическое основание, опасения высокой цены связей с ЕС, а также подчеркивание значения сотрудничества с ближайшими соседями¹⁸. В программных документах Союза труда (СТ), входившего в Союз демократических левых сил (СДЛС), отмечалось, что внешняя безопасность Польши требовала прежде всего вступления в НАТО, а также поддержки дружеских контактов с соседями и большего разнообразия в направлениях экономического сотрудничества, слишком односторонне сконцентрированных на Западной Европе¹⁹.

Правые политические группировки Польши также высказывались за участие в процессе европейской интеграции, который, однако, как подчеркивалось в документах, например, Христианско-национального объединения, не должен ограничивать суверенности государства и национальной самобытности²⁰. В предвыборной программе Движения за возрождение Польши осенью 1997 г. отмечалось, что участие РП в НАТО, усиление балтийских государств, Украины и Белоруссии создавали «шанс для сдерживания российского империализма», а членство Польши в ЕС «требует времени и денег» и подготовки по крайней мере нескольких

стратегических отраслей польской экономики к конкуренции с Западом²¹. Лидеры Акции выборчей «Солидарность», выступая за быстрее вхождение страны в НАТО, подчеркивали в 1997 г., что Польша должна при этом сохранить собственную самобытность и иметь «непосредственное влияние на формирование нового порядка в Европе»²².

Таким образом, правые группировки, поддерживая в целом стремление РП в НАТО, были не согласны, в частности, со свободным перемещением капиталов (усматривая опасность в иностранных инвестициях) и свободным передвижением людей, а особенно их наплывом в страну. Лидеры правых выступали за протекционистские таможенные барьеры (так как следовало защищать польское сельское хозяйство от внешней конкуренции) и не хотели приспособления польских законов к международным стандартам (считая, по меньшей мере, спорными запрет смертной казни, гарантии для национальных и сексуальных меньшинств, равноправие верований и т.д.).

Польские партии центристской ориентации также выступали за полное членство страны в НАТО. Приоритетом внешней политики, по мнению Соглашения центристских сил (СЦС), должно было быть вступление в эту и другие европейские структуры, понимаемое как альтернатива зависимости от России. «Польша может и должна переломить довлеющий на ее судьбе геополитический фатализм путем участия в евроатлантической оборонной организации (НАТО) и в Европейском союзе», — отмечалось в программных декларациях СЦС²³.

Основным содержанием современных польских государственных интересов Либерально-демократическим конгрессом (ЛДК) и Демократическим союзом (ДС) признавался «роевропеизм», понимаемый как приспособление и готовность к сотрудничеству с целым комплексом континентальных институтов. Союз свободы (СС), образовавшийся в результате слияния в 1994 г. ЛДК и ДС, также ратовал за скорейшее вступление Польши в ЕС и НАТО, но его программа содержала вместе с тем и положение о создании «мирных отношений между НАТО и Россией»²⁴.

Против политического курса на вхождение Польши в НАТО и ЕС категорически выступала Национальная партия «Щербец». Она называла этот курс «национальным самоубийством» в своем майском (1995 г.) заявлении: «... вхождение в НАТО, — читаем мы в документе, — подвергает страну смертельной опасности, а вожденная многими Европа превратит нас в дешевый рынок сбыта иностранных изделий и в колонию»²⁵.

Если кратко обозначить позиции партий на парламентских выборах в сентябре 1997 г., то они группируются следующим образом:

- А) безусловно за вхождение в НАТО — СС, СТ, ДВП;
- Б) «за» с определенными оговорками — СДЛС, АВС, ПКП.

Что касается Европейского союза, то только СС безоговорочно был за быстреее в него вступление; остальные партии в принципе выступали «за», но делали различные оговорки: СДЛС боялся слишком сильной зависимости от Брюсселя; АВС и СТ говорили о необходимости выторговывания выгодных кредитно-финансовых условий; ПКП была озабочена защитой польского сельского хозяйства; ДВП предостерегало от излишней спешки²⁶.

Таким образом, с одной стороны, очевидна неизменность приоритетов и преемственность стратегической линии Польши на вступление в ЕС и НАТО. С другой же — внимательный анализ обнаруживает определенную вариативность и различную акцентировку аналогичных, на первый взгляд, внешнеполитических установок основных партийных объединений.

В декабре 1997 г. на конференции в Варшаве, посвященной вопросу о роли НАТО уже в расширенном составе, был отмечен еще один аспект последствий присоединения к Североатлантическому альянсу Польши, Чехии и Венгрии, а именно: Германия окажется в окружении исключительно натовских стран, что обусловит ее «поведение» в отношении Польши скорее как «лояльного гражданина», нежели соседа, создающего угрозу. Тем самым расширением НАТО на Восток будет сдерживаться колоссальная мощь объединенной Германии. А страх перед нею, западным соседом, и Россией, соседом восточным, существовал в Польше на протяжении веков.

В сентябре 1997 г., как уже упоминалось, в Польше состоялись парламентские выборы, на которых победу одержал правый блок АВС. Было образовано правоцентристское коалиционное правительство АВС–СС во главе с депутатом от АВС Е. Бузеком, который подтвердил курс прежнего правительства на быстрые темпы вхождения Польши в НАТО. Этому же направлению придерживался и президент, заявляя, что первостепенными он считает задачи укрепления демократии, ликвидации экономических диспропорций, отделявших Польшу от высокоразвитых промышленных стран Запада, интеграции с ЕС и НАТО. «Расширение НАТО выходит за оперативные, стратегические или политические рамки — это исторический процесс. Закрывается не только раздел истории, начиная от Ялты, но и рождается концепция строительства на базе общих ценностей новой Европы», — подчеркивал в 1998 г. президент А. Квасьневский²⁷.

Участниками дискуссий часто говорилось, имея в виду восточную политику, о программе-минимум и программе-максимум. В качестве минимума Польша рассчитывала геополитически отгородиться от России за счет создания «пояса привилегированного добрососедства» из постсоветских государств. Как было сказано, например, в предвыборной программе

АВС, «принципиальный спор с Россией касается не вопроса членства Польши в НАТО и ЕС, а различия интересов в отношении государств, находящихся между Республикой Польша и Российской Федерацией, т.е. в отношении стран Балтии, Белоруссии, Украины и Молдовы»²⁸.

Что же касалось программы-максимум, то заявлялось, что Польша чувствовала бы себя комфортно, если бы отодвинулись на восток границы евроатлантических институтов — НАТО и ЕС. Однако, декларируя эти цели, польские политики стремились «подсластить пилюлю». Так, А. Квасьневский не забывал отметить, что «расширяя НАТО, надо все время поддерживать самые хорошие отношения с Россией»²⁹.

Таким образом, в рассматриваемый период Польша боролась за свое место и достойную роль в Европе и главные внешнеполитические пути достижения этого видела во вступлении в НАТО, состоявшемся в 1999 г., и в ЕС — в 2004 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Запад не будет «умирать за Гданьск» // Правда. 1995. 18 ноября.

² *Rosati D.* Nowy Łach, stary starch. Dlaczego Unia Europejska boi się Polski? // Polityka. 1995. № 2. S. 22–23; *Kawecka-Wyrzykowska E.* Ekonomiczne i pozaekonomiczne motywy członkostwa Polski w Unii Europejskiej // Unia Europejska. Integracja Polski z Unią Europejską. Warszawa, 1996.

³ Цит. По: *Pasierb B.* Dylematy polskiej geopolityki. Polska w Europie, ale jakiej? // Postzimnowojenna Europa. Ku jedności czy nowym podziałom? Wrocław, 1995. S. 126.

⁴ Ibidem.

⁵ *Krasuski J.* Gdzie leży Polska? // Polityka. 1992. № 52. S. 14.

⁶ *Rakowski M.* Europa nie zaczeka // Polityka. 1997. № 9. S. 28–30.

⁷ *Urban J.* Łaskotanie niedźwiedzia // Ibid. S. 33–34.

⁸ *Szczypiorski A.* Lęk i niepewność // Ibid. S. 32–33; Idem. Strasznie Europą // Polityka. 1995. № 38. S. 3.

⁹ *Rosnowski St.* Płytką świadomość. Debata w sprawie NATO // Polityka. 1995. № 37. S. 3.

¹⁰ Wprost. 1993. 7.XII.

¹¹ *Kisilewski St.* Komu jest potrzebna Polska? // Tygodnik powszechny. 1990. 4. III; Polityka. 1990. 10. III.

¹² Gazeta wyborcza. 1995. 13. V.

¹³ Пульс планеты (ИТАР-ТАСС). 1996. 2. III. СЕ-17.

¹⁴ *Urban J.* Łaskotanie niedźwiedzia // Polityka. 1997. № 9. S. 33–34.

¹⁵ Rozmowa z ministrem spraw zagranicznych Dariuszem Rosati. Granice ustępstw // Polityka. 1997. № 9. S. 10.

¹⁶ *Olechowski A.* Europejska opcja polskiej polityki zagranicznej // Rocznik polskiej polityki zagranicznej. 1995. Warszawa. S. 29.

¹⁷ Program społeczno-polityczny SdRP // Trybuna Ludu. 1991. 12. VI. S. 2; Polskie partie polityczne. Charakterystyki, dokumenty. Wrocław, 1996. S. 227.

¹⁸ Program polityczny i społeczno-gospodarczy PSL (Uzupełniony na IV Kongresie PSL. Luty 1995) // Polskie partie... S. 160–161.

- ¹⁹ Uchwała programowa I statut przez pierwszy kongres. Warszawa, 1993 // Polskie partie... S. 296; Rzeczpospolita. 1997. 18.IX. S. 18–19.
- ²⁰ Deklaracja programowa IV zjazdu Krajowego ZChN marzec 1995 // Polskie partie... S. 316; 57, 85, 23, 186–197; *Pilka M.* Wiele nas łączy // Tygodnik Solidarność. 1996. 8.III. S. 3, 10.
- ²¹ *Lentowicz Zd.* Rywnym krokiem do NATO, każdy swoją dróżką // Rzeczpospolita. 1997. 18. IX. S. 18.
- ²² Ibidem; Tygodnik Solidarność. 1997. 16. V. S. 6–7.
- ²³ Polskie partie... S. 180.
- ²⁴ Ibid. S. 312.
- ²⁵ Ibid. S. 265; См. также: The Polish Transformation from the Perspective of European Integration. EU-monitoring. Warszawa, 1997. February. P. 205–208.
- ²⁶ Mała ściągawka dla wyborce 97 // Polityka. 1997. № 38. S. 6.
- ²⁷ Пульс планеты. 1998. 23 февраля. С. 3.
- ²⁸ Цит. по: *Кобринская И.* У Польши появились свои интересы на просторах СНГ // Известия. 1998. 9 января.
- ²⁹ Niewątpliwie mam satysfakcję. Rozmowa z prezydentem RP A. Kwaśniewskim // Rzeczpospolita. 1998. 14. V. S. 2; *Эггерт К.* Польша рвется на Запад, но не хотела бы слишком отдаляться от Востока // Известия. 1996. 10 марта.

Н.Ю. КАЛАШНИКОВА
(Институт славяноведения РАН, Москва)

ВЗГЛЯД НА РОССИЮ И РУМЫНИЮ ИЗ БУХАРЕСТА И МОСКВЫ

Abstract:

Kalashnikova N.Yu. *A view on Russia and Romania from Bucharest and Moscow*

The author presents a sociological cross-section of public opinion in Russia and Romania, both about each other and on the problems relevant for the citizens of these countries in the recent years.

Ключевые слова: Россия, Румыния, социологический опрос, «мягкая сила», Траян Бэеску, Клаус Йоханнис, В.В. Путин, ПРО США.

«Румыния: имидж — всё! — так в декабре 2013 года телеканал EuropeNews анонсировал программу «Глобальный разговор» с участием румынского премьера Виктора Понта. — Эта страна часто воспринимается соседями по европейской семье как сложная, но при этом она успешно восстанавливается после кризиса...». Глобальный разговор тогда Европой и ограничился¹.

А если выйти за пределы европейской семьи, куда Бухарест вступил всего 10 лет назад (1 января 2007 г.; ранее, 29 марта 2004 г., страна присоединилась к НАТО), и задаться вопросом: каков имидж современной Румынии в России, и наоборот, современной России — в Румынии? То есть, в странах, имевших не десятилетнюю, а почти полувековую и весьма непростую «семейную историю».

Простой ответ — на поверхности: взаимный интерес у Москвы и Бухареста упал до минимальной отметки, и в этом контексте сама тема представляется надуманной.

На этом, собственно, можно было бы и закончить статью. Но более широкий взгляд на проблему не позволяет ее автору поставить точку.

Простой ответ

«Чтобы стать успешным, будьте всегда загорелым, живите в элегантном особняке (пусть и на чердаке), появляйтесь в хороших ресторанах (даже если денег на один коктейль) и, если вы чем-то занимаетесь, делайте это по-крупному». Аристотель Онассис знал, о чем говорит: имидж можно «сделать», можно скорректировать и даже выстрадать (вспомним про чердак). Принцип работает не только в отношении отдельных бизнесменов и политиков, но, зачастую, и целых государств. Но имидж можно еще и обрести. Обретенное, неискusstvenное пред-

ставление о странах рождается «снизу» — через восприятие в общественном мнении их визави.

Объект этого исследования и есть взгляд снизу: социологический срез представлений в России и Румынии как друг о друге, так и о проблемах, актуальных для граждан обеих стран.

Простой (точнее — упрощенный) ответ на вопрос, сформулированный в начале этой статьи, ограничивает круг факторов, формирующих мнение друг о друге. В отсутствие прорыва в двустороннем взаимодействии, но при наличии богатой (и противоречивой) истории отношений его во многом определяют стереотипы. Топ-лист этих «брендов» известен: от блуждающего в веках бессарабского, ныне молдавского, вопроса (оставим это политикам) — до примитивного «родина Дракулы» (популярно у россиян, черпающих знания из блокбастеров и туристических буклетов). Обе эти позиции автор далее предпочитает не упоминать. Как, впрочем, и официальные доводы Москвы и Бухареста по тем или иным аспектам двусторонних отношений.

В поддержку такого подхода приведу мнение директора Центра предотвращения и предупреждения конфликтов (The Centre for Conflict Prevention and Early Warning) Юлиана Кифу (Румыния): «Румынские власти воспринимают Россию через призму отношений россиян к Украине. Повлиял на ситуацию и российско-грузинский конфликт... Это в целом говорит о том, что румынская власть считает уровень демократии в России крайне низким». При этом румынское общество более позитивно воспринимает россиян, чем румынские власти, считает политолог². Впрочем, важно не то, какое из мнений «позитивнее». Народная дипломатия во все времена давала фору официальной. Теперь это называют «мягкой силой». Вопрос: насколько заметна ее роль сейчас, в случае России и Румынии.

Простой ответ безупречно логичен: чем дольше пауза между прошлым и будущим, в которой завязли наши страны, тем более размытым становится восприятие друг друга.

Начнем со СМИ и интернета — по нынешним временам, главных «учебников» страноведения.

В 2015-м и в первой половине 2016 г. среди новостей с упоминанием Румынии, размещенных на лентах ведущих российских информагентств (ТАСС, РИА Новости, RT и др.), по цитированию и перепостам лидировали три.

Первая (с большим отрывом): готовящееся/состоявшееся размещение на румынской территории ПРО США.

Вторая: готовящийся/начавшийся (опять же в США) суд над румынским хакером Гучцифером (настоящее имя Marcel Lazăr Lehel. — *Н. К.*), взломавшим электронные ящики Дж. Буша-мл., Колина Пауэлла и Хиллари Клинтон.

Третья: готовящееся/состоявшееся подписание Санкт-Петербургским футбольным клубом «Зенит» контракта с румынским тренером Мирчей Луческу.

При этом все три информационных повода прямой увязки с имиджем Румынии изначально не имели. Первый в комментарийном плане сразу был отнесен на счет противостояния России и Запада. Адресное упоминание Румынии в контексте размещения ПРО в Европе прозвучало лишь 27 мая 2016 г., из уст президента РФ (к этому важно для румынского общественного мнения моменту мы еще вернемся).

Вторая новость на тот момент благополучно ушла в копилку достижений мирового сообщества продвинутых хакеров. Ну а выдающийся румынский футболист и тренер Мирча Луческу, начиная с 1991 г. (с небольшим перерывом) работал за пределами своей страны, с ведущими клубами Италии и Турции; в 2004–2016 гг. был главным наставником донецкого «Шахтера».

В русском интернете немало материалов, связанных с возможностью открытия бизнеса, а также туризмом в Румынии. Но эффективного попадания в цель обе стороны пока не фиксируют.

Отсутствует — и в России, и в Румынии, такой важный фактор формирования общественного мнения, как «телевизионная картинка»: у Москвы и Бухареста в последние годы не появилось повода для встречи в верхах и для других, достойных телевизионного прайм-тайм, совместных мероприятий. Напомним, Владимир Путин принимал в Москве президента Траяна Бэеску 14 февраля 2005 г. Далее были только встречи «на полях» — в ходе саммита НАТО в Бухаресте (2–4 апреля 2008 г.), саммита АСЕМ в Милане (17 октября 2014 г.).

21 ноября 2014 г. официальный представитель российского МИД заявил, что Россия «надеется, что новый президент Румынии (им стал Клаус Йоханнис. — *Н. К.*) и новый состав правительства будут проводить курс, который обеспечит развитие нашего двустороннего сотрудничества»³.

Но дальше — тишина. Между Бухарестом и Москвой стояла тень Украины и европейских санкций. Контакты, конечно, продолжались. К примеру, 18 марта 2016 г. спецпредставитель президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, замминистра иностранных дел РФ Михаил Богданов принял гендиректора департамента МИД Румынии Даниеля Тэнасе. Говорили о ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке с акцентом на скорейшее политическое урегулирование в Сирии. Но это, скорее, для политических гурманов, нежели для публичной телекартинки.

Румынские СМИ проявляют к России большой интерес. В ежедневных изданиях появляются сообщения с новостных лент информагенств, в

том числе, о внутренних событиях в РФ. Аналитические материалы позитивного сигнала для формирования общественного мнения в отношении России по большей части не дают⁴. Но чего ожидать в условиях полного отсутствия информационного диалога между странами?

Так или иначе, Москва для Бухареста роль ньюсмейкера сохраняет (пусть, зачастую, и в роли «плохого парня»). Румыния же для России, за крайне редким исключением, остается *terra incognita*. Судя по опросам общественного мнения, она для России и не друг, и не враг. Нет ее, следуя классику, даже в категории «... а так».

ДРУЗЬЯ, ВРАГИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРТНЕРЫ

По опросу ВЦИОМ (январь 2015 г.), наиболее дружественной страной 51 % россиян назвали Китай. Далее — Белоруссия (32 %) и Казахстан (20 %). Германию посчитали другом лишь 2 % опрошенных (в 2008 г. таковых было 17 %). Среди враждебных стран лидируют США (73 %). Возросла доля отметивших напряженные отношения с Украиной (с 21 % в 2008 году до 32 %). К недружественным отнесены также Англия (9 %), Польша (6 %), Канада (3 %), Франция (3 %)⁵...

Во взгляде на друзей и врагов россияне и румыны категорически не совпадают. Но в отношении имиджа России (с видом из Бухареста) просматривается примечательная динамика.

В марте 2011 г. были опубликованы результаты исследования «Восприятие России на Украине, в Румынии и в Молдавии». Проект осуществил киевский Институт евроатлантического сотрудничества (ИЕАС) совместно с молдавским Институтом государственной политики и румынским Центром предотвращения и предупреждения конфликтов. По мнению экспертов, влияние России в Румынии ограничивается «экономической сферой». По словам политолога Юлиана Кифу, несмотря на тоталитарное прошлое, румынское общество выработало «достаточный иммунитет к попыткам воздействия на свои базовые ценности»⁶.

Прошло два года. Базовые ценности не пострадали. Согласно результатам опроса, проведенного в марте 2013 г. службой INSCOP Research по заказу издания «Adevărul», наиболее позитивно румыны были настроены к Великобритании (77 %), а также к США, Франции, Германии и Испании (по 74 %). Положительные чувства к России испытывали на тот момент 36 % респондентов, к Венгрии — 35 %, к Украине — 34 %. Но тогда же, в марте 2013 г., Россия, Венгрия и Украина, замыкая «рейтинг положительных эмоций», возглавили список эмоций негативных. Первую позицию заняла Венгрия (49 %), за ней — Россия и Украина (47 %)⁷. Время причудливо тасует политическую колоду. Отношения Бухареста и Киева теперь на подъеме⁸.

Но вернемся к опросам. Еще через два года, летом 2015 г., в исследовании Gallup уже 57% румын назвали Россию главной угрозой. Хотя, как говорится, ничего личного: Москва была под санкциями, и роль самой большой угрозы приписали ей практически все государства Евросоюза в Восточной Европе⁹.

В России не проводятся социологические исследования, напрямую связанные с Румынией, и потому точно судить о том, что знают наши граждане об этой стране, сложно. Хотя отсутствие интереса социологов показательно уже само по себе.

Румынский аналитический центр Institutul Român pentru Evaluare și Strategie (IRES) в ноябре 2015 г. рискнул пойти на эксперимент. Картина сложилась любопытная.

Итак, 82% румын знают, что президентом России является Владимир Путин. 16% назвали Михаила Горбачева («перестройка» была очень позитивно воспринята в Румынии). Из респондентов, посетивших Россию, 76% приехали туда на экскурсию, по делам — 13%, к родственникам или друзьям — 9%, на учебу — 2%. Но что примечательно: 77% были в России до событий 1989 г., 16% — в 1990–2000 гг. и только 7% — после 2000 года (это, напомним, данные на ноябрь 2015 г.). При этом 57% вынесли из общения с нашей страной приятные впечатления и хотели бы вернуться; 40% респондентов ответили, что больше сюда не поедут. Иными словами, личный опыт общения с современной Россией не является для наших румынских визави решающим источником знаний о стране.

80% участников опроса заявили, что обычно не пользуются продукцией/товарами, произведенными в России; 17% — пользуются. Из тех, кто предпочитает продукт made in Russia, 18% назвали российский газ; 16% — электронику и бытовую технику; 11% — водку и прочий алкоголь; 8% — топливо/бензин; 7% — продукты питания; 5% — косметику; 5% — консервы. При этом 51% респондентов считают российские товары качественными, 20% рассудили иначе. Самое любопытное — далее. На вопрос, какой российский бренд наиболее известен румынам, ответы были такие: автомобиль «Лада» — 30%, нечто под именем «сталинская» — 9%, «Волга» (автомобиль) — 8%, Газпром — 7%¹⁰.

Ностальгические воспоминания? Лишь отчасти. Ностальгия имеет привкус тоски, а такие эмоции в данном случае вряд ли преобладают над реальностью. А она такова. Основные страны, поставлявшие товары в Румынию в 2014 г. — это Германия (19,1%), Италия (10,8%), Венгрия (7,8%), Франция (5,7%) и Польша (4,6%). Россия — 3,9%. В 2010–2013 гг. зафиксирован всплеск интереса к Румынии со стороны Москвы. Но уже в 2013 г. он пошел на спад¹¹.

Рекордным по двустороннему товарообороту стал 2008 г. (5,9 млрд долларов): российский экспорт достиг 5,01 млрд, импорт в Россию из Румынии — 0,9 млрд долларов (получается, что даже на пике успеха россиянам вряд ли удалось получить представление о продукции made in Romania). По данным румынской таможенной статистики за 2015 год, двусторонняя торговля сократилась по сравнению с 2014 г. на 33,8 % (составив чуть более 3 млрд долларов). Тенденция к снижению продолжается¹². Таким образом, к российским товарам у румын вкус также активно притупляется.

А ведь Торгово-промышленная палата РФ (ТПП РФ) проводила бизнес-форумы с участием представителей бизнес-сообществ двух стран, в том числе региональных. Работали деловые советы, Российско-румынская двусторонняя ТПП. В июне 2013 г. совместно с двусторонней Ассоциацией культуры и дружбы, Союзом промышленников Румынии и Советом уезда Сучава ТПП РФ организовала семинар на тему: «Возможности для бизнеса в России для румынских фирм». Подписано соглашение о сотрудничестве между московской и бухарестской торговыми палатами... Но на имидже России в Румынии, как и Румынии — в России все это, увы, отражается мало.

Тут уместно нелирическое отступление.

Вашингтон, как и Москва, также не является ведущим экспортером Румынии. Между Бухарестом и Вашингтоном взаимодействует примерно тот же набор торгово-промышленных институтов. В сентябре 2015 г. румынский президент Клаус Йоханнис посетил США, где тогда же прошел инвестиционный форум BestInvest Romania. В обращении к участникам он выразил надежду, что США в ближайшие годы могут стать одним из ведущих инвесторов в румынскую экономику.

На сайте Госдепартамента США первым делом упомянуты такие направления сотрудничества: содействие в модернизации вооруженных сил Румынии, приведение их в соответствие со стандартами НАТО. И понятно, почему: еще в 2011 г. страны подписали соглашение о противоракетной обороне, позволяющее размещение на румынской территории американского персонала, оборудования и ракет-перехватчиков в течение ближайших пяти лет. Принята совместная декларация о стратегическом партнерстве. В 2015 г. Румыния согласилась разместить у себя элементы американской ПРО: это произошло в 2016 г.

Что касается «гражданского» бизнеса, то американские компании работают в сфере энергетики, информтехнологий, телекоммуникаций. Детали на сайте Госдепа не уточняются¹³.

Какое представление об этом стратегическом партнерстве формируется «снизу»? Начнем с того, что восемь из десяти румын знают имя

президента США — результат, аналогичный опросу по России. Далее тоже немало общего. На вопрос, какая американская продукция поступает в Румынию, 69% не смогли ответить; 4% полагают, что это автомобили; 3% беспрочно поставили на Coca Cola; 2% — на вооружения. Главный американский бренд в восприятии румын — Coca Cola. Затем — Pepsi, Gillette, Colgate, Facebook, Google, McDonald's. Далее по списку: Xerox, Gillette, Nike, Ford, Procter&Gamble, Apple... Третий респондент заявляет, что от 25 до 50% используемых ими товаров — американского происхождения. Особенно высоко качество этой продукции (точнее сказать, брендов) оценивает молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. 89% опрошенных назвали отношения Румынии и США «хорошими» или «очень хорошими». 34% считают США наиболее дружественной страной. Из них 52% полагают, что в случае регионального конфликта США окажут Румынии наибольшую поддержку, а 50% убеждены, что Румыния должна занять сторону США в случае конфликта в других регионах мира¹⁴.

Именно так, дистанцированно друг от друга, существуют Москва и Бухарест. Но во взглядах граждан наших стран немало общего.

«МЯГКАЯ СИЛА»

По опросам (осень 2012 г.), 64% румын были уверены, что их страна напрасно свернула на путь евроинтеграции; 53% и вовсе выразили желание вернуться в коммунистический режим. Нет, режим Чаушеску тут ни при чем. Речь о некоем общем, возможно, идеализированном, представлении о «доевропейской» жизни. К примеру, 71% респондентов отмечали, что у Румынии сложился неудовлетворительный имидж внутри ЕС, и потому наилучшим выходом была бы смена курса¹⁵.

Социологических «замеров» на сей счет позже не предпринималось. Зато и в России, и в Румынии очевиден новый, уже коммерческий, тренд: «бизнес-игра в прошедшее время». Начнем с Бухареста. Вот несколько примеров из исследования Русской службы ВВС.

Некий молодой предприимчивый человек, лишившись навороченного американского велосипеда (украли, бывает!), задумался о замене и отправился... в коммунистическое прошлое. Купил небюджетный «Пегас», который производили во времена Чаушеску (тогда о таком сокровище мечтали все мальчишки страны). Выяснив, что торговая марка никому не принадлежит, зарегистрировал ее на себя. В 2013 г. его компания продала 500 велосипедов, в 2014 г. — вдвое больше, в 2015 г. уже три тысячи. Другой предприниматель, вспомнив об исчезнувших маленьких пивоварнях, коими раньше гордился каждый уезд, открыл свою — тоже под «коммунистическим» брендом. Пиво назвали в честь исчезающего в Румынии вида орлов, а для этикетки выбрали шрифт, хорошо узнавае-

мый свидетелями прошлой эпохи. Впрочем, ностальгия — это лишь одна сторона медали. Люди приходят к выводу, что раньше и продукты, и напитки были лучше, по крайней мере, натуральнее. Стало быть, «игра в прошлое» — дело выгодное¹⁶.

Это понимают и в современной России — на бытовом и коммерческом уровнях. Подтверждением тому — успешные бизнес-проекты: от стильного столичного ресторана «Доктор Живаго» до раскрученной в сетях астраханской «Столовой № 100». Впрочем, достаточно прильнуть к телевизору, чтобы понять: эпоха СССР — это современный российский бренд.

А вот и социология. По опросу ВЦИОМ, через 25 лет после референдума о сохранении СССР (17 марта 1991 г.) 64% россиян проголосовали бы за сохранение Союза¹⁷. Любопытно, что в приведенном выше румынском опросе фигурирует та же цифра: 64% респондентов уверены, что Румыния зря пошла по пути евроинтеграции. Мотивация у респондентов разная, но очевидно одно общее: «вывих» из истории народам наших стран обошелся дорого и непросто.

Есть и другой фактор, по-человечески объединяющий, но часто и политически разъединяющий наших граждан. Россияне и румыны — патриоты. В прямом значении слова: они любят свою страну и чтут ее историю. По опросу IRES, проведенному в 2013 г. ко Дню национального единения (1 декабря), 85% румынских респондентов назвали себя убежденными патриотами и заявили, что это качество является актуальной общественной ценностью¹⁸.

По данным опроса ВЦИОМ от 2015 г., проведенного ко Дню народного единства и согласия (4 ноября), в 2012–2015 гг. доля респондентов, полагающих, что в России существует народное единство, выросла с 23% до 54%. У молодежи — до 60%¹⁹.

И все же связь времен удерживается именно исторической памятью. «Мягкая сила» продолжает действовать, не позволяя российско-румынским контактам раствориться в контексте отношений России и Запада.

В мае 2015 г. в Бухаресте начал работу Российский центр науки и культуры: церемония прошла, как отмечают в МИД РФ, «при высоком представительском уровне с румынской стороны»²⁰. Открытие аналогичного румынского центра ожидается в Москве.

Несмотря на катастрофическое сокращение (точнее сказать, прекращение) научного межакадемического обмена, «в ручном режиме» продолжает работу комиссия историков России и Румынии, в течение десятилетий зарекомендовавшая себя как влиятельнейший институт двустороннего общения.

В Российском государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина обучаются румынские студенты. Работает Совместная комиссия по выполнению межправительственного соглашения о статусе воинских захоронений. В октябре 2015 г. открылся мемориал в память о румынских солдатах, погибших под Сталинградом (Россошка, Волгоградская область). Годом ранее румынский мемориал был создан в Вышнем Волочке. В декабре 2014 года, в Москве, на церемонии открытия памятника герою Плевны, русскому генералу Михаилу Скобелеву, посол Румынии Василе Соаре возложил венок в дань российско-румынскому военному сотрудничеству в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., открывшему Румынии путь к обретению независимости.

Возобновляется, хотя и крайне медленно, культурный обмен. В июне 2011 г. в Москве прошли гастроли Симфонического оркестра Румынской филармонии. В феврале 2016 г., в московской галерее «Триумф» открылся вернисаж современного румынского искусства.

ТПП РФ оказывает содействие представителям румынских деловых кругов в оформлении приглашений на въезд в РФ по упрощенной процедуре²¹. Стороны предпринимают усилия для расширения туробмена. В январе 2016 г. Москву посетила глава Национального агентства по туризму Анка Павел-Недя. В составе ее команды прибыли представители 10 крупнейших туроператоров и двух гостиничных сетей. Их визави — Федеральное агентство по туризму РФ и Российский союз туриндустрии — пригласили на семинар (организованный благодаря поддержке Посольства Румынии в РФ) более 100 представителей турагентств и профильных СМИ²². По словам г-жи Павел-Недя, в Румынии надеются привлечь в 2016 г. до 100 тыс. российских туристов.

История с продолжением

«Поиск совпадающих интересов России в Румынии был непростой задачей еще до 2004 г., в условиях преобладания конструктивных подходов обеих стран к двусторонним отношениям. После 2004 г., с усилением критической позиции Румынии в адрес России, достижение существенного прогресса... стало крайне маловероятным, как минимум, до очередных президентских выборов в Румынии в конце 2014 г.», — прогнозировали российские эксперты²³.

Выборы состоялись. На официальном уровне «прогресса» не просматривается. Из уст Владимира Путина, пожалуй, впервые, публичное адресное упоминание Румынии прозвучало в ходе его визита в Грецию 27 мая 2016 г., и касалось оно совсем не позитивной темы — размещения на румынской территории американской ПРО: «В эти компактные установки могут быть погружены ударные комплексы, ударные раке-

ты... Достаточно только поменять программное обеспечение, и никто этого не заметит, даже румыны не заметят... Поэтому мы вынуждены будем соответствующим образом отреагировать. И если вчера еще части территории Румынии просто не знали, что такое быть под прицелом, то сегодня придется нам произвести определенные действия, которые будут обеспечивать нашу безопасность. Повторяю, это ответные действия, ответные...»²⁴.

НАТО в очередной раз заверила, что создаваемая в Европе система ПРО не направлена против России²⁵. В последовавшем тут же заявлении МИД Румынии излагалась та же позиция²⁶.

Между тем, заявление Путина имело и другого адресата: румынское общественное мнение (русское, судя по рейтингу поддержки, на стороне президента). Впрочем, жизнь не должна делиться на «до» и «после» ПРО. «Мягкая сила»: здесь, видимо, и следует искать пути к взаимодействию двух стран, имеющих большую «семейную историю».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://ru.euronews.com/2013/12/04/perception-v-reality-corruption-discrimination-and-romania-s-eu-relations>.

² <http://www.blackseanews.net/read/13343>.

³ <http://ria.ru/world/20141120/1034343688.html>.

⁴ На русском языке с некоторыми произвольно выбранными публикациями в румынских СМИ можно ознакомиться, например, здесь: <http://regnum.ru/news/polit/1924906.html>.

⁵ <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115130>.

⁶ <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=5206®ion=612>.

⁷ <http://newsland.com/user/4297706205/content/zhiteli-rumynii-schitaiut-vragom-rossiiu-vengriiu-i-ukrainu/4469311>.

⁸ <http://rian.com.ua/video/20160421/1008799121.html>.

⁹ camonitor.com, 10 апреля 2016. № 1717614.

¹⁰ http://adevarul.ro/news/politica/sondaj-ires-rusia-considerata-mai-mare-dusman-romaniei-cunososc-romanii-despre-produsele-rusesti-1_565889827d919ed50ea6bf8d/index.html.

¹¹ <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/2538/>.

¹² <http://romania.mid.ru/70>.

¹³ <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35722.htm>.

¹⁴ Sinteza, revista de cultură și gândire strategică, nr. 19, 21 august 2015.

¹⁵ <http://korrespondent.net/business/economics/1381627-opros-bolshinstvo-naseleniya-rumynii-zhelaet-vozvrashcheniya-kommunizma>.

¹⁶ http://www.bbc.com/russian/society/2016/02/160225_romania_communist_nostalgia.

¹⁷ <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619>.

¹⁸ <http://transilvaniareporter.ro/comunitate/sondaj-ires-85-dintre-romani-sun-patriotisi-sarbatoresc-ziua-nationala-alaturi-de-familie>.

- ¹⁹ <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115448>.
- ²⁰ http://www.mid.ru/web/guest/activity/state_programs/-/asset_publisher/0v2mp2BUeZnQ/content/id/2258685.
- ²¹ <http://tpprf.ru/ru/services/32612/>.
- ²² <http://moscova.mae.ro/ru/local-news/1023>.
- ²³ *Кириллов В., Путинцев И.* Отношения России и Румынии после 1989 года в контексте внешнеполитических приоритетов двух стран. <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=146701>.
- ²⁴ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52024>.
- ²⁵ <http://ria.ru/world/20160528/1440163023.html>.
- ²⁶ <http://www.romanialibera.ro/actualitate/international/putin-face-amenintari-la-adresa-romanei-si-poloniei-417726>.

Э.Г. ЗАДОРОЖНИК
(Институт славяноведения РАН, Москва)

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ «БОГАТЫХ» И «БЕДНЫХ» СЛАВЯНСКИХ СТРАН*

Abstract:

Zadorozhnyuk E.G. *Euroscepticism of the «rich» and the «poor» Slavic countries*

The article presents an analysis of the two versions of subregional Euroscepticism — Western Slavic and Southern Slavic — and their role in preserving the identity of each of the Slavic countries of Central and South-Eastern Europe. The author emphasises the fact that the ideas of Slavophilism and even Panslavism, tinged with Euroscepticism, still exist today. The new alignment of political forces specifically reveals the urgency of unification of the Slavic Peoples on both subregional and regional levels in order to strengthen the identity of their respective states.

Ключевые слова: славянские страны, евроскептицизм, субрегиональный евроскептицизм, евроатлантизм, регион, типологизация, идентичность.

Феномен евроскептицизма в контексте идентичности славянских стран рассматривается в данной статье с опорой в основном на материал изданного в 2015 г. сотрудниками Института славяноведения РАН фундаментального труда, в котором анализируются процессы и последствия трансформаций в одном из сложных регионов Европы¹. Это издание дает уникальную возможность проводить сравнительно-исторические исследования как по региону Центральной и Юго-Восточной Европы в целом, так и по входящим в его состав славянским государствам. Книга получила высокую оценку российской академической общественности, в одной из рецензий на которую справедливо подмечена ее актуальность, своевременность, а также «востребованность не только аналитиками (от историков и политологов до специалистов по внешнеэкономическим связям), но и специалистами самого различного профиля (внешняя торговля, сфера туризма и т.п.)»². Она фактически стимулирует тренды нового научного поиска. Автором привлекались также и материалы, характеризующие срез политической ситуации в славянских странах в 2016–2017 гг., и др.

В статье предпринята попытка охарактеризовать проявления евроскептицизма в 10 государствах Центральной и Юго-Восточной Европы, которые являются славянскими по своему этническому наполнению, а

* Статья подготовлена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы». Проект «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. XX век».

также сравнить выделенные в итоге два субрегиональных варианта евроскептицизма.

Феномен евроскептицизм стал пристально рассматриваться в политологическом ракурсе еще с конца прошлого века — в первую очередь, в работах П. Таггарта и А. Щербяка [оба из Сассекского Европейского института (СЕИ), Великобритания]. Первый в 1998 г. ввел в научный оборот термин «евроскептицизм»³, хотя он уже в 1970-е годы появлялся в журналистской среде⁴. Таггарт на материале 15 стран-участниц Европейского сообщества и Норвегии охарактеризовал данный феномен как принципиальное отторжение той или иной политической партией идеи Европейского союза и процессов европейской интеграции.

Позже Таггарт и Щербяк, расширив рамки анализа и включив «новых» членов ЕС, предложили типологизацию, по которой «партийный» евроскептицизм разделялся на «жесткий» и «мягкий». Первый идентифицировался с принципиальным неприятием ЕС и европейской интеграции⁵ — партии, занимающие эту позицию, требуют выхода своей страны из ЕС, а их политика направлена в целом против проекта европейской интеграции в его нынешнем виде. В противоположность этому «мягкий» евроскептицизм — политика, которая не представляет принципиальных возражений против членства в ЕС, но содержит таковые по отношению к одной или нескольким политическим сферам; партии, придерживающиеся этой позиции, также критикуют несовместимость траектории ЕС с национальными интересами вошедших или входящих в него государств.

Предложенная концепция почти сразу же стала объектом критики за чрезмерную широту определения «мягкого» евроскептицизма, поскольку в его дефиницию попадали как правящие партии, например, чешская Гражданская демократическая партия или венгерский Фидес, которые как раз и вели свои страны к членству в ЕС, так и некоторые партии, не согласные с европейской интеграцией, например, Словацкая национальная партия. Анализируя деятельность этих и ряд других европейских партий, П. Копецки и К. Мудде предложили свою типологизацию, включающую евроэнтузиастов и еврооптимистов, с одной стороны, и европрагматиков и евроскептиков — с другой⁶. При этом евроэнтузиасты выступают «за» передачу власти наднациональным органам и рост суверенитета ЕС; европрагматики не поддерживают передачу власти, но не возражают против дальнейшего роста суверенитета ЕС. Евроскептики, по градации этих авторов, настаивают на передаче власти, но не поддерживают дальнейшее увеличение полномочий ЕС, а «евроотрицатели» не согласны ни с передачей власти, ни с ростом полномочий ЕС⁷.

Таггарт и Щербяк под их влиянием скорректировали свою типологизацию, уточняя, что «жесткий» евроскептицизм не означает тотально

негативного отношения той или иной партии к членству в ЕС; скорее, они сопротивляются передаче власти и части суверенитета транснациональным структурам⁸. Под «мягким» же евроскептицизмом подразумевается отсутствие принципиальных возражений против проекта европейской интеграции, основанного на передаче власти в наднациональный орган, и вместе с тем наличие оппозиции ряду существующих или планируемых траекторий ЕС, предполагающих дальнейшее расширение его компетенций⁹.

Следует отметить и другие попытки типологизации евроскептицизма¹⁰, но именно Тагарту и Щербяку удалось не только обосновать указанное разделение между двумя видами евроскептицизма, но и наметить разность форм его проявления в странах ЕС и тех государствах, которые в Евросоюз лишь устремлялись. Хотя их работа и примечательна как своими выводами, так и прогнозами, сами авторы предупреждали: евроскептицизм может модифицироваться вслед за довольно динамично меняющейся политической конъюнктурой. Попытки же расширить ряд названий для указания на динамику установок евроскептицизма и опереться более прочно на результаты политического мониторинга (сами авторы провели его недостаточно тщательно; так, Болгарии было отказано в наличии партий евроскептической направленности — предшественников Атаки*, которая заявила о себе в 2005 г.) особого успеха не принесли.

Евроскептицизм многое объясняет в двух относительно давно употребляемых метафорах. Первая — «Европа двух скоростей», фиксирующая неравномерность темпов развития и разность его результатов относительно «старых», западноевропейских членов Евросоюза, и «новых» — стран Центральной и Юго-Восточной Европы (иногда употребляется также метафора «Европа двух с половиной скоростей»; в случае же гипотетического вхождения в ЕС Украины, возможно, придется говорить о «Европе с задней скоростью»...) ¹¹. Вторая, введенная нами в 2002 г., метафора — «каучуковый занавес», которым обозначается некая эластичная, но тем не менее трудно преодолимая граница между указанными выше группами стран Евросоюза: «...занавес, перестав быть “железным”, все же остался в качестве “каучукового” и в некоторых аспектах, в первую очередь экономическом, столь же трудно проницаемым» ¹². Удивительно, но с течением времени эта метафора приобретает все большую убедительность.

* Атака — националистическая политическая партия, созданная в Болгарии в 2005 г. Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Историко-политологический справочник. Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб., 2015. С. 42.

Журнал «The Economist» в 2014 г. опубликовал редакционную статью под названием «Новая Европа разделена по отношению к России так же, как и Европа старая с неприятными последствиями для всех стран», которая, думается, подтверждает наличие именно этого «занавеса». В статье говорится о поясе лежащих между Черным и Балтийским морями стран, которые в разные периоды носили различное название: «окровавленные страны» во Второй мировой войне, «плененные нации» в годы войны холодной, «экс-коммунистические нации» после нее и «новые члены ЕС» в настоящее время. При этом сегодня, небезосновательно признает журнал, Польша и страны Балтии занимают позиции «ястребов» в вопросе антироссийских санкций, Венгрия выступает против, Чехия и Словакия проявляют сдержанность, а Болгария трактуется как троянский конь России в ЕС, хотя ее отношение к Южному потоку, на наш взгляд, говорит как раз об обратном¹³.

В отличие от указанных и других работ, в настоящей статье не ставилась задача следовать строгим канонам политологического анализа. Цель данного исследования — попытаться, в чем-то метафорически разделив славянские страны региона Центральной и Юго-Восточной Европы на «богатые» и «бедные» по сугубо количественным показателям, обосновать наличие двух субрегиональных вариантов евроскептицизма. На этом основании — даже с учетом значимых различий внутри указанных субрегионов (наиболее яркое исключение являет собой Словения, предельно приблизившаяся к западноевропейским образцам) — можно говорить о «западнославянском» и «южнославянском, или балканском» евроскептицизме; различия между ними в чем-то напоминают более ранние разграничения и маркируют соответствующие идентичности. При этом «балканский клин» находился и остается на острие борьбы за стабильность/нестабильность во всей Европе (а то и в мире), в то время как западнославянские государства предстают неким «предместьем» в столкновении евроатлантизма и евразийства (о чем нам уже приходилось писать)¹⁴. «Предместьем», которое может превращаться и в плацдарм для давления, и в оживленную площадь взаимодействия — не только для передвижения товаров и достижения политических компромиссов, но и продуктивного обмена культурными ценностями.

Данная работа носит постановочный, а в чем-то поисково-открытый характер, а ее выводы нуждаются в дальнейшем уточнении. Но полагаться на вполне выверенный политологический анализ и делать на его основании прогнозы в странах региона, и особенно в балканском субрегионе, сегодня невозможно: факторы, переформирующие общую картину Европы (и мира), столь стохастичны (непредсказуемы) и в то же время действенны, что любые прогнозы выглядят принципиально ве-

роятностными. Достаточно вспомнить Брекзит на западе континента и события на Украине в его центре, или же страстно ожидаемую, но так и не просчитываемую политику президента США, курс которого не может вычислить ни вся Европа, ни ее регионы, ни тем более богатые и бедные страны ее субрегионов.

Если принять за условную границу показатель ВВП в 15 тыс. долларов на душу населения в год, то к середине второго десятилетия нового века страны региона можно разделить на две группы. Первую в 2013 г. составляли: Словения — 23 999 долл.; Чехия — 22 067; Словакия — 19 696; Хорватия — 19 025; Польша — 17 776. Вторую: Черногория — 14 710 долл.; Болгария — 11 474; Македония — 9577; Сербия — 9533; Босния и Герцеговина (БиГ) — 7713¹⁵.

С ВВП коррелирует в значительной степени Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) (правда, можно отметить предельную близость показателей Хорватии и Черногории). В 2015 г. ИРЧП в Словении составил 0.880 (25-е место в мире); Чехии — 0.870 (28); Словакии — 0.844 (35); Польше — 0.843 (36); Хорватии — 0.818 (47); Черногории — 0.802 (49); Болгарии — 0.782 (59); Сербии — 0.771 (66); Македонии — 0.747 (81); Боснии и Герцеговине — 0.733 (85).

Еще один показатель в чем-то «смазывает» картину: продолжительность жизни в Словении составляет 79,5 лет, а в Болгарии — всего 73,6; почти ровно посредине расположилась терзаемая этноконфликтами Босния и Герцеговина — 75,8; до нее идут Сербия — 74,7, Черногория — 74,8, Македония — 75, даже Словакия — 75,6, после нее — Польша — 76,3, Хорватия — 77, Чехия — 77,8¹⁶.

Рассмотрим указанные страны в ракурсе указанной темы (и проблемы) в порядке с севера на юг.

Польша — страна в регионе особая, начиная с ее внешнеполитической конфигурации (действительно, не перерастает ли количество соседей государства после 1989 г., увеличившееся с трех до семи, в некое новое качество внешней политики?), мононационального (97,6% жителей — поляки) и моноконфессионального (95% — католики) характера. Польский народ, а куда больше — при всех изгибах политических траекторий — представители властвующей элиты после 1989 г. неизменно равняются на Запад, а еще точнее — на США.

В 2004 г. 33% поляков верили в идею Евросоюза, 31% считали невыгодным членство в нем, а 36% ожидали понижения уровня жизни в стране. В 2005 г. верили уже 54% — выше среднего по ЕС (хотя 53% полагали, что мнения поляков не учитываются в решениях Брюсселя)¹⁷. В 2016 г. эта цифра достигла 72%¹⁸. Но партия Право и Справедливость (ПиС) до и после заключительного опроса оставалась носителем цен-

ностей евроскептицизма — равно как и ряд левых партий; после прихода ПиС к власти возникли и элементы еврофобии. Элита осуществляет спорадические действия в этом духе, но в массах в большей мере доминирует умеренный евроскептицизм, а не столь зашкаливающий на фоне других стран региона еврооптимизм.

Партия Конгресс новых правых и ее лидер Я. Корвин-Микке обещала «взорвать Евросоюз изнутри». На выборах в Европарламент в 2014 г. партия набрала 7% голосов, даже несмотря на то, что ЕС дает (до 2017 г.) Польшу деньги, и во многом поэтому еврооптимизм сохраняет свои позиции¹⁹.

ПиС, безусловно, «за» НАТО, но с ЕС у нее нарастают конфликты по поводу ущемления третьей (судебной) и четвертой (СМИ) власти, по проблеме миграции, по кризису моральных ценностей. Специфика польского евроскептицизма заключается в том, что правящая элита страны «любит» Брюссель, а тем более Вашингтон через голову Берлина, но с отдельными странами-евроскептиками отношения разные и в разное время изменчивые. Польская правящая элита хотела бы оседлать волну евроскептицизма в регионе, но не может этого сделать из-за русофобии, тем более, что тотальных ее проявлений среди населения страны не наблюдается. Именно поэтому цифра в 72% поддерживающих ЕС представляется нам завышенной, а еврооптимизм в стране носит, по крайней мере, многослойный характер — может, в большей мере, чем евроскептицизм.

Возникают даже такие казусы: в самом конце 2016 г. украинский президент П. Порошенко заявил, что именно Украина и Польша могут спасти Европу от популизма, равнодушия и эгоизма, поместив в ряд этих зол и евроскептицизм. Ведь со стороны обеих стран наблюдается постоянный шантаж: закроем транзит газа даже себе во вред, но сдержим сближение России и Европы, чтобы «насолить» и тем, и другим. Такая политика, может, и нравится ряду западных стран, но она мало совместима с голосами здравого смысла: надо налаживать отношения с Россией и Германией.

Если обратиться еще к одному казусу министра иностранных дел Польши Р. Сикорского, громко ругавшего Россию (но, так сказать, втихомолку) и США (контрабандно полученная запись его частного разговора в ресторане в июне 2014 г. в чем-то удачно выявляет скрываемый «на людях» стиль политиков этого региона), то слова шекспировского Меркуцио: «Чума на оба ваших дома» — могут и не показаться чрезмерно неуместным выражением собственно одного из польских вариантов евроскептицизма. Пан Сикорский в этом разговоре выражениями за гранью приличия осуждал чрезмерную зависимость от США внешнеполитичес-

кого курса Польши, что в принципе может лишь упрочить «каучуковый занавес» между нею и Россией, а в равной степени также и Германией. Это нужно учитывать при оценке в стране как еврооптимизма, так и евроскептицизма.

Политическую жизнь Чехии можно назвать довольно «скучной» — разве кроме редко кем прогнозируемых трансформаций евроскептицизма самой верхушки ее политической элиты. На него одним из первых в регионе ориентировался премьер-министр, а затем и президент В. Клаус — в пику гипереврооптимисту В. Гавелу. Но эту же позицию занял и энергичный социал-демократ М. Земан (президент с 2014 г.). Общий и в чем-то надпрезидентский источник евроскептицизма и даже европессимизма — особый баланс взаимоотношений между политической элитой и гражданским обществом или, лучше сказать, гражданами. Они взвешенно организуют свою жизнь, не всегда откликаясь на в чем-то истинные призывы первого президента к тотальной демократизации, не принимая всех установок гиперевроскептицизма второго и примиряясь с эскападами по внешнеполитическим вопросам третьего.

Чешский премьер-министр социал-демократ Б. Сobotка еще в апреле 2014 г. констатировал падение доверия чешского населения к ЕС. По его мнению, это своего рода наследие экс-президента В. Клауса и прежнего правления правых партий. В марте 2016 г. он заявил: «Членство в ЕС — это ключевая гарантия нашего процветания и безопасности, это подтверждение нашей европейской идентичности и важное следствие западной и демократической ориентации чешского общества и нашей страны после 1989 г.»²⁰.

В середине же июня 2016 г. 57% чехов рассматривали членство своей страны в ЕС как риск²¹. Риск, который уместнее назвать традиционной осмотрительностью. Примечательна в этом плане амбивалентная позиция считающегося евроскептиком президента М. Земана. 30 июня 2016 г. он выступил с призывом провести референдум²² по членству ЧР в Евросоюзе и НАТО, подчеркнув, что лично он проголосовал бы за сохранение членства в обеих структурах²³. Представитель еще одной части чешской элиты, бывший президент ЧР В. Клаус, считающийся убежденным еврореалистом, в самом начале 2017 г. выразил уверенность в том, что в ближайшие годы Евросоюз ждут кардинальные перемены, однако его распад не предвидится. «Я ожидаю, — отметил он, — что Европа будет кардинально меняться, причем непременно к лучшему»²⁴.

Осенью 2017 г. в ЧР пройдут парламентские выборы; победу в них, согласно прогнозам, предсказывают движению Акция недовольных граждан (АНГ 2011) нынешнего вице-преьера и министра финансов миллиардера А. Бабиша, которое входит в правящую коалицию (ЧСДП,

ХДС-ЧНП, АНГ 2011). Вхождение ЧР в зону евро может произойти не ранее 2019 г. и даже 2020 г., но вспышек ни еврооптимизма, ни евроскептицизма по этому поводу не предвидится; выход страны из ЕС не поддерживает ни одна из чешских парламентских партий.

В *Словакии* на ее вариант евроскептицизма оказала влияние активность «рыхлых коалиций» — феномена политической жизни, свойственного далеко не всем странам региона; эти коалиции — «подарок» ЕС. В то же время Словакия вошла, вслед за Словенией, в зону евро. Словакия (в лице премьер-министра Р. Фицо) и Чехия (в лице президента страны М. Земана), выбываясь из строя стран ЕС, пытаются занять сдержанную позицию в отношении антироссийских санкций.

Словакия стала членом ЕС и НАТО в 2004 и 2005 гг., что нарастило силы партии Направление-СД (Н-СД) Р. Фицо, организованной на основе левых политических сил (она пришла к власти в 2006 г.). Ее вариант евроскептицизма отличался прагматизмом, тем более уместным, что страна граничит с благополучной, но принципиально нейтральной — во всех отношениях — Австрией. Ряд исследователей включают партию Н-СД в категорию «мягкого»²⁵ или умеренного евроскептицизма с учетом решительного отстаивания ею национальных интересов государства. И она никогда не выступала против членства в ЕС, хотя критикует отдельные стороны нынешней модели европейской интеграции.

Глава словацкого кабинета министров в июне 2016 г. подчеркнул в интервью: «Европейский союз нам необходим, в противном случае мы бы не выжили». Вместе с тем он говорил как о большой ошибке о том, что крупные решения принимаются только сильными и излишне консолидированными игроками. «Мы не можем пользоваться старым брюссельским языком и прежнее руководство ЕС должно закончиться, когда на встрече двух-трех великих держав принимаются решения. В противном случае ЕС грозит конец. Я в этом абсолютно уверен»²⁶, — резюмировал Р. Фицо.

«За» членство Словакии в ЕС в середине 2016 г. высказались 52,3% респондентов, хотя в 2010 г. их было 68%²⁷. В сентябре 2016 г. как раз в Братиславе встретились евролидеры, чтобы обсудить будущее Евросоюза после июньского референдума в Великобритании о выходе из ЕС. В ходе встречи А. Меркель предупредила, что Европа находится в «критической ситуации», а председатель Европейской комиссии Ж.К. Юнкер говорил об «экзистенциальном кризисе».

1 февраля 2017 г. Р. Фицо утвердил создание подразделения полиции по борьбе с экстремизмом и фашизмом, следы которого он обнаруживает и в Европе. 125 сотрудников будут отслеживать возможные инциденты, в частности, со стороны ультраправой Народной партии — Наша Словакия (НП-НС), которая, набрав в 2016 г. 8% голосов на парламентских

выборах, вошла в состав Национального совета СР. В то же время, можно сказать, в духе еврооптимизма он выступил против политической практики референдумов в ЕС, за сохранение на своей территории командных структур НАТО. Вместе с тем Фицо не поддерживает антироссийские санкции, выступает против угрозы исламизма, то есть в русле евроскептических тенденций.

Если оценивать, прибегая еще раз к метафорам, ситуацию со *Словенией*, то можно сказать, что это едва ли не единственная славянская страна со счастливой судьбой. Это особенно заметно на фоне других государств — бывших республик Социалистической Федеративной Республики Югославии. Немногим более 2 млн. населения живет наиболее обеспеченно из всех славянских стран региона. Словения с 2004 г. входит в НАТО и ЕС, с 2007 г. — в Шенгенскую зону, а с 2010 г. — в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Страна, казалось бы, могла позиционировать себя как оптимальный еврооптимист, причем не только в регионе, но и в Европе в целом. Она первой вступает в евроструктуры, вводит евровалюту — и первая по этой причине богатеет. Правда, голландцы или австрийцы побогаче, но никто не напоминает, что им «в затылок дышат» словенцы: страна находится всё же на периферии европейской жизни. Даже в связи с мигрантами о ней почти не упоминают, хотя Словения в конце 2016 г. и приняла — вопреки воле ЕС — закон о закрытии границ для мигрантов. Избыток любви от Европы и вечный европраздник, правда, не наблюдается, и инструкции, приходящие из Брюсселя, далеко не всегда благостны. К примеру, Словении, чтобы стать вполне европейской, нужно защищать права трансгендеров, но где их взять, импортировать, что ли? Ряд требований экономического характера, особенно относительно местной продукции, столь ограничительны, что поневоле вспоминается известное: «храни нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

В чем-то реакцию «головокружения от успехов» сдерживает явно евроскептическая Словенская национальная партия. Ее лидер З. Елинчич ранее выступал против бомбардировок Сербии, признания Косово, присоединения к ЕС (считая, что Евросоюз распадется к 2020 г.) и НАТО. При этом он остро критикует как либералов, так и коммунистов, осуждает «марионеточную политику властей», бессмысленные директивы ЕС, санкции против России. Партия была основана в 1991 г. и получила 10% голосов, а в 2014 г. — 2,2%, но надеется пройти 4% барьер в 2018 г. К ней близка Партия словенского народа.

Хорватия после Ф. Туджмана и войны 1995 г., когда 150 тыс. сербов ее покинули, заявляла о себе как о стране, где укрепились «начала демократии», которые идентифицировались с моноэтническим государством.

С 1996 г. наметились признаки нормализации ее отношений с Сербией. Ультрапарадоксальным в истории двух стран с некогда единым языком является то, что 25 июня 1991 г., к моменту распада Югославии, когда парламенты Словении и Хорватии провозгласили независимость, национализм был заклеен лишь как «великосербский» — не без попустительства со стороны ЕС.

Хотя авторитет Хорватии не был высоким в связи с «реинтеграцией» территории Республики Сербская Краина и существованием авторитарного режима, несовместимого с западным представлением о демократии, частичная международная изоляция ею преодолевалась. В начале января 2015 г. президентом страны стала К. Грабар-Катарович, представитель партии Хорватское демократическое содружество, победив якобы ориентирующегося на «югоностальгию» социал-демократа И. Йосиповича; правда, ей досталось нелегкое наследие: число безработных в стране по сравнению с 2008 г. выросло с 9% до 19%²⁸.

В связи с этим ожидалось усиление воздействия установок евроскептицизма самой различной направленности. Однако выборы 8 ноября 2016 г. продемонстрировали, что ни светски-прогрессивная Социал-демократическая партия, ни католически-консервативное Хорватское демократическое содружество, ни даже недавно возникшая партия с размытой идеологической платформой Мост карту евроскептицизма не разыгрывали, дав основания для, может, и не вполне правомерного, но сегодня хлестко и часто звучащего лозунга: в Хорватии евроскептиков нет.

На выборах 13 ноября 2016 г. в *Болгарии* беспартийный генерал ВВС Р. Радичев победил с опорой на Болгарскую социалистическую партию оппонента У. Цачеву, которая заявила о преимуществах проевропейского курса страны. Но говорить об усилении здесь евроскептицизма вряд ли стоит: сразу после победы Радичев напомнил, опровергая слухи о своей пророссийскости, что именно он — первый болгарин, окончивший военно-воздушную академию США и натовский генерал; в экономике же он выступает за прагматизм. Еврофилия не значит русофобия, неоднократно заявлял Р. Радичев, но ему остается доказать, что русофилия отнюдь не равна еврофобии.

Радичев указывает на бесполезность санкций к России, в то время как президент Болгарии Р. Плевнелиев говорил еще в декабре 2016 г., что Россия финансирует антиевропейские партии, стремясь подорвать ЕС изнутри. Его нельзя — как лидеров партии Атака, явно евроскептической партии, которая получала места в парламенте, но в 2014 г. не прошла в Европарламент — назвать последовательным евроскептиком, но он обозначил линию усталости от ЕС, от толерантности, ущемляющей православных и их ценности, от патологического невнимания к эконо-

мике, от США и НАТО, «сжевавших» Южный поток. Это произошло до «эры Трампа», что весьма примечательно; ожидается прекращение действия алгоритма, в соответствии с которым приезжает в Болгарию Х. Клинтон, — происходит «заморозка» АЭС, Д. Маккейн — соответственно, Южного потока...

Евроскептицизм усиливается и на фоне обострения национального вопроса: Атака выступает против цыган и турок, она же и другие партии — против «обезбългаряването», т.е. потери этнической идентичности в рамках ЕС²⁹.

В *Боснии и Герцеговине* настроения евроскептицизма особо сильны, в первую очередь, в Республике Сербской. Об этом еще в конце 1990-х годов писал К.В. Никифоров, а ход событий подтвердил правильность его оценок³⁰. БиГ — постоянный раздражитель для еврооптимистов, а радикально или даже экстремистски ориентированные партии здесь демонстрируют амбивалентную политику: мы пойдем в ЕС, если задавим то или иное меньшинство, хотя как раз это является условием невхождения. Поэтому в их дискурсе понятие «евроскептицизм» употребляется крайне редко. Слово же «Сараево», идентифицируемое с сербским национализмом, заставляет Европу вздрагивать и 100 лет спустя после тамошнего выстрела, а его перетекание в слово «Дейтон» тоже далеко не успокаивает. Надо, чтобы Дейтон не стал Сараевом, — об этом беспокоятся и столичные политики, и евроскептики, и еврооптимисты, не всегда считаясь, можно сказать, с инстинктивным евроскептицизмом народа.

Референдум 25 сентября и местные выборы 2 октября 2016 г. показали, что Республика Сербская активно борется за свою этническую идентичность, окончательно похоронив идею мультинационального государства; боснийские сербы провели референдум о праздновании Дня Республики вопреки воле Сараева.

Главная причина последовательного евроскептицизма в *Сербии* — ультимативная политика ЕС по отношению к Балканам в целом и в основном к этому государству как некоему невралгическому узлу европейской и даже мировой политики. Собственно «бархатная» революция растянулась здесь на 10 лет, затем наступил этап новой, «цветной» (она же — «бульдозерная») революции. Сербский этнос и его государственность загоняют в некую дисгармоничную сегментацию с целью деформировать его идентичность. С одной стороны, каждый восьмой из 7 миллионов ее жителей — беженец из бывших республик СФРЮ, с другой, страна и сегодня территориально урезывается. Это не может не вызвать евроскептицизма как у элиты, так и у масс.

Сербия — насильственно умирямая страна, где впервые использовались тщательно отработанные новые политтехнологии при поддержке

новейших военных технологий с целью подавления воли и этносов, и государственных образований. И даже она подвергается соблазну — скорее, обещаемому элите, чем предоставляемому народу статусу благоприятствования в ЕС. За это приходится «платить», во-первых, прозападноевропейским внешнеполитическим курсом («за» вступление в ЕС, по опросам 2007 г., выступали 72% сербов, но лишь 26% — «за» вхождение в НАТО) и полуфактическим полупризнанием отделения Косова (1 марта 2012 г. Брюссель решил предоставить Сербии статус кандидата на вступление в ЕС; сербское руководство 19 апреля 2013 г. подписало в Брюсселе договор о нормализации отношений с самопровозглашенной республикой).

Сербии пришлось смириться и с Международным трибуналом в Гааге, который превратился в некое подобие Нюрнбергского процесса, осуждающего само сербское государство по принципу коллективной ответственности. Где есть такая густая тень — там и яркий «свет»: независимое Косово как своеобразный клин «балканского клина».

Понятна реакция президента Т. Николича на такие «данайские дары»: «Лучше Сербии быть российской провинцией, чем стать европейской колонией». Даже при том, что в 2010 г. торговля с ЕС составляла 56% торгового оборота страны, а ЕС ежегодно выделял по 200 млн евро на подготовку к ее вступлению в ЕС³¹.

В 2014 г. 48% респондентов проголосовали бы «за» вхождение в ЕС, а 37% — «против». 2016 год, особенно самый его конец, по-новому переформатировал соотношение еврооптимизма и евроскептицизма. Брекзит и миграция в течение года, избрание Трампа и «русский поезд» с символикой «Косово — это Сербия» на фоне бетонной стены в Косовска-Митровица, встреча 1 февраля 2017 г. в Брюсселе Ф. Могерини, Й. Столтенберга, премьер-министров А. Вучича и М. Мустафы (Косово), на которой обсуждалось создание вместо KFOR самостоятельных вооруженных сил Косово³², — все это едва ли будет сдерживать нарастание настроений тотального евроскептицизма в стране.

Элита *Черногории* начинает избавляться от эйфории отрыва от Сербии, имплицитно предполагавшего ускоренное вхождение в ЕС и НАТО. Поощрения этой эйфории — грех, который воздается ростом настроений евроскептицизма подавляемого ей народа, испытывавшего шок от присоединения страны к антироссийским санкциям.

21 января 2017 г. протокол о вступлении Черногории в НАТО утвердило 21 государство, входящее в альянс, готовится утвердить Франция, ратифицировать его должны и США. На этом фоне новые краски приобретают антироссийские выпады М. Джукановича (премьер-министр Черногории в 1991–1998 гг., 2003–2006 гг.; президент в 1998–2002 гг.; именно он ввел евро, чтобы оторваться от Сербии). Еще 16 октября 2016 г. он

приписывал России подготовку попытки государственного переворота, а уже 17 октября его Демократическая партия социалистов победила на выборах.

Против вхождения в ЕС и НАТО выступала партия Демократический фронт Черногории, но нарастание евроскептицизма черногорцев выражала не только она.

Республика Македония вошла в ООН в 1993 г. под названием Бывшая Югославская Республика Македония (БЮРМ). Нормально назвать это государство международное сообщество не может, а вот межэтнические конфликты и «цветные революции» им особо не сдерживаются... Такова судьба и других славянских стран «балканского клина», а также причина нарастания в них евроскептицизма.

Население Республики составляют немногим более 2 млн человек, при этом четверть его — албанцы. Уже эти факты говорят о том, что страна в принципе конфликтогенна по самым различным направлениям. В то же время ее становление прошло относительно спокойно, в отличие от практически всех остальных республик, даже Словении, не обошедшейся без небольшой войны. Стабильную жизнь в стране взорвал военный конфликт между местной Освободительной национальной армией (ОНА) в Македонии, не отрицавшей своей связи с Армией освобождения Косово (АОК), и государственными властями в 2001 г. На начало 2015 г. ВВП в стране по сравнению с 2013 г. вырос на 3,7%, но безработица достигла 28%; 447 тыс. граждан Македонии, т.е. четверть ее населения, живут за ее рубежами³³.

В 2015 г. послом США в Македонии стал бывший посол в Турции Д. Бейли — на фоне непрекращающегося давления албанцев. «Цветная» же революция 17 мая 2015 г. в стране закончилась провалом. «Когда-то мы мечтали о ЕС как о манне небесной, но сейчас растет евроскептицизм»³⁴, — заявляют представители политической элиты Македонии.

* * *

Таким образом, евроскептические настроения представляют собой, скорее, мозаику, чем общий тренд. И на вопрос: почему бы им не создать вариант западнославянского субрегионального евроскептицизма — определенного ответа пока не имеется.

Историческая память — «за» такой вариант, хотя Чехия так и не забывает «тешинский синдром», а поляки упрекают ее за чрезмерную экономическую зависимость от Германии. Обе страны «завидуют» Словакии, вошедшей в 2009 г. в зону евро. Евроатлантическая же сверхактивность Польши возбуждает у соседей страхи перед угрозой ее русофобии, и они

остаются осмотрительными по отношению к северному соседу. Так, по многочисленным опросам, поляки больше симпатизируют чехам, чем наоборот; словаки же чаще тех и других симпатизируют русским.

Политически Польша бросается из крайности в крайность в связи с ротацией правящих партий, Чехия же и Словакия занимают более умеренные позиции. Их варианты евроскептицизма ближе к странам материковой Европы, а Польша ближе к Брекзиту, чем любая другая страна региона. Ожидается, что с прекращением платежей от ЕС в 2018 г. евроскептические настроения в стране резко усилятся.

По отношению к ряду носителей евроскептических установок в той же Польше невольно возникает вопрос: а не являются ли они подлинными еврооптимистами? Ряд их инициатив, скажем, антимиграционных, свидетельствуют как раз об этом. Особенно когда еврооптимизм все чаще сводится к диктатуре меньшинств и покровительству антиобщественного поведения неевропейцев.

Комментируя материалы заседания ЕС 15 декабря 2016 г., аналитики приводят следующие данные: во Франции положительные оценки деятельности ЕС в 2015 г. составляли 55%, а в 2016 г. — 38%; в Греции в 2012 г. — 37%, а в 2016 г. — 27%; в Великобритании европейские институты поддерживают 44%. В Польше же эта поддержка достигла 72%, а в Венгрии — 61%; что касается балканских стран, то данных о них не приводится³⁵.

Последние две явно завышенные цифры вызывают сомнения. Что же касается балканских стран — то там, как всегда, всё наоборот: страны, относимые нами к «богатым», Евросоюз как раз поддерживают, а вот в «бедных» евроскептицизм нарастает и принимает агрессивный характер.

Народам Югославии есть чем гордиться: в прошлом их страна была лидером Движения неприсоединения, опираясь на опыт сожительства народов, выковывавшийся в рамках федеративного государства; его лидер И. Броз Тито обладал большим международным авторитетом. Взамен появилась россыпь националистических лидеров — от Туджмана до Тачи, да становящихся всемирно известными теннисистов. Отсюда — своеобразная «колючесть» всех видов постъюгославского евроскептицизма: и угодливого словенского, и мстительного сербского, и пестрого боснийско-герцеговинского.

В балканских странах в рассматриваемый период применялись новшества, устрашающие своим лицемерным оформлением. Одно из них — «информационная война» в качестве заметного, а в чем-то даже ключевого фактора. Вчера жертвы такой войны — в первую очередь, сербы, а сегодня — десятки других народов во всем мире. Ее участники — корреспонденты западных СМИ, выступавшие как дипломаты, и

дипломаты, сводившие свою активность к журналистике; известные фирмы, занимавшиеся предоставлением услуг в сфере общественных связей (PR-компании); интеллектуалы и «простые труженики», например, из южных штатов США, часто не знавшие, что есть такой народ, как сербы, и такой край, как Косово.

На примере Балкан видно также, насколько легко запускаются в странах региона механизмы самоосуществляющегося пророчества, когда предсказание формирует и даже форсирует событие, когда неосторожные слова накликают немалую беду. Всё это не может не интенсифицировать настроений евроскептицизма, а как его фона — гипероптимизма в той же Словении. В том, что балканский кондоминиум важен в плане оптимального энергообеспечения, не сомневался бы и ребенок. Но вот субрегиональная идентичность не складывается, а потому ни евроскептицизм, ни евроатлантический скептицизм никак не могут укорениться. Ситуация усложняется наличием мусульманских вкраплений и миграционных потоков. Но, в первую очередь, единению мешает анемичность экономик ряда балканских стран. Рост евроскептицизма в таких условиях безальтернативен, что опровергает тезис о том, что бедность скрепляет Евросоюз.

Что касается евроатлантистов, то для них очаги напряжения, в тех же БиГ или Македонии, должны постоянно тлеть. Вооруженный конфликт там не нужен никому, но это та ситуация, когда манипулирование им как угрозой нападения страшнее самого нападения.

Так можно ли говорить о двух вариантах субрегионального евроскептицизма и какова их роль в сохранении идентичности каждой из славянских стран? Скорее и легче, на наш взгляд, допустить «наличие его отсутствия». Но современная политика — «дама» чрезвычайно изменчивая, и, казалось бы, напрочь забракованные идеи славянофильства и даже панславизма полностью никогда не исчезали и не исчезнут. «Каучуковый занавес» в ряде мест уже заменяется металлическими стенами — в первую очередь, от мигрантов; в том же, что в плане экономическом он так и не исчезал, мало кто сомневается. Более важно, что новый расклад политических сил — даже без воздействия фактора Трампа — по-новому выявит настоятельность единения славянских народов как на субрегиональном, так и на региональном уровнях с целью укрепления их идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб., 2015.

² *Тевиев Б.К.* Рецензия на книгу: «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-

политологический справочник». Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 480 с. // Вестник Российской Академии наук. 2016. Т. 86. № 1. С. 86–91.

³ *Taggart P.* A touchstone of dissent: Euroscepticism in contemporary Western European party system // *European Journal of Political Research*. 1998. 33 (3). P. 363–368.

⁴ Проявления скептического отношения к проектам Европейского содружества наблюдались в Великобритании и Дании еще с 1950-1970-х годов. Особый размах они приобрели в 1980-е годы в Великобритании с приходом к власти М. Тэтчер и ее известным выступлением на саммите ЕС в 1988 г. в Брюгге. Именно Тэтчер ввела термин «евроскептицизм» в политическую жизнь и в политическую науку. Он использовался в более широком значении и отождествлялся с Великобританией как «евроскептической страной». См.: *George S.* An Awkward Partner: Britain in the European Community. Oxford, 1998.

⁵ *Taggart P., Szczerbiak A.* Opposing Europe // *Sussex European Institute Working Papers*. 2000. Vol. 36. P. 7.

⁶ *Kopecký P., Mudde C.* The Two Sides of Euroscepticism. Party Position on European Integration in East Central Europe // *European Union Politics*. 2002. 3 (3). P. 300–304.

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Taggart P., Szczerbiak A.* Theorising Party Based Euroscepticism: Problems of Definition, Measurement and Causality // *Sussex European Institute Working Papers*. 2003. Vol. 69. P. 7–8.

⁹ *Ibid.* P. 12.

¹⁰ См., напр.: *Henderson K.* Euroscepticism or Europhobia // *Sussex European Institute Working Papers*. 2001. Vol. 50; *Riishej S.* Europeanisation and Euro-scepticism. Experiences from Poland and the Czech Republic // *Central European Political Studies Review*. 2004. Vol. 6/4; *Хубериас К.Ф.* Антиевропеизм и евроскептицизм: анализ ситуации после расширения Европейского союза на восток // *Европа. Журнал польского Института международных дел*. Варшава, 2007. Т. 7. № 2 (23); *Lecante S.* Understanding Euroscepticism. The European Union Series. Palgrave Macmillan. 2010 и др.

¹¹ *Задорожнюк Э.Г.* Внешнеполитическая ориентация стран Центральной и Юго-Восточной Европы в конце 1989-1991 гг. // Доклад на Круглом столе «Центральная и Юго-Восточная Европа: между Москвой и Брюсселем». Москва, 9 июня 2015 г.

¹² *Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократы Центральной Европы: достижения и приоритеты на рубеже XX–XXI вв. // *Европа. Журнал польского Института международных дел*. 2002. Т. 2. № 3–4. С. 163.

¹³ *The Economist*. 2014. 17.05. P. 38.

¹⁴ См.: *Задорожнюк Э.Г.* Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства // *Вопросы истории*. 2016. № 7. С. 49–64; *она же.* Славянский вопрос в историческом наследии евразийства: историческая реконструкция // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов*. Отв. ред. Е.С. Узенева. М., 2016. С. 353–365.

¹⁵ См.: Центральная и Юго-Восточная Европа... С. 36, 77, 148, 175, 255, 286, 327, 351, 378, 415. В чешских источниках за 2015 год приведены следующие данные: Чехия — 32 759 долл.; Словения — 31 144; Словакия — 29 105; Польша — 26 261; Хорватия — 21 880; Болгария — 17 958; Черногория — 15 464; Македония — 13 908; Сербия — 13 721; БиГ — 10 633. См.: <https://cs.wikipedia>.

org/wiki/Seznam_států_světa_podle_HDP_na_obyvatele. В середине 2016 г. ВВП на душу населения составлял в Чехии 85% от общего уровня ЕС, Словении — 83, Словакии — 77, Польше — 69, Хорватии — 58, Болгарии — 46, Черногории — 41, Македонии — 47, Сербии — 36%. См.: Česko je patnáctou nejbohatší zemí EU. Nové porovnání ukazuje, jak doháníme Západ // <https://zpravy.aktualne.cz/ekonomika/cesko-je-patnactou-nejbohatsi-zemi-eu-nove-porovnani-ukazuje/r~4c9b709e330c11e682470025900fea04/?redirected=1487150696>.

¹⁶ См.: Центральная и Юго-Восточная Европа... С. 36, 77, 148, 175, 255, 286, 327, 351, 378, 415.

¹⁷ *Забродина Е.* Евроскептики празднуют беспрецедентный успех в Польше // Коммерсант. 2016. 31.01.

¹⁸ www.gazeta.ru/politics/2016/12/18.

¹⁹ *Забродина Е.* Указ. соч.

²⁰ *Bednářová L.* Sobotka speaks out against Brexit and Czexit // <http://www.euractiv.com/section/uk-europe/news/sobotka-speaks-out-against-brexite-and-czexit/>

²¹ *Perring R., Pallenberg M.* MAPPED: Czexit, Pexit, Frexit — EU referendum CONTAGION sweeps Europe amid political quake // <http://www.express.co.uk/news/politics/682403/EU-Referendum-Europe-Brexit-eurosepticism>

²² Согласно Конституции, чешский президент не обладает полномочиями проведения референдума.

²³ Zeman je pro referendum o českém odchodu z EU a NATO, hlasoval by ale proti // www.rozhlas.cz/politika/zprava_2016.30.06.

²⁴ Za migraci nemůže Islamský stat, ale evropská politika, řekl exspresident Klaus // www.denik.cz. 2017. 08.01.

²⁵ *Taggart P., Szerbiak A.* Introduction: Opposing Europe? The Politics of Eurosepticism in Europe. New York, 2008. P. 281.

²⁶ Fico prezradil krutú pravdu: Bez EÚ by sme neprežili, hrozí jej koniec! // www.topky.sk. 2016. 26.06.

²⁷ www.polpred.com. № 1818018.

²⁸ The Economist. 2015. 17.01. P. 24.

²⁹ www.vz.ru/world/2016/11/14/843542.

³⁰ *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.

³¹ См.: info-Balkan.ru/eurosepticism-v-Serbii 2015. 14.11; *Кудряшова Ю.* Сербия и ЕС: экономика, политика, эмоции // old.mgimo.ru/news/document_248287.phtml.

³² Коммерсант. 2017. 01.02.

³³ The Economist. 2015. 5.03. P. 26.

³⁴ www.politforums.net. 2015. 04.06.

³⁵ *Логинов В.* Бедность скрепляет Евросоюз. Чем богаче страны Евросоюза, тем популярнее там евроскептики // https://www.gazeta.ru/politics/2016/12/18_a_10434815.shtml.

ВОЙНА В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

И.И. КАЛИГАНОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ ОТ ТУРОК В 1877–1878 ГГ. ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА (СВЯЩЕННИКА 3-Й ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ ВАКХА ГУРЬЕВА)

Abstract:

Kaliganov I.I. *The Liberation of Bulgaria from Turkey in 1877–1878 seen by a witness — the rural dean of the 3rd Grenadier division Vakh Gurjev*

The article analyses the perception of Bulgaria and the Bulgarians by a participant in the Russo-Turkish war of 1877–1878, a rural dean Vakh Gurjev. His letters from Bulgaria, addressed to his wife, are a unique and precious historical source on the country of that time, its cities, villages, folk customs, everyday and religious life.

Ключевые слова: Освобождение Болгарии, страна и болгары в русском восприятии, города и села, народный быт, обычаи и религиозная жизнь.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., принеся освобождение Болгарии от турок, оставила глубокий след в сознании русских людей. Она запечатлелась в огромном количестве письменных и не письменных источников: в военных сводках и отчетах, сочинениях военных историков, воспоминаниях ее участников в виде писем, документальных очерков, рассказов, повестей и романов, в стихотворениях поэтов и картинах художников. В данной статье я хотел бы коснуться писем одного из участников этой войны, благочинного* 3-й гренадерской дивизии Вакха Васильевича Гурьева (1830–1890), находившего в Болгарии около полугода в период военных действий в подвижном дивизионном лазарете. Письма Гурьева супруге из Болгарии того времени являются редким источником в том смысле, что их автор, в силу своей профессии и призвания, всегда был на равных с простыми русскими солдатами, болгарскими крестья-

* Благочинный — священник, служащий в нескольких приходах

нами, священниками и торговцами. Он не был отдален от них сословной дистанцией, как, например, другой участник событий генерал, лейб-медик С.П. Боткин¹. И у Вакха Васильевича было больше свободного времени и сил, чем у русских врачей, медсестер и санитаров, падающих с ног от бесконечного потока раненых. В отличие от них, у Гурьева была возможность осмыслить и обобщить увиденное им за день и писать по свежим следам еще не остывших впечатлений. Делал он это довольно регулярно, публикуя свои письма сначала в журнальном варианте, а затем издав их отдельной книгой². Содержащие в ней разнообразные сведения отобраны нами по нескольким тематическим направлениям: Болгария и болгары, отношения между ними и русскими людьми, болгарский быт, народные обычаи и религиозная жизнь.

Болгарскую землю Гурьев впервые увидел 9 октября 1877 г. при переправе дивизионного лазарета через Дунай. Он написал, что это — большая, величественная река с красивым правым нагорным берегом³. Особых восторгов тогда, правда, Гурьев не испытал, как всякий человек, который прежде успел бы полюбоваться безграничной водной ширью, образуемой слиянием Оби и Иртыша у Самары, или восхититься высокими скальными берегами Бии и Катуня на Алтае. А у него такая возможность была, потому что ранее он несколько лет прожил в Сибири, служа в Знаменском соборе Томска. Гораздо больше Гурьева поразила красота и ажурность моста через Дунай, сооруженного нашими саперами у Свиштова (Систова). Здесь надо отметить, что Дунай в этом месте заметно сужается, и именно по этой причине русское командование решило устроить здесь переправу на противоположный турецкий берег⁴. Видимо, поэтому не видевший разливов Дуная выше или ниже по течению Гурьев был столь сдержан в своих оценках.

Писатель отмечал почти полную безлюдность болгарского Придунавья. Складывалось такое ощущение, что, кроме него и солдат, в этой ледяной пустыне никого больше нет. Одни только разрушенные дотла деревушки свидетельствовали о прежде кипевшей здесь жизни. Теперь же от нее остались только дымящиеся развалины, кучи мусора и пепла, да стаи одичавших собак. Они встречали и провожали проходившие мимо них русские полки пронзительным лаем, от которого становилось одновременно и жутко, и грустно. Солдатам нередко приходилось шагать под хлещущим дождем, от которого они спустя несколько минут промокали до нитки. Тогда происходила быстрая метаморфоза: сотни недавно веселых, здоровых и бодрых людей превращались в какие-то полусогнутые, скукожившиеся фигуры с недовольными, озлобленными лицами⁵. Болгарский климат оказался очень необычным: днем так тепло, что ходи хоть в одной сорочке, а наступит вечер — надевай шубу и полушубок. Спасали

лишь горячий чай и коньяк, если они у тебя имелись. Солдаты, спавшие в палатках, не снимали верхнюю одежду, поскольку ночью ужасно дуло. А для большинства единственной альтернативой ночевке на мерзлой земле были скирда сена или снопы, куда они зарывались с головой⁶.

Подвижной лазарет проезжал через местечко Овча Могила — небольшую деревушку подле огромного одноименного кургана. Болгарские «братушки» встретили там наших солдат неприветливо⁷ по причине, которую Гурьев посчитал резонной. Через деревню в течение нескольких месяцев прошло множество русских и румынских солдат, которые обирали крестьян подчистую. Вначале они выгребли их семейные съестные припасы и зимние заготовки, а затем стали тащить всё, что под руку попадалось. Но в Овчей Могиле дивизионный лазарет не задержался — более продолжительной была остановка в Трыстенике, небольшом селении с каменной церковью, приходской школой и несколькими домиками из земляной кирпичи и с черепичными кровлями. Все остальные строения представляли собой землянки, в которых болгары обитали вместе с буйволами, коровами, лошадьми и прочей домашней живностью. Дворы вокруг них были огорожены не плетнями или заборами, а глубокими канавами с высокими насыпями. Ворота в них отсутствовали. В дворах имелось много злых собак, истошно лаявших на чужаков⁸.

Церковь была разрушена, как и многие болгарские христианские храмы. Болгарские священники жили едва ли не беднее их паствы. Прием, устроенный Гурьеву местным священником Стояном, был очень скудным. Всё происходило следующим образом. Старая попадьа вошла в комнату с миской дымящейся мамалыги, а вслед за ней босоногая внучка сразу же внесла низенький круглый столик, за которым и происходила трапеза. Горячая мамалыга была обильно сдобрена бараньим жиром и красным лютым перцем, обжигавшим горло до слез. Ложек, по свидетельству Гурьева, болгары не знают, и поэтому ему пришлось угощаться при помощи ломтей хлеба, черпая ими кашу из миски. Желая отблагодарить хозяев за угощение, Гурьев достал серебряный рубль для попадьи и двухфранковую монету для внучки. Те по обычаю долго отказывались и лишь после его слов, что деньги даются хозяевам «на память», стыдливо приняли от него вознаграждение⁹.

По наблюдению Гурьева, многовековое турецкое иго и притеснения православных привели в Болгарии к ослаблению церковных традиций. Из богослужебных книг у о. Стояна в наличии оказался лишь Великий Требник московской печати на церковнославянском языке. Гурьев попросил болгарина почитать Требник и пришел к выводу, что читает тот правильно, но не всегда улавливает смысл читаемого. Одновременно он отметил, что болгары, как правило, понимают древний славянский язык, поскольку

много слов из него уцелело в нынешнем болгарском живом языке. При виде убогого, потертого священнического облачения о. Стояна, у Гурьева к горлу комом подступили слезы. Болгарский священник при этом горестно покачал головой, пытаясь объяснить на ломанном языке, что «всичко турек забирал»¹⁰. Не мудрено, что авторитет христианской церкви стране в результате многовекового ига упал. Когда Гурьев в полном священническом облачении с крестом в руках и песнопениями двигался среди болгар, те не снимали шапок, не крестились и не прикладывались к кресту, причем не только молодые, но и старики. Он узнал, что болгары не крестят своих дочерей до 14–15 лет из опасения, что их могут взять замуж турки и заставить принять в ислам¹¹.

В Трыстенике на Гурьева произвел впечатление болгарский обычай почитания мертвых. По его словам, болгары регулярно посещают и поливают водой свежие могилы в изголовье покойника¹² — ритуал, возможно имеющий какие-то древние языческие корни. По мнению Гурьева, данный ритуал для знакомых и родственников почившего хорош тем, что побуждает их таким образом выражать сочувствие к усопшим и не утрачивать с ними духовную связь. На протяжении целого месяца Гурьев ежедневно встречал у кладбища какую-либо болгарскую старушку, каждый раз с большим кувшином свежей воды. А затем обнаруживал, что все могилы погребенных накануне русских солдат политы и в изголовье могильных холмиков возложены сухие васильки и чернобриwцы-бархатки. Этот обычай растрогал Гурьева до слез¹³.

Другой обычай, привлечший внимание Гурьева, был связан с болгарским способом оповещения односельчан о смерти кого-либо из домашних. Он рассказал, как однажды был разбужен около 5 часов утра истошным женским криком, раздававшимся у окон хаты, где его определили на постой. Кричавшей оказалась хозяйка его дома, у которой накануне умер 19-летний сын Михаил. Ее надрывные причитания «Мико, Мико, мой Мико!» с небольшими перерывами продолжались несколько часов. На вопли убитой горем матери приходили родственники и односельчане, обнимали и целовали несчастную женщину, присоединялись к ее крикам, а затем посещали почившего на его смертном ложе. Он лежал на рогожке с несколькими тонкими зажженными свечами в правой руке и с какой-то книжечкой из папиросной бумаги в левой. В изголовье у него лежали сухие цветы и листья. Женщины кричали до хрипоты до самого рассвета. Тогда же на крыше хаты укрепили шест с полотенцем — знак, извещавший о смерти неженатого мужчины. Оказалось, что крики у болгар заменяют одиночные удары колокола, которыми в русских деревнях сообщают о чьей-то кончине. При положении Мико в гроб мать насыпала ему на правую руку зерна пшеницы и положила несколько мелких турецких монет «галаганов»¹⁴.

Отпевать покойника должен был уже упомянутый о. Стоян, принесший с собой Требник московской печати. Но отпевание трудно было назвать таковым, поскольку никакого церковного пения, по словам Гурьева, в болгарских деревнях тогда не практиковалось. Именно по этой причине болгары обычно говорят о священнике, что тот не «служит» или «совершает» богослужение в церкви или на кладбище, а «читает». Это относится не только к утрене, но и к обедне, вечерне, молебну или любому другому молитвословию. Читая текст на церковнославянском языке, болгарские священники понимали его лишь частично, не говоря уже о прихожанах, которые и вовсе не в состоянии были уловить смысл монотонно произносимых батюшкой слов. Из-за этого болгарские крестьяне редко ходят в храмы и, если оказываются в них, спешат поставить свечку и вернуться домой. Винить их за это, по мнению Гурьева, было нельзя, поскольку в церкви для них нет ничего привлекательного. Именно поэтому хозяин дома попросил Гурьева похоронить сына по-русски. Нарядные расшитые священнические одежды русского «попа», его сверкающий крест и серебряное паникадило, внятные слова молитвословий и стройное пение певчих произвели на собравшихся болгар сильное впечатление¹⁵.

По возвращении с кладбища люди во дворе дома умершего споласкивали руки у большого костра. Гурьев расспрашивал о смысле этого народного обычая, но не получил вразумительного объяснения. Обедню на праздник Рождества Христова служили не в разрушенной церкви, а в приходской школе. Гурьев тогда заметил, что болгарские прихожане и креститься-то толком не умеют. После обедни был совершен молебен, значение которого Гурьев постарался растолковать болгарам. При этом он осознал, что, если говорить медленно и внятно, почти все прихожане понимают смысл сказанного. Более того, некоторые из них даже сами пытались заговорить по-русски. Болгар очень вдохновили славословия и многолетия русскому императору Александру и всероссийскому, румынскому, сербскому и черногорскому христолюбивому воинству. Когда очередь дошла до защитников их родного Отечества — болгарских ополченцев, болгары пришли в движение, заговорили, стали целовать крест, а при выходе Гурьева из школы устроили ему настоящие овации. Они провожали его до дома, в котором он остановился, с возгласами «Да живеј (т.е. «Да здравствует») Руски цар и руски народ на многая лета!»¹⁶.

В конце рассказа о молебне Гурьев отмечал несправедливость тех, кто укоряет болгар в недружелюбии к русским. По его словам, «это совершенная неправда: нужно только уметь говорить и обращаться с народом, нужно уметь затронуть и вызвать его истинные чувства, а высокомерным отношением, несправедливыми укоризнами, грубостью не вызовешь,

конечно, этих истинных народных чувств»¹⁷. При этом Гурьев оговаривался, что его наблюдения касаются лишь болгарских крестьян, на которых он не мог нахвалиться. Чувства же горожан по отношению к русским освободителям, по его словам, ему были неведомы, потому что в больших болгарских городах он долго вместе с лазаретом не находился. Большим плюсом, по его мнению, было отсутствие в болгарских селах кабаков. Эта неизлечимая семейная язва русских простолюдинов болгарским крестьянам не известна. Их не увидишь пьяными, они отличаются скромностью, сдержанностью, рассудительностью и миролюбивостью. Последнее проявляется как в отношении соседей, так и в собственной семье. Отец семейства обычно бывает образцом доброты, мягкости и гуманности в своих взаимоотношениях с домашними. Он — верный супруг, бесконечно преданный домашнему очагу. К аналогичному выводу пришли врачи и офицеры, которых Гурьев попросил понаблюдать за семейным климатом у болгар¹⁸.

Получив приказ двигаться к Русенскому (Рущукскому) отряду, дивизионный лазарет по пути проезжал через г. Бяла¹⁹. Гурьев отмечал, что данный городишко расположен на шоссейной дороге, ведущей к Пловдиву и Софии. Улицы в нем были грязные, кривые и настолько тесные, что по ним не могут разъехаться две телеги разом. На них находилось огромное количество лавок и лавчонок, заполнявших, кроме того, все переулки и закоулки. Повсюду сновал разнообразный торговый люд: евреи, греки и болгары. Русских купцов не было видно совсем. Положение осложнялось тем, что в городе не имелось ни одной гостиницы, и поэтому путникам пришлось воспользоваться частным постоем. Между делом Гурьеву удалось побывать по служебной надобности в селении Никополь и заглянуть в дом местного священника. Там он стал свидетелем приготовления пищи «по-болгарски», не в печи, как у русских, а по-иному. Он наблюдал за действиями пожилой попадьи с лицом, закутанном белой чадрой, и облаченной в экзотичную для русских одежду: домотканую суконную свитку со шнурками, надетую поверх длинной грубой холщевой рубахи. Женщина сидела у очага, скрестив босые ноги по-турецки, и жарила на огне кусок баранины, держа его за косточку в правой руке. Левой она отмахивалась от трех босоногих мальчуганов, которые стремились завладеть редким для них лакомством. Гурьева поразил картина этой абсолютно безотрадной, безысходной нищеты²⁰.

Затем подвижной лазарет получил предписание двигаться к Плевне, о которой Гурьев сообщал, что это небольшой городишко с узкими, кривыми и грязными улицами. Турок и болгар жило здесь половина на половину. Хозяин-болгарин, в доме которого его разместили, оказался радушным, приветливым человеком, к тому же неплохо говорящим по-

русски. Он хорошо отзывался об Осман-паше — турецком военачальнике, возглавлявшем оборону города от русских. Паша, по словам хозяина, проявил себя великодушным человеком: не позволял турецким солдатам грабить и обижать болгар, расставив на улицах цепь караулов, которые пресекали насилия в городе. Хозяин утверждал, что болгары еще со времен Екатерины Великой верили, что Россия рано или поздно освободит их от турецкого ига. Причем эта вера не ослабевала даже после безуспешных для русских сражений против турок в Болгарии в 1854 г. и временных неудач под Плевной и Казанлыком в нынешнюю войну. Когда до жителей Плевны дошла весть о поражении армии Сулеймана-паши под Шипкой, они испытали настоящий восторг. Не смогли сдержать эмоций даже красивые, статные болгарские матроны, которые обычно двигались величаво и пресекали любую вольность строгостью своего вида. Оказалось, что в глубине души они являлись большими патриотками и искренне болели за свое Отечество.

Массу впечатлений Гурьев получил от пребывания в Ловече (Ловче), куда подвижной лазарет прибыл 30 декабря. Вначале город показался ему суровым, диким и неприглядным, но потом он понял, что впечатление это обманчиво. Некую безжизненность и даже какую-то досадную неприятность Ловечу придавал снежный покров. Когда же он растаял, оказалось, что городок этот очень хорошенький, и с немалым количеством уцелевших европейских каменных домов. Очень красив был крытый мост, перекинутый через реку Осым. При въезде в Ловеч болгары поставили триумфальную арку, украшенную дубовыми и миртовыми ветками. На этом месте они встречали русские войска и своими восклицаниями «Да здравствует русский царь-освободитель Александр II!» вызвали у русских людей прилив патриотизма. В городе имелся Гостиный двор, представлявший собой достаточно светлую галерею с двумя рядами лавок по обе ее стороны. На его прилавках и над ними находилось множество товаров. Такое же расположение лавок имел и Ловечский мост, покрытый высокой деревянной кровлей. Каждая из лавок имела оконце, обращенное в сторону реки, благодаря чему тянущаяся посередине галерея была вся залита светом. Над городом нависала гора, по крутым склонам которой было пробито шоссе²¹.

Дом, в котором расквартировали Гурьева в Ловече, своим устройством отличался от типичных русских домов. Большинство болгарских жилищ имеет светлые сени, замещающие собой русские залы. В них расположено несколько дверей, ведущих в жилые покои. Что же касается гостиной, то она расположена выше этих покоев на две-три ступеньки. К спальне обычно примыкает деревянная домашняя баня площадью 2,5 аршина в квадрате. Внутри в одну из стен вделано два котелка с теп-

лой и горячей водой. Кроме того, здесь имеется ступенька для сидения, тазика и кувшина для обмывания. Отапливается баня при помощи очага, находящегося внизу на кухне. Такое устройство очень рационально, ибо одним ударом здесь «убивают двух зайцев»: варят похлебку «чорбу» и одновременно нагревают воду для бани. Всё это позволяет мыться хоть каждый день. Гурьев, кроме того, добавил, что теплую мыльную воду из бани можно использовать для стирки, мытья рук и полов. В доме поддерживалась идеальная чистота, полы блестели, как стеклышко. Постельное белье в доме всегда пахло свежестью так же, как верхняя одежда домохозяев²².

Следующим примечательным городом в болгарской эпопее дивизионного лазарета явилось Габрово. Гурьев писал, что по своему ландшафту тот очень напоминает Ловеч: раскинулся между огромными горами, и только на севере от него тянется красивая долина. От деревни Драгойлицы (которая послужила местом последней остановки лазарета перед Габрово) дорога поднималась по крутым, поросшим густым лесом горным кряжам, а затем отвесно падала в Габровскую долину. На самой верхней точке пути перед Гурьевым и его спутниками открылся изумительный вид узкого, сдавленного горами ущелья. Из него вырывалась горная река Янтра, прорезавшая Габрово каскадами посередине и образывавшая в его центре великолепный водопад. Шум падающей воды разносился очень далеко в округе и был слышен даже с вершины Ловечского спуска. Вблизи от города путники увидели многотысячную толпу турок, взятых в плен под Шипкой 28 декабря 1877 г. При виде этой колонны, конвоируемой конными и пешими болгарскими ополченцами, местное население пришло в неопишуемый восторг. Вчерашние турецкие повелители и господа — ныне пленники недавних рабов! Сам город произвел на Гурьева благоприятное впечатление. Он писал, что Габрово поражает путника красотой и обилием просторных домов, построенных в европейском архитектурном стиле²³.

Удалось Гурьеву увидеть и Габровскую ярмарку — настоящее вавилонское смешение языков! По его словам, это был истинный мир хаоса: в огромной ступе толкалась огромная масса людей, которые воспользовались открытием Шипкинского перевала после изгнания турок и устремились на ярмарку за покупками или продажей крайне необходимых товаров. На перевале и в округе скопилось такое множество людей, лошадей, буйволов, повозок, ящиков и тюков с товарами, что возникли неvertretная давка, толкотня и беспорядок. Все куда-то торопились, нещадно погоняли лошадей и буйволов, кричали, ругались и даже дрались. И, как пишет Гурьев, просто невозможно было понять, кто распоряжался всей этой безостановочной толкотней. Беспорядок усиливали потоки много-

численных беженцев, которые возвращались к своим родным очагам в Казанлыке, Стара-Загоре и в лежащие вокруг них деревни. Они ехали на навьюченных лошадях, в телегах, запряженных буйволами, на выносных осликах или просто шли пешком с узлами, в которых находилось то, что успели взять, спасаясь от турок. В корзинках они несли малых детей, поднимавших дикий ор по поводу и без него²⁴.

Ранее Гурьеву рассказывали, что в Казанлыкской долине за Балканами болгары более религиозны, чем в придунайской Болгарии. Это оказалось правдой, ибо при приближении его в священническом облачении болгары выходили навстречу за ворота и с искренним благоговением прикладывались к кресту. То же самое делали и встречавшиеся по пути крестьяне и горожане: снимали шапки, осеняли себя крестным знаменем и целовали распятое. А дети ходили за русским «попом» по пятам целой толпой, радостно внимая пению наших певчих. В этой части Болгарии, в долинах рек Марицы и Тунджи, влияние турок на болгар было гораздо меньшим, чем в придунайской части страны, и здесь наблюдалось хоть какое-то соблюдение христианских обрядов. О самом Казанлыке Гурьев писал, что город этот больше, чем Габрово и Ловеч, но уступает по величине Софии, Пловдиву и Стара-Загоре (Эски-Загоре). Он дважды подвергался разгрому турок, однако самые большие и красивые дома здесь каким-то образом уцелели. Гурьев сожалел, что не смог остаться в Казанлыке до того времени, когда в знаменитой Долине Роз зацветут эти прекрасные цветы²⁵.

Во второй половине февраля 1878 г. по пути в Адрианополь дивизионный лазарет сделал остановку в Стара-Загоре. Он производил впечатление несчастного, варварски разрушенного города. От дворцов богатых турок и болгарских торговцев остались одни развалины. Но следы прежней роскоши были видны повсюду: фонтаны, колонны, мрамор, арки, чудные сады, бассейны и обломки статуй. Гурьев вместе со спутниками заходили в разрушенные восточные общественные бани и изумлялись их конусообразным потолком, украшенным стеклянными звездами. Поднялись они и на минарет бывшей мечети, которую болгары обратили в христианскую церковь. С него открывался чудесный вид на близлежащие живописные окрестности. Внутри мечети по стенам и на куполе были расположены огромные надписи с цитатами из Корана. В углу помещения был установлен столик, на котором лежали богослужебные книги Московской печати. В церкви царил страшный шум и гам, галдели старухи-болгарки, во время литургии бегали взад-вперед болгарские мальчишки, не снявшие шапок. Всё это еще раз подтверждало уже сделанный Гурьевым вывод об отсутствии церковного благочиния в Болгарии²⁶.

Завершая наш краткий обзор содержания писем священника Вахка Гурьева, необходимо отметить, что диапазон их тематики гораздо богаче и шире представленных здесь материалов. Значительную ценность в письмах имеют наблюдения и выводы их отправителя, касающиеся той страшной цены, которую пришлось заплатить России за освобождение Болгарии от турок. Причем виной тому являлась не турецкая сила, а преступная нерадивость российских чиновных бюрократов и тыловых служб.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Письма из Болгарии 1877 г. С.П. Боткина. СПб., 1893; *Калиганов И.И.* Болгария и болгары глазами участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (художника-баталиста, лейб-медика и казачьего офицера) // *Славянский мир* в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016. С. 317–334.

² Письма были напечатаны в журнале «Русский вестник»: 1880. № 2–12, а затем изданы отдельной книгой: *Гурьев В.В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 1883 [Репринтное издание: М., ГПИБ, 2007].

³ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 15.

⁴ См.: *Калиганов И.И.* Переправа. Начало Освободительной войны 1877–1878 гг. для русской армии // *Родина*. М., 2010. № 11. С. 101–104.

⁵ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 22–23, 35.

⁶ Там же. С. 31, 38.

⁷ Там же. С. 41; О неприветливости болгар, чьи семьи остались без запасов еды, «реквизированных» русскими солдатами, есть сведения в мемуарах многих участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. См., например: *Воейков В.В.* От Дуная до Царьграда. 1877–1878. Записки участника. М., 1890. С. 77; *Окрейц С.С.* На войне и дома. СПб., 1880. С. 118; *Цыганов А.В.* События русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в воспоминаниях художника В.В. Верещагина // Вопросы исторической науки: Материалы Международной научной конференции. М., январь 2012. С. 79–82.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Там же. С. 53; См. также: *Крестовский В.В.* Собрание сочинений. Т. 5. Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877–1878 гг. СПб., 1879. С. 169–170.

¹³ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 53.

¹⁴ Там же. С. 13; об обряде похорон у болгар см. также: *Крестовский В.В.* Указ. соч.; обряд свадьбы и сватовства см.: *Южаков Е.П.* Один месяц в Болгарии // *Современник*. Т. 84. №. 11. СПб., 1860. С. 216–218. См. также: *Калиганов И.И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М., 2015. С. 213–370 (здесь в разделе «Русские и болгары: взаимное познание» рассматриваются и анализируются такого рода русские и болгарские источники).

¹⁵ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 93–95.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 96; о поведении болгарина в семье см. также: *Крестовский В.В.* Указ. соч. С. 166.

¹⁹ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 17; О г. Бяла см. также: *Соллогуб В.А.* Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1878 г. СПб., 1878. С. 16.

²⁰ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 31, 38.

²¹ Там же. С. 100–102.

²² Там же. С. 102. Об общественной бане у болгар см. также: Воспоминания сестры милосердия С.А. Фон-Кёниг (ныне Чирковой). Дорогим пермцам на память 1877–1878 гг. от их сестры милосердия // Исторический вестник. Год. 36. № 11. Октябрь–декабрь. СПб., 1916. С. 344.

²³ *Гурьев В.В.* Письма священника... С. 106–107, 110–111.

²⁴ Там же. С. 103, 105–106.

²⁵ Там же. С. 141.

²⁶ Там же. С. 175–176.

П.А. ИСКЕНДЕРОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ВЕЛИКИЙ ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 1875–1878 ГГ.: ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ*

Abstract:

Iskenderov P.A. *A contemporary dimension of the Eastern Crisis of 1875–1878*

The article is devoted to the evolution of the integration models of Balkan peacekeeping. The author analyses the historical roots of the contemporary Balkan conflict. The article is focused primarily on the Kosovo issue.

Ключевые слова: Россия, Европа, Балканы, Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., Берлинский конгресс 1878 г., великие державы, интеграционные модели, косовский кризис.

Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. в качестве одного из переломных событий балканской и в целом европейской истории заключает в себе целый ряд ключевых аспектов, расположенных в определенной иерархии.

Верхние ряды данных аспектов составляют проблемы, непосредственно обсуждавшиеся великими державами и лежавшие в основе принятых ими решений. Это — международно-правовое признание независимости Сербии, Черногории и Румынии, определение принципов функционирования болгарской государственности, территориальное разграничение на Балканах. Однако наряду с проблемами, нашедшими свое адекватное (или не вполне) разрешение в рамках деятельности «концерта великих держав», Великий Восточный кризис подспудно поставил на повестку дня вопросы, которые тогда не вышли на верхний уровень международных дискуссий или даже вообще остались за пределами внимания европейских и балканских лидеров. Они относятся к числу тех факторов, которые возникают и развиваются зачастую вне воли и интересов государственных, политических, культурно-национальных и иных сил и явлений. К их числу в специфических балканских условиях конца XIX в. относятся интеграционные модели «переформатирования» Балкан.

Эпоха восстаний, войн и международной дипломатии, которую объединил в своем составе Великий Восточный кризис, объективно и подчас помимо желаний и устремлений ключевых игроков родила запрос на интеграцию балканских стран и народов как одно из средств урегулиро-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (Грант РГНФ № 15-01-00145 «История Балкан: на переломе эпох (1878–1914 гг.)»)

вания региональных проблем и обезвреживания тех «мин замедленного действия», которые в изобилии были расставлены на балканской почве Берлинским трактатом. Среди них на одно из ключевых мест уже в начале XX в. вышла косовская проблема, а в более широком плане — албанский вопрос. Как весьма справедливо отмечает в этой связи современная германская исследовательница Сузана Фингер, характеризуя подход албанской стороны, «исполнение национальной мечты албанцев — объединиться в одном государстве — постоянно срывалось в процессе образования национальных государств в Юго-Восточной Европе и привело к возникновению так называемого “албанского вопроса”, который воспринимается албанцами как постоянно продолжающаяся политическая несправедливость»¹.

Аналогичное мнение в контексте сербо-албанского противостояния вокруг Косово высказывает сербский исследователь Зоран Лутовац: «Стремление добиться абсолютного суверенитета над территорией, на которую одновременно претендуют два народа, требуя при этом образования независимого государства, либо де-факто отмены всех автономных прав, демонстрирует стремление обеих сторон к конституционно-правовой институционализации доминирования»².

Значимость вышеуказанных интеграционных моделей стала особенно заметной спустя более чем столетие после завершения Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. Происшедший в первой половине 1990-х годов кровавый распад Югославии, возникновение на ее территории новых независимых и квазинезависимых государств с перспективой их дальнейшего дробления, а также рост межэтнических проблем в регионе выдвигают на повестку дня выработку моделей сосуществования и взаимодействия различных этно-конфессиональных групп в рамках отдельных государств и на надгосударственном уровне. В западноевропейском общественном мнении принято сводить эту проблему почти исключительно к идее европейской интеграции. Там преобладает наивное представление о том, что вступление всех балканских государств в Европейский союз, а заодно и в НАТО раз и навсегда перевернет страницы истории региона, наполненные межнациональными и межгосударственными противоречиями. Однако развитие ситуации в самом ЕС, где очевидный подъем национализма и ксенофобии, давший новый импульс межэтническим проблемам и значительно ухудшивший взаимоотношения ряда государств (Греция и Турция, Венгрия и Словакия, Венгрия и Румыния), не позволяет рассматривать «евросоюзную» модель интеграции ни как универсальную, ни как успешную. Наоборот, специфика балканского региона, где ситуация сегодня по многим параметрам аналогична процессам, протекавшим здесь в конце XIX — начале XX вв., заставляет

по-новому взглянуть на те интеграционные модели и варианты, которые разрабатывались за последнее столетие, но в силу конкретно-исторических и геополитических условий не были реализованы на практике.

Главной из них по широте охвата и глубине проработки является идея создания Балканской федерации (Федерации балканских республик), разработанная в начале XX в. сербскими и болгарскими социал-демократами. Подобная федерация должна была представлять собой политическое объединение, в которое вошли бы на правах автономных членов все балканские народы. Теоретические основы данной идеи были проработаны в первую очередь лидером Сербской социал-демократической партии (ССДП) Димитрием Туцовичем. Он являлся непререкаемым авторитетом в партии — особенно в том, что касалось межнациональных отношений на Балканах и места региона в общеевропейской системе международных отношений. По его убеждению, именно Балканская федерация единственная была способна решить многочисленные сложные межнациональные проблемы региона — в том числе косовскую и македонскую. Как отмечал македонский историк Д. Зографски, Туцович «был непримиримым противником раздела и аннексии Македонии, выступая за самое широкое право свободного демократического самоопределения и за особое положение и государственно-правовой статус Македонии как автономной единицы в рамках либо Балканской, либо Восточной федерации»³.

Идея создания Балканской федерации была положена в основу решений I конференции социал-демократических партий балканских стран, состоявшейся 25–27 декабря 1909 г. в Белграде. В ее работе приняли участие представители социал-демократии Сербии, Болгарии, Румынии, Греции, Турции, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении и Македонии. Как отмечал в своем докладе на конференции Туцович, «объединение и взаимная поддержка стран и народов на Балканах есть единственный путь, который ведет к экономическому, национальному и политическому освобождению»⁴. «Наша цель — союз и объединение балканских народов», — подчеркнул лидер сербских социал-демократов⁵.

В принятой на конференции резолюции отмечалось, что балканский вопрос может быть решен лишь путем союза проживающих здесь народов, а именно «объединением хозяйственных сил, ликвидацией искусственно поставленных границ, обеспечением полной взаимности и общности в жизни и защите от общей опасности»⁶.

После завершения Белградской конференции социалистические и социал-демократические организации балканских стран и югославянских областей Австро-Венгрии включили пункт о Балканской федерации в свои программы⁷. Как подчеркивалось в отчете Главного партийного управления ССДП к X съезду партии, состоявшемся 30 января — 1 февраля

1914 г., «без федерации нет ни мира на Балканах, ни самостоятельности и свободы для балканских народов»⁸.

Сербские социал-демократы предлагали свои интеграционные модели и для преодоления разногласий между сербами, хорватами и словенцами, которые много позже, в начале 1990-х годов, польхнули кровавыми конфликтами и стали прологом трагического распада единой Югославии. Вплоть до оккупации Сербии в конце 1915 г. ни теоретически, ни в своей практической деятельности они не выделяли югославянский вопрос в качестве самостоятельного аспекта более масштабной балканской проблемы. Как справедливо пишет сербский исследователь В.Стругар, «сербские социалисты считали, что сербы, хорваты и словенцы представляют собой три племени одного народа» и что они объективно способствуют ускорению хода исторического процесса, «когда используют любой повод для укрепления стремлений к установлению между ними единства»⁹. По их мнению, отмечал В.Стругар, «югославянское национальное объединение, как объединение трех частей одного народа, должно быть реализовано в рамках Балканской федерации, которая самим фактом своего существования сделает невозможными серьезные взаимные разногласия по территориальным вопросам и в которой сербы, хорваты и словенцы достигнут полного национального самовыражения и полной реализации своей совокупной энергии»¹⁰. Примечательно, что аналогичные положения присутствовали и в решениях эмигрантского Югославянского комитета, действовавшего в Лондоне в годы Первой мировой войны. В его памятной записке, датированной 1915 г., в частности, говорилось, что «югославянские народы, которые история знает под именем сербов, хорватов и словенцев, суть один и тот же народ, соединяющий в себе все условия для того, чтобы возникло независимое национальное государство»¹¹.

Развитие национальной программы ССДП носило своеобразный циклический характер, ибо она разрабатывалась на основе изучения отдельных более узких аспектов, а затем ее положения служили средством уточнения и детализации подходов к решению этих же конкретных вопросов, главным из которых для Сербии и тогда, и сейчас был и остается албанский вопрос. На основе анализа истории и современного состояния национального албанского движения, Туцович подчеркивал, что албанцев больше нельзя относить к варварским народам. Более того, соседние балканские народы сами не заинтересованы в том, чтобы жить с ними в непримиримой вражде, ибо «взаимный союз — спасение для всех них. А в этом союзе есть место и для албанцев»¹².

Сербия, отмечал лидер сербских социал-демократов в статье «Работа с албанцами», опубликованной в двух номерах центрального органа ССДП газете «Радничке новине» от 28 февраля и 1 марта 1913 г., должна

вместе с остальными балканскими государствами заложить искренние, честные и прочные основы этой общности, к которой тогда без всякого сомнения присоединилась бы и Албания. Данная общность для всех балканских народов, в том числе и для албанского, является лучшей гарантией их самостоятельности. Без нее «мы все исчезнем, некоторые раньше, а некоторые позже, в том числе исчезнут и албанцы. Отделенные, разобщенные, ревнивые и враждебно расположенные одни по отношению к другим, мы будем на Балканах взаимно рыть могилу друг другу — в чужих интересах»¹³.

Теоретические аспекты идеи Балканской федерации были конкретизированы Туцовичем уже перед самой Первой мировой войной в книге «Сербия и Албания», увидевшей свет в начале 1914 г. В разделе, названном «Результаты завоевательной политики», автор дал общую характеристику ситуации, сложившейся на Балканах, и на этой основе сформулировал задачи сербской социал-демократии в национальном вопросе, включая его албанский аспект. «Балканский полуостров, — отмечал он, — является мешаниной наций с переплетенными историческими воспоминаниями»; вследствие чего взаимные территориальные претензии расположенных здесь государств (Сербии, Болгарии, Греции и др.) находятся в непримиримом противоречии друг с другом¹⁴. Поэтому, полагал Туцович, данные вопросы могут быть успешно решены лишь путем нового объединения балканских народов. Оно необходимо и в интересах достижения ими экономической самостоятельности. Кроме того, само «национальное освобождение балканских народов невозможно без объединения всех Балкан в один общий союз»¹⁵.

Аналогичную позицию занимал и другой лидер ССДП — Душан Попович, подвергавший жесткой критике политику сербских властей в отношении албанцев, которая, по его словам, «оправданное стремление сербского народа к экономическому освобождению сводит на ступень отвратительного гуннского нашествия»¹⁶.

В борьбе за пропаганду партийных установок по национальному вопросу сербские социал-демократы активно использовали парламентскую трибуну. Как подчеркивалось в вышеуказанном отчете Главного партийного управления ССДП к X съезду партии, посвященном деятельности сербских социал-демократов в предшествующий период, весной 1913 г. «наши депутаты брали слово по каждому вопросу, выносившемуся на повестку дня в Народной скупщине, всегда начиная и завершая каждую свою речь одним и тем же требованием: осуществить демобилизацию армии, вернуться к миру, достичь объединения балканских народов в Федерацию балканских республик»¹⁷. На заседании Скупщины 9 апреля 1913 г. в выступлении по поводу правительственного проекта строитель-

ства новых железных дорог депутат от ССДП Драгиша Лапчевич указал, что главной задачей Сербии является создание таможенного союза путем заключения соответствующих соглашений со всеми балканскими государствами, в том числе и с Албанией, что привело бы к нормализации действующей и созданию новой структуры и сети транспортных путей на Балканах, а Сербии дало бы выход к новым портам и торговым путям. Выступая в Скупщине 18 июля 1914 г. (в этот период заседания сербского парламента из-за опасности войны с Австро-Венгрией проходили в городе Ниш), Лапчевич обнародовал декларацию ССДП, в которой, в частности, говорилось об ошибочности «проводимой правительством агрессивной и военной политики по отношению к албанскому народу, с которым было необходимо крепить дружбу и союз»¹⁸.

Аналогичных взглядов придерживалось накануне и во время Первой мировой войны радикальное крыло болгарских социал-демократов. Именно лидер Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) (тесных социалистов) Димитр Благоев первым сформулировал в общем виде идею Балканской федерации еще в 1885 году. А наиболее полно ее суть была изложена редактором партийного органа БРСДП (тесных социалистов) газеты «Работнически вестник» Христо Кабакчиевым. По его словам, Балканская федерация должна была представлять собой объединение балканских государств с республиканским управлением, в котором все народы обладали бы равными правами и свободами, располагали широким местным самоуправлением и сохраняли бы в неприкосновенности свой национальный язык и культуру. Высшими органами Балканской федерации провозглашались общие парламент (избираемый на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права) и правительство, которые отвечали бы за внешнюю политику, оборону, финансовые и налоговые дела, защиту общедолевого и национальных рынков, обеспечение деятельности таможни и связи и другие вопросы¹⁹.

В феврале 1915 г. секретарь ЦК БРСДП (тесных социалистов) представил руководству II Интернационала доклад, где, в частности, говорилось: «В качестве средства сохранения нашей политической независимости и решения “больших” национальных проблем на Балканах мы неустанно и с большим успехом агитируем за сличение балканских народов в Балканскую федеративную республику...»²⁰.

С позицией «тесных социалистов» отчасти солидаризировался и Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) будущего главы правительства межвоенной Болгарии Александра Стамболийского. Его внешнеполитическая концепция предусматривала решение двух основных задач: «предотвращения междоусобных войн с соседними государствами и создания такого объединения балканских народов в виде федерации или

конфедерации, которая обеспечивала бы их защиту от экспансии империалистических держав, прежде всего Германии и Австро-Венгрии»²¹.

Касаясь самого больного для Софии национального вопроса на Балканах — македонского, Стамболийский еще в дни общеболгарского траура и позора после поражения во Второй Балканской войне 1913 г. выдвинул лозунг не возврата Македонии Болгарии, а ее автономии, что перекликалось с идеями сербских социалистов. Автономия Македонии, по его словам, явилась бы «самым справедливым решением Восточного вопроса... самым надежным средством умиротворения Балканского полуострова... самым необходимым условием для создания Балканской федерации»²². Об этом же лидер БЗНС заявил и выступая в болгарском Народном собрании 31 июля 1914 г. — уже после объявления Австро-Венгрией войны Сербии²³. Другой лидер БЗНС С.Омарчевский писал по поводу Балканской федерации следующее: «Мощный союз... между всеми народами, населяющими Балканский полуостров, ... будет способствовать спасению полуострова и его процветанию... Только в этом союзе — залог мира на Балканах и сохранения его независимости от нашествия германизма»²⁴. Однако нечеткость программных положений в той их части, которая касалась принципов и путей создания Балканской федерации, а также происшедший в 1912 г. организационный раскол самого БЗНС не позволили партии развернуть накануне Первой мировой войны политико-пропагандистскую работу в этом направлении.

С аналогичных позиций подходили к идее Балканской федерации и другие болгарские партии, в том числе пользовавшиеся наибольшей популярностью в предвоенной Болгарии — Народная и Прогрессивно-либеральная. В теоретическом плане они признавали важность и перспективность лозунга федерации с точки зрения решения национальных проблем региона или, по крайней мере, сближения и координации усилий балканских государств²⁵. Вплоть до итало-турецкой войны 1911 г. лидер Народной партии и глава правительства Иван Гешов высказывался за включение в состав Балканской федерации даже Турции (в чем он солидаризировался с Д.Туцовичем), и в этих целях в Софии был создан специальный болгаро-турецкий комитет. Однако военное поражение Турции привело к тому, что в Софии и других балканских столицах сделали выбор в пользу военного разгрома своего векового неприятеля, и идеи создания единого государства на Балканах отошли в тень достижения антитурецких военно-политических соглашений на двусторонней основе²⁶.

Концепция всебалканского объединения в определенной мере отвечала и тому курсу, который с начала XX в. проводила в регионе Россия. После обретения в 1878 г. независимости Сербией, Черногорией и Румынией и международного признания провозглашенной в 1885 г. неза-

висимости Болгарии, российское руководство посчитало свою задачу по освобождению христианских народов Балкан в целом выполненной, и потому завершение этого процесса, говоря словами тогдашнего министра иностранных дел России С.Д.Сазонова, «могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов. “Балканский полуостров — для балканских народов” была той формулой, в которую вмещались стремления и цели русской политики и которая исключала возможность политического преобладания, а тем более господства на Балканах враждебной балканскому славянству и России иноземной власти»²⁷. Заключенный при поддержке России в 1912 г. военно-политический союз между Сербией и Болгарией, к которому присоединились Греция и Черногория, казалось бы, являл собой доказательство правильности и перспективности такого курса, но лишь до тех пор, пока освободившиеся и округлившиеся территориально страны и их мыслившие великодержавными категориями правящие круги не принялись за передел только что освобожденных земель. Вторая Балканская война вошла в историю уже как «Межсоюзническая», а с осени 1913 г. болгарское правительство активно занялось созданием собственного антисербского военно-политического блока, важная роль в котором отводилась албанским отрядам, печально прославившимся терро-ром против сербского населения Косово и Македонии²⁸.

К тому же следует учитывать, что и имевшие место накануне Первой мировой войны попытки руководства Сербии и лидеров албанских военно-политических структур наладить взаимодействие не увенчались успехом «в силу их ограниченности и запоздалости»²⁹.

Первая мировая война, в которой Сербия и Болгария вновь, как и во Второй Балканской войне, оказались по разные стороны баррикад, а также послевоенное урегулирование, составной частью которого стало появление на карте Европы Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС), на время отпраздновали идею формирования всеобъемлющей Балканской федерации в архив.

Однако общеевропейский пожар Второй мировой войны и очередное обострение в балканском регионе межнациональных и межконфессиональных противоречий закономерно придали новый импульс дискуссиям о возможности нормализации, в первую очередь, югославо-албанских и югославо-болгарских отношений в рамках единого надгосударственного образования. 5 февраля 1945 г. в докладе в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) секретарь ЦК Коммунистической партии Югославии Эдвард Кардель, говоря о внешнеполитических приоритетах освободившейся страны, заявил: «Мы считаем необходимым, чтобы Югославия теснее связывалась с Болгарией и Албанией, а также с Австрией и Венгрией, если политические процессы в этих странах будут развиваться в таком направлении, которое сделало бы возможным такую связь»³⁰.

Идею Балканской федерации в той или иной степени отстаивали тогда лидеры всех трех государств — Энвер Ходжа, Иосип Броз Тито и особенно Георгий Димитров. Предполагалось при определенных условиях вхождение в состав Балканской федерации Румынии и даже Греции, натянутые отношения с которой были в первую очередь у Албании. Однако непременным условием для этого должен был стать приход к власти греческих коммунистов. Кроме того, оппонентом присоединения к Балканской федерации неславянских государств (Греции и Румынии) оставался югославский лидер. Тито выступал за создание Южнославянского Союза (Союза Южнославянских Народных Республик), который должен был появиться на карте региона уже после фактического объединения Албании с Югославией. «Почти одинаково, — продолжал в вышеуказанном докладе Э.Кардель, — обстоит дело с Албанией, где внутренние политические условия уже совсем созрели для объединения, и Албания сама под руководством коммунистической партии не имеет другого выхода кроме того, чтобы самым тесным образом опереться на Югославию»³¹. Это, по мнению Белграда, отчасти разделявшемуся Тираной, помогло бы окончательно решить и проблему Косово «посредством его включения в албанскую федеральную единицу»³².

Как вспоминал позднее другой близкий соратник Тито — политик, ученый и писатель Милован Джилас, югославское и албанское правительства в конце Второй мировой войны «в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии», поскольку «принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И — что... особенно важно — это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославо-албанской федерации»³³. В этой связи российская исследовательница Е.Ю. Гуськова обоснованно замечает: «И.Броз Тито намного больше интересовала судьба задуманной им Балканской федерации, ядром которой стала бы Югославия. Он готов был пожертвовать Косово, чтобы сделать собственные планы привлекательными для Албании»³⁴.

О том же свидетельствовали и советские дипломаты. Посланник в Тиране Д.С.Чувахин после беседы с Энвером Ходжей по итогам его визита в Белград записал 3 июля 1946 г. в своем дневнике, что «Тито считает необходимым принять все меры к сближению населения Косово и Метохии с населением Албании, и что одной из таких мер могло бы быть открытие албано-югославской границы и отмена таможенных пошлин на этом участке границы»³⁵.

Примечательно, что сам Ходжа, выступавший за передачу Косово Албании, отнесся к данной инициативе югославской стороны без особого энтузиазма. Как отметил советский дипломат, «по словам Энвера Ходжи, на поставленный маршалом Тито вопрос об открытии албано-югославской границы в районе Косово и Метохии он ответил, что этот вопрос требует специального изучения и что к нему можно будет вернуться в будущем»³⁶. По свидетельству Чувахина, албанский лидер считал, «что эта область (Косово. — *П. И.*), населенная в подавляющем большинстве своим албанцами, несомненно, будет присоединена в свое время к Албании, но что это возможно лишь только тогда, когда и Албания, и Югославия будут государствами социалистическими. Энвер Ходжа подчеркнул при этом, что этой точки зрения он придерживался на протяжении всей национально-освободительной борьбы и что такую же позицию в этом вопросе занимало и все руководство албанской КП»³⁷.

Болгарский же лидер Георгий Димитров, разрабатывавший положения о Балканской федерации еще в межвоенный период, настаивал на максимально расширительном подходе к ее границам и составу³⁸. Кроме того, болгарскую сторону не устраивало предложение Тито о выделении в рамках нового объединения особой македонской федеративной единицы, поскольку болгарская историческая и национально-государственная традиция не признавала македонцев самостоятельным этносом, считая их болгарями.

Проходивший в первые послевоенные годы процесс наполнения идеи Балканской федерации конкретным содержанием носил противоречивый характер. Первым шагом, по мнению Сталина и Тито, должно было стать объединение Албании с Югославией. Милован Джилас сообщал о фразе, произнесенной советским лидером в беседе с ним 9 января 1948 г.: «Мы согласны, чтобы Югославия проглотила Албанию»³⁹. В марте–апреле 1947 г. в Белграде прошли непростые переговоры о заключении двустороннего торгового соглашения на базе предложений югославской стороны. Документ предусматривал фактический отказ Албании от монополии на внешнюю торговлю, поскольку все экспортно-импортные операции «должны были осуществляться исключительно югославскими организациями»⁴⁰. В течение 1947 г. Тирана и Белград достигли договоренностей о парификации монетной системы (предусматривавшей уравнивание албанского лека с югославским динаром), об унификации цен, о таможенном союзе, об обязательности согласования народнохозяйственных планов, о создании совместных обществ. Эта линия в целом соответствовала положениям резолюции V Пленума ЦК Коммунистической партии Албании 1946 г., в которой, в частности, подчеркивалось: «Наша (албанская. — *П. И.*) политика должна ориентироваться на более тесную и конкретную связь с Югославией»⁴¹. Однако она встретила возражения со стороны части ал-

банского руководства, которая увидела в ней угрозу для национального суверенитета. Противники форсирования хозяйственной интеграции с Югославией, в частности, ссылались на высказывание Сталина, прозвучавшее во время его встречи с албанской правительственной делегацией в июле 1947 г.: «Албания должна встать на свои собственные ноги»⁴².

В конце 1947 г. Албания и Югославия приступили к обсуждению мер по объединению армий. В качестве первого шага в этом направлении предусматривалась передислокация 2-й пролетарской стрелковой дивизии югославской армии в один из потенциально конфликтных районов — город Корча вблизи албано-греческой границы. Однако советско-югославский конфликт, достигший кульминации к середине 1948 г., похоронил планы создания де-факто югославско-албанской федерации: следуя в русле резолюции Информбюро «О положении в Компартии Югославии» от 28 июня, албанское правительство уже 1 июля объявило об аннулировании всех двусторонних договоров и о высылке из страны югославских советников, число которых, по некоторым данным, приближалось к 600⁴³. Подобное развитие событий, а также усиливавшееся противодействие западных держав, опасавшихся появления на Балканах «малого СССР», свело на нет усилия по созданию Балканской федерации как в максимально широких границах (с участием Албании, Югославии, Болгарии, Румынии и Греции), так и в виде тройственного объединения Белграда, Тираны и Софии или хотя бы албано-югославских надгосударственных структур.

Обострение обстановки на Балканах и, в частности, в Югославии в 1980-е годы вновь дало основания говорить о необходимости поиска нестандартных моделей для урегулирования ситуации вокруг Косово и других реальных и потенциальных «горячих точек» региона. Одну из этих моделей предложил в 1987 г. известный хорватский балканский Бранко Хорват. Проанализировав историю сербо-албанских отношений и место Косово в национально-государственной традиции обоих народов, он высказался за создание албано-югославской конфедерации, в рамках которой могли бы быть надежно обеспечены национально-религиозные права сербского и албанского населения, а также функционировала бы единая финансово-экономическая система, базирующаяся на использовании природных ресурсов Сербии и портовой инфраструктуры албанского побережья Адриатики⁴⁴. Как известно, еще в начале XX в. сербский исследователь Йован Цвийич называл Сербию, лишенную выхода к Адриатическому морю, «обнесенной забором страной», а сербов — «арестованным народом». «Только в результате выхода на Адриатическое море Сербия бы получила условия для экономической самостоятельности и оказалась бы удовлетворенной», — заключал он в опубликованной в ноябре 1912 г. (в разгар Первой Балканской войны) статье «Балканская война и Сербия»⁴⁵. Предложенная Б.Хорватом модель могла бы обеспе-

чить хозяйственные выгоды для Югославии и Албании и предотвратить эскалацию косовского конфликта. По его мнению, начавшиеся в Албании после смерти в 1985 г. Ходжи изменения создавали благоприятную основу для реанимации албано-югославского взаимодействия. Однако стремительный рост албанского национализма в Косово не позволил тогда реализовать эту и другие интеграционные модели⁴⁶.

В новой Конституции Республики Сербия, принятой в 1990 г., в разделе, посвященном территориальному устройству, полномочия Приштины, по сравнению с предыдущим Основным законом страны от 1974 г., были сильно урезаны. Косово теперь располагало де-юре и де-факто внутрисербским статусом и перестало быть субъектом государственных отношений⁴⁷. А начавшийся лавинообразный процесс дезинтеграции всей Югославии окончательно лишил сторонников интеграционных моделей государственного, международно-правового и геополитического пространства. Интерес к ним стал закономерно возрождаться лишь в последние годы.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ
(Грант РГНФ № 15-01-00145 «История Балкан:
на переломе эпох (1878–1914 гг.)»)*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фингер С.* Косово: национальное теневое государство // Национализм в поздней- и посткоммунистической Европе. Т.3. М., 2010. С.312.

² *Lutovac Z.* Serbisch-albanische Beziehungen in Kosovo-Metohija // Minderheiten als Konfliktpotential in Ostmittel- und Südosteuropa. München, 1995. S.153.

³ *Зографски Д.* Димитрије Туцовић о македонском националном питању // Српска социјалдемократска партија. Научни скуп посвећен педесетогодишњици смрти Димитрија Туцовића, одржан у Београду 18., 19. и 20. новембра 1964. Београд, 1965. С. 123. См. также: *Зографски Д.* Југословенските социјалисти за македонското прашање. Скопје, 1962.

⁴ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига трећа. Београд, 1980. С.70.

⁵ Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Т.VI. Београд, 1950. С. 267.

⁶ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С.79.

⁷ *Маринова М.* Българските марксисти в защита на националните интереси България, 1900–1912. София, 1976. С.118, 121.

⁸ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма... С. 334.

⁹ *Стругар В.* Српска социјалдемократска партија о југословенском питању 1914–1918 // Српска социјалдемократска партија. Научни скуп... С. 223.

¹⁰ Там же. С. 225.

¹¹ Цит.по: Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 329.

¹² *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига трећа... С. 238–239.

¹³ Там же. Књига седма... С. 77.

¹⁴ Там же. Књига осма. Београд, 1980. С. 104.

¹⁵ Там же. С. 105.

- ¹⁶ Поповић Д. Сабрана дела. Књига друга. Београд, 1985. С. 283.
- ¹⁷ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма... С. 329.
- ¹⁸ Историјски архив... Том III. Социјалистички покрет у Србији 1900–1919. Београд, 1950. С. 285.
- ¹⁹ Българска комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК, 1891–1918. Т. I. София, 1957. С. 341.
- ²⁰ Там же. С. 436–439.
- ²¹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 82.
- ²² Цит. по: Велев А. Болгарский земледельческий народный союз и идея балканской федерации (1908–1919 гг.) // *Études historiques*. София, 1973. Т. VI. С. 310.
- ²³ Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 55.
- ²⁴ Стателова Е. Политика, партия, печат на българската буржуазия, 1909–1912. София, 1973. С. 122.
- ²⁵ Пантев А. и др. Външната политика на България и опозиционите партии (1900–1914) // Известия на Института на история БАН. 1974. Т. 23. С. 127–136.
- ²⁶ Писарев Ю.А. Великие державы... С. 83–84.
- ²⁷ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 58–59.
- ²⁸ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2091. Л. 31.
- ²⁹ Цит. по: Искендеров П.А. Развитие сербо-албанских отношений осенью 1913 г. // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 82.
- ³⁰ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг. Документы. Т. 1. М., 2002. С. 138.
- ³¹ Там же.
- ³² *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London–New York, 1995. P. 165.
- ³³ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 96.
- ³⁴ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том первый (1878–1997 гг.). М., 2006. С. 20.
- ³⁵ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. М., 1998. С. 477.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 476.
- ³⁸ Подробнее см.: *Димитров Г.* Положение на Балканах и задачи Балканской Коммунистической Федерации // Избранные произведения. Т. I. М., 1957.
- ³⁹ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма... С. 103.
- ⁴⁰ Краткая история Албании. М., 1992. С. 404.
- ⁴¹ Там же. С. 405.
- ⁴² Цит. по: Краткая история Албании... С. 405.
- ⁴³ Краткая история Албании... С. 406.
- ⁴⁴ *Horvat B.* Kosovsko pitanje. Zagreb, 1988.
- ⁴⁵ *Цвијић Ј.* Географски и културни положај Србије // Гласник Српскога географскога друштва, 3. 1914. Свеска 3–4. С. 12–13; Границе и склоп наше земље // Цвијићева књига. Београд, 1927. С. 8.
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* «Великая Албания»: теория и практика // Вопросы истории. 2012. № 1.
- ⁴⁷ *Horvat B.* Kosovsko pitanje... S. 135.

И.И. БАРИНОВ

(Институт мировой экономики и
международных отношений
им. Е. М. Примакова, Москва)

**УКРАИНА В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ИТАЛИИ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД,
1919–1939 гг.**

Abstract:

Barinov I.I. *Ukraine in Italy's strategic plans in the interwar period, 1919–1939*

The article examines the place of various Ukrainian state projects in the implementation of strategic plans of the interwar Italy. The problem is discussed in the context of uneasy relationships between the Nazi Germany and Mussolini's Italy.

Ключевые слова: Версальская система, Италия, Муссолини, украинские государственные проекты, украинская эмиграция.

Итало-украинские отношения между двумя мировыми войнами редко становятся предметом специальных исследований. Не в последнюю очередь это связано с кажущейся отдаленностью двух стран друг от друга. Вместе с тем, если в Италии на протяжении долгого времени действительно ничего не знали о таком крае, как Украина, то в публичном дискурсе украинского национального движения Италия то и дело появлялась. Так, украинофилы в чем-то ассоциировали себя с итальянскими ирредентистами, боровшимися за соби́рание итальянских территорий в рамках одной страны. Это выражалось в том, что Галиция, в рамках этих представлений, именовалась «украинским Пьемонтом», то есть областью, с которой должна начаться (ре)конструкция Украины как государства. В 1929 г. бывший секретарь украинской дипмиссии в Италии Михаил Еремиев выпустил в Риме брошюру, в которой соотнес национальный подъем на Украине с движением за объединение Италии — Рисорджименто¹.

С началом Первой мировой войны подобные рассуждения в духе романтического национализма сменились более актуальной темой, а именно намерением разрешить так называемый «украинский вопрос» и совершить какие-то подвижки в сторону вероятного утверждения государственности. С этой целью украинские политики и публицисты стремились воздействовать на общественное мнение самых разных стран, в первую очередь — воюющих. Начиная с 1914 г. из-под пера украинских авторов вышло огромное количество материалов, в которых Украина фигурировала как один из наиболее важных регионов, из-за которых, собственно, и идет война.

Нужно отметить, что Италия сразу заняла в информационной деятельности украинского движения важное место как одна из европейских держав, которая, очевидно, должна была вступить в войну на стороне одного из двух блоков (Антанты или Тройственного союза). Этот расчет оказался верным. Италия, появившаяся на карте как единое государство только в 1870 г., стремилась не только получить свою долю в ходе «колонизальной гонки», но и укрепить собственные позиции в Европе. Как и многие другие «новые» страны, Италия начала активно «узнавать» мир вокруг себя. Это касалось и тех регионов, которые не входили в традиционный итальянский ареал.

На этом фоне Союз освобождения Украины, объединивший ряд украинских политиков — от социал-демократов до националистов, — приступил к выпуску печатной продукции для Италии. Уже в сентябре 1914 г. в Риме вышел памфлет Владимира Дорошенко с кратким описанием украинского политического ландшафта и задач Союза в текущих условиях². В скором времени там же были выпущены итальянские версии «Украины и украинцев» географа Степана Рудницкого и «Русской Украины» журналиста Андрея Жука³, которые получили в Италии определенный отклик⁴.

Возникшее после окончания Первой мировой войны молодое украинское государство стремилось заявить о себе на Парижской мирной конференции 1919 г. Среди тех стран, с которыми Украинская народная республика (УНР) стремилась установить дипломатические отношения, была и Италия. Как отмечает итальянский специалист по Украине Люка Кальви, украинские миссии имели двойное назначение, планируя не только найти в главных европейских столицах поддержку, но и обратить внимание Западной Европы на украинский вопрос и «большевистскую опасность»⁵. Италия, хотя и оказалась в стане победителей, тем не менее, не получила тех территориальных и экономических преимуществ, на которые изначально рассчитывала.

Именно в этих условиях в Италии впервые возникла идея «поворота на Восток» с целью возмещения бенефиций, не полученных по результатам войны. В данной связи речь заходила и об Украине. Часть итальянской прессы оценивала ее как «прекрасное поле для деятельности»⁶. Тем не менее, руководство страны пока что воспринимало подобные идеи достаточно спокойно, осознавая нестабильное положение УНР⁷. Надежда главы украинской миссии Василия Мазуренко заручиться поддержкой итальянских властей не оправдалась. Это произошло в силу того, что тогдашние руководители внешней политики страны были против расчленения России и справедливо указывали на отсутствие в Италии культуры для восприятия украинских реалий⁸.

Возврат к украинской тематике начался после прихода к власти в Италии фашистской партии и ее лидера Бенито Муссолини. Еще в свою бытность журналистом в 1919–1920 гг. он писал, что Украина способна сломить гегемонию англичан на Черном море и стать оплотом борьбы с большевизмом⁹. Любопытно, что первоначально внимание Муссолини на Востоке было обращено на Кавказ, откуда поступало около трети необходимой Италии нефти¹⁰. Этот факт обусловил определенное сближение с Советским Союзом. Вместе с тем, несмотря на хорошие экономические взаимоотношения между Римом и Москвой, Муссолини внутренне не принимал советский строй и надеялся на его возможную ликвидацию в дальнейшем.

Наряду с этим дуче считал, что при вероятном распаде СССР невозможно будет закрепиться на Кавказе без распространения влияния Италии на весь Черноморский регион. Как впоследствии стало известно, еще в 1930 г., в ходе подготовки встречи Муссолини и главы МИД Польши Александра Залесского, намечалось обсудить вопросы независимости не только Кавказа, но и Украины¹¹. Подобные намерения порождали слухи о том, что итальянцы проводят тайную подготовку по организации восстания на Украине и Кавказе, для чего даже связались с турецкими оппозиционерами и бывшим украинским гетманом Павлом Скоропадским¹².

Как указывает немецкий историк Ханс-Адольф Якобсен, здесь проявились и личные амбиции Муссолини, намеревавшегося через Украину и Черное море достичь Кавказа и Центральной Азии, чтобы оттуда грозить британским владениям в Индии¹³. Нужно подчеркнуть, что эти представления генетически произрастают из украинно-германской публицистики времен Первой мировой войны. В то время представители украинского движения стремились убедить Берлин в незаменимости Украины в борьбе с Антантой, рассматривая ее как некий «мост на Восток» — на Кавказ и в Азию¹⁴, к тому же обладавший значительным экономическим потенциалом. Некоторые элементы данного дискурса сохранялись и в послевоенной публицистике, в больших объемах выпускавшейся в Италии как украинскими, так и местными авторами¹⁵.

Очевидно, что с этим интеллектуальным багажом Муссолини познакомил Энрико Инсабато (1878–1963). Этот публицист с авантюрными задатками, бывший анархист, ставший затем ведущим советником итальянского МИД, контактировал с деятелями украинского движения еще со времен Первой мировой войны. По данным польской разведки, Инсабато стал связным между ними и внешнеполитическим ведомством Италии, а, возможно, и самим Муссолини¹⁶.

Намерение Италии участвовать в политических процессах в Восточной Европе привлекало пристальное внимание Организации украинских националистов (ОУН) и ее лидера Евгена Коновальца. Интересы

фашистской партии и ОУН в некоторых случаях совпадали — в частности, это касалось пересмотра границ Югославии и Польши, установленных Версальской системой. В этой связи представители ОУН стремились переключить внимание на себя, чтобы в Риме не начали поддерживать другие сегменты украинской эмиграции, в том числе сторонников УНР¹⁷. Установлением контактов с итальянцами занимался как лично Коновалец, так и его представитель в Италии Евгений Онацкий. Сначала отношения складывались не очень продуктивно. В 1930-1932 гг. Онацкий стремился заинтересовать вопросом о положении Галиции итальянских дипломатов, в том числе и директора Политического департамента МИД Пьетро Кварони. Однако те не проявили интереса к данной проблематике, справедливо указывая на разобщенность украинской эмиграции и не считая ОУН главным выразителем интересов всех украинцев. Кроме того, сам дуче в это время больше интересовался Кавказом¹⁸.

Тогда за дело взялся Инсабато. Его первым шагом стала организация большой информационной шумихи вокруг украинской темы. Уже в следующем 1933 г. в Риме, в рамках серии «Мы и Украина», вышла брошюра Онацкого с говорящим названием «Европейский баланс и украинский вопрос»¹⁹. Ее впоследствии дополнил целый ряд изданий с характерными заголовками: «Тарас Шевченко — бард Украины», «Симон Петлюра — герой и мученик Украины», «Гетман Мазепа»²⁰. Примечательно, что и статья об Украине в официальной государственной энциклопедии была в основном написана в духе «национальной» исторической школы Михаила Грушевского²¹. Перейдя к практическим действиям, Инсабато в феврале 1934 г. встретился с Коновальцем в Швейцарии, чтобы обсудить с ним вопросы дальнейшего сотрудничества, а затем отправился для сбора информации в Галицию и Волынь²².

Очевидно, эта поездка укрепила итальянского контрагента украинских националистов во мнении, что ОУН не имеет на украинских территориях Польши решающего влияния, не говоря уже о «большой» Украине. По крайней мере, этим можно объяснить дальнейшее развитие украинской стратегии Италии. В том же 1934 г. Инсабато вышел на Внешнеполитическое ведомство гитлеровской Национально-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), также имевшее тесные связи с украинскими эмигрантами и участвовавшее в разработке уже немецкой программы в отношении Украины. Партнером Инсабато здесь стал Георг Лейббрандт, руководитель Восточного отдела. С 1934 г. Лейббрандт и Инсабато активно обменивались мнениями относительно переустройства Восточной Европы²³, при этом уроженец Украины Лейббрандт, так же, как и его корреспондент, рассматривал вероятность реконструкции украинской государственности.

Следует отметить, что в условиях начавшегося сближения Италии и Германии восточноевропейские сюжеты также выдвинулись на первый план. Это было связано не только с тем, что Рим и Берлин потенциально могли оспорить друг у друга право их регулирования. И с итальянской, и с немецкой стороны вокруг Восточной Европы (и, не в последнюю очередь, Украины) быстро сформировался сложно разрешимый комплекс противоречий. В первом случае Италию беспокоила вероятная экспансия Германии на восток и юго-восток, и в Риме желали бы что-то ей противопоставить. Тем не менее, Италия не желала портить отношения с Польшей и СССР, да и стремление заявить о себе на Востоке во многом было обусловлено личными амбициями Муссолини²⁴.

В нацистском же руководстве относительно самой концепции Востока и вероятной украинской государственности существовал заметный разброс мнений. Так, руководитель Внешнеполитического управления, партийный идеолог Альфред Розенберг допускал существование Украины, тогда как Йозеф Геббельс был сторонником единой некоммунистической России. По сведениям польской разведки, эмиссары министра пропаганды из числа русских белоэмигрантов в конце 1936 г. прибыли в Рим с целью установить контакты с министром иностранных дел Галеаццо Чиано и лично Муссолини и представить им преимущества позиции Геббельса. Инсабато попытался воспрепятствовать этому и в январе 1937 г. обращал внимание Чиано на то, что «панславизм», будь он «белый» или «красный», одинаково угрожает Италии²⁵.

Вместе с тем, Инсабато понимал, что из-за Восточной Европы между Римом и Берлином может возникнуть конфликтная ситуация. В этом смысле вчерашний журналист проявил себя неплохим аналитиком и дипломатом (если это, конечно, была его собственная идея). Концепция Инсабато заключалась в том, что Восток должен был стать как бы общим проблемным полем Италии и Германии, где требовались совместные действия. При этом, в условиях постепенного смещения Италии в выраженно антисоветскую сторону, следовало переключить внимание на взаимодействие в поддержке подрывной деятельности на территории СССР. Так, в 1937 г. Инсабато предложил создать особое итало-германское бюро по исследованию и дальнейшему использованию центробежных сил в Советском Союзе²⁶. Используя контакты с Лейббрандтом, Инсабато стремился через его непосредственного начальника Розенберга вывести украинскую проблематику на новый уровень. Однако, когда в сентябре 1937 г. статс-секретарь итальянского МИД Джузеппе Бастианини предложил Розенбергу разработать совместный план действий в этой сфере, последний уклонился от встречи, ссылаясь на отсутствие разрешения Гитлера на такого рода переговоры²⁷.

Что касается украинских националистов, то в Риме (очевидно, не без предварительной договоренности с Берлином), канализировали их деятельность на своей территории в информационно-пропагандистское русло. Инсабато, по всей видимости, намеренно сводил Онацкого с теми чиновниками, которые, хоть и занимали с виду значимые посты, на практике мало что решали²⁸. Онацкий, однако, развил бурную деятельность. В частности, в 1936 г. он организовал в Высшем институте Востока в Неаполе кафедру украинского языка и литературы, а год спустя издал там же теоретико-практическую грамматику украинского языка для итальянцев²⁹.

Кроме того, посредством многочисленных украинских изданий по всему миру Онацкий популяризировал достижения и особенности государственного строя тогдашней Италии, что, несомненно, было на руку фашистской партии. Стремясь подчеркнуть близость Украины и Италии, Онацкий писал, что Украина по всем показателям относится к «средиземноморской цивилизации» и, находясь «между Европой и Азией», выступает в качестве «авангарда Европы против азиатского вторжения»³⁰. Итальянские издания в ответ подчеркивали, что украинцы являются «первой линией защиты этнического, культурного и духовного наследия белой расы от азиатского нашествия»³¹. При этом, по данным польской разведки, еще в сентябре 1935 г. Инсабато отказал Коновальцу в получении итальянских субсидий³², в результате чего последнему пришлось довольствоваться достаточно скудным немецким финансированием³³.

Таким образом, как справедливо указывает украинский историк В. Ковальчук, сотрудничество Италии с украинскими националистами постепенно свелось к взаимовыгодной пропагандистской работе и в итоге не вышло за рамки политических консультаций³⁴. Тем не менее, было бы преувеличением утверждать, вслед за российским историком К. Федевичем, что единственное, что оставалось Италии — это поддерживать Германию в ее украинской политике³⁵. В Риме понимали, что украинская — и шире — восточноевропейская проблематика вовлекает, помимо Германии и Италии, еще как минимум трех участников — Польшу, Чехословакию и Венгрию, то есть страны, которые имели друг к другу определенные территориальные претензии. Еще в 1934 г. Инсабато предлагал создать антисоветский блок с участием Италии, Германии, Польши и Венгрии³⁶. При этом с итальянской точки зрения, если бы речь зашла о решении вопроса независимости Украины, то его следовало рассматривать исключительно в советских границах, наряду с упрочением положения Польши в Восточной Галиции³⁷. Вероятно, здесь свою роль сыграли представления Италии об Украине образца 1919 г., когда в Галиции существовала Западно-Украинская народная республика, лишь формально связанная с территорией УНР.

С целью упреждения действий Германии итальянцы были не против создания польско-венгерской границы, чтобы не допустить дальнейшего распространения влияния Германии в Юго-Восточной Европе³⁸. Этот сюжет стал особенно актуальным после аншлюса Германией Австрии в марте 1938 г., который вызвал определенные трения между Италией и Германией. Когда в октябре того же года венгерский военный атташе в Риме Ласло Сабо передал начальнику итальянского Генштаба Альберто Париани карту с обозначением венгерских требований к Чехословакии, Италия согласилась с ними, хотя Германия одобрила их лишь частично³⁹. Как сообщала в том же месяце немецкая газета «Берлинер Тагеблатт», в свете оккупации Польшей чехословацкой Силезии Италия была готова поддержать Польшу в «радикальном решении» вопроса Карпатской Украины⁴⁰, тогда входившей в состав Чехословакии. Когда в марте 1939 г. Закарпатье было присоединено к Венгрии, министр иностранных дел Италии Чиано сделал заявление о том, что его страна рада, что Венгрия и Польша достигли своих целей⁴¹.

Вместе с тем, стоит заметить, что в своей долгосрочной украинской стратегии итальянская сторона не учла два ключевых момента. Они заключались в вариативности представлений о будущей восточной политике у политического руководства рейха и лично Гитлера, а также ситуативности применения понятия «Украина» в германской стратегии. Последнее действительно использовалось германской стороной в геополитических калькуляциях с участием нескольких контрагентов в Восточной Европе. Однако, когда баланс европейской политики уже был нарушен в 1939 г., после оккупации Германией части Чехословакии и ликвидации польской государственности, Украина как бы вливалась в дальнейших стратегических планах в общее понятие «Восток».

На такое ранжирование влияла и определенная традиция представлений Германии о Восточной Европе, которая у Италии, по понятным причинам, отсутствовала. Хотя научным изучением украинских реалий занимались целых три профильных учреждения — в Риме, Милане и Неаполе, Украина, не без участия эмигрантских пропагандистов, представлялась итальянскому руководству неким неизменным узловым регионом Восточной Европы, лежащим в центре любых стратегических построений относительно восточноевропейского будущего. Кроме того, нужно сказать еще об одном парадоксе. Италия, хотя морально и не принимала версальский миропорядок, при формировании политической адженды отталкивались именно от него. Нацистам же он был настолько чужд, что даже при стратегическом планировании на Востоке они исходили из идеологических, а не прагматических предпосылок.

Таким образом, указанные особенности восприятия Восточной Европы и Украины как ее части не способствовали взаимопониманию Берлина и Рима на этом направлении и, что важнее в данном контексте, отдаляли Италию от текущей реальности. Очевидное первенство Германии в регулировании политики на Востоке не смущало Муссолини. Консультации между Лейббрандтом и Инсабато по украинскому вопросу продолжились и в 1940 г. После нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 г. дуче Италии, чтобы обозначить свое участие в процессе, отправил на Восточный фронт экспедиционный корпус, позднее развернутый в армию. Не в последнюю очередь эта самонадеянность и разгром неподготовленных к боевым действиям на Востоке итальянских частей приблизили военно-политическую катастрофу Италии и свержение Муссолини, мечтавшего о новой Римской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Jeremiev M.* La Questione ucraina all'epoca del Risorgimento italiano. Roma, 1929.
- ² *Doroscenko W.* Brevi cenni dei partiti politici dell'Ucraina. Roma, 1914.
- ³ *Rudnyzkyj S.* L'Ucraina e gli ucraini. Roma, 1914; *Žuk A.* L'Ukraina russa. Roma, 1914.
- ⁴ *Calvi L.* La conoscenza dell'Ucraina in Italia tra le due guerre // *Annali di Ca' Foscari.* № 1–2 (1992). P. 19.
- ⁵ *Ibid.* P. 18.
- ⁶ *Bondioli R.* Ucraina: terra del pane. Milano, 1941. P. 247–248.
- ⁷ *Milow C.* Die ukrainische Frage 1917–1923 im Spannungsfeld der europäischen Diplomatie. Wiesbaden, 2002. S. 199–200.
- ⁸ *Съєдина Д.* Эмигрантская полемика: князь А.М. Волконский и Е.Д. Онацкий // *Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования.* Вып. 1. М., 2005. С. 304.
- ⁹ Там же. С. 308–309.
- ¹⁰ *Федевич К.К.* Украинский вопрос и Италия в 1930-е гг. (По материалам резидентуры польской разведки в Италии «Капри») // *Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков.* М., 2003. С. 269.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 772к. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.
- ¹³ *Jacobsen H.-A.* Nationalsozialistische Außenpolitik 1933–1938. Frankfurt am Main, 1968. S. 87.
- ¹⁴ *Schupp F.* Die Ukraine, Deutschlands Brücke zum Morgenland // *Die Ukraine. Kriegspolitische Einzelschriften.* Heft 12. Berlin, 1916. S. 101.
- ¹⁵ *Calvi L.* *Op. cit.* P. 22.
- ¹⁶ *Федевич К.К.* Указ. соч. С. 270–271.
- ¹⁷ *Ковальчук В.* Українське питання у листуванні членів ОУН з італійськими державними діячами у 1930-х роках // *Український археографічний щорічник.* Вип. 13/14. Київ, 2009. С. 357.

- ¹⁸ Там же. С. 356–357.
- ¹⁹ *Onatsky E.* L'equilibrio europeo ed il problema ucraino. Roma, 1933.
- ²⁰ *Mainardi L.* Taras Scevcenco, il bardo dell'Ucraina. Roma, 1933; *idem.* Simone Petliura: eroe e martire dell'Ucraina. Roma, 1935; *Taddei F.* L'etnismo Mazepa. Roma, 1933.
- ²¹ Ucraina // *Enciclopedia Italiana.* Т. XXXIV. Roma, 1937. P. 594–601.
- ²² *Roos H.* Polen und Europa. Tübingen, 1957. S. 150.
- ²³ *Jacobsen H.-A.* Op. cit. S. 86.
- ²⁴ *Kuusisto S.* Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Außenpolitik, 1933–1939. Helsinki, 1984. S. 131–132.
- ²⁵ РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 405. Л. 6.
- ²⁶ *Jacobsen H.-A.* Op. cit. S. 86.
- ²⁷ *Kuusisto S.* Op. cit. S. 131–132.
- ²⁸ *Ковальчук В.* Указ. соч. С. 359.
- ²⁹ *Onatsky E.* Grammatica ucraina, teorico-pratica. Napoli, 1937.
- ³⁰ *Onatsky E.* Studi di storia e di cultura ucraina. Roma, 1939. P. 1–4.
- ³¹ *Bondioli R.* Ucraina, la storia e l'anima di un grande popolo. Roma, 1939. P. 9.
- ³² РГВА. Ф. 308к. Оп. 7. Д. 379. Л. 7.
- ³³ Там же. Оп. 3. Д. 405. Л. 24.
- ³⁴ *Ковальчук В.* Указ. соч. С. 363.
- ³⁵ *Федевич К.К.* Указ. соч. С. 277.
- ³⁶ *Kuusisto S.* Op. cit. S. 122.
- ³⁷ *Федевич К.К.* Указ. соч. С. 274.
- ³⁸ *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 211.
- ³⁹ Там же. С. 169, 181.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 271к. Оп. 1. Д. 91.
- ⁴¹ *Пушкаш А.И.* Указ. соч. С. 278.

Е.Ю. Гуськова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ХОРВАТИИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Abstract:

Guskova E.Yu. *Ethnic minorities in Croatia in the first decade after World War Two (based on archival materials)*

The article deals with the national question in Croatia in the first decade after the Second World War. The research is based on archival documents from Serbia and Croatia. In Croatia the Italians, Hungarians, Czechs and Slovaks were considered ethnic minorities. Documents show how the ethnic communities were formed, how the Republic's authorities organised the educational system, how they supported teaching and preservation of traditions in the difficult post-war years. However, the main problem in Croatia was not the Czechs, Hungarians and Muslims, but the Serbs who considered themselves a constituent nation on par with the Croats. Relations between the Serbs and the Croats in Croatia was the main national and political issue for the Republic.

Ключевые слова: межнациональные отношения, Хорватия, сербы, хорваты, итальянцы, венгры, чехи, словаки, мусульмане, федерация.

Межнациональные отношения — важный фактор (не)стабильности политической системы Югославии на протяжении всей ее истории. В этой стране уживались, правда, не всегда гармонично, многие народы, религии и культуры. В социалистической Югославии эти сложные отношения стали одной из серьезных причин дестабилизации в развитии федерации с конца 1980-х годов.

Хорватия всегда была беспокойным регионом, одной из первых она заявила о выходе из СФРЮ. Ее путь к независимости сопровождался массовыми проявлениями ненависти к сербскому населению, хотя на этой территории жили и другие народы, которых считали национальными меньшинствами. Чтобы лучше понять истоки нестабильности в Хорватии, обратимся к архивным документам.

После окончания Второй мировой войны национальный вопрос оставался весьма важным в столь многонациональном сообществе, поэтому коммунисты подчеркивали, что новая Югославия будет строиться на федеративной основе, которая обеспечит полное равноправие народам Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины.

В период становления государственных структур, задумывая создать сбалансированную систему федеративных отношений, Коммунистическая

партия Югославии (КПЮ) проводила большую работу по, говоря современным языком, мониторингу ситуации в разоренных войной освобожденных частях страны — Боснии и Герцеговине (БиГ), Черногории, Далмации, Македонии, Хорватии, Словении. В Архиве Югославии и Государственном архиве Хорватии тогдашнюю ситуацию, начиная с лета 1945 г., освещают документы двух видов: доклады партийных организаций с мест и отчеты инспекторских групп, посылаемых Белградом или Загребом, в краевые партийные комитеты. Эти материалы показывают, сколь непростой была ситуация на местах летом 1945 г. Кроме того, они отражают состояние дел в экономике, партийных организациях, социальной сфере, переполнены планами деятельности. Но для нас важно, в каком состоянии находились межнациональные отношения, осложненные политическими и идеологическими обстоятельствами войны и оккупации.

В БиГ трудности межнационального диалога между сербами, мусульманами и хорватами сопровождалась серьезными противоречиями между воевавшими по разные стороны баррикад устахами, четниками и партизанами, а также национально-классовыми группами населения. В Македонии сложность межнациональных отношений определялась присутствием на ее территории большого числа мусульманского населения — турок, албанцев и исламизированных македонцев. Национальный вопрос играл в Македонии большую роль. Албанцы не хотели поддерживать новую власть, поскольку были уверены, что она помешает осуществить им национальные чаяния по созданию самостоятельного албанского государства. В Черногории общество было разделено не по национальному признаку, а по вопросу принадлежности к четникам или партизанам. При этом албанское (Бар, Подгорица, Андриевац) и мусульманское (Плевле, Бераны, Белополе, Бар) население требовало особого внимания новой власти, поскольку оно не принимало идею братства и единства, выражало недовольство своей жизнью в республике.

Хорватия в первые послевоенные годы переживала не лучшие времена. Во время Второй мировой войны она была союзницей Германии, на ее территории было создано фашистское Независимое государство Хорватия (НГХ), в котором усташи бесчинствовали, уничтожая сербское население. В 1945 г. Хорватия вошла в состав Югославии, большинство народов которой на своих плечах вынесло победу над фашизмом. Поэтому ситуация для хорватов была сложная: совсем недавно часть из них была на стороне фашистов, убивала сербов, уничтожала их в концлагерях, а теперь и тем, и другим предлагалось не только жить вместе, но и строить светлое будущее на идеях братства и единства.

Несмотря на то, что между сербами и хорватами существовали недоверие, неприязнь и даже вражда, сербы позиционировали себя в рес-

публике как равноправный с хорватами народ. Согласно Конституции Республики Хорватии 1947 г., «сербы в Народной республике Хорватии равноправны с хорватами»¹. Однако хорватский историк Иво Голдстейн пишет, что после войны часть сербского населения считала, что им угрожает опасность. По его мнению, это было связано с «недемократическим обществом, в котором существуют традиции насилия и преступлений»: в нем любой представитель национального меньшинства не ощущает себя комфортно и создает механизмы самозащиты, как правило, тоже по недемократическим рецептам². Сербов И. Голдстейн считает национальным меньшинством.

Сразу после войны, естественно, страсти в республике не улеглись. В основе раздробленности населения лежали вопросы сотрудничества с фашистами или поддержки национально-освободительного движения. Некоторые хорваты не признавали новую власть, не желали с ней сотрудничать, другие, как показывают документы, чувствовали себя обделенными ее вниманием. Послевоенное руководство республики, еще не имея опыта работы, все же пыталось наладить мирную жизнь в трудных условиях неприятия сербским и хорватским населением друг друга. В партийных депешах, которые посылались в Белград из Хорватии в 1945 г., села делились на «повстанческие» и «неповстанческие». К первым относились те, жители которых, преимущественно сербы, поднялись на восстание против фашистских оккупантов; вторые же во время войны поддерживали хорватскую усташескую власть. В мирное послевоенное время отношения между такими селами оставались натянутыми еще долго. В октябре 1945 г. хорватские коммунисты писали в Белград, что в Хорватии существуют и «реакционные» хорватские села, которые выступают «за Мачека³», и сербские, предпочитающие монархию и короля. Еще по селам ходят усташеские и четнические «элементы», которые агитируют народ, но, как говорится в одном из документов, безуспешно. И через пять лет ситуация мало изменилась. Инструкторы ЦК КПЮ сообщали в 1950 г. из Хорватии о «неправильном отношении к хорватам», жившим в тех местах, откуда на войну уходили усташаи. Эти села сербы продолжали считать бандитскими, а к хорватам относились «воинственно»⁴.

Соответственно и к новой власти, и к партии на местах отношение было разным. Еще долго в Коммунистическую партию Хорватии (КПХ) вступало больше сербов, чем хорватов, и именно сербы становились опорой новой власти. В 1945 г. сербы составляли 43% всех членов КПХ⁵. По регионам цифры разнятся. В Лике, например, сербов — членов партии было 86,6%, а в Бании — 89,4%⁶. Членство в партии влияло и на преобладание сербов в республиканском госаппарате, в милиции, экономической сфере.

Коммунисты с трудом создавали прочную республиканскую партийную структуру как основу будущей политической системы. «Нельзя сказать, что в широких массах партия имеет тот авторитет, который должна иметь», — отмечалось в сообщении инспекторских групп с территории Славонии в 1946 г.⁷

Если в Хорватии сербов считали вторым, наравне с хорватами, «народом», то к национальным меньшинствам относили итальянцев (33 316 чел.), венгров (47 711), чехов и словаков (33 526)⁸. В 1951 г. в ЦК Компартии Хорватии была сформирована Комиссия по национальным меньшинствам. Серьезных проблем, как считали власти, с ними не должно было быть, хотя комиссия полагала, что с венграми, чехами и итальянцами работу надо усиливать, так как они тяготеют к «старой» Югославии и с непониманием относятся к новой власти. Их характеризует, читаем в документах, национальный романтизм, патриотизм, боязнь ассимиляции. Исходя из этих характеристик, КПХ и строила свою работу. Создавались культурные общества национальных меньшинств (в 1949 г. их было 57), для них открывались школы (в 1951/1952 учебном году — 83), налаживалась издательская деятельность, готовились радиопередачи⁹. Для нужд национальных обществ в 1949–1950 гг. три общества (итальянцы, венгры и чехи) получили 2 465 000 динаров¹⁰.

Самой крупной группой среди национальных меньшинств в Хорватии была итальянская. Объединяла интересы итальянцев общественная организация «Итальянская уния», которая объединяла семь клубов культуры, создававшихся в местах со значительным итальянским населением. Больше всего итальянцев было в районе Риеки. Клубы на местах имели кружки по интересам, курсы музыки, пения, рисования, хорватского языка, они открывали выставки, проводили фестивали культуры, организовывали семинары и лекции по актуальным политическим вопросам (например, по вопросам отношения с Москвой в 1949 г.). «Уния» занималась и издательской деятельностью. Так, на итальянском языке выходила «Малая политическая библиотека», в которой публиковались выступления югославских и хорватских руководителей, статьи из журнала «Коммунист» и газеты «Борба». На итальянский язык переводились книги Иосипа Броза Тито, Эдварда Карделя, Милована Джиласа, Моше Пияде и Бориса Кидрича по политическим и экономическим вопросам. На итальянском языке печатались четыре газеты и два журнала¹¹. Всего в Хорватии было 40 начальных школ и семилеток, три гимназии, одна учительская школа и экономический техникум, где преподавание велось на итальянском языке¹².

Инструкторские группы, побывавшие в местах со значительным итальянским населением, сообщали в Загреб, что итальянцы очень недо-

верчивы и часто колеблются при принятии решения, слушают итальянское радио, мечтают жить в Италии, слабо вступают в коммунистическую партию. Например, их численность в городе Ровинь составляла 63,3% от всего населения, а численность среди коммунистов города — всего 13,11%. В Опатии, соответственно — 22,7 и 0,48%¹³. Несмотря на активную работу с ними, некоторые итальянцы стремились уехать в Италию. В органах внутренних дел городов Ровиня, Риеки и Пулы после 1945 г. лежало более 1000 заявлений на выезд. Правда, через шесть лет некоторые итальянцы передумали и отозвали свои заявления¹⁴. Все инструкторы отмечали, что итальянцы очень активно работают в отделениях «Унии», проводят фестивали, смотры, концерты, что у местных хорватов вызывает даже неприязнь, так как они не могут работать на таком же уровне¹⁵.

Работа с венграми в Хорватии в первые послевоенные годы была менее активной и осложнялась рядом обстоятельств. Судя по документам, хорватским коммунистам было трудно работать с венгерским меньшинством. Причины назывались разные. Одни инструкторы полагали, будто венгры обижались, что на них часто смотрят как на врагов, ведь они имели свои культурные общества, работавшие и при фашистах. По этой причине венгры не стремились участвовать в работе новых обществ культуры. Другие видели проблему в отсутствии кадров со знанием венгерского языка для работы в газете и на радио. Третьи корни проблемы искали в предшествующем периоде: ведь во время войны многие из них входили в организацию «Нилашисты»¹⁶ и оставили свой кровавый след в Воеводине¹⁷. В одной из записок пассивность части венгерского населения объяснялась тем, что некоторые уже ассимилировались, не знали родного языка и не стремились участвовать в работе национальных организаций культуры, а также тем, что некоторые венгры в полной мере ощутили на себе «политику экспроприации»¹⁸.

В папке Комиссии по национальным меньшинствам ЦК СКХ за 1952 год сохранилась аналитическая записка, посвященная как раз вопросу положения венгров в Хорватии. В ней отмечается, что часто венгры не желают подчеркивать свою национальность и даже отказываются от нее. «Главные причины, — по мнению авторов документа, — нужно искать в недавних политических событиях, затем в организационных ошибках и, безусловно, в экономических условиях»¹⁹. И далее разъясняется, что еще до Первой мировой войны у венгров на этой территории была активная «культурная жизнь», свои лидеры, а после войны они ощутили шовинизм, который нанес непоправимый ущерб проживающему там венгерскому населению. У них осталась только одна школа, которая просуществовала до 1929 г., закрыты все библиотеки и читальни, кредитные задруги. Венгры теряли работу, если не отрекались от своей национальности, и не могли

найти новую, им запрещалось говорить на родном языке. Перед Второй мировой войной атмосфера несколько потеплела, и венгры начали создавать свои культурные общества и открывать библиотеки. Во время войны они даже расширили свои требования — захотели культурную автономию. Но этот процесс остановлен после 1945 г. Все венгерское население переписали, закрыли все культурные общества и прогнали всех лидеров. Поэтому, делается вывод в Записке, должно пройти время, чтобы к венграм в Хорватии вернулось самоуважение и они начали бы принимать новую «социалистическую действительность». Необходимо подыскать и новых вождей, за которыми бы пошел народ, а также открыть как можно скорее библиотеки, наполнив их книгами на венгерском языке²⁰.

Видимо, по этим причинам открытие культурного национального венгерского центра затянулось. Культурный союз венгров (КСВ) был создан только в ноябре 1949 г. Тогда же появилась первая газета на венгерском языке. А на радио в городе Осиек два раза в неделю отдельные передачи звучали по-венгерски. Коммунисты из города Осиек, где проживало много венгров, в бумагах, направленных в ЦК КПХ, предупреждали, что к ним надо относиться осторожно, при этом работу с ними следует наращивать.

Только в 1958 г. подсчитали, что в Хорватии венгры проживали в 59 населенных пунктах — городах и селах. Из них в 38-ми их численность была небольшой: от 200 до 500 человек²¹. Такая разбросанность населения значительно осложняла работу по охвату всего венгерского населения «культурной работой». Нелегко было и там, где венгров было много. В середине 1949 г. в Осиеке и окрестностях их насчитывалось 45 тыс. человек. По сообщениям с места, они якобы ощущали себя «высшей» нацией по сравнению со славянами, не хотели изучать сербско-хорватский язык. Пришлось открывать венгерские школы — в 1948 г. их было 28²². В 1950 г. в этой области работали уже 26 отделений КСВ, хотя активными считались только 20²³. В обществах культуры (в 1953 г. — 20) работали драматические, балетные и фольклорные кружки, открывались библиотеки и читальные залы. А поскольку венгров в партии было мало, работу предлагалось вести через Народный фронт, молодежные или женские организации. Все проверяющие отмечали важность распространения книг на венгерском языке, фильмов, которые можно было бы показывать по венгерским селам.

Чехи в Хорватии проживали компактно в нескольких районах. В Беловарской области их было около 20 тыс. человек, а в Даруваре они составляли треть населения или 12 тыс.²⁴. Партийные инструкторы отмечали, что среди чехов в первые два года после войны сильным было движение репатриации²⁵. Судя по документам, результаты работы с че-

хами были весьма скромными. Их организация под названием «Чешская беседа» (в Загребе — «Чехословацкая община») была сформирована только в конце 1948 г., а в 1953 г. ее отделений было уже 36²⁶. Работу они начинали медленно. Главная претензия хорватских коммунистов к работе чешских «Бесед» состояла в том, что в деятельности клубов отсутствовала политическая направленность, а политическое руководство было слабым. Еженедельная газета «Еднота» слабо освещала политические вопросы, в частности, борьбу против Коминформа. Пришлось даже заменить главного редактора. Вообще пропаганда борьбы против ВКП(б) стояла в те годы на первом месте, поэтому хорватские коммунисты строили планы усиления работы общественных организаций среди национальных меньшинств по этому вопросу²⁷. К 1955 г. 34 общества «Чешская беседа» имели в своем составе уже 5000 человек. Они создали 49 читален с 7000 разных книг на чешском языке. Всего за два года было проведено 406 политинформаций, прочитано 286 лекций, 106 — по тематике марксизма, показано 121 театральное представление, проведены 157 вечеров-встреч с интересными людьми, а также 136 других мероприятий. В чешских обществах хорошо были развиты фольклорные ансамбли, хоры, театральные кружки. Известны были чехи и по театру кукол. Даже хорваты в селах присоединялись к работе этих кружков. Чехи и словаки имели свои начальные школы и семилетки: у первых их было 35, у вторых — 5²⁸. Согласно другим данным, всего было чешских и словацких школ и семилеток в 1951/1952 гг. — 16, а в 1953/1954 гг. — 19²⁹. Чехи активно участвовали в общественной жизни: 872 из них работали в органах народной власти³⁰.

Документы 1954 и 1958 гг.³¹ показывают, что проблема национальных меньшинств в Хорватии и в конце 1950-х годов продолжала оставаться серьезной, не до конца решенной. Партийные проверки выявляли самоуправство местных властей в отношении чехов, итальянцев и венгров: закрывали национальные школы и требовали расширения возможности хорватских школ за счет национальных, не поддерживали мероприятия, не вывешивали национальные флаги на совместных праздниках. Комиссии ЦК по национальным меньшинствам и в Загребе, и в Белграде провели ряд заседаний, посвященных анализу деятельности обществ и объединений итальянцев, чехословаков и венгров на территории республики, а также работе школ, изданию газет и журналов. Кстати, на этих совещаниях много внимания уделялось антиюгославской деятельности соседних стран, попытке использовать венгерское, чешское, румынское население в ФНРЮ для ослабления югославской власти³².

По сообщениям министерства внутренних дел Хорватии (1952), в Загребе после войны было много мусульман³³. Причем их численность

постоянно росла и составила в 1959 г. 10 тыс. человек³⁴. Часть из них — это студенты, приехавшие учиться, а также мусульмане, которые жили в Хорватии давно. Они были лояльны по отношению к власти и не вызывали у МВД опасения. Другую группу составляли «проустанешкие» мусульмане, которые еще до войны уехали из БиГ. Их считали врагами новой власти, поскольку они не изменили своих взглядов. К третьей немногочисленной группе отнесли религиозных фанатиков террористической организации «Молодые мусульмане». Они открыто действовали во время войны, а теперь перешли на нелегальное положение и готовят теракты против существующей власти. МВД Хорватии считало, что в пропаганде враждебности большую роль играет загребская мечеть, имам которой собирает вокруг себя враждебные мусульманские элементы и в проповедях критикует власть, общество, предвещает наступление «трудного периода».

Как видим, послевоенная Хорватия — это многонациональная республика, руководство которой пыталось наладить совместную жизнь со всеми национальными меньшинствами на своей территории. Однако главную проблему в Хорватии составляли не чехи, венгры или мусульмане, а сербы, которые ощущали себя государствообразующим народом наравне с хорватами. Отношения между сербами и хорватами в Хорватии явились главным национальным и политическим вопросом республики, да и всей послевоенной федерации. По мнению хорватских коммунистов, в 1945 г. «углубление братства и единства между сербами и хорватами до сих пор еще не решенный вопрос»³⁵. В сентябре 1946 г. инструкторские группы обратили внимание на то, что «отношения между сербами и хорватами не такие, какими должны были бы быть»³⁶.

Положение не улучшилось и к 1950 г.: «Вопросам братства и единства между сербами и хорватами партийные организации не уделяют достаточного внимания. Они не видят, что это серьезная проблема»³⁷. Так писали коммунисты, которые инспектировали партийные организации во всех районах Хорватии в 1950 г. Однако они заметили другое: сербы быстрее хорватов стремились в партию, их вдвое больше училось в партийных школах, они были лояльнее по отношению к новой власти и непропорционально больше занимали руководящие должности в местных органах власти. Так, в 1950 г. сербы-коммунисты составляли 4,1 % от численности населения Карловацкой области, а хорваты — 1,4 %³⁸. В других срезам ситуация была похожей — хорваты почти не вступали в партию. В некоторых хорватских селах вообще не было партийных организаций³⁹. Инструкторы, пытаясь это объяснить и найти выход из столь нездоровой ситуации, в 1950 г. обращали внимание на «великосербские элементы», которые имеют ряд преимуществ, и на неправильное отношение комму-

нистов к хорватам⁴⁰. Проблема взаимоотношений сербов и хорватов в Хорватии продолжала оставаться актуальной еще долгое время.

Подводя итог, напомним, что югославские коммунисты в первые послевоенные годы отодвигали национальный вопрос на второй план, учитывая сложность этих отношений в годы Второй мировой войны. Однако за становлением и упрочением партийных организаций Белград следил постоянно, начиная с лета 1945 г. В первую очередь инструкторские группы обращали внимание на организационные вопросы местных партийных ячеек, но избежать упоминания проблем, доставшихся от войны, не получалось. Поэтому в отчетах проверяющие много пишут об экономических трудностях, настроениях людей, их отношении к новой власти. Там же мы находим и сведения о межнациональных отношениях в республиках и приходим к выводу, что в послевоенной Югославии межнациональные проблемы проявлялись очень отчетливо и в основном возникали в республиках, где наряду с титульной нацией были и национальные меньшинства. На фоне непризнания новой власти и переплетения идеологических разногласий усложнялись отношения и между народами одной республики. Это отчетливо видно в Хорватии. Как показали события 1990-х годов, противоречия между сербами и хорватами не смогли нормализоваться на протяжении всех лет существования социалистической Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Narodne novine. Službeni list Narodne Republike Hrvatske. Zagreb, 1947. 23. siječnja. S. 19.

² Goldstein I. Hrvatska 1918–2008. Zagreb, 2008. S.655.

³ Владко Мачек — хорватский политический деятель, лидер Хорватской крестьянской партии, в годы фашистской оккупации Югославии призывал сотрудничать с новым режимом Анте Павелича. В 1945 г. бежал во Францию, потом в США.

⁴ Izveštaj instruktorskih grupa СККРЈ о обиласку неких partijskih organizacija u Hrvatskoj 21 sept. 1946 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-VI, јед. 12.

⁵ Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 260.

⁶ Goldstein I. Hrvatska 1918–2008. S. 654.

⁷ Izveštaj instruktorskih grupa СККРЈ о обиласку неких partijskih organizacija u Hrvatskoj 21 sept. 1946 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-VI, јед. 3.

⁸ Izveštaj o radu sa nacionalnim manjinama u Hrvatskoj // Hrvatski državni Arhiv. F. 1220. CK SKH. Agitprop. Komisija za nacionalne manjine. Kut. 1.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Centralnom Komitetu KPH-a (Upravi agitpropa) // Hrvatski državni Arhiv. F. 1220. CK SKH. Agitprop. Komisija za nacionalne manjine. Kut. 8.

¹¹ Ibid. Kut. 1.

¹² Ibid. Kut. 12, 1.

¹³ Ibid. Kut. 8.

- 14 Ibid. Kut. 2.
 15 Ibidem.
 16 Нилаштысты — члены фашистской Партии скрещенных стрел в хортистской Венгрии в 1938–1945 гг.
 17 Ibid. Kut. 8.
 18 Ibidem.
 19 Ibid. Kut. 2.
 20 Ibidem.
 21 Ibidem.
 22 Ibid. Kut. 8.
 23 Ibid. Kut. 8.
 24 Ibidem.
 25 Ibid. Kut. 1.
 26 Ibidem.
 27 Ibidem.
 28 Ibid. Kut. 12.
 29 Ibid. Kut. 1.
 30 Ibid. Kut. 8.
 31 Ibid. Kut. 1.
 32 Ibid. Kut. 2.
 33 Vjersko i političko djelovanje muslimana u Zagrebu // Hrvatski državni Arhiv. F. 1561 RSUP. Agitprop. Kut. 004. 1.
 34 Ibidem.
 35 Oblasni komitet K.P.H. za Dalmaciju Centralnom Komitetu Komunističke partije Jugoslavije // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-XXI, јед. 26.
 36 Izveštaj instruktorskih grupa СК КПЈ о обиласку неких partijskih organizacija u Hrvatskoj 21 sept. 1946 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-VI, јед. 1.
 37 Там же. Јед. 13.
 38 Там же.
 39 Там же. Јед. 24.
 40 Там же. Јед. 12.

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

О.В. ХАВАНОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ВЕНГРИЯ В «БОЛЬШОМ ПЕСТРОМ САДУ» ФРАНЦА ИОСИФА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ*

Abstract:

Havanova O.V. *Hungary in Francis Joseph's «large and colourful outer courts»: the political reality and historical myth*

The article considers how contemporary Hungarian historiography treats relations between Francis Joseph and the Kingdom of Hungary and its elite, and how the image of the emperor-king had evolved in popular mentality.

Ключевые слова: Франц Иосиф, Венгрия, политическая элита, народное сознание, образ.

*Посвящается 90-летию со дня рождения
Тофика Муслим-оглы Исламова*

Историки и литературоведы сходятся во мнении, что роман уроженца восточной Галиции Йозефа Рота (1884–1939) «Марш Радецкого» весьма точно воссоздает атмосферу Австро-Венгерской монархии последних лет ее существования. Закат государства для автора так же неизбежен, как старение и смерть ее создателя и олицетворения — императора Франца Иосифа (1848–1916 гг.). В уста главных и второстепенных героев вложено немало афористичных суждений о политической системе монархии, взаимоотношениях — желаемых и действительных — между населяющими ее народами. Об отце главного героя окружном начальнике фон Тротта — воплощении наднациональной, безоговорочно преданной престолу

* Статья представляет собой переработанный доклад на семинаре «Франц Иосиф: исторический опыт народов и (над)национальный миф», проходившем 21 ноября 2016 г. в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино, и написана в рамках проекта «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

бюрократии — автор сообщает: «Он был австриец, слуга и чиновник Габсбургов, и отчизной для него являлся императорский дворец в Вене. Доведись ему представить свои политические взгляды касательно полезного переустройства разноплеменного австрийского государства, он признал бы желательным превратить все имперские земли в большие пестрые сады и дворы императорского замка и все народы, населяющие монархию, в верных слуг Габсбургской династии»¹.

Если продолжить аллегория и уподобить Франца Иосифа садовнику, можно сказать, что уход за уголком его «большого пестрого сада» под названием Венгрия потребовал времени и сил, изобретательности и настойчивости, терпения и мудрости². Королевство присутствовало в его жизни с первых дней. Ведь кормилицей новорожденного эрцгерцога стала венгерка. Хотя Франц был представителем младшей линии Австрийского дома, ни для кого не было секретом, что именно он со временем наследует своему бездетному дяде Фердинанду I (1835–1848 гг.). Воспитание эрцгерцогов, в особенности кронпринцев, включало у Габсбургов изучение языков подвластных народов. Венгерский язык в объеме 210 мин. в неделю маленький Франц начал изучать в десять лет. Сохранились учебные тетради, из которых явствует, что он с каждым месяцем делал все меньше ошибок. Когда пришло время освоить навыки верховой езды, приставленный к эрцгерцогу младший сержант охотно научил подростка крепким бранным словечкам. Кстати, став императором, Франц Иосиф находил время, чтобы читать современных венгерских авторов, он также позаботился об учителях венгерского языка для своих детей, а с супругой Елизаветой (1837–1898), когда хотел, чтобы придворные их не поняли, говорил по-венгерски³.

Начало самостоятельного правления вышло трагическим. Менее чем через год после вступления на престол в ходе подавления охватившей Венгрию национально-освободительной войны в октябре 1849 г. в трансильванском городе Арад были казнены 13 революционных генералов⁴. Несколькими днями ранее в Пеште расстреляли премьер-министра революционного правительства графа Лайоша Баттьяни (1807–1849)⁵. Сотни гонимых, солдат революционной армии, предстали перед военно-полевыми судами. Другие, в том числе вождь революции Лайош Кошут (1802–1894)⁶ и будущий министр иностранных дел Австро-Венгрии и премьер-министр венгерского правительства Дюла Андраши (1823–1890)⁷, будучи приговоренными на родине к смертной казни, эмигрировали. Страна лишилась атрибутов государственно-политической автономии и «в наказание» была преобразована в пять округов, единообразно управлявшихся напрямую из Вены⁸. Вплоть до 1867 г. император Франц Иосиф оставался некоронованным королем Венгрии, потому

что революционеры, предчувствуя скорое подавление освободительной войны, заблаговременно спрятали в тайном месте корону св. Стефана (Иштвана)⁹, также известную как святая венгерская корона. Без нее государь не считался легитимным¹⁰.

Историки продолжают спорить о том, считал ли Франц Иосиф трагической ошибкой жестокое подавление национально-освободительной войны¹¹. Возможно, раскаяния в нем не было. Однако в пользу глубоких раздумий над последствиями своих первых декретов в качестве суверенного монарха говорит тот факт, что в 1867 г. коронационный подарок от венгерской нации — 100 тыс. гульденов — августейшая чета пожертвовала сиротам гонимых, павших на полях сражений в 1848–1849 гг.¹² Современные историки отмечают, что характер правления Франца Иосифа отражен в его имени: Франц, данное при крещении, отсылает к консервативному стилю правления его деда Франца I (1792–1835 гг.)¹³, предпочитавшего политическую стагнацию радикальным реформам. Избранное при вступлении на престол второе имя, Иосиф, напротив, указывает на подражание молодого монарха своему прадеду Иосифу II (1765/1780–1790 гг.), который стремился путем реформ в духе просвещенного абсолютизма модернизировать владения Австрийского дома, вывести их в ряды передовых европейских держав¹⁴.

За шестьдесят, без малого, лет своего правления Франц Иосиф совершил, казалось бы, невозможное. Путем сложных, часто тупиковых конституционных экспериментов он принял разработанную и согласованную в Вене и Пеште модель двуединой монархии, в которой мятежные, но выказывавшие готовность к примирению венгры получали под свое практически суверенное управление земли к востоку от реки Лейты. Политический класс Венгрии — землевладельческая аристократия в союзе с мелким дворянством (часто именуемым джентри) имела карт-бланш на внутренние преобразования¹⁵. Поколение либеральных реформаторов создало в среднесрочной перспективе стабильную политическую систему, обеспечившую быстрый экономический рост и заложившую основы социального мира путем частичного удовлетворения культурных и политических чаяний немадьярских народов¹⁶.

В основе этой политической системы, как пишет Иван Бертени-младший, лежала так называемая супремация — идея о превосходстве мадьяр, служившая оправданием того, что политическая элита управляла страной как национальным государством. Здесь венгерские либералы не отличались от своих современников, которые, говоря словами Эрика Хобсбаума, применяли на практике «принцип национальности» лишь к достаточно многочисленным народам. «Отсюда, — пишет историк, — тот поразительный и иначе не объяснимый факт, что Мадзини, поборник

данного принципа, не предусматривал независимости для Ирландии. Что же касается народностей еще более мелких — сицилийцев, бретонцев, валлийцев, — то их притязания считались еще менее серьезными¹⁷.

С превосходством мадьяр соглашались все парламентские партии, которые, независимо от часто менявшихся названий, условно делились на «правых» и «левых»¹⁸. Формально это отражало распределение мест в зале заседаний, но одновременно имело ясный политический подтекст: в лексиконе эпохи «левые» ассоциировались с возвратом к принципам венгерской революции, в то время как «правые» — с компромиссом с династией. Отсюда два других названия, по-своему символических для Франца Иосифа: правящая либеральная партия 67-го года и оппозиция, объединенная под знаменами партии 48-го года. В вопросах границ мадьярской супрематии различия между ними заключались в том, что первая в своем стремлении обеспечить лояльность немадьярских народностей проявляла умеренность, вторая же, настроенная откровенно националистически, требовала проведения последовательной венгерской национальной политики¹⁹.

То обстоятельство, что и «правые» и «левые» парламентские партии не имели разветвленной организации на местах, строились «сверху вниз» и активизировались лишь в период предвыборных кампаний, позволило венгерскому историку Дёрдю Кёверу утверждать, что в стране была только одна партия — «партия власти». Ее роль практически непрерывно играла либеральная партия, и у нее не было иного выбора, кроме как поддерживать принципы, на которых покоилась система дуализма²⁰. Этой цели служила, например, сознательно поддерживаемая диспропорция в пороге имущественного ценза, варьировавшегося от комитата к комитату. Там, где доля мадьяр была высока, ценз завышался, там же, где население составляли национальности — понижался, что позволяло румынам или русинам делегировать своих представителей в парламент²¹. Историк Андраш Герё приводит данные по процентному соотношению избирателей разных национальностей на 1905 г. в соотношении к данным переписи населения за 1910 г. Из них следует, что электоральное представительство на душу населения у самой экономически отсталой этнической группы — русинов, было сопоставимо с тем же соотношением у мадьяр. Так, в конечном итоге, до поры до времени удавалось сглаживать межэтнические противоречия. В то же время, в отличие от Цислейтании, где было введено всеобщее избирательное право для мужчин, подобный шаг в Венгрии грозил покончить с шатким статус-кво и привести в политику массовые партии далеко не либерального толка.

Историки едины во мнении, что Венгрия в годы правления Франца Иосифа переживала период бурного экономического роста. Разделение

труда внутри монархии, беспощинная торговля на беспрецедентно широких рынках сбыта, наконец, отсутствие войн позволили стране увеличить валовый национальный продукт. Только признание того, что обрательной стороной процветания должны стать более высокие отчисления на общие расходы, давалось политической элите и обществу с трудом. Когда в 1897 г. в Вене потребовали увеличить сумму взноса, в стране развернулось патриотическое движение, участники которого бойкотировали австрийские товары. Символом был избран тюльпан²², изображение которого (вопреки фактам, что цветок в Европу завезли турки), как считалось, украшало коронационную мантию св. Стефана. Как это не раз уже бывало, ради сохранения системы в Вене пошли на уступки, венгерская элита праздновала пиррову победу. Системе, из опущенного ей историей времени, оставалось жить менее двух десятков лет. Приметы той эпохи до сих пор хранит облик современного Будапешта (как и других городов современной и дотриановской Венгрии): самый крупный в Европе железнодорожный вокзал, величественное здание парламента, проспект Андраши с венчающей его Площадью Героев²³. Там, в знак признания заслуг правящего императора-короля, Францу Иосифу — одному из пяти Габсбургов, включенных в венгерский национальный пантеон — при жизни был поставлен памятник²⁴.

В сознании простого народа Франц Иосиф со временем обрел черты фигуры трагической. Память о казненных им патриотах-революционерах трансформировалась в мистические предсказания, за исполнением которых со страхом наблюдали современники. В среде крестьян и городских низов существовало поверье, что на государя наложено проклятье, которое развеется только тогда, когда за 13 загубленных мучеников государь символически заплатит жизнями членов своей семьи²⁵. Возможно, это поверье возникло после смерти в младенчестве его дочери Софии (1855–1857), однако самоубийство кронпринца Рудольфа (1858–1889) и гибель Елизаветы от руки фанатика заставляли многих поверить в злой рок. В то же время, этнографы отмечают, что самый популярный сюжет в народных сказаниях о Франце Иосифе это апокрифические версии «запоздалого прощения». Из уст в уста передавались слухи, что сам ли, под влиянием молодой супруги Сиси, по наущению ли Всевышнего, но император отменил свой приказ о казни, и только обстоятельства (или злонамеренные министры) не позволили бумаге из Вены вовремя прибыть в Арад. В первой половине XX в., когда эпоха австро-венгерского дуализма уже отделялась от современников страшной мировой войной, революцией, террором и контрреволюцией, император-король и его несгибаемый противник — скончавшийся в эмиграции пламенный революционер Лайош Кошут — оказались равно любимы народом пе-

ред лицом вечности. Именно тогда распространяется поговорка: «Умер Лайош Кошут — не стало справедливости, умер Франц Иосиф — не стало счастья»²⁶.

Эпоха Франца Иосифа пришлась на период между двумя социальными потрясениями: революцией 1848 г. и Первой мировой войной²⁷. В этом причина того, что образ императора в коллективной памяти обрел черты идеального государя. Оглядываясь на годы процветания из далекого 1933 года, отставной полковник прекратившей свое существование императорско-королевской армии Дёзё Лепеш писал о Франце Иосифе: «К его личным заслугам можно отнести то, что в хаосе, который создавали центробежные устремления и столкновения 18 земель и 12 народностей, несмотря на пагубное влияние своего окружения, он нашел источник силы монархии в том народе, который прежде называли непокорным, неотесанным и враждебно расположенным к династии, и вознес на вершину власти того самого гонимого майора Андраши, которого 12 лет назад приговорил к смерти как бунтовщика. Государь с головы до пят, он был первым трудягой в своей стране, который с 15 и до 86 лет работал с 6 утра и до позднего вечера, не зная усталости, и который — как утверждают строгие ученые мужи, проследившие его жизнь от колыбели до могилы, давал пример корректности, такта, рыцарственности, выдержки и чувства долга»²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Pom Й.* Марш Радецкого / Перевод с немецкого Н. Май. М., 2011. Текст доступен по адресу: http://lib.ru/INPROZ/ROT_J/marsh_radeckogo.txt (здесь и далее дата последнего посещения 27.01.2017).

² *Gerő A.* Emperor Francis Joseph, king of the Hungarians. New York, 2001; *Váradí K.* „A régi iskola utolsó európai uralkodója” — 100 éve halt meg Ferenc József // *Újkor.* 19 XI 2016. Текст доступен по адресу: <http://ujkor.hu/content/regi-iskola-utolso-europai-uralkodoja-100-eve-halt-meg-ferenc-jozsef>.

³ Российскому читателю можно рекомендовать научно-популярную, но основанную на специальной литературе работу: *Контти Э.Ц.К.* Елизавета I Австрийская. Ростов-на-Дону, 1998.

⁴ Об участии российской армии в подавлении национально-освободительной войны на русском языке см.: *Рошонци И.* Венгерская кампания российских войск в 1849 году / Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / Отв. ред. И.В. Крючков. Ставрополь, 2014. Вып. 5. С. 48–56.

⁵ *Исламов Т.М.* Революция 1848 г. в Австрийской империи: национальные и межнациональные аспекты // Европейские революции 1848 г.: «принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С. 135–189. См. также: *Штура Д.* Четыре судьбы: к истории политической деятельности Сечени, Баттяни, Кошута и Шандора Петефи. М., 1986.

⁶ *Deák I.* The lawful revolution. Louis Kossuth and the Hungarians. New York, 1979.

⁷ По истории внешней политики Австро-Венгрии см.: *Diószegi I.* Bismarck und Andrássy. Ungarn in der deutschen Machtpolitik in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts. Wien; München; Budapest, 1999. На русском языке см.: *Медяков А.С.* Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010.

⁸ *Deák A.* From Habsburg Neo-Absolutism to the Compromise, 1849–1867. New York, 2008.

⁹ Иштван I Святой, или св. Стефан (ок. 969–1038) — первый король Венгрии, основатель династии Арпадов, правивший как князь с 998 г., как король с 1000 г. (по другим источникам с 1001 г.). В 1083 г. был канонизирован католической церковью за принятие христианства и обращение в христову веру подданных. Подробнее см.: *Klaniczay G.* Holy rulers and blessed princesses. Dynastic cults in medieval Central Europe. Cambridge, 2000.

¹⁰ *Bartoniék E.* A magyar királykoronázások története. Budapest, 1939; *Péter L.* Hungarian crown visible and invisible // *Idem.* Hungary's long nineteenth century: constitutional and democratic traditions in a European perspective. Collected studies / Ed. M. Lojkó. Leiden; Boston, 2012. P. 15–111.

¹¹ *Hermann R.* Forradalom és szabadságharc (1848–1849). Budapest, 2012.

¹² *Larucok és kubancok* // Magyar idők. 19 XI 2016. Текст доступен по адресу: <http://magyaridok.hu/lugas/larucok-es-kubancok-1175485/>.

¹³ Этот император в историографии известен как Франц II (I), поскольку в 1792 г. вступил на престол под именем Франца II, однако в 1804 г., провозгласив владения Австрийского дома Австрийской империей (*Kaisertum Österreich*), поменял имя — в знак начала нового отсчета династии — на Франца I.

¹⁴ Об образе и репрезентации Франца Иосифа в Австро-Венгрии см.: *Telesko W.* Geschichtsraum Österreich. Die Habsburger und ihre Geschichte in der bildenden Kunst. Wien; Köln; Weimar, 2006. S. 205–212.

¹⁵ *Szabó D.* A Magyar társadalom politikai szerveződése a dualizmus korában (Párt és vidéke) // *Történelmi Szemle.* 1992. XXXIV. évf. 3-4. sz. 199–230. old.; *Szabó Cs.* A politikai elit függetlenségi ellenzékének szervezeti formálódása Magyarországon az 1860-as években: a 48-as párt megalakulása // *Századok.* 1999. 3. sz. 519–541. old.

¹⁶ На русском языке см.: *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны: 1906–1914. М., 1972.

¹⁷ *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 52.

¹⁸ *Бертени-мл. И.* Две войны венгров в 1914–1919 гг. // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг. от национальных движений к созданию национальных государств / Отв. ред. М. Волос, Г.Д. Шкундин. М., 2012. Т. 1. С. 81–100.

¹⁹ Подробнее см.: *Vermes G.* István Tisza: the liberal vision and conservative statecraft of a magyar nationalist. Boulder (Colorado), 1985. На русском языке см.: *Исламов Т.М.* Граф Иштван Тиса — «сильный» человек Венгрии // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 47–53.

²⁰ *Gyányi G., Kövér Gy.* Magyarország társadalomtörténete. A reformkortól a második világháborúig. Budapest, 1998. 107. old.

²¹ *Bérenger J., Kecskeméti K.* Országgyűlés és parlamenti élet Magyarországon, 1608–1918. Budapest, 2008; *Gerő A.* Modern Hungarian society in the making: The unfinished experience. Budapest, 1995. P. 173–174.

²² *Gellér K.* Tulipánkert-mozgalom // Angyalokra szükség van: tanulmányok Bernáth Mária tiszteletére / Szerk E. András. Budapest, 2005. 51–62 old. См. также: *Bajzik Zs.*

Iparvédelem és tulipánmozgalom a Vas megyében // Vasi Szemle. 2015. 1. sz. Текст доступен по адресу: <http://www.vasiszemle.hu/2015/01/bajzik.htm>.

²³ *Lukács G.* Budapest 1900: a historical picture of a city and its culture at the turn of the century. New York, 1990.

²⁴ *Gerő A.* Modern Hungarian society in the making. P. 203–222; *idem.* Képzelt történelem. Fejezetek a magyar szimbolikus politika XIX–XX. századi történetéből. Budapest, 2004.

²⁵ *Landgraf I.* «Király, pásztor és nyáj egy legyen!» Az uralkodócsalád reprezentációja az 1867–1918 között magyar populáris olvasmányokban és hatásuk a szóbeli hagyományokra // «A királyhűség jól bevált útján...» Rendi és nemzeti kötődések szimbolikus változásai 1867 és 1918 között / Szerk. N. Glässer, A. Zima, A. Nagyillés. Szeged, 2016. 30. old.

²⁶ *Ibid.* 23. old.

²⁷ *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 14–46.

²⁸ *Lépcs Gy.* Magyarország szerepe a Ferenc József hadseregében. Debrecen, 1933. 20. old..

Б.С. НОВОСЕЛЬЦЕВ
(Институт славяноведения РАН, Москва)

ДВА ВИЗИТА Й. БРОЗА ТИТО В РУМЫНИЮ В 1966 Г.*

Abstract:

Novoseltsev B.S. *Two visits of Josip Broz Tito to Romania in 1966*

The article analyses the development of the Yugoslav-Romanian relations in 1966. At that time, the cooperation of the two countries intensified, especially in the political sphere. The key to this convergence was the similarity of their positions on many international issues, the foremost of which was the desire of the leaders of the two countries to achieve a certain degree of independence from the Soviet Union. The chosen way to establish a dialogue were personal meetings of Nicolae Ceaușescu and Josip Broz Tito. These meetings included frank and quite productive discussions. A number of materials from both Serbian and Russian archives are treated for the first time.

Ключевые слова. Внешняя политика, дипломатия, Югославия, Румыния, Йосип Броз Тито.

В непростой, как это часто бывает у соседних государств, истории югославо-румынских отношений середина 1960-х годов занимает особое место. В этот период две страны интенсивно наращивали сотрудничество в политической сфере. По многим международным вопросам (европейская безопасность, взаимоотношения с СССР и странами социалистического лагеря, сотрудничество с США и западноевропейскими государствами) их позиции совпадали.

Важнейшая цель Бухареста состояла в достижении независимости от СССР, невмешательства во внутренние дела СРР** и равноправного сотрудничества с Москвой. В этом смысле румынское руководство ориентировалось на СФРЮ***, которой удавалось лавировать между Западом и Востоком и играть на международной арене роль, заметно превосходившую ее скромный экономический и военный потенциал. Проводя достаточно независимую внешнюю политику, Белграду удавалось развивать экономическое сотрудничество и получать кредиты от обеих сверхдержав¹.

Используя некоторые элементы югославского внешнеполитического курса, румынский лидер Николае Чаушеску предпринял попытку

* Статья написана в рамках работы над проектом РГНФ/РФФИ № 31-15-01003a1.

** Социалистическая Республика Румыния.

*** Социалистическая Федеративная Республика Югославия.

закрепить за Румынией репутацию страны, поддерживающей хорошие отношения со всеми государствами, вне зависимости от их политической ориентации и принадлежности к блокам. Тем самым он хотел добиться большей независимости во внешней политике, увеличить значимость своих внешнеполитических акций и более эффективно использовать выгоды международного политического и экономического сотрудничества. В Югославии одобрительно относились к подобным планам. Выступление двух стран с единых позиций, особенно в отношениях с СССР, означало ослабление политического давления на них со стороны Москвы, которая с приходом к власти нового руководства (в октябре 1964 г.) своей важнейшей задачей видела укрепление единства социалистического блока, то есть, по сути, сохранение своего влияния в международном рабочем движении. Причем речь шла не только о советско-китайском конфликте, но и о тенденциях ко все большей независимости руководства компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Известный российский историк Ар.А. Улунян в этой связи выделяет 4 «центра коммунизма», сформировавшиеся к середине 1960-х годов — московский, китайско-албанский, западноевропейский (во главе с компартией Италии) и югославско-румынский. Причем особое внимание и Москвы, и ее оппонентов на Западе привлекал именно последний².

Для руководства СФРЮ развитие сотрудничества с Румынией имело как чисто практическое, так и идеологическое значение. Во-первых, предыдущие полтора десятилетия югославская дипломатия придавала особое значение отношениям со сверхдержавами и со странами «третьего мира». В итоге ближайшими друзьями и союзниками Югославии стали территориально удаленные от нее Египет и, отчасти, Индия. Сотрудничеству с соседними странами уделялось значительно меньше внимания. Особенно это касалось социалистических государств, диалог с которыми постоянно осложняли то пограничные споры, то положение национальных меньшинств, то очередной советско-югославский конфликт.

Близость политических позиций Белграда и Бухареста давала возможность решить часть спорных вопросов, наладить торговлю, развивать экономические связи. Так, например, в начале 1960-х годов одним из проявлений югославско-румынского сближения стал совместный проект строительства гидроэлектростанции и судоходной системы Джердап на Дунае, который для обеих сторон был прецедентом равноправного и взаимовыгодного сотрудничества³. Определенный интерес представляли разведка и разработка нефтяных месторождений в пограничных районах (румынские специалисты оказывали техническое содействие в разработке месторождений в Воеводине)⁴ и т.д.

Во-вторых, по ряду причин в середине 1960-х годов Движение неприсоединения* переживало серьезный кризис, а политический курс сверхдержав после смены там руководителей** перестал быть настолько благоприятным по отношению к СФРЮ как в предыдущий период⁵. Югославскому руководству требовалось срочно найти выход из сложившейся ситуации. Изменения, происходившие в тот момент в Европе (ослабление блоковой напряженности, выход из НАТО Франции, попытки СРР проводить более независимый курс, всеобщая заинтересованность в развитии экономического сотрудничества), диктовали дипломатическое «возвращение» Югославии к европейской политике. Принципиальные позиции Белграда и Бухареста по ряду вопросов совпадали. В первую очередь, обе стороны выступали за суверенитет и взаимовыгодное сотрудничество всех государств, вне зависимости от их общественно-политического устройства, против блоковых подходов к вопросу о европейской безопасности и навязывания своих позиций малым и средним странам со стороны сверхдержав.

Третьей причиной, по которой в Белграде все охотнее шли на расширение сотрудничества с Бухарестом, было стремление к экспорту своих политико-идеологических концепций в другие социалистические страны. Югославская модель коммунистического строительства, нередко называемая «титоизмом»⁶, предполагавшая рабочее самоуправление и неприсоединение к военно-политическим блокам, а также выдвижение на первый план национально-государственных интересов, стабильно вызывала большой интерес у всех реформаторов социализма, в том числе у деятелей венгерской революции 1956 г. или участников Пражской весны 1968 г. Еще в марте 1964 г. аналитики американского Государственного департамента писали: «Практически все государства Восточной Европы почти наверняка будут стремиться расширить свою автономию [...]. Они были свидетелями успеха югославского, албанского и китайского коммунистических режимов в проведении полностью независимого курса»⁷. На волне политики десталинизации и признания различных путей строительства социализма Румыния больше других стран добилась эмансипации от

* Движение неприсоединения было основано в 1961 г. на конференции в Белграде. Его участники были объединены принципом неучастия в военно-политических блоках сверхдержав и призывали к уважению территориальной целостности и невмешательству во внутренние дела других стран; отказу от войны как средства решения спорных вопросов; равенству; взаимовыгодному сотрудничеству и мирному сосуществованию.

** В 1963 г. после убийства Президента США Дж. Кеннеди новым американским лидером стал Л. Джонсон, а в 1964 г. на октябрьском пленуме ЦК КПСС со своих постов был смещен Н.С. Хрущев. Новым советским партийным руководителем был назначен Л.И. Брежнев.

Советского Союза. В румынских лидерах Г. Георгиу-Деже и, особенно, в Н. Чаушеску, югославы видели руководителей, ставящих во главу угла национальные приоритеты, а значит своих потенциальных союзников.

1966 г., даже учитывая неслыханную дипломатическую активизацию СРР и неизменно высокую активность югославской внешней политики, изобиловал постоянными югославно-румынскими встречами и переговорами⁸. Два визита в Румынию Й. Броза Тито подытожили проведенные консультации и одновременно сыграли ключевую роль в наметившемся сближении двух стран.

Первый визит состоялся 18–22 апреля 1964 г. Судя по всему, его главной целью было налаживание контактов и создание благоприятной политической атмосферы. Обе стороны не ожидали от переговоров каких-то судьбоносных решений. Оказанный югославскому лидеру пышный прием, судя по всему, произвел на него должное впечатление⁹, но по ряду спорных вопросов мнения руководителей двух стран разошлись.

Первый день переговоров был посвящен вопросам внутренней политики. Тито подробно рассказал о положении дел в Югославии и об экономической реформе¹⁰, причем остановился не только на ее положительных сторонах, но также на трудностях и существующих проблемах (нехватка средств, отсталость страны, отсутствие квалифицированных кадров и даже некоторые просчеты руководства). В своем ответном выступлении Чаушеску говорил исключительно об успехах хозяйственного развития Румынии¹¹. Очевидно, что хвастливые нотки в его рассказе произвели на Тито не совсем благоприятное впечатление.

19 апреля главной темой на переговорах была международная проблематика. Лидеры двух стран согласились с тем, что за последнее время международная ситуация ухудшилась, произошло усиление позиций реакционных кругов. В течение почти двух часов югославский президент говорил о ситуации в странах Азии и Африки, подробно остановившись на каждом государстве и охарактеризовав каждого лидера. Чаушеску и здесь не стал возражать своему собеседнику, поддерживая его мысль, что деньги африканским лидерам необходимо давать на развитие экономики, а не на «парадные» нужды — дворцы и стадионы¹². Однако, оговорившись, что он не обладает достаточной информацией по этому вопросу, Чаушеску попросил Тито не касаться этого вопроса в коммюнике по итогам визита¹³. Судя по всему, декларирование необходимости оказания конкретной помощи странам «третьего мира» не отвечало политическим интересам и экономическим возможностям Румынии.

Также в итоговое коммюнике не вошел ряд международных вопросов, по которым стороны не достигли общего мнения. Тито подверг резкой критике реваншистские устремления ФРГ и обвинил западногер-

манское правительство в финансировании «югославских фашистов» — политических эмигрантов, устраивающих провокации и диверсии против представителей СФРЮ. Чаушеску уклонился от дискуссии и резких оценок¹⁴. При подготовке коммюнике румыны отказались от выпадов в адрес ФРГ. Обсуждая ситуацию, сложившуюся в Индонезии¹⁵, Чаушеску назвал ее следствием провокации реакционных кругов и не исключил участия в ней США. Тито возложил часть ответственности за произошедшее на Коммунистическую партию Индонезии и в значительной мере — на компартию Китая (КПК)¹⁶.

Принципиально важно для югославского президента было убедиться, что румынское руководство не ставит свои отношения с СФРЮ в зависимость от диалога с КНР. Чаушеску признался, что существуют позиции, по которым Румыния не согласна с китайскими товарищами, на что им прямо указывается. При этом он отметил, что разногласия не должны скальзываться на партийных и государственных отношениях, нужно сотрудничать там, где позиции одинаковы. Вместе с тем румынский лидер обещал не допустить критики в адрес Югославии во время готовившегося в то время визита в Румынию премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая¹⁷. Свое обещание Чаушеску выполнил. В ходе одного из первых своих публичных выступлений в Румынии на митинге китайский политик обрушился с критикой на Югославию и СССР, после чего хозяева настоятельно попросили его в своих выступлениях касаться только двусторонних отношений¹⁸.

В конце разговора Чаушеску, подчеркнув, что СРР «имеет очень хорошие отношения с Советским Союзом» остановился на своих разногласиях с Москвой. Он высказался против развития интеграции в рамках СЭВ* и ОВД**, а также расширения функций их надгосударственных органов и указал, что эти организации должны действовать в соответствии с теми принципами, на которые согласны все. По мнению Чаушеску, наилучшим вариантом было бы развитие экономических и военно-политических отношений на двусторонней основе¹⁹. Очевидно, югославы к позиции Румынии по этому вопросу относились с пониманием: полтора десятка лет назад они сами добились того, к чему теперь стремились в Бухаресте — независимости от Москвы и возможности развивать экономическое сотрудничество со всеми странами, в том числе с Западом.

Очень любопытным представляется содержание беседы лидеров двух стран в поезде на обратном пути из Брашова (посещение этого города входило в план визита). Чаушеску говорил гораздо более откровенно, чем во время официальных переговоров. Он рассказывал своему собе-

* Совет экономической взаимопомощи.

** Организация Варшавского договора.

седнику о так называемом «плане Валева» по созданию южнодунайской экономической зоны, который «игнорирует суверенитет отдельных народов» и о «так называемой бескорыстной помощи» Советского Союза, которой, по его мнению, вовсе не было: «Все, что создали румыны, они создали собственными силами». Не забыл румынский лидер упомянуть и о послевоенных репарациях, которые его страна выплачивала СССР, и об эксплуатации природных богатств страны — урановых рудников, разрабатывавшихся совместными советско-румынскими предприятиями. Поведал он и о том, как в 1939 г. Коминтерн запретил компартии Румынии (РКП) вместе с буржуазным правительством выступить в поддержку Чехословакии. Не обошел он своим вниманием и советскую оккупацию Буковины в 1940 г. «Гитлер больше защищал интересы Румынии», — подытожил первый секретарь РКП. Эта эмоциональная речь должна была послужить обоснованием вывода, сделанного Чаушеску: «малые страны, чтобы сохранить свою самостоятельность, должны главное внимание уделять собственному экономическому развитию»²⁰.

Тито, судя по всему, разделял такую позицию своего собеседника. В начале июня 1966 г. на переговорах в ходе неофициального визита в Словению венгерского руководителя Яноша Кадара он заявил: «Отношения между социалистическими странами должны строиться по принципу: каждая страна развивается так, как она считает для себя целесообразным. Даже во внешней политике могут быть и имеются различия в интересах той или другой социалистической страны». Кадар осторожно согласился, но заметил, что по главным вопросам они должны быть одинаковыми²¹. Советские аналитики отмечали, что высказывания Тито о необходимости проведения социалистическими странами более самостоятельной политики имели место и на его переговорах с чешским руководителем А. Новотным во время визита в ЧССР в июне 1965 г.²².

После апрельского визита Тито в Румынию отношения двух стран заметно потеплели, интенсифицировался обмен делегациями, наметились переговоры об увеличении товарооборота²³. Судя по всему, свою роль здесь сыграло налаживание личных контактов двух руководителей, а также откровенный характер переговоров. Вместе с тем представители обеих сторон постоянно подчеркивали, что сотрудничество в сфере торговли отстает от уровня, достигнутого с другими государствами соцлагеря²⁴.

С 1 по 3 декабря 1966 г. Тито вновь находился в гостях у Чаушеску, на этот раз с неофициальным визитом в городе Тимишоара на югославно-румынской границе. Днем лидеры двух стран охотились, а по вечерам вели переговоры.

В начале Тито снова затронул проблему международной обстановки, остановившись на политическом кризисе в Азии и Африке и акти-

визации империалистических сил (перевороты в Гане и Алжире, война во Вьетнаме и т.д.). Подобные события он связал с успехами политики неприсоединения, в частности с Каирской конференцией (1964 г.), в декларации которой главной целью была провозглашена борьба против неокOLONIALИЗМА. Чаушеску не стал во всем винить империалистов, остановившись на внутренних причинах кризиса: экономической зависимости стран «третьего мира» от бывших метрополий и отсутствии консолидированных прогрессивных сил (рабочих и передовой буржуазии). В итоге проводимая в некоторых странах ультрареволюционная политика не имела большой поддержки в народе, поэтому перевороты там было осуществить несложно²⁵.

Мнения сторон по ситуации в Индонезии снова не совпали, причем по сравнению с прошлыми переговорами они изменились на прямо противоположные. Новый глава Индонезии генерал Х. Сухарто отказался от ориентации на Китай, взял курс на возвращение в ООН, нормализацию отношений с Малайзией и на возвращение к политике неприсоединения²⁶. Поэтому теперь Тито высказался в поддержку политики Сухарто, а Чаушеску назвал ее реакционной²⁷.

Обстановка в Европе, по мнению югославского президента, сложилась значительно более благоприятная, чем в Азии, Африке или на Ближнем Востоке, где существовала реальная опасность вооруженного конфликта (особенно в Йемене, а также между Израилем и ОАР). Франция вышла из НАТО, борьбу за сохранение мира провозгласили основой своей политики скандинавские страны. Существовала возможность совместно действовать через ООН по вопросу разоружения со многими европейскими государствами. Румыния и Югославия активно выступали за развитие общеевропейской торговли. Сотрудничество в Европе способствует ослаблению напряженности во всем мире — подытожил Тито. Чаушеску полностью поддержал своего собеседника, согласившись, что необходимо развивать отношения со всеми европейскими странами, тем самым создавая условия для решения вопроса европейской безопасности на новой (внеблоковой. — *Б.Н.*) основе.

Большое внимание стороны уделили обсуждению Германского вопроса. Чаушеску отметил, что оба немецких государства должны на равноценной основе участвовать в общеевропейском сотрудничестве. Без их участия нельзя говорить о европейской безопасности, а факт существования двух германских государств означает, что необходимо развивать отношения и с ГДР, и с ФРГ, причем сотрудничество с Бонном будет означать еще и возможность ограничить его реваншизм. Румынский руководитель рассказал Тито о визите в Бухарест весной 1966 г. министра экономики ФРГ К. Шмюкера, который высказался за установление дипломатических

отношений с Румынией и Югославией. В ответ Тито выразил сомнения на этот счет. Он напомнил, что Западная Германия, согласно «доктрине Хальштейна»²⁸, прекратила отношения с Югославией после дипломатического признания ГДР с ее стороны (в 1957 г. — *Б. Н.*). Кроме того, среди спорных вопросов в отношениях с ФРГ Тито назвал поддержку антиюгославских элементов (т.е. политических эмигрантов, оказавшихся там после Второй мировой войны. — *Б. Н.*) западногерманским правительством и отказ выплачивать компенсации югославским жертвам нацизма. Чаушеску подчеркнул, что Румыния не разделяет позиции, согласно которой вопрос об отношениях с ФРГ необходимо решать в рамках всего блока, об этом он говорил представителям Польши и ГДР на встрече в Москве в октябре 1966 г. Тито согласился, добавив, что Югославия и не может, так как она не в рамках блока²⁹.

Далее Чаушеску остановился на отношениях Румынии с Китаем и СССР. Он рассказал о ходе визитов в Бухарест Л.И. Брежнева и Чжоу Эньлая, о прошедшем в румынской столице совещании первых секретарей стран ОВД и встрече в Москве представителей стран социалистического лагеря (октябрь 1966 г.). Он не стал защищать КНР в связи с событиями «культурной революции», заметив лишь, что это «их (китайцев. — *Б. Н.*) внутреннее дело»³⁰. Повадал, что вел дискуссии с китайцами по ситуации, сложившейся в международных отношениях, и расколу международном рабочем движении, а также подверг критике позицию Пекина в отношении Югославии. И все-таки по Китаю стороны не пришли к единому мнению. Чаушеску не согласился с критикой «культурной революции» и экспансионистской политики Пекина в Азии. А Тито оценил политику КНР как «компрометирующую дело социализма в глазах мировой общественности»³¹.

Румынский лидер подчеркнул, что хочет хороших отношений с СССР, но, очевидно, имея в виду Китай и Западную Европу, оговорился, что «это не должно зависеть от отношений с третьими странами». Тито добавил, что «и югославно-румынские отношения не должны быть обусловлены чем-то третьим», также, видимо, намекая на КНР и сверхдержавы. «Существует ряд спорных вопросов между нами и Москвой, — продолжил Чаушеску, — однако это не исторические вопросы, как говорят некоторые». Главная проблема, по его мнению, состояла в том, что СССР «злоупотребляет своей силой в отношениях с соцстранами», а это ведет к неравноправию. Весь мир не может развиваться по одному шаблону. Нужно отдавать себе отчет в том, что каждая страна развивается в специфических исторически сложившихся условиях. Организационные формы могут быть очень различны³². Для Тито, который подвергался довольно серьезному давлению со стороны Москвы в связи с югославской

экономической реформой, снятием со своих должностей А. Ранковича и решением о реорганизации СКЮ, принятым в июле 1966 г. на IV пленуме партии³³, эти слова были буквально бальзамом на душу.

В разговорах с советскими коллегами уже по возвращении Тито домой югославские дипломаты подчеркивали, что его поездка в Румынию была запланирована еще в апреле 1966 г. И тот факт, что по времени она совпала с подготовкой к проведению Совещания коммунистических и рабочих партий³⁴, — чистое совпадение³⁵. В действительности это не вполне соответствовало истине: вопрос об отношениях с СССР и об участии в Совещании был одним из основных на переговорах. Чаушеску выразил уверенность, что главная его цель — осудить КНР и вернуть СССР роль единственного руководящего центра в рабочем движении³⁶. Стороны согласились, что в отсутствие КПК, а также компартий, находящихся под ее влиянием (Вьетнама, Кореи, Японии и т.д.), Совещание только ухудшило бы ситуацию. Тито отметил, что пока еще речь не идет о какой-либо кампании, но уже заметно ухудшение отношения некоторых социалистических стран к Югославии, и он ожидает еще большего давления. Он дал понять, что в принципе не против самой идеи Совещания, но только тогда, когда сложатся благоприятные для него условия и только по теоретическим и идеологическим вопросам. Также югославский президент подчеркнул, что недопустимо вмешательство посредством этого совещания в дела независимых государств: «Если представители какой-нибудь компартии капиталистической страны стали бы говорить, как Югославия должна развиваться, что должна делать, критиковать экономическую реформу, я бы сразу послал их к дьяволу».

Таким образом, оба лидера согласились, что не хотят быть разменной монетой и считают, что совещание только ухудшит обстановку в международном рабочем движении. Чаушеску провозгласил, что интернационализм превратился в средство доминирования СССР и сводится к тому, что в каком-то другом месте определяется, как будут развиваться Румыния, Югославия или Польша. Тито со смехом заметил, что «мы тут, рассуждая таким образом, еретики»³⁷.

Сближение и общие «еретические» позиции двух стран по вопросам взаимоотношений внутри социалистического лагеря, сотрудничества с Западом и европейской безопасности вызывали беспокойство Кремля. Некоторое время казалось, что создавшийся югославо-румынский «центр коммунизма» станет серьезной и долговременной идеологической альтернативой Москве. Однако дальнейший ход событий, особенно в связи с Ближневосточным кризисом (1967 г.), внес определенный раскол в единство двух диссидентов в социалистическом движении. Впрочем, и Тито, и Чаушеску продолжали оставаться одними из самых своеобразных коммунистических лидеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. Beograd, 2012; *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2016.

² *Улуян Ар.А.* Кризис «коммунистического единства»: балканский аспект (середина 60-х — начало 70-х гг. XX в.) // Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны. М., 2008. С. 135.

³ См. подробнее: *Новосельцев Б.С.* Югославия, Румыния и строительство Джердапской ГЭС (середина 1950–х — начало 1960–х годов) // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию К.В. Никифорова. Сб. статей. М., 2016. С. 265–284.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (Далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 58. Д. 285. Л. 76. Запись беседы со вторым секретарем Посольства Румынской Социалистической Республики в СФРЮ Йонелем Станкулеску. 14.02.1967.

⁵ См. подробнее: *Новосельцев Б.С.* Кризис в политике неприсоединения и активизация Югославии на европейской арене в середине 1960-х годов // Славяноведение. 2013. № 4. С. 40–48.

⁶ Сам Тито утверждал, что никакого «титоизма», как идеологического направления, не существует: «Мы не привнесли ничего нового в науку марксизма-ленинизма [...]. Если бы «титоизм» стал направлением, мы были бы ревизионистами и отказались от марксизма» (*Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. III. Beograd, 1984. S. 610).

⁷ Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Volume XVII. Eastern Europe. Document 2. Special Report by the Central Intelligence Agency. 27.03.1964.

⁸ Так, в Румынии побывали югославская парламентская делегация во главе с секретарем ЦК компартии Сербии Й. Веселиновым; профсоюзная, которую возглавлял председатель Центрального Вече профсоюзов С. Вукманович-Темпо; военная во главе с союзным секретарем народной обороны генералом И. Гошняком. Кроме того, визит в Румынию совершили заместитель председателя Союзного исполнительного вече Б. Крайгер, председатель ЦК Союза Коммунистов Македонии К. Црвенковски, помощник государственного секретаря по иностранным делам Б. Видакович, председатель Скупщины Белграда Б. Пешич. С румынской стороны на переговоры в Югославию ездили премьер-министр И. Маурер, министр иностранных дел К. Мэнеску, заместитель председателя совета министров Г. Радулеску.

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 241. Л. 45. Запись беседы с первым секретарем Посольства СФРЮ тов. Дж. Попович. 26.04.1966.

¹⁰ Начавшаяся в 1965 г., она предполагала введение некоторых элементов рыночной экономики, отмену государственной монополии на внешнюю торговлю, разрешение уезжать на заработки в западноевропейские страны и увеличение самостоятельности республик и краев.

¹¹ Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike (Далее — АЖ. КРР.). I-2/28. Put J.V. Tita u Rumuniju. 18–22.04.1966 // Zabeleška o razgovoru predsednika Tita s generalnim sekretarom СК RKP Nikolae Čaušesku. 18.04.1966.

¹² Ibid. // Zabeleške o razgovoru predsednika Tita, Nikolae Čaušesku i njihovih saradnika u Bukureštu. 19.04.1966.

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Р. 9627. Л. 184. Об отношениях СРР с Югославией (справка). 15.04.1967.

¹⁴ АЈ. КРР. I-2/28. Put J.B. Tita u Rumuniju. 18–22.04.1966 // Zabeleške o razgovoru predsednika Tita, Nikolae Čaušesku i njihovih saradnika u Bukureštu. 19.04.1966.

¹⁵ 30 септембра 1965 г., после сообщения о критическом состоянии здоровья президента А. Сукарно, Коммунистическая партия Индонезии осуществила попытку государственного переворота. Однако путч был подавлен военными, которые в итоге захватили главенствующие позиции. Мусульманские организации при попустительстве и даже поддержке военных устроили резню сторонников компартии, в которой погибло по разным данным от 87 до 300 тыс. человек. Сукарно оказался неспособен изменить обстановку. 11 марта 1966 г. его вынудили подать в отставку, передав полномочия главы исполнительной власти ставленнику Армии генералу Х. Сухарто.

¹⁶ АЈ. КРР. I-2/28. Put J.B. Tita u Rumuniju. 18–22.04.1966 // Zabeleške o razgovoru predsednika Tita, Nikolae Čaušesku i njihovih saradnika u Bukureštu. 19.04.1966.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. I-2/30. Put J.B. Tita u Rumuniju. 01–03.12.1966 // Zabeleška o razgovorima druga Predsednika prilikom nezvanične posete SR Rumunije 1–3.12.1966.

¹⁹ Ibid. I-2/28. Put J.B. Tita u Rumuniju. 18–22.04.1966 // Zabeleške o razgovoru predsednika Tita, Nikolae Čaušesku i njihovih saradnika u Bukureštu. 19.04.1966.

²⁰ Ibid. Zabeleške o razgovorima predsednika Tita i Nikolae Čaušeskog u vozu na putu između Brašova i Ploeștia. 21.04.1966.

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 213. Р. 9497. Л.46–47. Запись беседы с послом Венгерской Народной Республики в СФРЮ Д. Загором. 04.06.1966.

²² Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0144. Оп. 53 П. 214. Д. 23. Л. 75. Основные принципы внешней политики СФРЮ. 17.4.1967.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Р. 9627. Л. 16. Запись беседы с первым секретарем посольства СФРЮ в Бухаресте тов. Дж. Поповичем. 09.12.1966.

²⁴ Например, 5 декабря 1966 г. во время встречи на вокзале болгарского лидера Т. Живкова советский посол в СФРЮ Н. Пузанов заинтересовался у Тито итогами визита в Румынию. Югославский лидер заметил, что экономические отношения — «мало развитые и явно недостаточные» (Там же. Оп. 58. Д. 210. Р. 9596. Л. 337. Запись беседы с Президентом СФРЮ и Председателем СКЮ И. Тито. 05.12.1966).

²⁵ АЈ. КРР. I-2/30. Put J.B. Tita u Rumuniju. 01–03.12.1966 // Zabeleška o razgovorima druga Predsednika prilikom nezvanične posete SR Rumunije 01–03.12.1966.

²⁶ Ibid. I-4-a/6. Trojni sastanak Tito, Naser, Indira Gandhi. 20–25.10.1966 // Materijal za trojni sastanak.

²⁷ Ibid. I-2/30. Put J.B. Tita u Rumuniju. 01–03.12.1966 // Zabeleška o razgovorima druga Predsednika prilikom nezvanične posete SR Rumunije 01–03.12.1966.

²⁸ Согласно «доктрине Хальштейна» единственным законным представителем немецкого народа провозглашалось правительство ФРГ, в то время как Восточная Германия рассматривалась как территория, оккупированная Советским Союзом. Поэтому Бонн разрывал политические отношения с любым (кроме СССР) государством, заявившим о дипломатическом признании ГДР.

²⁹ АЈ. КРР. I-2/30. Put J.B. Tita u Rumuniju. 01–03.12.1966 // Zabeleška o razgovorima druga Predsednika prilikom nezvanične posete SR Rumunije 01–03.12.1966.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² Ibidem.

³³ Подробнее см.: *Едемский А.Б.* За кулисами советско-югославских отношений (июль–декабрь 1966 г.) // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1; *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). С. 226–239; *Tripković Đ.* Odnosi između Jugoslavije i Sovjetskog Saveza 1965–1967 // Istorija XX veka. 2010. № 1.

³⁴ Совещание состоялось в апреле 1967 г. в Карловых Варах (Чехословакия), делегации Румынии и Югославии на нем не присутствовали.

³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Р. 9627. Л. 12. Запись беседы с первым секретарем посольства СФРЮ в Бухаресте тов. Дж. Поповичем. 09.12.1966.

³⁶ На переговорах с Т. Живковым во время его визита в Бухарест (17–21 апреля 1967 г.) Н. Чаушеску заявил: «Мы не видим партии, которая могла бы возглавить международное коммунистическое движение. Даже КПСС не может быть такой партией, несмотря на ее огромный опыт. Никто не имеет права претендовать на роль центра [...]. КПК желает быть центром, и другие хотят этого. Так возникают противоречия» (Там же. Л. 223. Запись беседы с послом НРБ в Бухаресте т. Г. Богдановым 24.04.1967.)

³⁷ АЈ. КРР. I-2/30. Put J.V. Tita u Rumuniju. 01–03.12.1966 // Zabeleška o razgovorima druga Predsednika prilikom nezvanične posete SR Rumunije 01–03.12.1966.

А.К. КОНЕНКОВА

(Институт славянской культуры
Российского университета им. А.Н. Косыгина)

**РУССКАЯ КУЛЬТУРА В XIX ВЕКЕ:
КОНСТАНТИН МАТВЕЕВИЧ БОРОЗДИН –
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ**

Abstract:

Konenkova A.K. *The Russian culture of the nineteenth century: Konstantin Matveevich Borozdin. Traits to his portrait*

The article is devoted to the biography of one of the outstanding figures of the Russian culture — Konstantin Matveevich Borozdin. The author examines his contribution to the development of sciences and education. The article considers as well as Borozdin's work on founding the Zvansky Znamensky monastery and the diocesan college on the site of Gavriil Derzhavin's residence «Zvanka».

Ключевые слова: Русская культура XIX века, Званский Знаменский монастырь, усадьба Г.Р. Державина «Званка», епархиальное училище.

Культура России XIX в. отмечена выдающимися учеными, общественными деятелями, писателями, поэтами, художниками. Несмотря на то, что деятельность многих из них достаточно хорошо изучена, еще остаются незаслуженно забытые в наше время имена представителей отечественной культуры, внесших заметный вклад в ее развитие. Среди них одно из видных мест занимает Константин Матвеевич Бороздин.

Род Бороздиных до 1917 г. был хорошо известен в истории и культуре России. Согласно генеалогии он ведет свое начало от выходца из волынских земель Юрия Лозынича, перешедшего в 1327 г. на службу к тверским князьям¹. Фамилия *Бороздины* происходит от прозвания его внука Ивана Васильевича Борозды. Вторым сыном Ивана Васильевича был Сергей Иванович Бороздин, принявший иноческий постриг с именем Саввы и избравший для своей аскетической деятельности один из самых сложных путей — столпничество*. Столп преподобного Саввы находился в основанном им в 1418 г. Савво-Вишерском Вознесенском монастыре, располагавшемся на реке Вишере в Новгородской губернии². На этом столпе он провел 42 года, а по своей блаженной кончине был прославлен среди русских святых как преподобный Савва Вишерский.

* Столпничество — одна из форм православного аскетизма, непрерывная молитва на «столпе» (открытой возвышенной площадке, камне, башне и т. п.). Столпничество как вид затворничества могло осуществляться и в подземных столпах-пещерах, и в специально построенных кельях затворника на территории монастыря.

Потомки преподобного Саввы были известны в истории России как доблестные воины, защитники Отечества, верно служившие сначала тверским, а когда Тверь была присоединена к Москве, московским великим князьям и государям. Ранние подробные сведения о Бороздиных практически не сохранились, но в XVIII–XIX вв. имена представителей этого рода были широко известны.

Генерал-адъютант Николай Михайлович Бороздин (1777–1830) — герой Отечественной войны 1812 г., его портрет находится в Военной галерее героев Отечественной Войны 1812 года в Эрмитаже. Заметный след в русской истории и культуре оставили его братья: генерал-лейтенант Михаил Михайлович Бороздин (1767–1837) и генерал-лейтенант и сенатор Андрей Михайлович Бороздин (1765–1838) — губернатор Крыма. Внук Михаила Михайловича Бороздина — Николай Николаевич Раевский (1839–1876) героически погиб на земле Сербии, на месте его гибели в селе Горний Адровац построена и освящена (2 сентября 1903 г.) церковь Св. Живоначальной Троицы. Генерал-аншеф Корнилий Богданович Бороздин (1708–1773) по указу Петра I был зачислен в Инженерную школу, с успехом ее окончил и впоследствии стал основателем русской конной артиллерии.

Константин Матвеевич Бороздин (1781–1848) был внуком Корнилия Богдановича, и хотя и был зачислен на военную службу, но нарушил традицию и избрал гражданскую карьеру ученого историка, археолога. Военную службу продолжил его младший брат, генерал-майор Владимир Матвеевич Бороздин (1783–1865), — участник войн против Наполеона, героически проявивший себя в сражении при Бородино.

Сведений об образовании Константина Матвеевича нет; скорее всего, как писал в письме к М.П. Погодину племянник К.М. Бороздина, археолог Дмитрий Васильевич Поленов, «он получил его в доме своих родителей. Последствия показали, что оно было основательное»³. В кругу семейных традиций, очевидно, и возник глубокий интерес Бороздина к русской истории. Современники отмечали, что «отечественная история и ее древности составляли постоянный предмет обрабатывания и изучения К.М. Бороздина»⁴.

В 19 лет Константин Матвеевич принял решение оставить военную службу и был «определен к гражданским делам» в чине статского советника⁵. В 1809 г. он решил предпринять путешествие по России и для того, чтобы осуществить задуманное, вышел в отставку. Примерно в это же время он познакомился с Алексеем Николаевичем Лениным, объединившим вокруг себя круг «знатоков древнерусской письменности, собиравшихся в Императорской Государственной Публичной библиотеке»⁶. А.Н. Оленин входил в группу приближенных императора Александра I

и, представив достойным образом замысел К.М. Бороздина об «ученом путешествии по России», добился Высочайшего указа о финансировании этого путешествия и выделении помощников, которыми были назначены будущий известный археолог А.И. Ермолаев, рисовальщик Иванов, архитектор Максютин, а снаряжение экспедиции было поручено Валуеву — начальнику Кремлевской экспедиции⁷.

К.М. Бороздину были выданы также сопроводительные письма министра внутренних дел князя Алексея Борисовича Куракина к губернаторам тех областей, которые предполагалось посетить экспедиции. Одно из таких писем приводит в своей заметке Л.Н. Трефолев: «Они должны вое время путешествия по России проезжать в нынешнем (1809) году через вверенную вам губернию. Я признаю нужным сообщить о сем вашему сиятельству с тем, чтобы вы дали от себя нужные предписания всем состоящим под наблюдением вашим градским начальствам и земской полиции об оказывании г. статскому советнику Бороздину и находящимся при нем чиновникам, во время проезда и пребывания в городах и селениях, нужного пособия и содействия, как беспрепятственным показанием им архивов, которые им, по возложенному на них поручению, нужно будет видеть, в сходственность данной им инструкции, так и отведением им пристойной квартиры и наблюдением, чтобы им под экипаж даваемо было по восьми почтовых, а где оных нет, обывательских лошадей с проводниками, за указанные прогоны»⁸. Из этого письма видно, что К.М. Бороздину была дана инструкция, в которой, вероятно, были поставлены четкие задачи в его исследованиях. Об этой инструкции упоминает также Д.В. Поленов⁹. Задачи, очевидно, были поставлены в соответствии с указом императора Александра I князю А.Б. Куракину в 1808 г. «открывать и описывать древние достопамятности, находящиеся в разных местах Российской империи», текст которого частично приводит Л.Н. Трефолев¹⁰.

Заметка Трефолева, изданная в 1888 г., — это единственный комментарий, который позволяет нам представить исследования Бороздина, проведенные им в этой поездке. Трефолев сообщает, что Бороздиным был предложен местным чиновникам список вопросов, которые были составлены им на основе предварительной основательной подготовки. Бороздиным были изучены летописи, духовные завещания русских великих князей, карты; составлена предварительная история края по летописным сведениям и публикациям. Также были определены и сопоставлены с картами исторические события, происходившие на этих землях. Трефолев пишет, что «этот дворянин-археолог взялся за дело умелыми руками и не забыл... археологической географии»¹¹ и что «было бы желательным, так или иначе, ответить, хотя спустя 80 лет, на эти вопросы,

т.е. или подтвердить, или отвергнуть догадки и предположения почтенного археолога»¹². В своей поездке Бороздин столкнулся с непониманием его деятельности местными властями, о чем писал К.Н. Батюшков Н.И. Гнедичу 4 августа 1809 г.: «Я ехал по следам Бороздина. Его где принимали за шпиона, где за чудака (он часто ночью гулял), а где — и за статского советника». Приводя эти строки из письма, Трефолев добавляет, что «поэт Батюшков, вероятно, со слов археолога Бороздина, знал о его мытарствах, перенесенных ради научных целей в глухих местностях Ярославско-Вологодского края»¹³.

Путешествие Бороздина началось с севера: Старая Ладога, Тихвин, Устюжна, Череповец, Белозерск, Вологда, затем — Киев, Чернигов, Курск, Боровск, Тула. Результатом научного путешествия стали четыре великолепных альбома зарисовок и записей, представлявшие первое действительно историко-археологическое исследование российских древностей. Помимо зарисовок местностей были сделаны планы и чертежи древних церквей и крепостей, зарисовки росписей, составлен план древнего Киева до взятия города ханом Батыем в 1240 г. Эта реконструкция была основана на данных летописей, материалах архива Киевского магистрата, устных преданиях жителей. Была восстановлена старая топография Киева. Кроме этого, Бороздиным были проведены и этнографические исследования. По его указанию художник сделал зарисовки костюмов и головных уборов девушек и женщин в тех местностях, где побывали участники экспедиции¹⁴. Путешествие Бороздина продолжалось три года. По мере обработки труды экспедиции поступали в Александру I, и были им одобрены¹⁵. После завершения путешествия все четыре альбома были переданы в Императорскую Публичную библиотеку*, где находятся до сих пор¹⁶. Несомненно, этот труд и в наше время представляет собой исключительную историческую и археологическую ценность, тем более, что многих из памятников, описанных в этих альбомах, уже не существует.

Когда началась Отечественная война 1812 года, Бороздин не остался в стороне и был избран предводителем новоржевского ополчения, а после присоединения польских земель поступил (с 1815 г.) на службу областным начальником Радомского департамента при Тайном советнике Николае Николаевиче Новосильцове¹⁷. На этом посту он снискал уважение и любовь жителей края, которые они выразили в благодарственном письме, написанном на имя отца К.М. Бороздина — сенатора Матвея Корнильевича Бороздина (1753–1817): «Благородною кротостью души, отличным просвещением, постоянным усердием о благе вверенных ему жителей,

* В настоящее время (с 1992 г.) Российская национальная библиотека Санкт-Петербурга.

посреди критических военных обстоятельств, он (К.М. Бороздин. — А.К.) поселил в сердцах всех величайшее уважение и неизгладимую признательность... Мы уверены, что отеческой любви вашей отрадно в достойном сыне видеть верного подражателя высоких добродетелей ваших и в отдаленном крае укрепляющего славу вашего имени»¹⁸.

К.М. Бороздин отлично проявил себя и в деле усовершенствования образования в России. В 1826 г. он был назначен попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, в должности которого он пребывал до 1833 г. О службе Константина Матвеевича на этом посту сохранились воспоминания А.В. Никитенко, который был все это время секретарем его канцелярии. В этих воспоминаниях Бороздин предстает человеком исключительно порядочным и благородным. «Он обращается со мной с той непринужденной вежливостью и добродушием, которые в начальнике заставляют любить человека»¹⁹, — писал Никитенко. Он также отмечал, что своим отношением к студентам Бороздин способствовал формированию особого духа, вполне соответствующего университету²⁰. Бороздин принял деятельное участие в реформировании образования, при нем был принят Новый устав приходских и народных училищ, гимназий и гимназийских пансионов, что должно было способствовать развитию просвещения в народе²¹. Однако во время проверки Николаем I гимназии при Университете были обнаружены нарушения дисциплины, и К.М. Бороздин был вынужден подать прошение об отставке, которое было удовлетворено, но тем не менее «он был пожалован в тайные советники и Высочайше назначен сенатором»²². С этого времени К.М. Бороздин целиком посвятил себя научным исследованиям в области генеалогии и издал девять книг по родословиям дворянских фамилий²³.

К этому же времени относятся и хлопоты К.М. Бороздина по исполнению воли Дарьи Алексеевны Державиной, второй жены Г.Р. Державина, завещавшей передать усадьбу «Званка» в духовное ведомство и устроить там женский монастырь и училище для девиц духовного звания.

Константин Матвеевич был родственником Державиных: он был женат на племяннице Дарьи Алексеевны, Прасковье Николаевне Львовой, дочери друга Гавриила Романовича Державина — Николая Александровича Львова. Дом Бороздиных находился рядом с домом Державиных в Санкт-Петербурге. Неудивительно, что душеприказчиком по завещанию Дарьи Алексеевны был назначен Константин Матвеевич, который и начал приводить в исполнение ее желание, чтобы на месте имения «Званка» был устроен женский монастырь с училищем.

Дарья Алексеевна не имела собственных детей, но в доме всегда жили племянники и племянницы, которых она воспитывала, выдавала замуж, беспокоилась об их приданном. Со слов внучки Дарьи Алексеев-

ны — Марии Алексеевны Поленовой, «Бабинька жила замкнуто. Самые частые ее посетители были мы, родные: Воейковы, Бакунины, Ниловы, Львовы, Капнисты, Дьяковы, Бороздины и их свойственники»²⁴. Племянница Дарьи Алексеевны Вера Николаевна Воейкова (Львова) вспоминала, что тетушка «всегда болела об образованных бесприютных девицах, которые ищут крова и занятий. Монахини задуманного ею монастыря должны были найти на «Званке» покой, удобства и молитвенный подвиг и, вместе с тем, благотворительную обязанность по отношению к малолетним сиротам»²⁵. Поэтому не случайно она беспокоилась об устройстве училища для девочек. Сведения о деятельности К.М. Бороздина по открытию монастыря и устройству в нем училища известны по воспоминаниям родственников Дарьи Алексеевны, которые собрал и опубликовал И. Хрущов в своей работе «Милена, вторая жена Державина». Средства на осуществление задуманного Дарьей Алексеевной должны были состояться от продажи городского дома Державиных в Санкт-Петербурге и всех доходов от имения «Званка».

Когда в 1844 г. — через два года после кончины Дарьи Алексеевны — дом был продан и все необходимые документы оформлены, Бороздин представил в Святейший Синод проект устройства училища, которое он просил передать «под Высочайшее покровительство Государыни Императрицы и Августейшей Дщери Ея, великой княжны Ольги Николаевны»²⁶. В своем проекте он опирался на опыт уже открытого в Царском селе Царскосельского училища для девиц духовного звания, которое стало впоследствии образцом для учреждения женских духовных учебных заведений в епархиях Российской империи²⁷. Бороздин был хорошо осведомлен об этом проекте. Он жил в Царском Селе и имел там свой дом. В учреждении этого училища принимала деятельное участие великая княжна Ольга Николаевна, а ее фрейлиной была дочь Бороздина, Варвара Константиновна²⁸. Цели этого учебного заведения были четко определены в его Уставе: «чтобы девицам духовного звания дать воспитание, вполне соответствующее их двоякому назначению:

а) быть достойными супругами служителей алтаря Господня, на коих лежит священная обязанность — назидание прихожан в вере и нравственности и кои посему должны отличаться примерно благочестивой жизнью;

б) быть попечительными матерями, которые взращивали бы детей своих в правилах благочестия и добронравии, умели бы развивать в них способности и сообщить им все нужные первоначальные знания и могли бы приготовить сыновей к вступлению в училища и наблюдать за употреблением ими вакантного времени»²⁹.

К сожалению, дело по открытию монастыря и училища при нем затнулось, а после смерти К.М. Бороздина в 1848 г. остановилось почти на 20 лет. И только в 1869 г., благодаря хлопотам племянницы Дарьи Алексеевны Веры Николаевны Воейковой, продолжившей хлопоты К.М. Бороздина, и Татьяны Борисовны Потемкиной, духовной дочери Святителя Игнатия (Брянчанинова), отдававшей много времени и средств для помощи монастырям, удалось убедить митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского и Финляндского Исидора (Никольского), благословить открытие женского монастыря в «Званке» и училища при нем с наименованием «Державинское». В дальнейшем Державинское женское училище стало начальной ступенью (1–3 классы) Новгородского епархиального училища, старшие классы которого (4–6) располагались в Деревяницком женском монастыре. Епархиальное училище благополучно просуществовало до 1917 г.

Обобщая опыт работы училища, священник А. Ваучский писал, что «за все это время училище, несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства, стояло на высоте своего назначения и из стен своих выпустило немало добрых и честных матерей и скромных тружениц на трудном поприще народного образования»³⁰.

Таким образом, деятельность К.М. Бороздина способствовала становлению методики исследования средневековой истории России, его труды по геральдике ввели в научный оборот новые ценные сведения по истории русских родов, а его заботы по выполнению последней воли Д.А. Державиной послужили основанием развитию духовного образования в России.

Константин Матвеевич Бороздин и его супруга Прасковья Николаевна Бороздина (Львова) были похоронены в притворе Вознесенского собора Савво-Вишерского монастыря³¹.

Возможно, сознание того, что в своем роду они имеют такого предка — преподобного Савву Вишерского, обязывало Бороздиных честно и самоотверженно выполнять свой христианский долг и быть достойными продолжателями его духовной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рындин И.Ж. — Режим доступа: URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/9986> (дата обращения: 12.01.2016).

² Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского. Кн. 2. М., 1904. Репр. изд-е: Козельск, 1997. С. 25–35.

³ Поленов Д.В. Описание Бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России, с гг. Ермолаевым и Ивановым, в 1809–1810 гг. // Труды первого археологического съезда в Москве. 1869. Т. I–II / Под редакцией гр. А.С. Уварова. М., 1871. С. 62–74.

- ⁴ *Плетнев П.А.* Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за первое десятилетие с его учреждения / Сост. П.А. Плетнев. СПб., 1852. С. 221–226.
- ⁵ *Коробова Е.В.* К.М. Бороздин: археолог, историк, сенатор [Электронный ресурс] / Е.В. Коробова // Старая Ладога: первая столица Руси. Режим доступа: WWW.URL: /167.html (дата обращения: 12.11.2016).
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Поленов Д.В.* Описание Бороздинского собрания рисунков. С. 62–74.
- ⁸ Письмо кн. Куракина к кн. Мих. Ник. Голицыну — Ярославскому губернатору от 21 мая 1809 г., № 422. См.: *Трефолов Л.Н.* Константин Матвеевич Бороздин — один из первых археологов в Ярославской Губернии / заметка Л.Н. Трефолова. Ярославль: тип. Губ. правл., 1888. С. 3.
- ⁹ *Поленов В.Д.* Описание Бороздинского собрания рисунков. С. 62–74.
- ¹⁰ *Трефолов Л.Н.* Константин Матвеевич Бороздин — один из первых археологов в Ярославской Губернии. С. 2.
- ¹¹ Там же. С. 5–6.
- ¹² Там же. С. 15.
- ¹³ Там же. С. 15–16.
- ¹⁴ *Поленов В.Д.* Описание Бороздинского собрания рисунков. С. 62–74.
- ¹⁵ Русский биографический словарь: в 25-и т. / Издан под наблюдением А.А. Половцева. СПб., 1896–1918. Репр. воспр. М., 1995. С. 276–279.
- ¹⁶ *Коробова Е.В.* К.М. Бороздин: археолог, историк, сенатор.
- ¹⁷ *Плетнев П.А.* Отчеты императорской академии наук. С. 221–226.
- ¹⁸ Русский биографический словарь. С. 276–279.
- ¹⁹ *Никитенко А.В.* Записки и Дневник (1826–1877). Т. 1–3. СПб., 1893. Т. I. С. 216.
- ²⁰ Там же. С. 223.
- ²¹ Там же. С. 222.
- ²² Русский биографический словарь. С. 276–279.
- ²³ *Поленов В.Д.* Описание Бороздинского собрания рисунков. С. 62–74.
- ²⁴ Милена вторая жена Державина / Сост. И. Хрущев // Русский вестник. Т. 283. Ч. 2. СПб., 1903. С. 576.
- ²⁵ Там же. С. 574–575.
- ²⁶ Там же. С. 578.
- ²⁷ *Андреева Е.А.* Епархиальные женские училища в России // Педагогика, 1999. № 3. С. 85–91.
- ²⁸ Милена вторая жена Державина. С. 578.
- ²⁹ *Андреева Е.А.* Епархиальные женские училища в России. С. 85–91.
- ³⁰ *Ваучский А.* Священник. Очерк Знаменского, Званского женского монастыря и Державинского епархиального женского при нем училища (Источники: копии с указов Св. Синода и переписки по делу о Знаменском монастыре и отчасти сочинения Г.Р. Державина) // Новгородские епархиальные ведомости. 1894. № 22. С. 1133–1139.
- ³¹ Режим доступа: WWW.URL http://is-tok.ru/publ/nekropol/nekropol/provincialnyj_nekropol_bo_br/28-1-0-210 (дата обращения: 1.04.2017).

О.А. ЗАПЕКА
(Институт славянской культуры
Российского государственного университета
им. А.Н. Косыгина, Москва)

СВОБОДА КАК СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В ЭТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Abstract:

Запека О.А. *Freedom as the fate of man in the ethical constructions of F.M. Dostoevsky*

The article considers the problem of freedom from the perspective of the ethical maximalism of Fyodor Dostoevsky. The writer is primarily interested in the fate of a «liberated» man who flaunted the law, «fell» out of the cosmic order, declared willfulness. Freedom is a destiny of a man, his cross, no freedom means no human being. But freedom inevitably turns into slavery, becomes a destructive force if, reveling in boundless freedom, the man does not recognize anything higher than himself.

Ключевые слова: свобода, Ф.М. Достоевский, этический максимализм, своеволие, богооставленность, личность, «подпольный человек», индивидуализм, «Легенда о Великом инквизиторе».

Тема свободы в контексте русской религиозной философии получает особое звучание. Эта «особость» обусловлена спецификой самой русской религиозной мысли. Доминирование моральной установки, утверждение онтологизма (т.е. признание познавательных актов функцией действия человека в мире, событием в процессе жизни), неразрывность теоретического и практического разума, иначе говоря, стремление к целостности, к единству всех сил духа — вот те черты, которые определяют своеобразие русской философии.

Для русской религиозной философии конца XIX — начала XX в. особое значение имело творчество Ф.М. Достоевского. Отправная точка философствования Достоевского — совпадение, «наложение» начал этического и религиозного. «Цель всякого движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть, — подчеркивает Достоевский, — единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственного, и вера в Него как в Единого Истинного. Никогда еще не было народа без религии, т.е. без понятия о зле-дobre»¹. Способность к различению добра и зла позволяет человеку (народу) «добыть» Бога, прийти к нему. Проблема бытия Бога, проблема теодицеи может быть постигнута, как считает Достоевский, через проблему человека. Проблеме человека, человеческой судьбы принадлежит центральное место в творчестве писателя-философа. Его мировоззрение проникнуто духом персонализма: с особой страстностью он вскрывает процесс становления личностного

измерения в человеке. Прозрения Достоевского о глубинных основаниях человеческого существа поражают своей гениальностью. Он, как никто другой, сумел показать, что человек есть сложное сочетание логического и иррационального, но именно последнее придает человеку «объем», своего рода четырехмерность. Заметим, что Достоевский не был философом, если под философией понимать системное, теоретическое мировоззрение. Но в «Легенде о Великом инквизиторе» философии больше, чем в многочисленных томах общепризнанных корифеев академической философской мысли. Его по праву можно считать одним из зачинателей экзистенциалистского течения в философии и литературе XX в.

Невольно вспоминается высказывание А. Камю, признававшего свою приверженность идеям русского писателя: «Думают только образами. Если хочешь быть философом, пиши романы»².

Религиозное напряжение, которое переживал в течение всей жизни Достоевский, страстные этические искания, его этический максимализм вызваны доминированием в нем над всем проблематики добра.

«Этический максимализм у Достоевского, — полагает В.В. Зеньковский, — получает исключительно яркое и сильное выражение. Весь бунт Ивана Карамазова против Бога определяется именно этическим максимализмом, не принимающим мира, потому, что его “будущая гармония имеет в основе страдания”»³. Иван Карамазов убежден, что «иссякновение» веры у людей в их бессмертие приведет к торжеству принципа «всё позволено», ибо нет добродетели, если нет бессмертия. Формула «всё позволено» являет собой продукт умственной деятельности, но принять ее головой еще не значит употребить ее как руководство к действию. Вопрос веры в Иване не решен, но, как сказал ему старец Зосима, «если не может решиться в положительную, то никогда не решится в отрицательную» сторону⁴: «таково свойство его сердца» и в этом «вся его мука».

В человеке всегда живет образ Божий вне зависимости от того, обрел он веру в бессмертие, «узрел Бога» или нет. Человеку дано право (Богом же) свободно решить для себя вопрос существования Бога и личного бессмертия. Бог сотворил человека, но Он хочет свободной его любви, свободного признания, без малейшей доли принуждения. Богоподобие человека и вынуждает последнего терзаться так называемыми «проклятыми вопросами». Как образ Божий в человеке Достоевский утверждает свободу.

Свобода, жажда самоутверждения составляют ядро личности. Свобода может являться человеку как высшее счастье и как невыносимое бремя, но нет для него ничего дороже свободы. Человека нельзя свести к разуму, в нем всегда будет присутствовать нечто, ускользающее от власти «рацио». Это нечто есть свидетельство «связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных»⁵.

Достоевский признавал существование двух свобод: изначальной, иррациональной свободы, раскрывающейся как свобода избрания добра и зла, и свободы последней, разумной, высшей, свободы в Боге, в добре.

Первая свобода есть свобода «от», «пренебрегающая» всякими условиями, рамками, ограничениями, установленными извне. Первая свобода — это свобода «подпольного» человека, и она несет в себе семя смерти. Деятельная любовь человека к ближним может стать силой, способствующей преобразению изначально иррациональной свободы в свободу высшую, проникнутую благодатным светом. Но это только одна возможная «перспектива» развития или, точнее, разворачивания первой свободы. Изначальная свобода может оказаться невосприимчивой к «голосу сердца», и тогда она приводит к разрушению личности, утверждающейся в собственном своеволии и упивающейся им. Герой («антигерой») «Записок из подполья» выступает на защиту «своего собственного хотенья»: «свое собственное вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, — одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила ему и к чему бы ни привела»⁶. В данном случае безмерная свобода перерождается в свою противоположность, становится необходимостью, силою принуждающей и подавляющей в человеке то особенное, личное начало, которое он тщетно пытается сохранить в себе. Но от «человека подполья» ускользает эта истина, или он пренебрегает ею, утверждая, что можно «нарочно, сознательно пожелать себе даже вредного, глупого, даже глупейшего, чтоб иметь право пожелать себе даже и глупейшего и не быть связанным обязанностью желать себе одного только умного. Ведь это глупейшее, ведь этот свой каприз может быть выгоднее всех выгод даже и в таком случае, если приносит явный вред и противоречит самым здравым заключенным нашего рассудка о выгодах, — потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, т.е. нашу личность и нашу индивидуальность»⁷.

Своих героев Достоевский «помещает» в исключительные условия, подвергает их «духовному эксперименту». Он как бы «застает» человека во время глубокого духовного кризиса, религиозного перелома. Достоевскому прежде всего интересна судьба «отпущенного на свободу» человека, пренебрегшего законом, «выпавшего» из космического порядка, объявившего своеволие. Писатель исследует глубины человеческой природы, ее тайны, в «подзаконном» же существовании человека эти тайны не показываются.

Путь «отпущенного на свободу» человека начинается с крайнего индивидуализма, обособления, жажды испытания в себе самом «полноты жизни». Достоевский «открывает» природу подпольного человека. Она

обнаруживает свою полярность, антиномичность и иррациональность. В состоянии «отпущенности» у человека проявляется потребность в безумной свободе, в иррациональном, возникает желание «пострадать». Свое исследование человеческой судьбы на путях свободы Достоевский начинает со свободы «подпольного человека». Преступающая границы человеческой природы свобода Раскольников порождает сознание собственной ничтожности, обнажает ущербность мироощущения. Свобода Ставрогина истощает его личность, опустошает, вырождается в полный индифферентизм. Кириллов одержим желанием вознестись над всеми, стать как Бог.

Достоевского особенно привлекает судьба человека в свободе, «перешедшей в своеволие». Высшей точки своего развития эта тема достигает в романе «Братья Карамазовы». Бунт Ивана — предел «разворачивания» безблагодатной свободы.

В романах Достоевского человек предстает в момент богооставленности, ему надлежит найти путь свободы, который лежит через тьму, через трагедию раздвоения. Достоевский понимает, насколько тяжело и опасно такое испытание человеческого духа, но, выдержав его, человек становится подлинно свободным.

Опыт богооставленности есть своего рода религиозный опыт, посредством которого после испытания тьмой может «загореться свет». В своих произведениях Достоевский показывает, как труден и трагичен сам процесс свободного осознания человеком всей нелепости, губительности и безобразности жизни несправедливой, безблагодатной. Яркий пример тому — история жизни старца Зосимы, познавшего на собственном опыте разрушительную силу зла бездуховности. Но его душа сумела открыться восприятию прекрасного, долгою работой «приобрести» любовь. Старец Зосима учил преодолевать свободу, понятую как преумножение потребностей, отсекал потребности лишние и ненужные, смирить самолюбивую и гордую волю, и тогда, с помощью Божией, достигается свобода духа, а с нею и веселье духовное⁸.

Итак, путь свободы может привести или к человекобожеству и разрушить тем самым человеческую личность, или к Богочеловечеству, т.е. к подлинному утверждению человеческого образа. Достоевский делает очень важный вывод о невозможности возврата к «принудительно рационализированному уму», против которого возмутился «подпольный человек», о необходимости для человека пройти путь свободы до конца. По утверждению Бердяева — мыслителя, очень близкого Достоевскому по духу, — «и это было уже новым словом о человеке»⁹.

Свобода есть судьба человека, его «крест», без свободы нет и человека. Но свобода неизбежно превращается в рабство, становится силой разрушающей, если, упиваясь беспредельной свободой, человек не

признает ничего высшего в сравнении с собой. Отвергая Высшее, отказываясь от Бога, человек вступает на путь самоистребления, ибо «если нет у свободы содержания, предмета, нет связи человеческой свободы со свободой божественной, то нет и свободы. Образ человека держится природой высшей, чем он сам»¹⁰.

Высшая свобода, свобода «для» устремлена к божественной полноте. Посредством дел милосердия или деятельной любви человек соединяется с подобными себе и с Богом, он выводит свою «душу из уединения на подвиг братолюбивого общения»¹¹. В Богочеловечестве совершится соединение свободы божественной и свободы человеческой, образа божественного и образа человеческого. По мнению Бердяева, у Достоевского обнаруживается переход от исключительно трансцендентного понимания христианства к более имманентному его пониманию. Достоевский «возвращает» человеку измерение глубины, без чего невозможно постижение иррациональной тайны человеческой свободы. «Эвклидову уму» недоступно охватить иррациональный «остаток» в человеческом существе, являющийся источником живой силы человека.

У Достоевского свобода выступает необходимым условием теодицеи и антроподицеи. Признание тайны иррациональной свободы, лежащей в основе бытия, оправдывает Бога в существовании зла в мире. Иррациональная свобода содержит в себе источник зла, и, лишь отказавшись от свободы, можно одолеть зло. Но весь трагизм в том и состоит, что для человека отказ от свободы равносильен отказу от собственного достоинства, «предательству» образа Божьего в себе, подавлению доброго начала в своей природе. Достоевскому удается гениально раскрыть диалектику добра и зла в человеческой свободе. Истинное добро — это свободное добро, оно должно стать результатом свободного выбора, совершаемого человеком. В свою очередь, свобода выбора предполагает свободу зла, в противном случае добро оказывается не свободным, а принудительным, необходимым и перестает быть собственно добром. Существование зла в мире, существование свободы, собственно из которой это зло и происходит, служит, как считает Достоевский, доказательством бытия Бога. В «Миросозерцании Достоевского» Бердяев сформулировал это доказательство в парадоксальной, как он сам признает, форме: «Бог именно потому и есть, что есть зло и страдания в мире, существование зла есть доказательство бытия Божьего. Если бы мир был исключительно добрым и благим, то Бог был бы не нужен, то мир был бы уже Богом. Бог есть потому, что есть зло. Это значит, что Бог есть потому, что есть свобода»¹².

Вера в Бога, согласно мысли Достоевского, есть вера в человека, в его способность к нравственному совершенствованию, к преобразению через страдания, которыми преисполнен путь свободы. В «Легенде о Великом

инквизиторе» автор ставит вопрос о неотделимости веры в Бога от веры в человека и с особой силой утверждает свободу человека как его высшее достоинство, как образ Божий в нем, как самое человеческое в человеке.

Оценки «Легенды» в религиозно-философской литературе первой четверти XX в. отличались необычайным разнообразием. Так, Николай Бердяев считал, что в идейной диалектике «Легенды о Великом инквизиторе» утверждается свобода, проявляется положительная направленность духа писателя. С точки зрения Василия Розанова, воззрения Ф.М. Достоевского на свободу со времени написания «Записок из подполья» претерпели заметное изменение: «...усталость и скорбь сменили в нем прежнюю уверенность, и жажда успокоения сказывается всего сильнее в “Легенде”»¹³. В фундаментальном исследовании Розанова «О легенде “Великий инквизитор”» отмечается: «...высокие дары свободы, истины, нравственного подвига — все это отстраняется, как тягостное, как излишнее для человека; и зовется одно: какое-нибудь счастье, какой-нибудь отдых для “жалкого бунтовщика” и все-таки измученного, все-таки болящего существа, сострадание к которому заглушает все остальное в его сердце, всякий порыв к божескому и высокочеловеческому. “Легенду об инквизиторе” до известной степени можно рассматривать как идею окончательного устройства судеб человека, что, безусловно, было отвергнуто в “Записках из подполья”»¹⁴. Различное восприятие «Легенды» столь непохожими мыслителями не должно вызывать удивления. Бердяеву было присуще обостренное чувство свободы, его первичную интуицию свободы «питал» мир идей Достоевского, ставшего для основоположника русского экзистенциализма «духовной родиной». Розанова также связывало с Достоевским «коренное духовное родство» («чувство касания Христа»¹⁵), но он остался «нечувствительным» к прозрениям автора «Братьев Карамазовых» о свободе.

В «Легенде» свобода представляется Достоевскому как акт веры. Только «необычайная свобода духа», подвиг «свободной веры» позволит «узнать» Бога за образом раба. Сын Божий, явившись в мир не властелином и великим Мессией, а униженным Мучеником, выразил тем самым не одну лишь свою любовь, но и свое уважение к человеку. Человеческое существо нуждается в Боге как высшем начале, и Богу необходим человек с его верой и любовью. Бог ждет от человека свободной любви и свободной веры, Он желает быть признанным свободно. Потому Христос отверг искушения духа в пустыне и отказался завоевать сердца людей, взяв на вооружение «чудо, тайну, авторитет». Трагедия инквизитора, как показывает ее Достоевский, состоит в том, что, проповедуя Божьи истины, Его учение, сам Великий инквизитор не верит в Бога, в его сердце нет места вере, отсюда и его презрительное отношение к людям. Система Великого

инквизитора (как и система Шигалева, Петра Верховенского) «венчает» процесс перерождения свободы в «безграничный деспотизм», исследованию которого принадлежит важное место в творчестве Достоевского. Программа инквизитора основана на идее земного рая, этой сокровенной мечте человечества. Но состояние радости и покоя, обещанное инквизитором, достигается ценой отказа от свободного творчества, от духовного начала в человеке, поскольку последнее обусловлено свободой, на ней зиждется. Вот почему насквозь лживо желание инквизитора помочь человечеству; за его жалостью скрывается злоба и ненависть к людям; им движет стремление не даровать человечеству «райскую» жизнь, а, скорее, стремление поработить его, превратив в стадо послушных рабов. Великий инквизитор призывает к покорности, ибо в покорности открывается свобода; но свобода в покорности на самом деле не имеет ничего общего с тем, к чему призывает инквизитор; его призыв к свободной покорности оборачивается призывом к рабскому повиновению, подавляющему в человеке образ и подобие Бога.

Итак, в идейной диалектике «Легенды о Великом инквизиторе», ставшей, по словам К. Мочульского, «величайшей в мировой литературе теодицеей»¹⁶, Достоевский утверждает человека в нравственной силе его духа, в его свободе. Достоевский верил, что только захваченная абсолютным идеалом личность способна добровольно отказаться от своеволия и обрести подлинную свободу. Таким идеалом, абсолютным и прекрасным, наполняющим жизнь высшим смыслом, была для Достоевского личность Христа. Христос явился воплощением подлинной любви, невозможной без «подвига жертвенного самоотречения», предельным выражением свободы. Свобода утверждается Достоевским не столько как право человека, сколько как его обязанность — главное требование, предъявляемое Богом к нему.

Вслед за славянофилами Достоевский отвергает индивидуализм как жизнеутверждающий принцип. В других и через других человек пополняет себя. Открывая себя другим, человек не просто пополняет свою природу, но узнает себя самого, постигает сокрытые в нем духовные силы. Духовная природа человека необходимо требует общения с ближними и с Богом, что составляет одно из важнейших условий ее существования. Общение это предполагает обязательное признание свободы ближнего и отказ от посягательств на его свободу, поскольку последняя заключает в себе главное достоинство личности другого.

«Братолюбивое единение» — вот высшая цель, придающая смысл человеческому существованию. Свобода личности, по убеждению Достоевского, есть высочайшая ценность, если она выводит на путь подлинного единения людей, возвышает из низин «эгоистического своеволия». Спо-

способность преобразовывать свободу мнимую в свободу действительную, т.е. направить ее центростремительно, альтруистически, Достоевский считал свидетельством духовного роста личности.

«Людская общая целостность» или свободное братство, основанное на любви к ближнему и к Богу (соборность), есть, согласно Достоевскому, определяющий принцип единственно достойного человека общества — Церкви. В мирозерцании Достоевского Церковь занимает особое место. Церковь есть общественный идеал, в котором возможно примирение всеобщей гармонии и свободы. Достоевский разоблачает такие типы «идеального» общественного устройства, которые воплощают в себе «муравейник» и «хрустальный дворец». Только в Церкви достигается подлинное братство в любви и свободе. Так, в своей первой речи в память Ф.М. Достоевского Владимир Соловьев отметил, что «Церковь как положительный идеал должна была явиться центральной идеей нового романа или нового ряда романов, из которых написан только первый — “Братья Карамазовы”»¹⁷. Такой «русский социализм» возвышает человека до уровня духовного братства — Церкви. Возвышение это совершается посредством нравственного подвига — свидетельства достижения человеческого духом подлинной свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30-и т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 198–199.
- ² Запись из «Записных книжек» А. Камю: январь 1936 г. См.: *Camus A. Carnet I. Mai 1935 — fevrier 1942.* Paris: Callmard, 1962. S. 23.
- ³ *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 237.
- ⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 65.
- ⁵ Там же. С. 290.
- ⁶ Там же. Т. 5. С. 113.
- ⁷ Там же. С. 115.
- ⁸ Там же. Т. 14. С. 284.
- ⁹ *Бердяев Н.А.* Мирозерцание Достоевского. Прага: YMCA-PRESS, 1923. С. 54.
- ¹⁰ Там же. С. 74.
- ¹¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 276.
- ¹² *Бердяев Н.А.* Мирозерцание Достоевского. С. 86.
- ¹³ *Розанов В.В.* Легенда о Великом Инквизиторе. СПб.: Изд-е М.В. Пирожкова, 1906. С. 123.
- ¹⁴ Там же. С. 123.
- ¹⁵ *Голлербах Э.В.В.* Розанов. Жизнь и творчество. М.: Квazar, 1991. С. 44–45.
- ¹⁶ См.: *Мочульский К.* Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: YMCA-PRESS, 1947. С. 511.
- ¹⁷ *Соловьев В.С.* Соч.: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 300.

Л.Ф. ШИРОКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

О ЛИТЕРАТУРНЫХ БИОГРАФИЯХ АЛЕКСАНДРА ДУБЧЕКА (К 95-ЛЕТИЮ «ПОЛИТИКА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ»)

Abstract:

Shirokova L.F. *On the literary biographies of Alexander Dubcek (to the 95th anniversary of “politics with a human face”)*

The life and work of Alexander Dubcek dedicated not only to the study of historians, but also art works based on his biography. The novels by J. Banas and by L. Jurik are largely based on the personal memories of A. Dubček, what gives the possibility of more volumetric representation of him as an outstanding personality and politics “with a human face”.

Ключевые слова: Александр Дубчек, «Пражская весна», словацкая литература, роман, герой, способы повествования.

Александр Дубчек (1921–1992) — ключевая фигура словацкой политики и общественной жизни второй половины XX в., один из главных инициаторов реформаторского движения «Пражской весны» 1968 г. «Самый известный словак», «нравственный человек в политике», «символ надежды», как называли его современники, испытал на протяжении своей жизни драматические перипетии и выражи личной и политической судьбы. Не была однозначной и оценка роли Дубчека в общественно-политических процессах в Чехословакии 1950–1990-х годов. Представляется вполне логичным, что наряду с многочисленными историческими исследованиями, посвященными его деятельности, возникают и художественные произведения, основанные на материалах его биографии, чертах личности и характера. В их числе — романы Йозефа Банаша «Остановите Дубчека!» (2009) и Любоша Юрика «Год длиннее века» (2015).

Две эти книги, разные по идейному наполнению и стилистике, во многом базируются на одном «первоисточнике» — собственных мемуарах А. Дубчека «Надежда умирает последней», увидевших свет в 1993 г., уже после его безвременной кончины. Примечательна история написания этих воспоминаний. Дубчек, вернувшийся после «бархатной революции» 1989 г. на руководящие государственные посты, с трудом выкраивал время для бесед с журналистами, которые записывали его рассказы о родителях, о годах детства, проведенного в Советском Союзе, о начале его сознательной борьбы с догматиками и консерваторами за обновление общества, о надеждах и крушении «Пражской весны». Последним эпизодом в его воспоминаниях стала сцена многотысячного митинга в Праге в ноябре 1989 г., который восторженно приветствовал А. Дубчека

и В. Гавела. Последующие события остались уже за рамками повествования. После смерти политика журналист и редактор И. Гохман собрал и отредактировал записанные материалы, обращаясь за уточнениями к историкам, а также к друзьям и близким политика.

Рассказ А. Дубчека о своей личной судьбе и об исторических событиях в Словакии, в ЧССР, в Европе, начиная с 1920-х годов — это, в первую очередь, мемуары политика. Поэтому именно политические процессы, противоборства, интриги находятся в центре интересов автора; даже представленные в книге эпизоды частной жизни Дубчека тесно связаны с определяющей фабулой его идейного становления. И если в начале, когда он говорит об истории семьи, «частное» преобладает в повествовании, то затем на первый план выступают его размышления, наблюдения, воспоминания о партийной борьбе, пленумах и съездах, о политических противниках и соратниках. Однако и здесь ясно звучит авторский голос, высказывающий личное, выстраданное отношение к описываемым событиям и фактам.

Воспоминания Дубчека — это история испытаний, борьбы и разочарований — в первую очередь, в унаследованной от родителей, интернационалистов и энтузиастов, «чистой и полной вере в коммунизм», представлявшийся ему самому в годы юности вполне достижимым идеалом свободы и справедливости. «Ради более счастливой жизни человечества, — пишет он, — я был готов отдать свой разум, сердце и всю свою душу»¹. В книге этапы идейного прозрения, кристаллизации идеи «социализма с человеческим лицом» и трагического краха реформаторских усилий в ЧССР после 1968 г. прослеживаются на фоне событий жизни Дубчека. В свободной форме устного рассказа описывает автор свое детство и юность в Советском Союзе, возвращение в Чехословакию накануне войны и участие в Словацком национальном восстании, а затем партийную работу на разных руководящих уровнях, начиная с 1953 г. Значительное место в повествовании занимает время учебы Дубчека в Высшей партийной школе (ВППШ) в Москве, совпавшее с началом «оттепели», и особенно — подготовка, расцвет и крушение «Пражской весны». Со сдержанным драматизмом описываются гонения на самого автора в период «нормализации» (1970–1980-е годы), а в финале книги — первые дни «бархатной революции» и его новые надежды и планы, на осуществление которых оставалось совсем немного времени.

Во всем, о чем рассказывает Дубчек в своих воспоминаниях, явственно или опосредованно присутствует нравственный аспект, оценка явления, ситуации, характера того или иного человека с точки зрения справедливости и гуманизма. Так, он описывает свои ощущения «ужаса», «шока», пережитых еще в ранней юности в советских городах Пишпеке

и Горьком* при первых столкновениях с фактами сталинских репрессий в СССР, а затем и в Чехословакии в 1950-е годы. Реабилитацию в 1963 г. жертв политических процессов, в которой Дубчек принимал самое деятельное участие как член специальных партийных комиссий, он по праву считал своей личной моральной победой. Дальнейшие действия Дубчека, его политическая карьера вплоть до августа 1968 г. представлены в его книге как продуманная систематическая работа по устранению деформаций, недемократических, силовых методов в руководстве компартии, по выходу на путь свободного развития общества и человека. Подробно и живо описывает Дубчек проделанные им ходы своего рода шахматной партии, которая привела к концу 1967 г. к перевесу реформаторских сил в руководстве КПЧ и к его политической победе над тогдашним руководителем КПЧ А. Новотным. Эта схватка проиллюстрирована в книге и в символической сцене охоты Дубчека на матерого медведя, шкура которого потом лежала у него дома. «Новотному не удалось заполучить мою шкуру, как я заполучил медвежью, — с иронией пишет он. — <...> Я знал, что время работает на реформу»².

Четко и обоснованно, хотя и с долей личной пристрастности, говорит Дубчек о своем отношении к конкретным людям, прежде всего, к политикам в зависимости от их человеческих и нравственных качеств. Критически отзываясь он о старом партийном руководстве — А. Новотном, В. Широком, К. Бацилеке; негативные характеристики в разные периоды деятельности дает Г. Гусаку, с негодованием пишет о Л. И. Брежневе и его приближенных в главах о событиях августа 1968 г. И в то же время — с симпатией вспоминает Н. С. Хрущева, его разоблачения сталинизма, поддержку реабилитации в Чехословакии, его «информированность о положении в Словакии», «улыбчивость и сердечность»³.

Центральными — и композиционно, и по своему значению — становятся в книге события «Пражской весны». Дубчек рассказывает о своих стратегических и тактических действиях по созданию «штаба реформаторов», о выработке и принятии в апреле 1968 г. «Программы действий», предусматривающей демократизацию партии и общества, реформирование экономики, федерализацию государства и др. Огромных усилий по политическому маневрированию требовало от него и противодействие со стороны консерваторов, как внутренних, так и внешних. Дубчек подробно пишет о нарастающем и все более жестком давлении на себя и свою команду со стороны советского руководства и руководителей компартий стран социалистического лагеря.

* Город Пишпек, с 1926 г. — Фрунзе, с 1991 г. — Бишкек, ныне столица Киргизии. Горький — название города Нижний Новгород в период с 1932 по 1990 год.

Событиям, последовавшим за вводом 21 августа 1968 г. в Чехословакию войск пяти стран-участниц Варшавского договора посвящены главы с красноречивыми названиями «Вторжение и похищение», «В Кремле», «Московский диктат». Примечательно, что большую часть повествования занимают размышления Дубчека о политическом безрассудстве этого шага, о вероломстве, о нарушении норм морали, а также о своих личных переживаниях, то есть — о нравственной стороне произошедшего. Скупое, немногословное, хотя и эмоциональное описание самих действий и поступков послужило затем фабулой для последующих, беллетризованных биографий А. Дубчека.

Поводом для написания книги «Остановите Дубчека!»⁴ ее автор Й. Банаш (род. 1948) назвал незнание молодыми словаками своих национальных героев. «Я верю, — пишет он, — что она поможет им не забывать человека, который принес нам надежду»⁵. Повествование в событийном плане основано на воспоминаниях А. Дубчека «Надежда умирает последней», однако в конце своего политического романа Й. Банаш, подчеркивая его документальную достоверность, приводит большой список использованной при его создании литературы. В числе таких источников — и воспоминания В. Биляка, идеологического противника А. Дубчека, и эссе писателя и публициста В. Минача «Возвраты к переворотам», и научные сборники, посвященные А. Дубчеку и социально-политической проблематике Чехословакии второй половины XX в.

Автор использует в романе свой излюбленный композиционный прием — документальные или, скорее, стилизованные под документальность вставки, выделенные в тексте курсивом и дающие информацию о ходе политических процессов, о выступлениях исторических деятелей и т.д. Так, например, описывается одно из знаковых событий кануна «Пражской весны»: *«С двадцать седьмого по двадцать восьмое июня 1967 г. в Праге проходил IV съезд Союза чехословацких писателей, который знаменовал собой невиданный дотоле диалог государственной власти с культурой и существенно ускорил подготовку процессов обновления в 1968 г.»*⁶.

Наряду с такого рода элементами, подчеркивающими историческую достоверность повествования, в романе Й. Банаша весьма много и художественного вымысла, реконструкций и предположений. Дубчек выступает здесь как литературный герой с внутренними монологами, авторскими допущениями при воссоздании его внутреннего мира, сценами и диалогами не только с реально существовавшими лицами, но и с многочисленными вымышленными персонажами. Так, в романе фигурирует некий Кулифай, своего рода «тень» Дубчека, сопровождающий его, начиная с эпизодов их детства в Киргизии, затем в моменты их встреч по разные стороны баррикад во время Словацкого национального вос-

стания и, наконец, — в период гонений на Дубчека при «нормализации». В заключительной главе, перед смертью Дубчека, Кулифай раскаивается в своих неблагоприятных поступках, просит у него прощения и получает его. Эта символическая фигура «маленького человека», пылинки в исторических бурях, призвана показать более рельефно не только цельный характер главного героя, но и атмосферу времени.

В книге охвачены события с 1912 г., когда будущие родители Дубчека вместе с тысячами других словаков эмигрировали в Америку, и до похорон Дубчека в ноябре 1992 г. Повествование в романе Банаши развивается в хронологической последовательности; композиционно оно разбито на главки с названиями, говорящими о содержании той или иной сцены или эпизода из жизни героя. Главки же, в свою очередь, объединены в три части, по наполнению которых можно судить о том, какое значение придает автор отдельным этапам личной и политической биографии своего героя. Так, часть I включает в себя события, начиная с эмиграции родителей Дубчека в Америку на заработки и до момента, когда повзрослевший герой в 1955 г. собирается ехать на партийную учебу в Москву. Часть II охватывает период с хрущевской «оттепели» и назначения Дубчека на высокий партийный пост краевого секретаря компартии — до разгрома «Пражской весны» и переговоров в Москве с советским руководством в августе 1968 г. В части III автор повествует о периоде драматических испытаний, выпавших на долю опального политика в годы «нормализации», и заканчивает роман возвращением своего героя на короткое время в политику и его безвременной кончиной.

Й. Банаш, автор нескольких книг в жанре политического романа, и в этом своем произведении вновь делает упор на событийной стороне биографии героя, на динамично выстроенной фабуле — в большей мере, чем на остроте его столкновений с идейными антагонистами. Так, если в мемуарах Дубчека победа над консерваторами представлена как результат точно просчитанной тактической комбинации, то у Банаши показан лишь ее итог: «На пленуме ЦК КПЧ выступил секретарь ЦК Коуцкий с предложением разделить функции первого секретаря ЦК КПЧ и президента республики. Новотный был крайне удивлен, когда это предложение поддержал и его давний друг Гендрих; он не знал, что с Гендрихом накануне долго беседовал Дубчек»⁷.

В главе о периоде учебы Дубчека в Москве акцент у Банаши также переместился на внешнюю сторону описываемой реальности: автор подробно (а порой и прибегая к гиперболизации) повествует о низком материальном и культурном уровне жизни в СССР в середине 1950-х гг. — в отличие от самого Дубчека, который упоминает об этом лишь вскользь, а в основном говорит о догматических методах обучения в ВПШ, о поис-

ке других точек зрения, о своих впечатлениях от XX съезда КПСС и речи Хрущева. Тем самым в романе за счет внешнего негатива явно снижается внутренний драматизм идейных исканий героя.

Банаш уделяет большее, чем в воспоминаниях Дубчека, внимание и сценам, в которых описываются арест и интернирование руководства КПЧ в Москву в августе 1968 г., напряженный ход переговоров лидеров «Пражской весны» с членами Политбюро КПСС, часто дословно повторяя отдельные фразы из его мемуаров. Например, Дубчек так описывает свое состояние растерянности в ночь на 21 августа 1968 г.: «Я невольно поглядывал на телефоны на своем рабочем столе, словно ожидая — вдруг кто-нибудь позвонит и скажет, что все это лишь большое недоразумение»⁸. А так, уже от 3-го лица, показывает эту сцену Банаш: «Он смотрел на телефон на столе и ждал, когда тот зазвонит, и кто-то объяснит ему, что речь идет лишь о большом недоразумении»⁹.

В одной из последних глав под названием «Загадка 88-го километра» Банаш детально описывает историю трагической автомобильной аварии, в которой Дубчек получил тяжелые травмы, приведшие вскоре к его смерти. Ключевым моментом, указывающим на возможные причины этой трагедии, представлена здесь пропажа важной улики: «Чемоданчик, в котором Дубчек вез секретные документы и приглашение в Москву на заседание Конституционного суда, лежал на траве. Позднее следователи забрали чемоданчик — и с тех пор его никто не видел»¹⁰.

С загадки черного чемоданчика начинается еще одна книга, посвященная А. Дубчеку, — роман Л. Юрика «Год длиннее века» (2015)¹¹, который повествует о последних днях жизни политика, проведенных им на больничной койке. Написанный от первого лица, роман представляет собой длинный внутренний монолог героя, в котором фрагменты воспоминаний о прожитой жизни чередуются с рефлексией, попытками осмыслить, оправдать или осудить собственные поступки. Автор так передает состояние своего героя, а заодно и обозначает принципы построения сюжета романа: «Я то приходил в себя, то задремывал, то проваливался в забытие, а потом снова ощущал собственное тело и воспринимал все окружающее, понимал, что лежу в больнице после аварии, но тут же поток мыслей и образов уносил меня куда-то в прошлое».

Л. Юрика, как и самого Дубчека в его мемуарах, интересуют, прежде всего, нравственные аспекты событий прошлого и настоящего, необходимость восстановить историческую и человеческую справедливость, детективная же завязка отходит на второй план.

«Где мой чемоданчик? — спросил я. — Маленький черный чемоданчик. — Главврач посмотрел на меня непонимающе. — У меня там были документы, — сказал я. — Важные документы...». Л. Юрик устами своего

героя более подробно рассказывает о предполагаемом содержимом таинственного чемоданчика, о бумагах, с которыми политик собирался ехать в Москву на заседание Конституционного суда, а после возвращения — решать вопрос о судьбе единого государства чехов и словаков: «Меня пригласили, чтобы я дал показания по делу о запрете деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Кроме того, я хотел получить оригинал письма, послужившего одним из поводов для оккупации Чехословакии. <...> Еще у меня лежала там почти готовая речь, в которой я призывал депутатов Федерального собрания не допустить распада Чехословакии».

Л. Юрик затронул в своем романе еще одну важную проблему — проблему исторической памяти, забвения или почитания национальных героев как показателя нравственной зрелости и общества, и конкретного человека. Эта проблема (упомянутая и в книге Й. Банаша) преломляется, в частности, в аспекте поколенческого спора, неприятия или, точнее, непонимания молодыми людьми ценностей поколения отцов. Тяжело раненный Дубчек слышит разговор пожилого главврача и молодой медсестры: «Кто этот человек, господин главный врач? — промолвила вдруг сестричка, и в ее голосе я уловил нечто для себя неприятное. — Вы ни об одном пациенте так не заботитесь, как об этом. Он что, важнее других?» — Главврач с минуту молчал. «Сестра, вы не знаете, кто такой Александр Дубчек? — спросил он, и в его голосе я уже услышал не только упрек, но и скрытое неодобрение, почти возмущение». — «Что, какая-то шишка?» — Пауза была долгой. «Это легенда, — сказал главврач тихо. — Символ “Пражской весны”. Самый знаменитый словак! Надо бы вам это знать... Стыдитесь!».

Собеседником, а часто и оппонентом Дубчека выступает в романе именно этот персонаж — главный врач больницы, чья судьба была искалечена событиями августа 1968 г. и времен «нормализации», когда ему, восторженному стороннику «Пражской весны», пришлось ради выживания пойти на сделку с собственной совестью. Так, предметом их острого спора стала отставка Дубчека с поста руководителя КПЧ: «Вы знали, что этим кончится? — спросил главврач, и в его голосе вновь зазвучал характерный для него сарказм, — Знали и вели себя так, будто собирались остаться еще на пару лет... Разве это не было наивно? — Не говорите мне о наивности, — ответил я раздраженно. — Хотя вы правы, я надеялся... вывести страну из кризиса. Ведь нас все еще многие поддерживали».

Герою романа Л. Юрика при всей его принципиальности свойственны и сомнения, и ощущение личной ответственности за события: «Действительно, мне приписывали эти качества. Мечтатель, визионер, наивный политик... Я втянул в свои мечты миллионы людей. Сколько их потом было выброшено на задворки общества? Сколько судеб оказалось сломано?».

Дискуссии такого рода представляют собой, разумеется, авторское допущение — реальное состояние здоровья А. Дубчека вряд ли позволяло их вести; тем не менее, эти художественные приемы расширяют возможности характеристики героя. В целом же, сопоставление его образа в трактовках романов Й. Банаша и Л. Юрика с автобиографическим героем книги «Надежда умирает последней» дает читателю возможность более объемно представить себе А. Дубчека не только как выдающуюся личность, но и как политика «с человеческим лицом», во многом опередившего свое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dubček A. Nádej zomiera posledná.* New-York–Tokio, 1993. S. 66.

² *Ibid.* S. 122.

³ *Ibid.* S. 81.

⁴ В названии книги автор использовал реальные или вымышленные цитаты из критических выступлений в адрес А. Дубчека высших партийных деятелей соцстран — В. Ульбрихта, Л.И. Брежнева и др.

⁵ *Banáš J. Zastavte Dubčeka!* Bratislava, 2009. S. 10.

⁶ *Ibid.* S. 139.

⁷ *Ibid.* S. 142.

⁸ *Dubček A. Nádej zomiera posledná...* S. 195.

⁹ *Banáš J. Zastavte Dubčeka!...* S. 204.

¹⁰ *Ibid.* S. 348.

¹¹ Книжному изданию предшествовала публикация романа в электронном виде на сайте газеты «Нове слово» («Rok dlhší ako storočie. Posledné dni Alexandra Dubčeka»): http://www.noveslovo.sk/c/Rok_dlhsi_ako_storocie_Posledne_dni_Alexandra_Dubceka_10. Цитаты приводятся по электронному изданию.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ

С.М. ФАЛЬКОВИЧ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА МАНИФЕСТАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА 1860-Х ГОДОВ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Abstract:

Falkovich S.M. *The first responses of the Polish political emigration to the manifestation movement of the early 1860s in the Kingdom of Poland*

The article is devoted to the reaction of the Polish political emigration on the national manifestations of the early 1860s in the Kingdom of Poland. The author analyses the opinions on the agrarian question and on the plans of armed struggle for independence of Poland as well.

Ключевые слова: Королевство Польское, национальные манифестации начала 1860-х годов, польская политическая эмиграция.

Начало нового подъема польского национального движения знаменовали прошедшие в Варшаве в июне и ноябре 1860 г. массовые патриотические манифестации. Их главной силой явилась городская молодежь, которая входила в тайные кружки, ставившие целью подготовку вооруженного восстания против царизма. Очередная варшавская демонстрация, состоявшаяся 27 февраля 1861 г., была расстреляна царскими властями, но после этого манифестационное движение не прекратилось, а распространилось и на провинцию. Волнения городских низов и антифеодалные выступления крестьян Королевства Польского свидетельствовали о назревании революционной ситуации, и это заставило царское правительство маневрировать: наряду с применением репрессий — новых кровавых расстрелов, арестов и ссылок — оно обращалось к тактике частичных уступок.

Российские власти проявляли озабоченность в связи с тем, как события в Королевстве Польском были восприняты в Европе. Уже расстрел 27 февраля вызвал там бурю возмущения, о чем впоследствии вспоминал историк Болеслав Лимановский. «Кровавые события в Варшаве, — писал он, — произвели огромное впечатление в Париже. Можно сказать, что все патриотические газеты осуждали насилие российских властей

и признавали справедливость наших национальных требований. Вся Франция высказалась за нас. Имперское правительство выражало полякам большую симпатию, нередко признавая за нами права, принадлежащие только коренным гражданам. [...] Французское духовенство громко проповедовало с амвона в пользу Польши. На поднос для пожертвований в пользу семей кровавых жертв сыпались щедрые дары. На улицах мы встречали сочувствие народа. [...] Итальянцы также проявляли к нам большие симпатии»¹.

В защиту Польши выступали Марк Жирарден, священник А. Гратри, Ш. де Мазад, Ориньо и другие французские политические деятели. Находились, однако, защитники и у российского самодержавия: ими были, в частности, философ Прудон, резко отрицательно относившийся к идее независимости Польши, а также Ш. Монталамбер, Э. Жирарден, редактор газеты «Насьон» Л.Дюпон². Но общий настрой европейцев был в пользу поляков, и это с удовлетворением отмечалось в кругах польской эмиграции, которая пристально следила за развитием событий в Королевстве Польском, жадно ловя «каждое слово, прилетевшее к ней с Вислы и Немана»³. Доходившие до нее известия возбуждали в ней энтузиазм и стремление принять участие в борьбе. Польская молодежь в Париже, узнав о манифестации 27 февраля, собралась в польской военной школе и постановила ехать в Польшу, сформировавшись в военный отряд под командой инструктора школы капитана Целинского. Во второй половине марта такое же решение приняли молодые эмигранты, приехавшие из Литвы. Они намеревались, вернувшись на родину, созвать в Вильно в день св. Георгия вселитовский съезд и организовать там массовую манифестацию⁴.

Польская политическая эмиграция стремилась всеми средствами подчеркнуть свою солидарность с участниками национального движения в Королевстве Польском и усилить впечатление, произведенное варшавскими событиями на общественное мнение Запада. Поляки и прежде отмечали за границей свои национальные праздники, но теперь они еще более торжественно служили молебны в память жертв варшавских расстрелов. 16 марта 1861 г. в Париже состоялась панихида по убитым 27 февраля. Ее организатором стала консервативная аристократическая партия, собравшая на эту цель 3 тыс. франков; жертвовать средства призвал активный деятель партии Анджей Козьян, от имени консерваторов обратившийся к эмиграции с воззванием⁵. Впрочем, обычно на таких патриотических богослужениях объединялись различные течения польской эмиграции. Так, по агентурным данным, на панихиде, состоявшейся 19 марта 1861 г. в католической церкви на Варвик-стрит в Лондоне, присутствовали все видные представители аристократической и демократической польской эмиграции, причем прибыли многие поляки из английской провинции⁶.

Всего было 300 человек, из них 100 поляков, а остальные — англичане и немецкие, французские, русские эмигранты, среди которых находились также А.И.Герцен и Н.П.Огарев. Присутствовавшие собрали средства в помощь семьям убитых в Варшаве⁷. Такие же молебны были устроены в 1861 г. польскими эмигрантами в Константинополе по инициативе представителей демократического направления Францишека Сокульского и ксендза Лаврыновича⁸. Торжественные богослужения проходили и осенью 1861 г. в Париже, а также в 1862 г., когда польские эмигранты, находившиеся в Париже и Брюсселе, отмечали годовщину варшавских событий⁹.

Подъем национального движения в Польше способствовал усилению оживленной полемики в среде польской политической эмиграции, вызвал к жизни массу новых брошюр, воззваний, выступлений в печати. Эмигранты пытались дать оценку происходящему на родине, определить значение патриотических выступлений польского народа. Винцентый Мазуркевич, деятель демократического крыла эмиграции, говоря о событиях 1861 г., утверждал, что они «будут составлять одну из важнейших дат в истории национального рабства», так как являются самостоятельным проявлением бессмертного духа Польши и свидетельствуют о силе великого патриотического действия, в основе которого лежат всеобщая справедливость и братство. Поэтому он называл их «революцией»¹⁰.

Однако некоторые эмигранты с опасением относились к революционному подъему в Королевстве Польском и видели в нем только лишний аргумент в пользу компромисса с царизмом. Так, Юзеф Заливский-Микорский в своем «Адресе поляка к Его Величеству Александру II» откровенно заявлял, что «предпочитает средства, способные сразу успокоить соперничество» поляков и русских, и утверждал при этом, что выражает мнение своей страны. Он пытался убедить царя в том, что восстановление Польши чрезвычайно важно как для Европы, так и для самой России, ибо только одно оно может дать новую основу могуществу Российской империи и спасти ее от враждебности Европы. Заливский подчеркивал, что поляки не хотят выступать на борьбу, которая, по его мнению, послужила бы только интересам царского правительства. «Ваше Величество, быть может, предпочитает немедленный конфликт, чтобы предотвратить опасность, которая его ждет, — писал он, — наша политика не позволяет нам ничего подобного. Когда ударит час борьбы, мы узнаем об этом по тому всеобщему трепету, который мы почувствуем. А до тех пор мы будем отвечать на вооруженные подстрекательства легальной агитацией». Завершал он «Адрес» новым призывом к царю восстановить Польшу добровольно, подчеркивая, что это «единственное средство сразу, просто и величественно ответить достойно на ожидания» поляков и принять участие в судьбах Европы¹¹. В «Адресе» Заливского звучал голос части

польского общества, боявшейся народного движения и стремившейся предотвратить его.

Приблизительно на такой же позиции стоял и анонимный автор вышедшей в Париже брошюры «Несколько слов по поводу письма из Польши под названием „Польский вопрос в 1861 г.“». Напуганный размахом манифестационного движения, он осуждал «злоупотребление» подобными средствами и сочувственно принимал все уступки царизма, хотя и отмечал, что Польша может существовать только в целом, нерасчлененном виде. Как и Заливский, автор брошюры подчеркивал, что вооруженное восстание польского народа «ныне было бы желательно только для России», и выражал надежду, что правительству не удастся спровоцировать поляков на вооруженное выступление. В связи с этим он превозносил Земледельческое общество и руководителя этой помещичьей организации в Королевстве Польском Анджея Замойского, ставя ему в заслугу удержание Польши на легальном пути¹².

Вера в правильность такого пути характеризовала и выступление в печати противника революционных действий Стефана Бушчиньского, озаглавленное весьма выразительно — «Терпение или революция». Автор советовал польскому народу «терпеть», уверяя, что только «терпение может спасти родину; нетерпение же может ее погубить или задержать ее освобождение». «Остается одно, — заявлял он, — терпеть и победить. Победа в страдании, а страдание это терпение». Превознося пассивность и жертвенность, Бушчиньский выступал как против надежд на внешнюю помощь или на уступки правительства, так и против всяких попыток завоевать свободу собственными силами, активными действиями: «Пусть никто не думает, — писал он, — что тот служит родине, кто организует комитеты, клубы, общества. Время конспирации прошло для нас безвозвратно. Ныне заговоров нет и не должно быть; только общее, согласное взаимопонимание всей без исключения нации». В связи с этим автор осуждал существование партий в польском обществе и требовал единства мыслей и действий всех поляков¹³.

Стремление к национальному согласию всех классов польского общества составляло существенную сторону выступлений консервативной эмиграции и отражало попытки шляхты замаскировать социальные противоречия видимостью общенациональных интересов. Замалчивая факт проявления антифеодальной борьбы крестьянства и выступления городских низов в Королевстве Польском, эмигрантская публицистика этого направления уверяла общественное мнение Запада и самих себя в том, что события 1861 г. сплотили воедино всю нацию независимо от классовой принадлежности: «Те, кто клеветает на Польшу, обвиняя ее в мнимом расколе, [...] могли бы видеть, как любовь к родине глубоко

объединила всех детей Польши», — писал анонимный автор брошюры «Похороны Иоахима Лелевеля*»¹⁴. В плане решения вопроса о единстве нации польская политическая эмиграция обсуждала, в первую очередь, аграрную проблему, ставшую особенно актуальной в связи с ростом революционных настроений в деревне. В польских заграничных публикациях один за другим появлялись проекты разрешения крестьянского вопроса, проведения аграрной реформы. Большинство авторов выступало с позиций защиты помещичьей собственности и стремилось ограничиться минимальными уступками крестьянству. Так, Кароль Балиньский, сторонник мистической секты Анджея Товяньского, в брошюре «Голос польского люда в тысячелетнюю годовщину смерти Пяста» называл клеветой мнение, будто крестьянин хочет лишь «денег или земли», будто «его материальная нужда представляет собой единственную и полную претензию, которую он имеет» к шляхте. Он доказывал, что разрыв между крестьянством и помещиками нельзя уничтожить «никаким материальным даром, никакими уступками, никаким наделением земель в собственность». По лицемерному утверждению Балиньского, крестьяне жаждали не материальных, а моральных даров от шляхты — любви, милосердия и прочих сердечных проявлений. Поэтому он считал оскорбительными для народа идеи демократов о наделении крестьянства землей в собственность, так как идеи эти были, якобы, рассчитаны на то, что крестьянин понимает лишь «низменные» материальные интересы. Балиньский осуждал возбуждение в крестьянах «жажды выгоды, жажды земельной собственности как стимула к борьбе за Польшу», видя в этом «страшное принижение, вместо поднятия и облагораживания, приковывание духа к земле вместо призыва его к чистой и высочайшей жертве»¹⁵.

Если Балиньский, прикрываясь евангельской демагогией, выступал вообще против наделения крестьян землей, то анонимный автор брошюры «Социальный вопрос в отношении национального дела, голос из Польши» стоял за передачу крестьянам их наделов в собственность, но непременно на основе добровольных и постепенных уступок и соглашений, а отнюдь не революционным путем. При этом он выступал за обязательное вознаграждение помещиков как необходимое и справедливое условие проведения реформы. Автор брошюры не скрывал, что разрешение крестьянского вопроса интересует его не само по себе, а с точки зрения интересов будущего национально-освободительного восстания. Поэтому он требовал проведения аграрных преобразований как можно скорее, до начала восстания, и одновременно выдвигал задачу

* Похороны патриарха польской демократии Иоахима Лелевеля (1786–1861) состоялись в Париже на Монмартре 1 июня 1861 г.

морального воздействия шляхты на крестьянские массы через церковь, школы, благотворительность и пр.¹⁶.

За постепенный выкуп крестьянами своих наделов при помощи земельного кредита высказывался и автор уже упомянутой анонимной брошюры «Несколько слов по поводу письма из Польши ...», утверждавший, что безвозмездная передача крестьянам их наделов является несправедливой, незаконной и даже вредной, так как потворствует безграничной жадности человеческой натуры. «Собственность, — писал он, — должна быть вновь и по-настоящему желанна и по-настоящему приобретена, а не навязана или подарена, с одной стороны, а с другой — отобрана силой». Автор понимал, что путем выкупа наделов крестьянство в целом не удовлетворит своей нужды в земле, да он и не стремился к этому, считая фантазией и утопией мысль о наделении землей всех. Он видел цель в том, чтобы уравнивать поляков перед законом и сделать приобретение земли доступным для каждого. Таким путем он рассчитывал создать многочисленный класс мелких собственников, которые, приобретя клочок земли, всецело бы находились в зависимости от крупного землевладельца-помещика¹⁷.

Все эти проекты, хотя и отличались аргументацией и отдельными деталями, преследовали интересы шляхты, защищали панскую собственность и рассматривали аграрную реформу исключительно как средство предотвратить социальный взрыв и обеспечить поддержку крестьянства в национальной борьбе. Правда, иногда в этом согласном хоре звучали и другие голоса. Так, несомненно, иным было выступление последователя Шарля Фурье Станислава Братковского, критиковавшего идею выкупа крестьянами своих наделов как «продажу», хотя в принципе он не возражал против вознаграждения шляхты. Братковский разрабатывал план применения идей Фурье в Польше, считая момент реформы подходящим для насаждения в польской деревне фаланстеров, участниками которых были бы, наряду с крестьянами, и паны. Доход в этом случае должен был распределяться по труду и капиталу¹⁸. Конечно, подобные планы были слишком фантастичны и не имели большого значения, но они свидетельствовали о том, что крестьянский вопрос сильно волновал умы польских эмигрантов и привлек к себе внимание представителей различных политических и идейных течений.

Наряду с вопросом о направлении национального движения и с крестьянским вопросом, польское эмигрантское общество весьма занимала проблема дальнейшей деятельности и задач самой эмиграции. Новые изменившиеся условия требовали от эмигрантов перестройки всей работы. Об этом писал В.Мазуркевич, напоминая эмиграции о ее роли и значении как «центрального пункта всей Польши», как «выражения чистейшего патриотизма и стойкой самоотверженности», как представительницы «на-

циональных нужд и надежд» за границей. Отмечая, что эмиграция «является единственной кузницей общественных и политических мыслей, которые должны направлять национальное дело», Мазуркевич утверждал, что «в настоящем положении страны только одна эмиграция способна выработать и распространить здоровые и основательные понятия об общих национальных нуждах, о том, чего требует от каждого общепольский, а не местный патриотизм». В качестве насущных задач эмиграции он выдвигал именно эту «умственную работу в области общенациональных нужд, направленную на освобождение родины», а также старую задачу представления требований Польши на Западе. «Пропаганда [...] внутри страны, деятельность за границей от ее имени, — писал он, — вот две области работ, бросающиеся в глаза, [...] которые падают исключительно на эмиграцию и составляют ее неизменную национальную программу». Кроме этих направлений активности эмиграции Мазуркевич намечал для нее еще два рода деятельности — работу национально-филантропического характера и участие в подготовке восстания¹⁹.

Таким образом, эмиграция как бы выражала готовность взять на себя всю ответственность за судьбы Польши и направлять ее политику в напряженной обстановке роста национально-освободительного движения. Но на самом деле соответствовать этой роли и выполнить взятые на себя обязанности польская политическая эмиграция была не в состоянии. В идейно-политическом отношении она не представляла собой единого организма, и это засвидетельствовали уже те первые отклики на события в Польше, которые нашли выражение в приведенных выше публицистических выступлениях эмигрантов из разных лагерей. Причем не было единой позиции по главным вопросам — о подготовке вооруженного восстания и решении крестьянской проблемы. Большое значение имел и тот факт, что различие позиций касалось не только противостояния между консервативной и демократической частями польской эмиграции: в самом демократическом лагере также не существовало единства, так как его «умеренное» крыло противостояло революционным демократам. Это стало источником обострения политической борьбы внутри польской эмиграции в канун восстания 1863-1864 гг. в Королевстве Польском и не могло не отразиться как на подготовке и проведении вооруженной борьбы, так и на ее результатах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Limanowski B.* Pamiętniki. Warszawa, 1937. S. 235–236.

² *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864. T. I. Paryż, 1867. S. 255–256.

³ *Mazurkiewicz W.* Emigracja polska w 1862. Paryż, 1862. S. 43.

- ⁴ *Limanowski B.* Op. cit. S. 235–236.
- ⁵ [*Koźmian A.*] Listy Andrzeja Edwarda Koźmiana (1829–1864). T. IV. Lwów, 1936. S. 252, 254.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109. I экспедиция. 1861 г. Д. 21. Л. 95; Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1861 г. Д. 88. Л. 433.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Lewak A.* Dzieje emigracji polskiej w Turcji. Warszawa, 1935. S. 161; *Czapska M.* Ludwika Sniadecka. Warszawa, 1958. S. 269.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 109. I экспедиция. 1861 г. Д. 154. Л. 37; *Павлицев Н.И.* Седмицы польского мятежа // Сочинения. Т. 4. СПб., 1887. С. 60–61.
- ¹⁰ *Mazurkiewicz W.* Op. cit. S. 41–42.
- ¹¹ Adresse à sa majesté Alexandre II par un Polonais. Paris, 1861. P. 5, 7, 14, 15.
- ¹² Kilka słów z powodu listu z kraju pod tytułem „Sprawa polska w 1861 r.”. Paryż, 1862. S. 12, 15, 28, 36–37, 39.
- ¹³ Cierpliwość czy rewolucja. Paryż, 1862. S. 5, 8–9, 11, 13, 16.
- ¹⁴ Les funérailles de Joachim Lelewel. Paris, 1851. P. 6.
- ¹⁵ *Baliński K.* Głos ludu polskiego w tysiącletnią rocznicę zgonu Piasta. Paryż, 1861. S. 81–82.
- ¹⁶ *Giller A.* Op. cit. T. II. Paryż, 1867. S. 186–187.
- ¹⁷ Kilka słów... S. 17–20.
- ¹⁸ *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953. S. 119.
- ¹⁹ *Mazurkiewicz W.* Op. cit. S. 29–31, 33, 35.

В.А. ШЕВЧЕНКО

(Центральный государственный архив г. Москвы)

К.И. ИВАНОВ

**И РЕОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОГО УЧЕБНОГО ДЕЛА
В БОЛГАРИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ**

Abstract:

Shevchenko V.A. *K.I. Ivanov and reorganization of the Russian school system in Bulgaria in the 1920s–1930s*

The article examines the role of K.I. Ivanov — a member of the Educational committee (under the Plenipotentiary of the All-Russian Cities Union in Bulgaria) — in reorganization of the Russian school system in the 1920s–1930s. Ivanov was the person who inspired the reform. Russian schools were losing their national identity complying with the requirements of the Bulgarian government. It was getting more and more difficult, to maintain the required number of Russian national disciplines' hours.

Ключевые слова: Болгария в 1920–1930-е годы, русские школы в Болгарии, Учебный комитет, А. В. Арцишевский, К. И. Иванов.

За последние десятилетия появилось немало исследований о русской эмиграции в межвоенной Болгарии, в том числе и об организации русского учебного дела¹. Вместе с тем их авторы подробно не рассматривали роль члена Учебного комитета (при уполномоченном Всероссийского союза городов (ВСГ) в Болгарии) К.И. Иванова в реорганизации русских школ на рубеже 1920–1930-х годов.

27 июня 1920 г. в Софию прибыл уполномоченный ВСГ генерал А.В. Арцишевский. Создаются детские сады и подготовительные школы ВСГ: в Варне, Плевне и Софии. В 1921 г. были организованы подготовительные школы в Анхиало, Бургасе, Лесковце, Месемврии и Созополе.

ВСГ учреждает и средние учебные заведения. В мае 1921 г. в селе Долна-Ореховица была основана прогимназия в составе двух подготовительных и двух начальных классов. Сформированная в январе 1922 г. в Константинопольском ученическом этапно-пропускном пункте гимназия в апреле прибыла в Шумен.

В Болгарию переводились и другие средние учебные заведения. Гимназия имени барона П.Н. Врангеля, учрежденная командованием Русской армии 26 февраля 1921 г. в Галлиполи, в январе 1922 г. переехала в Пловдив, а в сентябре направлена в Горно-Паничерево. В октябре 1923 г., путем объединения Петропавловской и Горно-Паничеревской гимназий, создается гимназия в Тырново-Сеймене, получившая название Галлиполийской. Крестовоздвиженская гимназия, учрежденная 24 июня

1920 г. в Буюкдере супругой русского дипломатического представителя в Константинополе В.В. Нератовой, в марте 1922 г. была переведена в Пещеру (Пештеру)².

До 1 июля 1922 г. ВСГ израсходовал 528 145 левов на содержание начальных школ и 2 201 470 левов на средние учебные заведения. Главное командование продолжало финансировать переведенную в Болгарию гимназию имени барона Врангеля и частично содержало интернат при гимназии в Варне. Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет ассигновал средства на содержание Софийской гимназии. В то же время болгарское правительство потратило на питание учащихся в интернатах и на хозяйственные нужды русских средних школ 1 075 227 левов³.

24 июля 1922 г. на заседании Центрального комитета по устройству русских детей в Болгарии представитель Лиги Наций Коллинс заявил, что средства, отпущенные болгарским правительством на питание учащихся в русских школах, иссякают в сентябре, что правительство отказывается в дальнейшем финансировании и что рассчитывать на аналогичную сумму от Лиги Наций тоже не приходится. Коллинс предложил сократить число детей в школьных интернатах, применив следующие меры: удалить из интернатов молодых людей в возрасте 18 лет и старше, которые могли бы зарабатывать на жизнь своим трудом, отправить сирот и учащихся, не знающих о судьбе своих родителей, во Францию, в семьи земледельцев.

К счастью, деятелям ВСГ удалось склонить Лигу Наций, все-таки ассигновавшую на питание в интернатах 1 200 000 левов, не прибегать к радикальным мерам. ВСГ изыскал собственные средства на питание учащихся старше 18 лет. Кроме того была введена плата для вновь поступающих в интернаты — 400 левов в месяц⁴.

9 июня 1923 г. в результате переворота к власти в Болгарии пришло правительство А. Цанкова. В беседе с протопресвитером Георгием Шавельским премьер-министр заявил: «Наша задача не денационализировать русскую школу, а напротив, всеми силами помочь ей сохранить национальную особенность, чтобы она могла воспитать настоящих русских людей»⁵. На основании постановления Совета министров от 14 августа при министерстве иностранных дел и вероисповеданий была создана Комиссия по содержанию русских детей в Болгарии, которую возглавил начальник отдела вероисповеданий Г.Д. Цветинов. В состав Комиссии вошел и уполномоченный ВСГ А.В. Арцишевский. Ежемесячно из государственного бюджета Комиссии выделялось 500 000 левов⁶.

Для координации учебной и просветительной работы при уполномоченном ВСГ была организована Культурно-просветительная комиссия, первое заседание которой состоялось 29 июля 1921 г. Помимо А.В. Арцишевского (председатель) в состав Комиссии вошли профессора —

И.А. Базанов, В.А. Погорелов, Н.М. Попов, М.Г. Попруженко и А.П. Рождественский, директор софийской гимназии А.П. Стефанов, заведующий Русским домом в Варне В.Н. Смердов и другие представители эмигрантских организаций. Было принято решение создать Учебный комитет для разработки единых учебных программ и повседневного методического руководства русскими учебными заведениями.

20 августа на заседании Комиссии было одобрено «Положение об Учебном комитете при ВСГ в Болгарии» и избран состав Комитета: И.А. Базанов (председатель), В.А. Погорелов, А.П. Стефанов и Ф.Л. Мартиновский, назначенный управляющим делами. С апреля 1922 г. в работе Комитета принимал участие помощник уполномоченного ВСГ по учебной части П.Н. Соковнин. В марте 1923 г., в связи с отъездом в Чехословакию, Комитет покинул В.А. Погорелов, которого заменил преподаватель физики и математики софийской русской гимназии К.И. Иванов⁷.

Иванов принял участие и в работе II общеэмигрантского педагогического съезда (5–12 июля 1925 г., Прага). Он же после кончины Соковнина* стал представителем в Болгарии Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей**⁸.

Желание эмигрантских педагогов усилить преподавание русских национальных предметов с сохранением прежнего числа уроков на изучение болгарских дисциплин, вызывало недовольство в министерстве народного просвещения. Началась подготовка к предстоящей реорганизации русского учебного дела в Болгарии.

4 июля 1928 г. на пленуме Педагогического бюро (Прага) с докладом «О положении русского школьного дела и общественно-просветительного дела в Болгарии» выступил К.И. Иванов. Констатировав стабилизацию русского школьного дела в Болгарии (унифицированы учебные программы) и финансирование его болгарским правительством, предоставившим эмигрантской школе «полную свободу устроения своих внутренних дел», Иванов обратил внимание на тот факт, что никем из главных инспекторов министерства не производилась ревизия эмигрантских учебных заведений. Вместе с тем на преподавание болгарских национальных предметов в русской школе отведено только 7 недельных часов за весь гимназический курс.

* П.Н. Соковнин умер в ночь на 23 мая 1925 г. (Русь. 1925. 27 мая).

** Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, созданное в 1923 г. в Праге, координировало развитие русской школы за рубежом, но не было наделено административными функциями. Возглавлял Бюро проф. В.В. Зеньковский. К 1933 г. в связи с финансовыми трудностями деятельность Педагогического бюро постепенно прекратилась.

Докладчик привел высказывания болгарских профессоров о низком образовательном уровне студентов, окончивших русские школы. Несмотря на стремление выпускников поступить в высшие технические учебные заведения, преподавание точных наук, за исключением математики, поставлено в эмигрантской школе недостаточно хорошо. По данным Иванова, лидировавшая по выдаче золотых и серебряных медалей шуменская гимназия на практике выпускала воспитанников с весьма скромными познаниями.

Авторитарная система управления уполномоченного ВСГ являлась, по словам докладчика, главной причиной отставания русской школы. Назначение, перемещение, увольнение преподавателей и воспитателей, контроль за преподаванием по всем учебным дисциплинам, распределение средств находилось в единоличном ведении уполномоченного. «Не нужно допускать, — предостерегал докладчик, — чтобы намечающийся упадок в русской школе дошел до того, чтобы МНП (Министерство народного просвещения. — *В. Ш.*) увидело себя вынужденным (как это имело место в отношении некоторых частных школ) принять свои меры к улучшению русского школьного дела»⁹.

Участники пленума решили не вмешиваться в чужую компетенцию, но рекомендовали, чтобы «Временный главный комитет ВСГ, от имени которого ведется школьная работа в Болгарии, и Исполнительный комитет Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей*, в значительной части финансирующий эту работу, ознакомившись с сущностью указаний Иванова и составив себе ясное представление о действительном положении русского школьного дела в Болгарии», сообщили бы свои выводы Педагогическому бюро, как представителю педагогического общественного мнения и как организации, в которой возник данный вопрос¹⁰.

5 июля в Праге состоялось экстренное заседание Временного главного комитета ВСГ с участием А.В. Арцишевского, Н.И. Астрова, П.Д. Долгорукова, А.В. Жекулиной, С.В. Паниной, П.П. Юренева. Приглашенный на заседание К.И. Иванов заявил, что «имеет поручение МНП получить ответ Временного главного комитета на некоторые вопросы, касающиеся общей и главной линии, как источника непорядков, обративших внимание

* Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, созданный в 1921 г. в Париже, не только оказывал русским изгнанникам материальную помощь, но и занимался культурно-просветительной деятельностью. В разные годы Комитет возглавляли князь Г.Е. Львов, А.И. Коновалов и Н.Д. Авксентьев. По ходатайству Львова чехословацкое правительство с марта 1923 г. начало перечислять Земгору средства на русские школы, в том числе и в других государствах. С июля 1929 г. выплаты Комитету на поддержку русской школы вне Чехословакии были прекращены.

министерства»¹¹. Он еще раз указал на авторитарное устройство системы управления русскими школами в Болгарии. В шуменской гимназии, например, стараются законспирировать ведение дела, однако то, что там происходит, — не тайна. Если порядок не будет водворен, МНП примет самые решительные меры.

На вопрос, есть ли у докладчика официальное поручение министерства, Иванов ответил, что делает такие указания в частном порядке, но с ведома представителя МНП. Арцишевский решительно возражал против выдвинутых обвинений.

Главный комитет пришел к выводу, что докладчик не указал ни одного факта какого-либо правонарушения, требующего экстренных мер воздействия со стороны ВСГ, и что замечания Иванова касаются главным образом системы управления эмигрантскими учебными заведениями в Болгарии, установленной согласно «Положению о русских гимназиях». Арцишевскому было поручено предложить Учебному комитету пересмотреть «Положение» и при необходимости внести в него изменения, представив затем на утверждение Главного комитета¹².

После поездок в Болгарию Юренева и Жекулиной и переговоров с Цветиновым, Главный комитет признал состояние эмигрантских школ вполне удовлетворительным, о чем свидетельствовал образовательный уровень выпускников русских гимназий. По отзывам профессоров, ученики, окончившие их, в частности шуменскую гимназию, были в числе лучших студентов в высших учебных заведениях Чехословакии и Франции¹³.

22 октября на заседании Учебного комитета при уполномоченном ВСГ обсуждались возражения Иванова, представленные им в особом докладе согласно постановлению Комитета от 12 сентября. По мнению Базанова, причинами недочетов в русском школьном деле являлись общие условия жизни эмигрантов, а не система управления школами. Разве можно требовать от студента блестящих успехов, когда для того, чтобы добыть кусок хлеба, он вынужден работать. Известно, что и в Сербии, и в Чехословакии школы управлялись «диктаторскими приемами», но никто не делал таких разгромных докладов. Иванов, признав заслуги Арцишевского, еще раз подчеркнул, что проблема не в уполномоченном, а в самой системе управления учебным делом.

Базанов указал на неуместность угрозы докладчика о возможных действиях со стороны болгарского правительства. Иванов пояснил, что такое заявление является предостережением, так как надо предвидеть «крайний конец». Базанов выразил удивление насчет того, что докладчик, будучи членом Учебного комитета и участвовавший в разработке «Положений» как о гимназиях, так и о комитете, никаких особых мнений не высказывал и окончательную редакцию проектов одобрил. Иванов

парировал, что во время обсуждения «Положения об Учебном комитете» он высказывал свои возражения, но все-таки согласился с предложенным проектом, в дальнейшем убедившись в существенных недостатках «Положения». Учебный комитет постановил переслать материалы по «делу Иванова» педагогическим советам для обсуждения¹⁴.

Однако 8 ноября Учебный комитет, в связи с тем, что материалы по «делу Иванова» могли вызвать «излишние суждения и нежелательные последствия», постановил (двумя голосами за — Базанова и Иванова против одного — Стефанова) не посылать указанные материалы в педагогические советы, а ограничиться пересмотром «Положения о русских гимназиях»¹⁵.

Вскоре до Софии дошел «Вестник Педагогического бюро» от 1 ноября 1928 г., где была опубликована резолюция пленума Бюро по докладу Иванова¹⁶. 14 ноября Учебный комитет счел указанную резолюцию новым обстоятельством и отложил окончательное решение вопроса. Тогда же Иванов представил в Комитет копию письма присутствовавших на заседании пленума С. Гессена и Н. Новожилова, которые уверяли, что никаких оскорбительных выражений по адресу русских педагогов в Болгарии в докладе Иванова не содержалось¹⁷.

На заседании Комитета 7 декабря было сообщено о смерти в ночь на 4 декабря директора шуменской гимназии В.Ф. Коренева и о ревизии гимназии инспектором МНП, который высказал недовольство относительно небольшого числа уроков, отводимых в этом учебном заведении на преподавание болгарского языка и истории Болгарии.

В процессе обсуждения просьбы софийской группы Общества русских педагогов в Болгарии — переслать ей материалы «дела Иванова», выяснилось, что тот уже отослал свои доклады, изначально адресованные Учебному комитету и Академическому союзу, в Варну и Шумен. Базанов как председатель Академического союза высказал удивление по поводу посылки в Варну информационного доклада без ведома Союза, да еще с сообщением только одной благоприятной для докладчика части постановления. Стефанов обратил внимание на неэтичность поступка Иванова, который в конфиденциальном порядке послал в школы свой доклад, адресованный Комитету. Было принято решение отправить Софийской группе необходимые материалы¹⁸.

18 декабря в письме Юреневу Арцишевский сообщил, что доклады Иванова передавались «по секрету» от одного преподавателя к другому и были прочитаны всеми педагогами варненской и шуменской гимназий. В то же время продолжались «хождения» Иванова в МНП, где он высказывал критические суждения относительно русской школы¹⁹.

24 декабря в письме Юреневу Иванов недоумевал, каким образом его заявления, сделанные в частном порядке, попали в протокол заседания

главного комитета ВСГ (от 5 июля)? Докладчик с удивлением обнаружил, что, оказывается, присутствовал на официальном заседании главного комитета. По словам Иванова, Астров пригласил его всего лишь на собеседование («давайте, побеседуем») ²⁰.

12 января 1929 г. Учебный комитет постановил передать на обсуждение в педагогические советы гимназий и сельскохозяйственного училища «указания о недостатках в постановке учебного дела в русских учебных заведениях в Болгарии, сообщенные К.И. Ивановым» ²¹. 24 января директорам софийской и шуменской гимназий и сельскохозяйственного училища было отправлено циркулярное письмо уполномоченного ВСГ с просьбой дать свое авторитетное заключение, действительно ли в эмигрантских школах наблюдаются указанные докладчиком недостатки, и не позднее 1 марта представить результаты обсуждения ²².

Примечательно, что в школы были разосланы лишь «указания о недостатках», извлеченные из докладов Иванова, а не сами доклады. «Посылаю Вам, — разъяснял Арцишевский Юреневу в письме от 24 января, — копию материала, переданного на обсуждение в педагогические советы. Как видите, выборка сделана очень объективно, и все опасные для дела места в нее не включены» ²³.

Педагогические советы софийской и шуменской гимназий и сельскохозяйственного училища, не отрицая наличия некоторых дефектов в учебном деле, связывали имеющиеся недостатки с общими тяжелыми условиями жизни эмигрантов, а не с тем, что система управления якобы стесняла педагогическую работу ²⁴. По словам Иванова, педагогические советы не были достаточно компетентны, чтобы сделать объективные выводы ²⁵.

В то же время Иванов подал Арцишевскому заявление о выходе из состава Учебного комитета. По его словам, он «пришел к убеждению, что едва ли можно ожидать, чтобы деятельность Учебного комитета была в будущем построена на основаниях, которые бы оправдывали ту моральную ответственность за ход русского учебного дела в Болгарии, которая лежит на Учебном комитете» ²⁶.

Тогда же в софийской и шуменской гимназиях произошли инциденты, закончившиеся увольнением ряда педагогов. Из шуменской гимназии прошения об увольнении подали следующие преподаватели: латинского языка — И.Ф. Абрамитов, французского языка — З.С. Губская, математики — Г.Г. Данилов (которому Иванов пересылал свой доклад Учебному комитету) ²⁷.

И. Родославов, преподававший в софийской гимназии историю и географию Болгарии, защищая Иванова, заявил на педагогическом совете: «Вы хотите избавиться от присутствующих в совете болгар (он и Иванов), наблюдающих за расходом казенных средств, чтобы бесконтрольно

и незаконно распоряжаться болгарскими деньгами». На другой день уполномоченный получил заявления почти от всех членов Совета, бывших на заседании, о том, что они, возмущенные и оскорбленные недопустимым поведением Родославова, не могут состоять с ним в одной коллегии. Арцишевский решил в административном порядке немедленно уволить преподавателя. Такая радикальная мера получила поддержку председателя Комиссии по содержанию русских детей в Болгарии Г.Д. Цветинова²⁸.

В феврале–марте 1929 г. в болгарской прессе появились публикации, в которых обсуждались «непорядки» в русских школах. 23 марта в оппозиционной демократической газете «Знамя» была опубликована статья «Около русского учебного дела в Болгарии», где в частности освещался конфликт на заседании педагогического совета софийской гимназии. Впрочем, вскоре в газете были напечатаны опровержения Арцишевского, Цветинова, педагогического совета и родительского комитета софийской гимназии²⁹.

Несмотря на то, что в марте по распоряжению МНП начались ревизии учебных заведений ВСГ, Арцишевский считал, что «нашему делу осложнения все-таки не грозят: вероятно, нам будет указано на необходимость изменения учебного плана (отнюдь не в сторону усиления математических наук), но это изменение давно было нами предreshено, и еще осенью в выработанной тогда программе предстоящего на Пасхе педагогического съезда в Софии предусмотрен доклад об изменениях в существующем учебном плане»³⁰.

Назначенный на 8–10 мая 1929 г. русский педагогический съезд в Софии проходил незадолго до педагогического съезда по вопросам воспитания русской молодежи за рубежом (6–9 июля 1929 г., Прага). Поэтому «воспитательная» часть софийского съезда в основном соответствовала программе пражского съезда. «Образовательная» же часть главным образом была посвящена пересмотру учебного плана³¹.

С 1929/30 учебного года русские школы занимались по новому учебному плану. Был сокращен курс математики, факультативно изучались начертательная геометрия и черчение, обязательным для изучения был французский язык, второй иностранный язык (немецкий или английский) преподавался факультативно, латинский язык изучался с V класса, курс законоведения сокращался до одного урока в неделю. Исключение делалось для варненской гимназии, где обязательным иностранным языком был английский, а французский и немецкий преподавались факультативно³².

В то время, когда русские педагоги решали, что можно сделать для развития эмигрантских учебных заведений в Болгарии, проводилась ревизия варненской, софийской и шуменской гимназий. Ее результаты в мае

1929 г. были обобщены главным инспектором русских гимназий С. Димитровым, следившим и за работой русского педагогического съезда.

Ревизия показала, что русские школы в административном и педагогическом отношении не отвечали болгарскому законодательству: их система управления устарела, обучение проводилось догматически, учебная программа была перегружена, на изучение болгарского языка предусматривалось всего лишь 1–2 часа в неделю, персонал был недостаточно квалифицированным, отсутствовали специально оборудованные кабинеты, методы воспитания отличались архаичностью, финансовые средства часто тратились не по назначению (на устройство праздников и т.д.).

Димитров рекомендовал МНП применить к русским гимназиям следующие меры: уравнивать их правовой статус с учебными заведениями других проживающих в Болгарии народов, ежегодно утверждать учебные программы и учебники, формировать школьный персонал, регулярно проводить ревизии, способствовать повышению уровня преподавания болгарских национальных предметов. Но самым главным, по мнению инспектора, было то, что русская молодежь должна была обучаться в болгарских средних учебных заведениях. Финансовые же средства предлагалось тратить на устройство детских садов, подготовительных школ, прогимназий и пансионатов.

Впрочем, министерство приняло не все рекомендации Димитрова, но высказалось за устройство русских учебных заведений в соответствии с требованиями болгарского законодательства. В частности, предлагалось увеличить число уроков на преподавание «местных дисциплин».

Учебный комитет направил в МНП доклад о положении русской школы в Болгарии. В нем разъяснялось, что в настоящее время ученики эмигрантских школ занимаются 260 часов в неделю, то есть на 39 часов больше, чем их болгарские сверстники. Прибавление еще 50-ти часов на «местные предметы» и другие дисциплины стало бы непосильной нагрузкой для учащихся. Сокращение же часов преподавания предметов «россиики» и французского языка привело бы к потере национального своеобразия русских учебных заведений.

Однако Учебному комитету все же пришлось увеличить число учебных часов на преподавание болгарских национальных предметов. Таким образом, нагрузка в русских школах стала на 51 час больше, чем в болгарских полуклассических гимназиях³³.

5 июля 1929 г. К. И. Иванов представил Педагогическому бюро в Праге информационный доклад о состоянии русского культурно-просветительного дела в Болгарии, в котором делал вывод, что русская школа в Болгарии зашла в тупик, из которого ей собственными силами не выбраться³⁴.

Происходившие трансформации способствовали сокращению учебных заведений русских эмигрантов и числа учащихся. В августе 1926 г. закрылась гимназия в Тырново-Сеймене (мальчики были переведены в шуменскую гимназию, девочки — в варненскую; несколько человек — в софийскую)³⁵. В 1930 г. болгарское правительство прекратило финансирование варненской гимназии, которая с сентября 1928 г. состояла в ведении Лондонского благотворительного общества. Последний выпуск сельскохозяйственного училища состоялся в январе 1931 г. В 1932 г. прекратила существование русская гимназия в Пещере. Государство продолжало финансировать лишь две гимназии, в Софии и Шумене, и четыре начальные школы — в Бургасе, Варне, Пернике и Софии. В сентябре 1934 г. были закрыты шуменская гимназия и детские интернаты в Бургасе и Варне. Большинство учащихся и часть персонала упраздненной шуменской гимназии были переведены в софийскую гимназию, которая просуществовала до сентября 1944 г.³⁶

Примечательно, что с 1 июня 1920 г. до 1 января 1930 г. на содержание русских культурно-просветительных учреждений Земгора и ВСГ было израсходовано 75 681 572 лева 29 стотинок, из которых 35 513 172 левов 40 стотинок — составляли средства болгарского правительства³⁷.

28 декабря 1933 г. Учебный комитет (к тому времени выведенный из структуры ВСГ) был реорганизован в комиссию, председателем которой стал начальник отдела вероисповеданий министерства иностранных дел и вероисповеданий Д. Груев. Характерно, что в состав комиссии был включен и К.И. Иванов. С 15 августа 1935 г. русское школьное дело финансировалось согласно Положению об организации русской вспомогательной акции в Болгарии. 23 декабря 1937 г. по приказу министра иностранных дел и вероисповеданий была создана Комиссия по заведованию русским культурно-просветительным делом в Болгарии, в состав которой вошли два русских профессора — В.А. Мякотин и М.Г. Попруженко и три болгарина — Д. Лазов, К. Иванов и Г. Цветинов³⁸.

В августе 1941 г. министр-председатель болгарского правительства проф. Б. Филев назначил 4-летний ликвидационный срок для частной школы В.П. Кузминой (Кузьминой). 30 марта 1944 г. во время бомбардировки Софии в школу попала бомба. 9 сентября к власти в Болгарии пришло правительство Отечественного фронта, а уже 1 октября было прекращено финансирование русских учебных заведений³⁹.

С каждым годом русская школа в Болгарии всё больше утрачивала национальное своеобразие, подчиняясь требованиям болгарского правительства. Учебный план и программы приспособлялись к стандартам местных школ. Всё труднее удавалось сохранять необходимое число уроков для преподавания русских национальных предметов. Заметную роль

в процессе денационализации эмигрантской школы сыграл К.И. Иванов, который считал, что русские учебные заведения должны занять более скромное положение в болгарской системе образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Горяинов А.Н.* Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х гг. XX в.) // *Славяноведение*. 1994. № 4. С. 23–33; *он же.* Русская эмигрантская школа в Болгарии (1920-е годы) // *Педагогика*. 1995. № 1. С. 76–82; *Даскалов Д.* Профессионален и културен профил на бялата емиграция в България // *Бялата емиграция в България: Материали от научна конференция* (София, 23 и 24 септември 1999 г.). София, 2001. С. 71–78; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005; *Кёсева (Кьосева) Ц.* Болгария и русская эмиграция. 1920–1950-е годы. М., 2008; *она же.* Правовое положение и адаптация русских беженцев в Болгарии (20–40-е годы XX в.) // *Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы*. СПб., 2006. С. 160–182; *она же.* Русские школы в Болгарии (20–40-е годы XX в.) // *Русское зарубежье в Болгарии: История и современность*. София, 2009. С. 64–71; *Косик В.И.* Наброски к «портрету» русской эмиграции в Болгарии в 1920–1950 годах // *В поисках лучшей доли: Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Вторая половина XIX — первая половина XX в.* М., 2009. С. 76–94; *он же.* Софии русский уголок. М., 2008; *Мангачев П.* Документална история на руските бежанци в България (1919–1944). В 2 т. София, 2015; *Пархоменко Т.А.* Русская акция в Болгарии // *Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.)*. М., 1999. С. 202–211; *Пчелинцева Т.К.* Русская смешанная гимназия В.П. Кузминой в г. Софии (лицей В.П. Кузминой) // *Союз русских инвалидов в Болгарии* [Интернет-ресурс]. URL: <http://sribru.com/russkoe-uchebnoe-delo> (дата обращения: 14.12.2015); *Седова Е.* Русская школа в Болгарии как фактор самосохранения детей эмиграции // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2013. № 1. С. 116–122; *Чернявский Г.И., Даскалов Д.* Судьбы русской белоэмиграции в Болгарии // *История СССР*. 1961. № 1. С. 109–117.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 192. Л. 66, 75, 95, 107, 117, 123; *Кожина-Заборовская М.* Русская Галлиполийская гимназия (1921–1926) // *Русская школа за рубежом*. 1926. № 23. С. 529; *Обзор русского учебного дела и сведения о русских учебных заведениях в Болгарии*. София, 1923. С. 4–5, 7; *Руднев В.В.* Зарубежная русская школа. 1920–1924. Париж, 1924. С. 47, 56–58; *Шавельский Г.И., протопресвитер.* Русская школа в Болгарии // *Педагогика российского зарубежья*. М., 1996. С. 381; *Русь*. 1925. 20 июня.

³ *Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей*. 1923. № 2. С. 73, 75–76; *Обзор русского учебного дела и сведения о русских учебных заведениях в Болгарии...* С. 10–11, 14–18.

⁴ *Обзор русского учебного дела и сведения о русских учебных заведениях в Болгарии...* С. 8, 13–14.

⁵ *Кёсева Ц.* Русские школы в Болгарии... С. 65.

⁶ *Бюллетень Педагогического бюро...* 1924. № 5. С. 10; *Кёсева Ц.* Русские школы в Болгарии... С. 65.

⁷ ГА РФ. Ф. Р–5766. Оп. 1. Д. 14. Л. 97; *Горяинов А.Н.* Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии... С. 28; *он же.* Русская эмигрантская школа в Болгарии... С. 76–77.

- ⁸ ГА РФ. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.
- ⁹ Русская школа за рубежом: Исторический опыт 20-х годов.: Сборник документов / Сост. В.А. Владыкина, Т.Ю. Красовицкая. М., 1995. С. 164–167.
- ¹⁰ Вестник Педагогического бюро. 1928. № 16–17. С. 8.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 435. Л. 6.
- ¹² Там же. Л. 6–10.
- ¹³ Там же. Л. 75–75 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 76–77.
- ¹⁵ Там же. Л. 78–79 об.
- ¹⁶ Вестник Педагогического бюро. 1928. № 16–17. С. 8.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 435. Л. 80–80 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 81–82.
- ¹⁹ Там же. Л. 83–84 об.
- ²⁰ Там же. Л. 85–85 об.
- ²¹ Там же. Л. 95–95 об.
- ²² Там же. Л. 99–99 об.
- ²³ Там же. Л. 98.
- ²⁴ Там же. Л. 96.
- ²⁵ Там же. Л. 150 об.
- ²⁶ Русская школа за рубежом. 1929. № 31. С. 126.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 435. Л. 83 об., 96 об.–97.
- ²⁸ Там же. Л. 96–96 об.
- ²⁹ Там же. Л. 96 об.
- ³⁰ Там же. Л. 97.
- ³¹ ГА РФ. Ф. Р–5766. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–1 об.; Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 21. Л. 113–113 об.
- ³² ГА РФ. Ф. Р–5925. Оп. 1. Д. 5. Л. 225 об.; Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. 1930. № 59–60. С. 11; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. С. 384.
- ³³ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 156–159.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 435. Л. 148, 151 об.
- ³⁵ *Кожина-Заборовская М.* Русская Галлиполийская гимназия... С. 531; *Горяинов А.Н.* Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии... С. 29.
- ³⁶ *Бендерев Д.А.* Воспоминания о Софийской русской гимназии. 1924–1934 г. София, 2014. С. 69; Вестник Педагогического бюро. 1928. № 18. С. 11; Труды V съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. София, 1932. С. 3; *Кёсева Ц.* Русские школы в Болгарии... С. 68–69; *Петрушева Л.И.* Русская эмигрантская школа в Европе // Славяноведение. 2009. № 1. С. 30.
- ³⁷ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. С. 386; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 144.
- ³⁸ *Кёсева Ц.* Русские школы в Болгарии... С. 68–70.
- ³⁹ Там же. С. 70–71; *Пчелинцева Т.К.* Русская смешанная гимназия В.П. Кузминой в г. Софии (лицей В.П. Кузминой) // Союз русских инвалидов в Болгарии [Интернет-ресурс]. URL: <http://sribru.com/russkoe-uchebnoe-delo> (дата обращения: 14.12.2015).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

**САНДРА ХАДЖИХАЛИЛОВИЧ,
ЖАНА МОДРИЧ**
(Задарский университет, Хорватия)

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ РУССКОГО И ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Abstract:

Hadzihalilovich S., Modrich Zh. *Youth slang of Russian and Croatian languages: comparative analysis*

The authors present the most common slangisms, the history of slang formation, slang in various social and thematic groups, Anglicisms and youth speech in the Internet. For the goals of the investigation important is the sociolect, now used by young people on the Internet. The body of the study is the most common slangisms in Croatian and Russian.

Ключевые слова: русский язык, хорватский язык, молодежный слэнг, социолект, язык интернета, СМИ, английский язык.

В настоящей работе речь пойдет о сопоставительном исследовании сленга русской и хорватской молодежи. Но, кроме научных статей и словарей известных русских и хорватских исследователей-лингвистов (Береговская, Ермакова, Липатов, Мокиенко, Фабиянич, Немет-Яйич, Сабляк), для нашей работы важным является и социолект, используемый ныне молодежью в Интернете, о котором существует очень мало исследовательских работ.

Считаем, что сленг необходимо изучать, хотя он находится за пределами стандартного языка, поскольку он отражает функционирование одного из социальных слоев общества: молодежи, и ее мировоззрение, непонятное для других возрастов. Всегда интересно исследовать то, что не подчиняется правилам и стандартам, чтобы лучше понимать сам стандартный язык.

Мы сосредоточим свое внимание как на наиболее распространенных сленгизмах, так и на истории формирования сленга, на сленге в разных социальных и тематических группах, на англицизмах и на молодежной речи в Интернете. Корпус нашего исследования составят самые распространенные сленгизмы в хорватском и русском языках.

Кроме теоретического метода описания сленга и метода сбора и анализа данных в словарях, статьях, диссертации и сайтах, в некоторых местах мы будем использовать свои собственные знания, примеры и переводы сленгизмов, чтобы непосредственно показать, о чем идет речь. Таким образом, мы покажем самые главные сходства и различия в речи русской и хорватской молодежи. Цель работы — дать сравнительный анализ русского и хорватского молодежного социолектов, уделяя особое внимание современным способам выражения, на которые оказывают влияние средства массовой коммуникации, Интернет и английский язык.

Молодежный сленг является актуальной и современной темой в исследовании русских и хорватских лингвистов. До сих пор сленг считался недостойным для исследования и языком маргинальных групп общества: преступников, бедных, нищих, и др. Социальные классы в значительной степени повлияли на язык. Те, кто были богатыми, говорили по-латински, по-французски, а обычные люди говорили на родном языке. Общество всегда было рабом своего прошлого и поэтому нас не удивляет факт, что еще в XX веке исследователи называли сленг злом, которое надо изучать, чтобы лучше с ним бороться и сохранить чистый язык. Но, против Вавилона нельзя бороться, и язык сегодня богат не только стандартной лексикой, но и лексикой разных общественных групп.

Молодежь является носителем сленга и использует его, чтобы быть модными, показать свое несогласие и неповиновение общественным правилам и нормам поведения. Это несогласие проявляется не только через одежду, музыку, поведение, но и через словесное творчество. С помощью сленга молодежь выражает принадлежность к определенной социальной группе и сохраняет ее границы. Функция сленга состоит в юмористическом мироощущении и дружеском аспекте коммуникации. Сленг тоже показывает, что кто-то не принадлежит к определенной группе. Интересно отметить, что Флекснер считает, что сленг на самом деле не существует вне анализа экспертов, то есть, определить какое-то слово как стандартное или сленговое важно только для экспертов (Флекснер 1975).

На основе многих примеров сленгизмов мы покажем, что молодежь Хорватии и России сильно не отличается. И те, и другие используют сленг с целью показать принадлежность к группе и с целью бунта против взрослых и его норм. В этом случае они используют одинаковые или хотя бы похожие сленгизмы и много англицизмов. Речь молодежи

богата англицизмами, и поэтому мы постарались привести их в каждой тематической группе, изучающейся в этой работе.

Интернет сделал мир большим глобальным полем и повлиял на молодежную речь в значительной степени. Этот новый, виртуальный мир способствует развитию веера сленгизмов. Многие слова со временем теряются, но постоянно появляются новые.

Нашей целью является исследование сленгизмов разных тематических групп, в том числе семейной и тусовочной группы, и сравнительный анализ сленгизмов хорватской и русской молодежи, вместе с примерами-англицизмами и с речью молодежи в Интернете. В этой работе мы пользовались работами хорватских исследователей А. Скелин Хорват, Т. Сабляк, И. Фабиянич и Интернет сайтами с словарями молодежного сленга. Что касается русского языка, мы пользовались как работами О.А. Анищенко, Э.М. Береговской, М.А. Грачева, А.Т. Липатова, Р.И. Мальцевой, и другими, так и Интернет источниками.

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ

Термин «сленг» происходит от английского слова *slang* и обозначает определенный разговорный вариант речи профессиональной или социальной группы, как, например, молодежный сленг, студенческий сленг, сленг криминального мира, бизнес сленг и т.п. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова определяет сленг как: 1) разговорный вариант профессиональной речи, 2) элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску (особую лингвостилистическую функцию). *Сленг профессиональный* (Ахманова 1966: 408).

Термин «сленг» широко употребляется в русском языке. Однако, А.Т. Липатов объясняет, что в русском языке термины «жаргон» и «арго», происходящие от французских слов *jargon* и *argot*, намного употребительнее слова сленг и они соответственно тому получили официальный статус в отечественном языкознании (Липатов 2010: 42). Арго — то же что жаргон, но, в отличие от последнего, термин арго лишен пейоративного, уничижительного значения (Ахманова 1966: 50). Термин жаргон применяется (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности. Итак, в отличие от арго этот термин имеет пейоративное значение (Ibid.: 143). Некоторые исследователи идентифицируют арго с криминальным жаргоном, то есть, говорят, что русский криминаль-

ный жаргон или арг — лексика криминальных элементов (преступников различных категорий, босяков, нищих, бродяг, беспризорников, проституток и проч.). Весь этот субязык приобретает особую эмоционально-экспрессивную окраску (Грачев 2009: 3). Следует отметить, что в русской речевой практике арг и жаргон как термины не появились в одночасье (Липатов 2010: 57).

Мы не находим каких-либо принципиальных различий между жаргоном и сленгом, если обратимся даже к новейшим авторитетным источникам (вышеприведенный словарь Ахмановой опубликован в 1966 году) — таким, как «Лингвистический энциклопедический словарь»: жаргон здесь — это «разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной, устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии (...) положения в обществе, интересов (...) или возраста», а сленг: 1) то же, что жаргон (в отечественной литературе преимущественно по отношению к англоязычным странам), 2) совокупность жаргонизмов, составляющий слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи (Липатов 2010: 63–64).

Ситуация схожа и в хорватском языке. В нем также употребляются термины *sleng*, *argoi žargon*. Во французско-хорватском словаре написано, что *argo* можно перевести и как *šatrovački* (Путанец 1974: 47). Именно этим термином пользуется Т. Сабляк в своем словаре *Rječnik hrvatskoga žargona* (2013), в предисловии к которому он пишет, что для обозначения такой языковой массы в хорватском языке в большинстве случаев используются заимствованные термины (*sleng*, *argo*, *žargon*), но приводит и термины из других языков: *Sondersprache*, *Rotwelsch*, *Grüner* (нем.); *gergo* (итал.); *cant* (англ.); *langue verte* (франц.) (Сабляк 2013: 5). Кроме того, Скелин Хорват пишет, что в хорватском языке используются термины *sleng*, *žargon*, *šatra*, *šatrovački i argo*, и как пример приводит именно словари Сабляка: *Rječnik šatrovačkog govora* (1981) и *Rječnik hrvatskoga žargona* (2013). Первый словарь говорит о *šatrovačkoj* речи, а во втором этот термин уже заменен термином *žargon*. Скелин объясняет это новыми тенденциями в хорватском языкознании и говорит, что термины *шатровачки* и *арго* были использованы в прошлом, а сейчас используются общепринятые названия сленг и жаргон. Точнее, термин «шатровачки» был характерным для Хорватии и Сербии и в прошлом обозначал речь цыган, проживающих в палатках. Термины *шатровачки* и *шатра* этимологически связаны с хорватским словом *šator* (палатка) (Скелин 2009: 14).

Существуют два определения терминов *шатра* и *шатровачки*: 1) *шатровац* — это человек, проживающий в палатке (*šator*), 2) *шампа* — это турцизм, обозначающий тьюрму (*šatrundža*). Итак, можно сказать, что

термин шатровачки уже терминов жаргон и сленг, поскольку он обозначает специальную речь бродяг и воров (Ibid.: 15).

Такое противоречие в теории русского и хорватского сленга не случайно, поскольку до сих пор остаётся неоднозначным понимание истоков сленга как речевого явления и как специфической подсистемы языка. «Чистого» сленга не существует: он всегда «замутнён» жаргонизмами и даже арготизмами, не говоря уж о просторечиях и профессионализмах. При этом в сленг арготизмы сразу не поступают: прежде чем попасть туда они отстаиваются в пределах жаргона, очищаясь от грубой арготической семантики, — считает Липатов (Липатов 2010: 64). Некоторые исследователи иногда используют синонимичное обозначение «молодежный социолект» (Анищенко 2010: 6).

Считаем, что трудно четко определить разницу между этими терминами в обоих языках, но, нам кажется, что у терминов арго, жаргон и шатровачки есть пейоративное значение. Точнее, когда речь идет о речи преступников, воров, наркоманов, значит о речи уголовного мира, тогда наверняка лучше использовать термины арго и жаргон, чем сленг, хотя у жаргона есть и профессиональная черта (компьютерный жаргон, бизнес жаргон, военный жаргон). Что касается самого термина сленг, у нас он ассоциируется с речью молодежи (молодежный сленг, студенческий сленг, сленг школьников), и у него нет профессиональной характеристики, поэтому мы будем пользоваться именно этим термином. Но, по-видимому, даже исследователи не единодушны в определениях и различиях между этими понятиями.

Русский молодежный сленг — это лингвистический феномен, бытование которого ограничено не только определенными возрастными рамками, но и социальными, временными и пространственными рамками. Этот «субъязык» никогда не иссякает полностью, он временами мелет, а в другие периоды становится полноводным. Он постоянно меняется, и это, конечно, связано с историческим фоном, на котором развивается русский язык (Береговская 1996: 32). Термин сленг является самым поздним среди современных обозначений молодежной речи (жаргон, арго, сленг), — уточняет Анищенко. Термины французской социологической школы, жаргон и арго, появились в русском языке в XIX веке, в то время, когда французский язык был в моде и когда у него был такой статус, какой сегодня у английского языка. Итак, термин сленг, происходящий из английского, появился в русском лингвистическом обороте лишь в 1960-е годы (Анищенко 2010: 39).

XX и XXI века обозначают эпоху всеобщей интеграции, глобализации, начало которой положила мощная мировая техническая и технологическая революция. Это изменило форму и функционирование планеты,

и, следовательно, произошли большие изменения в средствах массовой коммуникации; созданы новые электронные системы, телевидение, а также Интернет. Интеллектуальные границы удаляются, культуры связываются и формируют глобальное, всемирное информационное поле. Все эти условия влияют на русский язык. Он, вместе с другими языками, отражает все сложности времени; в языке, как и в жизни, образован бизнес разрушения и коммерциализации. Общий уровень владения языком снизился — делается маргинальным язык Пушкина и Толстого, Чехова и Шолохова (Липатов 2010: 5-6). Все вышеприведенные изменения влияют как на русский, так и на хорватский язык.

Русский язык, как и другие языки мира, вовлечен в орбиту глобализации и подвергается экспансии American English. Итак, все чаще используются слова-чужаки как *саммит*, *имидж*, *менеджер*, *тинэйджер*, или, по-хорватски *menadžer*, *imidž*, *summit*. Даже футбол заменяется *сокером* в русском языке (Липатов 2010: 7).

Сленг в Англии существовал уже в XIV веке и был известен под наименованием *cant*. Впервые термин кэнт был заменен термином сленг Френсисом Гроузом в 1788 году, который, в своем научном словаре «вульгарного» языка (1788), синонимичность объясняет их общей этимологией: у них тот же самый источник — потаенный язык странствующих нищих-цыган (Анищенко 2010: 39). В начале XIX века под термином кэнт понималась преимущественно речь социальных низов, а под термином сленг нестандартная (арготическая) лексика остальных групп населения. По словам Есперсена, сленг представляет собой «форму речи, которая обязана своим происхождением желанию человеческой особи отклониться от обычного языка, навязанного нам обществом» (Ibid.: 40). Даже Большой Оксфордский словарь отражает туманность этимологии и определения термина сленг. В нем отмечается, что термин сленг, «имеющий первоначальное значение «низкий, вульгарный язык», с начала XIX века начинает употребляться и для обозначения жаргона определенного класса, и для нелитературной разговорной речи, состоящей из неологизмов и слов, употребляемых в специальном значении. В русском языке, понятие сленг покрывает жаргон, арго, а отчасти и грубое просторечие (Ibid.).

В 1936 году В. Жирмунский пишет, что со сленгом появился новый этап развития арго, то есть, что «старый арго» (профессиональный язык маргинальных и деклассированных общественных групп) заменяется «новым арго», находящимся в сфере повседневного бытового общения и служит как эмоционально-экспрессивное выражение. Сленг — это английский городской жаргон (Ibid.: 41).

С начала XX века отмечены три бурные волны в развитии молодежного сленга в России. Первая датируется 20-ими годами, когда револю-

ция и гражданская война разрушили до основания структуру общества, в результате чего появилось множество «блатных» словечек в молодежной речи. Вторая волна связана с появлением «стиляг» на улицах городов. Третья же волна появилась во время застоя 70-х и 80-х годов, когда хип-пующие молодые люди «создали системный сленг как языковой жест противостояния» (Береговская 1996: 32). В то время лингвисты, занимавшиеся темой сленга, словно стыдясь, что «взялись за исследование такого недостойного, низкого предмета» (Ibid.: 33), выражают беспокойство за чистый русский язык и призывают к борьбе со сленгом и свое исследование даже оправдывают «необходимостью глубоко изучить зло, чтобы знать, как лучше с ним бороться» (Ibid.). Исследование сленга в это время неслучайно. После долгого перерыва в исследовании социальных диалектов из-за официального запрета, у лингвистов появился интерес к изучению нестандартной лексики и к речевому поведению молодежи, в среде которой, как отмечает Л.И. Скворцов, жаргонная речь преимущественно и развивается (Аинщенко 2010: 41). Скворцов определяет этот период как «время языковой эволюции от жаргона к сленгу» и приводит источники формирования молодежного сленга: профессиональная речь, диалектизмы, заимствования из других языков, заимствования из других жаргонов. Он описывает сленг как языковое явление, характерное для русского языка послеоктябрьского периода. Популярность английского термина сленг растет с популярностью и экспансией самого английского языка (Ibid.: 42–43). Русский молодежный сленг «англизирован» (Береговская: 1996: 40).

Как уже было сказано, в хорватском языке ныне используются термины сленг и жаргон, а в прошлом мы чаще использовали термин шатра. Н. Павлович считает, что термин сленг сегодня шире терминов арг, шатра и жаргон (Скелин 2009: 26). Скелин использует термин сленг и пишет, что он является выражением идентичности молодежи. Но, автор тоже отмечала, что в хорватском языке немного работ о сленге, и сама она пользовалась работами американских и английских исследователей (Ibid.: 2). Итак, из-за отсутствия работ об истории хорватского сленга, Скелин обращается к иностранным исследователям. Сленг (не как термин, а как явление) появился в Европе в XIII веке, когда уже существовал немецкий термин *Rothwalsh*, который позже был заменен термином *Rothwelsch*. Первые данные о сленге в Германии, Франции и Англии — на самом деле данные о языке воров. С тех пор значение терминов изменилось, то есть, оно начало относиться ко многим разным языковым явлениям. Понятие сленг используется с XVIII века, а именно Н. Вебстер был первым, кто включил этот термин в словарь (*American Dictionary*, 1828) и определил его как «*low, vulgar, unmeaning language*» (Ibid.: 29). В этом же веке сленг-

гом называли речь преступников, пока в XIX веке сленг — колоквиальная, отчасти и незаконная речь преимущественно низкого социального класса (Ibid.). Видимо, нельзя исследовать современный молодежный сленг без анализа его социальных условий развития.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛЕНГА

Сказать, что на сленге говорят только молодые люди, — нельзя. Он является подсистемой языка, используемой разными социальными группами, которые отличаются друг от друга как речью, так и стилем одежды, интересами, поведением, ролями в обществе и т. п. Среди многих социальных и тематических групп, можно выделить следующие: криминальный мир, бизнес, наркомания, армия, развлечения, человек и мир вокруг него, оценка, пьянство и алкоголизм (Ермакова 1999: 12–17), но и такие, как спортивный жаргон, музыкальный жаргон, медиа-политический жаргон, компьютерный жаргон, молодежный сленг (Липатов 2010: 126–142), сленг школьников, сленг хиппи, студенческий сленг и многие другие.

О.П. Ермакова пишет о многообразии тематического поля лексики маргинальной социальной группы криминального мира. Оно представляет лица, действия, объекты, места. Люди уголовного мира — они *авторитет, браток, братва, подельник, блатарь*; люди, которые не входят в него, или ему противостоят — *фраер, лох* «простофиля и потому возможная жертва преступников», *мусор* «полицейский». Преступников называют *домушниками* «вор», *киллерами* «наемный убийца», *щипачами* «вор-карманник». Для членов криминальной группы, место пребывания — это *малина, малинник, блатхата*; убивать — это *мочить*, а *обувать* используют в значении «обманывать» (Ермакова 1999: 12).

Сабляк приводит следующие сленгизмы криминального мира в хорватском языке — *drot, pandur, njuškalo, svinja, štrumpf, žandar, murjak, guzara, gnjida* (полицейский), *džeparoš* (вор-карманник), *deknuti, koknuti, uctekati*, (убивать), *capnuti, čapiti, drpiti, mazniti, posuditi zauvijek, ruknuti* (украсть) (Сабляк 2013).

Бизнес сленг в русском в первую очередь богат названиями денег и операций с ними: доллары — *баксы, зелёные, зелень*; рубли — *деревянные, рваные*; купить — *взять, брать*; продать — *толкнуть*; деньги — *бабки, капуста*, а также *лимон* «миллион», *кусок, штука* — тысяча (Ермакова 1999: 13). В хорватском языке деньги называем *lova, penezi, pare, šuška*, а глагол продать — это *dati na vjetar, utrapiti* (Сабляк 2013), *uvaliti*.

К тематической группе наркомании относятся названия наркотиков — *наркота, дурь, травка, колеса* (Ермакова 1999: 14), *aspirini, brzo, dop, roba, prašak, gadro* (Сабляк 2013: 526); названия наркоманов — *наркота* (наркоманы), *беднота, босота, лимита* (асоциация с другими

уничжительными обозначениями людей) (Ермакова 1999: 123), *narkos, droger, drogeraš, đanki, džanki* (англ. junkie; junk — мусор), *fikser, doper* (Скелин 2009: 297-298); названия действия наркомана — *ширяться* (колоть наркотики), *сесть на иглу* (стать наркоманом), *курить травку* (Ермакова 1999: 14), *snifati* (drogirati se udisanjem ljepila), *fiksati se* (drogirati se ubrizgavanjem, injekcijom), *napušiti se* (drogirati se pušenjem), *šmrkati* (drogirati se ušmrkavanjem), *navući se* (drogirati se, postati ovisnikom) (Сабляк 2013: 526). В хорватском языке, сленгизм *navući se* используется не только в контексте наркомании, но и в других случаях, как например — *navući se na pjesmi, navući se na šoping, navući se na hranu, ne dajte se navući* (в значении «не дайте себя обмануть»).

Тематическая группа «развлечения» очень популярна между всеми возрастами. Для обозначения телевизора используют слова *ящик*, телесериала — *мьльница, мыло* (мыльная опера), поп-музыки — *понса* (Ермакова 1999: 14), а в хорватском языке *te-ve, telka, telkač, sapunica, trakavica* (мыльная опера с большим количеством серий) (Сабляк 2013: 629). Поскольку развлечение популярно особенно у молодежи, позже речь пойдет о самых важных слов, которые выражают идентичность молодежи.

Что касается спортивного сленга, в нем сленгизмы уже давно используются, и спортивный жаргон стал «своеобразным кодом, необходимым для коммуникации внутри данного сообщества». Эти слова О. Гуреевой приводит Липатов (Липатов 2010: 126) и говорит, что эти термины рождаются, как правило, «в устной профессиональной речи спортивных специалистов, спортсменов, журналистов, реже — любителей спорта, и что многие из спортивных жаргонизмов не выходят за рамки профессионального общения, хотя некоторые из них вошли в СМИ и стали понятными для широких народных масс — *горчичник* — желтая карточка, *поляна* — футбольное поле, *льдина* — хоккейная площадка, *указать на точку* — назначить пенальти (Липатов 2010: 126-127). В хорватском языке, получить желтую карточку — *rožujetiti*; назначить пенальти — *pokazati na točku*. Для членов спортивного мира, *паутина* — это верхний угол ворот, *биржа* — место на катке, где собираются тренеры во время соревнований, *провалиться* — увлекаться нападением, не успевая возвращаться вовремя для защиты своих ворот, *художница* — спортсменка, занимающаяся художественной гимнастикой, *классик* — спортсмен, специализирующийся в классической борьбе (Ibid.: 127).

В этой части работы мы хотели показать, что понятие «сленг» связано не только с молодежной речи, но и с речью других социальных групп, и что сленгизмы очень часто могут принадлежать нескольким группам. Итак, что касается тематической группы развлечения, сюда можно включить и речь молодежи в Интернете, в обществе между друзьями, музыкаль-

ный сленг, и т. п. Компьютерным сленгом не говорят только молодые, но и компьютерщики, и он богат англицизмами. Можно сделать вывод, что молодежный сленг, используемый в Интернете, не совпадает полностью с компьютерным сленгом, как например: *си-ди*, *киборд*, *файл*, *юзер*, *обезьяна (@)* (Фабиянич, 2005: 157–158), *lajkati*, *aploudati*, *tegati*, но *лиса* (Fox pro), *железо* (hardware), *мыло* (электронная почта), *девица* (device), *квакать* (играть компьютерную игру «Quake») (Фабиянич 2005: 158–160). Музыкальный и молодежный сленг тоже находятся во взаимосвязи. Для музыкантов, *духи* — это духовые инструменты, *котлы* — ударные инструменты, *запил* — нудное, надолго затянувшееся соло на гитаре, *киксануть*, *kiksati*, *falširati* — сфальшивить, *ролик* — рояль, *шопен* — преподаватель музыки (Липатов 2010: 130).

Медиа-политический жаргон — это особый социальный жаргон, который стал формироваться на рубеже XX–XXI веков и представляет собой совокупность жаргонизмов, существующих в речи политиков и журналистов. В этом жаргоне существует манипулирование сознанием, точнее, по словам Басовой, это «вариант взаимодействия, при котором один участник коммуникации заставляет других действовать в его интересах и по его сценарию (...), на человека можно воздействовать извне так, что человек не заметит этого воздействия» (Липатов 2010: 133). Жаргонизация языка СМИ стала активной в 90-е годы XX века, когда журналисты начали использовать все большее количество жаргонных и разговорных слов: *лох* — излишне доверчивый человек, которого легко обмануть, *простак*; *лохануться* — поддаться обману, повести себя как лох; *кидала* — мошенник, жулик, наживающийся на обмане; *бабки* — деньги (Радченко 2013: 72).

После объяснения этих тематических групп (поскольку их действительно много, мы выбрали те, которые, по-нашему, являются самыми распространенными). Без сомнения можно сделать вывод, что многие сленгизмы этих групп входят в группу молодежного сленга и это особенно касается группы развлечения, которая очень популярна у молодежи.

МОЛОДЕЖЬ — НОСИТЕЛЬ СЛЕНГА

Молодежь не подвергается правилам, она всегда старается вести себя, так скажем, не по правилам взрослых, а по собственным правилам, тем, которые они сами выбрали и «написали». Молодой человек находится в конфликте поколений. У него может быть «странная» одежда, как у хиппи, рокеров, скинхедов, а поведение может быть хорошее и плохое, криминальное. Конечно, уже было сказано, что нельзя четко определить разницу между разными видами сленга, скорее, есть слова молодежного сленга, которые входят и в другие подгруппы сленга, как например, ком-

пьютерный сленг, студенческий сленг, музыкальный сленг. Однако, не все слова вышеприведенных видов сленга входят в молодежный сленг. Как мода, одежда, поведение и музыка, так и язык является отражением личности молодежи.

Юноша и девушка — они больше не дети, перед ними целая жизнь, и они думают, что все можно успеть. Окружающие люди, в том числе родители, сестры, братья, педагоги, учителя, стараются направить юного члена общества на правильную дорогу, хотя они больше слушают советы друзей, чем родителей и взрослых (Виноградова 2008: 1). Молодые люди стремятся к самостоятельности и хотят быстро стать взрослыми. Важными для них являются популярность и значимость в собственной компании. Если компания их принимает, то их самоуверенность растет. Не только девушки, но и юноши стремятся к своим идеалам и больше обращают внимание на собственный внешний вид, чем на учебу и мнение родителей. Они хотят привлечь внимание окружающих и красят волосы в яркие цвета, носят вызывающую одежду, делают пирсинг или татуировки, пользуются косметикой. «Психика молодого человека пластична, его легко можно убедить, что белое является черным и наоборот» (Ibid.: 2). К сожалению, существуют люди, которые используют наивность и податливость молодых. Для своей цели они вовлекают в идеологические и криминальные течения тысячи и тысячи молодых людей. Так в России появилось движение скинхэдов. Такая идеология сделала из нормальных ребят агрессивную настроенную организацию (Ibid.). Но, несмотря на все это, молодежь часто не думает о плохом, живет своей жизнью, дружит, влюбляется, веселится (Ibid.). Иногда взрослые должны верить, что молодежь может сама найти правильную дорогу. Наиболее распространенными местами молодежных тусовок являются музыкальные клубы, дискотеки, поскольку здесь собирается молодежь именно по интересам. Особенно важной для молодежи является музыка. Музыканты часто бывают идолами девушек и юношей (Ibid.: 5).

Подростковый возраст обычно дефинируется как переходный период между детством и зрелостью. В современной психологии, этот период считается как подготовка для взрослой жизни и он приносит с собой многие изменения как в физическом развитии молодых, так и в их культурном и социальном развитии. Эти изменения включают приобретение новых знаний, открытие новых возможностей и получение нового опыта. В течение этого периода делается более слабым влияние родителей и родительской культуры, а растет влияние друзей и сверстников. Молодые удаляются от родителей и других взрослых и выражают бунт против авторитета. Бунт проявляется через взгляд на жизнь, одежду, использование особых языковых элементов и — по словам Чемберса, — у него могут

быть две функции: шокировать и вызвать неодобрение взрослых и стать признанным сверстниками (Скелин 2009: 159).

Но кого можно отнести к молодежи? В научных работах, посвященных теме молодежного сленга, возраст его носителей варьируется от 6–7 лет до 30–35. По мнению Крысина, носителями молодежного социолекта являются учащаяся и рабочая молодежь (студенты, школьники старших классов (15–16 лет), молодые рабочие) и молодая техническая и гуманитарная интеллигенция в возрасте примерно от 22–23 до 33–35 лет. Исследователь М.М. Копыленко сужает границы и пишет, что носителями жаргона считается молодежь в возрасте от 14–15 до 24–25 лет. В этой работе речь идет о сленге школьников подросткового возраста и речи студентов и молодежи в возрасте до 24–25 лет, так что нам кажется, что наиболее подходящим нашей теории является мнение Копыленко (Анищенко 2010: 36–37).

Психолог В.С. Мухина пишет, что в подростковый период впервые возникает сознательная потребность в скрытой от официальной речевой культуры форме существования. У подростка является желание уйти от социального контроля, обособиться не только территориально, но и знаковыми системами. Абрамова отмечает, что подростковые группы имеют собственные нормы и модели поведения, собственный стиль жизни, соответствующий образ (одежда, прическа), свою (суб)культуру, и поэтому важным элементом является специфический молодежный словарь. Крысин подчеркивает экспериментирование подростка со словом, то есть игру словами; подросток намеренно искажает, переосмысливает и вставляет слово в сочетания, в которых оно не употребляется. Юность стремится к жаргону в периоде полового созревания. Эти изменения в жизни подростка отражаются в его языке. Так язык является средством сублимирования половой зрелости. В отличие от языка детей, язык подростков представляет собой целую систему, созданную с определенной целью, и она является результатом сознательного словесного творчества (Анищенко 2010: 37).

«Подростки — не только носители молодежных жаргонизмов, но и активные их создатели. Подростковый возраст — благодатная пора для словесного творчества», считает Анищенко (*Ibid.*).

Можно отметить, что возрастная терминология никогда не была и никогда не будет однозначной. Трудно определить рамки молодежного возраста, потому что каждый человек неповторим и уникален. Но все согласны в одном, — этот период жизни связан не только с психическими и физическими изменениями, но и с возникающими под их влиянием языковыми изменениями.

ДРУГИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА

Одна из самых важных характеристик молодежного сленга — это его городской характер (Скелин Хорват 2005), то есть, он связан с городской жизнью. Следовательно мы можем отметить, что начало развития сленга связано с массовым заселением городов и их развитием и ростом. В большинстве случаев сленг появляется не специально, а совершенно случайно. В древней Греции уже в V веке до н. э. было немало так называемых профессиональных языков, использованных в разных дискурсах и ситуациях. Некоторые исследователи характеризуют этот профессиональный язык как сленг, и говорят, что в латинской литературе сленг широко и часто использовался. Анализируя условия развития сленга в городской среде, следует отметить, что у городского сообщества, в отличие от сельского, существует множество разных правил поведения, языковых правил и других. Из-за этого появляется скептицизм к традиции и нормам, а кроме того, появляются необходимость и желание «сломать» укоренившиеся модели поведения. Все это можно легко достичь именно использованием сленга (Скелин 2009: 46). Значит, бытование молодежного сленга не связано только с возрастом и социальными условиями, но и территориальными рамками. Многие исследователи заметили, что носителем молодежного сленга является именно городская молодежь (Анищенко 2010: 41). «Он бытует в среде городской учащейся молодежи — в отдельных более или менее замкнутых референтных группах» (Береговская 1996: 32). «В литературе, молодежное, особенно — студенческое, аргю часто вообще отождествляют с аргю города. Действительно, речетворческая деятельность студентов, молодежи, различных молодежных объединений является своеобразным ядром городского аргю. Молодежь — в языковом отношении наиболее мобильная, наиболее экспериментирующая часть города» (Елистратов 2000: 653). Короче, сленг вступает в функции определенного стиля общения в городской среде и его исследование подразумевает не только лингвистический аспект, но и социологический, культурный и психологический аспекты. Особенности городской молодежи являются не только социолект и поведение, а жесты и элементы одежды как невербальные средства, настенные надписи (граффити), искусство (живопись, скульптура, поэзия), современный анекдот и т.д. (Ibid.: 682–683).

Город — это среда, в которой бытуют все возрастные поколения (некоторых из них наверное нет в сельской территории): школьники, учащиеся профессионально-технических училищ, студенты, и т.д. Эти социальные группы, видимо, дают городу динамичную характеристику и делают городской социолект (городские социолекты) разнообразны-

ми. Среди городской молодежи можно выделить и разные другие социальные группы с собственными специализированными социолектами: байкеры, рокеры, панки, скейтбордисты, металлисты, и др. Эти группы подвергаются влиянию моды, общаются с большим числом сверстников и нередко формируют неформальные движения и входят в созданные по интересам корпорации (Анищенко 2010: 41).

Как известно, сельская молодежь тоже учится в городских университетах и учебных заведениях и тесно общается с городской молодежью. В результате того, граница между социолектами города и деревни иногда теряется, то есть, все чаще употребляются «модные» слова города сельскими юношами и девушками, и, наоборот, благодаря средствам массовой информации, появляются диалектизмы в речи городской молодежи (Ibid.: 41).

Со временем меняется и состав носителей молодежных сленгизмом из-за притока разнообразного населения, которое ассимилируется, приносит «кое-что свое». Это примечание Б.А. Ларина (сделанное в 1930-е годы), иллюстрирует и картину больших городов сегодня. «На состав носителей молодежного сленга влияют многие факторы, не только возраст, пол, но и сознание собственного Я, сознательное желание (потребность) экспериментировать со словом, не только принадлежность к определенной корпорации, общность интересов, но и социальный статус, место жительства (сельская местность, город; столица, периферия) являются важными моментами в раскрытии специфики молодежного жаргона, играют важную роль в его функционировании» (Ibid.: 41–42).

Роль сленга

В создании и сохранении границ группы

В объяснении этой роли сленга, Скелин (2009) продолжает пользоваться работами американских и английских исследователей, из-за отсутствия таких работ в Хорватии. Но, несмотря на это, эти характеристики универсальные и могут применяться для каждой системы сленга каждого языка. По словам Диксона, сленг обычно развивается внутри групп, у которых существуют крепкие общие интересы, либо социальные, либо профессиональные. Следовательно, функция создания «идентитета» группы и маркировки ее границ является самой важной ролью сленга. Сленг выступает в роли связывания и идентификации членов определенной группы и, благодаря ему, группа развивает сильное чувство групповой деятельности и новизны именно через формирование и использование новых лексических элементов (Скелин 2009: 46–47). Флекснер, в свою очередь, подчеркивает, что благодаря использованию сленга, у членов одной группы является особая взаимосвязь. Чтобы раз-

вить свой собственный сленг, группа должна быть либо большой и в постоянном контакте с доминирующей культурой, либо очень маленькой с тесно взаимосвязанными членами, которые дистанцированы от доминирующей культуры. Как пример первой из двух групп можно привести группу подростков, которая постоянно формирует новую лексику и которая находится в контакте с доминирующей культурой. Что касается второй группы, это, например, — преступники, художники, люди с общими хобби (Ibid.: 47).

Хотя сленг дефинируется как язык определенной группы, и мы часто указываем на его социальную функцию, он все-таки в определенном смысле является индивидуальным и интимным, так как с его помощью часто выражают глубокие, личные и интимные идеи. Сленг может раскрыть много о человеке, который на нем говорит. Каждый «личный словарь» сленга содержит многие слова, которые специально используются говорящими на сленге, чтобы создать определенное представление о себе. В этом случае, сленг используется как средство высказывания глубоких эмоций и идей. За ним прячутся настоящие чувства, поскольку он дает определенную черту грубости и мощности тому, кто на нем говорит (Ibid.: 47).

ФУНКЦИИ СЛЕНГА

Формирование и сохранение границ группы — одна из многочисленных функций сленга. Другие функции сленга (по словам Парtridge) следующие:

- 1) Развлечение и игра,
- 2) Юмор,
- 3) Несходство,
- 4) Яркость,
- 5) Интересность,
- 6) Избегать клише и достичь сжатости,
- 7) Обогащать язык,
- 8) Конкретность,
- 9) Уменьшить тяжесть ситуации,
- 10) Достичь колоквиальности,
- 11) Облегчать общественные отношения,
- 12) Введение дружеского в коммуникацию,
- 13) Показать принадлежность к группе и вступить в контакт,
- 14) Показать, что кто-то не принадлежит к группе,
- 15) Загадочность для тех, кто не принадлежит группе, чтобы они не понимали (Скелин 2009: 47).

У каждой группы (даже у самой маленькой, с например, двумя членами) в определенный момент появляется необходимость «защититься» от тех, кто к ней не принадлежит. Такие группы создают сленг с целью прятания своих мыслей, и это видно уже в детстве. Скелин приводит интересный пример таинственной речи, которая напоминает нам о детстве, потому что таким «секретным языком» мы тоже пользовались в детстве с друзьями и называли его «шатровачким». Речь идет о добавлении слогов в слово, например *Japa tepebepe glepedapam* вместо *Ja tebe gledam*. Благодаря этому, наши родители часто не имели понятия, о чем мы говорим (Ibid.: 48).

Некоторые исследователи приводят только три функции сленга: достижение неформальности, идентификация членов группы и сопротивление установленному авторитету. Рот-Гордон считает, что молодежь не использует сленг чтобы сделать других людей маргинальными, а чтобы показать, что именно они — маргинальные. Иногда люди используют сленг, чтобы отойти от повседневного употребления языка и сделать жизнь «более свежей и личной». Это эстетическая функция сленга, из-за использования многих живописных выражений и неологизмов (Ibid.: 49).

В любом случае, сленг служит как один из элементов выражения идентичности молодежи. Язык несомненно обладает большим количеством функций, но самая главная из них, — коммуникативная функция. Кроме этой функции, существуют и следующие: когнитивная (связанная с мыслительной деятельностью человека), эмоциональная (выражение чувств и эмоций человека), метаязыковая (исследование и описание языка в терминах самого языка), поэтическая, эстетическая, и др. (Анищенко 2010: 43).

Носитель молодежного жаргона двуязычен, иногда он употребляет сленгизмы, а иногда переходит на литературный язык. Жирмунский писал, что сленг «всегда является вторым языком говорящего, точнее — второй лексической системой, в которой явления окружающей жизни получают новые, «свои» наименования, сосуществующие для самого арготирующего со стандартами основного языка» (Ibid.).

Хотя молодежный сленг является вторичным по отношению к литературному языку, он все-таки выполняет коммуникативную функцию, он служит для коммуникации между членами одной группы, их средством общения. Одна из функций — адаптивная функция — сленг помогает новичкам адаптироваться к непривычным, новым условиям (например в школе, в университете, в армии). Новички, попавшие в незнакомый лингвистический коллектив, хотят войти в него, овладеть им, «подчиниться ему», пишет Скворцов (Ibid.: 44).

КРЕАТИВНОСТЬ СЛЕНГА

Сленг является очень креативным и близким поэзии. Хаякава его называет «поэзией повседневной жизни», а Кристал «поэзией обычного человека» (Скелин 2009: 55). Парtridge считает, что сленг — это аспект языка, который может служить для заполнения лакун в словаре стандартного или общего языка, используемого в определенном обществе. Креативность сленга не ассоциирует только с поэзией, но и с быстрым и большим производством новых слов (Ibid.).

Важная характеристика сленга — быстрое формирование новых лексических единиц, и быстрое разрушение, замирание целых речевых корпусов. Поскольку молодежь близка доминантной культуре, она быстрее развивает и использует новые слова. Таким образом, снижается опасность «декодирования» молодежной секретной речи (Сабляк 1981: 8). Группы, у которых почти нет контакта с доминирующей культурой, меньше образуют новые сленгизмы (Ibid.: 12).

Итак, сленг является инновационным, с необычными, живыми, находчивыми и юмористическими выражениями и словами. Но инновация характеристика не только сленга, а целого языка и всех его аспектов. Новые слова ежедневно приходят в стандартный язык, но те изменения медленнее изменений в сленге. Кроме аспекта креативности, существуют и аспекты экспрессивности, метафоричности, юмористичности и изменчивости. Сленг постоянно меняется, но его нельзя уничтожить (Ibid.: 55–56).

МЕСТО СЛЕНГА В ЯЗЫКЕ

Сленг часто считается реакцией на стандартный язык. Если бы не было стандартного языка и скептицизма к нему, сленг бы тоже не существовал, считает Лайтер. Кроме того, для развития сленга нужна и система образования, которая подчеркивает важность стандартного языка и налагает его. Трудно определить границы между сленгом и другими языковыми вариантами. Итак, сленг может появиться как противоположность стандарту и для него важно, чтобы у говорящего на определенном языке было восприятие носителя языка о языковых правилах в стандарте. Другими словами, сленг — это нестандартный язык и противоположность стандарту (Скелин 2009: 50–51). Некоторые исследователи (Эбл) считают, что разницы между сленгом и стандартом почти нет, поскольку у обоих существуют те же способы словообразования. Разница существует, но она не связана с количеством новых слов в сленге и стандарте, а в том, что новые слова в сленге недолго используются и быстро исчезают, пока те слова, которые долго остаются, перестанут быть сленгом и станут кол-

локвиализмами или даже перейдут в стандартный язык, как например *OK, fol, krimić* (Ibid.: 51, 77) *вешалка, тусовка, тусоваться, беспредел, чернуха, горбатиться* (Липатов 2010: 153-154).

По словам Сабляка, «шатровачки» всегда был творческим трудом индивидуума или группы в целом с целью обогащения стандартного языка, а не удаления от него. Группы и индивидуумы дают словам стандартного языка совсем новые значения, а их символическое, метафорическое, идеограммное и кодифицированное выражение полностью затрагивает все языковые уровни. Это выражение переходит с поверхности языковых изменений в самую суть языка. Итак, когда речь идет о формировании шатровачкого, надо всегда учитывать человеческий, творческий и имажинативный фактор, потому что в нем всегда можно найти что-то субъективное (Сабляк 1981: 7).

Определить границы между языковыми пластами трудно, но слова из сленга легко могут перейти в другие пласты и наоборот. Язык является динамичным. Сленг берет многие слова из стандартного языка и одновременно дает многие слова стандарту. Сленг тоже берет слова из диалектов и colloquialного языка, и в таком случае можем выделить сленги определенного языка, сленги областей или регионов, сленги родов (Скелин 2009: 52).

Разграничить сленг от стандартного языка, colloquialного языка и диалектов является трудным, но трудно разграничить его и от похожих явлений — от жаргона, аргю и шатровачкого (Ibid.: 53).

У сленга есть colloquialный характер, и эта черта отделяет его от стандарта, хотя не довольно сильно и ясно. Сленг без сомнения используется в неформальных ситуациях, в которых тоже используется colloquialный бытовой язык, который не является частью стандартного языка. Хотя сленгизмы и colloquialизмы вместе образуют неформальный язык, они не одно и то же. У colloquialного языка существуют элементы стандартного и нестандартного, и он находится ближе стандарту, чем сленг. Лайтер пишет, что сленг неформальный, но не является сленгом все, что неформально (Ibid., 54). Флекснер считает, что сленг на самом деле не существует, кроме как в анализах экспертов. Точнее, он считает, что люди выражаются собственным способом и они не сознают, что они используют сленг, стандартный язык, colloquialизм, и др. Определить какое-то слово как стандартное, сленговое или colloquialное, важно только для экспертов (Ibid.).

Партридж считает, что сленг чаще связан с устной, чем письменной речью. Значит, он появляется прежде всего в устной речи. Таким образом выражается принадлежность к группе, то есть групповой идентитет. Сленг, используемый в письменных дискурсах, также может проявлять

эту функцию, если молодежь его переносит в такой дискурс. Но, если сленг появился в письменной речи благодаря тем, которые его, как правило, не используют, то он на самом деле является стильным выбором и его функция больше не групповой идентитет, а например юмористический эффект, живость, избежание укоренившихся и обычных выражений, характеристика персонажей и др. (Ibid.).

Как уже было сказано, сленг употребляется в неформальных ситуациях. Но, иногда его употребляют в формальных ситуациях, чтобы шокировать и вызвать интерес к говорящему. Показательным является пример бывшего премьер-министра Хорватии, который в публичном дискурсе использовал сленговое выражение, сказав, что страна «*u banani*» (Ibid., 54–55).

Флекснер пишет, что некоторые слова переходят из сленга в стандартный язык (английский язык) и как пример приводит следующие слова: *O.K., jazz, A-bomb*. Сабляк приводит следующие примеры шатровачких слов в повседневном использовании в хорватском языке: *biti nakresan, cvasti, finta, fol, klinac, krimić, maher, mlaznjak, plitak, štos, zezati* (Ibid.: 77).

Когда речь идет о просторечии, языке необразованной части общества, недостаточно владеющей нормами литературного (и стандартного) языка, можно отметить, что на всем протяжении своего существования общий жаргон активно взаимодействует с ним. Существуют слова сленгово-просторечные (а иногда — диалектные) и это преимущественно стилистически сниженная лексика с окраской грубости или фамильярности, например: *надраться, набраться, налимониться, насвистаться, naliti se* — напиться (об алкоголе), *с бодуна* — с похмелья, *вмазать, врезать, žvajznuti* — ударить, *давать, davati, dati* — позволять вступать в сексуальные контакты (о женщине), *кумпол, tikva, tintara* — голова (Ермакова 1999: 10).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО И ХОРВАТСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

В этой части работы мы проведем сравнительный анализ самых важных слов молодежного сленга в хорватском и русском языках. Эти слова часто используются молодежью в повседневной речи, и интересно будет посмотреть, похожи ли хорватские и русские сленгизмы. В качестве отправной точки нам послужит именно диссертация А. Скелин Хорват — *Hrvatski sleng kao odraz identiteta mladih*, в которой находится большое число сленгизмов хорватской молодежи, но и другие источники хорватских и русских молодежных сленгизмов.

В следующих нескольких отрывках можно увидеть русские и хорватские молодежные сленгизмы для слов отец, мать, родители, брат, сестра, преподаватель и разные названия для оценок.

Слова «отас» и «отец» похожи в стандартном хорватском и русском языках, но существуют сходства и в сленгизмах, например, *dadi* и *dad* — английского происхождения, а слова *mator*, *rista*, *star*, *stari*, *starci*, *предок* и *птеродактиль* имеют значение «старый». Слова *ате*, *батар*, *батор* и *батыр* из уголовного мира, тогда как *героин* используется в шутовском значении для многолетнего отца. Слова *padre* и *papito* испанизмы, а слова *brko* и *debeli* указывают на внешние характеристики.

Здесь по видимому много производных вариантов слова «мать» — *amter*, *ma*, *maja*, *majčica*, *majkes*, *majki*, *majko*, *мамрешка*, *махна*, *матуха*, *ма*, *мам*, *мама*, *матерь*, но в хорватском можно найти и пейоративные названия *glupača* и *kurva*. Слово *мать-героиня* обозначает многодетную женщину, а слова *mut(t)er*, *mut(t)i*, *muterica*, *мутер* и *мутерша* варианты немецкого слова «Mutter». Слова *дай* и *дей* из уголовного мира.

Что касается слова «родители», можем заметить сленгизмы как и у слов «мать» и «отец», со значением «старый» — *fosili*, *matori*, *stara puvala*, *starci*, *предки*, *птеродактиль*, *антиквариат*. Интересными словами являются те, которые в принципе обозначают что-то совсем другое — *kontrola leta*, *konji*, *kraljevi*, *pijavice*, *policajci*, и которые являются характеристиками поведения родителей с точки зрения молодежи. Слова *parents* и *принты* являются англицизмами. Фразеологическая единица *шнурки в стакане* значит «родители дома» и она была особенно популярна во второй половине XX века.

Скелин (2009) собрала действительно много сленговых слов, обозначавших брата и сестру, а в русском языке нам удалось найти лишь несколько. *Брата*, *братела*, *брательник*, *братуха* и *сеструха* — производные варианты стандартных слов. Прилагательное *мелкий* используется в значении «младший брат». В хорватском языке молодежь довольно часто использует пейоративные сленгизмы — *glupača*, *glupan*, *idioti*, *kurvini sinovi*, *luđaci*, названия животных — *koza*, *krava*, *majmun*, *mazge*, *stjenica*, *stoka*, *zvjerad*, но и ласкательные слова *braco*, *sestrica*, *seka*. В обоих языках используются англицизмы, например *bradr i sistr*, *brother*, *sister*, *sisterica*, *бро*, а в хорватском языке замечаем и германизм *švesta*.

Слова в этом разделе происходят преимущественно из школьного жаргона, и почти все имеют пейоративное значение: *beštija*, *budaletina*, *krava*, *kreten*, *kuja*, *luđaci*, *peder*, *pedofil*, *rospija*, *smeće*, *zanovijetalo*, *монстр*, *пылесос*, *лягушка*. Некоторые из названий являются вариантами слов «преподаватель» и «профессор», как например: *prof*, *profa*, *profáč*, *profačica*, *profesorka*, *profi*, *profka*, *profko*, *npenod*, а можем заметить и англицизмы *АТАВ* и *tičerica*. Здесь можно заметить и названия школьных учителей-предметников. *Коробка скоростей*, *физец* и *физичка*, *Perpetuum Mobile* — это учитель физики; *кислота*, *колба*, *мистер Икс*, *химуля*,

химоза, *ha dva o* — учитель химии; *Альфа Синусовна, биссектриса, парабола, перпендикуляр, сигма, sinus, kosinus* — учитель математики. Ниже приведем примеры школьных жаргонизмов для обозначения оценок. Сабляк (2013) не приводит названия для тройки и четверки, но мы привели несколько слов, используемых учениками наших школ, например: *ašina, kljuka* (единица), *zlatna sredina* (тройка).

МОЛОДЕЖНАЯ ТУСОВКА

И в русском и в хорватском языках можно найти действительно много сленгизмов, которые обозначают женщину и девушку. В этом разделе приводится целый ряд пейоративных названий — *babetina, droca, fufa, glupača, krava, krpa, kučka, kuja, ofucana, pica, polovnjača, sponzoruša, treba, tuka, zmija, бикса, бляха, давалка, киборг, клави, короста, соска, халява, шалава*, и др. Здесь можно найти и англицизмы *bitch, čiks, fimejlka, gerla, milf, milfica, vutenka, women, бастардка, бычка, герла, гирла, чикса*, и испанизм *мучача*. Что касается слов, которые обозначают красивую и симпатичную женщину или девушку, то можно выделить следующие: *beba, bomba, komad, кока, kraljica, lutka, ljepotica, taca, таčka, mala, манекенка, model, ženskica, ЖМК, бельведерка, гутнистка, чикса, чипса* и др.

Здесь мы видим названия, обозначающие пожилых мужчин: *barba, čiča, deda*; производные варианты слова «čovjek»: *čiča, čokac, čotić, čovac, čovik, čovo*; пейоративные названия *brban, budala, degen, đikan, đubre, idiot, jado, jarac, krelec, majmun, pičkica, papak, seronja, seljak, braj-son, brajo, tetka, бык, глэк, гоблин, голомозый, девочка, додик, кабель*. Кроме того, можно выделить и большое число слов с положительной оценкой: *bombon, car, cukar, frajer, komad, kralj, legenda, macan, ombre, zgodnjak, арнольд, блюминг, изюмчик, кадр, кент, кибальчиш, минор, пара, пельмень, чувак*, и слова с сексуальной коннотацией: *faker, gay, jebač, kurac, kurviš, peder, pičkica, seksić, svodnik, андригон, баба, барсик, бомбардир, главтрах, носорог*.

ДРУГ И ПОДРУГА

Здесь приведем целый ряд разных названий для друга и подруги. У слов *bestica* и *bestićica* в значении «лучшая подруга» тоже английское происхождение. Из английского языка происходят и следующие сленгизмы: *frend, frendica, frendice, frendovi, frendiljo, megafrend, бойфренд*. Это варианты английского слова «friend». Слова *megafrend, кент, кентяра, кореш, корешан, корешок*, обозначают близкого друга, а слово *лапотуха* — близкую подругу. В списке хорватских сленгизмов существует много названий с негативной оценкой, которые используются в ироническом и шутливом значении: *glupača, glupan, jebačica, klošar, konjina, kopitar, kurva, nesrića, pička, pizda, radodajka, vištica*; а в русском языке следующие:

лялька, мочалка, обезьяна. Словом журавль обозначаем верного друга, а словами закадыка, закадычник и закадычица лучшего друга и лучшую подругу.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Скелин (2009) приводит более ста названий для полицейского в хорватском молодежном сленге и большинство из них с негативной оценкой: *bolesnik, budala, derpe, đubre, gamad, mito i korupcija, pandurske pičke, smeće drotovsko*, а в русском языке: *бобик, красноперый, легавый, мент, мусор*. Между названиями можем заметить и те, которые ассоциируются с известными телевизионными сериалами и персонажами: *law & order, lolek i boleak, inspektor Callahan, Sledge Hammer, robocop, štrumpf*. Здесь можно выделить и несколько англицизмов: *ACAB, FBI, men in blue, mister policeman, supercop, turtles, kon*, и германизм *polizei*. Слова *аквариум, амбар* и *гадильник* обозначают место в полиции для задержанных, слово *галдь* начальника отделения полиции, а слова *каклюжник* и *каплюжник* тоже из уголовного мира.

(АВТО)МАШИНА

Здесь можно выделить слова, которые обозначают автомобильные марки: *bmw, fičo, bembáč, bembara, kamatar, merđan, merđo, peglica, stojadin, škodilak, бэмвер, жузулёнок, жидули* (шутл.-ирон.), *жучок* (Фольксваген). Что касается слов для обозначения машин в плохом состоянии — это *kanta, krntija, драча, гроб, железо*. Следующие слова обозначают машину в хорошем состоянии: *kola, makina, mmm zviјeri, mr-cina, nabrijani, pila, zakon, zvir*. *Бабон, ворон* и *воронок* — это милицейская автомашина, а словом *бригантина* обозначаем машину, используемую для совершения преступления, а словом *бугровоз* машину для начальников.

МУЗЫКА И ДЕНЬГИ

В тематической группе музыки находится небольшой список сленгизмов молодежи в обоих языках. Молодежь использует разные варианты слова музыка: *mjuza, mjuzik, mjuzika, mjuzja, music, musique, muzik, muzika, zika, zikica*, музло, музон. Слова *сајке, folk, narodna, repčuga, дити, диси, дискам, дискотня, зеппелиномания, попса, попсина, попятина* обозначают разные виды музыки и разных ее исполнителей. Словом *акустика* обозначаем музыку, исполняемую без использования электронных инструментов, а слова *бомбить, греметь* и *лабать* значат «играть на музыкальном инструменте».

В русском сленге большое число названий для денег, которыми пользуются молодежь, люди уголовного мира, бизнесменов, и почти нет правил, кто использует какое слово. Слова, обозначающие разные валюты — это *ćuna, dinari, euri, evri, keš, kune, lipe, zelembaći, zelenjava, баксы*,

зелень, и др. Слова *money*, *mani*, *toni*, мани, маны, маньки, *прайсы* из английского, слово *soldi/šoldi* из итальянского, слова *geld* и *cener*, из немецкого. Интересными для обозначения денег являются слова *воздух*, *время* и *кислород*, а слова *dekinté*, *dekintiran*, *obezlipljen* значат «нет денег».

ПИТЬ, КУРИТЬ

Тематическая группа глагола «пить» действительно богата разными образными названиями этого глагола, как в русском, так и в хорватском языке, среди которых можно выделить те, которые происходят из английского: *drink*, *drinkavat*, *дринчатъ*, *дрынчатъ*, и многие другие интересные выражения, как например: *piti na brukvu*, *sašiti se*, *oduzeti se*, *играть в бутылбол*.

Вместе с глаголом *бухать* люди используют и специальный жест — щелчок пальцем по горлу. Легенда говорит, что этот жест появился во время царя Петра Первого. Царь Петр Первый в знак особой милости ставил на это место печать простолюдинам, которые давали им право бухать в тракторе бесплатно. Как будто входили они в трактор, щелкали себя по этому месту, и им поэтому бесплатно наливали.

У глагола «курить» тоже много образных названий, которые относятся к курению сигарет и каннабиса (марихуаны). В Хорватии используются англицизмы *smok/smoke*, *smokati*, *smoukat*, и глаголы с неправильным порядком слов *štipu*, *zalitipa*. Здесь можно заметить несколько глаголов образованных от слова дым: *dimiti*, *zadimit*, *дылнуть*.

РЕЧЬ СТУДЕНТОВ

В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Студенческий сленг — это язык, распространенный среди учащихся ВУЗов, и у него все характеристики, как и у молодежного сленга. Поскольку речь идет о ВУЗах, он тоже бытует в городской среде, но граница между социолектами города и деревни теряется, из-за того что сельская молодежь тоже учится в городских учебных заведениях и тесно общается с городской молодежью.

Студенческий сленг, как и другие сленги, развился внутри групп студентов, у которых существуют крепкие общие интересы и им выделяется граница группы. Для сленга вообще нужна система образования и скептицизма к нему, а студенческий сленг развивается именно молодежью в сфере образования.

Итак, Е.А. Хомяков выделяет следующие сленгизмы учебной сферы студенческого сленга (мы добавляем и примеры из хорватского языка): *препод*, *халдей*, *профи*, *prof* — преподаватель, профессор; *дэцл* — доцент; *демон* — декан; *мешок*, *школяр*, *školarac* — школьник; *клякса*, *školarica* — школьница; *слушак* — слушатель подготовительных курсов;

абита, головастик, дух — абитуриент; *буратино, валенок, институтка, кавказская пленница* — студент, студентка; *фдрин, чурка, egzamunovac* — иностранный студент; *индус* — студент индустриального института; *болт* — студент механического факультета; *jezičar* — студент языкового факультета; *bakalar* — студент бакалавр; *дипломник, diplomac* — студент, пишущий дипломную работу; *вторяк, drugaš* — студент второго курса; *вратарь* — вахтёрша в студенческом общежитии; *горничная, čista* — уборщица; *универ, юнивер, faks* — университет; *ака, академка* — академия; *копытка* — ветеринарный техникум; *амбар, аудитка* — аудитория; *байбл* — библиотека; *крысятник, хостёл, дом* — общежитие; *семочка* — семинар; *форточка* — большой перерыв; *дрочить, парить рену* — учить; *мозги* — учебники; *бирка* — студенческий билет; *тупить* — не понимать учебный материал; *допрос, шняга* — экзамен; *мизантроп* — строгий экзаменатор; *всенощная, noćna smjena, treća smjena* — подготовка к экзамену на протяжении ночи; *спрезаться, pasti, tresnuti* — не сдать экзамен; *самонал, šalabahter* — шпаргалка; *крокодил* — шпаргалка на узком листе; *шпорить, prepisivati* — списывать со шпаргалки; *обананиться* — получить неудовлетворительную оценку (Хомяков 2008).

Для студентов (и молодежи) слова *классный, клевый, крутой, прикольный, потрясный, vrhunski, turbo, mega, kul, in, prva liga* значат «хороший», а слова *голимый, фиговый, холуевый, мрачный, bezvezni, bed* значат «плохой», «периятный», *школа* и *универ* «университет», *изба-читальня* «библиотека», *общага* и *дом* «общежитие», *пенсия* и *степуха* «стипендия», а шпаргалка в студенческом сленге — это *шпора, бомба, гармошка, подкладуха* (Береговская 1996: 39).

На некоторых Интернет форумах тоже можно найти списки студенческих сленгизмов и многие из них, конечно, совпадают со сленгом тех, кто не является студентом: *пара, predavanje, sat* — занятие, лекция; *Аляулю* — поезд ушел; *ангельский, ingliš* — английский; *базар, brbljanje* — разговор; *батоны* — кнопки клавиатуры; *все пучком, все фонтаном* — все хорошо; *шнурки* — родители; *окно* — перерыв между парами; *мыло, mejl* — электронная почта; *девочка на шаре, bići na strijeljanju* — студент, отвечающий у доски; *катать* — списывать; *катать вату* — заниматься чем-нибудь бесполезным; *кипиш* — беспорядок; *ковырять шетку, surfati* — искать в Интернете; *прикид, moda* — одежда, манера одеваться; *студень, студак, iksica* — студенческий билет; *лохматить бабушку* — врать, *зачетка* — зачетная книжка, *кирпич* — учебник большого размера.

АНГЛИЦИЗМЫ

В прошлом латинский язык долго был *lingua franca*, языком международного общения для людей, а в настоящее время эту роль играет английский язык. Благодаря такому статусу, англицизмами пользуются люди,

для которых английский не является родным языком. Он входит во все сферы жизни, в том числе в речь молодежи. Интерес студентов к английскому языку связан с возможностью посещения англоговорящих стран, с разработкой новейших информационных и компьютерных технологий, со СМИ и появлением Интернета и с поп-культурой. Заимствования из английского языка охватывают все сферы студенческой жизни: *тичер*, *тичка* (англ. «teacher») – преподаватель; *деп* (англ. «department») – факультет; *инглиш* – английский; *субъект* (англ. «subject») – общее название для всех предметов; *кредитка* (англ. «credit book») – зачетная книжка; *терм* (англ. «term») – семестр; *виндо у* (англ. «window») – окно; *хolidays* (англ. «holiday») – каникулы; *ридинг рум* (англ. «reading room») – читальный зал; *экс* (англ. «excellent») – пятерка; *экзем* (англ. «exam») – экзамен.

Кроме учебной сферы, можно выделить и многие англицизмы, относящиеся к сфере досуга и быта: *пати* (англ. «party») – вечеринка; *микс* (англ. «mix») – тусовка, тусоваться; *поинт* (англ. «appointment») – встреча; *файтинг* (англ. «fighting») – разборка, драка; *дрес* (англ. «dress») – платье; *боты*, *ботиться* (англ. «boot») – обувь, туфли, обуваться; *бэга* (англ. «bag») – сумочка; *литы* (англ. «lips») – губы; *фейс* (англ. «face») – лицо; *тейбл* (англ. «table») – стол. Некоторые лексемы заимствованы студентами из молодежного жаргона, о котором уже шла речь. Это, например, *дринк*, *дринковать*, *дринкер*, *килять*, *френд*, *кисаться*, происходящие от английских слов *drink*, *kill*, *friend* и *kiss*. Студенческий сленг заимствует слова из жаргона компьютерщиков, музыкантов и различных неформальных групп. Итак, в сленге студентов можно услышать следующие англицизмы: *киборда*, *маус*, *месага/месяга/мессаж*, *байкер*, *рок*, *поп*, *драмер*, *клуббер*, *дэнсер*, *шоппер*. Среди лексем с положительной оценкой (имеются в виду наречия и прилагательные, заимствованные из английского языка), можно отметить такие как *грейт*, *файново*, *найсowo* (англ. «great», «fine», «nice»), а к лексемам с отрицательной оценкой относятся слова *бэдово* и *кроватьно*, образованное от английского слова «bad». Кроме того, молодежь часто пользуется англицизмами *LOL*, *OMG* («oh my God»), *BFF* («best friend forever»), и другими.

Говоря о англицизмах в студенческом сленге, мы хотели бы напомнить, что студенты в Задаре не используют так много англицизмов, кроме например следующих слов: *parti*, *frend*, *kiss*, *najs*, *kul*.

ИНТЕРНЕТ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Молодежная речь тесно связана с Интернетом. Почти все молодые люди пользуются Интернетом и хотя бы одной социальной сетью. Пока в Хорватии самая популярная социальная сеть Фейсбук, по данным Коммерсанта в РФ самой популярной является сеть В контакте, а потом Одноклассники и Мой мир, а Фейсбук занимает четвертое место.

Для молодежного социолекта важна его быстрая изменчивость и такое явление, как социальная сеть (от англ. «Social networking service»), также влияет на язык современной молодежи. Социальная сеть и Интернет вообще помогают своим *юзерам* быть в контакте с друзьями, родственниками, которые живут далеко за тысячи километров. Кроме того, социальные сети могут быть настоящими помощниками в работе. Они объединяют людей в группы по интересам, профессиям и хобби, они объединяют единомышленников, позволяют скачать альбомы, фильмы и, благодаря им, человек всегда в курсе всего, что происходит с его друзьями. Кроме плюсов, можно привести и несколько минусов. Социальные сети не способствуют коммуникабельности с глазу на глаз, и человек легко может стать зависимым и потерять мотивацию для работы. Интернет тоже является местом виртуального насилия.

Лексика социальных сетей богата англицизмами, которые зачастую подчиняются законам словообразования русского языка, например: *коммент* — *комментировать*, *френд* — *френднице* — *френдить* — *френдование* — *френдовый*, *спам* — *спамить*, *фейсбук* — *фейсбуковец* — *фейсбукчане* — *фейсбуковский*, *лайкать* — *лайкнул*, и др.

Среди других примеров можно выделить следующие (вместе с моими соответствующими примерами из хорватского языка): *админ* — *admin* (администратор), *аккаунт* — *akount* (совокупность данных пользователя, «account»), *блог* — *blog* (Интернет-журнал), *верификация* — *verifikacija* (проверка), *деактивировать* — *deaktivirati* (отключить аккаунт), *зафрендить* — *frendati* (добавить в друзья; в хорватском языке используется и неанглицизм *dodati*), *лайкнуть* — *lajkati* (нравиться), *логин/логиниться* — *logiranje/(u)logirati se* (вход на сайт или сервис), *ник/никнейм* — *nik* (сетевое имя, кличка), *пост* — *post* (запись, сообщение), *френд-реквест* — *frend rikvest* (по-хорватски чаще *zajtjev*; запрос на добавление в друзья), *фейсбуковец/фейсбукчанин* — *fejsbukovac/fejsovac* (пользователь Фейсбука), *чат/чатиться* — *chat/chatati* (общение пользователей по сети), *шарить* — *šerati* (поделиться), *сельфи* — *selfie* (фотография самого себя), *загуглить* — *guglati* (искать в Google).

Что касается англицизма *сельфи*, появившегося впервые в 2002 году, А. Халоня и Л. Худечек в статье *Pokloni mi svoj selfie* предлагают хорватские слова как замену на *сельфи*: *autofotografija*, *osobnjača*, *samnič*, *samoljubić*, *samosličak*, *samotret*, *seba*, *sebeljubić*, *sebeslik*, *sebič*, *sebičlika*, *sebić*, *seboslik*, *selbić*, *soloslika*, *vlastoslik*, *zrcalka*. Слово *sebić* было лучшим предложением для использования в разговорном стиле, а слово *samoslika* в профессиональной терминологии. Говоря о фотографии, надо отметить, что недавно в Хорватии у молодежи появилось новое шуточно-ироническое слово, обозначающее человека, который на фотографии

делает вид, что работает, а на самом деле — ничего не делает: *kolindirati se*. Слово появилось как ассоциация с президентом Хорватии, которую часто фотографируют в общении с гражданами в СМИ.

Интернет богат и многими сокращениями в речи молодежи, происходящими из английского языка: *2you* («to you»), *4you* («for you»), *OMG* («oh my God»), *LOL* («laughing out loud»), *FYI* («for your information»), *AFK* («away from keyboard»), *B/C* («because»), *F2F* («face to face»), *ILU* («I love you»), *THNX* («thanks»). Смысл этих сокращений — высказать больше информации минимальным количеством единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЛИ РУССКИЙ И ХОРВАТСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГИ И ИХ БУДУЩЕЕ

Сделав сравнительный анализ молодежного сленга в русском и хорватском языках, мы можем заметить, что многие слова одинаковы, особенно когда речь идет о англицизмах в молодежном сленге. С большим количеством сленгизмов такие слова, как мать, отец, родители, брат и сестра, девушка, юноша, женщина, мужчина, полицейский и другие; нам хотелось показать богатое воображение молодежного возраста в создании и формировании новых слов. Для одного слова в стандартном языке у них существует огромное число сленговых синонимов. Посмотрим, например, хорватские сленгизмы для слова полицейский. Скелин (2009) привела более ста названий для полицейского, использованных хорватской молодежью, и, как и предполагается, почти все из них — с негативной оценкой и пейоративные. Слово «деньги» само по себе имеет много сленгизмов в русском языке, в том числе англицизмов. Здесь совпадают названия молодежного мира и уголовного мира. А слова тематической группы «пить», действительно были настоящим сюрпризом — мы знаем, что в русском языке много разных названий этого глагола (это не стереотип, а правда), но получилось, что их больше, чем мы думали. В начале было трудно разделить молодежный сленг на самые важные группы, поскольку их очень много, но нам казалось, что лучше выделить сначала семейный и тусовочный аспекты, а потом сказать немного о сленге хорватских и русских студентов. Мы считаем, что молодежный и студенческий сленг совпадают, то есть студенческий сленг является одной из тематических групп молодежного социолекта. В заключении нельзя было не сказать о молодежном сленге без указания на один из самых важных его видов, — это молодежная речь в Интернете и социальных сетях. Виртуальный мир способствует развитию веера сленгизмов, символов, сокращений, и в нем наиболее очевидным является влияние английского. В будущем будет еще больше разных вариантов молодежного стиля, написания слов и много новых сленгизмов. У молодежи богатое воображение и каждый день она

создает новые слова и выражения вне стандартной лексики. В этом состоит волшебство этого социолекта, некоторые слова теряются, новые слова появляются, одна молодежь взрослеет и уходит, а новая выходит на сцену.

Перевод с хорватского на русский: авторов статьи

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Анищенко О.А.* Генезис и функционирование молодежного социолекта в русском языке национального периода. Москва: «Флинта» и «Наука», 2010.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Москва: «Советская энциклопедия», 1966.
3. *Береговская Э.М.* Молодежный сленг: формирование и функционирование // *Вопросы языкознания*. 1996. № 3 (май–июнь). С. 32–41. Москва: «Наука».
4. *Грачев М.А., Мокшенко, В.М.* Русский жаргон; историко-этимологический словарь. Москва: «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2009.
5. *Елистратов В.С.* Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. Москва: «Русские словари», 2000.
6. *Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.* Слова, с которыми мы все встречались. Москва: «Азбуковник», 1999.
7. *Липатов А.Т.* Сленг как проблема социолектики. Москва: «Элпис», 2010.
8. *Мальцева Р.И.* Словарь молодёжного жаргона. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 1998.
9. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Москва: «Мир и образование», 2011.
10. *Радченко М.* Язык современных российских средств массовой информации. Учебное пособие. Sveučilište u Zadru, 2013.
11. *Флегон А.* За пределами русских словарей. Троицк: ТОО «Рике», 1993.
12. *Хомяков Е.А.* Тематические группы студенческого жаргона (на материале русского и французского языков. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 65. С. 330–334. Санкт-Петербург.
13. *Fabijanić I.* Ruski računalni žargon // *Stolac, D., Ivanetić, N., Pritchard, B. (ur.)*. Jezik u društvenoj interakciji. Str. 155–176. Zagreb–Rijeka: HDPL, 2005.
14. *Poljanec R., Madatova-Poljanec S.M.* Rusko-hrvatski rječnik. Zagreb: Školska knjiga, 1987.
15. *Putanec V.* Francusko-hrvatski rječnik. Zagreb: Školska knjiga, 1974.
16. *Sabljak, T.* Rječnik hrvatskoga žargona. Zagreb: Profil, 2013.
17. *Sabljak T.* Rječnik šatrovačkog govora. Zagreb: Globus, 1981.
18. *Skelin Horvat A.* Hrvatski sleng kao odraz identiteta mladih. Zagreb, 2009.

ИНТЕРНЕТ ИСТОЧНИКИ

1. Алигаджиева Н.У. *Влияние социальных сетей на формирование лексики современной молодежи*. Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». URL:<http://festival.1september.ru/articles/647371> (19.08.2016.).
2. Большой словарь русского жаргона, URL: <http://ojargone.ru> (13.08.2016.).

3. Виноградова Ю. 2008. *На молодежной тусовке*. Электронная библиотека, URL:http://royallib.com/read/vinogradova_yuliya/na_molodegnoy_tusovke.html#0 (29.06.2016.).
4. Жаргон студента. URL: http://studynote.ru/studgid/studylife/gargon_studenta (17.08.2016.).
5. Коммерсант. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1887743> (19.08.2016.).
6. Морозова И.О. *Английские слова в русском студенческом сленге*. Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». URL: <http://festival.1september.ru/articles/414087> (18.08.2016.).
7. Очень по-русски. URL: <http://ochenporusski.com/russian-drinking-slang> (16.08.2016.).
8. Словарь молодежного, компьютерного и другого сленга и жаргона. URL: <http://slanger.ru> (12.08.2016.).
9. Словарь молодежного сленга. URL: <http://teenslang.su/> (14.08.2016.).
10. Студенческий сленг. URL: <http://forum.uspi.ru/index.php?topic=460.0> (17.08.2016.).
11. Rječnik hrvatskog urbanog i stručnog žargona. URL: <http://www.zargonaut.com> (11. i 19.08.2016.).
12. Urbani leksikon zadarske subkulture. URL: <http://zadarplus.com/rjecnik> (11.08.2016.).
13. Večernji list. URL: <http://www.vecernji.hr/knjige/u-potrazi-za-hrvatskom-rijecju-za-selfie-najcesce-se-spominje-sebic-958054> (19.08.2016.).
14. Russia Beyond the Headlines. URL: http://hr.rbth.com/arts/2013/10/10/kupus_limuni_starice_rijec_novac_i_njezini_sinonimi_u_ruskom_jeziku_22671.html (11.08.2016.).
15. Wannabe. URL: <http://wannabemagazine.com/internet-slang-popularne-skracenic> (20.08.2016.).

А.И. ЧИВАРЗИНА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

СИНИЙ ЦВЕТ И ЕГО ОТТЕНКИ В МАКЕДОНСКОМ И АЛБАНСКОМ ЯЗЫКАХ*

Abstract:

Chivarzina A.I. *Blue and its shades in Macedonian and Albanian*

Blue is one of the least used colours in the folk culture, and the lexeme responsible for this meaning is not always clearly defined. However, in the South Slavic and Balkan folk cultures blue is used in the protective magic, within birthmarks ceremonies, funerals and wedding celebrations. Another side of the issue is dark and light differentiation of the colour. Taking into account only the material of the Slavic languages of the Balkan Peninsula one could not turn to this side, however, the neighboring Albanian language distinguishes these shades, and hence, it is possible to find the influence. The article considers the correlation not only in terms of the degree of the lexeme use, but also it considers comparing the meanings of the main lexemes in Macedonian and Albanian.

Ключевые слова: *оттенки синего цвета, цветообозначения, балканские языки, традиционная народная культура, славянские архаические зоны.*

Синий цвет, несмотря на то, что относится к базовым цветам, не представлен широко ни в традиционной культуре, ни в спектре значений лексем по словарным статьям. В сравнении с другими базовыми цветами синий является одним из наименее употребляемых в традиционной культуре балканцев: детали синего цвета используются в защитной магии, при обрядах родин, похорон, в свадебных торжествах, иногда он выступает синонимом черного цвета.

Еще одним интересным моментом выступает дифференциация на темный и светлый оттенок. Материал славянских языков Балканского полуострова свидетельствует о наличии множества различных лексем по диалектам, однако, нет жестко закрепленного деления на синий и голубой. Соседний же албанский язык различает эти оттенки на уровне базовых цветов, что по данным Берлина и Кея¹ присутствует лишь у небольшого процента языков мира.

Традиционное значение для обоих языков лексем ⁺*син* и ⁺*blu* — цвет неба. Когнитивной зацепкой при определении синего/голубого цвета выступает небо и его цвет в ясную погоду. В македонском языке имеется лишь одна лексема для обозначения оттенков этого спектра — *син*.

* Авторская работа выполнена при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373

Отсутствует однословное наименование для светлого тона синего, этот оттенок обозначается производными от *син-* суффиксальным способом (*синкав, синкаст*) или сложными прилагательными типа *светлосин, небесно-син*:

Најдоброто кај оваа боја е што таа има многу нијанси, од нежно бледо сина, до темно сина како морето, па на вашата свадба може да и дадете и гламурозен но и екзотичен акцент. [Самое лучшее в этом цвете то, что у него много оттенков, от нежного бледно-синего, до тёмно-синего, как море, и вашей свадьбе вы сможете придать не только гламурный акцент, но и экзотический]².

Албанский входит в ограниченное множество языков, различающих синий и голубой как базовые цвета. В рассматриваемом языке имеется специальная лексема *i, e kaltër* для обозначения голубого цвета. Однако в просторечии носители нередко используют лексемы *blu* и *kaltër* в качестве синонимов, в то время как нормативные словари не дают перекрестных отсылок, а, напротив, приводятся примеры противопоставления.

В словарных толкованиях лексем *син, blu* и *kaltër* при сравнении с небом авторы прибегают к уточнениям:

Син adj 1. *што има боја на ведро небо.* «Цвета ясного неба»³;

Blu mb. *Që ka ngjyrë qielli të mbyllur.* «Цвета мрачного неба»⁴;

Kált/ër (i, e) mb. 1. *Që ka ngjyrën e qiellit të kthjellët.* «Цвета ясного неба»⁵.

Синий/голубой цвет неба — не его постоянный признак, но особенность восприятия человеческого глаза, кроме того, небо может быть покрытым тучами, серым. Поэтому в толковых словарях рассматриваемых языков в словарных статьях *небо* не встречается упоминание конкретного цвета.

Мы предполагаем, что лексема *i, e kaltër* появилась в языке раньше *blu*, поэтому долгое время выполняла функцию обозначения и синего цвета тоже. Об этом свидетельствуют многократные неточности или «неверное» употребление с точки зрения литературной нормы. В словаре синонимов⁶ эти два слова не встречаются в списках взаимозаменяемых слов, нет их и в примерах синонимов толкового словаря Албанской Академии Наук⁷. И тем не менее, их значение разделить непросто. По словарям и синий, и голубой характеризуются как *që ka ngjyrë qielli* «имеющие цвет неба», и только уточнения *i mbyllur* ‘закрытый’ — для синего, и *i kthjellët* ‘очищенный, ясный’ — для голубого, дают представление, как различать эти цвета. Но и здесь есть исключения:

Në vend të ngjyrës së bardhë, së zezë, le të jetë ndonjë ngjyrë më e çelur si e verdhë apo e kaltër e mbyllur. [Вместо белого и черного цветов, пусть будет другой броский цвет, как желтый или синий (темно-голубой)]⁸.

При этом следует отметить, что *i*, *e kaltër* чаще заменяет *blu*, нежели наоборот.

Выражение *голубая кровь*, в значении ‘благородное происхождение’, по-албански может быть как с *i*, *e kaltër*, так и с *blu*.

Zemra jote Princesh e madhe ka gjak të kaltër Fisnikërie. [В вашем сердце, великая Принцесса, течёт голубая кровь Дворянства]⁹;

или

Kjo familje fisnike shqiptare me gjak blu kishte zotërimet nga Vlora (Valona) në perëndim, kufizohej në liqenin e Ohrit në lindje dhe përfshinte në veri lindje Krahinën e Mokrës. [Эта благородная албанская семья голубых кровей имела владения у Влеры (Валоны) на западе, на границе на озере Охрид на востоке и на северо-востоке провинции Мокра]¹⁰.

И все же, несмотря на все противоречия и примеры несловарного употребления, эти две лексемы нельзя свести к одному значению еще и потому, что есть случаи противопоставления в одном контексте:

E ndersa kete te fundit e mendon te kalter apo blu, ne te vertete kete here ishte jeshil dhe kjo per shkak te bojes ne kete ngjyre, te hedhur ne te. [И только в самом конце задумается голубая она или синяя [вода], хотя на самом деле стала зеленой от красок всех цветов, что слились в нее]¹¹.

В пособиях для детей про цвета радуги голубой и синий даются последовательно: *Ylberët janë në formë harku dhe kanë shtatë ngjyra vezulluese, që renditen: e kuqe, portokalli, e verdhë, e gjelbër, e kaltër, blu dhe vjollcë.* [Радуга в форме арки и мерцает семью цветами, которые следуют: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый]¹².

Для обозначения оттенков синего в македонском языке, а также в его диалектах на месте лексемы *син* могут употребляться следующие слова: *модар* (прасл. **madrъ* — с неясной этимологией)¹³, *мави* (тур. *mavi* ‘синий’)¹⁴, *плав* (прасл. **polъ* ‘светлый, синий’¹⁵ или прасл. **polвъ* ‘светло-желтый, блеклый’¹⁶), *чивит* (тур. *fivit* наряду с *ffit*)¹⁷, *азурен* (тур. *lacüverd* ‘лазурит’)¹⁸, *тегет* (по имени австрийского адмирала Вильгельма фон Тегетгофа)¹⁹.

В албанском языке помимо основных лексем *blu* / *i*, *e kaltër* встречаются *i*, *e murrët* (пр.-алб. **mura* связь с лит. **muras* ‘грязь’)²⁰, *bojëqielli* (букв. алб. ‘цвет неба’), *i*, *e bruztë* (пр.-алб. **brudja* ср. со слав. **brudъ* ‘грязный’)²¹, *mavi* (тур. *mavi* ‘синий’)²², *i*, *e rimtë* (*rrimtë*, *rrime* < старобретон. *uurm* ‘темный (о цвете)’)²³.

1. Прямое значение отражается не только в сравнениях с небом, так же встречаются обороты: *како море* / *si deti* ‘как море’, *како езеро* ‘как озеро’, *si lumi* ‘как река’:

Авантюрин. Обоеност: Светло сина, како морска вода. [Авантюрин. Цвет: Светло-синий как морская вода]²⁴;

Eh kush ta mori o eren tane, oh ma e mira o prej Sarande.. Oh moj sy kaltra si deti joni, te vjen era lule limoni... [Кто тебе дал этот запах, о красавица Саранды... О дорогие глаза, голубые, как Ионическое море, ты пахнешь как цветок лимона]²⁵;

Mbifundi zakonisht edhe në ngjyrë kuq e zi si flamuri shqiptar dhe me pak të gjelbër si Alpet e Shqipërisë apo blu si deti Jon. [Фартук обычно красно-чёрный как албанский флаг, или иногда с зелёным цветом, как албанские Альпы, или синим, как Ионическое море]²⁶.

Такие примеры свидетельствуют о представлении о воде как жидкости, имеющей постоянный цвет. (Известно, что это не так, вода открытых больших морских пространств, таких как море, озеро или тем более океан, отражает небо, и поэтому кажется синей, а вода, например, рек может быть от лазурно-голубого цвета до зелёного и черного, в зависимости от примесей, дна и растительности)²⁷. Компаративные обороты с *водой* являются устойчивыми в языке, потому что вода как важная составляющая жизни человека используется ежедневно в быту и сравнение с водой всем носителям понятно и близко.

Также широко распространены образные выражения через сравнения с камнями: *si kristal* ‘как хрусталь’, *како сафир* ‘как сапфир’, сравнения с различными цветущими растениями синего/голубого цвета:

Hejzinata rusa коса беше со локни кои паѓаа на nejzinite раменици, nejzinite очи беа сини како некои цветови. [Её волосы локонами падали на плечи, а глаза были синими как цветы]²⁸;

Dielli përbaltet në guaska/ Të gjera si vaska/ Plot llurbë të trashë e të gjelbër/ Dhe luspa të kaltra, si qelqe/ Të përkulshme e të ngulshme./ Korale gungaçe e të nxira,/ Lule bishtgjata e të shtrira/ Litarë në qafa statujash. [Солнце, испачканное в ракушках,/ широких, как ванночки,/ раковины полные зелёной тины/ и рыбьей чешуи, голубой, как стекло/ разбитое и острое,/ лохматые кораллы,/ длиннохвостые цветы,/ лежащие на статуях, как веревки]²⁹.

2. В качестве одного из значений македонской лексемы *син* отмечают оттенок кожи (2. *што има синкаста боја поради студ, страв, бес, умн* [синеватый от холода, страха, ярости и т.д.])³⁰. Подобного толкования к базовым лексемам *blu / i, e kaltër* нет в албанских словарях, как и не находится подтверждений в контекстах. Однако для албанского языка можно привести примеры с глаголом от прилагательного *mavi — mavijos*. Что, с одной стороны, свидетельствует о тесном контакте балканских языков, в частности с турецким, а с другой — наводит на мысль, что позднее заимствование из итальянского *blu* не покрывает еще этого значения, а *i, e kaltër* не выработало его, возможно, ввиду своей семантики (ром. **calthinus* ‘желтый, желтоватый’)³¹.

Само Танаско Мойсојчин беше отишол еднаш да го бара по долапите, но нокта само што беше легнал да спие и кога беше го нагазило едно сенчиште — одвај душа спасил. Утрото кога станал бил син како џигер. [Только Танаско Мойсойчин пошел было однажды искать его по шкафам, но ночью, только он лег спать, как навалилось на него привидение — еле душу спас. Наутро, когда встал, был синий как печенка]³².

Të ftohtët ia mavijosi duart e fytyrën. [Замерзшие руки и лицо синеют]³³.

3. В современном языке есть устойчивые выражения для наименования правоохранительных органов, такие как *сини шлемови / kaskat blu* ‘голубые шлемы’, *efektivat blu* ‘«синие», члены организации’, *uniformat blu* ‘синие мундиры’, *сина зона / zona blu* ‘синяя зона парковки’, *син картон* ‘формуляр, история болезни’, также широко распространен вариант с сербизмом *платви: платви картон*. В подобных конструкциях албанского языка используется по преимуществу новая лексема, созвучная аналогичным в европейских языках, откуда и пришли эти выражения.

Електронската здравствена картичка, како што се наведува, во прв момент ќе значи укинување на сини картони, а потоа и на хартиената здравствена легитимација. [Электронная медицинская карточка, как сообщается, во-первых, означает отмену синих карточек, а потом и бумажной медицинской документации]³⁴.

Збогум хартиени здравствени книшки и платви картони, добредојде електронска. [Прощайте бумажные медицинские книжки и синие карточки, да здравствует электронная]³⁵.

Pas kontrollit të bërë, efektivat blu kanë konstatuar se 38-vjeçari i kishte dhënë fund jetës duke u vetëvrrarë me pistoletë. [После расследования, синие ряды установили, что 38-летний гражданин покончил жизнь самоубийством, застрелившись из пистолета]³⁶.

4. Помимо этих значений, отраженных в словарях, можно найти употребления весьма специфические. Для обозначения неясных сероватых оттенков шерсти животных в славянском языке, в том числе в переходной зоне диалектов македонского и сербского, используются лексемы корня *мур-* ‘серый, неясного цвета, темный’ (ср. мак. *мургав* ‘темного цвета кожи’, диал. серб. *мурва*, мак. *муренка* — ‘тютюна’, либо диал. серб. *мургаст* — ‘темно-оливкового цвета’: диал. мак. *муриа* (Прилеп)³⁷ — ‘осел серого цвета’, диал. серб. *мурес* (Радовница)³⁸ — ‘темный’, диал. мак. *мурган* (Прилеп)³⁹ — ‘темный’ и т.д.) и *голуб-* (диал. серб. *голубаш* (Бойин Дел) — ‘козлик голубоватой, серой шерсти’, диал. серб. *голубаша* (Бойин Дел)⁴⁰ — ‘коза голубоватой, серой шерсти’, диал. серб. *голупка* (Доньи Стайевац)⁴¹ — ‘овца голубоватой, серой шерсти’ и др.). В соседнем албанском используется тот же корень *murr-*, а также прилагательные *i, e murtë*

(‘темный, серый’ связано с *i, e murrët*)⁴², *murg, murgash* (‘темный, серый’ связано с лит. *márgas* ‘разноцветный’, *mĩrguóti* ‘сверкать, светить’)⁴³ для определения цвета шерсти коня (ср. *murrak* ‘конь темной масти’). Словарь характеризует этот цвет также нечетко как темный, черный или коричневый. Здесь можно привести в пример замечание Т. В. Цивьян о коровах «василькового» цвета⁴⁴ или слово *голубь* для наименования птицы серого цвета⁴⁵, или корень *плав-*, выступающий, с одной стороны, в качестве базового цветообозначения для ряда синих оттенков в сербском языке и его диалектах, с другой, — восходящий к и.-е. корню для обозначения блестящего, ярко⁴⁶ и используемый для передачи оттенков светлых волос.

Kuajt mund të jenë me ngjyra të ndryshme. Duke marrë parasysh ngjyrën e qimeve marrin edhe emra të tillë siç janë vranç, gjok, larosh, murrak, allç. [Лошади могут быть разного цвета. По цвету шерсти они бывают вороными, белыми, пегими, темными, рыжими]⁴⁷.

Македонский материал народной культуры невозможно рассматривать в отрыве от южнославянской традиции в целом, особенно это касается архаической зоны македонско-сербско-болгарского пограничья, где сосредоточены не только переходные говоры этих языков, но и сохраняются уникальные явления в области духовной культуры. Если мы рассматриваем синий цвет в контексте южнославянской традиции, то он наравне с черным воспринимается как цвет смерти и траура, ассоциируется с мрачным загробным миром и мифическими существами потустороннего мира⁴⁸, например, в синих одеждах приходят *наречници*, демоны судьбы⁴⁹. В похоронном обряде синий может выступать также синонимом черного⁵⁰, будучи используемым в траурной одежде⁵¹ или в элементах свадебного наряда невесты, также символизируя временную смерть и «переход» человека из одного статуса в другой: на территории Македонии это темно-синяя безрукавка невесты - *морно цубе*⁵², в Болгарии — специальное синее платье *власеник* (р-н Петрича)⁵³. Не только в традиционной культуре, но и современном употреблении сохраняется оттенок значения чего-то темного, таинственного:

Сината е една од најпопуларните бои, таа симболизира отменост, мудрост, доверба и лојалност. Но исто така и осаменост и тага. [Синий — это один из самых популярных цветов, символизирует изысканность, мудрость, доверие и лояльность. Но в то же время одиночество и печаль]⁵⁴.

Сината боја во сонот, исто така може да означува и тага. [Синий цвет во сне может также означать и печаль]⁵⁵.

Одновременно синий выполняет функции оберега в народной магии и медицине. В Македонии, в Кратове беременные женщины опоясывались тканью из синего полотна с зашитым с краю ежевичным семечком⁵⁶,

а невесты могли надевать бусы или нити синего цвета также в качестве оберега от сглаза⁵⁷. Иногда, например, влетают в мартеницу синюю (черную) нить (Софийский, Мелкинский р-ны Болгарии, Охрид)⁵⁸.

Элементы синего цвета активно используются в ритуальных предметах родинного обряда албанцев Буджука: это могут быть нити или бусы синего цвета, платок роженицы или фартук на повитухе, а также утрированное использование синьки *чивит* (алб. будж., алб. приаз. *çiv'it*)⁵⁹.

В рассматриваемых балканских культурах синий цвет используется в защитной магии, в обрядах родин, похорон, в свадебных торжествах, часто как синоним черного цвета и со значениями, приписываемыми в народной культуре именно черному. Это также подкрепляется этимологией, возводящей, например, славянскую лексему *син* к и.-е. корню **çyātás* 'черный, темный'⁶⁰. Синяя краска редко встречается в деталях македонского костюма, за исключением магических оберегов. Напротив, соседний албанский народ активно использовал этот цвет в национальной одежде. В одних южных районах Албании предпочитали светло-синий (голубой), в других — насыщенный синий цвет⁶¹. Использование цвета в защитной магии нельзя объяснить этимологией базовых албанских лексем, поскольку на диахроническом уровне обе возводятся к одному значению, противоположному «темному» (ср. *i, e kaltër* — и.-е. **ghel-* 'желтый'⁶² и *blu* — и.-е. **bhlē-wo-s* 'светлый, желтый, голубой'⁶³). Но при номинации тех или иных реалий, относящихся к магии, в албанской культурной традиции используются общебалканские лексемы: *çivit, mor* (ср. мак. *чивит, модар*), что свидетельствует о глубоком взаимном влиянии культур, не только на уровне предметного кода, но в вербальном выражении понятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Los Angeles, 1969.

² Boza.mk. <https://boza.mk/2014/shto-znachi-bojata-shto-ste-ja-izbrale-za-vashata-svadba/> (дата обращения 06.06.2017).

³ Мургоски З. Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. С. 741.

⁴ Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Kryeredaktor Androkli Kostallari. Tiranë, 1980. F. 157.

⁵ Там же. F. 768.

⁶ Fjalor sinonimik i gjuhës shqipe. Drejtyar dhe redaktuar nga Ali Dhrimo. Tiranë, 2002. F. 41, 171.

⁷ Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Kryeredaktor Androkli Kostallari. Tiranë, 1980. F. 157, 768.

⁸ Telegrafi.com. <http://telegrafi.com/ngjyrat-e-pranveres-2/> (дата публикации 12.04.2011; дата обращения 06.06.2017).

- ⁹ Poezi Nga Poetë të Ndëshëm. Zero Cool. Ngopur me zjarr. <http://www.dardania.de/vb/upload/showthread.php?p=2085999> (дата обращения 06.06.2017).
- ¹⁰ Zemra Shqiptare, P. Prifti «Shënjtorja Ortodokse Shqiptare» http://www.zemrashqiptare.net/news/id_19243/rp_0/act_print/rf_1/Printo.html (дата публикации 31.12.10; дата обращения 06.06.2017).
- ¹¹ «Na ishte dikur, një liqen në Tiranë». <http://www.arkivalajmeve.com/Na-ishte-dikur-nje-liqen-ne-Tirane.245858/> (дата публикации 19.05.09; дата обращения 08.06.2017).
- ¹² Ngjyrat e ylberit // Shtëpia botuese Albas 2011. F. 18–19.
- ¹³ Български етимологичен речник / съст.: В. И. Георгиев ; съст.: [и др.], Българска акад. на науките, Ин-т за български език . М., 1971–2010. Във 6 т. С. 203.
- ¹⁴ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1973. У 3 т. С. 393.
- ¹⁵ Там же. С. 679–680.
- ¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 313.
- ¹⁷ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1973. У 3 т. С. 330.
- ¹⁸ Там же. С. 80.
- ¹⁹ Шурилова В. Голем лексикон на странски зборови и изрази. Скопје, 2001.
- ²⁰ Orel V. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 279.
- ²¹ Там же. P. 38.
- ²² Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1973. У 3 т. С. 393.
- ²³ Orel V. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 372.
- ²⁴ Својства на кристалите: Авентурин. http://www.mkrubin.com/Kristali_svojevstva.html (дата публикации 2010; дата обращения 28.06.2017).
- ²⁵ Skyrock. <http://lola-shqipe-x3.skyrock.com/2103976805-Askush-nuk-te-pyet-kush-ishe-Veq-kush-je-Nuk-duan-ta-din-qfar-kishe.html> (дата публикации 30.10.2008; дата обращения 28.06.2017).
- ²⁶ Jeleke te zinj per Skenderbeun. <https://www.shqiperia.com/Jeleke-te-zinj-per-Skenderbeun.10235/> (дата публикации 21.03.2011; дата обращения 28.06.2017).
- ²⁷ Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291.
- ²⁸ Интересен текст. «Луѓе со црвени ружи — Поучна приказна». <https://forum.femina.mk/threads/Интересен-текст.2138/page-19> (дата публикации 14.04.2013; дата обращения 28.06.2017).
- ²⁹ Refluksu. <http://somnambulimica.blogspot.ru> (дата публикации 12.02.2008; дата обращения 28.06.2017).
- ³⁰ Мургоски З. Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. С. 741.
- ³¹ Orel V. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 166–167.
- ³² Симјановски С. Чесно дрво. (1972) // Македонски краток расказ: раскази од конкурсот за краток расказ на Нова Македонија / (редактори Валентина Димитровска, Мишел Павловски). Скопје, 2004. С. 51–54.
- ³³ Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Kryeredaktor Androkli Kostallari. Tiranë, 1980. F. 1072.
- ³⁴ <http://mkd-news.com/knishkite-i-sinite-kartoni-zaminuvaat-vo-istorijata-od-septemvri-elektronski-zdravstveni-knishki/> (дата публикации 18.07.2012; дата обращения 28.06.2017).

- ³⁵ http://www.fakulteti.mk/news/12-07-18/zbogum_hartieni_zdrastveni_knishki_i_plavi_kartoni_dobredojde_elektronska.aspx (дата публикации 18.07.2012; дата обращения 28.06.2017).
- ³⁶ Gazeta Shqiptare. <http://www.gsh.al> (дата публикации 20.11.06; дата обращения 28.06.2017).
- ³⁷ Собственные записи автора.
- ³⁸ *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање, 2014. С. 393.
- ³⁹ Собственные записи автора.
- ⁴⁰ *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање, 2014. С. 114.
- ⁴¹ Там же. С. 114.
- ⁴² *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 278.
- ⁴³ Там же. P. 278.
- ⁴⁴ *Цивьян Т. В.* Дискуссия после доклада Н.Г. Голант // Троица. Rusalii. Певтѣко-стѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре (Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года). М., 2013. С. 43.
- ⁴⁵ *Василевич А.П., Мищенко С.С.* Синий, синий, голубой... // Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2011. С. 47.
- ⁴⁶ *Василевич А.П., Мищенко С.С.* Синий, синий, голубой... // Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2011. С. 46.
- ⁴⁷ *Kuajt, kafshë të bukura dhe mëncura* — <http://naki.newdiscussion.net/t5186-kuajt-kafshe-te-bukura-dhe-te-mencura> (дата публикации 07.11.2012; дата обращения 28.06.2017)
- ⁴⁸ *Белова О.В.* Синий цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2009. Том 4 (П–С). С. 640.
- ⁴⁹ *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 248.
- ⁵⁰ *Чиварзина А.И.* Символика цвета в македонской похоронной обрядности // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2016. С. 453–459.
- ⁵¹ Извори за българската етнография. Етнография на Македония. Материали од архивното наследство. София, 1998. Том 3. С. 269
- ⁵² *Петреска В.* Свадбата како обред на премин кој македонците од брџачката етнографска целина. Скопје, 2002. С. 118.
- ⁵³ *Узенџева Е.С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010. С. 66.
- ⁵⁴ *Рафајловски Г.* Боите на профилот. <http://biznis101.mk/razvivaj-biznis/promeni-vo-biznisot/163.html> (дата публикации 11.06.2011; дата обращения 29.06.2017).
- ⁵⁵ Боите во сонот и нивното значење. <http://www.kafepauza.mk/zanimlivosti/boite-vo-sonot-i-nivnoto-znachenje/> (дата публикации 09.11.2011; дата обращения 29.06.2017).
- ⁵⁶ *Белова О.В.* Синий цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2009. Том 4 (П–С). С. 640.
- ⁵⁷ *Петреска В.* Свадбата како обред на премин кој македонците од брџачката етнографска целина. Скопје, 2002. С. 268.
- ⁵⁸ *Плотникова А.А.* Мартеница // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Том 3 (К–П). С. 188–190. *Белова О.В.* Синий цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2009. Том 4 (П–С). С. 641.

⁵⁹ *Дугушина А.С.* Родинная обрядность албанцев Буджука и Приазовья (XX — начало XXI в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2016. С. 151, 166–167).

⁶⁰ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 624.

⁶¹ *Новик А.А.* Краситель — краска — цвет — свет в одежде и традициях албанцев // Балканский спектр: от света к цвету. М., 2011. С. 71–76.

⁶² *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 166–167.

⁶³ *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2 Bde. Bern-München, 1959, 2005. Электронный ресурс: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/index.htm> (дата обращения 01.07.2017).

А.А. ПЛОТНИКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

О ЛЕКСИКЕ СТАРООБРЯДЦЕВ РУМЫНИИ В ИСТОРИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ*

Abstract:

Plotnikova A.A. *On the vocabulary of the Old Believers of Romania in historical-comparative retrospective*

The article deals with the vocabulary of the traditional folk culture of Old believers who moved to the Danube and in other regions from the Russian Empire since the late seventeenth century, and later in the XVIII–XIX centuries as a result of religious persecution. The study is based on own field data collected in language and folk traditions of old believers in Dobrogea in Romania (2006–2013). A contrastive analysis of the Lexis of the Dictionary of Russian Academy (1789–1794) reveals the lexical units that are almost not changed due to the fact that the old believers were during three centuries in linguistic, cultural and religious isolation. It is determined that a number of the lexical units are not fixed in the Dictionary of the late eighteenth century, for various reasons, including the concept of the dictionary, and there is also the vocabulary that is presented in the Dictionary, but not recorded during the field work among the old believers in the isolated enclave. Semantic changes and new connotations that have developed in the new conditions of the existence of the so-called lipovan language of the Danube region are traced.

Ключевые слова: русский язык в анклав, старообрядцы Добруджи, лексика традиционной народной культуры, лексикография, Словарь Академии Российской, история языка, диалектология, семантика, культурный контекст.

В статье делается попытка выявить соответствия между русской народной лексикой, бытующей в настоящее время у старообрядцев Добруджи в Румынии, и той, которая представлена в Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. (далее — САР) во всем объеме последней. Старообрядцы, переселявшиеся из Российской Империи за Дунай и в другие регионы начиная с конца XVII в. в результате религиозных гонений, сохранили народную традицию прошлого, а вместе с ней — целый ряд лексем в своем диалекте, давно потерянных или изменивших свою семантику в современном русском литературном языке. Исследование базируется на собственных полевых данных по языку и народной культуре, собранных у старообрядцев в румынской Добрудже в 2006–2013 гг. Как правило, это диалектные тексты различных жанров, показывающие контекст функционирования у старообрядцев той или иной лексической единицы. В результате предпринятого исследования обнаруживается связь этих нарративов с культурным, языковым и историческим контекстом XVIII в., известным сегодняшнему филологу, в частности благодаря

первому Словарю Академии Российской 1789–1794 гг. Лексикографические труды разных эпох до сих пор могут служить своеобразным зеркалом идей, образов и реалий, что для первого академического словаря русского языка особенно показательно. Синхронный лексический срез, отраженный в САР, сопоставим с той лексикой, которая оказалась «законсервированной» в русском говоре староверов, образующих сейчас анклав в Юго-Восточной Европе.

Словарь Академии Российской как некий итог происходивших в русском языке XVIII в. языковых и научных событий отразил и идеи этой новой эпохи — эпохи Просвещения (подробнее о лексикографической концепции словаря см. [Плотникова 2000: 10–15]). В. М. Живов в своей книге «Язык и культура в России XVIII века» неоднократно обращался к САР, показывая, в частности, противостояние светской и духовной традиций в языке. Так, в разделе «Секуляризация славянизмов и противостояние светской и духовной традиций»² Живов приводит две заглавные статьи словаря — *знак* и *знаменье*, отмечая, что в САР они всё еще «выступают как частичные синонимы» (Живов 1996: 503; САР III, стб. 99, 105), «причем первое значение слова *знаменье* толкуется именно как ‘знак, означение, доказательство’. В XVIII же столетии, однако, происходит дифференциация в употреблении этих слов, соответствующая их переосмыслению как противопоставленных генетически (и отразившаяся, в частности, в примерах, приводимых САР), — славянизм *знамение* выступает преимущественно для обозначения церковных понятий, тогда как русизм *знак* применяется к явлениям светской сферы; показательно, что в Словаре 1847 г. *знамение* уже имеет помету “церковное” (СЦРЯ, II, 92). Соответственно, приложение слова к профанным феноменам воспринимается как употребление его в секуляризованном значении и интерпретируется как кощунственное...». Даже рассматривая только этот пример В.М. Живова в применении к русскому (или «липованскому») языку старообрядцев Румынии, можно заключить, что для рассматриваемой традиции русского анклава существующее противопоставление светский / церковный оказывается несколько стертым, поскольку для старообрядцев Добруджи в Румынии (или липован) характерно органичное вплетение «церковных» слов в язык повседневности. Это связано с очень бережным отношением к так называемому «славянскому» языку, под которым подразумевается язык богослужения.

Предпринятое нами исследование проводится с опорой на ряд ключевых лексем — заглавных слов САР, важных для старообрядческой народной культуры, сохраняющей до сих пор реликты прошлого. Имеет смысл составить следующее деление интересующей нас словарной лексики:

I. Совпадающая со старообрядческой в Румынии.**II. Отсутствующая в САР, но зафиксированная нами в текстах у старообрядцев.****III. Имеющаяся в САР, но отсутствующая у старообрядцев.**

Обратимся к разным тематическим разделам лексики в САР, посвященным традиционной народной духовной староверческой культуре, и у старообрядцев Добруджи в Румынии исходя из имеющихся в нашем распоряжении диалектных текстов³.

В рамках первой части (**I. Совпадающая со старообрядческой в Румынии**) выделяются лексико-тематические группы:

1. Религиозная, этноконфессиональная и этносоциальная лексика.

2. Лексика материальной культуры; растительного и животного мира; метеорологии и под.

а) Относящаяся к полузабытому сегодня для нас народному быту, в прошлом составляющем неделимое целое с конфессиональной составляющей (*божница, кичка, свивальник* и т.д.).

б) Названия растений, животных, географических реалий и других частей окружающей природы.

3. Лексика духовной культуры.

а) Из области семейной обрядности:

- родины;
- свадебной;
- похоронной.

б) Из области народного календаря.

в) Из области народной медицины и народной мифологии.

Что касается второй части (пункт: **II. Отсутствующая в САР, но зафиксированная нами в текстах у старообрядцев** лексика), то ряд обнаруженных явлений связан с концепцией словаря, а некоторые — с возможным происхождением большей части староверов румынской Добруджи из южнорусских областей, т. е. периферийной областью России на тот момент.

В последнем случае (**III. Имеющаяся в САР, но отсутствующая у старообрядцев**) интересно рассмотреть причины отсутствия ряда лексем в русском говоре румынской Добруджи, что, возможно, указывает на первичную территорию расселения староверов, т. е. на их происхождение.

По мере анализа разных тематических групп лексики необходимым становится учитывать принципы создания САР, которые имеют большое значение при представлении в словаре заглавных слов — лексических единиц. С другой стороны, следует принимать во внимание историко-культурный фон существования старообрядцев в румынской Добрудже.

Заселение Добруджи (тогда еще турецкой) старообрядцами началось в самом конце XVII — начале XVIII в., предполагается также, что первыми пришедшими в Добруджу старообрядцами были некрасовские казаки, спасавшиеся после поражения Булавинского восстания в 1709 г. Об этом свидетельствуют остатки боевых укреплений и рвов вокруг крупнейшего села Сарикёй в Добрудже, которое, как считают сами старообрядцы, представляло крепость казаков Игната Некрасова. Село Сарикёй располагается на берегу озера (лимана) Разим, которое местные жители называют также Разин, что, по мнению местных историков, не случайно, а связано с основной казаческой составляющей населения. После того как самые первые казаки-старообрядцы пришли в Добруджу, сюда же стали стекаться гонимые староверы из разных краев Российской империи (предполагается волнообразное заселение территории старообрядцами), в том числе «филипповцы», или «филипоны», из Ветки (Стародубье), видимо, давшие название всей группе — липоване (рум. *ruși-lipoveni*), откуда и термин «липованский язык»⁴.

И.1. В этом разделе отмечается лексика, связанная с определением самого движения старообрядчества: *Попóвщина, Беспопóвщина*⁵, *Правосла́вный, Язычникъ*.

Так, САР содержит большое гнездо дериватов, связанных с определением «идолопоклонничества», как это явление определяется в словаре:

«*Язычникъ*, ка. с. м. *Язычица*, цы. с. ж. 1) Идолопоклонникъ; также иноплеменникъ, иновѣрецъ. 2) <...> 3) <...>»; И далее: *Языческій; Язычески, Язычество, Язычествую*: «Идолопоклонствую, въ язычествѣ живу» (САР VI: ст. 1039).

Из определения ‘идолопоклонник = иноплеменник’ следует, что иная вера практически не отделяется от иного этноса⁶.

И.2. а) Лексика материальной культуры, обозначающая реалии, связанные с конфессиональной составляющей и отраженные в САР, у старообрядцев румынской Добруджи до сих пор является частью активного лексического фонда (например, *Божница, Кичка, Свивальникъ*)⁷.

И.2. б) Отраженные в САР названия растений, животных, географических реалий и других частей окружающей природы, известные в «липованском» языке как единственные (или основные) их обозначения, тогда как в настоящее время их можно отнести только к диалектным лексическим единицам русского языка. В этой связи любопытна концепция диалектных слов в САР.

«*БУСЕЛЬ*, ли. с. ж. Птица. См. А и с т ь» (САР I: ст. 392).

Здесь лексема представлена без каких-либо помет диалектного характера. Однако известно, что в настоящее время слово распространено

только на юго-западе русской территории, а также в теперешней Белоруссии и на Украине, например в Полесье, занимающем часть России, Белоруссии и Украины.

«**ЕРИКЪ**, ка. с. м. На низовой Волгѣ и по берегамъ Каспійскаго моря такъ называютъ небольшіе ручьи. *Горкой ерикъ. Соленой Ерикъ*» (САР II: ст. 1013–1014).

Это пример одного из тех слов, которые снабжены географическими пометами, что в данном случае дает возможность указать на место первичного проживания старообрядцев, переселившихся из России в Добруджу в XVII–XVIII вв. В целом же диалектная лексика в словаре представлена эпизодически, иногда она сопровождается географическими пометами (как в случае с ЕРИКЪ), иногда нет (как в предыдущем случае с БУСЕЛЬ). Кроме того, возможна ситуация, когда с пометой «простореч.», «в просторечии» даются не только слова, употребляемые «низким сословием» (разговорные), но и диалектная лексика (см. далее на примере лексики свадебной обрядности: *молодой / молодая*).

Иногда встречающаяся лексика этой группы лексика заставляет задуматься о том, насколько правомерно мнение о том или ином румынском заимствовании в языке старообрядцев. Так, у старообрядцев румынской Добруджи частотно употребление лексемы *камера* в значении ‘комната, внутренний покой’ (из рум. *camera* ‘комната’). Однако в САР читаем:

«**КАМАРА**, или **КАМЕРА**, ры. с. ж. Лат. Комната, горница, покой внутренній въ домѣ <...>» (САР III: ст. 408). Ср. в соврем. рус. лит. языке *камера* ‘тюремная комната’.

Наличие латинизма в русском языке XVIII в., отмеченного в академическом словаре русского языка, — свидетельство, возможно, более раннего существования слова у липован, нежели то, что принято считать результатом позднего заимствования из языка-окружения.

I.3. а) Лексика духовной культуры из области семейной обрядности:

- Из сферы родинной обрядности. Здесь в САР немало совпадений с липованской лексикой:

БАБА ‘повивальная бабка’, *ба́бка* ‘женщина, повивающая младенцев’, *ба́бничая* (в просторечии значит то же, что и БАБЛЮ), *ба́блю*, *ба́биту* ‘повиваю, упражняюсь в повивальном искусстве’, *роді́льница* и *ро́зненіца* ‘женщина, недавно родившая’, *кресті́ны* ‘день крещения’.

При этом существуют различия в словообразовании терминов: так, у липован Румынии наряду с указанными в САР широко употребляется термин *родиха* для обозначения только что родившей женщины (до 40 дней), вместо *крестины* говорят *крэзьбины* (хотя и первая лексема

информантам понятна, см. диалектный текст ниже), при этом подразумевается только сам обряд крещения (пир после крещения у старообрядцев отсутствует):

[Как называли крестины?] *Крёзьбины*. У нас просто. Надо крестить — крёстную, крёстного возьмут, да и пойдут, дитёнка перакрестят, да и домой. Это усё. [А дома?] Дома — детворы, чё им нужно? Если дитворы, то франку, бомбоны. У нас старые не крестили, у нас — детвора. [Как это?] Ну, у нас сейчас вот брат мой, Севастьян, яму было восемь годоў, он крестил детей. Ну, и чиво яму надо? Паульку — крёстны, Маринке — крёстны, Лаврику — крёстны, Иринке — крёстны, а яму сколько же было? (Сарикёй, 2006⁸).

Ср. в САР:

«*Крестины*, стинь. с. ж. множ. Пирь отправляемый послѣ крещенія; день въ который крестили кого либо. *Править крестины*. *Звать на крестины*. *Быть на крестинахъ*» (САР III: ст. 942).

Некоторые термины связаны с фразеологией народной духовной культуры как у старообрядцев Добруджи, так и до сих пор в восточнославянских говорах, так в САР:

«**СОРОЧКА**, ки. <...> 1) Рубаха; 2) Платно <...>; 3) Нижняя перепонка, одѣвающая плодъ во утробѣ матерней. *Родился въ сорочкѣ*» (САР V: ст. 660).

Несмотря на концепцию словаря, согласно которой отвергаются какие-либо суеверия, здесь дается пример, соответствующий существующему до сих пор фразеологизму со значением ‘счастливый от природы человек, охраняемый от несчастья’.

У старообрядцев Румынии распространены и подобные поверья, и отражающая их фразеология (с синонимом *рубашечка*): *говорят*: у *рубашечке родился, это счастливый*. Похожую на паутинку рубашечку завязывали в платочек, тряпочку, и мать берегла ее всю жизнь как талисман, оберег для своего ребенка. Таким людям якобы везло всю жизнь, и их охотно приглашали с собой на рыбалку, поскольку пребывание такого человека в рыболовецкой бригаде сулило хороший улов и большую вырубку. Знаки на тельце ребенка свидетельствовали также и о его необычной судьбе в будущем, о сверхъестественных свойствах такого человека: якобы он мог лечить людей заговорами или травами, был *природный* ‘от рождения наделенный сверхъестественными свойствами’. Рождение «в рубашечке» могло быть и знаком особой избранности человека — его близости к Богу и церкви:

У нас, говорят, митрополит у рубашечке родился. Говорють, как родился он, как чичас он митрополит. Маленький был, как облачен. И дивовались: «Глянь, как он!» Он митрополитом был (Сарикёй, 2006).

Иногда у старообрядцев эту счастливую «рубашечку» называли «шапочкой», что, возможно, свидетельствует о влиянии румынского языка на язык старообрядцев (рум. *cu tichie pe cap* букв. ‘с шапочкой на голове’, т.е. «родиться в рубашке»), а также о проникновении сходных народных представлений румын в культуру русских Добруджи⁹:

Усё так говорили: у шапочках рожаются, у рубашечках, говорюють, бываеть. Ну, счастливые, говорюють, теи дети бываеть (Журиловка, 2006).

- Из сферы свадебной обрядности.

«БРАКЪ, ка. с. м. Сл. Женитьба, законное мужа и жены сочетаніе, одно изъ семи таинствъ православныя церкви <...>» (САР I: ст. 314–315). Другое значение лексемы, представленной в САР с географическими и даже историческими пометами, ни в современном русском литературном языке, ни в говоре старообрядцев не употребляется:

«Бра́ки, ковъ. с. мн. Въ Славенскомъ языкѣ означаетъ пирь для брака уготованный. Въ старину поруски называли *Радость*, въ Малороссіи и по нынѣ называютъ *веселье*, а въ Россіи *свадьба*, то есть торжественные обряды при совершеніи брака. *Иже сотвори браки сыну своему*. Матѣ. XXII, 2» (САР I: ст. 315).

У старообрядцев румынской Добруджи известны оба типа наименования (*веселье* / *свадьба*), при этом в дельте Дуная (в селах Махмудия, Мила 23, Периправа и др.), испытывающей сильное украинское влияние (в самих этих селах проживает немало украинцев), принято говорить о свадьбе *веселье*. Следует отметить, что лексема *радость* ‘пир’ исследователями славянской свадьбы в русском языке не отмечена, однако *радостный* или *радошный стол* в значении ‘пир’ фиксируется Гурой на севере России, в частности, в Вологодской губернии (Гура 2012: 208, 490, 734).

Как одно из значений к лексеме *венец* дается:

«ВЪНЕЦЪ <...> а) Бракосочетаніе, весь обрядъ церковный брака, совершаемый возложеніемъ вѣнцовъ на главы сочетавающихся. *Готовиться к вѣнцу. Сшить платье подъ вѣнецъ*» (САР I: ст. 999).

Есть в САР и другое производное, с тем же значением:

«ВѢНЧАНІЕ, нія. с. ср. 1) Коронованіе <...> 2) Отправленіе церковнаго обряда, которымъ женихъ съ невѣстою сочетаваются бракомъ» (САР I: ст. 1003).

Если в современном русском литературном языке употребляются обе лексемы, первая из которых указывают на «высокий слог», «высокопарность» и пр., являясь стилистически окрашенным, то у старообрядцев румынской Добруджи в указанном значении употребляются обе лексемы, а стилистические нюансы нейтрализуется в связи с упомянутым принципом употребления «высокой» лексики в повседневной речи:

А раньше было три дня свадьба. И тады на первый день. Там венчают под венцом, а тут уже к молодёй собираются рода. Или же знаем, что будет мало людей, просим и от молодого помочи, молодых с вянца только отвядуть, днём это берём постелю к молодым нясём. И ворочались назад (Гиндрешть, 2007).

Как уже упоминалось, с пометой «в простореч.» или «в просторечии» может быть представлена и лексика, активно употребляемая лишь в каких-либо частях Российской Империи, т.е. диалектная. В сфере свадебной лексики отмечено:

«*Молодой*, даго. с. м. *Молодая*, дой. с. ж. въ просторѣчїи. Новобрачный, вступившій недавно въ бракъ» (САР IV: ст. 166).

В данном случае в САР имеем указание на диалектную основу представленной лексики, что отражает помета «в просторечии». Как показывает соответствующая карта ОЛА «Женщина в день свадьбы» (ОЛА 10: 67), эта лексика на юго-западе русских говоров является преобладающей, что, очевидно, было характерно и для более ранних периодов развития языка. У старообрядцев употребляется только *молодой* и *молодая* в значениях *жених* и *невеста*, соответственно. При этом лексема *невеста* сохраняется в вербальных клише и приговорах:

Говорится так: «Ложись, невеста, на новое место, хто невесте приснится, с тем под венец становиться». А это када ложилася, вот я, например, молодая была и пошла ночевать к своей подружке. Када девушка пойдёт первый раз, не только под Новый год, в любой день, пойдёт первый раз на новой постели где-то ложится, она када наперёд как ложится, она говорит: «Ложись, невеста, на новое место, хто невесте приснится, с тем под венец становиться» (Черкесская Слава, 2006).

В САР под заглавным словом *невеста* представлено целое деривационное гнездо, сама же лексема также указана в нескольких значениях:

«**НЕВѢСТА** ты. с. ж. 1) Дѣвица или вдова, сговоренная въ замужество <...> 2) Дѣвица, приспѣвшая къ замужеству <...> 3) Въ Сл. языкѣ означаетъ Невѣстку <...>» (САР IV: ст. 478).

Во всех селах старообрядцев активно употребляется лексика, связанная со *сват*, *сватать* и их производными. В САР:

«**СВАТЬ**, с. м. *Сватья*. 1) Тотъ, которой предлагаетъ жениха невѣстѣ или невѣсту жениху. Въ семь смыслѣ въ женскомъ родѣ называется: *Сваха*, хи. с. ж. 2) Такъ взаимно называются родители и родственники посягшихъ въ супружество <...>» (САР V: ст. 346).

«*Сватовство*. ва. с. ср. 1) Действие сватающихся» (САР V: ст. 346).

Далее идет целый ряд дериватов: *Сватаюсь*, *Сватание*, *Высватавание*, *Засватываю*, *Засватываюсь*, *Посватать*, *Посвататься*, *Сосватать*, *Сосвататься*, *Сосватанный* (САР V: ст. 346–349).

Среди этого ряда в соответствии с гнездовым принципом составления САР:

«**Сва́дьба**, бы. в просторѣч.: Совершенство брака, брачное празднество. *Играть свадьбу*. <...>» (САР V: ст. 346–347);

«**Сва́дебный**, ная, ное. прил. Къ свадьбѣ принадлежащій, о свадьбѣ бывшій, или бывающій. *Свадебный пирь. Свадебныя пѣсни*» (САР V: ст. 347).

Все эти термины фиксируются и в старообрядческих текстах румынской Добруджи.

- Похоронно-погребальная лексика.

«**Погребѣніе**, нѣ. с. ср. Похороны, преданіе, тѣла умершаго землѣ; зарытіе въ могилу. <...> *Присутствовать на погребеніи. Предать тѣло погребенію*» (САР II: ст. 332–333).

Соответственно, есть и отдельная статья, посвященная лексеме *похороны*:

«**Похороны**, нѣ. с. м. множ. Погребеніе, преданіе тѣла умершаго землѣ *Великолѣпныя похороны. Быть на похоронахъ*» (САР VI: ст. 589).

Обе лексемы сохраняются у липован Румынии. Например:

Когда, вот, значить, назаўтра будут похороны, тогда приходятъ священники. И тогда делаютъ молитву у до́ме «Во гробъ положеніе», кладутъ у гробъ и выносятъ у церкву для погребенія. Нясуть у церкву» (Каркалиу, 2007).

Как видим, если лексема *похороны* употребляется в том же значении, что и в САР в XVIII в., то лексема *погребение* у старообрядцев имеет только значение ‘заупокойная служба’. Это дополнительное значение, видимо, развилось в новых условиях, см. например:

(1) [О самоубийце:] Даже грех поминать покой, сказать о покойном: «Господи, покой душу усопшега». Грешно. У йиво погребенія нету (Черкесская Слава, 2006).

(2) У нас священник теперь такой, что <если> не былъ сколько-то времени на покаянии, он тебе <...> не буеть погребение служить (Русская Слава, 2006);

(3) Погребѣние — в церкви. А после погребенія приходять на обѣд (Русская Слава, 2006).

В этой тематической сфере встречается наибольшее число лексических совпадений в САР и в языке старообрядцев в Румынии, например:

«**Кладби́ще**, ща. с. ср. Мѣсто, назначенное для погребенія мѣртвыхъ» (САР III: ст. 556);

«**МОГИЛА**, лы. и умал. *Могілка*, ки. с. ж. 1) Яма, въ которую кладутся тѣла умершихъ <...> 2) Насыпь, курган» (САР IV: ст. 202–203);

«САВАНЬ, на. с. м. Греч. Погребальное покрывало на подобіе вретна дѣлаемое, въ каковое полагается тѣло умершаго; осталось токмо въ употребленіи у простолюдиновъ» (САР V: ст. 299).

Иногда различается ударение (*кладбище*) или употребляется словообразовательный вариант, например, в САР *девятини* («Поминки по усопшем, в девятый день после кончины, по чиноположению отправляемое»)¹⁰, у старообрядцев же всегда — *девятинки*, например:

Трятинки, девятинки и сорок дѣн же. Двадцать дѣн служится, шо дуже жалко яво, двадцать дѣн не покладенные, шоп служить их. Ну так сябе поклали, шо их дуже жалко, двадцать дѣн (Гиндэрешть, 2007).

Таким образом, у старообрядцев румынской Добруджи сохраняются лексемы, которые аналогично толкуются в САР: *усопший* ‘умерший’, *кладбище*, *могила*, *саван*, что свидетельствует о том, что лексика этой тематической группы наиболее консервативна и наименее подвержена изменениям. Впрочем, то же подтверждают и сами погребально-поминальные ритуалы и поверья. Так, сам саван у старообрядцев изготавливается с капюшоном, шьют его «иглой наоборот», покойного связывают в трех местах, будто бы пеленают, как ребенка, что должно воплощать идею о том, что человек пришел в этот мир спеленутый и таким же образом уходит. В САР находим лексему *свивальник*:

«*Свивальникъ*, ка. *Свивальничекъ*, чка. ум. с. м. Покромь, которою младенцовъ сверхъ пеленокъ обвивають, обвязывають. *Суконный, шёлковый свивальникъ*» (САР I: ст. 744).

Диалектные тексты, связанные с рождением ребенка и записанные от старообрядцев Румынии, показывают активное употребление данной лексемы из словаря XVIII века:

Када ребѣнок, пупик завязывали ему, подгузник клали, клали и свивали его. И держали завязанным сорок дѣн. Чтобы у его ножки ни были кривые, ручки ни были кривые. *Свивальникъ* назывался, тряпочка тая, она у меня даже есть. *Свивальничек* той. И крест-накрест, вот так свивали.

[И сколько крестов?] Зависитъ, какой *свивальникъ*. Если он был дуже длинный, меньше трёх ни було. Свивали: ручки, животик, ножки, три перекрѣста вот так делали (Черкесская Слава, 2006).

Здесь уместно вспомнить исследования липован Румынии и Украины этнографами. А.А. Пригарин и Г.Н. Захарченко в статье, посвященной похоронно-поминальной обрядности старообрядцев Подунавья, пишут о том, что покойного обматывали лентой поверх савана так, чтобы вышло три креста, при этом авторы упоминают, что этот обычай «был достаточно широко распространен у русских, хотя и не повсеместно» (Пригарин, Захарченко 2004: 103), ссылаясь на русские этнографические источники. Нами были найдены подтверждения такого повивания усопшего в разных

селах старообрядцев Добруджи, причем не раз приходилось слышать, что данный способ повивания покойного совпадает с повиванием новорожденного, отражая некоторые религиозно-философские представления старообрядцев о том, что человек приходит на этот свет и уходит из него, обряженный сходным образом (Русская Слава, Черкесская Слава).

І.3. б) Лексика из области народного календаря.

У старообрядцев Румынии сохраняются все церковные календарные праздники, отмеченные в САР: **Вербница** и **Вербное воскресенье** (у старообрядцев употребляется в сокращении только *Вербное*), **Благовѣщеніе**, **Воздвїженіе креста**, **Духов день**, **Крещеніе (Богоявленіе)**, **ПАСХА**, **Возесеніе Господне**, **Преображеніе**, **Сретеніе Господне**, **Сочельникъ**, **Успеніе**, **Усѣкновение**, **Суббота Лазарева**, **Суббота великая**, **Троицын день** (см. Пятдесятница), **Цвѣтная** или **Цвѣтоносная недѣля**.

В соответствии с тенденцией САР давать толкование, которое объясняет название праздника, в статье **Сочельник** приводится следующий текст:

«**Сочельникъ**, ка. с. м. День, навечеріе предъ рождествомъ Христовымъ, и предъ днемъ Богоявленія Господня, въ которое по уставу предписано препроводить въ постѣ, а в яденіи токмо сочива» (САР V: ст. 665–666).

Отдельно оговариваются народные названия праздников, например:

«**Святки**, токъ. с. м. множ. Въ просторѣчїи такъ называются дни праздника Рождества Христова, начинающіеся съ 25 Декабря, и продолжающіеся до 5 Генваря. *Сїе случилось на святкахъ, о святкахъ*» (САР V: ст. 390–391).

Впрочем, именно это наименование у старообрядцев румынской Добруджи вообще не было отмечено, как собственно, отсутствует у них и какое-либо название периода от Рождества до Богоявления.

І.3. в) Из области народной медицины и народной мифологии.

Имеет смысл рассмотреть эти разряды лексики вместе, поскольку, как правило, указания на рецепты народной медицины касаются народных поверий (за исключением, пожалуй, лечебных свойств трав, которые были в то время известны). Составители словаря, придерживаясь идей эпохи Просвещения, активно выступали против народных суеверий, что прежде всего нашло отражение в статье «**Суевѣріе**»:

«**Суевѣріе**, рія. с. ср. 1) Набожность основанная на невѣжествѣ, слѣпая привязанность къ богопочтительному уваженію нѣкоторыхъ вещей, дѣлъ, обрядовъ, несоставляющихъ истиннаго Богослуженія, но отъ невѣждъ и пустосвятовъ почитаемыхъ необходимо къ оному надлежащими. *Суевѣріе есть врагъ веры*. 2) Безразсудное и неосновательное

вѣроимство некоторымъ естественнымъ приключеніямъ, будто оныя нѣчто чрезвычайное и отъ Божія особливаго дѣйствія зависящее въ себѣ содержать. *Вѣрять, что сѣверное сіяніе предвѣщаетъ наступающую войну, есть сущее суевѣріе* (САР I: ст. 1022)»¹¹.

Наличие значения (2) в данном случае составляет дополнительное осуждение примет, как-либо привязываемых сознанием к божественному промыслу, а вся статья — по сути обличение и осуждение существовавшего тогда двоеверия на Руси в разных его видах.

Тем не менее ряд таких «сомнительных» лексем с соответствующим культурным контекстом в словарь попадает:

«**ГРОМОВАЯ СТРѢЛІА**. Belemnites. Окаменѣлая раковина, имѣющая нѣкоторое сходство со стрѣлою; по чему простой народъ думаетъ, что онѣ падаютъ на землю съ молніею, и употребляютъ какъ суевѣрное средство въ болѣзняхъ» (САР II: ст. 367). У старообрядцев румынской Добруджи подобные поверья до сих пор сохраняются:

Всѣ ж яѣ находили у дереве, у крепкомъ остаѣтся. Находили яѣ, стрелу́. Кто находил, использовал. Калоття <название болезни ребенка>. Када бабка стрялой той водить, Богородицу читаетъ, и избавляетъ. Не смела <я> сказать: «Дай я посмотрю, какая она» (Каркалиу, 2007).

«*Повѣтріе*, трія. с. ср. Заразительный воздухъ, причиняющій повальныя болѣзни скоту и людямъ. *Моровое повѣтріе. Повѣтріе на скоть*» (САР I: ст. 1107).

Здесь нет указания «как простой народ думает», видимо, так думали и просвещенные люди XVIII в. и были недалеко от истины. Тем не менее дополнительные коннотации суевѣрия лексема получает в простой народной среде, в данном случае у старообрядцев Добруджи. Там она неоднократно встречается в значении ‘плохой ветер, плохой воздух’ с дополнением такого рода: считалось, что колдун или ведьма «бросают или пускают чары на ветер», «поветрие» можно «схватить» на перекрестке дорог:

(Собеседница 1:) Повѣтріе — хто даѣтъ такое, хто знаетъ, даѣтъ на ветер. И всё больше на раздорожье. И тамытка хватаешъ *повѣтріе*, называеца.

(Собеседница 2:) И бываетъ: чи болячки, чи слепой останешься.

(Собеседница 1:) Ну, вот дядька покойный Агафон тоже *повѣтріе фатил*. Вот делал он лавочку, лежал и сидел вот так, сидел на тем, на балконе, и как какой ветер вошёл, ослеп же, слепой был. Слепой, куды по дохторах ни ходил, водили его <...> И после один его у Тульчи: «Иди ты па бабках» (Сарикѣй, 2006).

Вот, например, если он <колдун> мине лечить, и тада он *пуцаить на ветер* (Сарикѣй, 2006).

Нужно особо отметить следующее наблюдение, касающееся народной культуры, а именно — магических поверий и народной мифологии изучаемой общины старообрядцев. В условиях иноязычного, иноэтничного и иноконфессионального окружения староверы румынской Добруджи сохраняли свои традиции. В представление о «своем» вписывались не только старообрядческие устои, принесенные из России, но и народные поверья и суеверия, в том числе о «ворожеех» (ср. в САР: *Ворожея*), «волшебниках» (ср. в САР: *Волшебникъ*), «колдунах» и «колдуньях» (ср. в САР:), «ведунах» и «ведьмах» (ср. в САР: **ВЪДЪУНЪ**, *Вѣдьма*), «чародеях» и «чарах» (ср. в САР: **ЧАРЫ**, *Чародѣй*), «чернокнижниках» (ср. в САР: *Чернокнижникъ*, *Чернокнижець*), «заговорах» (ср. в САР: *Заговоръ*, *Заговариваніе*), «уроках» (в САР помимо лексем **уроки** отмечены и многочисленные дериваты: **урочливый** ‘подверженный урокам’, **урочу** ‘наношу порчу’, **урочение** ‘действие того, кто урочит’). Разумеется, в верованиях старообрядцев подобной лексики намного больше (см. Плотникова 2016: 60–85), чем в САР, что и следовало ожидать в соответствии с концепцией словаря.

II. Лексика традиционной народной культуры, отсутствующая в САР, но зафиксированная нами в текстах у старообрядцев. Не менее интересен пласт лексики, который свидетельствует прежде всего о концепции самого словаря, не ориентированного, во-первых, на диалектную лексику, во-вторых, на терминологическую лексику народных поверий.

Так, разумеется, находим термин **МАСЛЕНИЦА** ‘сырная седмица’, но не находим *Маслена* (то, что распространено у староверов Румынии), есть *Садобіе* ‘то, что растет в саду’, но нет *садовіна* ‘плодовое дерево’ и т.д.

В ряде случаев старообрядцы сохраняют старинную лексику, которая в САР не включается: устаревшая, по мнению составителей САР, лексика также из него исключалась. Поэтому находим **МИЛОСТЫНЯ** (лишь в значении ‘подание нищим’, не ритуал, что характерно для культуры старообрядцев), но отсутствует *Милость* в том же значении (*тайная милость* и т.д.), подробнее: (Плотникова 2013).

Что касается лексики из сферы так называемой низшей мифологии славян, то в САР отсутствуют наименования, последовательно фиксированные нами у старообрядцев румынской Добруджи: *водяной*, *водовой* (видимо, в САР их заменяет **Русалка**), *дворовой*, *лесовой* (*лесовик*) и т.д. Термин *природный* в САР дается только в общепринятых значениях (1) естественном произведенный; 2) говоря о жителях страны, ‘прирожденный’, тогда как у старообрядцев это субстантивированное прил. ‘колдун, обладающий самой большой силой’. Возможно, это связано с

семантическим сдвигом, произошедшим уже в период самостоятельного (изолированного) существования старообрядческой общины в Придунавье, поскольку в диалектных словарях русского языка такое значение нам также не встретилось.

Разумеется, какие-то дополнительные значения у тех или иных лексем русского языка развились в новых условиях языковой и культурной изоляции старообрядцев, например: *погружѣнный (младенец)* ‘слабый новорожденный, которого крестили сразу по рождению’, *манно (манно жить)* и др., ср. в САР:

«**МАННА**. ны. с. ж. Евр. Манна 1) Сгущенной сокъ, бѣловатой, съ легкою желтизною <...> 2) Въ Св. пис. разумѣется чрезъ сїе слово пища, низпосланная съ небесъ отъ Бога Израильтянамъ, во время странствованїя ихъ въ пустынь» (САР IV: ст. 30).

Производное от этого слова в значении ‘безмятежно’ отмечено в селе Каркалиу:

Люди *жили манно* раньше. *Манно* — это как говорють, всё пришло даром, всё приходило от Бога, натурально всё. Вот спустишься на гору, сети поставил увѣчери, рано устал: сети на огороде, вентиля [рыболовные снасти] на огороде, рыбу уже достал. Поставишь сетки повыше воды на 20–30 сантиметров, гуси плывутъ, запутались, гуси, утки, лыски, нырки. Нырѣк нырнул, есть такая птичка, нырѣк, как ути, нырнула, а там сетки, она запуталась и сдохла там. И вот так и жили: у нас вода была вокруг сяла. И тока у каждом огороде лодка была (Каркалиу, 2007).

III. Лексика традиционной народной культуры, имеющаяся в САР, но отсутствующая у старообрядцев. В данном случае интересно рассмотреть причины этого явления, возможно, указывающие на территорию происхождения староверов, проживающих сейчас в Добрудже. Это лексика самых разных тематических групп, которая в настоящее время встречается в основном в русских говорах, причем северных и центральнорусских, что еще раз указывает на происхождение старообрядцев из южных, юго-западных и западных регионов Российской империи:

Повитуха, Кокошник ‘род головного убора’, **САРАФАН**, *Поезд* (свадебный), *Поезжане* (участники свадебного поезда), *Почетный пир, столъ* ‘окончательное угощение гостям на свадьбе’, *Тысяцкой* ‘ближний сродник со стороны жениха’, **БААЛЬНИК** ‘ворожея’, **ЛЪШЕЙ** (лексе-мы, характерные для севернорусских областей) и др.

Не встретился у старообрядцев ряд устойчивых выражений, приговоров и пословиц, связанных с народной культурой, но не характерных для старообрядческой культуры (забытых или ушедших в прошлое вместе с ритуалом): *мать сыра земля; класть деньги на зубок*. В САР они приводятся с кратким толкованием.

Таким образом, при сопоставлении САР с лексикой традиционной народной культуры, выявленной по диалектным текстам у старообрядцев румынской Добруджи, проживающих в культурной, языковой и конфессиональной изоляции в течение последних трех веков, определяется лексический пласт, почти не претерпевший изменений. Ряд лексем из диалектных текстов староверов соответствует заглавным словам в САР, но имеет дополнительные коннотации или значения, которые развились в новых условиях. Появляется и ряд новых дериватов, в основном производных библеизмов, что связано с особым отношением старообрядцев к церковнославянскому языку, языку богослужения. Оказывается возможным проследить наименования из лексического фонда русского языка, отсутствующие в САР по разным причинам, в том числе — в силу концепции самого словаря, а также лексику, которая включена в САР, но не зафиксирована нами в ходе полевой работы у старообрядцев в изолированном анклаве, что указывает на возможную первичную территорию поселения старообрядцев, пришедших на задунайские земли главным образом и прежде всего из южных, юго-западных и западных регионов Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Авторская работа выполнена по гранту РФФ 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

² Глава «Новое размежевание культур. Чистота языка как идеологическая категория» (Живов 1996: 419–509).

³ В связи с тем, что корпус липованской лексики нами представлен по собранным диалектным текстам, тогда как САР — это законченный на тот момент лексический свод (своего рода лексикографический памятник своей эпохи), внутри разделов будем опираться на ту лексику, которая собрана нами в полевых условиях, сопоставляя ее с имеющимися лексическими единицами в САР. К словарю был применен метод сплошной выборки лексем, имеющих какие-либо соответствия в записанных от староверов диалектных текстах.

⁴ Подробнее см. (Плотникова 2016: 17–34).

⁵ Эти лексемы в САР и в языковом корпусе старообрядцев Добруджи в Румынии проанализированы в работе: (Плотникова 2017); там же см. *КОЗАКЪ*.

⁶ Ср. ситуацию сегодняшнего дня, когда, например, принадлежность к староверам воспринимается в Румынии и как принадлежность к отдельной этноконфессиональной общности.

⁷ Подробнее см. (Плотникова 2017).

⁸ Здесь и далее год указывает на дату записи нарратива у старообрядцев.

⁹ При этом нельзя не отметить символику головного убора в некоторых полесских наименованиях остатков амниона на теле младенца: *капиуж* (ПА, Житомирская, Черниговская, Гомельская обл.); *капелюшник* (ПА, Житомир. обл., Овруч. р-н).

¹⁰ См. (САР II: ст. 332).

¹¹ Ср.: «Создатели SAR, безусловно, отдавали себе отчет в воздействии своего произведения на умы современников и, как в своих определениях (внутри лексикографической дефиниции), так и в иллюстративном материале, цитатах, приводили свое видение явления, в чем проявилась нравственно-воспитательная и даже религиозная установка Словаря» (Чернышева 2008: 22–23).

ЛИТЕРАТУРА

Гура 2012 — *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012.

Живов 1996 — *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

ОЛА 10 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10: Народные обычаи. М.; СПб., 2015.

Плотникова 2000 — *Плотникова А.А.* Словари и народная культура: очерки славянской лексикографии. М., 2000.

Плотникова 2013 — *Плотникова А.А.* Милость: слово и ритуал // Родина. 2013. № 5. С. 14–18.

Плотникова 2016 — *Плотникова А.А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. Москва, 2016.

Плотникова 2017 — *Плотникова А.А.* Традиции старообрядцев в иноэтничном и иноязычном окружении. Старообрядческие поселения в Добрудже // *Balkanistic forum*. № 3. XXVI. 2017. S. 166–180.

Пригарин, Захарченко 2004 — *Захарченко Г.Н., Пригарин А.А.* Похоронно-поминальные обряды русских-старообрядцев Придунавья: структура этноконфессиональной выразительности // Кодови словенских култура. Број 9. Смрт. Београд, 2004. С. 92–115.

SAR — Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.

СЦРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Имп. Академии наук. Т. I–IV. СПб., 1847.

Чернышева 2008 — *Чернышева М.И.* Построение Словаря Академии Российской 1789–1794 г. // *Филиппович А.Ю.* Словарь Академии Российской (1789–1794): информационная технология переиздания. М., 2008. С. 1–25. Цит. по: it-claim.ru/Projects/ESAR/Almanah/Structure_SAR.pdf.

Е.С. УЗЕНЁВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

О ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ СТАРОВЕРОВ БОЛГАРИИ*

Abstract:

Uzeneva E.S. *To the folklore tradition of the Old Believers in Bulgaria*

The article deals with calendar songs and games of the Christian carnival Maslenica holiday of the Russian population lived in Bulgaria for a long time. The Nekrasov-Cossacks retained their folk culture in a foreign cultural environment. The Pre-Christian features of the people's traditions brought from a distant homeland were perceived by them as a part of their special worldview, that is why they were consistently transmitted from generation to generation as a innermost knowledge.

In spite of the separate facts of the cultural interference (Bulgarian-Russian), the archaic rituals and folklore songs of the Maslenica carnival cycle have been preserved (although only in the memory of the informants).

Ключевые слова: староверы, Болгария, казаки-некрасовцы, фольклор, календарные песни, игры, хороводы, Масленица, «пускать стрелу».

Староверы в Болгарии представляют собой два небольших, компактных анклава русского языка и культуры в северо-восточной части страны (в Варненской и Силистренской областях). И хотя за последние сто лет интерес к ним со стороны ученых и журналистов не ослабевал (первые статьи об этих поселениях появились в печати еще в конце XIX — начале XX в.)¹, фольклорному наследию болгарских старообрядцев посвящены лишь единичные работы. В частности, монографическое исследование Цветаны Романской «Фольклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско», увидевшее свет в 1959 г.², стало значимой вехой в исследовании песенного творчества, а также пословиц и загадок русских из с. Казашко. Важным вкладом в изучение старообрядческого фольклора в Болгарии стало собрание и публикация исследования о 200 песнях староверов знаменитого этномузыковеда Н. Кауфмана³. Е.Ф. Иванова-Критска, по рождению старообрядка, в серии своих публикаций дала подробный анализ развития свадебного фольклора русских в этом регионе⁴. Проблемы формирования идентичности староверов, механизмы сохранения и передачи народной традиции, а также процессы адаптации культуры в современных условиях освещены в монографии 1998 г. Е. Анастасовой «Старообрядците в България. Мит — История — Идентичност»⁵.

* Авторская работа выполнена по гранту РНФ 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

Наши экспедиции к староверам Болгарии проходили с 2006 г. (Казашко, Тагарица) по 2012 г. (Казашко). В работе мы опирались на так называемый Полесский вопросник, разработанный основателем Московской этнолингвистической школы акад. Н.И. Толстым и его учениками для изучения народной культуры в архаичной зоне славянского мира Полесье и включающий различные темы традиционной духовной культуры⁶, а также использовали рукописные вопросники с Кубани, созданные для сбора материалов по традиции казачества, в частности Кубанского казачьего хора по свадебной обрядности, вопросник этнографа Т.Ю. Власкиной по обрядам, связанным с рождением ребенка, и др.

Сделанные нами записи свидетельствуют об утрате целостной фольклорной традиции староверов Болгарии в начале XXI в. Многие данные фрагментарны, отдельные песенные блоки разной жанровой принадлежности безвозвратно исчезли. Если Ц. Романской в 50-е гг. XX столетия еще удалось записать в с. Казашко полные тексты обрядовых и исторических песен, то в наше время сохранились лишь отдельные зачины обрядовых песен, а бытовые и героические песни почти забыты. В известной степени консервацию фольклора обеспечивают в настоящее время (фиксация 2006 г.) три отдельных ансамбля народной песни в с. Казашко, где, хотя и с коммерческими, туристическими целями, всё еще исполняются старинные казачьи песни. Во время одной из экспедиций мне посчастливилось присутствовать на репетиции и концерте ансамбля «Калинушка», где я записала несколько песен, относящихся к любовной лирике и демонстрирующих хорошую сохранность текста и мелодики:

*Как за Доном, за рекой, под высоким дубом,
расставался казачка с парнем черночубым.
Ойда, ойда-да, ойда, ойда, ойда-да, ойда,
расставался казачка с парнем черночубым.
Расставался казачка в поле у Ростова,
Обнимала на ветру парня молодого.
Ойда, ойда-да, ойда, ойда, ойда-да, ойда,
Обнимала на ветру парня молодого.
А-а-а, ах-ха-ха!
Далеко, друг милый, куда уезжаешь,
На кого, лихой казак, меня покидаешь!
Ойда, ойда-да, ойда, ойда, ойда-да, ойда,
На кого, лихой казак, меня покидаешь!
Ты не лей, казачка, слёз, на шелкову траву,
Еду в армию служить, защищать державу!
Ойда, ойда-да, ойда, ойда, ойда-да, ойда,
Еду в армию служить, защищать державу!*

*Как за Доном, за рекой, под высоким дубом,
расставалась казачка с парнем черночубым.
Ойда, ойда-да, ойда, ойда, ойда-да, ойда,
расставалась казачка с парнем черночубым.*

Если в первой песне наряду с любовной темой присутствует мотив обязательной военной службы (*Еду в армию служить, защищать державу!*), столь характерный для казачества (ср. и обозначение героини песни *казачка*), то вторая целиком посвящена любовной истории. Данная песня широко известна и у донских казаков на Кубани.

*Ой при лужку, при лужке, при широком поле,
при знакомым табуне, конь гулял на воле.
Ты гуляй, гуляй, мой конь, пока не поймаю,
Раз поймаю, обуздаю шелковой уздою (2 р.).
Как поймал Калин коня, обуздал уздою,
вдарил шпоры под бока, конь летел стрелюю (2 р.).
Конь остановился, вдарил копытами,
Чтобы вышла красна девка с чёрными бровями (2 р.).
Но не вышла красна девка, вышла ее мати:
«Здравствуй, здравствуй, милый зять, пожалайте в хату!» (2 р.).
«А я в хату не пойду, пойду во светлицу,
разбужу я крепким сном спящую девицу» (2 р.).
А девица не спала, друга поджидала,
Правый ручкой обняла и поцеловала⁷ (2 р.).*

По сведениям наших информантов из Казашко, раньше, во времена их молодости, девушки и молодые женщины часто собирались в группы и пели песни, особенно много пели на посиделках. Но тексты песен уже забылись, информанты лишь уточняли, что пели песни на любовно-брачные темы. Песня «На горе Калина», отличающаяся особой ритмикой, которая создается благодаря смене ударения в одном и том же слове, остается важной частью песенного репертуара ансамбля «Калинушка».

*Как на горе калина́, как на горе калина́, кали́на,
Чубарики, чубчики, калина́, кали́на, калина́,
Красавица Маша, калина́!
Я калину ломала, я калину ломала́, ломала́, ломала́, ломала́,
Чубарики, чубчики, ломала́, ломала́, ломала́,
Красавица Маша ломала́!
Край дорожки бросала́, край дорожки бросала́, бросала́,
бросала́, бросала́,
Чубарики, чубчики, бросала́, бросала́,
Красавица Маша бросала́!*

Офицеру моруала́, офицеру моруала́, мору́ала,
 моруала́, мору́ала,
 Чубарики, чубчики, моруала́, мору́ала.
 Красавица Маша моруала́, моруала́, мору́ала,
 моруала́!

В календарно-обрядовой сфере еще сохранились (хотя и по воспоминаниям информантов) масленичные хороводные песни и игры, например «дремя».

Я мала была, помню Масленица, карауод водили, и даже иураются: «Я пустью стрелу по всему селу! Ты лети, стрела, по всему села». И потом карауод «Сидел дремя». А мы с Максимом танцевали у Хори, Максим был в дреме [был ведущим персонажем в игре. — Е.У.]. Шоб не целовал Максим никакую жєницину, а он меня целовал, да. И он сидить, дремать. Они урать:

*«Вставай, дремя, карауод, карауод⁸,
 Смотри, дремя, на народ, на народ.
 Бери, дремя, кого хочь, кого хочь!
 Цалуй, дремя, я не прочь, я не прочь!»* (ТД, Казашко)

Другой популярной и часто исполняемой игрой на Масленицу была «Стрела», информанты уточняли, что ходили «стрелу пускать».

– *Стрела эта как: подымаєт руки один против друуого и выбираєт* (К-И, Казашко).

– *Это тунел, Катя, не. А стрэла так. Первая держить руку, а по их пробеуають и потом, када тея на конце, тея держать так руку. Не берутся все за руки, тока как хороводные руки беруца, понимаєшь? И тада ету стрелу аж по целому селу идуть. От того края до нашего края. А када карауод водють, эту дремю и эту: «Из-под серого дуба, из-под серого дуба, вырастала чечевица. Возле серого дуба, возле серого дуба, выбирай себе дружку». И она берет себе девочку и поет: «А вот моя дружка, а вот моя дружка, что любимая подружка». [Выходят вперед вдвоем и кружатся. — Е.У.]. Это старинныя масленинския песни. Я тоже их не пєла, потому что была маленькая* (ТД, Казашко).

В книге Ц. Романской приводится более развернутый вариант песни⁹:

*Низ пад серава дуба
 Вырастала чучувица.
 С пад той чучувицы
 Чёрная утка скачит.
 Паскачь, паскачь, утка,
 Вазли серава дуба.*

*И ўставай раненька,
Да и умойся беленька,
Да и утрийся харашенька
И уприся ў боки,
Да сама пайди ў скоки.
Вабирай сибe дружку
Што радимую падружку.
Уот мая дружка,
Што радимая падружка¹⁰.*

Масленица была самым большим и веселым праздником весны. В связанной с ней обрядности сохранились реликты обычаев проводов зимы и встречи весны. Содержание этого праздника никак не было связано с церковной жизнью. Его отмечали, как обычно и у православных, накануне Великого поста, перед Пасхой. В эту неделю были запрещены хозяйственные работы, начинали говеть, ели только молочную пищу, вареники, пекли блины и пирожки с сыром (брынзой) и вареньем, *плечинду* (слоеный пирог). Молодежь приходила «просить прощения» у старших в Прощеное воскресенье.

Масленица, ета када Великий пост бует наступать, понимаешь? Одна неделя, а булгары на нее ўобряють Сирница. А мы ўоборим масленица. Тада усё такое кушается, варэники, сыр, блины делаются, и ходили прощаться, Прощёный день называется. И Прощёный день, када мясo заўовляется, и вторая неделя уже Масленица. Тётка Хавронья приходила и приносила мамке блины, я маленькая была. Невестка приходила до мамы прощаться. (ТД, Казашко).

Тада ўотвоять варэники и с сыром пирожки. Нали [болг. 'ведь'. — Е.У.] она называется Масленица? С сыром всё это и с молоком. И потом пирожки, уже мясo не ели. А када мясo ели, дроб мама секеть, ориз [болг. 'рис'. — Е.У.], чёрнова перчика ложить и пирожки лепить. Но када уже заўовеет мясoм, тада уже с сыром делала. С сыром и с сладким, конфитюром етава, мармалад называли на русски. Кад заўовеет, это Прощёный день, и уже семь недель Великого поста, семь недель уже поститься. (ТД, Казашко).

Каждый день после обеда девушки выходили на улицу и устраивали хороводы: *Водят деўки карагод против каменных ворот* (с. Казашко). Тот же припев был зафиксирован А.А. Плотниковой в селе Каркалиу (Камень) у староверов Румынии: *Деўки водят карагод возле Каменских ворот*¹¹. Интересно, что ее информанты отмечали, что раньше хороводы играли рядом с несохранившимися в настоящее время воротами, а село называлось Камень.

В Казашко в хороводах участвовали парни и молодые женщины. Все брались за руки, медленно кружились и пели обрядовые песни. Вечером играли в игру, которая носила название «пускать стрелу»¹². Участники игры становились в шеренгу, и последний проводил всех под поднятыми руками первых участников, так двигались через всё село, от одного его края к другому. Движение сопровождалось особыми песнями. Когда игра заканчивалась, все участники разбежались по домам как можно быстрее (см. ниже в статье М. Арнаудова описание схожего болгарского обычая быстро убегать домой после хоровода вокруг костра в конце масленичного обряда).

В с. Татарница на Масленицу обязательно ели дома молочную пищу: сыр, яйца; пекли блины и оладьи (*палачинки, на оладачки катми побулгарски урят* — АВ). Были также общесельские молодежные гулянья: девушки украшали себя венками, красными лентами и цветами, парни втыкали в шапки петушиные перья, катались с песнями на санях или конях по селу, делали *масленскую куклу* и сжигали.

— *У нас на Маслену на конях, на повозках, понасодются, катаются... Как почнём, в субботу уже в десять часов девки почанают по сяле улять, песни иурають, празднуют уже... Иураем песни, масленския песни: «Ой, лёшеньки, лёшеньки», «Варлая пчёлочка»... ня знаю, забыла... На голову клали вянки. На Масленую же делаем вянки, кладём, цвятки позатыкаем, понасобирають из дома цвятков, таки куплёные.* (АВ, Татарница).

— *Маслена?.. Раньше праздновали... Кой-када бывало снех на Маслену, то на санях катались, а оне на конях, сядем и беуаем вокрух села, бегаем, Маслена. Одну зиму снех большой был, и хлопцы насобрались и на сууробе пють вино и иурають [поют песни. — Е.У.]. Делали... [куклу как женщину наряжали], у платье яё наденуть. Спалють яё. Масленская кукла.* (ТА, Татарница)

— *Карауд водили... А Масленая када была, починаем с четвер'уа, как говорят старые люди: «С четвер'уа заууляет и кочер'уа». Так и мы почнём деўки, и посля уже ў воскресенье тамотка ужо и старые, и все иурають и зауовляють. И деўки почнём: «Варлая пчёлочка в полёт полятела, в полёт полятела, да разны цветы рвала». Один покойник [ныне покойный. — Е.У.] дядька мауарку [болг. магаре 'осёл'. — Е.У.] запряуёт, пярей на шапку понакладёт и едет, иураеть: «Навалилася на нас растоска...». А таперь нема уже... Теперича... мы старые, какие уже у скорбях, немаем, а молодые, дети... Трошки был у нас и хор, браво [хорошо. — Е.У.] было, молодые дети, бравенькие... Не осталось их.* (АП, АК, Татарница).

Сейчас под влиянием болгарской традиции в последний день масленичной недели старoverы жгут костры «для здоровья». На всей территории Добруджи среди болгарского населения известно возжигание огня в последний день масленицы (сооружали костры, пускали горящие стрелы и разбрасывали угли), которое совершают неженатые парни (вокруг села) и дети (на улицах). Считалось, что там, куда достигнет свет огня, в течение года не будет падать град и земля принесет обильные плоды. В одних селах огненные стрелы бросали во дворы избраниц, в других «предназначали» их людям или скоту, гадая по длине траектории, сколько времени будет жить тот, кому она «назначена» (*наречена*). Перепрыгивание через огонь и разбрасывание углей от костра совершалось не только для «будущего урожая», но и с целью прогнать блох¹³.

Обычаи восприняты в традиции села Татарица: *Стрелы оуенные пуцали, даже тада пистолеты, стреляли. Таперь булгары на Маслену последней недели выходят на уору и палють. Теперича наши почали ходить... А раньше не було... Ёсю няделю иурали масленския песни, старинные...* (ТА, Татарица).

Однако О.А. Пашина, исследовавшая календарные циклы песен у восточных славян, приводит свидетельства информантов о том, что в русской традиции больше всего песен пели в последние дни масленичной недели, в том числе у костров, которые возжигали в Прощеное воскресенье¹⁴. Другие этномузыкологи, в частности А.Н. Мехнецов, специалист по русской песенной традиции, отмечает, что «среди обрядовых элементов масленицы общерусское распространение имели как разнообразные формы катаний (на конях, с гор на санях, “ледянках” — “на долгий лён”), празднично-ритуальные шествия, процессии, так и ритуальные огни (жгут костры, соломенные чучела, пуки соломы, веники, “отопки” на жердях, колёса, “мазницы” и тому подобное)»¹⁵.

И хотя в Татарице, в отличие от традиции в Казашко, не вспомнили названия хоровода-игры «пускать стрелу», де-факто давали описание сходного обряда, в ходе которого молодежь также шла вдоль всего села рука об руку. Существовали еще другие игры, например «свечка», «ё долуие лозы», «золот перстень хороню» и др.

– *Начала деўки ё сereду вечером топять баню, ё чет 'вер'х начинают гулять. С чет 'вер'уа до субботы никто их не цапаёт. Там уже ихняя уульня. Вокрух села песни, иуры, скоки. И ё субботу... наряжались, бедные куры оставались без пярей. Масленая же, надо пярю.*

– *А куда втыкали?*

– *Цвятюк. Нема старинного цвятюка показатъ. Купляные цвятюки, деланые, и мишура была. И на голову цвятюк и эдно пярё, и «Навалилась на нас растоска...» [зачин масленичной песни; ср. тоска-растоска. — Е.У.]*

По улице песни иурали. Теперь уже нема. Старые песни иурали. Иурьы, иурьы, музыкачка эта, устна музыкачка [губная гармошка. — Е.У.], были деўки, что могли сами музыкачку иурать и давай... [танцевать. — Е.У.]

— *А стрелу пускали? Вдоль села шеренгу делали, вдоль села ходили?*

— *Да. Под ручку вдоль села ходили, и песня. Ё «долгу лозу» жуляли, ё «свечку» жуляли. Ё «долгие лозы» как почнём один через одного перапрыгивать, один через одного, нажинаеся, перапрыгиваея, по всей улицы, вдоль всей улицы перапрыгиваея. А то «свечку», «свечку» по двое, по одной палочке в ручке держишь и идёшь. Свечка. Мы по парочке жуляли. Парень, девочка, парень, девочка. Доходишь, бярёшь парня, или парень бярёт деўку — и обратно. А то ещё «золот перстень хороню», на завалинок как сядем, «золот перстень хороню», кремушек один ё руку, шебень, и передаёшь. Один надо, шоб ууадал, у коуо. Не ууадаея — ууребяк ё бок, кулаком. Ха-ха!*

— *А ленты красные надевали?*

— *Да. Ходили ё лентах деўки. Красные, синие, но больше красные были. (ЕС, Татарица).*

Особого внимания заслуживает обряд «пускания стрелы». Хороводные круговые танцы, известные восточным и южным славянам, содержащие в себе элементы кручения, верчения, в основе своей являются языческими, продуцирующими магическими ритуалами, связанными с идеей плодородия¹⁶, возрождения родящей и дающей плоды матери-земли.

По мнению болгарской фольклористки Ц. Романской, русский обряд «пускания стрелы» в Казашко тесно связан с болгарскими ритуалами масленичного периода, такими, как пускание зажженных стрел, огненных колес и пр., известными в восточной Болгарии как *туйкане*, *чилкане*, *стрели*¹⁷. Суть этого болгарского обычая в том, что молодые парни вечером отправляются за пределы села и с окрестных вершин бросают огненные стрелы в дворы девушек. В статье М. Арнаудова «Огненные стрелы на Масленицу» обряды описаны более подробно, автор отмечает, что кроме стрел парни зажигали еще и большие костры, вокруг которых собирались девушки и молодухи, последние также бросали по одной стреле. Взрослые мужчины и женщины, а также девушки, танцевали круговой танец *хоро* вокруг огня под аккомпанимент народного инструмента и пение особых песен девушками, предназначенных только для этого случая. Каждый должен был потанцевать в этом круговом танце «для здоровья и урожая». В завершение обряда все участники быстро разбежались, «чтобы летом их не кусали блохи»¹⁸.

Не будем отрицать генетическое родство славянских обрядов масленичного цикла, однако отметим, что исследуемый нами обряд «пускание стрелы» широко распространен у староверов румынской Добруджи, где

на *Маслену стрелу пуцали (водили)*¹⁹. Именно с румынскими селами у старообрядцев Болгарии исторически сложились тесные экономические, культурные и родственные связи.

Известен подобный обряд и песня у староверов Молдавии. Российский музыковед Н.М. Савельева, профессор кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, многие годы изучавшая песенный фольклор староверов Молдавии и Украины и выпустившая ряд песенных сборников с аудиоматериалами по результатам своих экспедиций²⁰, отмечала, что в с. Егоровка в Молдавии гулянья проходили в послепасхальные дни в течение шести недель, т.е. до Вознесения, тогда *знали «стрелу»* (играли и водили хороводы): молодежь вставала в шеренгу, а замыкающий проводил всех за собой через ворота, созданные руками двух первых участников, передвигаясь таким образом по улице к тому месту, где водили круговые хороводы. По мнению Н.М. Савельевой, песня «Ты лети, стрела» имеет необычную историю: она, вероятно, попала в среду староверов от исконного православного населения Ветковско-Стародубского центра, где издавна существовал обряд «похорон стрелы», языческий по своему происхождению, с главной песней «Ты лети, стрела», имеющей политекстовый формульный напев. Те раскольники, который вышли из этих мест, унесли ее с собой, распели ее в собственной манере и приспособили к новым условиям жизни. В старообрядческой среде песня утратила обрядовый характер и превратилась в одну из пасхальных хороводных песен²¹.

Исследуемый обряд и песня имеет также много сходств с восточнополесским обрядом «стрела», вождение которой совершалось или в начале весны на Благовещение (на Гомельщине *на Благовешення стралу пускали, стралу вадили <...>: «Пушчу стралу да по ўсем сялу, пусть страла распускаецца»*)²², или во второй половине весны (часто на Вознесение, считавшееся на русско-украинско-белорусском пограничье последним днем весны), маркируя рубеж весны и лета. Группы женщин водили хороводы и пели песни, главной из которых была «Стрела» (с зачином типа «Летела стрела да вдоль села...»), под исполнение которой затем отправлялись в поле, где «хоронили стрелу» (мелкие женские предметы или куклу). Ср. текст песни из Казашко: *Я пустю стрелу на ўсиму силу.../ Ты лети, стрела, ўдоль да на улицы...*²³ По мнению Т. А. Агапкиной, с точки зрения практической магии полесский обряд имел аграрный характер (осмотр посевов), а также предохранял село и поля от грома и грозы (отсюда возможно и объяснение названия обряда *стрела* ‘молния’)²⁴. У болгарских староверов аграрный и магический характер обряда был утрачен, акцент сместился на игровую часть, Масленица воспринималась носителями традиции как веселый праздник весны.

Песни и игры, сопровождающие масленичную обрядность у староверов Болгарии, по мнению Ц. Романской, несколько видоизменены в сравнении с традицией других регионов восточного славянства. Согласно ее сведениям, в русской народной обрядности хороводы, совершаемые в Казашко на масленицу, были приурочены к другим календарным праздникам и происходили после Пасхи или даже на Троицу²⁵. В монографическом же исследовании Т.А. Агапкиной, посвященном этнографическим связям календарных песен у восточных славян, указывается, что «среди хороводов, фактически открывающих сезон исполнения весенних песен и зачастую заканчивающихся к Пасхе (точнее — сменяемых другими, более поздними, хороводами), можно встретить разные типы: и круговые, и двуключевые, и хороводы-процессии (типа “Стрелы/Суллы”»)²⁶.

Сохранение реликтов древнего весеннего обряда у казаков-некрасовцев свидетельствует о его особой значимости для традиционной культуры староверов, воспринимаемой ее носителями во всей полноте составляющих ее элементов различных напластований. Сохранившиеся до наших дней календарно-обрядовые песни староверов Казашко отражают социальные и бытовые отношения (за исключением «Дремы» и «Возле серого дуба», которые связаны с самим хороводом или ритуалом пускания стрелы).

Проживая в иноязычном и иноэтничном окружении, казаки сохраняли свою национальную идентичность, находя опору прежде всего в своей религии — старообрядчестве. Однако дохристианские черты народной традиции, принесенные с далекой родины, воспринимались ими самими как часть их особого мировоззрения²⁷, именно поэтому они последовательно передавались из поколения в поколение как сокровенное знание. Вот почему, на наш взгляд, несмотря на отдельные факты культурно-обрядовой интерференции (болгарско-русской), сохранились (хотя уже только в памяти информантов) именно архаичные обряды и песенный фольклор масленичного цикла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ [Кельсиев В.И.] Очерк старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. 1875. Т. 1. С. 605–620; Щепотьев В. Русская деревня в Азиатской Турции // Вестник Европы. Год. XXX: август 1895. Кн. 8; Смирнов Я.И. У некрасовцев на острове Мада // Живая старина. Вып. 1. 1896; Бехметьев П. Към историята на старите руски поселища в сегашна България // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. Год. XIX. Т. LXVIII. 1907. София, 1908. С. 294–300; Иванов В. Белго изследване на бита на староверците // Морски сговор. №. 6. 1924; Кънчев К. Староверците // Нашето Черноморие. Варна, 1938. С. 41.

² Романска Цв. Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. Т. 53. № 2. София, 1959.

- ³ *Кауфман Н.* Песни на казаците-некрасовци от България // *Българска музика.* София, 1963. № 5. С. 35–40.
- ⁴ *Иванова-Критска Е.* Наблюдения върху сватбения фолклор на руските села Казашко, Варненски окръг, и Татарица, Силистренски окръг // *Български фолклор.* Год. 3. Кн. 2. София, 1977. С. 44–51; *Иванова-Критска Е.* Типология и еволюция на руския сватбен обряд и фолклора в България (села Татарица и Казашко) // *Русские: семейный и общественный быт.* М., 1989. С. 198–221.
- ⁵ *Анастасова Е.* Старообрядците в България. Мит — история — идентичност. София, 1998.
- ⁶ Подробнее см.: Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 21–49.
- ⁷ Для удобства чтения аканье здесь и далее не отражается. Используется графика, принятая в русском литературном языке.
- ⁸ Ср. текст 50-х гг. XX века: «*Сидит дремя, сама дремит, сама спит, ставай, дремя — карауд, карауд...*» *Романска Ц.* Цит. соч. С. 543.
- ⁹ *Романска Ц.* Цит. соч. С. 539.
- ¹⁰ Текст песни приводится в орфографии Ц. Романской.
- ¹¹ *Плотникова А.А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016. С. 33–34.
- ¹² В современном русском городском детском фольклоре игра известна как *ручейк*.
- ¹³ Подробнее см.: Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С. 319–320.
- ¹⁴ *Пашина О.А.* Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998. С. 244.
- ¹⁵ *Мехнецов А.М.* Народная традиционная культура Псковской области // *Народная традиционная культура. Статьи и материалы. К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории.* СПб., 2014. С. 285.
- ¹⁶ Одной из форм выражения магической идеи «плодородия» являются действия витья, кручения, кружения, также имеющие продуцирующую функцию в обряде и интерпретируемые как развитие, приумножение некоего блага, богатства и, шире, как создание новой структуры. Подробнее см.: *Плотникова А.А.* Слав. **viti* в этнокультурном контексте // *Концепт движения в языке и культуре.* М., 1996. С. 106.
- ¹⁷ *Романска Ц.* Цит. соч. С. 540. Данные взяты из книги Д. Маринова «Народна вяра и религиозни народни обичаи» // *Сборник за народни умотворения и народопис.* Кн. XXVIII. С. 367–369.
- ¹⁸ *Арнаутов М.* Огнени стрели на заговезни // *Сборник за народни умотворения и народопис.* XXXVIII. София, 1938. С. 9–11.
- ¹⁹ *Плотникова А.А.* Славянские островные ареалы... С. 49.
- ²⁰ «Ты лети, стрела» (Народные песни старообрядцев русских сел Молдавии и Украины). М., 1998; «Не в трубушки играют» (Поют старообрядцы русских сёл Молдавии): Аудиодиск (MP3). 2009 г.
- ²¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.perunica.ru/miusik/folk/6502-ne-v-trubushki-igrayut-poyut-starobryadcy-russkih-sel-mlodavii-2009.html> Дата обращения: 12.11.2017.
- ²² *Агапкина Т.А.* Этнографические связи календарных песен. М., 2000. С. 35–36.
- ²³ *Романска Ц.* Цит. соч. С. 540.
- ²⁴ *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 648–649.

²⁵ Русское народное поэтическое творчество. М., 1954. С. 165.

²⁶ *Агапкина Т.А.* Этнографические связи... С. 35.

²⁷ Подобная ситуация характерна для староверов Румынии, см.: *Плотникова А.А.* Традиции старообрядцев в иноэтничном и иноязычном окружении. Старообрядческие поселения в Добрудже // *Balkanistic Forum.* № 3. XXVI. 2017. S. 166–180.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ЗАПИСИ 2006 г.

с. Казашко, обл. Варны

ТД — Данилова Татьяна Фёдоровна, 1940 г.р., без образования
К-И — Крицкая-Иванова Екатерина Фёдоровна, 1950 г.р., высшее образование

с. Татарица, обл. Силистры

ТА — Трохим Антропов Амилянов, 1920 г.р., нач. образование
АВ — Анна Трифонова Вавилова, 1932 г.р., без образования
ЕС — Елена Иванова Стефанова, 1941 г.р., 7 кл. образования
АП — Анастасия Якова Поликарпова, 1939 г.р., 7 кл. образования
АК — Анисья Стефанова Калистратова, 1937 г.р., 7 кл. образования.

Т.А. АГАПКИНА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ В РУССКИХ ЗАГОВОРАХ*

Abstract:

Agapkina T.A. *A man and his social environment in the Russian spells*

The article analyses the social context of traditional Russian spells, that is the structure of social groups, which surround a person within the spell universe, as well as the interactions of social groups with a person as the main subject and object of a spell.

Ключевые слова: заговор, русские, картина мира, социальный контекст, человек.

Общеизвестно, что фольклор есть совокупность жанров, и при этом каждый жанр формирует собственную картину мира — систему представлений о мире и человеке, в том числе и о его социальном контексте. Иначе говоря, социальное окружение человека в каждом жанре представлено по-своему, поэтому и мир, понимаемый как социум, всегда немного другой.

Образ социума всегда обусловлен художественными задачами жанра и его прагматикой. В русских заговорах, о которых ниже пойдет речь, описание или даже просто упоминание о социальном окружении человека, о людях вокруг него, подчинено единственной задаче — задаче выявления лиц чужих и опасных, тех, кто может негативно влиять на человека, его здоровье, благополучие, профессиональную и хозяйственную деятельность.

В целом ряде фольклорных жанров социальный контекст выстраивается на противопоставлении «своих» и «чужих». В свадьбе, например, друг другу противостоят два рода — род жениха и род невесты, в эпосе борьба идет между своими героями и иноземными врагами, в духовных стихах своя вера противопоставляется вере чужой и несправедливой. Однако в заговорах подобное противопоставление двух социальных миров практически не выражено. И вот почему: в заговорах человек не столько является частью «своего» мира, противостоящего миру «чужих», не столько является частью своего сообщества, сколько он сам, он один противопоставит всем остальным — и сообществу «чужих», и сообществу «своих». Это происходит потому, что, как говорят нам заговоры, в ко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 16-04-00101а «Образ человека в языке и культуре славян».

нечном счете каждый человек, и чужой, и свой, может быть источником опасности и беды.

Таким образом, оппозиция свой–чужой трансформируется в заговорах в противопоставление человека всему остальному миру, когда он должен защищаться и оберегаться от всех [см. фрагмент вологодского свадебного оберега: «Пресвятая Троица закрывает нас, рабов Божиих (имярек), своюю нетленную рукою от еретиков и от еретич, от колдунов и колдуний, от отца и матери, и от брата и от сестры, и от попа и от попадьи, от дьякона и дьяконицы, от чернеца и чернечки, от черных, и от черемных, и от киловатых, и от горбатых, от отроков и отроковиц, молодых и молодич, стариков и старух»¹].

Ниже мы подробнее рассмотрим социальный состав того сообщества, которое противостоит человеку в русских заговорах. В фокусе нашего внимания будут заговоры от порчи и сглаза, а также разного рода обереги (медицинские, скотоводческие, промысловые и некоторые другие заговоры). В рамках этих заговоров мы выделили восемь категорий лиц, каждая из которых отвечает какому-то одному критерию отбора, хотя иногда эти критерии и довольно расплывчаты. Логика расположения групп в рамках статьи — от групп собственно социальных и тех, в которых социальность присутствует хоть в какой-то степени, до тех, которые с объективной точки зрения социальными никак не являются, однако при этом формируют окружение человека в заговорах.

1. Первая группа имеет совершенно универсальный характер и охватывает все **поло- и социальновозрастные группы** деревенского общества. Эта группа формируется за счет:

▶ индивидуальных социальных ролей, таких, как *отрок/отроковица, девка(девица), парень, молодой / молодича, жена(женка), мужняя жена, баба, мужик, муж и жена, первоженец, двоеженатый, троюженатый, старик, старуха, вдовец/вдовица*;

▶ коллективных социальных ролей: пол — *пол мужской, пол женский*; семейный статус — *холостой, женатый и неженатый*; возраст: *старые / молодые (малые) / средние*.

2. Вторая группа состоит из **наименований представителей одного сословия — духовенства** и лиц, к нему близких или так или иначе связанных со служением Богу и религиозным культом. Это: *поп/попадья, попович / поповна* (т.е. дети священника), *дьякон/дьяконица, дьячок / дьячиха, пономарь / пономариха (пономарица), (к)титор (благодетель), просвирня, чернец/черница, белец/белица², схимник/схимница, (черный) старец / (черная)старица*.

3. Третью группу социальных ролей, или функций, мы назвали «**свои и чужие**». К «своим» заговоры относят прежде всего кровных родственни-

ков, таких как *свой семьянин, родные семейники, отец, мать, брат и сестра, кров — двоекров — троекров*, а также друзья: *други, свой товарищи*.

«Чужие» представлены обобщенно — либо именно как просто чужие: *чуж-чужанин, гости, сторонние люди*, а также *калики и нищие, иноземцы и люди от 70 (или 72)³ языков*, либо даже более сильно — как враги: *недруг, враг/вороги, супостат, сопотивник, неприятель* [см. фрагмент оберега: «Михаил Архангел... вышибает, выбивает из раба Божьего имярек все притчища и урочища... от чистых и от нечистых... от всякого роду русских и не русских, от 70-ти язык»⁴].

Противопоставление «своих» и «чужих» еще ярче выражено оппозициями, которые часто встречаются в заговорных текстах: *крещеные — некрещеные, верные — неверные (неверные люди), чистые — нечистые, русские — нерусские, други и недруги* [см. фрагмент оберега на приход чужих людей: «Огражусь частыми звездочками, что острыми стрелами, от всякого друга и недруга и лихого человека»⁵].

4. Четвертая группа лиц, которые противостоят имяреку, формируется на основании такого критерия, как **внешний облик**. Этот принцип номинации (через детали внешности), объективно говоря, не является социальным (черноглазый — не критерий для формирования социальной группы), однако при этом оказывается социально показательным и социально маркирующим (мы хорошо знаем, в какой мере внешность определяет социальную оценку). Принцип номинации социальной групп по особенностям внешности широко используется в присловьях и прозвищах, особенно коллективных, как в диалектах, так и в просторечии (*черные, узкоглазые* и пр.). Это сама большая по количеству номинаций группа (порядка 70 наименований).

Обращает на себя внимание, что социум, который противостоит человеку и является для него источником опасности, состоит из людей как самой обычной, нейтральной, внешности (т.е. в некотором смысле «своих»), так и из тех, кто никоим образом не отвечает социальной норме в этой сфере.

- Первая деталь внешности, на которую обращает внимание заговор, это воло сы, различающиеся по цвету и густоте, являющиеся либо абсолютно нейтральными, либо репрезентирующими антинорму. По цвету: *черноволосый, рыжеволосый, беловолосый, разноволосый, сероволосый, седоволосый, седатый*, а также: *белоголовка, черноголовка, русоголовка*. По густоте: *двоеволос, троеволос, кривоволос, частоволосый, стоволоска, долговолосый*; а также *косатица, волосатица, плешивый, лысоватый, стриженный*.

- Глаза: цвет: наряду с *черноглазка(ый), вишнеглазый*, активно представлена антинорма глаз и зрения: *одноглазый, разноглазый, косоглазый, пучеглазый, шароглазый; кривой, слепой*. Оба этих показателя важны

еще и потому, что считается, будто колдун или знахарь должны подходить пациенту *по крови*, т.е. по масти — по цвету волос или глаз.

- Зубы: *однозуб(ов), двоезуб, троезуб, редкозуб(ый), частозубый, разнозубый, пустозубый*.

- Лицо, кожа: наряду с нейтральными — *смуглый, белолицый*, длинный ряд аномалий — *рябой, пестрый; бритый; угроватый, страшный расшибный* (с изувеченным лицом).

- Кровь: *чернокровый, белокровый, краснокровый, чесночнокровый*.

- Спина, осанка, в отношении которых релевантной оказывается только антинорма: *горбатый, сутулый (сутуловатый), накланный, поклятый⁶/наклятый, наперед поклятый, кривой и прямой*.

Другие особенности внешности: наряду с *красивым*, много отрицательных номинаций: *шелудивый, килеватый, зобатый, хромой, хриповатый, возгивый*⁷.

[См. в качестве примера молитву от нечистого духа: «Заграждает сам истинный Господь Бог Саваоф... меня, раба Божиго имярек, ото всякого от злого, от лихого человека и супостата: от угроватого, от возгивого, от сопливого, от шедливого (вероятно, шелудивого), от килеватого, от сутуловатого... от женки долговолоски и от девки частоволоски, от черноволосых, от чернорусых, от беловолосых, от русоволосых, от седоволосых, от пестрых, от рябых, от лысоватых, от слепых, от хромых...»⁸].

Обращает на себя внимание, что внешность правильная, приятная или просто нейтральная принимается во внимание лишь в малой степени. Очевидно, что именно изъяны внешности являются «входным билетом» в социальный круг тех, кто может навредить человеку.

Пятую, совсем небольшую группу составляют **лица** без определенных характеристик, **оцениваемые негативно**: *злой человек, злодейственный человек, недобрый человек*. Есть также оценочные номинации с корнем *лих-*: *лихой человек*, чаще представленные сложными словами с первой частью *лих-*: *лихоноши, лихоглазые, лихозубые, лихокровые, лихощербные, лиходей*.

Шестую, одну из самых репрезентативных групп (35 номинаций) составляют номинации «**знатков**», или **знающих людей**, которые являются наиболее вероятными претендентами на то, чтобы быть источником сглаза, напускать на человека порчу, насаживать килу и как-то иначе отравлять ему жизнь. Судя по заговорам, такие лица составляют значительную часть социального окружения человека. Здесь выделяется несколько основных групп наименований.

- Общие наименования колдуна и колдуньи: *колдун (колдовщик) /колдунья (колдуница, колдовщица); (полу)колдуны; ведун/ведунья*

(ведуниха, ведуница): *ведуница, полуведун/полуведунья; говедун/говеду-
нья; волхит; волхун/ волхунья; волхвы/волхвицы/волиницы; волшебник/
волшебница; знатник/ знатница; кудесник/кудесница; хитрые-мудрые
люди, мудрецы и хитрецы; ворожея; вецун/вецуница; вецик/вецица*;
а также *мастер и мастерица* (тот, кто учит ремеслу); *ученик и ученица*
(полученики) (тот, кто учится).

- Номинации знающих людей, образованные от названий конкретных действий или ущерба, который причиняет колдун, от названий конкретных болезней, которые насылает колдун: *порчельник (порченик, портеник, портник, портежник, портевицик) / портенница портежница/портница, портевицица; урочливый (урочник, уротчик); призорицик; глазуны; уговорцик, наговорцик, подговорцик, оговорицики/оговорицицы, заговорцики; ветренный человек (который пускает слова или порчу по ветру), ветроносный человек, поветряный, противоветряный; грыжник, икотник, ломотник, а также ломник и ломница; проточный человек.*

- Номинации профессионалов, которым также приписывается способность причинять вред и т.д.: *кузнец/кузнечница; дохтур/дохтурица; лесник; рыбник; заешник.*

- Номинации целителей, тех, кто лечит: *шептун/шептунья, словесник, травеник.*

[См. в качестве примера фрагмент оберега скотины: «...так бы мой добыток не слышал, не видел ни уроков, ни уговоров, ни призоров... *ни ведунов, ни ведуньей, ни вециков, ни вециц, ни порчеников, ни порчениц... ни дохтура, ни дохтурицы ... ни лесников, ни рыбников, ни заешников*»⁹].

Степень дифференцированности этих номинаций, различия между которыми иногда трудноуловимы, указывает на значимость этой социальной группы, на то, что ее представители считались едва ли не самыми опасными.

7. Седьмая социальная группа — это номинации лиц, которые ведут себя неправедно, греховно. Среди проявлений греховного поведения:

- ▶ распутство: *блудник/блудница, блядун/блядуница;*
- ▶ легкомысленное поведение: *девка простоволоска* (т.е. нарушающая норму), *девка шимоволоска*¹⁰, *баба самокрутка*¹¹, *девка вертоховостка, мужик вертополох;*
- ▶ клевета, осуждение: *клеветник/клеветница, осудливые и напрасливые человеки, понапрасленники, ябедник/ябедница, позаочник;*
- ▶ грехи перед верой и церковью: *еретики/еретицы, богоотступники/богоотступницы, богоотметники, отретчик, крамольник;*

▶ злопамятство, задумывание недоброго: *думщик, передумщик, злодумливый, зломысленный человек, помысленники, мыслящие, памятный*;

▶ зависть: *завидующий (завидливый, завидящий, завидник, завистник)/завистница*;

▶ ненависть: *ненавистник/ненавистница*;

▶ беспокойство, надоедливость, задиристость: *ересник/ересница*¹², *еретник/еретница*;

▶ скрытность: *потайники (потаенники)/потайницы*;

▶ и другие: *пьяный, корыстный, скалозуб, ехидный человек*.

[См. в качестве примера фрагмент молитвы от завистливого человека: «Иисус Христос пробавил от всех неверных сил: от ведунов и колдунов, от еретиков, ересников, ересниц и еретиц... от завистливых, осудливых и напрасливых человек»¹³].

8. Последняя группа, формирующая окружение имярека в заговорах, — это наименования лиц, **которые могут непреднамеренно навредить человеку, совершая определенные действия.** Заговоры называют три основных действия, которые — при определенных условиях — представляют опасность для человека. Это — смотреть, приходиться к дом к человеку и встречаться с ним в пути.

• Опасность представляет не само смотрение, а его «неправильные» версии — смотреть непрямо, косо или подглядывать, что порождает массу описательных номинаций лиц: *со стороны видящий/смотрящий, сбоку засматривающий, от зауголья смотрящий, от пристулья смотрящий, с под тынов и сквозь тыны смотрящий, изподтулья глядящий, кто спереди смотрит, кто со стороны надзираючи смотрит, кто из нижнего окна (смотрит), кто через ворота (смотрит), кто через заплот (смотрит).*

• Номинации лиц, которые приходят в дом к имяреку: *прихожий, пришелец, налетный мужик* (приходящий с ветру), *перелетнов шапун семилетнов* (который пришел в дом в седьмой раз).

• Гораздо более сложная и развитая система представлена номинациями лиц, которые встречаются человеку в пути:

▶ тот, кто встречает имярека (т.е. идет ему навстречу): *встречный, пострешный, стретуший, стретивший, встречу идущий, спереди стритящий, навстречу попадающий*;

▶ тот, кто проходит мимо: *мимоидущий, моей дорогой идущий, проходень, прохожий, проходящий человек*;

▶ тот, кто настигает/нагоняет имярека: *вслед идущий, вслед постигший, сзади находящий, взади идущий, кто сзади нагоняет, постигающий/настигающий*;

► тот, кто пересекает дорогу имяреку: *дорогу пересекающий, дорогу перебегающий, поперечник, переходный пакостник (пакостник переходень)*;

► тот, кто идет рядом: *путники*.

Иногда заговор предпочитает перечислить все номинации, относящиеся к той или иной категории лиц. Отсюда: *встречный и поперечный (встречник и поперечник), стречный и постижный, встречник и постижник*, и, наконец, номинация, соединяющая все три способа встречи в дороге: *встречу идущий и в настижку и поперек пути моего грядущий*.

[См. фрагменты двух заговоров от уроков: «Убереги, Господи... от всех злых глаз и стречных, и постижных, и от поветряных, и противоветряных»¹⁴; «спаси и сохрани... от старца и от старицы, от попа и диакона, от клеветника, от клеветницы, от ябедника, от ябедницы, от всяких пестрых властей... от лысого, от плешивого, от сзади нагоняющего, спереди встречающего, со стороны смотрящего»¹⁵].

* * *

Итак, социальное окружение имярека (таким, каким его видит русский заговор общего назначения) формируется за счет представителей разных поло- и социовозрастных групп, членов семьи, представителей духовенства, людей нейтральной или по большей части аномальной внешности, людей, занимающихся колдовством, грешников и тех, кто — вольно или невольно — становится источником сглаза, порчи и иного ущерба для имярека.

Кого в этом окружении нет? Выясняется, что для деревенского жителя оказываются неактуальны представители иных сословий и социальных групп (кроме духовенства), а именно представители административного аппарата (власти, суд), городских обывателей, дворянства и военных. Однако именно эти группы появляются в социальных заговорах (прежде всего в заговорах, которые читают перед судом или перед визитом к начальству), когда человек деревенский выходит за пределы общины и соприкасается с остальным социальным миром. Кроме того, в тех русских заговорах, о которых мы говорили (заговорах и оберегах от порчи и сглаза, в медицинских, промысловых и хозяйственных), не было заметно территориально чужих и инородцев, что, на наш взгляд, указывает на социально закрытое сообщество, проблемы которого таятся внутри него самого.

Мы констатировали также отсутствие в русских заговорах того социального круга, в котором имярек чувствовал бы себя в безопасности, т.е. отсутствие «своих», которые могли бы защитить человека и стать его опорой. На наш взгляд, это отсутствие «своих» очень показательно с точ-

ки зрения заговора как жанра. Изолированность человека в сообществе (вычитываемая из заговорных текстов) соотносится со стратегией заговора как акта индивидуального избавления от личных неурядиц и бед.

Показательно, что фактически то же самое мы наблюдаем и в некоторых социальных заговорах. В заговорах на власть, читаемых перед судом или перед начальством, один человек, т.е. сам имярек, мыслится противостоящим всей судебной и властной системе. А в любовных заговорах такое противостояние человека всем остальным людям специально называлось ему. Любовный заговор требовал от девушки разорвать все ее социальные связи и стремился тем самым отвести ее от семьи [см. фрагмент типичного любовного заговора: «...чтобы раба Божия (имярек) тосковала по мне, рабу (имярек), и горевала, и во всей тоске пребывала... и в беседе с добрыми людьми не заговаривала; ни на кого бы не взирала, ни на отца, ни на мать, ни на брата, ни на сестру, ни на дядю, ни на тетку, ни на соседа, ни на соседку; а взирала бы на одного раба меня (имярек)»¹⁶].

Единственная группа магических текстов, в которых человек осознал себя частью некоего сообщества, — это воинские заговоры, картина мира которых мало похожа на остальные заговоры и скорее несколько напоминает героический эпос. В воинских заговорах человек никогда не выступал один, а непременно «со товарищи»: «поди, стрела... в свою мать землю от меня... и от моих советных товарищей, думных и дружных...»¹⁷.

Таким образом, в русских заговорах сформировался причудливый и донельзя искаженный мир, который не делал различий между *своими семьянинами* и *чуж-чужанцами*, *клеветниками* и *священниками*, *красивыми* и *горбатыми*, *веселыми* и *лихоношами* и т.д. Задача заговора состояла в том, чтобы не забыть никого из них и, дав каждому его имя, одолеть их при помощи слова, вернув человеку утерянное благополучие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007. С. 423.

² Поскольку эта номинация всегда соседствует с *чернецом* и *черницей*, то кажется, что она тоже имеет отношение к духовенству и отражает разделение его на белое и черное. См. рус. вят. *беличка* «девушка, готовящаяся стать монахиней», хотя есть и заонеж. *белица* «знахарка (фольк.)» (Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 214).

³ Вавилонское столпотворение разделило человечество на 72 народа (Быт 10–11), ср. в «Повести временных лет»: «От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенскъ...» (ПВЛ).

- ⁴ Собрание заговоров, употребляемых в Пермской губернии, как материал для обличения суеверий пастырями // Пермские епархиальные ведомости. 1883. № 27. Часть неофициальная. С. 388.
- ⁵ Заговоры, наговоры, привороты и отвороты (из рукописного сборника знахаря Каменева в с. Фонине, Васильевского у. Нижегородской губ. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 104 (П.В. Шейн). Оп. 1. Ед. хр. 381. I. № 24.
- ⁶ *покланый* «сутулый, наклонившийся вперед» (Словарь русских народных говоров. СПб., 1994. Т. 28. С. 388).
- ⁷ *возгривый* «1. сопливый; 2. неопрятный, нечистоплотный» (Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1970. Т. 5. С. 19–20).
- ⁸ *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. М., 1878. Ч. 2. С. 161.
- ⁹ Там же. С. 191–192.
- ¹⁰ *шимоволоска, шимоволосый* «с распущенными и растрепанными волосами» (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 2005. Вып. 6. С. 870).
- ¹¹ *самокрутка* «та, которая носит волосы не по-женски, а по-девичьи, заплетенными в одну косу» (Словарь русских народных говоров. СПб., 2002. Т. 36. С. 89); *самокрутица* «легкомысленный человек» (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 2002. Вып. 5. С. 628).
- ¹² *ерсливый* «1. Ворчливый, надоедливый. 2. Задиристый, драчливый» (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1995. Вып. 2. С. 27).
- ¹³ *Щуров И.* Знахарство на Руси // Чтение в Обществе истории и древностей российских. 1867. Кн. IV. С. 162.
- ¹⁴ *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903. № 28. Вологодская губ.
- ¹⁵ *Клер О.Е.* Заговоры // Зап. Уральского о-ва любителей естествознания. Екатеринбург, 1897. Т. 17. Вып. 2. С. 345, Екатеринбургский. у.
- ¹⁶ Великорусские заклинания: Сборник Л.Н. Майкова / Послесл., прим. и подг. текста А.К. Байбурина. СПб.; Париж, 1992. № 19.
- ¹⁷ *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии. Т. 69. Труды этнографического отдела. М., 1890. Т. 11. Вып. 1. С. 137.

М.М. ВАЛЕНЦОВА, Е.С. УЗЕНЁВА
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**К ВОПРОСУ
О СПЕЦИФИКЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
СРЕДНЕЙ СЛОВАКИИ***

Abstract:

Valencova M.M., Uzeneva E.S. *Specificity of the Mythological Representations of the Middle Slovakia*

The linguistic specificity of the Middle Slovakia, due to the presence of South Slavic dialectic elements, sometimes interpreted as preservation of archaic features, despite of a considerable amount of research, has not yet received an unambiguous ethnolinguistic explanation. In continuation of this theme and from the perspective of the Carpathian and Balkan Slavic migrations, the article considers one ideographic group of vocabulary and related concepts of the Middle Slovakia — a group of mythological characters. Particular attention is paid to the identification of lexical, typological, folklore parallels between the chosen areal and other Slavic traditions, as well as parallels in the plot and motive inventory of the Slavic mythological concepts that belong to one of the most ancient and quite stable areas of the people's worldview and folk culture.

Ключевые слова: этнолингвистика, славянская демонология, Средняя Словакия, мифологический персонаж, мифологические параллели, архаика, диалектология народной культуры.

Территория Словакии в лингвистическом и этнографическом плане делится на три большие зоны: Восточно-, Средне- и Западнословацкую области. Вопрос об особом статусе среднесловацкого диалекта имеет уже большую историю изучения (работы Р. Крайчовича, Э. Паулини, С. Цамбела и др.), отмечались его южнославянские черты, как в грамматике и фонетике (рефлексы **ort/*olt*, судьба группы **tl/dl*, окончание глагольных форм 1 л. мн. ч. *—mo* и т.п.), так и в лексике. Своеобразный итог диалектологических разысканий подведен в Атласе словацкого языка. В IV, лексическом, томе Атласа на основе дифференциации лексики проводится трихотомическое (на западно-, средне- и восточнословацкую области и их объединение в различных комбинациях) и два типа дихотомического членения, в направлении северо-восток/юго-запад и северо-запад/юго-восток¹.

В основе трихотомического членения — противопоставление лексем в каждом из трех ареалов (напр.: *vička* — *mihalnice* — *obrvi* 'веки'),

* Авторская работа М.М. Валенцовой выполнена при поддержке РФФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» № 17-18-01373 (рук. акад. С.М. Толстая).

также отмечаются группы лексики, по-разному объединяющие эти ареалы: лексика, общая для западно- и восточнословацкого ареала (противопоставленная среднесловацкому): *tieň — tuoňa* ‘тень’; *babka — stará mať* ‘бабушка’; лексика, общая для средне- и западнословацкого (противопоставленная восточнословацкому): *pešnička — špivanka* ‘песня’; *šatka — chustečka* ‘платок’; лексика, общая для средне- и восточнословацкого (противопоставленная западнословацкому ареалу): з.-сл. *kočka — mačka* ‘кошка’; *sviňa — k(a)rmník* ‘свинья’.

Дихотомическое членение словацкого языкового ареала противопоставляет северо-восток и юго-запад (общие лексические черты у говоров северной части страны и восточнословацких диалектов и общие черты южных среднесловацких и западнословацких говоров). Этот тип членения характеризует старые, исконные слова, распространенные и в других славянских языках: *sosna — borovica* ‘сосна’; *žito — pšenica* ‘жито’; *jačmeň — jarec* ‘ячмень’; *raž — žito* ‘рожь’; *praslica — kúdel’* ‘прялка’; *studení — zimní* ‘холодный’.

Дихотомическое членение, разделяющее северо-запад и юго-восток обусловлено наличием общих единиц в среднесловацких говорах Оравы, Липтова, Турца, Текова, Гонта, части Зволена — и Западной Словакии, которые противопоставлены говорам Новограда, Гемера, части Зволена и всей Восточной Словакии: *izba — chiža* ‘изба’; *hladni — lačni* ‘голодный’; *vnútri — dnu* ‘внутри’; *mnoho — veľa* ‘много’. Это разделение считают более поздним, чем рассмотренное выше, хотя и здесь присутствует небольшая группа старых исконных слов, однако в современном языке оно характерно в основном для более новых слов и для заимствований.

Совершенно очевидно, что традиционная культура, особенно культура духовная, тесно и непосредственно связанная с языком как инструментом мышления и средством выражения культурных понятий разного уровня, также имеет диалектный характер, причем, как будет показано ниже, во многом соответствующий собственно языковым данным. Исследования в области традиционной духовной культуры Словакии второй половины XX в.² — дают возможность ареально стратифицировать лексику духовной культуры. Эта задача отчасти была реализована в Этнографическом атласе Словакии, включающем, наряду с фактами материальной и социальной, также и факты духовной культуры и фольклора, в том числе 4 карты по демонологии («Хранители дома и хозяйства», «Сверхъестественные существа в суеверных рассказах», «Представления о демонологических персонажах в юго-восточной Словакии» и «Демонологические представления северо-восточной Словакии»)³.

Мифологическая терминология, которой посвящена данная статья, являясь частью национального языка, также демонстрирует различия,

характерные для перечисленных видов диалектного членения территории Словакии. Примерами трихотомического членения могли бы стать термины с значением ‘водяной’: з.-слц. *hastrman* — ср.-слц. *vodní chlap / muž / človek* — в.-слц. *topelec*; термины с значением ‘домашний дух-обогатитель’: з.-слц. *rarášek, škrátek* — ср.-слц. *škriatok, zmok, zbôžik* — в.-слц. *džmij, džmil* или названия персонажа, условно называемого ‘русалка’: з.-слц. *víla*, ср.-слц. *poludnica*, в.-слц. *rusalka*.

Общими для западно- и восточнословацкого ареалов являются мифонимы *bosorka* ‘ведьма’ — при ср.-слц. *striga* ‘то же’; названия «подменыша»: з.-слц. *odmenec, odmenenc, odmenča, odmena* и в.-слц. *odmenenec, odmena* — при ср.-слц. *premieň/premienča, premenča, premienča* (различие префиксов), а также общие для западных и восточных ареалов типы семантической мотивации данного термина от глаголов ‘подбрасывать’: з.-слц. *podhodok* и с.-в.-слц. *odvržtok* — в ср.-слц. не зафиксировано.

Для западно- и среднесловацкого ареалов общими будут лексемы, обозначающие «чернокнижника» как погодного демона: з.-слц. *černokňazník, černokrižník* — ср.-слц. *čiernokňazník, čarnokňazník* — в отличие от в.-слц. *planetnik, chmurnik, chmarnik* (известный на Замагурье *čornokšenzník* — предположительно заимствование из польского).

Средне- и восточнословацкий ареалы объединяет название «волколака»: ср.-слц. *vlkodlak, vlkolak, vrkolak* вместе с адъективами *vlkolácky, vlkolačí, vlkolačný* — и в.-слц. *vlkolak, vilkolak*.

Дихотомическое членение, вследствие которого объединяются северные среднесловацкие и восточнословацкие говоры иллюстрируют такие мифонимы, как: *topelec* ‘водяной’ (Орава — и Верхний Спиш, Замагурье). А членение в направлении северо-запад — юго-восток подтверждается распределением названий персонажа ‘мора/мара’: корень **mar-* представлен в Восточной Словакии и южной среднесловацкой области (Гемер-Малогонт, Теков, Верхний Грон), а корень **mor-/ *mur-* — в Западной и северной части Средней Словакии (Орава, Липтов, Верхний Грон). Далее вариант *mora/múra* продолжается в Моравии и Чехии.

Словакия представляет собой непрерывный этнодиалектный континуум: часть изоглосс соединяется Среднюю Словакию с Западной и далее — с Моравией и Чехией, другая часть изоглосс, объединяя средне- и восточнословацкие диалекты, продолжается в украинских закарпатских и далее в других западно-украинских говорах. Ряд изоглосс соединяет словацкие говоры с южнославянскими.

Вместе с тем нам представляется перспективным представить, в первую очередь, обзор и общий анализ мифонимов среднесловацкого ареала. Этнолингвистический материал из Средней Словакии имеет особую практическую и теоретическую значимость для этногенетических

разысканий, поскольку благодаря специфике этих говоров, восходящей к VI–VII вв., предполагается либо существование древнего континуума прасловацких и праюжнославянских диалектов, прерванного аварским, затем мадьярским завоеваниями, либо миграции предков носителей среднесловацкого диалекта из южнославянской диалектной области в праславянский период с дальнейшим длительным периодом их развития в орбите западнославянских языков. Лингвистический ландшафт меняло также воздействие внелингвистических факторов (миграции, войны, включение территории в состав разных государств и т.п.).

Учитывая рамки статьи, основное внимание в ней будет сосредоточено на терминологии собственно мифологических персонажей (далее — МП), включая различия в семантике этих терминов. Паспортизация терминов по возможности упрощена и сокращена. Полевые материалы⁴ также не конкретизируются в целях экономии места, указывается только регион записи — поскольку, например, горальская культура Оравы (север Средней Словакии) существенно отличается от традиции региона Новоград (юг Средней Словакии), подвергшейся сильному венгерскому воздействию. В статье представлены и проанализированы демонимы, зафиксированные на всей территории Средней Словакии в ее современных диалектологических рамках.

Значительная часть демонимов, функционирующих в среднесловацкой мифологической системе, имеет общесловацкое распространение (в том числе, благодаря включению этих названий в литературный язык), хотя образы обозначаемых этими словами МП (например, *striga* ‘ведьма’, *vila* ‘вила’, *piadimužik*, *pidimužik* ‘карлик’, *svetlonos* ‘блуждающие огоньки’) имеют региональные этнографические особенности. Ареал распространения другой группы терминов также не ограничивается среднесловацкими областями, нередко продолжаясь в западно- или восточнословацких регионах (например, *čiernokňazník* ‘чернокнижник’, *vila* ‘вила’). Небольшое количество терминов зафиксировано, по нашим данным, только в Средней Словакии (такие, как *runa* ‘хозяйка подземных богатств’, *grgalica* ‘лесная женщина’).

Поскольку для нас важен был обзор демонических существ выбранного региона, материал расположен в алфавитном порядке, а все необходимые комментарии даны при соответствующих терминах.

Bahorka, f — женский МП, схожий с *полудницей* и *руной*: старая женщина с длинными распатланными волосами (Верхний Грон)⁵. Термин не имеет соответствий в других славянских традициях, его этимология остается неясной.

Beťah, m — 1. (ср.-слц.) черт, дьявол, обычно в ругательствах (Себехлебы, окр. Крупина; Прохот, Глиник над Гроном, окр. Нова Бая; На-

воёвце, окр. Топольчаны); 2. (ю.-з.-слц.) нервная болезнь, эпилепсия — обычно в устойчивых выражениях (Бошаца, окр. Тренчин; Лукачовце, окр. Глоговец; Грушове, окр. Нове Место над Вагом)⁶; 3. ‘злой дух, вызывающий болезни’ (Б. Быстрица, Слов. Правно)⁷.

Bieli had, m — «белая змея», домовая змея; живет в каждом доме, но показывается только тому, кто должен в течение года умереть; если змею убьют, то умрет и хозяин (Ладзаны, окр. Крупина), скот будет гибнуть (Лишов, окр. Крупина, ср.-словац.)⁸. Змею называли «хозяином» (*domáci gazda*), она жила под порогом дома, в хлеву, во дворе, на навозной куче; либо внешне ничем не отличалась от других змей, либо считали, что она рябая, пестрая или серая (седая), как старый человек (Гемер-Малогонт)⁹. Домовая змея жила под первым камнем, на месте которого закладывали дом. Оберегала дом от нечистых духов, несчастий. Убийство змеи означало бы смерть кого-либо из обитателей дома, пожар¹⁰. Серую домашнюю змею называли хозяином (*gazda*), она жила в амбаре (Поломка, окр. Брезно)¹¹. Аналогичные термины — словен. *bela kača* и с.-рус. *белая змея* обозначают не домашнюю змею, а «короля/царя змей», хранителя подземных кладов¹².

Bobo, n — персонаж, которым пугали маленьких детей (Шумь-яц, окр. Брезно)¹³. **Bobo, bobák** ‘страшилище, которым пугают детей’; (с.-слц., редко в.-слц. дет.) страшилище, пугало, привидение¹⁴. Онома-топеический корень.

Bohiňa, f — демоническое существо, которое похищает детей. Может превратиться в птицу (Липтовске Сльаче)¹⁵. **Bohyne**, или *dive ženy* (Липтов)¹⁶. В з.-слц. регионах *bohyňa* обозначает ведьму или знахарку¹⁷.

Bohiň, m — ребенок богинки (Забьедово, Орава)¹⁸. **Bohínča** — ребенок, похищенный богинками и оставшийся с ними (Зуберец, окр. Дольны Кубин)¹⁹. **Bohynča, bohiňča** (с.-орав.) — ребенок, которого украли и воспитали богинки (Зуберец, окр. Дольны Кубин)²⁰.

Bohynka, f, *bohinka* — антропоморфный лесной дух с атрибутами природного демона. Злое уродливое существо, высокого роста, женского пола, иногда поросшая шерстью, с большими грудями, которые она перебрасывает через плечи, с длинными всколоченными волосами до пят и с телесными уродствами (хромая, косоглазая); одета в лохмотья или нагая; живет в скалах и берлогах, на болотах и в кустарниках. Особенно опасна для рожениц. Крадет и подменяет здоровых детей своими уродливыми (*bohynča*), которые не росли, не говорили и были очень прожорливы (Орава, с.-в.-слц. области Спиш, Замагурье)²¹. На Ораве и в соседних областях северного Спиша богинки жили в горах, на болотах и реках с мужьями — *bohiňarmi* и детьми *bohínčatami*. Вредили ночным путникам в лесу, роженицам²². *Bohinka, bohiňa* в Зуберце совмещает в себе признаки

ведьмы (отбирает молоко у коров) и лесного духа (живет в лесу, сводит с пути); богинки подменивали человеческих детей на своих уродливых *bohničat*, крали обувь и предметы быта. Некоторые информанты сообщали, что богинки обладают двумя душами²³. Персонаж представлен также в Малопольше, юж. Мазовии, в районах польско-украинского и польско-словацкого пограничья²⁴.

Bosorča, n — ребенок, которого по отлучении от материнской груди вновь стали кормить грудью; считалось, что он может сглазить (Детва, зволен.)²⁵. Имя, производное от *bosorka* ‘ведьма’, хотя в целом для Средней Словакии характерно название ведьмы *striga*. Подобные производные зафиксированы в моравском валашском диалекте и в украинском русинском.

Čarodejnica, f — ведьма, название, спорадически встречающееся в Средней Словакии²⁶. Термин характерен для Чехии и Моравии, а с другими афиксами — во всех славянских языках.

Čiernokňažnik, m, *černokňažnik*, *čarnokňažnik*, *černoknižnik*, *černokrižnik* — МП, который управляет природными стихиями и влияет на погоду. Появляется в виде черного монаха в длинном одеянии. В Липтове — маленький человечек в широкополой шляпе²⁷. **Č(i)ernokňažnik**, m — ср.-слц., частично з.-слц. ‘сказочный персонаж, ведьмак’²⁸. Вызывает змея-шаркана с помощью магических слов из «черной книги», быстро накидывает на него узду и правит в воздух, в жаркие страны, где люди кладут мясо шаркана по кусочку под язык, чтобы охладиться (Липтов)²⁹. Подобный сюжет известен также словенцам. Чернокнижник управляет тучами и бурей, а там, где он ударит своим бичом, бьет гром. Когда чернокнижник летит на змее (*šarkaň*) над деревней, а там звонят колокола, он должен сказать, что это собаки брешут, иначе бы змей уничтожил всё село. Во многих быличках чернокнижник предупреждает крестьян о надвигающейся буре (Гельпа, окр. Брезно), иногда просил у селян также полотно и знал, когда была спрядена каждая нитка (поскольку в четверг и в субботу вечером прясть запрещалось) (Поломка, окр. Брезно)³⁰.

Domáci had, m — домовая змея, обычно белая; считалось, что она должна быть в каждом доме, иначе дом не будет счастливым. Согласно быличке, она ела с детьми из одной миски, а когда хозяин убил ее, через неделю умерли и его дети (например, Детва)³¹. Этот мотив широко распространен во всех славянских традициях. На Верхнем Гроне называли змею «хозяином» (*hospodár*) (Поломка), верили, что убийство домовой змеи приводило к гибели скота (Погорела), плохому «воду» скота (Завадка). Если змея жила под очагом, то ее убийство приводило к смерти хозяина дома (Шумьяц)³².

Dve srdcia (mať), imp. — «иметь два сердца», так говорили о двоедушниках, которых считали ведьмаками (*strigôň*) (Погорела, окр. Брезно). Одно сердце у них оставалось живо и после смерти, поэтому они могли вредить односельчанам, или муж мог приходиться к своей вдове и даже иметь с нею детей (Гельпа, окр. Брезно)³³. Поверья о двоедушниках известны в польских и украинских Карпатах.

Dvojušnica, f — демоническое существо, которое давит по ночам или высасывает кровь у спящих; ведьма, мора (Велична, Ясенова, окр. Дольны Кубин³⁴; Ревишне, Орава³⁵). На словацкой территории термин известен только в Средней Словакии, вне Словакии — в украинском Закарпатье.

Grgalica, f — женский МП, встречается спорадически. В р-не Зволен — это огромная женщина с черными ногами, руками как лопаты, с растрепанными волосами и огромными грудями, перекинутыми через плечи. Пойманному человеку пихала в рот свои груди, пока не задушит. Ее присутствие обозначалось протяжным гиканьем. Жила в горах и люди слышали только ее голос. В р-не Банской Быстрицы не было вообще никакого образа. В Чехии подобный МП называется *hejkal*³⁶. **Grgolica**, **rgolina** — злая вила, завлекающая людей в болота (зволен.)³⁷. **Grgolica** — злая лесная вила, заманивающая людей в болота и изводящая их там, засовывая им в рот свои громадные груди³⁸. Имя можно сравнить с болг. *гъргоня* ‘сгорбивший человек’³⁹, укр. *гергель*, *гергуль* ‘неуклюжий человек с длинной шеей’⁴⁰, гуцул. *гаргон* ‘дьявол, властитель ада’⁴¹, бел. *гаргара*, m и f — экспрессивно о большом, нескладном человеке (ок. Любци)⁴².

Guš'orka, f — ведьма, колдунья (окр. Наместово, кроме с. Закаменне)⁴³. **Guš'arka** — ведьма (Остурня, Замагурье)⁴⁴. Ср. *gušlit'*, imp. — гадать, предсказывать будущее (Бобров, Наместово)⁴⁵, а также *gušlic'* ‘колдовать, наводить порчу’ (Оравска Лесна, окр. Наместово)⁴⁶. Возможно, из *kúzlit'* ‘колдовать’. Ср. также пол. *gušlarzyć*, *gušlic'*⁴⁷.

Hadiaci kameň, **hadí kameň**, m — «змеиный камень», который змеи «выдувают» (*kameň dujú*), соединившись головами вместе. Камень имел большую лечебную силу⁴⁸. «Змеиный камень» (*hadí kameň*) змеи «выдувают»: *dmuchajú kameň*⁴⁹. Камень этот, похожий на птичье яйцо, приносит счастье в суде, им гладят скот, чтобы он был гладкий и круглый, а также используют для лечения (Детва, зволен.)⁵⁰. В поверьях южных славян «змеиный камень», который некоторые змеи имеют на голове или в своих внутренностях, обладает магической силой, например, может оживить убитую змею⁵¹. По словенским поверьям, «змеиный камень» (также *žilštajn*) открывает подземные клады⁵².

Kráľ hadov, m — царь змей, с короной или гребешком на голове. Как правило, персонаж положительный, иногда помогал людям вылечить⁵³. Персонаж известен практически во всех славянских традициях.

Lasica, f — ласка, мифологизированный персонаж, аналогичный домовому ужу, жабе, кроту. **Domáca lasica**⁵⁴. Жила в хлеву или рядом с ним. Охраняла скот; ее нельзя убивать, иначе скот погибнет (Швермово, Завадка, Гельпа, Поломка, Жакаровце окр. Брезно)⁵⁵. Какой масти ласка, такой масти надо покупать и скот (Ясеница, окр. Наместо)⁵⁶. Поверья о домовом ласке распространены по всей территории Словакии, наряду с домашней змеей⁵⁷.

Mara — МП, который душит, давит людей по ночам, но также вызывает из дома рожениц и заводит в лес. Для защиты от нее надо молиться или ругаться (Гемер–Малогонт)⁵⁸. Марой мог стать человек при рождении (седьмая дочь в семье; рожденный с двумя сердцами) или вследствие неправильного крещения, двойного отлучения от груди (Гельпа, окр. Брезно)⁵⁹. Также — **mora**. Ходит душить, проникает в дом через замочную скважину; оставляет перед дверью свои внутренности; если посыпать их сечкой, она должна будет их сначала вымыть, но может и умереть (села Верхнего Грона); в Завадке аналогичные функции приписываются ведьме (*striga*). В Гельпе верили, что морой становилась умершая до очищения (очистительной молитвы) роженица или ребенок, которого дважды прикладывали к груди⁶⁰, на Ораве — девушка, умершая до миропомазания⁶¹. *Mora* — душит, давит, сосет спящих. Некоторые считали ее особой категорией ведьм или ходячих покойников (Гемер–Малогонт)⁶². Термины зафиксированы в округах Зволен, Лученец, Липтовский Микулаш⁶³. Спорадически встречается вариант **zmora**⁶⁴ ‘ведьма (*striga*), которая ходила ночью давить (*pri'iskat*) спящих’ — тогда человек бормочет и стонет во сне; пробирается она в дом через замочную скважину, оставив внутренности снаружи (Погорела, окр. Брезно)⁶⁵.

Obri, pl. — великаны, которые, по легенде, жили до потопа в замке, окруженном огромными камнями. Там, где теперь источники, было огромное болото, в котором жил змей *šarkan*, постоянно воевавший с великанами и пускавший на них серный пламень. Раз во время боя вождь великанов вырвал скалу из каменных стен и бросил ее в шаркана; от попавшего камня шаркан потерял сознание, а великан засыпал его камнями. Когда змей пришел в себя, начал кататься, бросаться в разные стороны, но смог лишь выдуть отверстие над своим носом — теперь это кратер старого источника, из которого еще слышно хрипящее дыхание шаркана (Липтовске Сльаче)⁶⁶.

Permoník, m — гном, живущий в шахте, который мог предсказывать будущее (Липтов, Вышна Боца)⁶⁷. Гномы носили остоверхие шапочки, голубые одежды, в руках — ведро и молоток; их можно было услышать (села Верхнего Грона)⁶⁸. Карлики, жившие в шахте (Жакаровце, окр. Гелница)⁶⁹. *Permoníci* — маленькие мальчики, похожие на ангелоч-

ков; если кто-то ругался, они сразу на него нападали. Указывали залежи золота (Липтовске Сльаче)⁷⁰. **Permónik** (*Bergmann*) — МП шахты (вост. Липтов)⁷¹. Персонаж известен в Моравии (*perkmaniček, permonik*) и Чехии (*permon, permoniček, permonik*). Средневековое заимствование из нем. *Bergmann*.

Poludnica, f — антропоморфный МП, появляющийся чаще в полдень. Охранял полдень и выгонял людей с поля. В Западной и Средней Словакии полудница выглядела как невеста или как простоволосая босая женщина, завернутая в длинное покрывало, или одетая в потрепанную юбку. По отношению к людям — злое, вредящее существо, опасное для рожениц, у которых крала детей. Происхождение — из душ умерших просватанных невест или из душ рожениц, умерших до очищения⁷². На Верхнем Гроне это душа умершей старой девы; если встретит мужчину на поле в полдень, затанцует до смерти (Гельпа); это умершая до свадьбы девушка; она хватала женщин и танцевала с ними, пока те не умрут; у нее большие груди, перекинутые через плечи (Погорела); она вылезает в полдень из реки Грон и забирает детей (Завадка)⁷³. В Завадке различают полудницу и вилу, но полудница приобретает характерные черты водной бабы (*vodná baba*), так же, как и на Спише (в.-слц.): она живет в воде и выходит на поля, заходит в дома, чтобы подменить детей⁷⁴.

В Гемерской столице, расположенной частью в Средней, частью в Восточной Словакии, *poludnica* (или *priepoludnica*), называлась также *vila* (Гочов и Нижняя Слана), но полудницу можно было встретить только в полдень, а вилу — когда угодно⁷⁵. Полудницей или вилой становилась невеста, умершая до свадьбы (Гемерска Полома). Эти МП любили танцевать, и в таких местах трава оказывалась вытоптанной кругом. Подобный мотив опасных для человека кругов на земле как следов ночного кругового танца (хоровода)вил широко известен болгарам, македонцам и повсеместно распространен в Сербии, спорадически встречается также в отдельных районах Черногории, Герцеговины, Боснии и Далмации⁷⁶. Полудницу, или вилу, часто слышали: она улюлюкала (*ujúkala*), а если над нею кто-нибудь смеялся или ей отвечал, она хватала его, уносила с собой, а потом крутила в танце до тех пор, пока он, изможденный, не умирал. Тот, кого утаскивала полудница, мог сохранить себе жизнь только в том случае, если ему удавалось сорвать синий цветок колокольчика (Гемер-Малогонт)⁷⁷. Аналогичные представления фиксируются еще восточнее, в долине р. Горнад, в Попрадском округе: девушка, которая между оглашениями сватовства отказалась от парня и вышла замуж за другого, ходила после смерти по полям как *poludnica*. Там же, в с. Гроновница рассказывали о *paluđe*, девушке, умершей между оглашениями свадьбы, которая в горных лесах манила к себе мужчин и губила их⁷⁸. Термин из-

вестен практически всем западнославянским традициям. Маргинально отмечен у словенцев⁷⁹.

Premien — подменьш (Гельпа, окр. Брезно)⁸⁰. **Premieň** — подмененный бабой или ведьмой (*stryga*) ребенок, который ест много, но сохнет, только живот у него растет, он не говорит, только плачет⁸¹. Персонаж известен и в других частях Словакии, и шире — в западно- и восточнославянских традициях.

Runa, f (*zemná pani*) — антропоморфный МП, дух земли. Руна известна на Дольном Спише, Верхнем Гроне, в Липтове и Гемере. Жила под землей. Это тип дикой женщины (*divej ženy*) с длинными грудями, закинутыми за спину, которая крала у мужчин еду, а у рожениц детей; иногда людям удавалось её поймать (Горный Спиш)⁸². Интересна быличка о том, как дровосеки, у которых Руна крала еду, оставили ей самогон. Она напилась и заснула. Ее убили, а потом долго-долго ходил по горам ее муж и звал: «Эфета, иди сюда, ребенок плачет!» (*Efëta, pod', di'ta place!*) (Погорела, окр. Брезно)⁸³. Руна — это старая женщина, у которой много детей. Когда она долго не возвращается домой, муж ищет ее, крича: «Руна, Руна, дети твои плачут!»⁸⁴

Sedlisko, n (досл. ‘насевшее’), 1. ночной кошмар, *mïra*, 2. ночной мотылек (Детва, зволен.)⁸⁵. **Sedlisko** (Зуберец, окр. Дольны Кубин) — ходячий покойник, вампир, садится на человека, душит его, сосет кровь; приходит в дом по ночам, мучает людей, оставляя на коже синяки; **sedielko** ‘неперсонифицированный дух, неуспокоившийся умерший, мора, упырь’ (Рабчице)⁸⁶.

Slnečnica, f — существо, которое в полдень ходит по полям и если найдет кого-нибудь спящим, уколует в ухо или горло, которые от этого воспаляются (Гемер–Малогонт)⁸⁷. Олицетворение летнего солнца. О пострадавшем говорили: «Солнечница его обожгла» (*Slnečnica ho opálila*)⁸⁸.

Striga, f — полудемон-получеловек, обладающий сверхъестественными способностями, направленными на нанесение вреда окружающим⁸⁹, ‘ведьма’⁹⁰. **Striga** ‘женщина, которая умеет колдовать’ (ср.-слц. диалекты и часть в.-слц., в горальских говорах *strïga*); в качестве второго термина указывают и лексему *bosorka*⁹¹. На Ораве термин **striga** (Груштин) объясняют более распространенным термином *bosorka*⁹². **Striga** 1. (Банска Быстрица, Словенске Правно, Турец), *stryga* (в.-слц.) — ведьма; 2. (Банска Быстрица) мора; 3. (Гонт) ночной мотыль; син. *bosorka*⁹³. **Striga** (села Верхнего Грона⁹⁴, Ладзаны, окр. Зволен⁹⁵), *strïga* (Закаменне, окр. Наместово)⁹⁶. **Strygôni** a **strygy** — люди необычных способностей и духовной силы, особенно старые. Ездят на помеле, мялке или на человеке, обращенном в коня, на шабаши и балы на Токайскую или Будинскую гору. Сами могут превратиться в коня, козла или муху. После смерти

тело их не коченеет, остается мягким, что указывает на их способность к оборотничеству (*vlkoláčtvo*)⁹⁷. Обращается в жабу или муху (Гельпа, окр. Брезно); когда ведьма умирала, бывали дождь, буря, гром; после смерти она ходила пугать (*mátat*); бывает урожденная или ученая (Погорела, окр. Брезно)⁹⁸. По некоторым функциям напоминают восточнославянского домового: например, ночью якобы катается на коне, отчего утром он весь в мыле, заплетает ему гриву (Бела, Турьец)⁹⁹. Урожденная ведьма рождалась с зубом или с *двумя сердцами*; приобрести ведьмарство можно было, подав руку умирающей ведьме или научившись колдовству от ведьмы. Стриги и стригони вредили людям сознательно. Отбирали у коров молоко, собирая росу на лугах на Троицу, на Божье Тело и др. дни (села Верхнего Грона)¹⁰⁰. Стрига отождествлялась с морой (*mora*, в с. Погорела *zmora*¹⁰¹). Особенно опасны ведьмы, у которых было два сердца, т.к. после смерти одно ставалось живым; их трупы полагалось сжечь (Верхний Грон)¹⁰². Лексема *striga* встречается также на юго-западе Словении¹⁰³ и у румын: *strigoi* ‘вампир’¹⁰⁴.

Sudičky, pl. — судички, женщины-ведуньи (*vedmy*), они обходили рожениц и предсказывали будущее еще не крещенному ребенку. Предсказывали судьбу на основании обстоятельств его рождения (месяц рождения, погода в этот день, плакал ли ребенок и т.д.) (Бобров, Орава)¹⁰⁵. Ср. серб. *суђенице*, а с другими корнями — болг. *орисница*, макед., болг. *наречница*¹⁰⁶; ср. также укр. гуцул. *судци*¹⁰⁷.

Известные всем западным славянам «ночные огоньки», в среднесловацком ареале имеют следующие названия: **svetielka**, pl. — злые существа, которые заводили путников ночью в незнакомые места, сбивали с дороги (села Верхнего Грона)¹⁰⁸; **svetidlo**, n — блуждающий огонек, «откликающийся» на свист (Ломна, окр. Банска Штявница, Гонт)¹⁰⁹; **svetlá moc**, f — огоньки, сбивающие человека ночью с пути; запрещалось отзываться на их призывы (Швермово, ок. Брезно)¹¹⁰; **svetlá noc**, f — выглядит как маленькая лампа, носимая ветром, или считали их просушивающимися кладами (Завадка, окр. Брезно)¹¹¹, злым духом, показывающимся в виде огонька и сбивающим с пути (Завадка, окр. Брезно)¹¹²; **svetlonoc**, **svetla noc** (Зуберец, окр. Дольны Кубин)¹¹³; **svetlonos** — опасный демон, показывающийся в виде света, двигавшегося близко к земле; мог изображать детский плач, чтобы завести людей в болото и там убить (Кокава, окр. Лученец); в Муранской Здыхаве его действие ограничивали последними 4 неделями перед Рождеством, поэтому называли его *adventovo svetlo* (Гемер–Малогонт)¹¹⁴.

Sarkan, m — летающий змей, погодный демон. Считалось, что верхом на нем летает чернокнижник (Орава)¹¹⁵. Мотив полета на шаркане чернокнижника, который выдает звон колоколов за лай собак, известен не

только на Верхнем Гроне, но и в области Гемер–Малогонт¹¹⁶. МП известен в Закарпатье, отчасти в Малопольше и в некоторых южнославянских регионах: например, банатские болгары, живущие в Румынии, верят, что летающие змеи *шаркане* пьют из моря воду, которая поступает в тучи, и когда бьются друг с другом два змея, начинается ливень (Банат)¹¹⁷. Как персонаж *šarkanj* представлен в поверьях и нарративах в славонских селах Хорватии, в бачских селах Сербии¹¹⁸. В р-не Бача также чернокнижник ездит верхом на шаркане (с. Селенче)¹¹⁹ и т.п.

Представлен в Средней Словакии¹²⁰ и общеславянский демон **upír**¹²¹, m — покойник, который после смерти и похорон при определенных обстоятельствах оживал и возвращался, чтобы вредить и сосать кровь у людей и животных. Карпато-балканским мотивом можно считать способность упыря вызывать стихийные бедствия, засуху, неурожай, эпидемию и мор скота. А мотив рождения им после смерти потомства от своего живого партнера, которое, однако, рождалось без костей¹²², имеет параллель в болгарском образе вампира, представляемом как мешок с кровью, тоже без костей¹²³. Термин встретился на Ораве: *upír* (Бобров), в Турце (окр. Мартин), а также с другим именем — *sedlisko* — в связи с тем, что, по поверьям, вампир садится на человека, душит его и сосет кровь, сближаясь по функциям с *мóрой* (Зуберец, окр. Дольны Кубин)¹²⁴.

Колдуны, знахари и предсказатели названы именами с корнем **věd-* ‘знать, ведать’:

vedma, f — ведунья, которая могла предсказывать, потому что *знала*, предвидела, могла видеть нечто большее. Она собирала лекарственные травы, камни, кости; по волосам, ногтям человека могла предсказать ему будущее; могла навести порчу (*pobosorovat*), сглазить (*urieknut*) (Бобров, Орава). Термин известен в западнословацкой области: *vedma* ‘женщина, которая могла колдовать, гадать по просьбе обратившихся к ней, на заказ «навести» и «снять» порчу, найти потерянную вещь, узнать будущее; ее способности наследовались¹²⁵; ср. в чешском: *vědma*, *vědma* ‘колдунья’¹²⁶;

vedomci — колдуны, делают *bobonstva* (ср. полес. *забобоны*), умеют гадать (*čarit*) с решетом и глиняными шариками (Детва, зволен.)¹²⁷. Ср. словен. *vedomec*, *vedavec* ‘знахарь; ведьмак’¹²⁸;

veštec и **veštica** — колдуны и знахарки, могут навести и снять порчу, приворожить любимого, предсказать будущее и найти украденные вещи (Терхова, Орава¹²⁹; Липтовске Сльаче¹³⁰). Термин также известен в южнославянских языках: словен. *veščica* ‘пророчица’, *veščca* ‘ведьма’, с.-х. *veštiica* ‘старая женщина, которая тайком знает с дьяволом’, макед. *veštiica* ‘ведьма’, болг. *veštiica* ‘ведьма, чародейка, злая, уродливая женщина’, ‘ночная бабочка, светляк’, ст.-слав. *veščica* ‘женщина, которая знала будущее и предсказывала его’¹³¹.

Vila — вила, МП, известный в Средней и Западной Словакии. В Восточной Словакии аналогичны вилам русалки¹³². Ср. у южных славян: словен., хорв. *vila*, серб. *вила*, болг. *самовила*, которых также называют балканской *русалкой*¹³³. Персонаж характерен для всей Западной (от Загорья, Белых Карпат до Мыявы — в Тренчанской, Нитрянской столицах, особенно в Поважье), большей части Средней (Орава, Липтов, Верхний Грон) и самого севера Восточной Словакии (Замагурье). На западе это лесная дева, дух природы или «заложная» покойница. По направлению на восток вила все больше становится «водным» персонажем (ср.-слц. *вилы* — хозяйки горных озер), актуализируется сема «заложная покойница», вила трансформируется в русалку¹³⁴.

Вилы — это души молодых девушек, умерших до свадьбы. Живут в лесах, в горах, около рек, где поют, смеются и танцуют. Мужчину, который им ответил или приблизился к ним, они затанцовывали до смерти¹³⁵. Могут делать добро, давать дары людям, помогать бедным, становиться крестной матерью ребенка, лечить травами и учить врачевать¹³⁶. По рассказам из Липтова, вила — это просватанная девушка, умершая до свадьбы; или роженица, умершая до очищения (Липтов)¹³⁷. Рассказывали о вилах, живущих в горных озерах Штрбского плеса (озера), о том, как сын вилы влюбился в красавицу пастушку и забрал ее к себе во дворец, за что влюбленная в него прекрасная русалка, хозяйка соседнего озера, обиделась и назначила сопернице судьбу, чтобы та привлекала к озеру смертных и топила их, вызывая проклятия людей. А сама русалка покинула свое горное озеро, которое высохло (Попрад, прешов. — Спиш)¹³⁸. Такие легенды имеют южнославянские параллели: ср., например, сербские сюжеты в песнях о виле Баздарджийке, которая замкнула воду в горном озере и не давала ее пить людям и зверям, пока Марко Кралевич не победил ее¹³⁹. Много записей о вилах и их проказах, особенно опасных для рожениц, о том, что нельзя отвечать на их пение, хохот и призывы, насмехаться над ними, — из Бошацкой долины (з.-слц.)¹⁴⁰. Чтобы защититься от вил, надо вывернуть все части одежды и других вещей наизнанку¹⁴¹.

Идентифицирующие признаки словацкой вилы — внешний вид (молодая девушка), круговые танцы, пение, преследование парней и молодых мужчин — соотносятся с южнославянскими вилами и самовилами. В Средней Словакии вила все чаще отождествляется с полудницей, русалкой, водяницей, дикой женкой и др. женскими природными персонажами. Хотя в Липтове, например, *vily, lesné vily* все еще лесные девы, красивые и соблазнительные, которые танцевали, пели, могли заманить и «затанцевать» молодых мужчин до смерти. В целом они воспринимались как добрые существа, например, могли наделить человека каким-нибудь талантом (*vila dála do vienka*).

По нашим полевым данным, на Верхнем Гроне образ *вилы* смешивается с полудницей (*poludnica*), в области Турец (с. Бела) вил называют ведьмами (*strigy*) и рассказывают, что они собираются на мосту для танцев, но только в ночь на св. Люцию 13.XII (видимо, на смену термина повлияло зимнее время года, когда появление вил и русалок не характерно, зато очень популярны сюжеты о разгуле ведьм). Само слово *вила* известно уже только по сказкам.

Vlkolak — человек-волк, оборотень. На Верхнем Гроне бытовала быличка, широко известная у славян (а также у германцев) о «муже-волколаке», в зубах которого застряла нитка из юбки жены; только здесь ипостась волколака — серый пес¹⁴². Превращение в собаку известно в с.-в. Сербии, с.-з. Болгарии и в Закарпатье. Отличительной чертой оравского волколака является тяга к оборотничеству в полнолуние: тогда волколаки воют в полях, а если им встречался человек или животное, то они убивали его, но никогда не ели мяса, что отличало их от волка (Бобров, Орава)¹⁴³. Также известны былички о превращении людей в волков ведьмой (Габовка, Орава)¹⁴⁴.

В южных регионах Средней Словакии представлен вариант **vrkolak**. Он мог распознавать ведьм, калеча животных, в которых они превращались. Например, в Муранской Здыхаве крестьянин подстрелил волка, а вернувшись в деревню, узнал, что мужчина, и раньше подозреваемый в том, что он волколак, лежит дома раненый (Гемер–Малогонт)¹⁴⁵. Огласовка имени волколака с –г- представлена в серб. *vrkolak* (существо, проглатывающее Солнце и вызывающее солнечные затмения — Тимочка Краина), в тур. *virkolak*, греч. *вурколакас* (наряду с *вруколакас*, *вуркулакас*, *вриколакас*), румын. *вырколак*¹⁴⁶, болг. *върколак*, *враколак*, *врколак*¹⁴⁷, а также в ю.-рус.: *варкулáка* ‘вурдалак; собака-оборотень’ (дон.)¹⁴⁸.

Vodná baba, *vodná žena* — «водная баба/женщина», злой МП, топящий людей или подменивающий новорожденных детей. Среднесловацкие «водные жены» жили в болотах, затягивали в них прохожих, южнословацкие — в водоворотах и омуты, топили рыбаков и купающихся. Распространение терминов *vodná baba*, *vodná žena* картографировано в «Этнографическом атласе Словакии»¹⁴⁹. На Верхнем Гроне это женщина с большими руками, глазами и ртом; ночью она стирала белье под мостом; неосторожным матерям подменивала детей¹⁵⁰. Такие дети (*prečarované dieťa*, *premiencia*) не говорили, были глупыми; однако если ударить такого ребенка тыльной стороной руки, водная баба заберет его обратно (Шумьяц, окр. Брезно)¹⁵¹. Аналогичные рассказы в Шумьяце связывают и с полудницей¹⁵².

Vodní chlap, **vodní človek**, **vodní muž**¹⁵³ — названия водяных, которые живут в Татранских озерах (плёсах), эти существа все обросшие

мхом, крадут друг у друга жен¹⁵⁴. В Липтове **vodník** — душа утопленника, которая превращаясь в зайца, заманивала людей в реку Грон и топила¹⁵⁵. На Ораве водяной называется **topelec**. Аналогию словацким названиям представляют серб. *водени човек* ‘антропоморфный дух, оживший утопленник, который заманивает людей в реку и топит’¹⁵⁶, чеш. *vodní muž(ík)* ‘водяной’¹⁵⁷.

Известный практически по всей территории Словакии дух-обогатитель, появляющийся в виде мокрого черного цыпленка, в средне-словацких говорах имеет названия: **zmaк**, m (Ямник, окр. Липтовский Микулаш)¹⁵⁸, **zmek** (орав., липт.)¹⁵⁹, **zmok** (Орава; Верхний Грон)¹⁶⁰. Этот дух приносил все, что ни пожелаешь, особенно зерно и деньги. Его можно было вывести из последнего яйца черной курицы, нося его подмышкой; или найти змока на болотах, в мокрых местах. Избавиться от него было практически невозможно (Погорела, окр. Брезно)¹⁶¹. Змок приходил к тем, кто был богатый и счастливый (Завадка, окр. Брезно)¹⁶². По другой версии, змок приносил несчастье, неурожай, бедность, а яйцо, из которого он выводился, подкидывали в дом ведьмы (Бобров, Орава)¹⁶³. Мог принимать черты змея-любовника (Ладзаны, окр. Зволен)¹⁶⁴. Аналогичные термины представлены в чешских и моравских диалектах: чеш., ст.-чеш. *zmaк* ‘дракон’, морав. *zmaк* ‘дух в образе мокрой курицы, приносящей деньги хозяину’, ‘дух влаги, который приносил благословение в виде урожайного дождя’, ‘огненный дракон, приносящий деньги’, ‘дьявол’. Чеш. *zmek* ‘чертик’, ст.-чеш. ‘дьявол; дух в образе черной курицы, приносящей хозяину деньги’, ‘черт’, морав. *zmek* ‘дух в образе мокрой черной курицы, приносящей хозяину деньги’, ‘дракон’¹⁶⁵.

Количество информации о каждом из названных персонажей можно было бы умножить, как и, наверное, расширить сам список средне-словацких МП. Однако даже на этом этапе можно увидеть, что демонология выбранного региона, с одной стороны, имеет определенную специфику, в первую очередь, за счет южнославянских параллелей и совпадения некоторых редких мотивов, а с другой, — объединяется различными конфигурациями с другими регионами Словакии, причем изоглоссы и изодоксы мифологических явлений продолжают в западнославянской (польской, серболужицкой), восточнославянской (карпатоукраинской, полесской) и южнославянской (особенно словенской, хорватской) традициях. Представленные материалы дают нам основание предположить вероятность сохранения в центральной горной части Словакии реликтов праславянских культурных диалектов времен первой Карпатской миграции славян, принесенных затем славянами на Балканы и поддержанных позже «второй» карпатской миграцией славян в XIV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Atlas slovenského jazyka. [D.] IV. Lexika. Časť druhá. Úvod — komenráre — dotazník — indexy / Hl. autor a vedúci pracovnej skupiny J. Štolc. Bratislava, 1984.

² Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 1, 2; Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. (Obrady, zvyky, a povery — 1939) / Zostavili V. Felgová a M. Leščák. [Zv. I]. Bratislava, 1995; Slovenské svadby. Z dotazníkovej akcie Matice Slovenskej 1942 / Zostavil M. Leščák. [Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. II]. Bratislava, 1996; Zabudnuté priadky. K tradičnému spoločenskému životu mládeže na Slovensku / Zostavil a odborné komentáre napísal D. Luther. [Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. V]. Bratislava, 1999; Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia (1) / M. Leščák. [Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. VI]. Bratislava, 2005; Pramene k obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia (2) / M. Leščák. [Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. VII]. Bratislava, 2006; *Horváthová E.* Rok vo zvykoch nášho ľudu. [Bratislava], 1986.

³ Etnografický atlas Slovenska. Mapové znázornenie vývinu vybraných javov ľudovej kultúry. Bratislava, 1990. Mapy № 8–11. S. 83–84 (Vsego в Атласе 535 карт).

⁴ В статье использованы полевые материалы последних лет, записанные авторами в разных регионах Средней Словакии: в регионе Турьец в 2007 г. (обл. г. Мартина: села Блатница, Бела, Дубове и Быстричка — Е.С. Узенева); на Ораве в 2008 г. (с. Зуберец, окр. Дольны Кубин — Е.С. Узенева) и в 2009 г. (Наместово, Бобров — М.М. Валенцова); в области Верхнего Грона в 2009 г. (с. Гельпа, Шумьяц — Е.С. Узенева, М.М. Валенцова); в области Липтов в 2012 г. (Липтовска Лужна, Липтовске Ревуце, Липтовске Сльяче — М.М. Валенцова) и в 2013 г. (г. Ружомберок — рассказы из Липтовской Осады, Липтовского Михала, Ивахновой — М.М. Валенцова).

⁵ *Horváthová E.* Duchovná kultúra // Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Diel II. Bratislava, 1974. S. 336; Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.

⁶ Slovník slovenských nářečí. Red. I. Ripka. Bratislava. D. 1. 1994. S. 112.

⁷ Slovenský slovník z literatúry aj nářečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. V Banskej Bystrici, 1923.

⁸ Archív textov Ústavu etnológie SAV, Bratislava, inv. č. 803, inv. č. 799/A.

⁹ Gemer—Malohont. Národopisná monografia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011]. S. 370.

¹⁰ Полевые материалы авторов.

¹¹ Archív textov... inv. č. 763.

¹² *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec; Ljubljana, 2008. S. 167; *Власова М.* Новая абевега русских суеверий. Иллюстрированный словарь. СПб., 1995. С. 53.

¹³ Archív textov... inv. č. 168.

¹⁴ Slovník slovenských nářečí. Red. I. Ripka. Bratislava, 1994. D. 1. S. 135; Slovenský slovník z literatúry aj nářečí... S. 30.

¹⁵ Čo rozprával sváko Vajda. Výber z rozprávok Jána Vajdu Tichého z Liptovských Sliačov. Rozprávanie zoznamenal a publikáciu zostavil K. Ondrejka (Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. VII). Bratislava, 2000. S. 118.

¹⁶ *Ondrejka K.* Rozprávnia spod Slatína. [Bratislava, 1972]. S. 66.

¹⁷ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 1. S. 44.

- ¹⁸ *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin, 2006. S. 273.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Slovník slovenských nářečí... D. 1. S. 140.
- ²¹ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 1. S. 44; Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
- ²² Slovensko... S. 1029; *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti... S. 273.
- ²³ Полевые материалы авторов.
- ²⁴ *Санникова О.В., Усачева В.В.* Богинка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 215.
- ²⁵ *Medvecký K.A.* Detva. Detva, 1905. S. 203.
- ²⁶ Atlas slovenského jazyka... S. 233.
- ²⁷ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 1. S. 72.
- ²⁸ Slovník slovenských nářečí... D. 1. S. 250.
- ²⁹ Krásy Slovenska, r. VII, 1928. S. 169.
- ³⁰ *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 334.
- ³¹ *Medvecký K.A.* Detva... S. 205.
- ³² Archív textov... inv. č. 763.
- ³³ Archív textov... inv. č. 763.
- ³⁴ Slovník slovenských nářečí... D. 1. S. 418.
- ³⁵ *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti... S. 274–275.
- ³⁶ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 1. S. 155.
- ³⁷ Slovenský slovník z literatúry aj nářečí...
- ³⁸ *Mičátek L.A.* Differenciálny Slovensko-Ruský slovník s troma prílohami a skrátená mluvnica slovenského jazyka s krátkym úvodom. Turč. Sv. Martin, 1900. S. 47.
- ³⁹ Български етимологичен речник / Ред. М. Рачева, Т. Ат. Тодоров. Т. 1. София, 2002. С. 302.
- ⁴⁰ Етимологічний словник української мови. Т. 2. Київ, 2006. С. 145.
- ⁴¹ *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія: Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002. С. 88–89.
- ⁴² *Усціновіч А.К.* Асаблівая лексіка гаворкі аколці Любчы // З народнага слоўніка. Мінск, 1975. С. 57.
- ⁴³ *Grigel M.* Goralské nářečie. Slovník. Namestovo, 2004. S. 404.
- ⁴⁴ *Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca. Bratislava, 1976. S. 137.
- ⁴⁵ Slovník slovenských nářečí... D. 1. S. 525.
- ⁴⁶ *Grigel M.* Goralské nářečie... S. 404.
- ⁴⁷ *Санникова О.В.* Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. С. 251.
- ⁴⁸ *Dobšinský P.* Prostonárodnie obyčaje, povery a hry slovenské. Martin, 1880. S. 114.
- ⁴⁹ Полевые материалы авторов.
- ⁵⁰ *Medvecký K.A.* Detva... S. 204.
- ⁵¹ *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 49.
- ⁵² *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga... S. 167.
- ⁵³ Полевые материалы авторов.

- 54 Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
 55 Archív textov... inv. č. 763.
 56 Archív textov... inv. č. 206.
 57 Etnografický atlas Slovenska... S. 83, карта 8.
 58 Gemer—Malohont. Národopisná monografia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011]. S. 371.
 59 *Podolák Ján a kol.* Heľpa. Vlastivedná monografia oblasti. Martin, 1999. S. 190.
 60 Archív textov... inv. č. 763
 61 Полевые материалы авторов.
 62 Gemer—Malohont... S. 371.
 63 Slovník slovenských nářečí... D. 2. S. 188.
 64 Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
 65 Archív textov... inv. č. 763.
 66 Zpravy Liptovského Muzea, 1933, № 4. S. 121.
 67 Sborník Matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis, dejepis a literárnu históriu. Turčiansky sv. Martin, Roč. VII, 1929, № 1–2. S. 27.
 68 *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 334.
 69 Slovník slovenských nářečí... D. 2. S. 777.
 70 Čo rozprával sváko Vajda... S. 114–115.
 71 SbMS, r. VII, 1929/1–2: 27.
 72 Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 2. S. 61–62; Archív textov... inv. č. 763.
 73 Archív textov... inv. č. 763.
 74 *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 336.
 75 Gemer—Malohont... S. 371.
 76 *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 243–249.
 77 Gemer—Malohont... S. 371.
 78 *Michálek J. a kol.* Ľud hornádskej doliny (na území Popradského okresu). Košice, 1989. S. 283.
 79 *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga... S. 327.
 80 Archív textov... inv. č. 763
 81 *Dobšínský P.* Prostonárodné obyčaje... S. 115–116.
 82 *Horváthová E.* Zo zvykoslovných a poverových reálií na hornom Spiši // SN. R. 20. 1972. № 3. S. 500.
 83 Archív textov... inv. č. 763
 84 *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 336.
 85 *Vážný V.* O jménech motýľů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955. S. 70.
 86 Полевые материалы авторов.
 87 Gemer—Malohont... S. 373.
 88 *Dobšínský P.* Prostonárodné obyčaje... S. 116; Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
 89 Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 2. S. 202.
 90 Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карты 9, 11.
 91 Atlas slovenského jazyka... S. 232–233.
 92 Полевые материалы авторов.
 93 Slovenský slovník z literatúry aj nářečí...
 94 Archív textov... inv. č. 763.

- ⁹⁵ Archív textov... inv. č. 803.
- ⁹⁶ *Grigel' M.* Goralské nárečie... S. 405.
- ⁹⁷ *Dobšinský P.* Prostonárodné obyčaje... S.116.
- ⁹⁸ Archív textov... inv. č. 763.
- ⁹⁹ Полевые материалы авторов.
- ¹⁰⁰ *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 328.
- ¹⁰¹ Archív textov... inv. č. 763.
- ¹⁰² *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 330.
- ¹⁰³ *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география... С. 646. Карта № II-3-3.
- ¹⁰⁴ *Голант Н.Г., Плотникова А.А.* Этнолингвистические материалы из Мунтеинии (округ Бузэу, села коммун Мерей, Мынзлешть, Пьетроаселе, Скорцоаса) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. 2009–2011. Вып. 2. М., 2011. С. 414.
- ¹⁰⁵ Полевые материалы авторов.
- ¹⁰⁶ Подробнее о балканских сюжетах, посвященных демонам судьбы см.: *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география... Карта № II-3-16.
- ¹⁰⁷ Подробнее см.: *Узенева Е.С.* Этнолингвистические материалы с юго-западной Украины (с. Устерики, Верховинский район, Ивано-Франковская область) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Г.П. Клепиковой. М., 2008. С. 325.
- ¹⁰⁸ *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 332.
- ¹⁰⁹ Archív textov... inv. č. 799/A.
- ¹¹⁰ Archív textov... inv. č. 763.
- ¹¹¹ Archív textov... inv. č. 763.
- ¹¹² *Horváthová E.* Duchovná kultúra... S. 332.
- ¹¹³ Полевые материалы авторов.
- ¹¹⁴ Gemer–Malohont... S. 372.
- ¹¹⁵ *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti... S. 268.
- ¹¹⁶ Gemer–Malohont... S. 366.
- ¹¹⁷ *Гура А.В.* Символика животных... С. 289.
- ¹¹⁸ *Плотникова А.А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. Москва, 2013. С. 53 и далее.
- ¹¹⁹ Там же. С. 54.
- ¹²⁰ См. карту 9 в *Etnografický atlas Slovenska*... S. 84.
- ¹²¹ Подробнее о названиях упыря в славянских языках и этимологии слова см.: *Валенцова М.М.* Этнолингвистический комментарий к этимологии слова *упырь* // Труды Института русского языка. IV. Этимология. Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М., 2015. С. 101–125.
- ¹²² *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*... D. 2. S. 277–278.
- ¹²³ Българска митология. Енциклопедичен речник. Съставител А. Стойнев. София, 1994. С. 45.
- ¹²⁴ Полевые материалы авторов.
- ¹²⁵ *Bužeková T.* Nepriateľ zvnútra. Bratislava, 2009. S. 33–34.
- ¹²⁶ *Зайцева Н.И.* Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Диссертация кандидата филологических наук. Минск, 1975. С. 271.
- ¹²⁷ *Medvecký K.A.* Detva... S. 203.
- ¹²⁸ *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga... S. 315–316.

- 129 Časopis muzeálnej slovenskej spoločnosti. Turčianský Sv. Martin. R. X, 1907, № 1. S. 10.
 130 Čo rozprávaj sváko Vajda... S. 113.
 131 ЭСБМ 2: 117–118.
 132 Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 2. S. 302–303.
 133 Плотникова А.А. Этнолингвистическая география... С. 614. Карта № II-3-1а.
 134 Подробнее о сопоставлении словацкого и южнославянского образов вилы см. Валенцова М.М. Словацко-южнославянские соответствия: вила // Славяноведение, 2003, № 2. С. 79–86.
 135 Slovensko... S. 1028.
 136 Ondrejka K. Rozprávnia spod Slatína... S. 104; SN 1968/1: 117–118; Полевые материалы авторов.
 137 Ondrejka K. Rozprávnia spod Slatína... 169–171; Полевые материалы авторов.
 138 ZLM 1932/3:24.
 139 Матюхина О. Вили — давньослов'янські божества // Проблеми слов'язнознавства. 2000, вип. 51. С. 53.
 140 Slovenské pohľady. 1892. № 1. S. 210, 211.
 141 Priečko M. a kol. Nesluša 1367–2007. Vlastivedná monografia obce. 2007. S. 257; Slovenské pohľady, 1892. № 1. S. 211.
 142 Horváthová E. Duchovná kultúra... S. 331.
 143 Полевые материалы авторов.
 144 Habovštiak A. Oravci o svojej minulosti... S. 276.
 145 Gemer–Malohont... S. 373.
 146 Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970. С. 91.
 147 Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М., 2015: 91.
 148 Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 4. Л., 1969. С. 54–55.
 149 Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
 150 Slovensko... S. 1029; Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska... D. 2. S. 311.
 151 Archív textov... inv. č. 763
 152 Archív textov... inv. č. 168
 153 Slovensko... S. 1029; Etnografický atlas Slovenska... S. 84, карта 9.
 154 Dobšinský P. Prostonárodné obyčaje... S. 117.
 155 Zprávy Liptovského múzea. Zodp. Red. I. Houdek. Ružomberok, 1932. № 2. S. 60.
 156 Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник... С. 86.
 157 Зайцева Н.И. Мифологическая лексика... С. 274.
 158 Zprávy Liptovského múzea. Zodp. Red. I. Houdek. Ružomberok, 1932. № 3. S. 27.
 159 Зайцева Н.И. Мифологическая лексика... С. 278.
 160 Полевые материалы авторов; Ondrejka K. Rozprávnia spod Slatína... S. 148–149; Archív textov... inv. č. 763.
 161 Archív textov... č. 763.
 162 Archív textov... č. 763.
 163 Полевые материалы авторов.
 164 Archív textov... č. 803.
 165 Зайцева Н.И. Мифологическая лексика... С. 278.

И.А. ГЕРЧИКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЧЕШСКИХ ПЕРЕВОДАХ (ЛИБОР ДВОРЖАК)

Abstract:

Gerchikova I.A. *Russian literature in Czech translations (Libor Dvorak)*

The article is devoted to the translations of works of the Russian literature into Czech, the different periods of interpretation in the Czech Russian philology of the 20th — 21centuries. In more details are presented the activities of Libor Dvorak (born in 1948) who is often called as the chief specialist about Russia, his translations of classical and modern Russian literature and also his views as a judge of Russian culture.

Ключевые слова: Русская литература, чешская русистика, литературный перевод, Л. Дворжак, С. Довлатов, восприятие культуры.

Интерес к русской культуре и русскому языку в Чехии имеет давние корни. Еще во времена Национального Возрождения, пытаясь освободиться от германизации культуры, Чехия устремляла взоры к сильному восточному соседу в надежде, что славянское единство поможет сохранить чешский язык и чешскую культуру. Упоение идеями панславизма прошло, однако интерес к русской культуре прочно укоренился в чешском мышлении. В 1927 г. на философском факультете Карлова университета открылась кафедра славистики, после Второй мировой войны в обществе стал ощутим интерес к русскому языку, и уже в 1957 г., когда ЧССР вошла в соцлагерь, на базе кафедры славистики была основана кафедра русского языка. В конце 1960-х годов русистика получила широкое развитие. Заведующие кафедрой менялись, возникали разные программы, славистика переживала и тяжелые времена, особенно в начале 1990-х годов после «бархатной революции», когда произошло отторжение всего русского и советского, что отрицательно сказалось и на интересе к русскому языку. Но ситуация изменилась, и новое поколение студентов в XXI в. не испытывает неприязни к России, связанной с исторической травмой 1968 г., а язык они воспринимают как ключ к интересной культуре или же экономическим возможностям, связанным с крупным рынком.

Сегодня чешская русистика — одна из самых сильных и авторитетных в мире. Есть прекрасные переводчики — Людмила Душкова, Алена Моравкова, Вацлав Данек, Анна Новакова, литературоведы, критики, журналисты. Существуют, конечно, и чешские авторы, которые стремятся, якобы, раскрыть русскую душу и культурные особенности нашей страны, но на самом деле такие журналисты, политики, как Яромир

Штетина, Петра Прохазкова, Давид Штяглавский, представляя Россию с неприязнью и в самом неприглядном виде, стремятся внушить чешскому читателю, что Россия обречена, ее можно только презирать, а братства и взаимопонимания славянских народов не было и нет¹. Надо сказать, однако, что не эти авторы определяют лицо чешской культуры и не они говорят об отношениях между нашими странами.

Чешское восприятие русской литературы, включающее в себя художественные переводы, читательский интерес, литературную критику и вообще рецепцию со стороны всей культурной среды, пережило в своем развитии в течение XX в. несколько этапов. Их особенности всегда отражали актуальное состояние культурных связей чешского и русского народов и, конечно, актуальную культурно-политическую обстановку, представляющую собой основу и рамки формирующегося русско-чешского межкультурного диалога. Менялся интерес к разным жанровым, тематическим, стилистическим, семантическим и художественным ценностям русской литературы и менялось количество названий отдельных издаваемых артефактов последней. Именно поэтому нельзя сказать, что повторяющиеся массовые издания определенной книги всегда соответствовали ее художественному значению и ценностному вкладу в межкультурный диалог.

Обоснованным представляется мнение чешского слависта, крупнейшего специалиста по русской литературе Олдржиха Рихтерека (род. 1940 г.), который выделяет минимально четыре основных периода, представляющих собой исходные платформы чешской рецепции и интерпретации русской литературы в течение XX века².

Начальный период представлял собой первые переводы и издания русской классики, начиная с середины XIX в. Отношение чехов к русской литературе и культуре базируется на предшествующих традициях русофильства и уже существующей большой популярности русской классической литературы XIX в. Эта популярность подпитывалась не только многочисленными чешскими изданиями произведений всех корифеев русской классики (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова), однако, известными были и такие писатели, как И.А. Гончаров, А.Н. Островский, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко, Н.С. Лесков и др. Были также и театральные постановки, рецензии и критические отклики. Следующий период — между двумя войнами (1920–1939) — был отмечен присутствием в Чехословакии русской эмиграции после 1917 г. и “левой” ориентацией, значительным интересом чехов к развитию новой русской послереволюционной литературы и культуры. Третий период после 1945 г. характеризовался вначале повышенным вниманием ко всему русскому в

связи с решающим участием советских солдат в освобождении тогдашней Чехословакии, а позднее ограничением круга произведений русской литературы, вызванным идейной и политической тенденциозностью. Постепенно возникало и недоверие ко всему русскому, к современной русской культуре: Рихтерек отмечает, что немалая часть переводов книг советских авторов, издававшихся массовым тиражом в качестве образцов социалистического реализма и распределявшихся по библиотекам и книжным магазинам, лежала часто невостребованной читателями.

Четвертый этап начинается с 1990-х годов, который Рихтерек называет периодом “великого распада”, но также и временем перелома и поисков подлинных и естественных контактов. Они нужны, считает чешский русист, не только для того, чтобы найти ориентиры в обстановке меняющейся иерархии традиционных ценностей — от поддержки традиционных культурных связей до порицания всего русского. Они нужны для естественного и объективного возобновления диалога русской и чешской культур, основанного на более глубоком взаимопознании с учетом национального своеобразия каждой из них. Опыт 1990-х годов показал, что контакты чешской культуры с русской являются естественной потребностью, вытекающей из открытого общения каждой “зрелой” национальной культуры с лучшими культурами всего человечества. Хотя в чешском обществе появился заметный критицизм в отношении всего русского, представляющий собой стихийную реакцию на возникшую возможность свободного мышления и поведения и отражающий стремление отделиться от предыдущего историко-политического этапа, ожидания некоторых скептиков, что русские артефакты теперь на долгое время исчезнут из чешской культурной среды, не оправдались. Накануне третьего тысячелетия появились некоторые новые издания (или переиздания старых) переводов произведений авторов, которых можно отнести к золотому фонду русской культуры. Они доказывают не только «устойчивость чешского восприятия настоящих ценностей, но также высокую актуальность художественного и общечеловеческого значения данных произведений в атмосфере поисков баланса на переломе столетий»³.

Говоря о сегодняшнем времени, которое было 1990-ми годами подготовлено, можно отметить прямо-таки «переводческий бум». Вообще же, например, в 2014 г. на книжных рынках зарубежных стран оказались востребованными такие классики отечественной литературы, как М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский. Из современных писателей — Людмила Петрушевская, Елена Чижова, Сергей Лебедев, Захар Прилепин и др. Что касается именно Чехии, то 20 марта 2015 г. в Российском центре науки и культуры в Праге состоялась церемония торжественного открытия Года чешской русистики. Там, в частности,

отмечалось, что только за последние несколько лет вышли новые переводы романов «Война и мир» Толстого (2010) и «Братья Карамазовы» Достоевского (2013) — обе книги чешского издательства «Одеон» в переводе Либора Дворжака.

Либора Дворжака часто называют главным специалистом по России в Чехии. Русист, переводчик русской классической и современной литературы, комментатор чешского телевидения и радио, специализирующийся на политической обстановке в странах постсоветского пространства. Он посвятил изучению русской культуры всю свою жизнь, и сегодня за будущее России переживает очень искренне. Родился он в 1948 г. в семье высокопоставленного дипломатического деятеля Рихарда Дворжака. В 1974 г. окончил философский факультет Пражского (Карлова) университета, в 1974–1991 гг. работал в редакции журнала «Советская литература». С 1992 г. начал журналистскую деятельность на чешском телевидении и радио, а с конца 1970-х годов обратился к переводческой деятельности, к произведениям Стругацких, Есина, Курчаткина, Нагибина, Ткаченко, Ерофеева, Сорокина, Пелевина, Довлатова, Булгакова, Бунина, Чехова, Толстого, Гоголя, Достоевского. Дворжак также занимался русской ненормативной лексикой. Помимо переводов он — автор книг «Новая Россия» («Nové Rusko») и цикла, состоящего из трех частей: «Эй, чувак» («Ej, čuvak!», 1995), «Шуткопис» (Šutkopis, 1996), «Ленин в Ечный» («Lenin je v Ječný, 1997). Так что диапазон его интересов весьма широк, а опыт уникален. В 2010 г. за перевод романа В. Сорокина «День опричника» Л. Дворжак был удостоен награды Союза переводчиков Чехии — премии Йозефа Юнгмана. Он часто выступает на радио, в прессе и является одним из самых тонких знатоков русского языка и «русской души». Перевел около 90 книг, в основном с русского (за исключением двух переводов с английского).

Примечательно, что «путь к России» Л. Дворжака был в каком-то смысле предопределен. Отец будущего русиста работал в Москве послом тогда социалистической Чехословакии. Как-то летом Либор провел шесть недель в легендарном пионерском лагере «Артек». А с 1959 г. по 1963 г. Либор с братом Миланом (ныне также известным переводчиком) учились в 136-й московской школе. Любимым предметом братьев Дворжаков стала русская литература — классика в те годы изучалась основательно. Сегодня, бывая в командировках в Москве, Либор прогуливается в районе той своей школы. Воспоминания об учебе у него вполне приятные. Когда семья вернулась в Чехословакию, Либор продолжил обучение в сельскохозяйственном техникуме. Но поразмыслив, связывать свою жизнь с агрономией не стал. Он прекрасно говорил на русском языке и обладал хорошими знаниями в области гуманитарных наук. В 1968 г. Л. Дворжак

поступил на философский факультет Пражского университета (специальность «Философия. Русский язык»). Именно в год поступления он тяжело переживал события, как и большинство чехов, воспринявших «братскую помощь» как оккупацию и с того момента видевших в СССР, России врага. Русский язык был тогда в ЧССР обязательным предметом с четвертого класса, что вызывало, как правило, недоумение и даже отвращение. В тот момент переводчик как раз определился с тем, что будет изучать в университете, и до сих пор постоянно вспоминает слова своей учительницы Эвы Боучковой, которая вскоре после того, как русские войска оказались на территории Праги, сказала студентам: «Отдавайте себе отчет в том, что русская литература и русская культура за это ответственности не несут, это абсолютно противоречит их сути, духу»⁴. То же самое Дворжак продолжает повторять себе и теперь, так как периодически вспоминается печальный опыт 45-летней давности. И он, как обычный человек, просто остается при своем и продолжает заниматься своим делом. В переводческую профессию он попал стихийно, но не случайно. Все оказалось взаимосвязано: по окончании университета начал работать в журнале «Советская литература», где переводческая деятельность была частью его обязанностей. Вначале он занимался редактурой. Журнал не выпускался на русском языке, но это была часть советской пропаганды. Савва Дангулов, первый шеф-редактор, был скорее дипломатом, нежели писателем, и благодаря ему, помимо прочих идеологизированных материалов, в «Советскую литературу» попадали и произведения таких писателей, как В. Шукшин, В. Быков, В. Белов, В. Распутин. Их разрешали выпускать и в советское время, но в журнале могли оказаться и произведения, которые с точки зрения советских властей были спорными. Журнал в России не выходил, цензура, соответственно, была не так строга.

Вначале Дворжак переводил современную литературу. Его сердцу она вообще оказалась ближе. Но в последние 10 лет он стал переводить и классику. Следует отметить, что новые переводы литературы в Чехии необходимы. Ведь чешский литературный язык намного моложе русского, английского или немецкого. Он постоянно развивается, и переводы быстро устаревают. Принято правило: каждые 25–30 лет обновлять переводы золотого фонда зарубежной литературы. Из классики Дворжак вначале перевел короткие рассказы Чехова, затем, по совету дочери Ивы (тоже русиста и переводчика), — бунинские «Окаянные дни». А потом удалось воплотить студенческую мечту — перевести «Мастера и Маргариту» М. Булгакова. С образцовым переводом этого произведения Алены Моравковой Либор Дворжак всегда «спорил». По поводу перевода «Войны и мира» он говорит, что канонический чешский перевод романа Толстого очень хорош. Но ему более полувека, что слишком много — сегодня его

трудно читать. Он чувствовал, что нужно что-то сделать с этим «несчастливым французским». В тексте переводчик оставил только так называемые сигналы французского, а сами французские фразы перевел, сопроводив сносками, отсылающими к расположенным в конце книги оригинальным фразам. Читателям канонического перевода было неудобно постоянно обращаться к примечаниям в конце книги. Дворжак свидетельствует, как многие ему признались, что именно по этой причине не дочитали роман до конца. Новый перевод получил очень хороший читательский отклик, а вот академические русисты Либора Дворжака недолюбливают. Он пытался обосновать свое решение, но как-то на семинаре в Ясной Поляне его, по собственному признанию даже чуть не убили⁵.

При всем пиетете по отношению к Толстому и Достоевскому, философия современных российских писателей оказалась Дворжаку понятна и интересна. «Невообразимо близким» переводчик называет Сергея Довлатова (1941–1990) — своего любимого автора. Услышав однажды, как он читает на Радио «Свобода» свою прозу, Дворжак решил, что обязательно должен познакомить с ней чешских читателей.

Первым переводом Довлатова в Чехии, сделанным Дворжаком, была состоящая из четырнадцати самостоятельных эпизодов повесть «Зона» (1982), вышедшая в Праге в 1998 г.⁶. Перевод «Чемодана» (1986) вышел на чешском в 1999 г. Хотя книги Довлатова переведены на многие языки мира (еще при жизни писателя на немецкий, датский, шведский, финский, японский), переводить этого автора не просто. Его произведения характеризуются особым вниманием к слову, слову прежде всего разговорному, емкому и исчерпывающему, экспрессивностью языка, насыщенностью самыми разнообразными реалиями (общественной, политической и культурной жизни), аллюзиями (к явлениям в литературе, истории, кино и т.п.) и цитатами, использованием разговорной, сниженной, сленговой и ненормативной лексики, образной фразеологии и идиоматики. «Наверное, это в нем было самое поразительное — интуитивное, звериное чувство языка и стиля», — утверждал российский и американский журналист и писатель Петр Вайль⁷. Художественная мысль Довлатова при видимой парадоксальности, обоснованной жизненным опытом, проста и благородна: рассказать, как странно живут люди, — то печально смеясь, то смешно печалься. Как быть переводчику, который вынужден выбирать, какой аспект текста выделять в своих переводах? Надо постараться переводить таким образом, чтобы читатель так же смеялся и переживал, как смеется и переживает русский читатель. Одновременно надо в переводе отразить жесткие условия, которые ставил сам себе писатель при написании рассказа. Например, то, что в одной фразе не могут быть два слова, начинающиеся с одной и той же буквы. Вот что Бродский сказал в годовщину смерти Довлатова: «...Все

обходится благополучно, если писатель — просто повествователь, рассказывающий истории, случаи из жизни и т.п. Из такого повествования всегда можно выкинуть кусок, подрезать фабулу, переставить события, изменить имена героев и место действия. Если же писатель — стилист, неизбежна катастрофа: не только с его произведениями, но и житейская»⁸. Эту цитату приводит и Дворжак в чешском издании довлатовского сборника рассказов «Чемодан». Он здесь автор и перевода, и предисловия, и послесловия под названием «Нежный варвар по-русски»⁹. Следует отметить, что название послесловия отсылает читателя к новелле 1981 г. «Нежный варвар» («*Nežný barbar*») выдающегося чешского автора Б. Грабала о жизни чешского художника В. Боудника, дружбе трех аутсайдеров и воссоздающей атмосферу пражской окраины начала 1950-х годов. Вообще сопоставление Довлатова и Грабала, автора, балансировавшего между почти противоположными позициями литературного творчества, между сюрреализмом и рассказами за кружкой пива, между официальной культурой и культурой самиздата, явно ждет своего исследователя.

Итак, Довлатов был замечательным стилистом. Рассказы его держатся более всего на ритме фразы, на особой музыкальности авторской речи. Это скорее пение, чем повествование, и возможность собеседника для человека с таким голосом и слухом, возможность дуэта — большая редкость, как опять-таки отмечал Бродский¹⁰. Чешский язык при переводе с русского более емкий, русский — более «многословный». Дворжак старается передать именно довлатовские стиль и мелодику, порой даже выдумывая слова, растягивая фразу. При сравнении некоторых пассажей в «Чемодане» чешский текст оказывается длиннее. Сравним у Довлатова:

«Я растерялся. Я не был готов к такой постановке вопроса. Уж лучше бы она спросила: Ты гений? Я бы ответил спокойно и положительно»¹¹. И перевод Дворжака: «*Pozdravili jsme se. Zeptala se mě: Prý se z tebe stal spisovatel? Zarazilo mě to. Líp by bývala udělala kdyby se mě otázala Ty jsi genius? V takovém případě bych odpověděl klidně a kladně*»¹².

В основном Дворжак соблюдает семантико-стилистическую и функциональную эквивалентность оригиналу.

«Когда-то я довольно много пил. И, соответственно, болтался где попало. Из-за этого многие думали, что я общительный. Хотя стоило мне протрезветь — и общительности как не бывало»¹³.

И абсолютно дословный и точный перевод Дворжака:

«*Kdysi jsem poměrně dost pil. Takže jsem se potloukal po všech čertech. Díky tomu si mnozí mysleli že jsem společenský. Jenže stačilo abych vystřížlivěl, a bylo po společenskosti*»¹⁴.

В какие-то моменты переводчик весьма удачно меняет порядок слов или добавляет пунктуацию.

«Три вещи может сделать женщина для русского писателя. Она может кормить его. Она может искренне поверить в его гениальность. И наконец, женщина может оставить его в покое. Кстати, третье не исключает второго и первого»¹⁵. У Дворжака на первом месте русский писатель: «Pro ruského spisovatele může žena udělat tři věci. Může ho živit. Může upřímně uvěřit v jeho genialitu. A nakonec ho může prostě nechat na pokoji. Mimochodem třetí eventualita rozhodně nevylučuje ani první, ani druhou»¹⁶.

Беспорно, Дворжак виртуозно владеет ненормативной лексикой (недаром он — автор специального словаря «Эй, чувак»¹⁷). Иногда, впрочем, встречаются примеры неоправданной неточности («Так что все законно»¹⁸ у Довлатова — «Takže je všechno v pořádku»¹⁹ («все в порядке») у Дворжака. Или «слаборазвитое государство»²⁰ у Довлатова становится «rozvojová země»²¹ («развивающейся страной»). Но такие мелочи не носят принципиального характера.

Есть много различий в языках, много различий существует и между нашими народами. Кроме речевых особенностей есть еще различия, которые мешают установить дружеские взаимоотношения, даже если забыть про 1968 год. В одном из интервью Дворжак сказал: «Для меня является ценной та настоящая русская культура, которая возникает сегодня, и мне приятно, что в своем направлении — деятельности переводчика — я могу заниматься переводом как тех авторов, о которых я упомянул, так и русских классиков. Повторюсь: несмотря на все политические обстоятельства, Россия именно своему потрясающему культурному богатству обязана тем, что ее воспринимают, прежде всего, как носительницу действительно ценного наследия, а не просто как неустанно подвергающуюся нападкам со стороны великую державу. Уильям Фолкнер когда-то сказал: «Из всех классических литератур, русская, пожалуй, самая великая»²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее об этом: *Герчикова И.* Современная Россия глазами чехов // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 411–420.

² *Richterek O.* K súčasnej české literárnej reflexii. Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, Philologica LXIV. Bratislava, 2008. S. 23–30.

³ *Волкова Н.* Русский язык в Чехии вчера и сегодня. Электронный ресурс «Пражский телеграф» № 14. 2013. Режим доступа <http://ptel.cz/2013/04/ruskij-jazyk-v-chexii-vchera-i-segodnya/> (дата обращения 1.06.2016 г.).

⁴ *Дворжак Л.* Жизнь с Россией. Электронный ресурс «Чехия сегодня» 25.08.2012. Режим доступа <http://www.czechtoday.eu/druge/libor-dvorzhak-zhizn-s-rossiey.html> (дата обращения 10.03.2017 г.).

⁵ Там же.

⁶ *Dovlatov S.* Lágr. Praha, 1998.

⁷ *Вайль П.* Без Довлатова // Звезда. 1994. № 3. С. 20.

- ⁸ *Бродский И.* Труды и дни. М., 1998. С. 72–73.
- ⁹ *Dovlatov S.* Kufř. Praha, 1999. S. 148.
- ¹⁰ *Бродский И.* О Сереже Довлатове // Звезда. 1992. № 2.
- ¹¹ *Довлатов С.* Собр. соч.: в 3-х т. Т. 2 СПб., 1993. С. 302.
- ¹² *Dovlatov S.* Kufř... S. 88.
- ¹³ *Довлатов С.* Собр. соч... С. 306.
- ¹⁴ *Dovlatov S.* Kufř... S. 94.
- ¹⁵ *Довлатов С.* Собр. соч... С. 312.
- ¹⁶ *Dovlatov S.* Kufř... S. 102.
- ¹⁷ *Dvořák L.* Ej, čuvak! Praha, 1995. Данный словарь является первой частью цикла (2 часть «Шуткопис» (Šutkopis, 1996), 3 часть «Ленин в Ечный» («Lenin je v Ječný, 1997)).
- ¹⁸ *Довлатов С.* Собр. соч... С. 340.
- ¹⁹ *Dovlatov S.* Kufř... S.140.
- ²⁰ *Довлатов С.* Собр. соч... С. 258.
- ²¹ *Dovlatov S.* Kufř... S. 23.
- ²² *Дворжак Л.* Россия — носитель ценнейшего культурного наследия. Электронный ресурс «Пражский телеграф» № 11. 2013. Режим доступа <http://www.ptel.cz/2014/03/libor-dvorzhak-rossiya-nositel-cennejshego-kulturnogo-naslediya/> (дата обращения 10.03.2017 г.).

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАРИСОВКИ

В.И. КОСИК

(Институт славяноведения РАН, Москва)

РУССКИЙ БЕЛГРАД*

Abstract:

Kosik V.I. *The Russian Belgrade*

The article examines the occupational structure of the royal capital of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Yugoslavia). The author presents the images of everyday life, which include housing problem, relations with the Serbian population, maintaining their Russianness, job seeking. Part of the article is devoted to the Belgrade University. Furthermore, cultural life of the Russian Belgrade, drama, opera, ballet, concerts, are explored by the author. Such facets of Russian art as painting and architecture are not forgotten. The entire text is imbued with poems dedicated to the Belgrade life and the Russian people.

Ключевые слова: Русский Белград, повседневная жизнь, культурная жизнь, поэзия.

«Но какой же это запад, когда город называется Београд — Белый Город, и главное здание на главной его площади, высокий и кораблеобразный дом с башенками и шпилями называется «Москва», и король — в прошлом русский школьник? И по вывескам русские буквы, но слагают они слова, непривычные глазу, как из Киева во времена гетманщины, только без той кокетливо-самодовольной наглости.

Освоились скоро. В самом деле, что за трудности, когда нож по-сербски называется — нож, вилка — вилюшка, человек — човек, женщина — жено (так в тексте. — В. К.)? Стоит только настроить язык на школьный церковнославянский лад, и все пойдет, как по маслу. А сколько кругом русского! Хотя бы вот те же самые вывески над темноватыми входами

* Статья написана в рамках проекта «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней». Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

“кафан”, где дремлет в высоких бочках густое, крепкое вино. Каждое торговое предприятие имеет свой покровительственно-именной девиз. Вот “код генерала Скобелева”, вот “код белог Цара”, вот “код веселог руса”... “код Петра Степановича, киевского помещика”»¹, — писал современник событий.

Все было свое: от мыслей о судьбах России до русской тоски.

Русский поэт Александр Николаевич Неймирок (23.8.1911, Киев — 7.10.1973, Мюнхен) написал об этом белградском Петербурге, иль Москве, иль Саратове грустные строфы:

*Так жить... Так жить, обманывая годы,
По вечерам, прихлебывая чай,
Под тяжестью изношенной свободы
Друзей поругивая невзначай,*

*И толковать о Ламартине, Прусте,
И руки нежно целовать... Потом
Мечтать о море, о девичьей грусти,
Затягиваясь скверным табаком,*

*Скорбеть о прахе дедовских усадеб,
Гвардейских шпор воображая звон,
Вести учет чужих рождений, свадеб,
Дней Ангела, крестин и похорон.*

*Так жить... Так жить миражным мертвым светом
Средь вымыслов неистовых химер...
Спешить пешком с копеечным букетом
На именины к выцветшей belle-soeur.*

*Затянутым в тугой потертый смокинг
В июльскую полдненную жару...
Писать в альбом апухтинские строки,
Разыгрывать любовную игру...*

*Так жить... Так жить, затерянным в лукошке,
Где призраком быть жизнью суждено.
И смерть придет. Тоскливой драной кошкой,
Мяукнет и царапнется в окно².*

А пока можно было купить билет в зал синема «Париж» на «русскую кинофильму» «Умирала цветущая роза»³. В биоскопе (кинотеатре) «Коларац» сходить на «великолепную русскую драму из кавказской жизни в 5 частях “Гость с неба”, в главных ролях Карабанова и Гайдаров»⁴.

Правда, после какого-либо фильма из «старого времени» было тяжело «возвращаться» в день сегодняшний.

Интеллектуалы, спорщики, празднующиеся, а зимой и желавшие отогреться в теплом помещении, как и в изгнавшей их России, могли посещать разнообразные лекции. В Белграде они шли в Русском народном университете.

Назову несколько лекций. В начале февраля 1926 г. инженер В.М. Михайловский читал лекцию о «новых взглядах на проблему формирования жизни в космосе»⁵. 20 января 1929 г. педагог И.М. Малинин выступал на «захватывающую» тему: «Толкование снов»; 24 января П.Н. Ге — «Романтизм в русской живописи»⁶. 27 января известный всему Белграду Е.В. Спекторский читал лекцию «Трагедия Толстого». 31 января врач А.А. Солонский, вероятно, специально для родительниц говорил о кожных детских болезнях⁷.

Любители «высокого досуга» могли вновь почувствовать себя «избранными» на лекциях Н.О. Лосского «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция», читаемых осенью 1928 г. в старом здании университета⁸. Там, вероятно, можно было встретить и старых «мистиков» и обзавестись новыми. Немаловажным обстоятельством было и то, что за «пир» Лосского ничего не надо было платить.

Высокое и героическое смешивалось в эмиграции со стремлением к уюту, занятиям любимым делом. Одни готовились спасти Россию, другие собирали марки: в Белграде действовало свое общество филателистов «Россика»⁹.

Быт имеет привычку засасывать. Кто-то посещал театр, а кто-то пил горькую, тот что-то учил, а были и такие, которые занимались сочинительством на религиозную тематику. Кроме тех, кто имел профессию, — врач, инженер, адвокат, преподаватель, специалисты высшей квалификации — остальные жили на грани нищеты. Но ... держали свой статус, соблюдали свои обычаи: завтракали поздно, обедали в пять, пили вечерний чай, затем следовало вечернее чтение или собирались за карточным столом. Обязательно все эти графы, князья, бароны держали четвероногого любимца — собаку или кошку, с которыми делили свою скромную трапезу. На Рождество украшали елку, на которой обязательно висел подарок для каждого приглашенного гостя. Этот обычай украшения елок сербы приняли именно от русских эмигрантов¹⁰.

Быт — это и привычная еда. И русские с выгодой для себя старались для москвичей, петербуржцев, жителей провинциальной России. К февралю 1929 г. в столице Королевства насчитывалось 153 мелочные лавки, 70 молочных, 58 деликатесных, буфетов, колбасных, столовых, народных кухонь, магазинов винной торговли; 58 базаров, 51 колониальная и бака-

лейная лавки, 15 комиссионных, 13 транспортных, 7 технических контор, 2 посреднические и рекламные конторы, 14 галантерей, 6 «агентурных» контор, 8 фирм по торговле автомобилями и прокатом, 4 предприятия занимались «спекулятивной» торговлей, столько же — мануфактурной, в 3 магазинах продавались мужское готовое платье и обувь, действовало 5 книжных и издательских предприятий, 2 магазина по продаже нот, музыкальных инструментов и пр., 2 посреднические конторы, занимавшиеся экспортно-импортными операциями, одно пароходное предприятие, одна торговая цветочная фирма, 3 фирмы по торговле дровами и строительными материалами, одна меняльная лавка, одна фирма по торговле кожами и др. Всего 483 предприятия¹¹.

Безошибочна была ставка на производство русской водки, любимого напитка соотечественников, не привыкших к ракии, отдающей «парфюмерией». В 1923 г. Товарищество по производству водочных изделий «Орел» в Белграде выпустило в продажу такие сорта, как «красная головка», «перцовая», «лимонная», «апельсиновая», «белая головка», «сахарная», «хинная» и «английская горькая»¹².

Открывались русские закусовые, молочные, кондитерские, служившие одновременно и чайными, ночные кафе, которых Белград раньше не имел: «Казбек», «Сейм», «Русская лира» и др. В Белграде появилось диковинное блюдо — блины, поедание которых принимало массовый характер на масляной неделе: встреча — понедельник, заигрыши — вторник, лакомка — среда, широкая — четверг, тещины вечерки — пятница, золовкины посиделки — суббота, прощание, целовник, прощенный день — воскресенье. Масленица — один из любимых русским народом праздников: она и «масленица объедаха, деньгам приберуха, тридцати братьям сестра, сорока бабушкам внучка, трехматерина дочка».

И, конечно, важное место отводилось традиционной рекламе. Я позволю себе привести здесь ее достойный образец, помещенный в «Новом времени».

*К блинам
Всегда на масляной неделе
Блины на родине мы ели.
Обычай наш уже такой,
И, надо думать, недурной.
Но без закусок и вина
Не съешь, пожалуй, и блина!
Но где же русскую взять водку,
Достать шотландскую селедку,
Купить омаров и сардин, —
Как не на Косовской, 1?!*

*Чего там, право, только нету —
Не перечислить и поэту!
Икра нежнейшая донская,
К тому ж совсем не дорогая,
Копчущки, кильки... а балык —
Проглотишь собственный язык!
Грибы, консервы и соленья,
А шпроты всем на удивленье!
Но нет! Всего не перечеть,
Что в магазине этом есть!
Пускай любитель-гастроном
Сам убедится лично в том!
А я скажу вам только то,
Что говорил уже давно:
Кто знает Д р о б о т о в а, — те
Должны поверить свято мне,
Что самый лучший магазин —
Ей-ей на К о с о в с к о й, 1!¹³*

В старой Скадарлии орала русская песня.

Борщ, русские каши, пирожки, блюда с грибами, селедка и другие, почти неизвестные, рыбы появились в ресторанах, а потом и на сербских домашних столах. Чай, который в Королевстве пили только больные, стал почти равноправным с кофе, с которого начинается день в Югославии, — писала сербская исследовательница М. Стойнич¹⁴.

В свободное время можно было и почитать книжку. Кому-то она позволяла окунуться в мир любви, другому напоминала о величии России, неразменной и неуничтожимой, третьему давала возможность позлоствовать на тему о виновниках крушения Российской империи. Каждая имела свою толпу героев — классических и не очень. И читатель выбирал свою «толпу». Одному нравился Достоевский, иному Поль де Кок, а совсем «ушедшему из времени» — Плутарх. Ну, разумеется, первенствующее значение имела рефлектирующая классика вместе с черносотенной литературой. И, конечно, не каждый имел у себя дома библиотеку.

О таких «бедолагах» заботились и книжные торговцы, и различные организации. К началу 1922 г. в Белграде вновь был открыт книжный магазин «Возрождение» И. Строганова¹⁵. В феврале 1922 г. Общество по распространению русской национальной и патриотической литературы открыло при материальной поддержке белградской колонии бесплатную библиотеку новейших книг и изданий. Помещалась она в канцелярии колонии¹⁶. Книжный фонд Белградской библиотеки Всероссийского союза

городов (ул. Милоша Поцерца, 23) к 1922 г. превышал две тысячи книг на русском и иностранных языках. Для колоний был льготный абонемент¹⁷.

К 1921 г. в Белграде были известны такие книжные магазины, как «Русская мысль» (ул. Пуанкаре, 20) с рассылкой газет и книг, Всеславянский книжный магазин (ул. Пуанкаре, 36), розничный магазин Русского товарищества книжной торговли под фирмой «Славянская взаимность». Для завсегдагаев ресторана Завалишина в Белграде в 1922 г. был открыт киоск, где можно было после обильной еды купить для «умствования» книги и газеты. Там имелась и библиотека, принадлежавшая издательству бр. Грузинцевых¹⁸.

Религиозная литература была широко представлена в библиотеке при просветительном отделе Общества попечения о духовных нуждах русских в Королевстве СХС (сербов, хорватов и словенцев. — *В. К.*)¹⁹.

Естественно, не для всех книга была «местом отдыха». Если «старички» после работы спешили к семьям, сидели в кафанах и ресторанах за рюмкой «своей» водки, напоминавшей им о Родине, ходили по театрам и клубам и пр., то у молодежи были свои развлечения, не требующие особых расходов: прежде всего танцы, кино, участие в любительских спектаклях. Летом добавлялись сезонные развлечения. Кто не мог выехать на природу, отправлялись по утрам на «Русские пляжи». Самыми известными слыли купальни на Саве — «Ла Манш», «Дубровник» и даже страшная по своему наименованию «Сибирь». Там не только жарили свои тела под палящим солнцем и пили разбавленное водой вино или пиво, для охлаждения «органо», но и, следуя с охотой западной моде, выбирали «мисс» своего пляжа. В 1930 г. в «Ла Манше» первой была Ольга Ильяшевич, в «Сибири» — Надежда Бородина, в купальне «Дубровник» — ученица 8 класса Наташа Турбина²⁰.

И, конечно, нельзя не затронуть «разговоров» о возвращении домой, на Родину. Их было много: и дома, и на улице, и в прессе, и на днях рождения, и на юбилеях, и на поминках. Возвращение домой — это обретение себя в вечно живом «Вишневом саду», который не просто срубить и уничтожить. Россия пережила и татар, и поляков, и нашествие двенадцати языков, переживет и большевиков, уверяли себя и других гг. белградцы из России.

В свое время Иван Алексеевич Бунин определил миссию русской эмиграции, насколько я помню, как память ненависти к большевикам, завладевших «его Россией». Но все же «миссия» связана больше с русской культурой, в которой жила, творила и с которой знакомила новые страны русская эмиграция. Не был исключением и Белград.

Русские уважали талант, знания и готовы были платить за те же многочисленные концерты, устраиваемые в Белграде разнообразными испол-

нителями, искусство которых позволяло уйти от серых будней и забот в мир музыки, пения, танца, в мир волшебных грез. Искусство очищало душу. А это было главным.

Живая музыка и пение звучали не только на концертах, но и в домах, квартирах, комнатах русских беженцев. В русском кругу за чашкой чая или бутылкой водки пелись самые разные песни. В магазинах можно было купить ноты для пения и рояля на любой вкус. Там были и Виктор Абаза, и Александр Вертинский, и Юрий Морфесси, и Иза Кремер.

Но это были, так сказать, характерные музыка и песни для всего русского зарубежья.

У того же Белграда были и «свои» любимцы, например: в исполнении Любови Орловой песня советского народа — «Широка страна моя родная» (из фильма «Цирк»). Любили танго и песню «Будет поздно...» из репертуара Ольги Янчевецкой, песню «Ханум» (Сергей Франк — музыка, Ольга Франк — русский текст, Сергей Страхов — сербский перевод), песню «Две слезинки» (русский текст и музыка — Сергей Страхов, сербский текст — Наташа Страхова, фоноаранжман — Юрий Азбукин). И в эмиграции не утратившим способность посмеяться над «другими» предлагалось пойти осенью 1924 г. на концерт автора сатиры и политической пародии Петра Карамазова, в репертуар которого входили «Суд над русской интеллигенцией», «Молитва павших жертвой самосуда» (в октябре его можно было увидеть и услышать в зале «Станкович»)²¹.

С открытием сцены Русского дома имени императора Николая II (1933 г.) любители искусства зачастили по вечерам в это известное всему русскому Белграду здание в стиле русского ампира с великолепным театральным-концертным залом. Практически на его сцене выступали все: от начинающих артистов-любителей до профессионалов.

Подчеркну, что в монархическом Белграде театральная жизнь была, пожалуй, самой богатой на Балканах. По данным исследователя русской диаспоры в Югославии А. Б. Арсеньева, в Белграде за 25 лет было показано не менее 400 спектаклей²².

Феномен русского театра в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в сжатой форме можно объяснить тем, что русский люд, в том числе и артистический мир, смог чувствовать себя в этой стране все же не только беженцем, но и славянином и по старинке тем же «старшим братом» в области театрального искусства, драматургии. И самое главное — он был востребован самими изгнанниками, для которых театр был не только развлечением, уходом в былое, но и своеобразным раздражителем мысли, чувства. Он нес в себе четыре времени года, три формы времени, эпоху — «до 1917 г.» с его классикой, неопределенное «теперь в беженстве» со смехом над собой, слезами над Россией, верой в счастливый конец.

А что такое самодеятельный театр для русских вдали от дома?

Это всегда возможность и для актера, и для зрителя уйти в другую реальность, стать на полтора-два часа другим человеком с иной, чем у тебя, судьбой, даже, может быть, счастливой.

Это своеобразная дверь на родину, когда прошлое оборачивается настоящим...

Известной всему театральному Белграду была Юлия Валентиновна Ракитина, актриса, режиссер. С конца 1920-х годов она была художественным руководителем театра Русской драмы в Белграде. Активно занималась режиссурой и играла на белградских сценах, не боялась ставить советские пьесы. Правда, она всегда могла «спрятаться за спину» своего мужа, Ю.Л. Ракитина, авторитета в театральном мире Белграда.

О самой Юлии Ракитиной в сатирическом журнале «Бух!!!» были напечатаны такие строки:

.....
Кому не худо жить в Белграде?

Сейчас ответим мы,

Так вот:

<...>

*Мадам Ракитиной. Она
 Для русской сцены создана,
 Для воплощения кузин
 И подношения корзин.
 Роль этой дамы всем известна,
 Хоть на спектаклях и не тесно,
 Но все же все спектакля ждут,
 И ей мерси за тяжкий труд!
 А труд велик — всех научить,
 Как нужно плакать и любить,
 Ходить, смеяться, умирать,
 Моргать, сморкаться и чихать...
 Садиться, шаркать, брать платок,
 Изящно делать экивок
 И, ставши к публике лицом,
 Оваций тщетно ждать потом...
 Над чувствами вести контроль, —
 Вот какова той дамы роль!
 Но все же жить не худо ей,
 Она директор—чародей!
 Без ничего спектакль дать,
 Все это нужно понимать!!:
 Мы же ей славу воздаем
 И новых контрамарок ждем...²³.*

Нельзя не вспомнить и Татьяну Николаевну Яблокову. В Белграде в 1937/1938 г. по ее инициативе был организован Союз русских артистов во главе с ней, регулярно ставивший спектакли в Русском доме. О ней в журнале «Бух!!!» были такие строчки:

*Кто эта славная Татьяна,
Уже не Гремина ль она?
В глазах огонь, в устах румяна, —
Еще недавняя весна!
Но, наклонившись очень близко,
Мне кто-то шепчет вдруг:
«Она звезда! Она артистка!
И Яблоков ее супруг»!
Я умилен был. Здесь, в Белграде,
Татьяну Пушкина узреть,
Но вот Татьяна на эстраде —
И захотел я умереть!
Ее услышав на экране,
Я смел бы аппарат винить,
Но на эстраде голос Тани
Я Богу лишь могу простить —
Так пьяно, рьяно, неустанно
Читала монолог Татьяна:
«Но я другому отдана —
И буду век ему верна».
С тех пор я к Тане ни ногой —
Как хорошо, что есть другой!²⁴*

«Веселил» зрителей и А.М. Ренников (настоящая фамилия — Селитренников), чьи пьесы не оставляли равнодушными зрителей, которым в иронично-гротескной форме показывали их же жизнь в изгнании.

Однако основное внимание все же уделялось классике. И здесь был замечен Александр Филиппович Черепов, прибывший в Белград в апреле 1929 г.

Добавлю, что с первого же взгляда он очаровывал романтических натур, прежде всего представительниц прекрасного пола. Поэтому в Белграде он и получил прилипшее к нему прозвище «Распутин».

О Черепове в шутивно-ироничном тоне писали в журнале «Бух!!!»:

.....
*Кому не худо жить в Белграде?
Сейчас ответим мы,
Так вот:*

1.

Во-первых Черепову — он
 Имеет пары три кальсон,
 Громоподобный низкий глас,
 Весьма фотогеничный фас.
 Он весел редко, чаще хмур,
 Пенсне, к нему же черный шнур,
 А за пенсне — свирепый взор...
 Уча любви и красоте,
 Он заявлял: Я М. Х. Т.!
 Он М. Х. Т. — и потому
 Мы слепо верили ему.
 Но это было всё давно,
 Теперь готовит для кино
 Он новых звезд без крепких слов,
 Да, — вот он, Черепов, каков...²⁵.

Причем здесь кино? — можно задаться вопросом. Дело в том, что разнообразный в своей деятельности Черепов основал в 1930 г. Югославянское общество деятелей кино. В 1931 г. он вместе с Михаилом Каракашем снял комедию с участием Ольги Соловьевой «Неуклюжий Буки» в двух частях: «Неуклюжий Буки на аэродроме» и «Неуклюжий Буки на купании». В 1933 г. он снял с членами своего любительского киноклуба фильм в стиле бурлеска «Приключения доктора Гагича»²⁶.

Имя Черепова связано и с открытием в Белграде Русского общедоступного драматического театра, игравшего свои спектакли в Русском доме.

Для веселья и приятных воспоминаний игрались «всеядные» спектакли как «Псиша» Ю.Д. Беляева, «Первая муха» В.А. Крылова. Все это очень нравилось консервативному русскому Белграду. При этом театр, в труппе которого было добрых три десятка артистов и артисток, обходился без какой-либо помощи.

За первые два сезона театр представил зрителю свыше 50 пьес. Среди них — «Плоды просвещения», «Горе от ума», «Идиот». «Дворянское гнездо», «Вишневый сад», «Гроза».

Не менее 200 пьес было поставлено на сцене Русского дома.

Русский Белград — это и русские имена в архитектуре. Об этом уже написано много, поэтому остановлюсь лишь на нескольких моментах.

В Белграде, как уже отмечалось, был весьма известен Русский дом — культурный и научный центр. В этом центре русской жизни находились: домовая церковь, Русско-сербские мужская и женская гимназии, начальная школа, Русская публичная библиотека, Русский научный институт,

Русский общедоступный драматический театр с залом на 750 мест, Русское музыкальное общество, общество «Русский сокол», музей, посвященный императору Николаю II, где общество ревнителей его памяти, возглавляемое генералом Флугом, собрало множество реликвий, связанных с царствованием императора-страстотерпца; музей Русской конницы с множеством гравюр и фотографий, зимний сад, бильярдная, литография, кинозал, зал для заседаний, комнаты отдыха, читальня, гимнастический зал. Посещаемость Дома была весьма значительной²⁷.

Его архитектор В.Ф. Баумгартен подчеркивал, что студии Русского дома, «служба порознь для работы различных общественных организаций русских художников, музыкантов, артистов и писателей, — в своем общем, гармоничном целом должны содействовать объединению служителей русского и югославянского искусства, которое повело бы всех нас вместе по пути к, несомненно, предстоящему пышному расцвету славянского искусства и культуры в грядущие светлые времена Объединенного Великого Славянства»²⁸. И еще. Если задаться вопросом, в чем суть архитектуры, то ответ один — в ее красоте, которая была присуща и работам Баумгартена.

А теперь, чтобы передохнуть от прозы, — небольшое стихотворение Е. Журавской о русской выставке, открытой в здании университета 24 августа 1924 г.:

*Со всех концов земли любезной
Мы принесли сюда вчера
И тяжкий труд кирки железной,
Иглы, и кисти, и пера,
И наших дум и наших знаний
Плоды, созревшие в тиши,
Средь терний долгого изгнания,
Средь грустных сумерек души.
И вот смотрите: в строгой зале
Цветут гирлянды пышных роз
И бледно-палевых азалий
И ветви трепетных мимоз.
Там кружев нежных паутина,
А вот работы наших школ,
Эскизы, книги и картины,
Тут слон из мыла, улей пчел,
И детских кукол ряд забавный,
Шелками вышитый павлин,
Вот на стене в борьбе неравной
Со змеем бьется исполин,*

*Резьба по дереву ручная,
Иконы древнего письма
И фотография цветная,
И карт узорная тесьма,
Попытка первая малютки –
Рисунок робкий и простой,
И милый облик институтки
С наивной девичьей косой...
И всё напомним, что в лишениях,
Терпя обиды едкий дым,
Обломки грозного крушенья,
Мы живы, мыслим и творим²⁹.*

Вместо эпилога.

И сейчас русские — потомки беженцев «первой волны», «новые русские» из тех, кто сражался за Сербию в конце второго тысячелетия, русские женщины, вышедшие замуж за мужественных белградцев, русские мужчины, женившиеся на очаровательных београджанках, — все они продолжают строительство Белого Города, история которого еще хранит немало свидетельств и тайн бытия русского имени на своих улицах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Роцин Н.* Русские в Югославии. По чужим краям // Иллюстрированная Россия. Париж, 1932. 9. IV. № 15. С. 12.

² *Неймирок А.Н.* Так жить... Так жить, обманывая годы // Антология поэзии русского Белграда. Сост. О.Г. Джурич. Белград, 2002. С. 96.

³ Новое время. 1923. 1. II. № 530. С. 3.

⁴ Там же. 14. IV. № 589. С. 3.

⁵ *Миленковић Т.* Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997. С. 118.

⁶ Новое время. 1929. 20. I. № 2314. С. 3.

⁷ Там же. 27. I. № 2320. С. 3.

⁸ Царский вестник. Белград. 1928. 4. XI. № 12. С. 3.

⁹ *Качаки Ј.* Руске избеглице у Кра свини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944. Београд, 2003. С. 224.

¹⁰ *Стојнић М.* Руска емиграција међу нама // Руси без Русије Српски Руси / Изд: Д. Јанићијевић, З. Шлавик. Београд, 1994. С. 15–16.

¹¹ Новое время. 1929. 1. II. № 2324. С. 2.

¹² Там же. 1923. 29. IX. № 728. С. 4.

¹³ Там же. 1930. 23. II. № 2648. С. 3.

¹⁴ *Стојнић М.* Указ. соч. С. 14–15.

¹⁵ Новое время. 1922. 26. I. № 227. С. 4.

¹⁶ Там же. 24. II. № 250. С. 3.

¹⁷ Там же. 6. VII. № 357. С. 4.

- ¹⁸ Там же. 1922. 1. I. № 209. С. 3.
- ¹⁹ Там же. 3. X. № 431. С. 3.
- ²⁰ Царский вестник. 1930. 30. VIII. № 107. С. 6.
- ²¹ Новое время. 1923. 27. X. № 752. С. 3; 10. XI. № 764. С. 4.
- ²² *Арсеньев А.Б.* Русские театральные труппы в Белграде (1921–1944 гг.) (Рукопись).
- ²³ Бух!!! Vouh — revue satirique russe. 1932. № 12. С. 6.
- ²⁴ Там же. С. 7.
- ²⁵ Там же. № 11. С. 3.
- ²⁶ *Volk P.* Istorija jugoslovenskog filma. Beograd, 1986. S. 75.
- ²⁷ *Зах Ник.* Русский Белград // Часовой. 1939. 05. 06. С. 27.
- ²⁸ Русский Дом имени императора Николая II. Белград, 1933. С. 28.
- ²⁹ Старое время. 1924.04.09. (22.08.) № 71. С. 1.

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ИСТОРИКА

А.В. АШАЕВА

(Казанский Федеральный университет, Казань),

Н.С. ГУСЕВ, А.С. ДОБЫЧИНА, А.А. ЛЕОНТЬЕВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРИИ (ОПЫТ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕЛЕ МОМЧИЛОВЦЫ)

Abstract:

Ashaeva A.V., Gusev N.S., Dobychina A.S., Leontieva A.A. *The attitude towards history in modern Bulgaria (based on a field study in Momchilovtsi)*

The article presents the results of a field research conducted in Momchilovtsi (Bulgaria). The aim of the research was to clarify the perception of the significance of some episodes of the regional history, to explore the ideas of modern Bulgarian «outback» about the Ottoman period and the population's attitude towards history in general.

Ключевые слова: Момчиловцы, Родопы, Болгария, историческая память, османское иго, русско-турецкая война 1877–1878 гг., Балканские войны.

Момчиловцы — село Смолянской области, в 15 км от г. Смолена. Оно находится в Родобах — регионе, в период османского владычества в значительной степени подвергшемся исламизации, и в котором в настоящее время компактно проживают болгарские мусульмане. Население Момчиловцев составляет 1294 человека¹. На протяжении своей многовековой истории это село отличалось тем, что его население оставалось христианским, в то время как жители соседних сел в основном перешли в ислам. В настоящее время этот район остается местом плотного проживания болгар-мусульман, но Момчиловцы по-прежнему остаются «христианским селом». В 1836 г. в селе была построена церковь Святых Константина и Елены, в селе и его округе находится 24 часовни, по краям села в горах установлены памятные кресты, символизирующие защиту православного населения. В Момчиловцах работают историко-этнографический музей и художественная галерея.

В августе 2016 г. в селе состоялся летний интердисциплинарный семинар «Публичная история и дипломатия в контактных зонах», в работе которого принимали участие сотрудники Института славяноведения РАН (Исл РАН), Софийского университета им. св. Климента Охридского (СУ), Высшей школы экономики (НИУ-ВШЭ), Российского военно-исторического общества (РВИО), Казанского федерального университета (КФУ), Курского государственного университета (КГУ), Владимирского университета (ВУ) им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Юридического института Сибирского федерального университета (ЮИ СФУ). Участники семинара обсудили перспективы публичной истории и роль культурной дипломатии в международных отношениях. В его рамках под руководством проф. Р. Михневой, проф. И. Баевой и доц. К. Грозева были организованы три исследовательские группы, в задачу которых входило выявить отношение жителей села к истории как таковой, к историкам и к различным периодам истории Болгарии.

Исследовательская группа в составе А.В. Ашаевой (КФУ), А.С. Добычиной (Исл РАН), Е.Д. Дюбановой (ЮИ СФУ), Г. Нончева (СУ) и К.А. Пахалюка (РВИО) провели исследование на тему: «Понятие истории в представлениях жителей с. Момчиловцы», демонстрирующее картину восприятия жителями села истории (государства, родного города/села, семьи), исторической памяти, а также анализ представлений о прошлом, выявление их специфики и коннотаций. Для этого в течение нескольких дней в случайном порядке было опрошено 16 человек, среди которых в дальнейшем было условно выделено три возрастные группы: молодежь от 18 до 25 лет (4 человека), люди среднего возраста от 40 до 60 лет (5 человек) и люди более старшего возраста — от 60 до 92 лет (7 человек).

Исследовательская задача потребовала постановки общих по своему характеру вопросов для респондентов: что такое история; чем занимаются историки; каких наиболее известных исторических личностей знают респонденты; какие исторические фильмы и книги они могут назвать; как они и их семьи сохраняют историческую память.

Вопрос о том, что такое история, в большинстве случаев вызывал затруднения. В представлениях респондентов старшего поколения история определялась в основном как «истина, которую нужно сохранять» (Й. Стаева, 70 лет). Наряду с этой позицией присутствовала и характеристика истории как чего-то конструируемого: это «то, что некоторые люди считают наукой» (Лили, 18 лет), при этом «историки переинтерпретируют историю» (Ш. Радкова, 78 лет), «историки пишут то, что им говорят организации, которые дают им деньги» (Велизар, 50 лет).

Необходимость сохранения истории чаще всего связывалась респондентами с собственным национальным самосознанием: «народ без

истории не народ» (Велизар, 50 лет), «история — это корни Болгарии, история помогает понять, откуда мы приходим, история — это то, без чего нельзя жить» (Веска, 50 лет).

В ответах на вопрос об известных респондентам книгах на исторические сюжеты одинаково часто упоминались книга поэта И. Вазова «Под игом» и «История Момчиловцев» краеведа и уроженца этих мест Н. Канева; из фильмов на исторические сюжеты чаще всего фигурировали «Капитан Петко-Воевода» и «Време разделно», снимавшиеся в районе села Момчиловцы.

Представленные в ответах респондентов исторические личности и связанные с ними эпохи позволяют сделать вывод о том, что историческое время в сознании местных жителей связано почти целиком с историей их государства и делится на два значительных периода: Средневековье и Национальное Возрождение. Среди персоналий эпохи Средневековья чаще всего назывались ханы и правители Первого Болгарского царства: Аспарух, Крум, Симеон, Петр I, реже — Второго Болгарского царства — Иван Асень II. Герой местных легенд воевода Момчил редко ассоциировался у опрошиваемых с понятием «историческая личность», хотя легенда о нем знакома большинству из них. Практически все респонденты называли известных болгарских деятелей Национального Возрождения: В. Левского, Хр. Ботева, реже — И. Вазова и Паисия Хилендарского. Также среди исторических персоналий были упомянуты имена В.И. Ленина, И.В. Сталина, В.И. Чапаева, Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева, возможно, по той причине, что интервьюировавшие представлялись как исследователи из России и поэтому вызывали у респондентов соответствующие ассоциации, связанные с ее историческим и литературным наследием.

Среди наиболее известных кинокартин по исторической тематике представителями старшего поколения были названы фильмы болгарского производства: «Царь Борис», «Аспарух», «Козий рог», «Похититель персиков» и др. В числе фильмов, названных представителями молодежи, фигурировали, в основном, зарубежные кинокартины, очень условно относящиеся к историческим: «Троя», «Храброе сердце» и даже «Гордость и предубеждение».

Из литературных произведений также по большей части перечислялись произведения болгарских авторов: «Дикие рассказы» Д. Хайтова, трилогия «Железный светильник» Д. Талева, «Записки о болгарском восстании» З. Стоянова, «Дочь Калояна» В. Поповой-Мутафовой, «Табак» Д. Димова, «Болгарка» И. Вазова.

Вопрос о том, как сохраняется и как следует сохранять историческую память, выявил два варианта ответов. Первый связан с сохранением исторической памяти за счет деятельности профессиональных историков,

пишущих книги, занимающихся музейной деятельностью, распространяющих информацию в Интернете. Данный вариант определяет общую тенденцию репрезентации истории и формирования исторического сознания в обществах и отражает, скорее, генерализированные представления людей о профессиональном знании, изучении тех или иных аспектов этого знания и людей — непосредственных его «носителей», т.е. представителей профессиональной историографии. Другой вариант — это своего рода «живая память» или «локализованная память», сохраняемая местным сообществом посредством изучения своей генеалогии, краеведческих рассказов долгожителей о местности и поселении, сохранением атрибутов повседневной жизни, быта, предметов, содержащих в себе так называемый «локальный колорит», идентифицирующий жителей или «селян» с их родным селом, местностью, локальными культурными традициями (к числу таких атрибутов относятся, например, одежда, обувь, украшения, декоративно-прикладное искусство и т.п.). Так, в Момчиловцах существует традиция, по которой люди одного поколения, достигнув возраста 50 лет, собирают деньги и дарят что-то родному селу (это может быть скважина с питьевой водой, обустроенное место отдыха и т.д.). В селе, в котором в последнее десятилетие активно развивается туристическое направление, также регулярно проводятся международные фестивали и всевозможные праздники: минеральной воды, молока и т.п. Представители младшего поколения принимают участие в деятельности молодежного общества «Родопские гайдуки», целью которого является сохранение памяти, родной культуры, традиций. В настоящее время «Родопские гайдуки» насчитывают 50 человек, каждый из которых прошел год испытательного срока и выразил свой интерес к сохранению и приумножению традиций родного региона. Немаловажным показателем такого интереса является церемония принятия в ряды общества: каждый желающий должен принести специальную клятву на Библии и оружии. В настоящее время общество занимается активной общественно-просветительской деятельностью. Одним из важных ее результатов стал этнографический дом-музей хаджи Чоне в Смоляне — административном центре и крупнейшем городе в этом регионе Родоп.

Проведенное исследование показывает, во-первых, как жители региона Средних Родоп, на территории которого произошел ряд важных исторических событий, интерпретируют историю своего села и, шире, местности, мифологизируя исторические персоналии, слагая легенды, передающиеся из поколения в поколение, акцентируя внимание на одних исторических событиях, непосредственно затронувших этот регион, и придавая «забвению» другие (к примеру, абсолютно все респонденты среди персоналий называют деятелей болгарского Национального Возрождения,

русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и процесса обретения независимости Болгарией, таким образом, обнаруживая знание о некоей неформальной «исторической хронологии» этих мест), и, во-вторых — как история села, семьи, рода, по мнению местных жителей, может накладываться на «координаты» истории государства, Балканского полуострова, Европы и мира.

Вторая группа в составе А. Апостолова, Л. Крыстева (СУ), Л. Т. Керопян (НИУ-ВШЭ), И.О. Абрамова (КГУ) и А.А. Леонтьевой (ИСл РАН) в ходе общения с местными жителями изучала их отношение к османскому периоду болгарской истории (XIV в.—1878 г.), восприятие его роли. Этот период остается одним из наиболее «болезненных» для национальной исторической памяти, при этом ключевой проблемой является оценка исламизационных процессов, проходивших в болгарских землях в это время². Поскольку Родопы были в наибольшей степени в болгарских землях затронуты исламизацией и в настоящее время остаются основным центром проживания болгаро-мусульманского населения, а Момчиловцы — христианское село, в непосредственном соседстве с которым находятся поселения мусульман, определение отношения местных жителей к османскому периоду истории кажется особенно интересным.

Кроме того, в конце 2015–начале 2016 гг. в Болгарии развернулась широкая общественная дискуссия по поводу места османского владычества в истории болгарского народа. Толчком для нее послужила подготовка министерством образования новых школьных учебников и учебной программы по истории, в которых относительно османского владычества было употреблено слово «сожительство». Это вызвало большой резонанс, в частности на страницах желтой прессы и в популярных телевизионных шоу. Впоследствии в политизированную дискуссию включилось также профессиональное научное сообщество историков-османистов, и наиболее видные его представители — Св. Иванова, (Исторический факультет Софийского университета), Р. Градева (Институт балканистики БАН), Ст. Пырвева и О. Тодорова (Институт исторических исследований БАН) и др. — подписали открытое письмо³, в котором отстаивали право истории как науки оперировать собственным терминологическим аппаратом и объясняли специфику употребления таких устоявшихся понятий, как «османское владычество», «турецкое рабство» и т.д. Основной целью этого письма было прекращение использования исторической науки в политических целях. Дискуссия продолжалась в декабре 2015 — феврале 2016 г., за ней можно было наблюдать в интернете⁴ и на телевидении⁵. В результате скандала 1 февраля 2016 г. министр образования Болгарии Т. Танев покинул свой пост.

Таким образом, тема восприятия местными жителями османского периода болгарской истории представляется достаточно актуальной.

В ходе работы над проектом группой был опрошен 21 человек в возрасте от 20 до 80 лет (в возрасте 20–40 лет — 6 чел., 40–60 лет — 9 чел., 60 лет и более — 6 чел.). Жители села легко шли на контакт, и тема опроса была им интересна. Для исследования была составлена анкета из шести вопросов.

На первый вопрос: «Каковы ваши первые ассоциации со словом “турок”?» — было получено семь нейтрально-положительных ответов: «турки — такие же люди, как и мы, наши соседи». Остальные респонденты определяли турок как «поработителей» и «угнетателей». Примечателен ответ одного мужчины (группа 40-60 лет, высшее образование): «Болгары любят турок примерно так же, как поляки любят русских» (при этом необходимо отметить, что беседу с этим человеком проводил болгарин, поэтому «подыгрывание» со стороны респондента в данном случае исключено). Этот свой тезис он развил рассказом об истории польских восстаний в Российской империи, проведя при этом параллели с болгарской историей. Таким образом, мы видим два основных варианта восприятия турок — с одной стороны, это слово ассоциируется с османской властью и многовековым притеснением, с другой — турки представляют собой соседей-мусульман, с которыми христиане легко взаимодействовали на бытовом уровне и поддерживали добрососедские отношения.

Второй вопрос был продиктован общественной дискуссией, развернувшейся в Болгарии зимой 2016 г., и касался определения османского периода болгарской истории: «Каково ваше отношение к терминам “турецкое рабство”, “османская власть”, “османское присутствие”? Какое из определений наиболее корректно с вашей точки зрения?». Ответ на этот вопрос был практически однозначным — почти все респонденты настаивали в данном случае на слове «рабство», некоторые выражали чувство обиды при упоминании термина «османское присутствие». Давая пояснения, один из опрашиваемых (группа 40-60 лет, высшее образование) отметил, что, хотя де-юре это не было рабством в полном смысле этого слова, де-факто болгары были полностью лишены прав. Аргументировал он свое мнение событиями кырджалийской смуты⁶. Еще один респондент подчеркнул, что это было рабство, но не только для болгар, но и для других народов, находившихся под османской властью.

Следующим в анкете был вопрос об исторической роли болгарского сопротивления и восстаний в освобождении от османской власти. При ответе воздержался от оценок один человек, остальные единогласно признали значительную роль болгарских выступлений. Из дополнительных оценок их роли можно выделить ремарку «болгары сопротивлялись настолько, насколько были силы». Также восстания оценивались одним из респондентов как акт самопожертвования со стороны болгарского народа.

Целью четвертого вопроса было понять отношение населения к так называемому «налогу кровью» (девширме) — системе принудительного набора мальчиков из христианских семей для их последующего воспитания в исламской традиции и несения ими службы в качестве *karıkulları* («слуг Порты») и в янычарских отрядах. Упоминание девширме вызывало резко отрицательную реакцию респондентов — звучали такие определения, как «варварство», «ужас», «кровавость», «ассимиляция», «разрушения». Одна из опрошенных рассказала семейную историю — ее предка спрятали в доме, и таким образом он спасся и не был забран из семьи. Но были и менее эмоциональные оценки: один из мужчин сказал, что это было болезненно для семей, но давало детям возможность социального роста. Таким образом, можно сказать, что «налог кровью» во многом воспринимается как основной аргумент подчиненного, бесправного положения христиан в Османской империи и жестокости османской власти.

Следующий вопрос был более широким: «Можно ли, на ваш взгляд, сказать, что османская власть была толерантна по отношению к христианам?». Большинство опрошенных ответили отрицательно, однако несколько человек дали более развернутые ответы. Так, прозвучало мнение, что по сравнению со странами Западной Европы Османская империя была гораздо более толерантна по отношению к иноверцам. Один мужчина среднего возраста подчеркнул, что насильственная исламизация имела место преимущественно до XVII в., в дальнейшем добровольный переход в ислам давал возможность социального роста и улучшения условий жизни. Одна из женщин отметила, что на бытовом уровне люди были веротерпимы и жили мирно, но государственную османскую политику по отношению к христианам назвать толерантной нельзя.

Последний вопрос касался современных событий в Турции и был обусловлен тем, что исследования проводились спустя ровно месяц после неудавшейся попытки государственного переворота в Турции 15 июля 2016 г. и его жестокого подавления. Он был сформулирован так: «Что вы думаете о последних событиях в Турции и политике Эрдогана?». Этот вопрос нашел широкий отклик у респондентов, лишь трое (из 21 чел.) заняли нейтральную позицию, остальные выразили обеспокоенность происходящим в Турции. При этом некоторые из опрошенных объяснили это лишь интересом к происходящему в другой стране, дав отрицательную оценку политике турецких властей, другие усмотрели в этом угрозу для Болгарии. Одна женщина рассказала, что ее знакомые болгары-мусульмане, переехавшие в Турцию в 1990-х годах, не одобряют политику Эрдогана, ощущают себя некомфортно и даже рассматривают вариант возвращения в Болгарию. Президента Турции Эрдогана респонденты называли «диктатором» и «автократом», который стремится к единоличному прав-

лению. Один из респондентов усмотрел в этом угрозу гражданской войны в стране; двое других подчеркнули, что это «не является неоосманизмом», однако Турция, по их мнению, движется к тоталитаризму. Практически во всех ответах звучало, что для Турции подобная политика является шагом назад в развитии. В связи с обсуждением ситуации в Турции, некоторые респонденты начинали говорить о современном положении мусульман в Болгарии, выражая озабоченность ростом их числа, в том числе среди цыган, и низкой степенью их социализации. В качестве примера одна из женщин привела ситуацию в г. Пазарджик.

В целом опрос и анализ ответов местных жителей показали, что тема османской власти остается и по сей день для болгар актуальной. Османский период оценивается, в основном, отрицательно. Кроме того, мы видим, что проблема современных отношений с Турцией и отношения к болгарам-мусульманам в наши дни во многом продиктованы памятью об общей болгаро-османской истории.

В третью группу исследователей входили Н.С. Гусев (ИСл РАН), И. Николова (СУ), Г. Стоева (СУ), Е.А. Шмелева (ВлГУ). Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какая война важнее для вашего села — русско-турецкая 1877–1878 гг. или Первая Балканская 1912–1913 гг.?». Данная постановка проблемы связана с тем, что почти вся территория современной Болгарии была выведена из-под управления Порты в результате русско-турецкой войны, что ежегодно отмечается 3 марта (день подписания Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, в котором, как принято считать, были определены границы освобожденной Болгарии, ставшие на долгие годы «национальным идеалом»). Однако район Родопских гор, включая Момчиловцы, был освобожден лишь в 1912 г., в ходе Первой Балканской войны, память о которой в большей части страны омрачается последовавшей за ней Второй, Межсоюзнической, Балканской войной, ставшей «первой национальной катастрофой».

При проведении опроса исследователи представлялись туристами и под разными предлогами заводили разговор, обращаясь к респондентам с просьбой выступить арбитрами в интересующем их вопросе. Следует отметить, что в Момчиловцах можно наблюдать общий для современного мира процесс оттока молодежи в города, поэтому найти респондентов в возрасте до 40 лет — нелегкая задача; вдобавок представители именно этой возрастной категории чаще всего отвечали, что они в истории не разбираются, и советовали обратиться к старикам. Среди выразивших свою позицию мнения разделились приблизительно поровну, однако при обработке собранного материала был введен такой дополнительный критерий, как аргументированность ответа, и это принесло интересные результаты. Большую важность Первой Балканской войны аргументировали 90% выбравших этот вариант ответа. Связывали они это с тем, что именно

эта война принесла селу свободу. Более того, несколько раз прозвучала история, переданная от старшего поколения, о предотвращенной резне в селе в первые дни после объявления войны. Одна из жительниц села отправилась в горы под предлогом необходимости отнести отцу еды. В это время турецкие части и башибузуки уже согнали население в церковь, чтобы затем ее поджечь. Но женщина успела сообщить об этом болгарским солдатам, и пограничный отряд вместе с четами вошли в село. Турки спешно отступили, не успев привести в исполнение свой план. Жители села были спасены, а имена их спасителей почти 100 лет спустя были увековечены на памятной доске в центре села...

В то же время сумели аргументировать важность русско-турецкой войны лишь 25 % респондентов. Это вполне объясняется явлением, названным американским социологом Дж. Цаллером аксиомой реакции, — индивиды отвечают на вопросы, обдумывая те суждения, которые оказываются немедленно доступны и мобилизованы в сознании⁷. И опрошенным было легче вспомнить русско-турецкую войну 1877–1878 гг., называемую Освободительной, окончание которой регулярно отмечается на самом высоком уровне, значение которой подчеркивается в школьных учебниках. Когда же респондентов просили объяснить свою позицию, то оказывалось, что их мнение базируется на аффективном, а не когнитивном консенсусе, — важность войны 1877–1878 гг. была принята, усвоена, но не осмыслена.

В конечном итоге можно констатировать наличие двух параллельных процессов, связанных с исторической памятью. «Живой» история Балканских войн является лишь для пожилых людей, заставших ее свидетелей, что накладывает на их восприятие и личное отношение к событиям прошлого. Однако их число, в силу естественных причин, уменьшается с каждым годом. В то же время школьное образование и регулярные акты коммеморации, связанные с русско-турецкой войной, укореняют среди населения определенный стереотип восприятия прошлого, формализуют его. Данный процесс стереотипизации истории страны будет набирать все более высокий темп, поскольку все меньше и меньше знание о прошлом передается через семейные предания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данные на 2011 г. См. сайт Национального статистического института Болгарии: http://www.nsi.bg/sites/default/files/data/timeseries/Census2011_1.pop_by_age.xls [дата обращения — 24.04.2017].

² Подробнее о восприятии и интерпретации этого периода истории в болгарской исторической науке см.: *Леонтьева А.А.* Проблема исламизации в болгарских землях под османской властью в современной болгарской историографии // *Славяне и Россия: Исторический контекст и проблемы историографии.* М., 2015.

³ Отворено писмо: Време е да спрем със злоупотребите с историята. <http://www.marginalia.bg/analizi/vreme-e-da-sprem-sas-zloupotrebite-s-istoriyata/> [дата обращения 8.02.2017].

⁴ Проф. Иван Тютюнджиев: Коректният научен термин е „владичество“; Османското завоевание е беда, не просперитет. <http://e-vestnik.bg/24366/prof-ivan-tutyundzhiev-korektniyat-nauchen-termin-e-vladichestvo-osmanskoto-zavoevanie-e-beda-ne-prosperitet/> [дата обращения 8.02.2017]; Академик разкри 7 чудесия в становището на БАН за турското робство. http://www.blitz.bg/obshtestvo/akademik-razkri-7-chudesii-v-stanovishcheto-na-ban-za-turskoto-robstvo_news390364.html [дата обращения 8.02.2017].

⁵ Калофер настръхна: Ако не е имало турско робство, щеше ли да има въстание? <https://www.youtube.com/watch?v=5co-QmZPSVY> [дата обращения 8.02.2017]; Турско робство или съжителство — Здравей, България (27.01.2016г.) <https://www.youtube.com/watch?v=xQEPXVOU46c> [дата обращения 8.02.2017].

⁶ Кърджалийская смута — период болгарской истории (конец XVIII — начало XIX вв.), ознаменовавшийся междуособными столкновениями и разорениями мирных поселений, налетами разбойников (кърджали) в Румелии. Во многом это было обусловлено ослаблением центральной власти в Османской империи и, как следствие, невозможностью власти защитить мирное население (подробнее см.: *Мутафчиева В.* Кърджалийско време. София, 1977.).

⁷ *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004. С. 101.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛАТФОРМА

Н.С. ГУСЕВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О МАКЕДОНСКОМ ВОПРОСЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Abstract:

N.S. Gusev. *A new study on the Macedonian question during the First World War*

The author reviews the monograph by the Kharkiv researcher O.N. Gurinova «The Macedonian question in international relations in 1913–1920». For the first time in historiography, the Macedonian problem during the First World War is considered. The author of the monograph attempts to discuss the impact of international relations on the inhabitants of the Macedonian lands.

Ключевые слова: Македония, македонский вопрос, Первая мировая война, О.Н. Гуринова.

Долгие годы в Советском Союзе македонский вопрос являлся табу, в том числе в научной литературе. Однако затем идеологические запреты были сняты, и в России стали появляться первые статьи¹ и сборники статей², диссертации³ и монографии⁴, посвященные македонскому вопросу. Но в них он рассматривался на стадии своего становления или временно-го «затишья» в межвоенный период. Первую попытку силового решения проблемы — Балканские войны 1912–1913 гг. — изучила в своей диссертации Н.А. Учаева⁵, попытку реванша во время Первой мировой войны — харьковская исследовательница О.Н. Гуринова⁶. К сожалению, работы последней не выходили в центральных российских научных изданиях, поэтому практически неизвестны в России. Но эту ситуацию исправляет ее книга⁷, в которой македонский вопрос рассматривается, как указывает автор, с момента заключения Бухарестского мирного договора 1913 г., окончившего Балканские войны и оформившего раздел Македонии, до ратификации болгарским парламентом Нейиского договора, греко-болгарской конвенции об обмене населением и завершения 21 января 1920 г. мирной конференции в Париже (С. 6)**.

* Статья написана в рамках работы над проектом РГНФ/РФФИ № 31-15-01003а1.

** Здесь и далее в скобках указаны страницы монографии.

Монография О.Н. Гуриновой структурирована по проблемно-хронологическому принципу и разделена на четыре главы, первая из которых посвящена историографии и источниковой базе.

Обращает на себя внимание тщательно проработанная историография проблемы, в которой преобладают исследования на болгарском языке, что вполне объяснимо — именно для Болгарии македонский вопрос был наиболее болезненным, что обусловило большое количество научных и публицистических работ на болгарском языке. То, что рецензируемая монография является переработанной кандидатской диссертацией, проявляется в наличии теоретической части, где автор попыталась рассмотреть существующие концепции нации и конструирования нации. Для исследователя, занимающегося такой темой, как Македония, представление об этом необходимо, но в то же время, следует признать, что книга посвящена не проблеме этнического определения населения региона, а международным отношениям вокруг этих земель, и потому данный экскурс представляется, на наш взгляд, излишним. К тому же выводы данного раздела нельзя назвать бесспорными: «Македонцы, будь то славяне, греки или албанцы, — подобно столь же разноязычным швейцарцам — сложившаяся самостоятельная нация», — утверждает автор (С. 54). Однако подобное укладывание балканских реалий в прокрустово ложе европейских аналогий сложно назвать продуктивным путем, ибо оно не учитывает специфику взаимоотношений в регионе. Данную параллель можно использовать как основу для индивидуализирующего сравнения — выявления отличий и специфики для объяснения разных последствий, но это выходит за рамки работы.

Автор признает, что время возникновения македонской нации является дискуссионной проблемой, и относит начало процесса нациогенеза к 60–70-м годам XIX в. (С. 222). Но следует признать, что указанные датировки нельзя считать общепринятыми, а само существование македонцев как нации в начале XX в., что для автора книги является непреложной истиной, остается обсуждаемым вопросом.

О.Н. Гуринова опирается на широкую базу источников: среди них и опубликованные в России, Болгарии, США и Великобритании документы, и архивные фонды Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива, Центрального военного архива (Болгария), Государственного архива Республики Македония. Широкий спектр неопубликованных зарубежных архивных материалов обогащает работу и придает ей особую ценность для российских исследователей. Автор не оставила в стороне и общественное мнение по македонскому вопросу, используя 10 болгарских, 5 сербских, 3 французских, 2 гре-

ческих, румынскую, итальянскую, немецкую, британскую газеты, а также выходившее в Петрограде в 1914 г. издание сторонников независимости Македонии «Македонский голос». Однако назвать выбор русских изданий релевантным сложно: среди них «Воля», «Вечернее время» и «Новое время», причем последняя газета ошибочно названа «российским официозом» (С. 60). За границей, действительно, она нередко воспринималась таковой, хотя МИД это опровергал, но связи редакции были известны, а отношение «Нового времени» к правительству менялось в зависимости от ситуации в высших эшелонах власти⁸. Дополнить картину действий России в конфликте могли бы воспоминания ее дипломатов — А.А. Савинского⁹, находившегося в Болгарии, и В.Н. Штрандтмана¹⁰, пребывавшего в Сербии.

Во второй главе О.Н. Гуринова обращается к периоду невооруженного решения македонской проблемы — с момента окончания Второй балканской войны и до вступления Болгарии в Первую мировую войну. Осветив положение македонских земель в составе разделивших ее Болгарии, Сербии и Греции, автор приходит к справедливому выводу о том, что Бухарестский договор мира на Балканы не принес и привел к «дезинтеграции македонского народа» (С. 78). Далее подробно рассмотрены попытки привлечь Болгарию на свою сторону Центральными державами и Антантой, когда Македония являлась лишь «разменной монетой», судьба которой не интересовала великие державы. Третья глава освещает период боевых действий на территории Македонии: в ней большое внимание уделяется попыткам Болгарии создать структуру управления оккупированной территорией и легитимизировать ее в глазах местного населения. В связи со вступлением в войну Греции политический вес и значение Софии выросли, начался зондаж почвы для сепаратного мира, но Болгария сильно зависела от Центральных держав и не имела возможности самостоятельно выйти из войны. Созданная двумя российскими революциями ситуация, несмотря на то, что исчезла главная заступница Сербии, также не принесла никаких дивидендов Софии — Австро-Венгрия стала претендовать на искомые территории, а последовавший вскоре прорыв у Добро поле вывел Болгарию из войны в статусе побежденного государства, чьи претензии не интересовали победителей. Менее же всего, как замечает автор, прислушивались к мнению местного населения: «Что же касается македонцев, то, увы, они не распоряжались своей судьбой, их страна являлась лишь полем боя и объектом международных отношений!» (С. 171). Но как О.Н. Гуринова показывает в следующей главе, македонцы и не могли сформулировать своего мнения, поскольку наиболее активные их представители по-разному видели будущее этих земель: в составе Болгарии или в виде автономного государства под международным покрови-

тельством (С. 182–183). Однако первый вариант был невозможен в силу статуса Болгарии как побежденной стороны, второй же — статуса Сербии и Греции, которые на правах победившей стороны блокировали любые попытки отделения македонских земель. И в конце концов новый раздел Македонии Нейским договором нанес «серьезный удар по развитию демократических и интеграционных процессов на Балканах» (С. 214) и стал на долгие годы основным источником обострения международных отношений в регионе. Но виновными в этом являются не только великие державы, но и правительства балканских стран (С. 216).

В заключении своей монографии О.Н. Гуринова обобщает результаты исследования и находит взаимоотношения болгар и македонцев аналогию во взаимоотношениях русских и украинцев, которую, на наш взгляд, также стоит рассматривать не более как постановку проблемы для компаративного исследования, впрочем, малоперспективную — слишком очевидны и велики отличия. Авторское же расширение аналогии до современности представляется нам избыточной актуализацией исследования, смешивающей различные идеологические основания и мотивации.

Надо признать, что работа не свободна от огрехов: здесь и болгаризмы («Одрин» вместо «Адрианополь» (С. 79), «Карнегиевская комиссия» вместо «Комиссия Карнеги» (С. 60)), и несоблюдение правил современной орфографии в форме сохранения буквы «ъ» в названии болгарских газет (С. 93, 105). Далее О.Н. Гуринова пишет: «Объявления Россией, Англией и Францией войны Болгарии 18 октября 1915 года» (С.119–120), хотя в используемой ею работе Г.Д. Шкундина детально показан алгоритм вступления Болгарии в войну: британское правительство объявило ей войну 15 октября, французское 17 октября констатировало состояние войны с 16 октября, а манифест об объявлении войны Россией был отправлен Николаю II на подпись 18 октября, опубликован позднее, но с пометой именно от этого числа¹¹.

Однако указанные недостатки не снижают значимости монографии О.Н. Гуриновой, в которой в научный оборот введен широкий круг источников и сложный клубок противоречий вокруг македонских территорий представлен с нового ракурса — значения происходившей борьбы именно для населения спорного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Едемский А.Б., Карасев А.В., Цехмистренко С.П.* К истории македонского вопроса // Советское славяноведение. 1993. № 3; *Исаева О.Н.* Македонский вопрос и Россия в н. XX в. // Новая и новейшая история. Вып. 15. Саратов, 1995; *Бурбыга В.А.* Российское славяноведение и публицистика об этнической принадлежности македонских славян (1893–1903 гг.) // Болгарский ежегодник. Т. 3. Киев, 1998; *Исаева О.Н.* Некоторые проблемы македонистики // Славянове-

дение. 2004. № 5; *Евдокимович А.Л.* Македонский вопрос в политике Коминтерна (1920–1929 гг.) // Российские и славянские исследования. Вып. 3. Минск, 2008; *Валева Е.Л., Исаева О.Н.* Македонистика под запретом. К истории становления науки в СССР // България, Балканите и Русия. XVIII–XXI век. Българо-руски научни дискусии. София, 2011.

² Македония: Путь к самостоятельности. Документы / Сост. и отв. редактор Е.Ю. Гуськова. М., 1997; Македония: проблемы истории и культуры / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1999; Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура 1944–1991 гг. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2013.

³ *Ямбаев М.Л.* Македония и Россия (1897–1902 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Войтова Я.Н.* Македонский вопрос и политика Коминтерна 1919–1925 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007.

⁴ *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX — начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.

⁵ *Учаева Н.А.* Македонский вопрос в период Балканских войн 1912–1913 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

⁶ *Гуринова О.М.* Македонське питання в міжнародних відносинах 1913–1920 рр.: дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2013.

⁷ *Гуринова О.Н.* Македонский вопрос в международных отношениях 1913–1920 гг. Харьков, 2015.

⁸ *Кострикова Е.Г.* «Мост через пропасть»: Отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века // Российская история. 2010. № 5. С. 191.

⁹ *Savinsky A.* Recollections of a Russian Diplomat. London, 1937.

¹⁰ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания / Подгот. текста и вступ. ст. А.Л. Шемякин. М., 2014.

¹¹ *Шкундин Г.Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916 г.). София, 2007. С. 27–29.

РЕЦЕНЗИИ

А.М. Дронов

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ВОЙНА И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ
В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ
(V ТОКАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ) / ОТВ. РЕД. А.Л. БОЙКО, Д.В. СЕНЬ.
РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2016. 231 С.**

Abstract:

Dronov A.M. *War and military traditions in the cultures of Southern Russia (V Tokarev readings) / ed. by A.L. Boiko, D.V. Sen. Roston on Don, 2016. 231 p.*

The article contains an analysis of the papers presented at the V. Tokarev readings. The author classifies the articles according to modern areas of research.

Ключевые слова: война, воинские традиции, Юг России, Токарев, история казачества, границы, пограничья, лимнология.

6–7 мая 2016 г. в Ростове-на-Дону прошла традиционная уже конференция, посвященная памяти выдающегося отечественного конструктора-оружейника, изобретателя легендарной системы «ТТ», уроженца Дона — Федора Васильевича Токарева (1871–1968). В сборник материалов «V Токаревских чтений» вошли статьи по истории, культурологии, социологии и археологии.

Материалы сборника разделены на тематические группы, что облегчает восприятие информации по «блоковому» принципу. При этом историческая составляющая изучаемого ландшафта (Причерноморские степи и Северный Кавказ) представляет особый интерес для таких направлений междисциплинарных исследований как лимнология (и граничный дискурс в целом), военная история, этнолингвистика, психоистория и др.

Сборник открывает статья В.И. Зайдинера и С.А. Ковыневой о самом Ф.В. Токареве. Авторы пытаются выяснить, откуда у него возник интерес к этой профессии. В частности, в статье говорится, что донские казаки Токаревы, по-видимому, ведут свой род от тульского токаря, волей судьбы оказавшегося на Дону (С. 9). В этот раздел сборника также вошли статьи по истории казачества Т.С. Рудиченко, А.В. Ярового и Д.В. Сени.

В разделе «Войны и воинские культуры в историко-сравнительной перспективе» опубликованы две статьи: Т.С. Рудиченко «Воинские элементы в обрядах жизненного цикла донских казаков» и А.В. Ярового «Казачьи воинские искусства: к постановке проблемы», которые относятся к истории повседневности. Рудиченко обращается к проблеме традиционной обрядности казаков, в том числе периода «малолетства» (инициация в виде пострижения и посадки на коня маленьких казачат), рассматривает свадебные и похоронные обычаи. При этом автор анализирует не только материалы письменных источников XIX — начала XX вв., но и результаты полевых исследований за последние 50 лет, что помогает понять, насколько казачьи традиции сохранились в эпоху позднего СССР, и насколько они являются актуальными в наше время (С. 17).

А.В. Яровой подверг критическому разбору не только научно-популярные работы, но и серьезные исследования, в которых, по мнению историка, неправильно или ошибочно трактуются источники. Так, ряд существенных замечаний высказан по поводу книги Б.Н. Горбунова о традиционных рукопашных состязаниях в культуре восточных славян (С. 20, 28).

Статья Д.В. Сеня «Освоение Черноморрии казачеством в конце XVIII в.: случай Петра Малого и Андрея Мазанова» посвящена истории черноморских казаков, а также казаков-некрасовцев, которые оказались между Российской и Османской империями в Причерноморских степях. В центре статьи — рассмотрение вопроса о поведении казаков на новом южном фронтире, тянувшемся вдоль р. Кубань, а также о взаимоотношениях казачьей верхушки с османской Анапой. Автор делает вывод, что пограничное пространство было проницаемым (пористым), а казаки-некрасовцы Закубанья не только не утрачивали связей с Анатolieй, где проживали их родственники, но и активно взаимодействовали с турецкими властями на побережье, местным черкесским населением и черноморскими казаками по ту сторону моря (С. 30, 43).

Второй раздел «Войны в истории Юга России» содержит 18 статей, из них 13 статей по истории казачества, 3 — по истории крымских татар и 2 — по Кавказской войне (о феномене мюридизма и участии в войне белорусов).

Р.Ю. Почекаев в статье «Казачьи походы на Хиву в начале XVII в.: факты, мифы, историческая память» анализирует фольклор уральских казаков и приходит к выводу, что можно вести речь только об одном походе. В то же время, казачьи песни и легенды, где факты соседствовали с художественным вымыслом, оказались актуальны в 1870-е годы, во время борьбы России за присоединение Средней Азии. Работа П.А. Авакова «Две твердыни: Азов и Сергиев между первым и вторым Азовскими по-

ходами 1695–1696 гг.» повествует о причинах неудачи первого Азовского похода Петра I и успехе второго, в том числе и о роли в нем крепости Сергиев.

Статьи С.В. Черницына «Адаптация освободившихся пленных в Войске Донском (по биографическим материалам XVIII в.)», С.Г. Воскобойникова и Т.В. Шукиной «Генерал-лейтенант Аким Акимович Карпов 2-й (1789–1879 гг.)» и А.В. Захаревича «Донской казачий полк Аханова 1-го в боях с горцами на Северном Кавказе в 1804–1810 гг.» — можно отнести к разряду биографических. При этом последнюю работу также уместно включить в одну группу — истории отдельных воинских частей и соединений — со статьями А.П. Скорика «Боевые эпизоды участия донского казачьего № 36 полка в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» и Ю.С. Пыльцына «Боевой путь 2-й терской дивизии в вооружённых силах на юге России (март-август 1919 г.)».

В особую категорию следует выделить статьи, посвященные изучению трансформации и развития казачьего самоуправления, а также воинской организации и образцов оружия. Это исследования: Н.А. Мининкова «Чины и должности в Войске Донском в конце XVIII в. (по материалам дел о массовом движении донских казаков 1792–1794 гг.)», Н.В. Горбунова «Повседневная деятельность войсковых органов дворянского самоуправления», А.Ю. Перетятко «Дискуссия об использовании казачьей пики после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по материалам „Русского инвалида“», А.И. Агафонова «Земельные отношения на Дону как направление военной культуры казачества и их государственное регулирование во второй половине XIX в.» и Р.Г. Тикиджян «Военная служба и проблемы трансформации военных традиций донского казачества во второй половине XIX — начале XX вв. (1855–1914 гг.)».

Н.А. Мининков пришел к выводу, что к концу XVIII в. у донских казаков имелась сложная система чинов, в которой общероссийские армейские чины Табели о рангах сосуществовали с традиционными казачьими чинами, при этом последние отличались нечеткостью, поэтому не всегда можно разграничить чин и должность, а также войсковые, полковые и станичные чины (С. 88). Н.В. Горбунов рассматривает процесс создания на Дону органов дворянского самоуправления. Хотя законодательное оформление нового института началось в 1804 г., фактическое внедрение системы ученый связывает с 1840–1850-ми годами (С.89–90). В статье о «Земельных отношениях» А.И. Агафонов анализирует влияние отмены крепостного права на Область Войска Донского. Правительственные распоряжения и постановления, по его мнению, говорят в пользу особой заботы со стороны государства о казаках (С. 134). А.Ю. Перетятко, на примере частного вопроса о вооружении казачества в последней четверти

ХІХ в. пиками, поднимает более общую проблему темпов модернизации армии в соответствии с современными для той эпохи стандартами вооружения (С. 128). Р.Г. Тикиджян декларирует приверженность теоретическому конструкту «модернизационной парадигмы» и призывает к изучению «проблем циклических „догоняющих“ модернизаций на казачьих окраинах империи» (С. 136). В качестве определяющих для казачьей службы исследовательница называет «Устав 1875 г.» и «особые меры» 1882–1892, 1899–1905 и 1909–1911 гг., которые она характеризует как «консервативные» и направленные на «усиление милитаризации общества» (С. 137).

В.П. Трут в статье «Донские казацки регулярные и добровольческие части и соединения в годы Великой Отечественной войны» определяет особенности формирования таких частей летом и осенью 1941 г. Военный историк приходит к выводу, что при комплектовании казачьих добровольческих частей не делалось разницы между собственно казачьим и неказачьим населением Дона, а самим набором таких добровольцев руководили казаки, не подлежавшие по тем или иным причинам мобилизации. Сам набор был, в первую очередь, ориентирован на население, не подлежавшее призыву (С. 157).

Истории Крымского ханства в сборнике посвящены три статьи. В работах Л.В. Мининкова «Поход Мухаммеда Гирея на Москву 1521 г. и Новгород-Северский князь Василий Иванович Шемячич» и В.В. Грибовского «Последние „татарские набеги“ 1769 г.» рассказывается о непростой истории взаимоотношений крымских татар и России. Статья М.Е. Шалака «Записки иностранцев как источник по истории военного дела крымских татар в конце XVI–начале XVII вв.» повествует о том, что в первую очередь замечали иностранные путешественники на территории Крымского ханства и какие приводили сведения о татарах.

Важной для понимания Кавказской войны представляется статья Д.А. Гармышева, в которой объясняются истоки мюридизма на Кавказе, а также затрагивает вопрос о том, почему именно самый радикальный по взглядам шейх смог найти отклик в сердцах простых горцев, тогда как два более умеренных, но не менее ярких проповедника были отвергнуты народом.

Третий раздел сборника посвящен воинской культуре на пространстве Юга России. Авторы анализируют эпос местных народов (А.Е. Иванеско, О.И. Шафранова, Т.В. Богаченко), взаимовлияние казачьей и окружавших ее культур (Д.С. Кидирниязов, С.М. Сивков), примеры исторической памяти, выражающейся в музеях и памятниках прошлого (С.А. Иванюк, Е.В. Пьявченко, В.Ю. Ростовский, А.Л. Бойко в соавторстве с В.В. Верещагиным). Часть статей можно отнести к направлению

истории повседневности (Ю.В. Зеленского о наемничестве и набеговой деятельности у половцев и Л.И. Пилипчука о проходах советского новобранца в армию).

Сборник охватывает большой хронологический период (от Средневековья до наших дней), авторы не только решают стоящие перед исторической наукой исследовательские задачи, но и вторгаются в области, являющиеся «белыми пятнами» как для отечественной, так и для мировой историографии. Здесь особенно важно правильно очертить круг проблем, которые придется решать новым поколениям историков и представителям смежных дисциплин.

К.Б. ЕГОРОВА
Институт русской литературы РАН
(Пушкинский дом), Санкт-Петербург

«ЗЕМЛЯ БЕЗ ИМЕНИ»: ЖИЗНЬ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В ФОТОГРАФИЯХ РУДОЛЬФА ГУЛКИ*

Abstract:

Egorova K.B. *«The land without a name»: The life of Carpathian Ruthenia in the photographs of Rudolf Hůlka*

A review of the book on the culture of Carpathian Ruthenia, which was prepared by the research fellows of the Slavonic library (Prague): The Lost World of Subcarpathian Rus' in the Photographs of Rudolf Hůlka (1887–1961) / Hana Opleštilová, Lukáš Babka. 1. vyd. — Prague, 2014 — 291 s. 2. vyd. — Prague, 2016 — 300 s.

Compiling a bibliography of publications on the history of Carpathian Ruthenia is a part of the RFN project № 16-04-50095 «History of the Slavic borderland: Subcarpathian Rus in the context of literary and aesthetic aspirations of the Russian and Ukrainian emigration».

Ключевые слова: история Чехословакии, Подкарпатская Русь, этнография, искусствоведение.

Чешский писатель Иван Ольбрахт (1882–1952) в серии репортажей о Подкарпатской Руси, входившей в состав Первой Чехословацкой республики, окрестил эту область «землей без имени». Название научно подготовленного издания фотографий повседневной жизни Подкарпатской Руси дополняет найденный Ольбрахтом образ — это потерянный мир, который запечатлел в 1920-е годы фотограф-любитель Рудольф Гулка (1887–1961).

В коллекции Славянской библиотеки в Праге хранится более 1500 цветных и черно-белых диапозитивов, дающих представление о деревенной архитектуре края, обрядах, народных костюмах, обычаях и людях, русинах и гуцулах, ставших после Первой мировой войны гражданами Чехословакии. Это только часть обширной коллекции Рудольфа Гулки, насчитывающей более 4400 единиц хранения, среди которых находятся открытки с видами городов Чехии, Моравии и Словакии, фотографии из путешествий по Чехословакии, Хорватии, Италии и Северной Африке.

Фотографии, отобранные для публикации в рецензируемом издании и атрибутированные сотрудниками Славянской библиотеки Ганой

* Работа по составлению библиографии изданий об истории Подкарпатской Руси ведется в рамках проекта РГНФ № 16-04-50095 «История одного славянского пограничья: Подкарпатская Русь в контексте литературных и эстетических исканий русской и украинской эмиграции».

Оплештиловой и Лукашем Бабкой, представлены в альбоме в высоком качестве, большом формате. Изобразительный материал занимает основное место в издании, что предопределило его структуру и формат (книга имеет нестандартный размер, а страницы — альбомную ориентацию).

Книга имеет логичную структуру, обусловленную общим замыслом — полно и качественно представить наследие Рудольфа Гулки. Открывает издание эссе Эдварда Касинца, американского исследователя, археографа и специалиста по истории русинов, — «Воспоминания о Подкарпатской Руси, или Рудольф Гулка и я». Касинец был одним из организаторов и кураторов выставки «Потерянный мир Подкарпатской Руси в объективе Рудольфа Гулки», которая состоялась осенью 2015 г. в Нью-Йорке.

Важным вкладом в исследование художественного творчества чешского фотографа является статья «Рудольф Гулка и его документальное наследие», написанная составителями книги Ганой Оплештиловой и Лукашем Бабкой. Она отражает результат серьезной исследовательской работы, — авторам удалось собрать наиболее полную на сегодняшний день информацию о жизни и творчестве Гулки, о «чешском взгляде» на карпатские земли, ставшие на короткий период чехословацкими.

Материал, представленный Оплештиловой и Бабкой, относится к разным аспектам творческой деятельности Гулки — его интересу к фотографии, карпатскому фольклору, украинскому языку и переводам украинской литературы на родной чешский язык. Составители сделали попытку проследить историю коллекции Гулки в собрании Чешской Национальной библиотеки, однако в ней, несмотря на хорошую сохранность документов, много пробелов. Все тексты переведены на английский язык, поэтому издание можно считать двуязычным.

Основную часть альбома составляют фотографии, каждая из которых имеет атрибуцию: указаны шифр хранения, название местности, краткое описание изображения, год. Составители проделали колоссальную работу по атрибутированию ряда материалов, поскольку не все единицы хранения имели авторское описание. Для того, чтобы каждая из публикуемых фотографий получила необходимое описание, были использованы различные методы работы: проанализированы детали костюмов, элементы вышивки для определения народностей, а для указания местности привлекались старые открытки, сравнение с которыми позволило точно определить города и села, в которых бывал Гулка.

Документальное наследие Гулки разбито в книге на тематические блоки в соответствии с местностью, где были сняты сохранившиеся кадры: Ужгород и его окрестности, Запад и центр Подкарпатской Руси, Восток Подкарпатской Руси, другие регионы (примеры). В конце книги

помещен указатель использованных материалов (описание архивной единицы хранения), что является важным и информативным приложением для будущих исследователей и публикаторов материалов из собрания Гулки. Завершает научную часть издания список литературы, использованной составителями при подготовке альбома.

Книга представляет особую ценность для этнографов, специалистов по истории костюма, культурных антропологов. Предшественником публикации документальных материалов из жизни подкарпатских русин и гуцулов было издание, подготовленное С.К. Маковским (1877–1962) в качестве путеводителя по выставке, посвященной Подкарпатской Руси, которая состоялась в Праге в 1924 г. Теперь в распоряжении исследователей появился еще один источник по истории и культуре Подкарпатской Руси, представляющий богатый визуальный ряд.

Издание, подготовленное коллективом Славянской библиотеки, включает в себя лишь небольшую часть фотографий из коллекции Гулки; в книге собраны изображения русин, гуцулов, несколько фотографий жителей Моравии и Словакии, изображения из путешествий по Хорватии и Африке. Эти материалы, качественно изданные и подготовленные со всей научной добросовестностью, станут основой для дальнейшего изучения жизни подкарпатских русин между двумя мировыми войнами, помогут специалистам-этнографам и искусствоведам, фольклористам и историкам церковной архитектуры продолжить научное осмысление культурных традиций Подкарпатской Руси, отразившихся в народных костюмах, вышивках, деревянной архитектуре карпатских православных церквей.

Небольшая часть коллекции дагерротипов Рудольфа Гулки вошло также в издание, подготовленное сотрудниками Славянской библиотеки Оплештиловой и Бабкой в соавторстве с Александром Мушинкой, исследователем из Пряшевского университета (Центр по изучению цыганской культуры): Rudolf Hůlka: Fotografie Rómov z Podkarpatskej Rusi zo začiatku 20. storočia / Hana Opleštilová, Lukáš Babka, Alexander Mušinka. 1. vyd. Praha, Prešov, 2015. 23 s. В этой книге представлена выборка изображений цыган, населявших самые восточные границы Чехословакии в 1920-е годы.

Оба издания выполняют важную миссию — знакомят широкий круг исследователей с ранее недоступными и неопубликованными материалами. Безусловно, большая часть коллекции не вошла в подготовленное издание и составляет золотой фонд богатейшего собрания славянских книг — Чешской Национальной библиотеки. Публикация отдельных фотографий Гулки, безусловно, привлечет внимание исследователей к этому нестандартному фотографу, а также к предмету его художественного интереса — Подкарпатской Руси.

Ю.А. ЛАБЫНЦЕВ, Л.Л. ШАВИНСКАЯ
(Институт славяноведения РАН, Москва)

КНИЖНАЯ СОКРОВИЩНИЦА ИВАНА ФРАНКО
(БИБЛИОТЕКА ИВАНА ФРАНКА: НАУКОВИЙ ОПИС. У 4 ТТ. /
НАЦ. АКАД. НАУК УКРАЇНИ, ІНСТ. ЛІТЕРАТУРИ ІМ. Т.Г. ШЕВЧЕНКА.
Київ, 2010–2015. Т. 1. 624 с.; Т. 2. 720 с.)

Abstract:

Labyntsev Y.A., Shavinskaya L.L. *Literary treasury of Ivan Franko*

The review examines the first two volumes of the monumental publication «The Library of Ivan Franko», which has been prepared over several years by a group of scholars in Kiev.

Ключевые слова: Иван Франко, украинская литература, славяноведение.

В славянском мире трудно найти фигуру столь многогранную и значительную как Иван Яковлевич Франко (1856–1916). Выходец из галицкой крестьянской семьи, сын деревенского кузнеца, он, преодолевая многочисленные тяготы, выпавшие на его долю, становится одним из признанных европейских гениев.

За недолгую и многотрудную жизнь Ивану Франко удается написать необычайно большое число художественных произведений, различных научных и публицистических работ, проявить себя в качестве идеолога и социального лидера. Ныне о нем гораздо чаще говорят как о поэте и писателе и менее всего как об ученом.

На самом деле научное наследие Ивана Франко количественно не менее значительно, нежели художественное, но, в отличие от последнего, все еще не столь известно, а во многом и совершенно не открыто¹. До сих пор не существует даже сколь-либо полной библиографии его произведений, огромное их число рассеяно в самых разных периодических изданиях, выходивших в нескольких странах на ряде европейских языков.

Много тайн хранит весьма объемный личный архив Ивана Яковлевича, сберегающийся в составе рукописных фондов Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины. Наряду с архивом Франко в Институте литературы находится и огромная, более чем в 12 тысяч томов, его библиотека, всегда вызывавшая огромный интерес у исследователей, содержащая на страницах изданий, ее составляющих, несметное количество различных записей их последнего владельца, в том числе автографы неизвестных произведений.

Изучение библиотеки писателя дает очень многое не только для познания его жизни и деятельности, но и всего его окружения и даже понимания той или иной эпохи в целом. Огромный интерес не только

национального, но и мирового масштаба представляют сохранившиеся книжные собрания великих личностей. Свою личную библиотеку Иван Франко начал собирать еще в годы учебы в Дрогобычской гимназии. Она уже тогда была немалой — несколько сот томов античных классиков, произведения выдающихся польских, английских, французских и немецких авторов. Сам Франко называл «эту библиотеку ... центром небольшого сообщества учеников», явившегося прообразом украинского интеллектуального кружка, который образовался вокруг него во Львове в студенческие годы. Личная библиотека Ивана Франко во время учебы во Львове заметно пополнилась и сыграла важную роль в самообразовании самого владельца и его многочисленных друзей и знакомых, составлявших корпус слушателей этого своеобразного малого народного университета, группировавшегося вокруг будущего украинского национального гения и его книжного собрания, включавшего в себя произведения на самых разных языках, в том числе труды русских писателей и ученых.

В дальнейшем библиотека Ивана Франко быстро росла: он покупал книги в разных городах и странах, получал в подарок или выменивал. Пополнялась она в том числе и в ходе различных археографических поездок и походов, которые он начал предпринимать еще в ранней юности. Эти своеобразные археографические экспедиции давали ему возможность собрать сотни рукописей и старопечатных книг, многие из которых датируются временем Средневековья. Всю свою жизнь Иван Франко особенно дорожил именно этой частью своего обширного книжного собрания, которая и по сей день представляет огромный интерес для специалистов, занимающихся изучением истории, культуры и литературы восточных, западных и южных славян. Рукописи писателя и библиотека, им собранная, — лучшие путеводители по его внутреннему миру, кругу знакомств, реализованных и нереализованных намерений и желаний. Они — та сокровенная ценность, раскрыть которую всегда, несмотря на все возможные трудности, пытаются ученые-гуманитарии.

Иван Франко незадолго перед кончиной отмечал в завещании, что не может назвать точного числа томов своей библиотеки. Сейчас уже можно сказать, что она насчитывала их более 8 тысяч, а изданий, в них заключенных, свыше 12 тысяч. Многие тома-конволюты содержали по несколько переплетенных вместе разных изданий. После кончины Ивана Франко его библиотека и архив были переданы Научному обществу имени Т. Шевченко (НТШ) во Львове. Здесь они находились вплоть до 1950 г., когда были переданы в Киев в Институт украинской литературы им. Т.Г. Шевченко.

Сын Ивана Франко, Тарас, оставил ряд интереснейших воспоминаний о владельце библиотеки и о том, как она собиралась. Он же занимался изучением библиотеки отца, будучи в 1950–1963 гг. сотрудником

Института литературы в Киеве. Созданием алфавитного каталога личной библиотеки Ивана Франко и ее сбережением долгие годы в киевском Институте литературы занималась Зоя Крапивка. «С 2005 г. Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины впервые в научной практике отечественных текстологов-литературоведов начал подготовку издания научно-библиографического описания персональной библиотеки Ивана Франко»². Была написана специальная «Інструкція науково-бібліографічного Опису бібліотеки Івана Франка», при создании которой, в частности, использованы «наработки российских ученых-библиографов, результатами которых стали издания описаний личных библиотек Л. Толстого, М. Горького»³.

Вот уже более 10 лет специальная творческая группа, созданная в Отделе рукописных фондов и текстологии, во главе которого стоит Галина Бурлака (научный руководитель проекта), работает над описанием тысяч разнообразных многоязычных изданий из библиотеки Ивана Франко. Издания эти часто входят в огромные, составленные владельцем конволюты, некоторые из которых включают в себя до 60 различных произведений (например, № 1212). Из запланированных четырех томов описания из печати вышло уже два. Том 1, опубликованный в 2010 г. тиражом в 300 экземпляров, содержит вступительное слово директора Института литературы им. Т.Г. Шевченко Николая Жулинского, вступительную статью Ярославы Мельник «Бібліотека Івана Франка» и само описание изданий с целой серией специальных указателей: имен, названия изданий, автографов произведений Ивана Франко, дарственных надписей, провинций. В сумме объем указателей превышает 100 страниц. Том 2, выпущенный в конце 2015 — начале 2016 гг. тиражом уже в 700 экземпляров, содержит описание 1400 книг библиотеки с порядковыми номерами с 1201 по 2600. Помимо собственно описания изданий здесь, как и в томе 1, представлены более 100 страниц специальных указателей, за исключением указателя автографов произведений Ивана Франко.

Сейчас, несмотря на все трудности, творческая группа во главе с Ларисой Чернышенко продолжает работу над описанием, готовит к печати 3-й его том, раскрывающий огромное интеллектуальное измерение такой колоссальной человеческой личности, как Иван Франко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Лыбынцев Ю., Щавинская Л.* Славяноведческое наследие Ивана Франко. М., 2011.

² *Маслянчук Т., Мірошніченко Л., Чернишенко Л.* Про майбутнє видання опису бібліотеки І. Франка // Слово і час. 2006. № 8. С. 91–93.

³ Там же. С. 91.

ХРОНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ И ЭКСПЕДИЦИЙ

М.М. ФРОЛОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Ю.А. ПИСАРЕВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ:**

**VI НИКИТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. «СЛАВЯНЕ И РОССИЯ.
ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА НА БАЛКАНАХ. XVIII–XXI ВВ.»**

Abstract:

Frolova M.M. *In memoriam: Academician Yu.A. Pisarev. VI Nikitin readings. «Slavic peoples and Russia. Issues of war and peace in the Balkans. Eighteenth–twenty first centuries»*

The article presents a review of the VI Nikitin readings conference, «Slavic peoples and Russia. Issues of war and peace in the Balkans. Eighteenth–twenty first centuries. To the centennial anniversary of Yu.A. Pisarev» which took place in December 2016 in the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: Никитинские чтения, Институт славяноведения РАН, Ю.А. Писарев, Балканы.

«Жизнь историка скоротечна. Жизнь его, как миг, по сравнению с вечностью и беспредельностью науки, в том числе и истории. Но хотя мы понимаем, что полное воскрешение облика ученого невозможно, бороться с забвением нужно»¹. Эти слова, написанные известным советским историком В.Д. Королюком в память о советском ученом И.С. Миллере и повторенные зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН С.И. Данченко при открытии конференции «Славяне и Россия. Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева», стали ее лейтмотивом.

Конференция состоялась 6–7 декабря 2016 г. в Институте славяноведения РАН и собрала 33 участника: 26 сотрудников Института славяноведения, 5 коллег из МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО и МГЛУ (Московский государственный лингвистический университет), а также

двух иностранных специалистов, которые специально приехали из Сербии. Среди участников конференции было 7 молодых ученых.

Яркое вступительное слово произнес директор Института славяноведения РАН К.В. Никифоров. Он отметил появление доброй традиции в Институте — чтить память ушедших из жизни сотрудников, много и плодотворно трудившихся на поприще исторической науки, проведением подобных конференций. Далее К.В. Никифоров подчеркнул значимость как самой личности Ю.А. Писарева (1916-1993), так и его научных трудов: он был одним из первых историков, приступивших к изучению прошлого Югославии и международных отношений на Балканах в новое и новейшее время, первым доктором наук, первым членом-корреспондентом (1984), первым и пока единственным академиком (1991), получившим это звание за исследования по югославистике. Он первый написал фундаментальные работы по предыстории и истории Первой мировой войны, первым обратил внимание на необходимость изучать русскую эмиграцию, прежде всего в Югославии, и вступил в переписку с потомками эмигрантов, что в годы до распада СССР было необычно и даже опасно. Ю.А. Писарев сохранил преданность науке до конца своих дней: даже в больнице он продолжал трудиться над очередной монографией. К.В. Никифоров, пришедший в 1982 г. в качестве аспиранта в сектор новой истории балканских народов, которым руководил Ю.А. Писарев, вспоминал о нем с особенной теплотой, отметив его доброжелательность, стремление помочь сотрудникам, уважение к молодым ученым и их мнению.

Особенно обстоятельным был доклад «Юрий Алексеевич Писарев и его балканские исследования», с которым выступила С.И. Данченко, проработавшая вместе с Ю.А. Писаревым в течение 22 лет. Докладчик подробно осветила жизненный и творческий путь ученого и проанализировала его основные труды по ключевым проблемам новой и новейшей истории югославянских народов в контексте современных исследований, что дало ей возможность аргументированно сделать вывод о весомом вкладе ученого в историческую науку. За почти полвека Ю.А. Писарев опубликовал свыше 300 работ общим объемом около 550 п.л. В отличие от большинства советских историков, он считал, что не Октябрь 1917 г., а Первая мировая война являлась главнейшим событием XX века, оказавшим огромное влияние на судьбы стран и народов, и верил, что наступит время, когда Великая война станет самостоятельным объектом глубоких исследований во всем многообразии составляющих эту проблему компонентов. И не ошибся. Ученый обладал немалым литературным даром, что позволило ему создать яркие, запоминающиеся исторические портреты многих государственных, военных деятелей и дипломатов — героев его многочисленных трудов. Будучи фанатиком архивных изысканий,

Ю.А. Писарев много сил и времени отдавал публикации новых документов. Эти труды становились событием в историографии благодаря уникальности обнаруженных в различных отечественных и зарубежных архивах материалов. Он внес свою лепту в историческую науку и как редактор, и как член редколлегии ведущих исторических журналов («Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Советское славяноведение»), как блестящий лектор с энциклопедическими познаниями — в высшей школе (Московский Государственный историко-архивный институт, Московский Государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, МГУ им. М.В. Ломоносова) и как ответственный научный руководитель дипломников и аспирантов. Более 30 его учеников, которых Юрий Алексеевич любил и пестовал, защитили кандидатские и докторские диссертации. Ю.А. Писарев, обладавший высоким профессионализмом, широким творческим диапазоном, постоянно фонтанировавший научными идеями, при замечательных его человеческих качествах, оставил светлую память у коллег, которым посчастливилось с ним работать. Труды ученого — это классика югославистики и балканистики.

Воспоминания о Ю.А. Писареве не выделялись на конференции в особый блок, но прозвучали в выступлениях многих ее участников — А.В. Карасева, Т.И. Чепелевской, А.Л. Шемякина, Т.А. Покивайловой и др.

Г.Л. Арш, один из старейших сотрудников Института, ветеран Великой Отечественной войны, после теплых слов о Ю.А. Писареве, своем первом научном руководителе, изложил свой доклад: «Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и Балканы», в котором подчеркнул тот факт, что все русско-турецкие войны XVIII в., несмотря на разные театры военных действий, объединяло одно содержание — ожидание многими балканскими народами своего освобождения от турецкого ига. Арш обратил внимание на то обстоятельство, что согласно стратегическому плану, представленному генералом-фельдмаршалом Х.А. Минихом герцогу Э.И. Бирону, в 1739 г. русская армия должна была войти в Константинополь и царица Анна Иоанновна должна была быть провозглашена греческой императрицей, что впоследствии совпало с «Греческим проектом» Екатерины II. В результате войны 1735–1739 гг. среди балканских народов возрос престиж России, который пострадал из-за неудачного Прутского похода Петра I в 1711 г. Война также подготовила те крупные военно-политические деяния эпохи Екатерины II, которые открыли России путь к Черному морю.

Изучение сиджилов (протоколов шариатского суда Османской империи) позволило молодому болгаристу и османисту А.А. Леонтьевой показать русско-турецкую войну 1735–1739 гг. с иного ракурса. В докладе «Сиджилы болгарского города Хаджиоглу-Пазарджик (Добрич) как ис-

точник по истории русско-турецких войн в XVIII в.» ею был представлен широкий спектр сведений, зафиксированных в кадийских регистрах, о жизни этого османского города в тылу русско-турецких войн — набор добровольцев, движение войск, сбор провизии для армии с местного населения, а после заключения мира — перемещение и обеспечение русских пленных, возвращавшихся на родину, обмен двух сторон посольствами в рамках заключенного Белградского мира 1739 г.

Тема русско-турецких войн была продолжена в докладе И.В. Чуркиной «К вопросу об организации восстания славян на Балканах во время Крымской войны 1853–1856 гг.». Автором рассмотрена такая сложная и многоаспектная проблема как опыт русского правительства по привлечению к сотрудничеству болгар и сербов, находившихся под властью Османской империи, во время Крымской войны, а также показана роль известной благотворительницы графини А.Д. Блудовой в попытке организации восстания сербов и болгар с помощью ее агентов — К.Д. Петковича, выпускника Петербургского университета и будущего российского генерального консула в Дубровнике, и М. Протича, сербского государственного деятеля, председателя кассационного суда.

Вторая половина XIX и начало XX вв. стали судьбоносными для народов Балканского полуострова, что обстоятельно, с привлечением обширного документального материала, было показано в докладах М.М. Фроловой, К.В. Мельчаковой, О.В. Соколовской, В.Б. Хлебниковой, П.А. Искендерова, Е.С. Сергеенко, Л.А. Кирилиной.

Греко-болгарская церковная борьба, разгоревшаяся с особой силой после 1856 г., была наполнена конфликтами разной степени остроты между болгарскими, с одной стороны, и греками и греческим духовенством, с другой. В докладе М.М. Фроловой «Греко-болгарский церковный конфликт по-битольски. 1861–1876 гг.» были рассмотрены его особенности в г. Битоле, административной столице Румелийского (Битольского) вилайета Османской империи. В начале 1860-х годов православная община Битолы еще не знала греко-болгарского церковного конфликта. Его возникновению в значительной степени способствовали как католические миссионеры Св. Лазаря, введшие болгарский язык в школьное преподавание и церковно-славянский язык в богослужение, так и русский консул М.А. Хитрово, который стремился пробудить национальное самосознание у болгар города и воспрепятствовать распространению у них униатских симпатий. Впоследствии болгары Битолы получили разрешение на проведение литургии на церковно-славянском языке и на открытие болгарских училищ не в результате борьбы с пелагонийским митрополитом Венедиктом, а благодаря тому, что сумели грамотно воспользоваться обстоятельствами его личного противоборства с богаты-

ми эллинизированными христианами города. Конфликт болгар Битола с новым митрополитом Парфением привел к образованию болгарской общины. Однако конфликты внутри нее тормозили дальнейшее развитие как самой общины, так и дела болгарского просвещения.

Доклад К.В. Мельчаковой «Воин» на духовном поприще. Сараевский архимандрит Савва Косанович и его поездка в Россию в 1872–1874 гг.» был посвящен малоизученному сюжету из жизни первого боснийца, ставшего дабробосанским митрополитом, Саввы Косановича (1839–1903) — его пребыванию в России в 1872–1874 гг. Путешествие Косановича не ограничилось посещением Москвы и Петербурга, а охватило Саратовскую, Тамбовскую, Казанскую, Нижегородскую, Вятскую, Орловскую и Рязанскую губернии империи. В результате им были собраны средства для завершения строительства православной соборной церкви в Сараеве. Активное участие в организации столь необходимого путешествия архимандрита принимали российский МИД, Св. Синод, славянские комитеты и видные общественные деятели России.

О.В. Соколовская предварила свое выступление «Греко-турецкая война 1897 г. глазами русских моряков» рассказом о Ю.А. Писареве, который, будучи ее научным руководителем еще в студенческие годы, привил ей интерес к истории международных отношений на Балканах, а позже, уже в Институте славяноведения и балканистики, посоветовал заняться историей Греции, в том числе и историей взаимоотношений греческого королевского Дома с моряками Российского военно-морского флота. О.В. Соколовская в своем докладе представила напряженную ситуацию в регионе в конце XIX в., вследствие чего российский флот почти постоянно находился в греческих водах. Наряду со Средиземноморской эскадрой в его составе существовали: Отдельный отряд Средиземного моря и Отдельный отряд судов в греческих водах, что было связано с обострением критского вопроса, из-за которого в конце концов весной 1897 г. вспыхнула «30-дневная» греко-турецкая война. В это время многочисленные суда великих держав постоянно находились в водах воюющих государств, не давая их флотам вступить в бой. И среди них — российский эскадренный броненосец «Император Николай I», часто заходивший в греческий порт Пирей и постоянно находившийся в эпицентре событий. Большой интерес, как отметила О.В. Соколовская, представляют свидетельства командира эскадренного броненосца капитана 1-го ранга Д.Г. фон Фелькерзама и других морских офицеров, которые подробно описали перипетии войны и события тех лет в Греции и на Крите. В Российском Государственном архиве военно-морского флота в Петербурге хранятся донесения, конфиденциальные рапорты и «примечания к строевым рапортам», которые отсылались на имя командующего Средиземноморской эскадрой.

В.Б. Хлебникова в докладе «Мемуары Гавро Вуковича как зеркало черногорской внешней политики в конце XIX — начале XX вв.» охарактеризовала этот исторический источник как весьма ценный и интересный для специалистов, поскольку в нем описаны самые яркие эпизоды дипломатической жизни Черногории в указанный период. Кроме того, это рассказ от первого лица воеводы Гавро Вуковича — министра иностранных дел Черногории (1889–1905 гг.), человека, принимавшего ответственные решения, заметно повлиявшие на судьбу страны. И, наконец, упомянутые воспоминания позволяют составить представление о политической элите княжества-королевства. Воевода Вукович не собирался беспристрастно излагать ход минувших событий. Напротив, он старался донести до читателей свои чувства и предпочтения, оценки и суждения, объяснить мотивы своих поступков. В этой субъективности и откровенности, как в увеличительном стекле, проявляется национальный характер черногорского политика со всеми его сильными и слабыми характеристиками.

Доклад П.А. Искендерова «Балканское измерение международных отношений в Европе в начале XX в.» был посвящен месту и роли Балкан в системе взаимоотношений великих держав накануне Первой мировой войны. В рассматриваемый период именно страны и народы балканского региона находились в одном из ключевых узлов международных противоречий, результировавшихся в конечном итоге в общеевропейской войне 1914–1918 гг. Неслучайно именно на Балканах зачастую не срабатывали принципы внутриблоковой солидарности, а коалиции великих держав по тем или иным региональным вопросам приобретали причудливые очертания и имели особо неустойчивый характер. Это, с одной стороны, облегчало балканским народам достижение собственных государственно-политических целей, но с другой, делало Балканы неизменным «пороховым погребом Европы», каковым они остаются и сегодня.

В докладе Е.С. Сергеенко «Место Косово в албанском национальном движении (конец XIX — начало XX вв.)» анализировались албанское национально-освободительное движение указанного периода и роль Косово в нем. Особое внимание автор уделила деятельности Призренской лиги (1878–1881) и Печской лиги (1899), а также внешнему фактору, оказавшему заметное влияние на это движение.

Л.А. Кирилина в докладе «Особенности национальной и политической борьбы в словенских землях в начале XX в.» затронула ряд аспектов национальной и политической борьбы словенцев, недостаточно изученных в словенской и российской историографии. Речь шла о попытках словенских католиков заключить союз с австрийскими немецкими христианскими социалистами в 1890-х годах и о коалиции крайнских словенских либералов с Немецкой партией в 1896–1905 гг. Оба эти примера

свидетельствовали о том, что на начальном этапе становления словенских политических партий при выборе ими союзников приоритетное значение придавалось не их национальности, а политической ориентации. Однако отказ реальных или потенциальных немецких союзников от поддержки национальных прав словенцев поставил крест на перспективе развития их сотрудничества.

К 100-летию Балканских войн 1912–1913 гг. было приурочено множество научных симпозиумов и конференций, опубликовано значительное количество научных изданий и отдельных статей. И тем не менее, эта тема далеко еще не исчерпана и не потеряла своей актуальности, что продемонстрировали выступления А.В. Карасева и Н.С. Гусева.

А.В. Карасев в докладе «Сербия и Балканский союз 1912 г. в исторической перспективе» отметил, что национальные идеи балканских народов, их стремления к освобождению и объединению в одном государстве в середине XIX в. сталкивались с проблемой неравенства сил балканцев и Османской империи. Осознание этих обстоятельств балканскими политическими деятелями привело к возникновению идеи объединения сил народов Балкан в борьбе за свое освобождение. Первая попытка создать такой союз была предпринята Сербским княжеством во главе с князем Михаилом Обреновичем и Илией Гарашанином в 60-е годы XIX в. В этом союзе принимали участие Сербия, Черногория, Греция, Румыния, а также болгарские и хорватские национальные движения. Однако Балканский союз 1860-х годов не проявил себя в действии из-за колебаний князя Михаила. В начале XX в. главной причиной неудачи этого союза была слабость вооруженных сил Сербии и союзников по сравнению с Османской империей. Геополитическая ситуация на Балканах коренным образом изменилась. Теперь в новом Балканском союзе объединились независимые государства: Сербия, Черногория, Болгария и Греция. Их успехи в модернизации и государственном и военном строительстве изменили соотношение сил. Балканским союзникам в 1912 г. удалось провести молниеносную победоносную войну. На этот раз Балканский союз как способ освобождения еще находившихся в составе Османской империи территорий на Балканах силами самих балканских народов продемонстрировал свою эффективность. Однако когда Турция потерпела поражение, союзникам не удалось договориться о разделе освобожденных территорий, что привело ко Второй Балканской войне между участниками союза.

Иной угол зрения на Балканские войны предложил молодой исследователь Н.С. Гусев в докладе «Профессор И.Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе за русские симпатии в 1912–1913 гг.». В указанный период между болгарами и сербами разгорелась борьба за «благосклонность» русского общества в деле раздела Македонии. Влияние оказывалось по

разным каналам — как публицистами, так и учеными, обосновывавшими историческое и этническое право своей страны на спорные территории. С болгарской стороны таким ученым стал И. Шишманов, сначала пытавшийся влиять на общественное мнение через своего знакомого — П.Н. Милукова, присылая ему для публикации в газете «Речь» свои статьи, и в личной переписке доказывая обоснованность притязаний Софии. В 1913 г. он приехал в Петербург, где принял участие в ряде публичных мероприятий, на которых вступал в споры со сторонниками Сербии и, главным образом, с сербским профессором А. Беличем.

Л.В. Кузьмичева начала свое выступление «Представители сербских правящих династий Обреновичей и Карагеоргиевичей на полях сражений в 1876–1918 гг.» констатацией того, что Ю.А. Писарев одним из первых в отечественной славистике обратился к изучению жизни и деятельности представителей черногорских и сербских династий Нового времени². Это направление получило развитие в современной историографии — как в нашей стране, так и в Сербии. Для понимания особенностей становления и функционирования монархической системы Сербского государства, как подчеркнула Кузьмичева, необходимо проанализировать систему воспитания и образования престолонаследников, в которой важное место занимали военные науки и участие в маневрах. Сербский монарх должен был быть готовым к участию в военных действиях, знать и понимать тактические и стратегические боевые задачи. Непосредственное участие в войнах пришлось принять королю Милану Обреновичу, королю Петру Карагеоргиевичу, принцу-регенту Александру Карагеоргиевичу, его брату Георгию и дяде Арсену. И если Милан Обренович, слабо подготовленный в военном отношении, не проявил в ходе сербо-турецких войн 1876–1878 гг. и особенно сербо-болгарской войны 1885 г. ни личного мужества, ни военного таланта, то Карагеоргиевичи остались в народной памяти как отважные воины. Все они получили достаточно серьезную военную подготовку, участвовали в боях как в своей стране, так и за рубежом, что помогло им достойно выдержать нелегкие испытания Балканских войн и Первой мировой войны.

Т.И. Чепелевская в докладе «Образ России в рукописном собрании словенского писателя Янеза Трдины (1830–1905) “Russica”» подчеркивала, что обнаруженные ею в Словении материалы его наследия позволяют судить о скрупулезной работе писателя по созданию образа России, углублению собственных представлений об историческом прошлом и настоящем народов Российской империи, которые он стремился донести до близкого ему окружения, с уверенностью, что эти знания могут повлиять на направленность деятельности словенцев по выстраиванию собственной жизни.

Проблема Первой мировой войны 1914–1918 гг. по-прежнему привлекает внимание ученых и продолжает вызывать острые научные дискуссии, что продемонстрировал целый блок ярких докладов, прозвучавших на конференции.

О.И. Агансон в докладе «Балканы в 1914 году: сработала ли “Фукидидова модель”?» проанализировала достоинства и недостатки использования популярной в западной историографии концепции «Фукидидова модель» («Фукидидова ловушка») применительно к развитию международных отношений в начале XX в. Экстраполируя на балканскую политику два ключевых принципа, сформулированных древнегреческим историком Фукидидом — борьба ведущих держав за гегемонию и формирование ими военно-политических союзов ради достижения этой цели, — автор подняла проблему регионального измерения функционирования Тройственного союза и Антанты. На примере Июльского кризиса 1914 г. и вариации отношения великих держав к австро-сербскому конфликту было показано значение регионального фактора для возникновения мировой войны. О.И. Агансон пришла к выводу о том, серия ошибочных решений и искаженное восприятие опыта прошлых балканских кризисов руководителями великих держав подготовили в июле 1914 г. условия для того, чтобы «Фукидидова ловушка» сработала в западной части Европы.

В докладе А.Л. Шемякина «Февральская революция в России 1917 г., Корфская декларация и Ю.А. Писарев» указывалось на прямую связь между Февральской революцией в России и подписанием 7 июля 1917 г. Корфской декларации, в которой правительство Сербского королевства и Югославянский комитет, объединивший хорвато-словенских (по большей части) эмигрантов из Австро-Венгрии, выразили свое совместное стремление к созданию единого и независимого государства сербов, хорватов и словенцев во главе с династией Карагеоргиевичей, основанного на главенстве закона и равноправии «трех племен одного народа». До российского Февраля премьер-министр Сербии Никола Пашич пребывал в твердой уверенности, что именно она в конце Первой мировой войны сможет поставить перед союзниками австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в какой форме), защитив при этом интересы его страны. Поэтому он и не желал связывать себя какими-то жесткими обязательствами в отношении Комитета, считая его всего лишь одной из пропагандистских структур сербского кабинета и используя румынскую и итальянскую модель, согласно которой Рим и Бухарест сами представляли своих соплеменников из Дунайской монархии. Когда же Петроград фактически «вышел из игры», Пашичу пришлось перестраиваться на ходу: в лице Югославянского комитета был найден новый союзник, а Корфская декларация имела

целью поставить австро-венгерский вопрос перед правительствами стран Антанты, теперь уже от имени нового политического тандема. А.Л. Шемякин подчеркнул, что Ю.А. Писарев подробно не занимался поисками такой связи. Его больше интересовала революция Октябрьская (что вполне объяснимо для советской эпохи) и ее влияние на ход войны в целом и на Балканах, в частности. Однако вопросы взаимоотношений сербских властей и Югославянского комитета находились в сфере его внимания. Более того, отдельные их нюансы (например, проявления нелояльности Комитета к воюющим сербам) были описаны им более объективно, чем то, как это представлено в национальной — ранее югославской, теперь сербской — историографии.

Я.В. Вишняков в докладе «Сербия в Первой мировой войне. Новые подходы, новые источники» показал вклад Ю.А. Писарева в изучение данной проблематики. В частности, автором был сделан акцент на оценку деятельности организации «Черная рука» при рассмотрении сараевских событий лета 1914 г. Я.В. Вишняков уделил особое внимание дневникам и донесениям русского военного агента в Сербии В.А. Артамонова — важному источнику при анализе как состояния сербской армии, так и внутривнутриполитического положения страны в 1914–1917 гг.

В.Б. Каширин в докладе «Боевые действия в Добрудже в 1916 году: русские против болгар» сформулировал проблему, очертил пространственно-хронологические рамки и общую фактографическую канву истории кампании 1916 г. на территории Добруджи, где русско-румынские войска, включая и Сербскую добровольческую дивизию, сражались против войск Четверного союза, основную силу которых составляла болгарская армия. Боевые действия в Добрудже, шедшие с августа по конец декабря 1916 г., являются одной из драматических и почти не известных в России страниц истории участия Российской империи в Первой мировой войне. В Болгарии, Румынии и других сопричастных странах кампания в Добрудже изучена и описана весьма подробно, однако в России, не в последнюю очередь по идеологическим причинам, она долгое время оставалась забытой и неизвестной. В.Б. Каширин в своем докладе представил некоторые итоги исследования обширного комплекса документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива, относящегося к боевым действиям в Добрудже в 1916 г. Докладчик указал основные события той кампании в общем оперативно-стратегическом контексте военной борьбы на Балканах и на Румынском фронте Первой мировой войны, а также охарактеризовал условия, в которых протекала боевая и тыловая жизнь русских войск.

А.Ю. Тимофеев (Институт новейшей истории Сербии. Белград, Сербия) представил доклад на тему: «Революционный 1917 год в Рос-

сии в восприятии сербских дипломатов и политиков». Внешнеполитический курс Российской империи на Балканах в годы Первой мировой войны предусматривал их коренное переустройство после победоносного окончания боевых действий. Ликвидация монархии Габсбургов все же не предполагалась, сомнительным казалось и объединение православных и католиков в одном государстве. Соответственно рассматривался лишь вопрос о территориальном расширении Сербии. Идея создания единого внеконфессионального государства сербов и хорватов была популярна в либеральных кругах русской элиты, которые поддерживали в этом вопросе позиции Франции и Англии. Крушение империи Романовых стало катастрофой для русского народа, чье участие в Первой мировой войне потеряло смысл после отказа Временного правительства от борьбы за Прованс. Не менее катастрофическими (хотя и менее очевидными на первых порах) стали последствия Февральской революции для сербов, чьи ратные труды и жертвы также потеряли смысл, в силу утраты национального государства после создания государства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Оставшееся без русского покровительства (в идеологическом, финансовом и силовом смысле этого слова) сербское правительство было вынуждено принять те рекомендации по устройству западных Балкан, которые давали либеральные круги Англии и Франции, заинтересованные в ослаблении немецкого и русского влияния на широком пространстве от Адриатики до Дуная. Так в «пробирке» родилось больное врожденными смертельными недугами искусственное дитя, получившее спустя десятилетие столь же «сконструированное» имя — Югославия.

Г. Милорадович (Институт современной истории. Белград, Сербия) в докладе «Политическая и пропагандистская деятельность сторонников хорватской и сербской государственных программ в России во время Первой мировой войны» изучил шедшую в эти годы в Российской империи «битву» представителей различных политических интересов: сербов (с одной стороны), хорватов и словенцев (с другой). В ней участвовали представители сербского правительства, члены Югославянского комитета, а также «чистые» хорваты — противники югославянского объединения. Российская общественность стала трибуной, на которой сербы и хорваты вели свою борьбу, однако русские мало понимали ее особенности. Основа этой конфронтации заключалась в том, кто будет «Пьемонтом» объединения южных славян — Белград или Загреб.

Н.А. Копылов в докладе «Австро-Венгрия и Россия на полях Первой мировой войны. История одного славянского мифа» развенчал легенду о сдаче в плен 28-го пехотного полка австро-венгерской армии «Пражские дети». Используя ряд архивных документов и современные публикации по данной теме, автор представил реальный ход событий и механизм

создания легенды, широко применявшейся в военно-политических целях австро-венгерским и русским командованием в годы войны, а также немецкими и чешскими средствами массовой информации — как в межвоенный период, так и в настоящее время.

Некоторые события XX века, века социальных потрясений, конфликтов и войн, нашли отражение в серии докладов, прочитанных Т.А. Покивайловой, Ю.В. Лобачевой, Н.В. Васильевой, Е.Л. Валеовой, Т.В. Волокичиной, Б.С. Новосельцевым, А.А. Силкиным и В.И. Косиком.

В докладе Т.А. Покивайловой «Бессарабия в центре конфликта между Советской Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Москву в годы Первой мировой войны» была раскрыта судьба румынского золота и драгоценностей, оказавшихся в годы Первой мировой войны в России. Румыния, вступив в 1916 г. в войну на стороне Антанты, вскоре начала терпеть неудачи. В течение короткого времени значительная часть ее территории была оккупирована войсками Германии и ее союзников. В таких условиях дирекция Национального банка Румынии приняла решение отправить золотой запас страны, драгоценности королевы Марии, ценные бумаги, а также фонды музеев и архивы Румынской академии наук в Москву. После захвата Румынией Бессарабии и разрыва дипломатических отношений с Советской Россией золотой запас Румынии был объявлен советским правительством неприкосновенным для румынской олигархии. В ответ на румынские демарши СССР выдвинул собственные претензии за огромные долги и имущество, которое было оставлено или разграблено на территории Румынии. В 1934–1935 гг., после восстановления дипломатических отношений между СССР и Румынией, последней были возвращены архивы, книги, часть драгоценностей, а в 1956 г. — все ценности, хранившиеся в Московском Кремле, кроме самого золота. Проблема возвращения румынского золота не решена до сих пор.

В своем выступлении Ю.В. Лобачева констатировала, что всестороннее изучение темы «Югославия в системе международных отношений в 1920–1930-е годы (Историографический аспект)» подразумевает анализ ряда проблем и вопросов, относящихся к политической и политико-дипломатической сфере отношений Югославии с другими странами, а также экономических, социальных и культурных связей югославыян с народами других государств. Исследовательница попыталась ответить на вопросы: что в первую очередь интересовало советских и российских ученых, обращавшихся к истории международных отношений и внешней политики Королевства СХС/Югославии 20–30-х годов XX в., какие темы они прежде всего исследовали? В докладе был выделен и рассмотрен круг тех вопросов, в контексте которых отечественные специалисты изучали

внешнюю политику Югославии и ее международные контакты. При освещении российской историографии автором проводились параллели с югославскими/сербскими и западноевропейскими исследованиями.

Доклад Н.В. Васильевой «Черноморские проливы — императив российской/советской внешней политики в Восточном Средиземноморье: мифы и геополитические реалии (первая половина XX в.)» был посвящен рассмотрению многоплановой роли фактора Черноморских проливов в российской политике в указанном регионе с точки зрения обеспечения безопасности страны. Автором были отмечены причины, по которым проблема Проливов приобрела в XX в. особое значение не только в мирное время, в силу экономических и торговых потребностей, но, в первую очередь, в периоды Первой и Второй мировых войн; раскрыты благоприятные для России/СССР возможные пути решения этих проблем; подчеркнута значимость действующей до настоящего времени международной Конвенции в Монтрё, подписанной 20 июля 1936 г., определены ее позитивные стороны для Российской Федерации и других причерноморских государств, а также существенные недостатки в современных реалиях.

Е.Л. Валева в докладе «К вопросу о внешней политике Болгарии в годы Второй мировой войны» показала, что возвращение Южной Добруджи в пределы Болгарии согласно Крайовскому договору в сентябре 1940 г. представляло собой крупнейший внешнеполитический успех болгарских правящих кругов, поскольку оно произошло мирным путем, в результате международной договоренности, и оказалось единственным территориальным приобретением Болгарии, сохранившимся за ней по окончании Второй мировой войны. Крайовское соглашение было, по мнению автора доклада, единственным международным договором, подписанным во время Второй мировой войны, который получил признание и одобрение всех великих держав, независимо от того, к какому из воюющих блоков они принадлежали: Германии, Италии, Англии (Франция уже была выведена из строя). Крайовское соглашение поддержал и нейтральный в тот период Советский Союз, хотя в Москве не могло не возникнуть недовольства по поводу того, что Болгария обратилась за непосредственной помощью к державам Оси, а не к СССР.

В докладе Т.В. Волокитиной «Болгарский вопрос на встречах союзников по антигитлеровской коалиции. 1943–1945 гг.» были представлены позиции союзников по антигитлеровской коалиции относительно Болгарии, рассмотрены роль и место этой малой балканской страны в планах послевоенного мирного урегулирования. При изучении этого вопроса автором были привлечены материалы встреч западных союзников в мае–сентябре 1943 г. в Вашингтоне, Нью-Йорке, Квебеке и министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве (октябрь 1943 г.),

заседаний «большой тройки» в Тегеране (ноябрь-декабрь 1943 г.), встречи Черчилля и Сталина в Москве (октябрь 1944 г.), Потсдамской конференции (июль 1945 г.). Т.В. Волокитина пришла к выводу, что интерес западных держав к Болгарии во время войны имел временный характер и был связан с конкретными политическими целями, в то время как для советской стороны он являлся важной составляющей общей стратегии безопасности, нацеленной на установление контроля над Проливами и обеспечение выхода в Средиземное море.

Одной из самых «горячих» точек в мире с конца 1940-х годов остается Ближний Восток. Арабо-израильский конфликт превратил регион в очаг постоянной напряженности и привел к нескольким масштабным вооруженным конфликтам. Впрочем, в докладе Б.С. Новосельцева «Югославия и Ближневосточный кризис 1967 г.» речь шла не о самой Шестидневной войне (5–10 июля 1967 г.), закончившейся разгромным поражением армий арабских государств и унесшей жизни 30 тыс. человек, а о том международном «эхе», которое породил этот конфликт, в особенности — о позиции Югославии.

А.А. Силкин в докладе «“Великосербская гегемония” и участь “несербских народов” в Королевстве СХС/Югославия: От документов Коминтерна до современной российской историографии» отметил, что взаимоотношения русского и сербского народов на протяжении XX в. в значительной мере утратили национальный атрибут. На исторической сцене появились Югославия и Советский Союз. Наступила эра идеологии тоталитарной, в случае России/СССР, идеологии, предопределившей догматизм научных представлений об истории как отечественной, так и всеобщей. Ложная исследовательская парадигма обусловила невозможность ясного осмысления прошлого, определения и внятного изложения логики развития запутанных сюжетов межвоенной югославской истории. Поэтому достоверная реконструкция канвы событий и установление состава их участников так и остались непосильной для советских исследователей задачей. Повествование об истории Королевства СХС/Югославия сводилось к отделению «агнцев» от «козлиц» — деятелей, игравших «прогрессивную роль», от реакционеров и «эксплуататоров». Вторичность советской югославистики по отношению к югославской историографии предопределили как субъективные черты исследователей, так и факторы, от них не зависевшие. К таковым относились и ограниченный доступ к источниковой базе, и тот факт, что в СССР восприятие Королевства СХС/Югославия государственными, общественными, в том числе и научными, кругами формировалось под энергичным внешним воздействием еще тогда, когда происходившее в балканской монархии было не новейшей историей, а актуальной действительностью. В 1920-е годы в результате триум-

фа марксистской «науки» над наукой «великодержавной»/«буржуазной» роль «классово-чуждых» отечественных славистов оказалась во многом присвоенной деятелями болгарского, югославского, польского и чехословацкого коммунистических движений.

В.И. Косик в докладе «Национализм на Балканах» поднял сложный вопрос о современном состоянии балканского национализма, главным образом, на примере сербов и хорватов, — в сфере культуры, а именно, в театральной сфере, в области критики: от обличения «чужого» до «искривления» истории, от нового прочтения судьбы графа Вронского (героя романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») до надежд на президента РФ В.В. Путина.

Завершил конференцию блок докладов, посвященных распаду Югославии и раскрытию причин этого процесса.

Е.Ю. Гуськова в докладе «Сербия: от идеи югославизма к идее сербства» подчеркнула, что идея общности судеб и исторического пути, получившая названия югославизма, распространилась среди всех славянских народов в конце XIX в. Роль лидера в национально-объединительном движении южных славян взяла на себя Сербия, ставшая не только центром антиосманского движения на Балканах, но и примером успешной борьбы за независимость. Королевство Сербия настолько прониклось идеей югославизма, что подняло стяг, на котором вместо слова «Сербия» было написано «Объединённое государство всех югославян». Идея жертвенности во имя югославянства, ощущение ответственности за судьбу других народов многонациональной страны — важные характеристики сознания сербов на протяжении почти всего XX века. Распад СФРЮ в 1991 г. дал Сербии шанс вернуть государственную самостоятельность вне рамок федерации, но она дольше других ее отстаивала. Особенностью политики Сербии было то, что она не стремилась к самостоятельности, а приобрела её под давлением Запада. Её заставили согласиться на самостоятельность, да ещё и на уменьшение территории.

В центре внимания И.В. Рудневой — многосложная и животрепещущая тема, а именно: «Территориальные споры республик бывшей Югославии: условия, методы, последствия». После распада СФРЮ между ее бывшими республиками разгорелись жаркие дискуссии о принадлежности им ряда территорий. Каждая из стран в конкретных исторических условиях вырабатывала свою тактику и стратегию, пытаясь решать этот вопрос самыми разными методами, от военных до дипломатических, от переговоров до давления и шантажа. Наиболее активно в территориальных спорах участвовала Республика Хорватия, также были озвучены интересы государств Союзной Республики Югославии (Сербии и Черногории), затем отдельно Черногории и Сербии, Республики Словении.

Урегулировать территориальные разногласия пытались как самостоятельно, так и с привлечением других государств, в рамках международных организаций и различных неправительственных структур, а также апеллируя к высшим арбитражным и судебным инстанциям.

В.А. Соколов в докладе «Республика Сербская Краина: могла ли она выстоять (1991–1995)?» проанализировал положение Республики Сербской Краины летом 1995 г. В исследуемый период она находилась под серьезным международным давлением, кроме того, неблагоприятно складывалась и военная обстановка. Всё это привело к ее уничтожению хорватскими войсками в августе 1995 г. Докладчик пришел к выводу, что в той ситуации у Сербской Краины не было возможности отстоять свой суверенитет.

Материалы конференции предполагается опубликовать в 2017 г. в очередном сборнике статей серийного издания Института славяноведения РАН «Славяне и Россия» с подзаголовком — «Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Королюк В.Д.* Предисловие к сборнику избранных трудов И.С. Миллера «Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в.». М., 1980. С. 17.

² *Писарев Ю.А.* Шесть десятилетий на троне: черногорский монарх Николай Петрович Негош // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 113–132.

М.В. Ясинская
(Москва)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АРХАИЧЕСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ АРЕАЛ ПОДЛЯСЬЕ¹.

С 20 по 30 мая 2017 г. сотрудники Института славяноведения РАН в.н.с. д.ф.н. А.В. Гура и н.с. к.ф.н. М.В. Ясинская проводили полевые этнолингвистические исследования в одном из архаических славянских регионов — Подлясье². В результате экспедиции удалось обследовать 16 населенных пунктов, расположенных в границах трех современных воеводств: Мазовецкого, Люблинского и Подлясского (Луков, Тшцинец, Адамов, Войцешков, Врубле-Варгоцин, Воля Корыцка Гурна, Тухович, Хромин, Ломница, Рудзенко, Грензувка, Лив, Улян-Майорат, Старогруд, Бжумин, Калень). Были записаны интервью с 25 информантами с 1924 по 1964 год рождения (из них 23 женщины и 2 мужчин), причем большинство информантов были людьми пожилого возраста. Основным критерием отбора информантов было условие, что человек или родился в обследуемом населенном пункте или прожил в нем большую часть жизни. Выбор информантов старшего возраста объяснялся тем, что исследователи стремились получить сведения о состоянии традиции в прошлом на как можно более раннем временном срезе, однако, часто самые старшие собеседники оказывались менее удачными информантами, чем люди 1935–1945 г.р., так как они хуже помнили события и факты прошлого в силу преклонного возраста. Среднее и старшее поколение часто делилось сведениями, почерпнутыми из рассказов своих родителей и дедов. Общая длительность записи интервью составила 32 с лишним часа. Также были получены фото и видеоматериалы: фотографии обследованных населенных пунктов, традиционных построек, портреты информантов, фото этнографических и обрядовых предметов. Все аудио- и видеоматериалы доступны в архиве Отдела этнолингвистики и фольклора РАН.

Работа велась, с одной стороны, по Полесской программе³, с другой — по авторскому вопроснику, разработанному А.В. Гурой специально для данной экспедиции с учетом особенностей исследуемого региона. Акцент был сделан на разделах программы, посвященных народному календарю, свадьбе и демонологии, однако отдельные сведения относились и к другим темам, например, похоронно-поминальной обрядности, животному миру. К сожалению, не все информанты в настоящее время владеют диалектом, однако в тех случаях, когда это было возможно, исследователи старались стимулировать собеседников говорить на диалекте. В исследуемом регионе распространен мазовецкий диалект

(ближнемазовецкая группа), для которого характерно мазурение и глухой тип сандхи, асинхронное произношение мягких губных, использование окончаний глаголов двойственного числа в значении множественного числа индикатива, смешение *i* и *u* и другие диалектные черты⁴.

В настоящем обзоре хотелось бы подробнее остановиться на темах, связанных с народным календарем и демонологией, и кратко представить собранный материал⁵.

Народный календарь в любом разговоре с информантом, как правило, служил вступлением и основой беседы. Информанты рассказывали о праздниках, которые праздновали в их селе, а также об обычаях и обрядах, связанных с ними, параллельно можно было записать примеры сельскохозяйственной и скотоводческой магии, календарные присловья и приметы. Так, празднование Рождества (*Boże Narodzenie*) начиналось накануне, в вигилию (*Wigilia*): готовился постный ужин (*pośnik*), во время которого на столе должно быть двенадцать блюд (по количеству учеников Христа). В угол ставили сноп с различными злаками, он должен был стоять в течение всех зимних праздников (Воля Корушка Гурна). На стол ставили дополнительную тарелку для возможного гостя. Считалось, что если в дом на Рождество придет нищий, это принесет удачу (*jakby Pan Jezus przyszedł* (как если бы Господь Иисус пришел)), это значило, что девушки в этом доме в наступающем году выйдут замуж. На углы стола клали по булочке с облаткой посередине. На стол под скатерть клали сено, затем, когда его убирали, смотрели, какие зерна оставались на столе, такие злаки уродятся в новом году. Сено со стола вместе с хлебом и облаткой на св. Стефана (*św. Szczepan* — 26 декабря, на следующий день после Рождества) относили в хлев и давали скотине, им также могли обвязывать плодовые деревья, чтобы они плодоносили. Верили, что скотина в рождественскую ночь может разговаривать человеческим голосом, но услышать это может только праведный человек. Считалось, что, если первым гостем был мужчина, у коровы родится бычок, если женщина, то телочка (другая версия — мужчина приносит счастье, женщина — несчастье). Нельзя было ругаться, ничего просить, иначе целый год будешь ругаться, просить; нужно быть чистым, красиво одетым и причесанным. Нельзя было убираться в доме, подметать, потому что Христос родился в хлеву, там не было убрано. Накануне Рождества девушки гадали о замужестве: например, выходили слушать, выкрикивая при этом: „*Hop-hop, gdzie mój chłop?*”. С какой стороны донесется звук, в ту сторону девушка выйдет замуж. Смотрели на небо, если есть звезды — будут хорошо нестись куры, если были сосульки на крыше — уродится морковь. На второй день после Рождества ходили колядовщики (*kolędnicy, herody*): наряжались в козу, жида, цыгана и др.

На Три Короля (*Trzech Króli* — 6 января) освящали мел и этим мелом писали на дверях домов первые буквы имен волхвов, принесших дары младенцу Христу: М (Мельхиор), В (Бальтазар) и К (Каспар). Затем освященный мел хранили дома, им лечили ячмень на глазу, прикладывали к ранам; когда первый раз выгоняли скотину, рисовали между рогами крестик, чтобы никто не взглянул. 2 февраля праздновали Громничную Божью Матерь (*Matka Boska Gromniczna, Gromnicy*), в этот день освящали свечу, которую впоследствии выставляли в окно от грома, бури. Эту свечу также использовали в похоронном обряде: она должна была гореть при умирающем, а затем ее относили на кладбище, чтобы она догорела там. Свечу, которая горела при покойнике, уже не использовали дома. Период от Рождества до Великого поста назывался Карнавал. Иногда «Карнавалом» называли последнюю неделю перед постом. Последние дни карнавала назывались *Ostatki*, они начинались с четверга (*Thusty czwartek*) и длились до среды, последний день перед постом — вторник (*Kusaki*). Можно было праздновать и веселиться, но только до полуночи, иначе *diabeł do domu nie doprowadzi* (дьявол не доведет до дома). Одна из информанток рассказала быличку о том, как дьявол наказал музыканта, игравшего в корчме после полуночи, когда уже начался пост: *Post się zaczyna, nie... popielcowa środa, we wtorek robili zawsze ogromne zabawy, już na Ostatki. I była karczma na dolnej wsi, o na tej drugiej, ja pamiętam tą karczmę. I tam zrobili właśnie... I jedna kobieta mówi, że... "O zagrajmy jeszcze po dwunastej! To choćby tam to się wypowiedum u księdza i, mówi, mi lon i konopie urosną"... bo jak się tak zajdzie trochę już postu, to lon i konopie urosną. I un jeszcze ten skrzypek miał zagrać tej kobiecie i jak szedł do domu między górną a dolną wsią jest most, jest rzeka, drewniany. Świecił księżyc, zawsze tak mówili, na ten most wstąpił, a naprzeciw niego idzie bardzo ładny pan w czarnym kapeluszu i niesie skrzypce i mówi do tego chłopca, co grał, a on grał już, mówię, w poście, a nie wolno było już mu grać. „Może chcesz się zamienić na skrzypce? Bo ja mam nowe, a twoje już stare, to jabym ci dał te”. A, mówi, naprawdę tak, no księżyc świeci, zobacz. „No tam, moje już się rozlatuje, a te takie nowiutkie, to się zamienimy, i dał temu te skrzypce i przyszedł do domu, poszedł do komory, i take były, to były take bez okna chałupki, tam się wszystko wstawiało, powiesił na kolku. Rano wstaje, żona już przy kominie tam, mu szykuje jedzenie, a on mówi: „Te, Matka, ale gisieft zrobiłem!” Znaczy zamiana — to gisieft, tak mówi. „Aj, zrobiłem gisieft dzisiaj w nocy! Nowe skrzypce za stare przyniosłem”. — „Co ty pleciesz?!” — „Tak! Taki panek w czarnym kapeluszu na czarno ubrany elegancki”. A ta mówi: „A gdzie masz te?” A mówi: „Idź przynieś! W komorze wiszą” Una poszła, a tam końska noga udziabana wisi⁶ (Пост начинается, нет... попельцова среда, во вторник всегда устраивали огромный праздник, уже на Ostatki. И была в нижней*

деревне корчма, в другой, я помню эту корчму. И там как раз устроили... И она женщина сказала: «О, давайте играть после двенадцати, пусть придется исповедоваться у ксендза, зато лен и конопля вырастут»... потому что если уже праздновать и немного заступить в пост, то вырастут лен и конопля. И скрипач должен был сыграть для этой женщины, а как уж он шел домой между вышней и нижней деревней есть мост деревянный, там река. Светил месяц, всегда так говорили, на этот мост он вступил, а навстречу ему идет очень красивый пан в черной шляпе и несет скрипку и говорит этому мужику, который играл, а ведь он играл уже в пост, говорю, нельзя было ведь ему уже играть. «Может хочешь поменяться скрипками? У меня новая, а твоя уже старая, я бы тебе дал свою». А, говорит, правда, месяц светит, посмотри! «Ну да, моя уже разваливается, а эта такая новенькая, давай поменяемся», и дал ему скрипку и пришел домой, пошел в комнату, и такие были, были такие домики без окон, туда все складывали, повесил на крючок. Утром встает, жена уже у печи, готовит ему еду, а он говорит: «Эй, мать, а я сделал гешефт!» Гешефт это обмен, так он говорит. «Ай, сделал я гешефт сегодня ночью! Новую скрипку принес вместо старой». — «Что ты мелешь?!» — «Да! Такой пан в черной шляпе, элегантно одет в черное». А та и говорит: «А где она у тебя?» Он отвечает: «Иди принеси, в коморе висит!» Она пошла, а там конская нога висит отрезанная (жен., 1943 г.р., Воля Корыцка Гурна).

Первый день Великого поста назывался Попелец (*Popielec*), хозяйки мыли горшки и сковородки пеплом, чтобы избавиться от следов жирной пищи. В исследуемом регионе бытовали также средопостные обряды: Средопостье (*Śródpoście*) приходилось на четвертую среду от Попельца, в этот день девушки мазали краской окна холостых парней (а парни — незамужних девушек), парни пускали воробьев в дом, где девушки собирались драть перья, сыпали в избу пепел. На Вербное воскресенье (*Nedziela Palmowa*), освящали «пальмы» — букеты из вербы, украшенные березовыми веточками и цветами. Приходя из костела, били друг друга «пальмами», приговаривая: „*Palma bije nie zabije, Wielki dzień za tydzień*”. «Пальмы» использовали в качестве защиты от грозы, одну почку вербы глотали, чтобы не болело горло, ими выгоняли первый раз скотину на пастбище. Пальму также использовали в функции кропила, когда кропили святой водой ниву. Веточки освященной вербы втыкали в картофельное поле, чтобы лучше рос картофель.

На Пасху (*Wielkanoc*) освящали воду, которой кропили дома, огороды, нивы. Расписывали яйца воском, а потом варили в луковом отваре (*w cybulniaku*), крестная должна была раздать крашенные яйца (*pisanki*) всем своим крестникам. Скорлупу затем крошили курам, чтобы они держались вместе, или закапывали на огороде, чтобы был урожай. Освящали корзин-

ку с пасхальной пищей (*święconka*), в которую входили: хлеб, яйца, масло, перец, соль, хрен (из хрена делали крестик и втыкали в ветчину), ветчина, колбаса. Кость от ветчины закапывали в огороде, чтобы не рыли кроты, а соль использовали в качестве защиты от пожара. Когда приносили корзину с освященной пищей, говорили: „*święconka do chatupy, a wszystko robactwo z chatupy!*” (свенцонка в дом, а все черви из дома). Верили, что кто первый вернется из костела домой, у того будет лучший урожай, поэтому после мессы все как можно быстрее старались добежать до дома. На св. Яна (*św. Jan* — 23 июня) девушки плели венки (один веночек для себя, другой для парня), пускали их на стоящую воду и смотрели, будут ли они держаться вместе или поплывут в разные стороны. До святого Яна нельзя было купаться, говорили, что *święty Jan chrzci wodę* (св. Ян крестит воду). В Октаву Божьего Тела (*Oktawa Bożego Ciała* — восьмое воскресенье после Пасхи) делали венки из различных видов трав, их вывешивали на стене или в окне от грома. На Октаву запрещалось печь хлеб, иначе будет дождь. Веточки березы, с которыми шли во время процессии, затем втыкали в огороде от кротов. Травой из освященных веночков кадили вымя коровы, если корова давала молоко с кровью. Также травы и овощи освящали на Успение (*Matka Boska Zielna* — 15 августа). Эти травы употребляли в медицинских целях. В исследуемом регионе сохранилась традиция дожинок (*Dożynki*) — празднования окончания жатвы: на поле оставляли несколько несжатых колосков — «бороду», их украшали цветами, таскали друг друга за ноги по жниве.

Что касается народной демонологии, эта тема, в отличие от календаря, непроста для беседы и не все информанты готовы делиться с исследователями своими знаниями. Во всяком случае, разговор о мифологических персонажах обычно более уместен во второй части интервью, когда между эксплоратором и информантом устанавливаются доверительные отношения. В ходе экспедиции встретилось несколько информантов, которые не только сообщили поверья о мифологических существах, но даже рассказали несколько мифологических рассказов (быличек) о чёрте, ведьмах (*carownicach*), покойнике. Например, интересный текст был записан о том, как пчелы прощались со своим умершим хозяином: *Umarł mój szwager niedawno i on był pszczelarzem, i to było sześć lat temu, by kto nie uwierzył, ale to było całe podwórko ludzi, te pszczoły były tak blisko za mieszkaniem, i jedna najpierw ta pszczoła wpadła do domu, jak on leżał, ze szpitala go przywieźli, i tak pokrećiła się, pokrećiła się, chciały ją tam... „Nie ruszaj jej!” — córka mówi, — „Niech się pochodzi, to jego pszczoła”. Pochodziła, i jak go wynosiły z domu, ksiądz już wyszedł przed mieszkanie, i ludzie wszystkie, a tu wynosiły trumnę, jak te pszczoły zrobiły jeden tłum, to jeszcze ludzie bojały, na drogę uciekały z podwórka, że niech córka powie...*

i ksiądz mówi: „Ja już przeżyłem tyle, jeszcze i tego nie widziałem!”...nie uwierzyłabym, bo nie widziałam w życiu. Wyszły na drogę, poszły, a pszczoły się zostały na podwórku, poszły do ulejków (Умер мой шурин недавно, а он был пасечником, это было шесть лет назад, никто бы не поверил, но был целый двор народу, пчелы были недалеко, за домом, и сначала одна пчела влетела в дом, когда он лежал, привезли его из больницы, и так покружилась-покружилась, ее хотели... «Не трогай ее! — говорит дочь. — Пусть она летает, это его пчела». Полетала, и когда его вынесли из дома, уже вышел ксендз перед домом и все люди, и тут вынесли гроб, а эти пчелы собрались в одну толпу, еще люди боялись, убежали со двора на дорогу, пусть дочка скажет... и ксендз сказал: «Я столько всего повидал, а такого еще не видел!»... я бы не поверила, в жизни такого не видела. Вышли на дорогу, пошли, а пчелы остались на дворе, полетели в ульи) (жен., 1933 г.р., Адамов).

Самым популярным мифологическим персонажем, о котором рассказывали почти все информанты, была змора (*Zmora*). Зморой могла стать седьмая подряд девочка (реже — мальчик) в семье. Ребенок станет зморой, если во время крещения ксендз оговорится и скажет не «z wiary», а «z magu». Когда человек-змора спит, его душа ходит по ночам (при этом человека в этот момент невозможно добудиться), приходит в конюшню и заплетает коню гриву в косички, отчего конь становится потным, измученным. Чтобы избавиться от зморы, нужно было повесить в конюшне зеркало: считалось, что змора увидит свое отражение, испугается и убежит. Реже информанты сообщали, что змора могла душить человека, наваливаясь на него, когда он спал на спине.

Другим мифологическим персонажем, о котором рассказывали информанты, была ведьма (*carownica*), основной ее функцией было отбирать у коров молоко и насыпать порчу. Порчу могли делать и обычные люди, движимые завистью. Одна информантка сообщила, что ее новорожденный сын плакал три месяца, не переставая, когда она пришла к знахарке, та сообщила, где нужно искать порчу. Женщина нашла у себя в доме три куклы, смотанные из ветоши. Оказалось, что их подложила соседка, тайно влюбленная в ее мужа и желавшая расстроить брак. Интересно, что другая информантка тоже рассказала о тряпичных куклах, однако в ее интерпретации с помощью семи кукол можно было избавиться от болезней: для этого куклы следовало положить на перекрестки в семи различных деревьях.

В исследуемом регионе также была отмечена вера в непреднамеренную порчу — сглаз (*nieładny wzrok, nieładne oczy*). Дурным глазом могли обладать те, кого мать дважды прикладывала к груди (уже отлучив от груди, повторно дала грудь). Если человек посмотрел дурным глазом, мог

распрячься воз, поросята начинали гадить в корыто или вообще умирали, у коровы пропадало молоко. От сглаза детям или скотине повязывали красные ленточки.

Были также записаны некоторые сведения относительно народной медицины, например, о такой болезни, как колтун в волосах (*koltun*) — его нельзя было отстригать, иначе ребенок мог ослепнуть, его следовало выжигать папиросой, а отрезать можно было только в Великую субботу, когда звонят колокола. Нельзя было, чтобы на ребенка смотрел через окно полный месяц, чтобы этого не случилось, окно заслоняли ситом. Чтобы у ребенка не было ночного плача (*placzki*, N pl), нельзя было вешать сушиться детские пеленки после захода солнца. Больного ребенка «мерили»: ручку складывали с ножкой, локоть с коленом крест-накрест. Когда в деревне был покойник, знахарки старались прийти к гробу и провести магические ритуалы с телом: например, рукой покойника обводили бородавки, чтобы те исчезли.

Верили, что когда кто-то умирал, этому предшествовали предзнаменования (*przestrogi*). Например, один человек погиб на пожаре, а в это время его сын работал в котельной, в момент смерти отца из печи выпал уголь, трижды ударившись о землю. Перед смертью деда как бы кто-то трижды ударил по стулу прутом. Был записан также ряд поверий, связанных с покойниками. Если родные чрезмерно оплакивали умершего, он на том свете вынужден был таскать жбан с их слезами, купаться в них (особенно это касается умерших детей). Во время похорон покойнику клали в карманы деньги, курящим — папиросы, также в гроб помещали предметы личного пользования (очки, палку-трость). Когда выносили гроб, нужно было открыть все двери в доме, в том числе дверцы шкафов, ящики и др., чтобы душа нигде не задержалась (другое объяснение — чтобы покойник забрал все, что ему нужно). Закрывали зеркала, чтобы в них не отразился покойник, и не было повторной смерти. Когда погребальная процессия идет или едет на кладбище, нельзя останавливаться, если с гроба падали цветы, это означало, что скоро будет еще один покойник. При покойнике зажигали громничную свечу, она *prowadzi do Jezusa* (провожает до Иисуса), если она не успевала догореть в доме, ее относили на кладбище, чтобы она догорела там. Об умирающем говорили, что он *spojrzy Bogu w oczy* (смотрит Богу в глаза). Если беременная женщина приходила прощаться с покойником, ей нужно было сначала посмотреть на свои ногти, потом на ногти покойника, тогда уже можно было смотреть на покойника. Покойники могли приходиться предупреждать живых родственников о несчастье, например, была записана быличка, в которой покойник предупредил свою семью, что нужно перековать коня, чтобы он не захромал. Нечистых покойников хоронили в углу кладбища,

нельзя было вносить их в ворота, поэтому гроб передавали прямо через кладбищенскую ограду.

Кроме упомянутых материалов, были записаны также приметы, поверья, запреты, толкования снов, присловья и другие тексты иных жанров. От одной из информанток удалось записать тексты-подражания голосам птиц. Все материалы экспедиции ждут расшифровки и дальнейшей систематизации, однако уже сейчас можно сказать, что записанные материалы уникальны, потому что представляют собой не только ретроспективу в прошлое, но также и современный срез традиции. Они позволяют проследить динамику развития традиционного народного знания путем сравнения записей, сделанных от информантов различного возраста, а также при сравнении записанных материалов с данными, которые содержатся в трудах исследователей, работавших в данном регионе в XIX и XX веках.⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторская работа выполнена при поддержке РФФИ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

² За помощь при проведении исследования выражаем благодарность польским коллегам проф. Е. Бартминьскому, С. Небжеговской-Бартминьской и В. Ксенжопольской, руководству Регионального музея в Лукове Мариушу Бурдаху и этнографу Лонгину Ковальчику.

³ *Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М.* Программа Полесского этнолингвистического атласа // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 21–46.

⁴ *Тихомирова Т.С.* Польский язык // Языки мира: славянские языки. М., 2005. С. 34–35; *Ананьева Н.Е.* История и диалектология польского языка. М., 2009; *Dialekty i gwary polskie. Compendium internetowe pod redakcją Haliny Karaś: www.gwarypolskie.uw.edu.pl*

⁵ Материалы экспедиции планируется частично расшифровать и подготовить статью, посвященную народному календарю, хозяйственной магии и демонологическим представлениям поляков Лукува и его окрестностей.

⁶ При передаче диалектного текста используется не фонетическая запись, приближенная к польской орфографии.

⁷ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 26. Mazowsze. Wrocław, 1963; *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. Kultura duchowa. Т. 2, cz. 1. S. 11–15; *Drabik W.* Obrzędy Podlasia [рукопись].

IN MEMORIAM

Т.И. ЧЕПЕЛЕВСКАЯ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПАМЯТИ МАЙИ ИЛЬНИЧНЫ РЫЖОВОЙ (1927–2017)

Abstract:

T. I. Chepelevskaya. *In the memory of Maya Ilinichna Ryzhova (1927–2017)*

The article is devoted to the member of the older generation of Russian experts on Slovenia, the famous literary critic and translator Maya Ilinichna Ryzhova, who has dedicated her entire life to the study of literature and culture of Slovenia and the history of Russo-Slavonic literary relations. The author traces the life of the famous scholar, examines her contribution to Soviet and Russian Slavic studies in the late twentieth — early twenty first centuries. The author pays special attention to Ryzhova's activities as a translator, which led to great advances in the Slovenian literature in our country. Creating a portrait of the scholar, the author uses her personal impressions from meetings and conversations with M.I. Ryzhova and dedicates this work to her memory.

Ключевые слова: Рыжова Майя Ильнична, словенская литература, российский словенистика, литературный перевод.

7 сентября 2017 г. после тяжелой продолжительной болезни ушла из жизни Майя Ильнична Рыжова, представитель старшего поколения российских словенистов, талантливый вдумчивый исследователь-литературовед, переводчик стихов и прозы со словенского на русский язык, доброжелательный коллега, широкой души человек.

Майя Ильнична Рыжова родилась 1 июля 1927 г. в селе Гостилицы (ныне — Ломоносовского района Ленинградской области) в семье служащих: ее мама, дочь священника, Галина Александровна Люцернова, работала агрономом, а отец Илья Федорович Рыжов был партийным работником, председателем волостного исполкома. Ее школьные годы, уже в Ленинграде, пришлось на один из самых трагических событий в истории нашей страны: вместе с мамой, братом и бабушкой она пережила весь период блокады. Это время оставило в душе юной Майи тяжелые

и горькие воспоминания, связанные со смертью родных и знакомых; память о летних поездках в 1942 г. и 1943 г. в окрестности Ленинграда для работы на совхозных огородах, которая призвана была поддержать изнемогающих от голода детей и взрослых.

После окончания школы в 1947 г. Майя Ильинична поступила на филологический факультет Ленинградского государственного университета и в 1952 г. успешно окончила его славянское отделение. Во время учебы она изучала сербский (сербскохорватский) язык, который студентам преподавала Ирина Владимировна Арбузова¹ (о ней М.И. Рыжова, как и многие ее бывшие студенты, отзывалась с искренней теплотой и уважением); слушала лекции по истории сербской и хорватской литературы.

Но уже в студенческие годы произошли два события, во многом повлиявшие на будущий выбор ученого-слависта. Как вспоминает сама Майя Ильинична, им, третьекурсникам, попал в руки издававшийся в Белграде литературный журнал, где были напечатаны сочинения современных писателей. Было в нем и несколько небольших произведений Ивана Цанкара в переводе на сербский язык. Эти рассказы так потрясли студентов, что один из них даже собирался написать письмо автору, но им объяснили, что этот словенский писатель не их современник и его уже нет в живых. И саму Майю Ильиничну тронули рассказы И. Цанкара (в том числе и «Врзденец», напечатанный в журнале), она сразу почувствовала силу и своеобразие его стиля². А позже знакомый принес ей томик стихов Ф. Прешерна в переводе Ф.И. Корша³, который она прочитала с большим интересом. Благодаря этим открытиям словенская литература и словенский язык, о которых будущие слависты пока не имели представления, поскольку тогда они даже не упоминались, становились более понятными и близкими.

После получения университетского диплома М.И. Рыжова недолгое время работала в должности помощницы заведующей кафедрой славянской филологии лингвиста Эрики Антоновны Якубинской-Лемберг (1895–1961). Целью этого назначения было определение направленности научно-исследовательской деятельности недавней студентки для последующего обучения в аспирантуре факультета. Однако вскоре в университете был введен запрет на совмещение преподавательской и научно-исследовательской деятельности, и Майя Ильинична, уже решившая для себя поступать в аспирантуру и заниматься научной работой, была приглашена на работу в Москву, где в период с 1952 г. по 1975 г. работала младшим научным сотрудником в составе ленинградской группы Института славяноведения АН СССР (с 1968 г. — Институт славяноведения и балканистики АН СССР, в настоящее время Институт славяноведения Российской академии наук), причем первые два с половиной года она жила в Москве, выкраивая из своей скромной зарплаты деньги на съемное жилье.

В Институте М.И. Рыжова сразу была зачислена в сектор лингвистики, в те годы возглавляемый Никитой Ильичем Толстым (1923–1996), и в течение нескольких лет занималась порученной ей работой по сбору базы данных. В круг ее обязанностей входила обработка языковых массивов, относящихся к разнообразным текстам на языках южнославянских народов, заполнение карточек, их классификация. С 1969 г. М.И. Рыжова вместе с коллегами по Институту Ю.Д. Беляевой и А.А. Зайцевой трудилась над библиографией переводов с русского языка у южнославянских народов для Литературного лексикона Матицы Сербской (в рамках этой работы были подготовлены также развернутые комментарии, которые, к сожалению, не вошли в издание)⁴. Результаты этой деятельности были высоко оценены сербскими коллегами: в 1969 г. Майя Ильинична стала членом-сотрудником Матицы Сербской, этого старейшего сербского культурно-просветительского общества⁵.

В процессе подготовки библиографических справок М.И. Рыжовой приходилось обращаться к разным, в том числе словенским, текстам, и молодая исследовательница, решив освоить еще один славянский язык, начала самостоятельно погружаться в стихию словенского литературного материала. В первую очередь она обратила внимание на произведения так полюбившегося ей И. Цанкара — по её словам, «читала со словарем, кое-что понимала интуитивно»⁶. А когда в Институте был организован курс словенского языка, Майя Ильинична в течение нескольких зимних месяцев 1956 г. вместе с другими коллегами с удовольствием стала посещать эти занятия. Их преподавателем был Петер Когой, московский словенец, диктор на Радио, осуществлявшего трансляцию на Югославию. Он стремился пробудить у молодых славистов интерес и любовь к своему родному языку, почувствовать его красоту и мелодичность.

Как считает сама Майя Ильинична, целый ряд событий, сложившись в причудливую мозаику, определили ее дальнейшую судьбу, укрепили ее решение оставить лингвистику и обратиться к литературоведческим исследованиям. Но после ее перехода в сектор славянских литератур, который возглавлял выдающийся ученый-славист Сергей Васильевич Никольский (1922–2015), возникли новые проблемы: кто станет научным руководителем молодого исследователя, выбравшего в качестве темы кандидатской диссертации словенскую литературу, по которой в Институте пока еще не было узких специалистов? Конечно, М.И. Рыжову привлекали И. Цанкар и тот огромный потенциал выбора темы, который давало его разнообразное творчество. Однако Николай Иванович Кравцов (1906–1980), один из ведущих славистов-литературоведов Института, посоветовал ей взять другую тему, посвященную словенской поэзии. Кроме того творчеством И. Цанкара уже начала заниматься Евгения Ивановна

Рябова (1925–1976). Она, по меткому выражению М.И. Рыжовой, была нашим «первопроходцем в области изучения словенской литературы», талантливым, серьезным исследователем, обратившимся к изучению важных аспектов периодизации литературного развития у словенцев и к характеристике наиболее ярких и значимых фигур словенской литературы. Майя Ильинична в разговорах с нами, словенистами-филологами последующих поколений, вспоминая то время, всегда отмечала большой вклад, который Е.И. Рябова внесла в дело популяризации изучаемой ею литературы, в установление и укрепление связей и контактов со словенскими коллегами и представителями широкой общественности. Она также всегда вспоминала о той дружеской атмосфере помощи и поддержки, в которой проходили их научные беседы в Институте и вместе с тем заинтересованно критическое обсуждение ее первых работ в рамках выбранного направления исследования. Наконец, в результате консультации с Н.И. Кравцовым и другими сотрудниками Института был сделан окончательный выбор темы кандидатской диссертации, связанной с историей словенской поэзии конца XIX — начала XX вв. и ее связями с русской литературой.

Работа над первой статьёй в рамках общей темы по истории словенской поэзии рубежа XIX–XX вв. («Социальная тема в поэзии Антона Ашкерца, 1960 г.⁷) давалась молодому исследователю непросто: приходилось выслушивать серьезные замечания коллег (в частности, Е.И. Рябовой), вносить исправления и дополнять новыми материалами. В дальнейшем скрупулезное изучение русско-словенских культурных и литературных связей, особенностей восприятия русской литературы в Словении стало основой для глубокого погружения в творчество ведущих представителей литературного течения «Словенская модерна»: поэтов Отона Жупанчича, Драготина Кетте, Йосипа Мурна, каждому из которых была посвящена отдельная статья или ряд статей. Некоторые из них были опубликованы в ведущих словенских изданиях⁸.

В процессе подготовки к защите кандидатской диссертации «Словенская поэзия конца XIX — начала XX вв. и русская литература» (она успешно прошла в 1973 г.) М.И. Рыжова продолжила изучение словенской поэзии, фокусируя внимание на ее социальной проблематике в рамках темы, предложенной С.В. Никольским, — о становлении социальной поэзии у южнославянских народов. В работу над ней включились и иностранные коллеги (так, Ф. Задравец организовал семинар, и его студенты собирали материалы, формируя базу данных для дальнейшего исследования), однако к сожалению, этому проекту не суждено было реализоваться⁹.

В середине 1970-х годов ленинградская группа Института славяноведения по целому ряду причин (в том числе, и из-за ее малочисленности) была расформирована. И с 1975 г. М.И. Рыжова продолжила свою науч-

ную работу в Ленинграде — она, уже кандидат филологических наук, была переведена в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) младшим научным сотрудником в сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур, которым руководил в то время академик М.П. Алексеев (1896–1981). Здесь Майя Ильинична проработала до выхода на пенсию в 1983 г. В центре ее исследовательского внимания по-прежнему оставались тема словенско-русских литературных связей и история словенской поэзии и прозы. Она писала статьи, рецензии, также выступала составителем сборников избранных произведений классиков словенской поэзии, подготовленных издательством «Художественная литература»: Франце Прешерна («Лирика», 1970), Антона Ашкерца («Избранное», 1987), к книге которого она написала развернутое предисловие и комментарии; она также являлась автором статей о словенских писателях для энциклопедических изданий.

В этот период, в рамках основного направления исследований сектора, М.И. Рыжова работает над объемной статьей «Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.)»¹⁰, где подробно останавливается на биографии Ф. Прешерна, выделяет ту часть его творческого наследия, о которой в нашей науке было мало известно. Она убедительно доказывает, что «обращение Прешерна к достижениям немецкой литературы и эстетической мысли, использование немецкого языка в качестве второй языковой основы своего поэтического творчества было явлением закономерным на соответствующем этапе развития словенской национальной литературы в существовавших тогда условиях массового билингвизма словенской интеллигенции»¹¹. Она делает этот вывод, опираясь на многочисленные исследования как словенской, так и зарубежной прешернианы, труды крупнейших словенских ученых 1920-х — 1970-х годов (среди них: А. Жигон, И. Приятель, Ф. Кидрич, Б. Зихерл, Й. Видмар, А. Слодьяк, Я. Кос, Б. Патерну и др.), а также на работу 1973 г. английского ученого Роберта Оти.

Выйдя на пенсию, Майя Ильинична продолжила исследовательскую работу. Ее, как одного из ведущих словенистов старшего поколения, пригласили участвовать в коллективном труде Института славяноведения РАН — трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (1997, 1997, 2001). Для третьего тома издания ею была написана глава о словенской литературе рубежа XIX–XX вв., в которой органично соединились и результаты ее научных изысканий прежних лет, и новые данные, свидетельствующие о глубоком постижении всей многогранной палитры литературного процесса у словенцев этого периода. Позже эта глава вошла в двухтомную «Историю словенской литературы» (2010, 2014), ставшую результатом совместного российско-словенского проекта¹². В 2012 г.

выходит из печати «Лексикон южнославянских литератур»¹³, в подготовке которого приняли участие ведущие ученые Института славяноведения, коллеги из Санкт-Петербурга, представители разных поколений славистов: от аспирантов до маститых исследователей. Майя Ильинична подготовила восемь статей, посвященных наиболее значимым словенским поэтам и прозаикам: Ф. Прешерну, С. Енко, А. Ашкерцу, О. Жупанчичу, Д. Кетте, Й. Мурну, А. Граднику, Прежихову Воранцу, М. Кранцу. В том же 2012 г. вышла из печати, приуроченная к 85-летнему юбилею М.И. Рыжовой, монография «Словенская поэзия конца XIX — начала XX вв. и русская литература»¹⁴, в которой для создания целостной картины исследуемого явления были объединены ее статьи из разных научных сборников и журналов. При этом некоторые положения и выводы были автором пересмотрены, сделаны важные дополнения с учетом новых исследований по теме, появившихся как в нашей стране, так и за рубежом.

Научная работа для сотрудников академических институтов всегда была неотделима от деятельности по установлению и развитию всесторонних контактов с коллегами из других стран, в первую очередь, тех, культуру которых они изучали. В 1958 г. М.И. Рыжова приняла участие в первом послевоенном IV Международном съезде славистов, который прошел в Москве. Эта встреча ученых разных стран принесла ей удивительные знакомства со словенскими коллегами, которые составляют оплот словенской науки, среди них: Борис Патерну, Мария Боршник, Антон Слюдняк, Франц Задрavec и др. Б. Патерну, с которым М.И. Рыжова некоторое время переписывалась, привлек ее к сотрудничеству в «Славистическом журнале» («Slavistična revija»), на страницах которого были напечатаны некоторые из её статей («Д. Кетте и русская литература», 1974; «Отон Жупанчич в России: к истории переводов произведений Жупанчича на русский язык», 1979¹⁵). Позже, уже дома в Санкт-Петербурге она познакомилась и с молодыми словенскими учеными: русистами Михой Яворником, Блажем Подлесником, Дарьей Маркоя и др.

Всегда с теплотой я вспоминаю встречу с Майей Ильиничной в 2003 г., когда мы, словенисты-филологи из Института славяноведения РАН, оказались вместе со своими коллегами из Санкт-Петербургского государственного университета (М.Л. Бершадской, А.Г. Бодровой) и Философского факультета Люблянского университета участниками большой международной конференции «Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова», где выступали с докладами в разных секциях. Но в первый же свободный день все вместе мы собрались в гостях у Майи Ильиничны в ее маленькой уютной квартирке на Мойке. Это был настоящий словенский вечер, где звучали шутки и остроты на русском и словенском языках, где вспоминали любимых

словенских и русских фольклорных и литературных персонажей, говорили о новых исследованиях и переводах. Словенские гости рассказывали о новостях университетской жизни, с большим вниманием и пиететом слушали воспоминания о первых шагах нашей словенистики из уст одного из ее пионеров и выдающихся представителей. Майя Ильинична с удовольствием делилась с нами и впечатлениями от своей единственной командировки в Словению в 1995 г. (к сожалению, не состоялись по разным причинам две запланированные ее научные стажировки в Любляну: одна из-за болезни еще в Москве, другая — в период работы в Пушкинском Доме). В рамках этой новой командировки 1995 г. она, к этому времени уже ставшая членом Союза писателей России (с 1990 г.), приняла участие в международном симпозиуме и выступила с докладом, посвященном переводам поэзии Ф. Прешерна на русский язык. К тому времени уже хорошо известную своими работами российскую словенистку тепло встречали коллеги и друзья, отдавая дань её заслугам в деле многолетнего изучения и популяризации словенской литературы и культуры в России; вместе с другими участниками научного форума она посетила красивейшие места страны, историю, литературу и культуру которой она изучала с глубоким вниманием и любовью.

Не раз во время наших телефонных бесед Майя Ильинична делилась своими воспоминаниями о 1970-х–1980-х годах, периоде ее сотрудничества с издательством «Художественная литература». Это было время издательского бума в нашей стране, когда произведения славянских писателей переводили на русский и другие языки народов СССР и издавали массовыми тиражами, при этом издания эти были востребованы читателями.

Сама М.И. Рыжова называла это время «улыбкой судьбы»: ее приглашали как переводчика и составителя подобных изданий, а одновременно погружали в творческую лабораторию литературного редактора. Это сотрудничество с лучшими литературными редакторами крупнейших издательств страны Майя Ильинична сохранила на долгие годы. Вот как она вспоминает об этом: «Судьба мне улыбнулась: почти все время моим редактором была Ольга Дмитриевна Кутасова, обладающая прекрасным вкусом в выборе произведений для перевода и тонким языковым чутьем, ощущением стиля. Сотрудничать с ней всегда было приятно и полезно»¹⁶. Также она работала с другими редакторами: известным переводчиком Александром Дмитриевичем Романенко, Татьяной Николаевной Кустовой, а позже, в период сотрудничества с издательством «Прогресс», — с Риммой Петровной Грецкой. Участвуя в разных проектах, связанных с переводами произведений югославских писателей, М.И. Рыжова постепенно прикоснулась к текстам Прежихова Воранца, Мишко Кранца, Франце Бевка, Цирила Космача, Юша Козака и других авторов, но глав-

ное — к творчеству так любимого ею Ивана Цанкара. Сначала это были небольшие рассказы, новеллы, которые вместе с другими печатались в сборниках и антологиях. Сама переводчица считает, что выбор произведений словенских писателей в то время был, как правило, удачным, поскольку это были не только крупные прозаики, но и представители разных словенских регионов, патриоты своей «малой родины» (для Ф. Бевка — это словенское Приморье, у Кранца — Прекмурье, у Прежихова — Каринтия), а значит, переводчик мог донести до читателя как природное своеобразие этих мест, так и психологический склад людей, их населяющих и одновременно осознающих себя словенцами. В 2011 г., в преддверии 85-летнего юбилея Майи Ильиничны, лучшие переводы малой словенской прозы были объединены в книгу «Словенская новелла XX в. в переводах Майи Рыжовой» и изданы «Центром книги Рудомино» при финансовой поддержке Государственного агентства книги Республики Словения и Фонда Трубара при Обществе словенских писателей¹⁷. В том же году вышел перевод (совместно с М.Л. Бершадской) исторического романа известного современного словенского прозаика Радо Янчара «Катарина, павлин и иезуит»¹⁸.

Она также активно откликается на приглашения участвовать в различных сборниках и альманахах как переводчик словенской поэзии, представив русскому читателю сонеты КаэтанаКовича¹⁹ и других современных авторов²⁰.

Но особое место в ее переводческом багаже отведено И. Цанкару. Помимо его малой прозы М.И. Рыжова обращается и к переводам его крупных произведений: первым в печати появился роман «Чужие» И. Цанкара (1987), затем полный перевод романа «Обитель Марии Заступницы (в рамках издательского проекта словенца Юста Ругеля — 2003 г.)²¹. С начала 2010-х годов благодаря знакомству Майи Ильиничны с игуменом Евстафием, который оценил и полюбил творчество словенского писателя, начинается период ее плодотворного сотрудничества с Благотворительным фондом Св. Иоанна Предтечи. Хочется отметить, что все последующие переводы произведений И. Цанкара были осуществлены Майей Ильиничной на безвозмездной основе. Это был, как она признавалась в одной из наших бесед, дар замечательному писателю, блестящему художнику слова, мечтателю, борцу, Человеку. Так, одна за другой выходят, при деятельной поддержке отца Евстафия и Фонда, небольшие книжечки новых переводов произведений И. Цанкара: роман «Крест на горе» (2014), повести «Грешник Ленарт» (2015), «Моя жизнь» (2016), «Алеш из Разора» (2016), «Поездки Николая Никича» и «Сосед Лука» (2017)²², которые мы, московские филологи-словенисты, всегда получали с первой же оказией.

Обязательным элементом работы над этими изданиями, по мысли М.И. Рыжовой, было написание предисловий для расширившейся читательской аудитории: два из них написала молодая исследовательница, доцент Санкт-Петербургского государственного университета А.Г. Бодрова, остальные — сама переводчица. В них — стремление раскрыть читателю свое понимание этого удивительного писателя, человека с непростой судьбой и необычайно стойкой преданностью своей родине. Хочется отметить скрупулезную работу Майи Ильиничны по отбору произведений для перевода. Уже после появления в печати романа «Крест на горе», о чем она долго мечтала, работая, как говорят, «в стол», мы не раз обсуждали с ней вопросы о том, что взять для нового издания, и практически всегда наши мнения совпадали. Выбирая произведения И. Цанкара разных лет и периодов творчества, она старалась представить писателя, сумевшего отразить в своих творениях важнейшие исторические события и общественные процессы, затронувшие жизнь всего словенского народа и каждого отдельного человека: от ребенка или батрака, остро переживающих социальную несправедливость, до учителя или художника, ощущающих себя «чужими», невостребованными на родине, или солдата перед лицом смерти.

У Майи Ильиничны не было аспирантов, соискателей, учеников, которыми бы она руководила и вела по непростому пути научного поиска. Но многие из нас, словенистов и славистов, учились на ее статьях и переводах, а мне посчастливилось обрести умного, доброжелательного и справедливо требовательного критика многих моих работ, начиная с далекого 1990 г., когда она согласилась стать оппонентом моей кандидатской диссертации о И. Цанкаре²³.

Она воспитывала своим примером — необычайной преданности науке, уважения к стране, которую она изучала. Ее научные исследования поражают глубоким проникновением в материал, скрупулезным изучением историко-культурной обстановки, в которой развивается рассматриваемое литературное явление, смелостью в постановке новых проблем и отстаивании своей позиции, огромным желанием представить во всем многообразии изучаемую ею литературу и культуру словенцев. Приведу один из ярких примеров отстаивания ею своей позиции. Так, в российской словенистике к 1990-м годам утвердился данный Е.И. Рябовой перевод со словенского на русский язык названия одного из лучших романов И. Цанкара «На улице бедняков» (словен. «Na klancu»). Оно было не раз тиражировано при переиздании его произведений, его использовали в статьях литературоведы и литературные критики. Однако Майя Ильинична всё же предложила изменить это название на формулировку «На крутой дороге», сообразуясь с логикой языка и опираясь на символику многих образов писателя, представленных также в других его произведениях.

Переводы М.И. Рыжовой, многие из которых переизданы, помогают нашему читателю глубже почувствовать стиль писателя и проникнуть в завораживающую красоту словенской земли и ощутить силу народа, который вопреки многим прогнозам сохранил свою идентичность, свой язык и в 1991 г. провозгласил свою государственную независимость.

Майя Ильинична, Маечка, как ласково называли ее те, с кем она когда-то работала в Москве, всегда щедро делилась своими знаниями с коллегами, помогала советами и собственным примером беззаветного служения науке. Её доброта, сердечность, истинная интеллигентность, внимание к окружающим навсегда останутся в нашей памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И.В. Арбузова — известный преподаватель-сербист, автор статей, методических пособий и соавтор одного из лучших учебников по сербскому (сербско-хорватскому) языку. См.: *Арбузова И.В., Дмитриев П.А., Соколь Н.И.* Учебник сербскохорватского языка. Л.: Издательство ЛГУ, 1966.

² *Рыжова М.* Судьба мне улыбнулась... // Словенская новелла XX века в переводах Майи Рыжовой. М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2011. С. 314.

³ Стихотворения Франца Прешерна / Перевод Ф. Корша со словенского и немецкого подлинников. М., 1901.

⁴ Первый том Лексикона вышел в 1972 г.

⁵ Матица Сербская была основана, как неофициальная организация, 16 февраля 1826 г.; в 1837 г. получила официальное разрешение на деятельность; в 1864 г. переведена в Нови-Сад.

⁶ *Рыжова М.* Судьба мне улыбнулась... С. 314.

⁷ *Рыжова М.И.* Социальная тема в поэзии Антона Ашкерца // Литература славянских народов. Вып. 5. М., 1960. С. 154–212.

⁸ *Рыжова М.И.* Антон Ашкерц и русская литература // Литература славянских народов. Вып. 6. М., 1961. С. 179–206; *она же.* Стихотворение Антона Ашкерца «Русский язык» // Международные связи русской литературы. М.–Л., 1963. С. 391–402; *она же.* Dragotin Kette in ruska literatura // Slavistična revija. 1974. Št. 2. S. 183–203; *она же.* Мотивы поэзии А.В. Кольцова в творчестве Йосипа Мурна // Советское славяноведение. 1972. № 5. С. 42–52; *она же.* Йосип Мурн и русская литература // Русско-югославские литературные связи. М., 1975. С. 212–250; *она же.* Русская литература в словенских переводах Оттона Жупанчича // Русская литература. Л., 1977. № 3. С. 157–168; *она же.* Творчество М.Ю. Лермонтова в восприятии словенских поэтов XIX — начала XX в. // Русская литература. Л., 1979. № 3. С. 149–164; *она же.* Поэты словенского модерна и творчество А.В. Кольцова // Obdobje simbolizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. (Obdobje 4) I. Ljubljana, 1983. S. 347–362; *она же.* Русская поэзия первой половины XIX в. в творческом восприятии Оттона Жупанчича (ранние этапы) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 282–303.

⁹ Сборник по данной теме был выведен из плана, а уже готовая статья М.И. Рыжовой была опубликована в серийном издании Института: см. п. 7.

¹⁰ *Рыжова М.И.* Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.) // Многоязычие и литературное творчество. СПб., 1981. С. 240–286.

¹¹ Там же.

¹² *Рыжова М.И.* Словенская литература // История литератур западных и южных славян: в 3-х т. Т. 3. Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год) / Редкол.: Л.Н. Будагова (отв. ред.), Р.Ф. Доронина, С.В. Никольский. М., 2001; *она же.* Словенская литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918). Реализм, натурализм, модерн // Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков / Отв. ред. Н.Н. Старикова. М., 2010.

¹³ Лексикон южнославянских литератур / Редкол.: Г.Я. Ильина (отв. ред.), И.И. Калиганов, Н.Н. Пономарева, Н.Н. Старикова. М.: Индрик, 2012.

¹⁴ *Рыжова М.И.* Словенская поэзия конца XIX — начала XX вв. и русская литература. СПб., НППЛ «Родные просторы», 2012 (Библиотека журнала «Невский альманах»).

¹⁵ *Ryžova M.I.* Dragotin Kette in ruska literatura // Slavistična revija. 1974. Št. 2. S. 183–203; *Ryžova M.* Oton Župančič v Rusiji: k zgodovini prevodov Župančičevih del v ruščino // Slavistična revija. 1979. Št. 1. S. 33–66.

¹⁶ *Рыжова М.* Судьба мне улыбнулась... С. 315.

¹⁷ Словенская новелла XX в. в переводах Майи Рыжовой / Отв. редакторы: Ю.А. Созина, Ю.Г. Фридрихейн. М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2011 (Серии «Словенский глагол» и «Мастера художественного перевода»). В книгу вошли рассказы и новеллы И. Цанкара: «За праздничными лепешками», «В потемках», «Святой Иоанн в селе Бильки», «Дети и старики», «Врзденец», «Вечерняя молитва».

¹⁸ *Янчар Д.* Катарина, павлин и иезуит / Пер. со словен.: М.Л. Бершадская, М.И. Рыжова. СПб.: Лимбус пресс, 2011.

¹⁹ *Кович К.* Диалог. Два сонета / Пер. со словен. Ю. Гусева, М. Бородицкой, Г. Агафонова, М. Рыжовой // Иностранная литература. 2002. № 12.

²⁰ Из словенской поэзии // Литературное содружество «ИЗ ВЕКА В ВЕК»: Поющие письма. II Международный поэтический фестиваль славянской поэзии / Пер. со словен. Ж. Перковской, М. Рыжовой, С. Гловюка, Е. Лесина. Тверь, 2010.

²¹ *Цанкар И.* Чужие. На улице бедняков; Мартин Качур / Предисл. Е. Рябовой, перев. Е. Рябовой, М. Рыжовой, С. Урбана. М.: Художественная литература. 1987; *он же.* Обитель Марии Заступницы: Роман, рассказы / Пер. со словен. М. Рыжовой. М.: «Д-р Франце Прешерн», 2003 (проект «Словенская классика»).

²² *Цанкар И.* Крест на горе / Перевод и предисловие М.И. Рыжовой. Санкт-Петербург — Шлиссельбург, 2014; *он же.* Грешник Ленарт / Перевод со словен. М. Рыжовой / автор предисловия — А. Бодрова. СПб, 2015; *он же.* Моя жизнь / Перевод со словен. М. Рыжовой. СПб., 2016; *он же.* Алеш из Разора / Перевод и предисловие М.И. Рыжовой. Санкт-Петербург — Шлиссельбург, 2016; *он же.* Поездки Николая Никича. Сосед Лука. СПб., 2017. Издания осуществлены Благотворительным фондом Св. Иоанна Предтечи. Более полная, скупозлупно собранная словенским исследователем из Марибора Ю.Э. Ройсом, библиография переводов и работ М.И. Рыжовой (до 2007 г.) вошла в статью к её 80-летию. См.: *Rojs J.E.* Osemdeset let Maje Iljinične Ryžove // Slavistična revija. Ljubljana, 2007. L. 55. Št. 4. S. 691–694.

²³ *Чепелевская Т.И.* Повести и романы И. Цанкара 1900–1907 гг. (ИСБ РАН, 1900 г.).

Научное издание

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Российского государственного университета
им. А.Н. Косыгина

**СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ.
ЭТНИЧЕСКИЕ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
КОМПОНЕНТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Сборник статей

Ответственный редактор

Е. С. Узенёва

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. «В»

Подписано в печать 21.11.2017. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 32,38 печ. л.

Заказ № 141.

Тираж 500 экз.